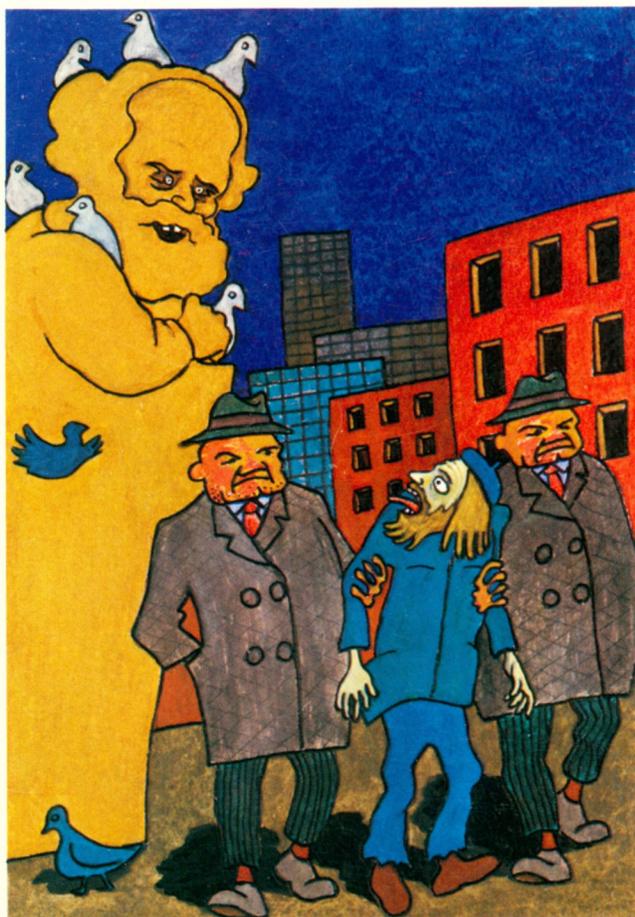

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

ЖЁЛТЫЙ ДОМ

II

L'AGE D'HOMME

А. ЗИНОВЬЕВ

II

ЖЁЛТЫЙ ДОМ

L'AGE D'HOMME

ЖЁЛТЫЙ ДОМ
II

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

ЖЁЛТЫЙ ДОМ II

РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В ЧЕТЫРЕХ ЧАСТЯХ,
С ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕМ И НАЗИДАНИЕМ

L'AGE D'HOMME

III
АПОЛОГИЯ
ПРАКТИЧЕСКОГО БЕЗУМИЯ

В начале пути Когда мы в школе проходили (не изучали, а именно проходили!) Древний Рим, учительница в порядке идеологического воспитания спросила нас, кем бы мы хотели быть, если б жили в то время. Все ученики нашего класса заявили, что они из чувства солидарности с эксплуатируемыми хотели бы быть рабами. Но я сказал, что рабом быть не хочу, что я готов быть кем угодно, даже рабовладельцем, только не рабом. Получился крупный скандал. Меня за это прорабатывали на классном собрании, на сборе пионерского звена, в дирекции, на педагогическом совете, на родительском собрании. Отец выпорол меня и велел покаяться, угрожая в противном случае отдать в детскую исправительную колонию. Я упорствовал целую неделю. Но силы сторон были слишком неравными, и я капитулировал. На специальном сборе пионерского отряда я признал свою идеологическую вину и торжественно поклялся, что я, как и все мои товарищи, хочу быть рабом. И с тех пор я свято храню эту свою детскую клятву. И нисколько в этом не раскаиваюсь.

И в конце пути И все же во мне всю жизнь временами звучали и звучат изредка до сих пор божественной красоты гимны. Признайся я кому-то в этом, ни за что не поверят. В этом недобитом сталинисте, — скажут они, — гимны звучат?! Чушь! В нем ничего, кроме партийных лозунгов, звучать не может! Ну что же, отчасти я с этим согласиться могу. Я действительно недобитый. Но не сталинист. Сталинистом я никогда не был. Не могу сказать, что был борцом против сталинизма. Но сталинистом, повторяю, никогда не был. Я прожил лучшую часть своей жизни в то время, и все. Но достаточно ли этого для того, чтобы считаться соучастником преступления? Да и что тут было преступлением, а что — нет? А что касается членства партии, так ведь даже передовые интеллигенты и борцы в оной состояли и состоят. Или стремятся в нее. Не всем, правда, удается. Вот, например, этот глубокомысленный бородатый молодой человек (Мнс из нашего института) пятый год пытается вступить в наши ряды, но его почему-то не пускают. Почему? Возможно, потому, что в нем тоже звучат божественные гимны, но теперь научились замечать это звучание. А с таким внутренним звучанием в партию не пускают. Меня в свое время пустили потому, что была война, и звуки иного рода заглушали все остальное. К тому же я после той капитуляции в детстве научился звучать незаметно для окружающих, про себя и для себя. Вещь про себя, — до такого не сумели додуматься даже классики немецкой философии.

А гимны во мне хотя и редко, но все-таки звучат. И кое-что другое во мне происходит. Скачет кони. На всех парусах проносятся бриги и корветы. Прекрасные женщины кружатся в вальсе в роскошном дворце. Сверкают шпаги. Возникают сказочные города, долины и острова. И опять мимо скользят таинственные и недостижимые женщины. Что только не происходило во мне! И когда это происходит, становится тоскливо. Я смотрю на окружающих меня живых людей и ощущаю себя неземным существом со светлым ликованием в душе, но обреченным жить в атмосфере бесконечных мрачных похорон в чужом мире. В чем причина этого? Однажды

я прислушался к разговору наших институтских умников на малой лестничной площадке. Разговор шел как раз на эту тему. И кто-то сказал, что внутреннее одиночество есть неизбежное следствие вынужденного внешнего коллективизма. Возможно, этот умник был прав. Из духа противоречия я тогда сказал, однако, что это — чушь. Но они, институтские умники, не обратили на это внимания. Я вообще для них не существовал.

Наши нравы Во дворе нашего института установили новый бюст Ленина с ногами, а в актовом зале института установили новый бюст головы Ленина. Это не мои слова. Я до таких высот красноречия не дорос и, увы, уже не дорасту никогда. Это слова директора нашего института академика Петина, одного из крупнейших марксистов-ленинцев нашей эпохи. Произнес он эти слова во время доклада об итогах выполнения плана второго квартала третьего года текущей (а какой по счету, на этот вопрос даже секретарь партбюро без предварительной подготовки и без консультации с райкомом партии ответить не способен) пятилетки. Точнее говоря, он произнес эти слова в той части доклада, которая была посвящена росту благосостояния трудящихся. И даже не произнес, а воскликнул или выкрикнул. Нет, пожалуй, и эти слова не передают всей возвышенности момента. Он поднялся на цыпочки, так что из-за трибуны помимо его гнусной рожи стал виден широкий красный галстук в зеленую полоску, поднял правую руку, широко разинул свою ортодоксально-марксистскую пасть, с каким-то подвыванием втянул в себя воздух... Впечатление было такое, будто он не на трибуне в главном идеологическом учреждении страны, а на броневике. И затем из самых глубоких глубин прямой кишки исторг этот ликующий фанфарный звук. Зачем, — зорал он, — далеко ходить за примерами?! Возьмите хотя бы один наш институт! Только за последние две недели во дворе института построили прекрасный новый бронзовый бюст Ленина на ногах (в зале начались шевеление и шепот)... я хотел сказать, в натуральную величину (в зале начался легкий смехок, так как у Ленина, как и у Петина, рост был полтора метра, а «бюст Ленина на ногах» имел четыре метра с половиной в высоту)... А в актовом зале, — продолжал ликовать Петин, заглущая смехок политически незрелых сотрудников института, — установили новый бюст головы Ленина! Всего за две недели! О чем это говорит, товарищи?! О многом!

Он прав, этот титан марксистской мысли пигмей Петин. Это говорит о многом. Не случайно же именно эти слова первыми пришли мне в голову, когда я от скуки решил начать сочинять эти записки. Не Ленин на броневике, призывающий к революции после того, как та уже совершилась, а именно Петин на трибуне, трубным голосом оружий всяческую околесицу, есть символ нашей эпохи. Ленин есть лишь замысел, а Петин есть его воплощение, Ленин есть миф, а Петин есть реальность.

Мое кредо Мои предки являлись в этот мир с некоей априорной установкой исполнить Долг, сделать Дело. И если Долг исполнялся, если Дело делалось, они покидали этот мир со спокойной совестью, без страха, умиротворенные. Их жизнь имела, однако, один крупный недостаток:

перед ними всегда маячил этот Долг, это Дело. Я решил исправить этот недостаток, а именно — исключить Долг и Дело из состава жизненного процесса вообще. И даю этому вполне научное обоснование. Что является главным в ощущении исполненного Долга и сделанного Дела, — позитивный или негативный элемент? Изучив исторические свидетельства и признания знакомых, отправлявшихся на тот свет, я установил с абсолютной убедительностью: негативный. Главным является, оказывается, не сознание того, что ты сделал что-то важное, а сознание того, что в этом мире не осталось ничего такого, что надо было бы исполнить, и исполнение чего зависит от тебя. А раз так, то проблема жизни решается тривиально просто: живи так, будто у тебя нет никакого Долга и Дела. Это в высшей степени удобно. Ты в любую минуту готов покинуть этот мир. И при этом тебя не будет мучить сознание того, что ты не пристроил детей в институт, что ты не успел получить отдельную квартиру, что ты не довел до конца научное исследование, что ты не дописал роман, что ты... Одним словом, ты чувствуешь себя как солдат, удовлетворяющий формуле древнегреческих мудрецов: все свое ношу с собой. И если тебе Судьба скажет «Встать! Смирно! На Тот Свет шагы-ы-ы-ы-м а-р-р-ш!!». Ты вытягиваешься, подтягиваешь живот, поднимаешь голову и... И все! И тебя нету. Где-то в подсознании мелькнет, конечно, мыслишка, что на Этом Свете от тебя останутся грязные носки и с десяток несданных бутылок из-под водки. Но ты даже не успеешь перевести ее в план эмоций (какое красивое выражение, не правда ли?!), как она исчезнет, уступив место тому Великому Умиротворению, которое венчает жизнь.

Таким образом, никакого Долга, никакого Дела! Мои сослуживцы и начальники чувят эту мою жизненную установку. И было бы смешно, если бы не почувяли: человек десятками лет у них на глазах ухитряется ничего не делать. Но придаться ко мне они не могут: я обставляю свое безделье так, что постоянно выгляжу образцовым работником. И что самое любопытное, они не хотят ко мне придаться: я их устраиваю именно в таком качестве. Кое-кто из них даже сочувствует мне. Это те, кто исполняет Долг и делает Дело. Они смысл жизни видят именно в Долге и в Деле. Как ты можешь так жить, — говорят они. Не спрашивают, а выражают удивление и чуть-чуть негодование. И, конечно, чуть-чуть сочувствие. Я им излагаю то самое теоретическое обоснование, которое привел выше. Но они почему-то его не понимают. Думают, что это — шутка. Тогда я их спрашиваю, в чем состоит их Долг и их Дело. Они задумываются. Вид у них становится жалкий — такими мизерными оказываются эти основы их бытия. И тогда я начинаю их утешать. Мол, плюньте на этот шивый Долг и это помоечное Дело! Лучше пойдемте прошвырнемся без Дела, просто так. Выпьем, поболтаем. Иногда они внимают голосу разума. И потом, упившись, жалуются, что уже поздно плевать на этот шивый Долг, что Дело хотя и помоечное, а бросать жалко, столько сил, ума и чувств в него вложено. Иногда они грустно усмеваются и уходят по своим Дела, мелькая по коридорам засаленными мятыми штанами или обвисшими бесформенными юбками. Я вздыхаю, глядя им вслед, и произношу про себя что-нибудь в таком духе. О, Человек!

Венец творчества! Зачем, спрашивается, ты учишь бином Ньютона и закон Ома, читаешь Шекспира и Достоевского, слушаешь Моцарта и Чайковского, чистишь зубы и меняешь носки?! Неужели для того, чтобы сверить idiotские цитаты из классиков в пошлой статье партийного идеолога-дегенерата и завоевать родному коллективу Переходящее Красное Знамя районного комитета Партии в соцсоревновании за звание Образцового предприятия коммунистического труда?! Остановись, болван!! Оглянись! И удивись жизни! Брось все! Раскрой глаза, смотри и удивляйся!! И ты увидишь, что хотя наша жизнь гнусна и омерзительна, но она достойна твоего внимания.

И удивления, конечно. Вот, например, сейчас у нас было заседание сектора. Заседание архиважное (как любил выражаться бюст Ленина): горит плановая работа за три года, не успеваем. Как быть? Если признаемся, скандал. Не видать тогда нашему учреждению Переходящего Красного Знамени. Все сотрудники посерели и посинели от переживаний, ибо это их Долг и Дело. За сердце и живот хватаются, пилюли глотают, капли капают. И ни малейшего проблеска мысли. Тогда-то я и предложил свой вариант решения этой неразрешимой проблемы: переименовать наш труд, который три года лежит в издательстве (это — наш план за прошлую пятилетку) и пролежит еще год, написать к нему новое предисловие с учетом момента, вставить в статьи десяток ссылок на последние постановления и речи, и... В общем, мне не дали даже закончить мою мысль. И через полчаса сектор преобразился. А я удивлялся: почему эти титулованные идиоты не способны решить даже такую пустяковую задачку, берясь за решение проблем глобального, эпохального и космического масштаба?! И потом я опять удивился простоте ответа на свой вопрос: потому что они захвачены Долгом и Делом.

После заседания сектора мы пошли в гости к одному из старших сотрудников «обмытть» гениально найденное решение. Когда вышли во двор, кто-то сказал, что в пустой голове «бюста Ленина на ногах» поселились птички. Они влетают и вылетают через широко раскрытый рот вождя, призывающий к революции. Мы долго любовались этим ошеломляющим зрелищем. Птички пулей влетали в рот вождя и вылетали оттуда. Впечатление было такое, будто вождь плюется, увидев, что получилось на деле из его затей. Парторг сектора сказал, что из этого могут выйти неприятности, если пронюхают иностранные корреспонденты и диссиденты. И вернулся обратно в институт сообщить куда следует об этом деле.

Об иностранцах Кстати, об иностранцах. Однажды меня позвали в кабинет директора. Кроме директора в кабинете был человек, очень похожий на американца, но почему-то оказавшийся англичанином. Вот этот товарищ... вернее, господин, — сказал директор, — будет стажироваться у нас. Он диссертацию пишет про Советский Союз. Он англичанин, но прогрессивный. Англичанин, — удивился я. — Странно! Почему странно, — спросил англичанин на приличном русском языке. Потому что Вы больше на американца похожи, — сказал я. Верно, — сказал директор, — я его тоже сначала принял за американца. Так вот, ты (это — ко мне) выделяешься в его распоряжение.

Потом англичанин спросил меня, почему я принял его за американца. Американцы ведь всякие бывают. Я сказал ему, что в них есть нечто общее. Что именно? Некое самомнение, какое бывает у человека, который только что сожрал толстый бифштекс из свежего мяса, а не тухлое картофельное пюре. И некая наивность, какая бывает у человека, который воображает, что раз уж он сожрал толстый бифштекс из свежего мяса, то он все на свете понимает лучше, чем человек, питающийся тухлым картофельным пюре. Англичанин вытащил записную книжечку и записал в нее эту высказанную мною мысль. Мне Ваш образ мыслей нравится, — сказал он. — Я хотел бы узнать правду о советском обществе. И, надеюсь, что Вы мне поможете. С удовольствием, — сказал я. — С чего начнем? С водки, конечно, — сказал он.

Полгода я убил на этого англичанина. Таскал его по московским забегаловкам и вытрезителям, показывал ему перенаселенные квартиры и бесконечные очереди, кормил помоями в столовых, в деталях познакомил с могучей системой пропаганды... Он клялся и божился, что напишет такую книгу о нашей жизни, что весь мир содрогнется. Но вот он уехал. Прошел год. И снова меня позвали к директору. И протянул мне директор тоненькую брошюрку, — обещанную книгу англичанина. Молодец, — сказал мне директор, — хорошо поработал с этим буржуем, как настоящий коммунист. Получишь премию к празднику пятьдесят рублей.

Вышел я из института после этого, сунул книжечку англичанина в первую подвернувшуюся мусорную урну. Вот сволочь, — сказал я, имея в виду не то англичанина, написавшего такую вонючую просоветскую книжонку на таком богатом антисоветском материале, каким я снабдил его, не то директора, который наградил меня всего лишь пятьюдесятью рублями за перевоспитание англичанина в советском духе. И с тех пор я утратил всякую надежду на Запад.

Парадоксы социальной критики А между тем я наговорил тому иностранцу много полезных слов. Что-то в таком духе.

До войны и во время войны нам изображали жизнь в Германии (и на Западе вообще) так, что нам представлялась картина ужасающей нищеты, разрухи, голода, повседневно и повсеместного насилия над людьми. Когда мы пришли в Германию, мы были потрясены картиной, резко противоположной нашим представлениям, — картиной порядка, благоустроенности, чистоты, изобилия и неизмеримо большей, чем у нас, мягкостью человеческих отношений. И мы, конечно, решили с такой же легкостью, с какой верили ранее нашей пропаганде, что разговоры об ужасах гитлеровского режима — брехня или, в лучшем случае, преувеличения. Смотрите, говорили мы с некоторой долей восторга, какие у них дороги, какие дома, какие квартиры у рабочих, а сколько тут всякого тряпья, а сколько всяких штучек на кухне! И нигде не видно замученных, умирающих с голоду, насилуемых. Какие приличные люди! А девчонки! Да и жратвы у них припрятано всякой, мы такого у себя в лучшие времена не едали. Нам, конечно, показывали концлагеря, в которых уничтожали людей. Называли цифры, — счет шел на миллионы. Говорили об уничтожении

культуры. Но почему-то это оставалось за порогом сознания. Подумаете, гитлеровцы уничтожали картины каких-то модернистов. Кто они такие? Зато глядите, какие дороги! А что это такое? Ха-ха-ха! Вот, сволочи, придумали! машинка для прокалывания яичной скорлупы! Ничего не скажешь, цивилизация!

Нечто подобное происходит теперь со сторонними наблюдателями нашей, советской жизни. От чтения разоблачительной литературы, от деятельности диссидентов, от заявлений очевидцев складывается представление о нашей стране, подобное тому, какое в свое время у нас складывалось о фашистской Германии. А с другой стороны, казалось бы, бесспорные факты, свидетельствующие о противоположном: искусственные спутники Земли и космические полеты, прекрасный балет, всеобщее образование и бесплатная медицинская помощь, всеобщая занятость людей, прилично одетые и сытые прохожие, первоклассная военная техника, электростанции. И встречаются у нас иностранцев прекрасно. Кормят прилично. Гостиницы и квартиры неплохие. Люди кругом приветливые. Природа. Театры. Музеи. Памятники старины... Короче говоря, брешут разоблачители. Во всяком случае, основательно преувеличивают. Во всяком случае, весьма односторонне освещают. Недостатки, конечно, есть. А где их нет?! И на Западе их не меньше. И на Западе жизнь не для всех рай земной. Говорите, шестьдесят миллионов было репрессировано за сталинский период? Ну, скажем, не шестьдесят, а тридцать. И на весь период. А если учесть, что была революция, гражданская война, вторая война, предатели, реальные враги (были же такие!) и многое другое, так цифра эта вполне естественна. Говорите, пятнадцать миллионов сидело одновременно? Пусть десять. Скинем на особенность ситуации — война и все такое прочее. В общем, три или четыре миллиона на такую страну — норма. Сейчас, вроде бы, не меньше заключенных, а ведь массовых репрессий нет. И вообще, на что вы жалуетесь? Продукты и квартиры дешевые. И транспорт дешевый. Книжек печатается полно. Фильмы неплохие появляются. Вы думаете, у нас каждый фильм и каждая книга — шедевр? У нас халтуры не меньше, чем у вас. Так в чем же дело?

Действительно, в чем же дело? Есть общие обстоятельства, порождающие рассматриваемый парадокс восприятия социальной реальности. И есть специфические для обществ такого типа, как Советский Союз и отчасти Германия времен фашизма. Обстоятельства общего порядка связаны со свойствами оценочных понятий. Если мы, например, называем человека лгуном, это не значит, что данный человек всегда лжет. Подлец не на каждом шагу совершает подлости. Предатель может совершить лишь одно предательство. А ненадежному человеку может не представиться случай подвести вас. Подлинная натура общества данного типа может оставаться скрытой долгое время и обнаружиться лишь в некоторых критических или характеристических случаях. В одной стране за некоторый промежуток времени может быть репрессирован всего один человек, а в другой за то же время — сотня, и все же первая страна может являть собою более жестокий режим, чем вторая. Специфические обстоятельства связаны с теми средствами подавления, какими располагает общество такого типа, как наше, и его возможностями скрыть свои недостатки или даже представить их

как величайшие достоинства. Эти средства и возможности здесь естественным образом вырастают из условий нормальной жизни общества и развиваются до грандиознейших размеров. Если бы можно было измерить, сколько сил такое общество тратит на то, чтобы реально улучшить жизнь людей, и сколько тратит на то, чтобы подавить недовольство, приучить людей вести себя так, будто они живут в раю, и изобразить их жалкое существование как процветание, то вторая величина (по моим весьма приблизительным подсчетам) значительно превзошла бы первую. И это — одно из важнейших качеств нашего общества, присущих ему с рождения и неотделимых от него до его будущей могилы. Нужен достаточно богатый опыт жизни в обществе такого типа, длительные размышления о нем и тяготеющий к научному стиль мышления, чтобы разгадать его скрытую натуру. Скрытую не в смысле некоей секретности, а в смысле сложного переплетения фактов действительности и их восприятия живущими людьми, внутренние механизмы которого далеко не всегда вообще можно проследить, а чаще всего не очевидны.

Наше время открывает богатейшие возможности для познания общества такого типа, какое сложилось в Советском Союзе и складывается во многих других странах. И всякий, кто займется изучением его достаточно серьезно, вскоре же столкнется с парадоксами другого сорта. Он обнаружит, что самые светлые идеалы лучших представителей рода человеческого, воплощаясь тут в жизнь, порождают самые гнусные последствия. Что самая добровольная организация общества порождает самое грандиозное насилие над самими же его творцами, а в условиях беспрецедентного насилия над личностью образуются возможности для ее бескрайней свободы. Что люди, ненавидящие и презирающие условия своего существования, не захотят сменить их ни на какие другие и готовы сражаться за них до последнего. Исследователь вынужден будет метаться из одной крайности в другую, не видя четких границ между хорошим и плохим, между добром и злом, между благом и страданием. И не обнаружит он здесь никакой разумной середины, ибо ее тут вообще нет. Он встанет в тупик перед случаями, когда в одних и тех же явлениях благополучно сочетаются совершенно несовместимые с точки зрения привычных оценочных критериев качества.

Когда я служил в армии, я на втором году службы стал замполитом (до войны была такая должность помощника политрука роты). И я то свое положение не променял бы на положение генерала и даже маршала. В условиях суровойшей армейской дисциплины я был свободным человеком. Такой степени свободы я сумел добиться снова только много лет спустя, потратив на приспособление лет двадцать. А таких случаев миллионы. Трудно сказать, каков был бы результат опроса населения с этой точки зрения. Но я с полным основанием предполагаю, что процент такого рода свободных индивидов в нашей системе всеобщего закрепощения необычайно высок. Закрепощение людей не есть абсолютное отсутствие свободы. Это есть определенный строй жизни, в котором очень многие добиваются свободы, но свободы определенного типа и определенными методами.

Какой же вывод следует из сказанного? Не надо стремиться во что бы то ни стало обличать или приукрашивать. Надо просто описывать

факты, предоставив им самим вызывать те или иные эмоции и оценки. Например, моя соседка по квартире ежедневно по крайней мере два часа ходит по магазинам и стоит в очередях. Это — факт. Можно подсчитать, сколько времени теряет на это средний гражданин и общество в целом. Плохо это или хорошо? Смотря с какой точки зрения. Массе людей все равно это время девать некуда. Многие в очередях вступают в контакты с другими людьми, получают информацию, отводят душу, ругаясь с продавцами и с лезущими без очереди. Живу я в коммунальной квартире (что очевидно, раз есть соседка). Опять-таки, плохо это или хорошо? Лично я доволен. Я плачу соседке десять рублей в месяц, и она делает за меня всю уборку по квартире, стирает белье, покупает нужные продукты (конечно, стоимость продуктов я каждый раз оплачиваю, давая ей небольшие чаевые). И очень многие предпочитают «коммуналку». До войны и после войны у нас большинство людей жило в коммунальных квартирах. Ругались, конечно. Но было веселее. Появление отдельных квартир для широких масс населения внесло в нашу жизнь зависть, раздражение, тревогу и многое другое, чего не было раньше. Люди не стали счастливее от этого.

О моих намерениях К чему, вы спросите, я обо всем этом вспомнил?

А потому, что вдруг почувствовал в себе то самое звучание. И решил одарить человечество своими соображениями по поводу сущности бытия и перспектив в ближайшем и отдаленном будущем. Погодите, не пугайтесь. Я не буду говорить о засорении окружающей среды. Я бываю на этой среде раз в год, да и то в нетрезвом виде, так что мне на нее наплевать. Я хотел выразиться еще определеннее на этот счет, так как обычно попадая в эту окружающую среду, я первым делом делаю именно то, о чем хотел сказать, а затем уже засоряю ее осколками от поллитровки. Я знаю, вы осуждаете меня за это. Но если бы вы сами оказались в этой окружающей среде с пустой поллитровкой в руках, вы не нашли бы более увлекательного занятия, чем засорение среды путем разбития поллитровки о ближайшее дерево. Первый раз вы, конечно, промахнетесь. И во второй тоже. Но с пятого или шестого раза попадете точно в цель. Дзынь! И... Я не буду говорить и об угрозе атомной катастрофы — на нее мне наплевать тем более. Я пережил войну. И от чего я испарюсь — от противопехотной мины, обычной авиационной бомбы, артиллерийского снаряда или от водородной бомбы, роли не играет. А судьбы человечества меня совершенно не волнуют. И я не верю тем, кто делает вид, будто их беспокоит численность населения планеты и его физический вид в будущем. Скажите, пожалуйста, почему я должен приходиться в восторг от мысли, что на Земле будет жить десять миллиардов людей, из коих семь — китайцы, что они будут двухметрового роста и будут жить по пятьсот лет?! И почему я должен приходиться в уныние от того, что на Земле останется всего миллиард людей, из коих девятьсот миллионов — опять же китайцы, что они будут низкорослыми и будут жить всего по пятьдесят лет?! Я по опыту знаю, что забота о благе человечества в будущем есть просто бизнес для определенной категории людей. Среди них, конечно, попадают искренние психи,

приходящие в ужас от одной мысли возможных нарушений в генах и хромосомах людей и животных. У меня есть знакомый, который ночи не спит из-за того, что какой-то подвид рязанского воробья начал сокращаться численно. Психи всякие бывают. Но не они делают погоду. И от них меньше всего зависит сохранение вымирающего подвита рязанских воробьев и усовершенствование механизма наследственности.

Я буду говорить о другом, — о вещах, доступных и полезных всякому человеку, думающему о том, как бы получше ему прожить оставшийся кусочек жизни, не прилагая к этому титанических усилий, не выявляя для этого выдающегося таланта, не делая сногшибательной карьеры, в общем — не располагающему никакими особыми преимуществами перед прочими простыми смертными. Только не торопите меня, не заставляйте сразу выкладывать магическую формулу счастья. Я выскажу эту формулу вам, но постепенно и порой в завуалированной форме. И вам местами придется самим ее расшифровывать. Делаю это не из какого-то хитрого расчета, а просто потому, что иначе делать не умею. Но общую свою позицию я выложу вам с самого начала в самой категорической форме. Вот она. Представления людей о свободе и благополучии условны и относительны. Есть два пути их достижения. Первый — борьба за улучшение внешних условий существования и своего положения в обществе в соответствии с некоторыми традиционными представлениями о свободе и благополучии. Второй — отыскание в данных условиях существования и в данном своем положении в обществе таких возможностей, которые позволили бы выработать новые представления о свободе и благополучии и новые доступные каждому пути их достижения. Примеры первого пути общеизвестны. Классический пример второго — умение солдата второго года службы («старослужащего») ходить в самоволки, увильнуть от нарядов, добывать дополнительную еду, спать при любых обстоятельствах. Аналогично — умение опытного научного сотрудника годами ничего не делать и жить в свое удовольствие, числясь способным и продуктивным работником, получая премии, путевки со скидкой или бесплатно, безвозмездные ссуды. Я не отвергаю первый путь в принципе. Кто хочет, пусть идет первым путем. Для себя я избираю второй путь. И на этом пути я добился серьезных успехов. И даже произвел некоторые теоретические обобщения, с которыми и хочу вас познакомить.

Наши нравы У старшего научного сотрудника, у которого мы в тот раз были в гостях, оказалась однокомнатная кооперативная квартира с совмещенным санузлом, причем — с полным отсутствием звуковой изоляции. И если кто-то уходил в туалет, то как бы он ни старался делать все тихо, в гостиной (которая по совместительству была столовой, спальней и кабинетом) был слышен малейший шорох. Было слышно даже, как пуговицы застегиваются и шуршат женские причиндалы. Это обстоятельство и стало главной темой нашего разговора. На Западе, — сказал заведующий сектором, — теперь делают бесшумные унитазы. С особыми глушителями. Они там прежде всего жрут прилично, — сказала молодая (не в смысле возраста, а в том смысле, что недавно защитилась) докторша наук. — Так что им никакие глушители не требуются. Моя жена, —

сказал заместитель заведующего, — сама сделала изоляцию из поролона. У нас в Москве еще терпимо, — сказал парторг. — А вот в Китае еще хуже. Там члены коллектива следят за тем, чем человек какает. Не преувеличивай, — сказал заведующий. А вот в Африке совсем хорошо. Никаких туалетов. Все на открытом воздухе, прямо в джунглях или в пустыне. Насекомые и львы съедают все в считанные секунды. А если кобра или муха цеце в задницу укусит? — спросила докторша. В Латинской Америке, в бассейне Амазонки рыбка пиранья за жопу и кое-что другое кусает, когда аборигены в воду испражняются. А в США, — сказала секретарша, — нет никакой канализации. Сразу же прессуют в кирпичики и строят небо-скребы из них. Весь мир, — сказал кандидат наук, — давно отказался от туалетной бумаги. Моют особым составом под давлением. Предлагаю гениальное решение проблемы, — сказал младший научный сотрудник без ученой степени (Мнс), недавно пришедший к нам из университета. Какое? Очень простое: вообще не есть и не пить. Сразу трех зайцев уьем: отпадет надобность в санузле, сохранится здоровье и сельское хозяйство поды-мать не надо.

Наконец туалетная тема была исчерпана. Парторг предложил тост за здоровье одряхлевшего Генсека. Кто-то сказал, что он неплохой мужик, спокойный и либеральный. Все согласились с этим и выпили с удовольствием. Отгадайте загадку, — сказала докторша после того, как все выпили и закусили. — Что такое: снизу ножки, сверху рожки, а в середине — рожи? Это телевизор! Ха-ха-ха!

О моей совести В Программе КПСС выдвигается задача «воспитания нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство». Что касается лично меня, то я этому идеалу удовлетворяю вполне. Духовного богатства — в избытке. В особенности после того, как нас заставили прочитать «Малую землю» и «Восстановление» Брежнева и продемонстрировать на специально созванной читательской конференции, что мы прочитали эти шедевры литературного творчества нашего вождя на самом деле. Интересно, какой номер он выкинет теперь? В опере будет петь или плясать «Камаринского» в Краснознаменном Академическом ансамбле народной песни и пляски имени?.. Но между нами говоря, я эту муть не читал и, выступая на конференции, выдумывал всякую чепуху, какую по моим предположениям могли приписать нашему всесторонне одаренному руководителю сочинители его «воспоминаний». С моральной точки зрения я чист как стеклышко: никакой морали во мне нет и никогда не было. Мне, например, ничего не стоило, будучи пойманным в самоволке, назвать фамилию помкомзвода соседней роты вместо своей. Если я «выписывал» себе фальшивую увольнительную, я регулярно вписывал в нее фамилию этого помкомзвода — он был порядочной сволочью. Когда я был младшим научным сотрудником (был за мной такой грех), мне ничего не стоило подать на обсуждение в отдел в качестве плановой работы за три года «рыбу», перепечатанную из какого-нибудь провинциального сборника, который наши столичные аристократы никогда и ни за что читать не будут. И таким

образом я чуть не влип в неприятную историю. Моя «рыба» пошла в печать, и мне уже в верстке пришлось забирать ее на «доработку». К счастью, мои коллеги были этому рады (они боялись, что статья будет иметь успех), и дело обошлось без скандала. Разумеется, выполнение плана за три года мне зачли. Но скоро опять перевели обратно в старшие научно-технические сотрудники.

Остался третий пункт идеала Программы КПСС: физическое совершенство. Ну на этот счет я всегда был спокоен. А после того, как мне выдрали четыре испорченных зуба с левой стороны и поставили «железные коронки» с правой стороны, после того, как я научился делать «заем» для прикрытия лысины и скрывать брюшко свободно болтающимся и измятым пиджаком, мое физическое совершенство заметили даже уборщицы и лифтерши. Хотел бы я знать, кого Они Там Вверху имеют в виду в качестве образца физического совершенства? Уж не себя ли? Этот вопрос всплыл, когда нас, пропагандистов, инструктировали в райкоме партии. Получилась очень содержательная дискуссия. Были высказаны самые различные точки зрения. Кто-то привел в качестве образца Юрия Гагарина. Все согласились, хотя полтора метра рост — вроде маловато для физического совершенства гражданина коммунистического общества. Кто-то назвал штангиста-тяжеловеса Василия Алексева. И опять все согласились, хотя будущее общество мыслится не только с целью занять все первые места на международном чемпионате по тяжелой атлетике. Я тогда предложил кандидатуру Генсека. Наступила зловещая тишина. Не знаю, чем бы кончилась эта история, если бы не сам секретарь райкома. Он сказал, что в молодости Генсек был очень красивым мужчиной, да и сейчас еще ничего. Пожалуй, у нас во главе государства и партии до сих пор никогда еще не было такого красивого человека. И умного, конечно.

Когда я начал делать эти записки, во мне вдруг пробудилась Совесть. Ну, не совсем Совесть, а некие смутные намеки на нее. Я хотел было сказать «остатки Совести», но вовремя остановился. Раз остатки, значит, раньше было нечто такое, от чего остались эти остатки. Логично? А если раньше ничего не было, то не могло быть и остатков, так как остатки от ничего сами суть ничто. Значит, не остатки, а намеки. А может быть, зародыши? Итак, Совесть пробудилась и, естественно, заговорила. И ты за писанину принялся, ехидно прохихикала она. Ну-ну, пиши. Теперь все что-нибудь пишут. Даже сам Генсек за литературу принялся. Только послушай мои дружеские советы. Прежде всего, пиши чушь, как все прочие писаки. Если напишешь что-нибудь дельное, замолчат или разругают. А чушь непременно похвалят. Не говори глупостей, возразил я. Мир битком набит умными людьми. Заметят, разберутся. Хотя ты и являешь собою образец физического совершенства, сказала Совесть, но по интеллекту ты подобен младенцу. Разве ты не знаешь, что на дворе давно коммунизм наступил?! А что такое коммунизм?! Это есть организация хилых и бездарных в борьбе за свое существование и процветание. А в мире нет ничего страшнее эгоизма слабых. Он беспощаден и жесток. Напишешь талантливо и умно, раздавят. Повторяю: пиши чушь! Или хотя бы сделай вид, что пишешь чушь или считаешь написанное тобою чушью. Может быть, на первых порах не заметят, что ты сделал нечто приличное.

И если уж не похвалят, то по крайней мере не придушат. Или придушат, но не сразу. Если сразу, то более гуманно, чем в случае, если бы заметили сразу. А во-вторых, не стремись писать правду. Извини, сказал я, но тут ты явно перегибаешь палку. Я твой интеллект уподобила младенческому, сказала Совесть. Это явное преувеличение. Ты просто старый маразматик. Пойми, болван! Правду вообще не напишешь, если будешь стремиться к ней. Правда либо не получается, как бы ты ни старался, либо получается сама собой и вопреки всему и вся, хотя ты вроде бы врешь в каждой строчке. Но лучше всего вообще брось эту затею. А куда девать мысли, сказал я. Они прут из меня. Не запиши — пропадут. Пусть, сказала Совесть. Мир переполнен мыслями. Пусть люди отдохнут от них. Пусть хотя бы поспят спокойно. Так я именно об этом и хочу написать, сказал я. Ладно, сказала Совесть, пиши. Я тебя предупредила, и моя... вернее, твоя совесть чиста. Но знай, я расстанусь с тобою навсегда, и забудь о моем существовании. Меня больше нет.

И она исчезла. И мне стало легко.

Кто есть я Я есть старший научно-технический сотрудник, сокращенно — СНТС. Читается это как «Сэнэтэсэ». Слово «старший» пусть вас не смущает, ибо старший НТС отличается от младшего всего на двадцать рублей в месяц. Если он пользуется особым расположением начальства, он может отличаться на тридцать рублей и даже на пятьдесят. Но это бывает очень редко. И профком учреждения тщательно следит за тем, чтобы это случалось еще реже.

СНТС есть существо совершенно ничтожное. Вместе с младшими НТС (т. е. с МНТС) они суть чернорабочие науки. В их функции входит подтирать, вырезать, вклеивать, отвозить, привозить, снова вырезать и вклеивать, печатать, перепечатывать, опять отвозить, опять привозить обратно и перепечатывать все то, что в изобилии производит мощный интеллект младших научных сотрудников с ученой степенью, старших научных сотрудников с ученой степенью и ученым званием, кандидатов и докторов наук, доцентов и профессоров, членов-корреспондентов и академиков, заведующих, заместителей директоров, директоров. А производит упомянутый интеллект ужасающее говно. И лишь ножницы, клей и терпение СНТС способны из него сотворить конфетку. Но чего это стоит?! Ничтожнее СНТС могут быть разве лишь младшие научные сотрудники без ученой степени и ученого звания (МНС), да и то лишь постольку, поскольку много о себе воображают. СНТС о себе ничего не воображают, им не до этого. Они вообще лишены воображения. И не только воображения. Они просто лишены.

Так вот, я много лет был СНТС. Но с каждым годом я, как старослужащий солдат, работал все меньше, а благодарностей получал больше, — единственный путь для ничтожества терпимо устроиться в жизни. Кончилось это тем, что я вообще перестал работать, попав окончательно и бесповоротно в число лучших работников. Видя такое, начальство стало ломать голову над тем, что делать с таким образцово-показательным паразитом. И решили меня в порядке поощрения и исключения перевести в младшие научные сотрудники. Тогда-то я и сдал в качестве плановой

работы за три года «рыбу», о которой упоминал выше. После этого меня разжаловали обратно в СНТС. Но я об этом ничуть не жалею. Когда я был МНС, у меня зародилось тщеславие ученого, я стал страдать бессонницей и изжогой. Как только меня разжаловали, ко мне вернулись спокойствие и сон и пропали даже намеки на изжогу. Я вообще снова начисто позабыл о том, что у меня есть какие-то материальные и духовные внутренности.

Наши нравы Звонок парторга в райком партии в тот раз возымел действие. Во дворе института появилась куча всякого рода специалистов и техники. Трудились две недели. В конце концов рот Ленина закрыли. Зато младшие сотрудники стали разглядывать решетку во рту Ленина и истолковывать ее символически. Стали приводить своих знакомых как на экскурсию. Одна аспирантка привела иностранцев с мощными фотоаппаратами. Полиция их разогнала. Фотоленки засветили. У одного иностранца разбили аппарат, а у другого выбили зуб. Аспирантку потом исключили из комсомола и из института. Ленина загородили досками и завесили тряпками — закрыли на капитальный ремонт.

Внутреннее звучание Вот как это иногда происходит. Я стою на малой лестничной площадке, курю, прислушиваюсь к умным разговорам институтских трепачей. На меня не обращают внимания до тех пор, пока я не усмехнусь ехидно или не отпущу ядовитую реплику. Обсуждают, допустим, роль кибернетики в управлении обществом. Подпольный гомосек (и на этой почве — стукач) Качурин предвещает кибернетике великое будущее в смысле воплощения идеалов социальной справедливости. При этом он яростно чешет давно немытую голову. Он сам в этом признался, найдя тому разумное объяснение: у них в доме месяц назад отключили горячую воду. С этого, собственно говоря, и началась дискуссия о кибернетике. По мере того, как Качурин скребет свои немые патлы, под ногтями у него увеличиваются черные ободки. Это я вижу даже на расстоянии. Позицию Качурина поддерживает доктор наук Субботин. Он при этом цинично усмехается и крутит задом. Но делает это не с целью соблазнения Качурина, а из убеждения, что у него красивые ноги и острый ум. Учитель и Добронравов полемизируют с ними, но не очень настойчиво, просто по привычке опаривать всех и все. Тут я и проворчал что-то насчет ближайшей акции кибернетического управления обществом по снабжению Качурина горячей водой и мытьем его невероятно грязных vlas. Они меня после этого сразу заметили. Сазонов призвал собравшихся к осторожности в моем присутствии. Внутренне я снимаю перчатку, бросаю ее к ногам графа де Сазона, обнажаю шпагу и говорю презрительно: «Граф, я к Вашим услугам!» А внешне я говорю холодно и спокойно, что в ЦК принято решение опубликовать список всех осведомителей, чтобы... Собравшиеся бледнеют и потихоньку рассасываются. Я поднимаю своего коня на дыбы (внутренне, конечно) и галопом скачу к палатке Императора, т. е. лениво бреду (внешне, конечно) к заведующему отделом, который еще полчаса назад приказал мне (через секретаршу) срочно явиться.

В коридоре я сталкиваюсь с Верочкой, экспедиторшей из канцелярии, которая шлепала (делала вид, что бежала) за чаем для заместителя директора по кадрам. Верочка еще не старая, но бесформенная (и потому кажущаяся древней старухой) и неопрятная баба. Она глупа до такой степени, что даже Барабанов позволяет себе иронизировать над ее глупостью. Но необычайно хитра и изворотлива. В институте она занимается главным образом спекуляцией. Бывает, что она нанимает и меня постоять для нее в очереди за ондатровыми шапками в ГУМе или за золотыми кольцами в ювелирном магазине «Топаз». При виде меня Верочка замирает и начинает лепетать что-то невнятное насчет польских штанов (она имеет в виду джинсы), которые завтра «выбросят» в ГУМе. Внутренне я останавливаю своего горячего коня на полном скаку, мгновенно оказываюсь на коленях перед прекрасной маркизой, целую подол ее роскошного платья и... Пошла ты в жопу, — говорю я ей (внешне, конечно). — Ты со мной еще за шапки не рассчиталась.

Наконец, я на взмыленном коне подлетаю к палатке Императора, т. е. вхожу в кабинет заведующего отделом. Мой конь падает замертво. Император сидит на раскладном стульчике (т. е. развалился в ободранном кресле), положив ногу на барабан (т. е. на мусорную корзину). Полковник, — говорит Император... Простите, Сир, — говорю я, — всего лишь капитан. Генерал, — настаивает Император... Простите, Сир, — пытаюсь возразить я... Маршал, — говорит Император, — видите город на той стороне реки? Он Ваш, Сир, — кричу я, преисполненный внутреннего ликования. Коня!!! Внешне же наша встреча выглядит так. Товарищ Иванов, — говорит Зав, ковыряя спичкой в уцелевших железных зубах, — я Вас (он со мной подчеркнуто на «Вы»), хотя ко всем прочим обращается на «Ты») неоднократно просил сверить цитаты в коллективном труде о формах противоречий в социалистическом обществе. А Вы до сих пор... Я вынужден ходатайствовать перед дирекцией о наложении на Вас взыскания... Простите, Петр Сидорович, — мягко, но твердо говорю я. — Чтобы проверить цитаты в коллективном труде, нужно иметь по крайней мере сам коллективный труд. Цитаты эти я знаю наизусть, но не имею рукописи, в коей они должны быть таковыми. Как так! — вопит Зав. — Я же просил!.. Я же приказал!.. Я же!.. Я!.. Попросите ко мне Сергея Сидоровича!.. Его нет в Институте? Соедините меня (это секретарше) с... Пока Зав буйствует, я вскакиваю на свежего коня и мчусь во главе гвардии Императора к реке, на том берегу которой виднеется город неприятеля. За мной, орлы! Погибнем во славу Императора!.. Ур-р-р-а!!! Иначе говоря, я потихоньку покидаю кабинет Завы, нахожу Верочку и обсуждаю с ней план атаки на польские джинсы. При условии, конечно, что она оплатит мои прошлые услуги. Я не рассчитываю на перстень с бриллиантом. Но десятку (по крайней мере) она мне должна выдать.

Потом я иду в отдел кадров и говорю там, что по поручению Завы должен ехать к Сергею Сидоровичу за рукописью коллективного труда. Молоденькая и довольно симпатичная помощница заведующей отделом кадров равнодушно, даже не взглянув на меня, записывает что-то в книге ухода и прихода сотрудников. Меня это равнодушие несколько задает. Я знаю, что оно происходит не от моей наружности и моего возраста (я еще крепкий мужик, одной левой рукой могу скрутить любого молодого сотруд-

ника института), а от моего положения в обществе. Барабанов и Субботин старше и страшнее меня, но даже они имеют успех у молодых сотрудниц, поскольку они имеют отдельные квартиры, ученые степени и высокую зарплату. Я знаю, принцесса, — говорю я (внутренне, конечно), — что я недостойн Вашего внимания. Но если я сейчас погибну в бою, знайте, я сделаю это с Вашим именем на устах! Я вскакиваю на коня... и неторопливо покидаю институт, чтобы занять очередь в ГУМе за польскими джинсами для спекулянтки Верочки.

Проблема выхода Надоело интеллигентское нытье по поводу язв нашего общества. Как говорят в ученых кругах, это нытье не конструктивно. Оно разъедает и не дает никаких оптимистических идей. Да и где таких язв нет? Общество без язв вообще не бывает. Американцы, и те сплошь в язвах. И англичане. И французы. Про итальянцев вообще говорить не стоит: одна сплошная язва, ни одного живого места. Ходит слух, будто у них теперь даже за макаронами очереди. Вы думаете, если устранить тревожащие нашего интеллигента язвы и удовлетворить его свободололюбивые чаяния, то лучше будет? Ничего подобного! Лучше не будет. А вот хуже будет наверняка. Директорам нельзя будет появляться в руководимые ими учреждения, — заплнюют. Фабрики и заводы замрут — трудящиеся вместо трудовой вахты в честь предстоящего юбилея уйдут на демонстрацию требовать мяса. И перепьются, само собой разумеется. Молодые ребята ударятся в религию, чтобы не служить в армии. У пограничных пунктов выстроятся длинные очереди желающих смотреть на Запад. А что будет твориться в искусстве? Страшно подумать! Мало-мальски терпимая литература утонет в потоке разоблачений. Число репрессированных будет доведено в них до миллиарда. Даже ханты-мансийцы заведут у себя сюрреализм, а в Чухломе не станет прохода от абстракционистов. И так во всем, за что ни возьмись.

Но где же выход, спросите вы. Законный вопрос. Выход нужен, ибо наш интеллигент... А если вы спрашиваете о выходе, то вы наверняка интеллигент, ибо интеллигент по определению есть тот, кто ищет выход из создавшейся ситуации, как и из ситуации, которой еще нет или уже нет. Так, наш интеллигент, продолжу я прерванную мысль, жить без выхода не может. Вернее — без поисков выхода, так как если выход найден или есть без поисков, то наш интеллигент вовсе и не интеллигент, а прослойка, совслужащий, деятель культуры. Нашему интеллигенту обязательно нужно искать выход. Вход не обязателен, но без выхода — никак. Наш интеллигент так уж устроен, что войти еще не вошел, а уже выдвигает проблему выхода. По этому поводу даже анекдот есть. Скажи, спрашивает один интеллигент другого, ты мог бы влезть в бутылку (имелась в виду поллитровка, которую интеллигенты только что осушили)? А как я из нее потом вылезу, спросил в ответ другой.

Из сказанного не следует, что интеллигент искомым выходом воспользуется. Скорее всего, не воспользуется. Не для того он ищет этот выход. Он не прагматик. Он чужд утилитарных интересов. Ему выход важен из принципа. В чем тут дело? Объяснение этому феномену пока не найдено.

Известно лишь то, что мучительные поиски выхода образуют дифференцию специфику нашей интеллигенции, являющейся с этой точки зрения законным преемником дореволюционной интеллигенции. Те тоже долго искали выход. Но по неопытности совершили две ошибки. Первая ошибка: они выход нашли на самом деле. И вторая ошибка: они им воспользовались. Что из этого получилось, вам хорошо известно. Наша интеллигенция, наученная их горьким опытом, таких ошибок не совершит. Она не столько выход ищет, сколько тем самым демонстрирует свое духовное превосходство над Западом, который утратил духовность в погоне за материальными благами.

Но вообще проблема выхода меня интересует. И я прислушиваюсь к тому, что люди говорят на эту тему. Вот, например, один мой случайный собутыльник-собеседник сказал, что он предлагает «принцип носорога». Что это такое? Носороги плохо видят и действуют на слух. Как спастись от носорога, если он кидается на вас? Потихоньку на цыпочках отойдите в сторонку, а громко топайте совсем в другом месте. Нам следует из этого извлечь урок. Наши власти действуют как носорог: устремляются туда, где шумят. А зачем шуметь? Раздавят же все равно. Так что лучше отойти в сторонку на цыпочках и затаиться. Это очень хорошая теория на тот случай, если носорог бежит именно на тебя, сказал я. А если он начинает метаться в злобе, круша все, что попадает на пути? Тем более, сказал собеседник, не следует вообще с ним встречаться. Зачем нам встречаться с ним в самом деле?!

Разговоры на лестничной площадке

И все-таки я люблю прислушиваться к разговорам на малой лестничной площадке. На большой площадке тоже постоянно ведутся разговоры. Но они не по моим мозгам.

Там говорят слишком заумно и употребляют много непонятных слов, хотя говорят о тех же пустяках, что и на малой площадке. На малой площадке я понимаю почти все, а иногда чувствую себя способным высказаться не хуже прочих. На большой же площадке стремятся все объяснить и обосновать. А я по опыту знаю, что объяснить — значит умертвить мысль, что живое слово понимается сразу, без объяснений. И принимается без аргументации. Аргументация допустима лишь тогда, когда она недостаточна. Когда аргументация сильна, тезис всегда оказывается сомнительным. А на малой площадке просто выдают идеи. И что здесь особенно хорошо — бесцельность и сумбурность разговора. Это — разговор для разговора. Он имеет цель и результат в самом себе. Он сам есть особая форма жизни, возможно — высшая. Когда кретин Субботин сказал однажды, что утонченная аристократическая беседа есть высший продукт цивилизации, он был недалек от истины.

На сей раз на малой площадке собрались самые молодые сотрудники. Говорят о цели жизни, о смерти и прочих мрачных вещах. Цель жизни банальна, — говорит семнадцатилетний мальчик, вырабатывающий в институте трудовой стаж для поступления в университет, — обеспечить себе спокойную, обеспеченную, беззаботную старость. Все страсти и желания пропадают. Остается одно желание — как можно дольше жить, получая наслаждение

от того, что такие-то твои знакомые померли, хотя были моложе тебя, а такие-то прозябают в нищете, болеют и вот-вот тоже загнутся. Вот и все! В этой проблеме есть другой аспект, — лепечет выпускница университета, принятая в институт по большому благу на самую маленькую должность, — социальный. Миллиарды людей живут только для того, чтобы несколько миллионов жили хорошо и были счастливы. С прогрессом науки и техники эти миллиарды становятся излишними. Счастливые миллионы уже могут прекрасно обходиться без несчастных миллиардов. Люди это чувствуют, и от этого происходит все сумасшествие в мире. Смерть есть результат ошибки, — говорит хилый очкарик, окончивший какой-то естественный факультет университета (кажется, биологический) и принятый в отдел философии естествознания по недоразумению, — причем, ошибки незначительной, но неизбежной. В каждом шаге жизни открываются две возможности: 1) возможность ошибки и возможность ее исправления (компенсация); 2) возможность избежать ошибки. Вторая возможность в конечном счете ведет в тупик, т. е. к смерти. В случае же первой возможности ошибка исправляется дорогой ценой: приходится что-то терять. Исправляя ошибки организма, мы постепенно теряем части нашей жизни. Потери накапливаются и ведут к смерти (совместно с тупиковыми безошибочными шагами). Так что логически рассуждая, вечно можно жить только при том условии, что потеряешь все. Продление жизни людей с какой-то точки зрения есть благо. Но с другой точки зрения это есть зло. Во всем надо знать меру. И тут тоже. Особенно нашим вождям, — замечает семнадцатилетний мальчик.

После этого замечания они умолкают и оборачиваются в мою сторону. И расходятся по своим рабочим местам. А я усмехаюсь. Я-то отлично знаю, что этот семнадцатилетний мальчик — осведомитель. Я своими ушами слышал однажды его разговор с сотрудником КГБ. Очень толковый мальчик, с отличной памятью. И уже понимает прекрасно, кто и чего здесь стоит, за кем надо приглядывать и прочее. Вместе с тем, он принимает многих других сотрудников (меня в том числе) за агентов КГБ и боится их. Но этот страх со временем пройдет. Не он первый, не он последний.

О романтике Многих сотрудников нашего учреждения два раза в год посылают на работу в деревню в подшефные хозяйства (совхозы и колхозы) — один раз на посадку овощей (у нас в учреждении почему-то называют это посевной кампанией), а другой раз — на уборку (как сказал однажды наш директор, большой специалист по проблеме преодоления противоречий между городом и деревней, — на косовицу зерновых). В промежутках между этими крупными поездками их регулярно посылают работать на овощные базы в самой Москве, а также в строительных бригадах в деревню помогать подшефным хозяйствам построить какое-нибудь эпохальное сооружение — свинарник, крольчатник, навес для машин, овощехранилище. Строить они, конечно, ничего не строят. Это — одни разговорчики, ибо свиней уже нет, кроликов еще нет, а овощи хотя и бывают, но успешно гниют и без хранилищ. Зато помогать они здорово помогают. Они еще ни разу не возвращались после такой поездки без благодарностей или премии. Премии, конечно, вшивые. Но зато они имеют великую ценность

в чисто теоретическом и морально-политическом плане: они вселяют, зовут и лишний раз подтверждают. Причем езжу иногда в деревню и я. Езжу вполне добровольно. Почему, естественно, заинтересуетесь вы, ибо в наше время встретить подобного идиота — большая редкость. Отвечаю: потому что я настоящий коммунист, один из немногих чудом уцелевших настоящих коммунистов. Не спешите смеяться, я сейчас объясню вам, в чем дело, и вы поймете меня. И, может быть, вместо смеха пророните слезу грусти и сожаления.

Езжу я на работу в деревню прежде всего с целью отдать свои силы на выполнение постановления очередного пленума ЦК поднять наше сельское хозяйство на недостижимую высоту. Я спросил представителя райкома партии, инструктировавшего нас перед отправкой в деревню, как понимать это выражение «недостижимая высота» и для кого эта высота считается недостижимой. Представитель вытаращил на меня глаза, побледнел и побежал консультироваться к самому секретарю райкома. Через час меня пригласили зайти в кабинет к секретарю и там посоветовали во избежание недоразумений на эту тему помалкивать. Ясно, — сказал я, — я же старый коммунист. Понимаю, что наши трудности — самые непреодолимые. Так держать, — сказал секретарь, с чувством пожав мне руку.

Я предвижу, что вы ни за что не поверите в это мое намерение, и потому я открою вам главную причину моего такого поведения: это — романтика. Да, та самая романтика, о которой теперь почти все позабыли, а те, кто о ней еще чуточку помнит, стыдятся в этом признаваться. И не просто всякая романтика, а особая, коммунистическая. И суть ее выражается двумя словами: строй и атака.

Дело в том, что я — прирожденный строевик и вояка. Я любил ходить в строю. Вот представьте себе такую сценку. Наша запасная рота идет на майский или ноябрьский парад на главную площадь приволжского городка. Командир роты идет не впереди, как в других частях, а в середине, среди нас, с винтовкой. И командует изнутри строя, так что со стороны команд совсем не слышно. Вот мы выходим на площадь. Молодые, подтянутые. И начинаем печатать шаг. Мощно, так что потом у многих из нас отлетают подошвы. Эффект потрясающий. Площадь замирает. Только слышно, как мы рубим шаг. Как один огромный человек. Мы напряжены, как туго натянутые струны. И в самый такой нервный момент раздается сильный голос запевалы:

*Там, где пехота не пройдет,
Где бронепоезд не промчится...*

Мы во всю силу подхватываем припев:

*Пропеллер, громче песню пой,
Неся распластанные крылья!*

Мы теперь — одно сильное и пламенеющее существо, соответствующее духу этой прекрасной песни. Таких песен теперь не могут сочинить. И петь

их не могут. Нынешние песни — дерьмо. Мы с нашей гремевшей песней проходим через площадь, заражая всех своим настроением. Ради такой минуты стоит жить, стоит месяцами заниматься бессмысленной на первый поверхностный взгляд строевой подготовкой. Люди ходят в строю не только потому, что их заставляют, но и потому еще, что они от этого иногда получают ни с чем не сравнимое наслаждение.

Возьмите теперь фронт, сражение, атаку. На фронт я попал в пехоту. Фронт в пехоте, конечно, кошмар. Грязь, голод, холод, усталость. И смерть со всех сторон. И в любое время года и суток. Но вот взводный дает знак приготовиться к атаке. Я смотрю на лица ребят — серые и окаменелые. А я... Я даже зимой в атаку ходил без шинели, в одной гимнастерке. И от меня пар шел.

А когда мы уходили на фронт, провожать нас собрались все женщины городка. Мы шли сквозь них и пели. Здорово шли, как в кино. И пели здорово.

*Молча матери глядели
Вслед ушедшим сыновьям.*

На женщин смотреть жутко было. Многие бросались на землю и выли. До сих пор у меня в ушах не утихает этот вой.

Это я между прочим говорю. Хотя какое-то отношение к романтике это имеет, я чувствую.

На фронте я тогда быстро сделал карьеру — дорос до командира роты. Но ненадолго. Однажды роту мою почти полностью разгромили. А я уцелел. Потом меня соответствующие лица спросили, почему я уцелел. Я послал их подальше. И за это снова начал свою военную карьеру с рядового. Случай этот — типичный для войны. Если мне не изменяет память, нечто подобное случилось с одним из членов нашей бригады — с Иваном Васильевичем. Потом меня не раз спрашивали, почему я уцелел. Правда, спрашивали с иными целями. И отвечал я по-другому. А я и не уцелел, отвечал я. Я был убит. Это моя душа живет и наблюдает последствия, и только. После войны меня демобилизовали в первую очередь, хотя я был уже членом партии и снова дорос до роты, — армию очищали от настоящих фронтовиков. И от настоящих коммунистов тоже — они были нужны в голодной и измученной стране. Что было потом? Как у всех — ничего особенного, т. е. равным счетом ничего. Потом жизни фактически не было. Моя жизнь закончилась с последней атакой.

Так что в деревню я езжу по вполне понятной вам теперь причине: я тут чувствую себя немножечко в общем строю и немножечко на фронте. Тут — битва за урожай. Тут — грязь, слякоть, холод, полуголод. Тут и жертвы бывают. Прошлый год у нас один парень погиб — оторвался борт машины. Одного засудили ни за что. Человек десять покалечились из-за перепоя. А сколько насморков, гриппов, воспалений легких, поносов. Любопытно, что многие здесь ведут себя, как на фронте. У Комиссара (мужик из нашей бригады), например, обострение язвы желудка, но он и не думает покидать нас — не хочет быть дезертиром.

Есть еще одна причина, по которой я добровольно еду на работу в деревню. Ехать-то все равно надо, не отвертеться. Ну, один раз увильнешь, зато другой не выйдет. Увильнешь — репутацию дурную заработаешь, и тогда вдвое чаще ездить придется. А если добровольно соглашаешься, тебе почет за это, в следующий раз не пошлют (ты уже ездил добровольно!), весь год можно будет уклоняться от других общественных поручений. Так что быть настоящим коммунистом иногда удобно и выгодно.

Руководящая идея Все производимое людьми разделяется на три группы: некие совершенства, некие убожества, некие ни то и ни се. Последние логически эквивалентны неким то или се, что может подтвердить параноик Смирняшев и даже дебил Субботин. Продукция третьей группы производится везде и всюду в изобилии. Она является нормальной и обычной для жизнедеятельности человечества. И общества различаются не по ней, а по доле продукции первой и второй категорий в валовом продукте общества. Например, вам стало известно, что в данном обществе в текущем году произвели двести пятьдесят пять миллионов пар босоножек и двести пятьдесят пять миллионов тонн картошки. Почему двести пятьдесят пять, а не двести пятьдесят? Для запаса, конечно. И для перевыполнения плана. Но дело же не в этом. Вам надо определить тип общества. Для этого вы должны выяснить долю совершенных босоножек (их будет носить начальство) и долю убогих (эти не будет носить никто, и они будут десятилетиями храниться на складах, пожирая миллионы рублей на хранение). Аналогично надо выяснить долю совершенной картошки (ее будет кушать начальство) и долю убогой (ее будут жрать трудящиеся и свиньи). Если вам это сделать удалось, считайте, что вы точно установили тип общества. Говорите, пять миллионов пар (тонн) совершенных босоножек (картошки) и сто миллионов убогих? Все ясно! Вы имеете общество развитого социализма накануне его превращения в полный коммунизм. Почему, спросите, тут еще нет полного коммунизма? Очень просто: слишком высок еще процент совершенной продукции. Вот если бы вы получили в своих вычислениях такой результат: одиннадцать пар совершенных босоножек (две пары Генсеку и по паре главным членам Политбюро) и двести пятьдесят четыре миллиона девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот восемьдесят девять убогих, а также одиннадцать тонн совершенной картошки (две тонны Генсеку и по тонне главным членам Политбюро) и двести пятьдесят четыре миллиона девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот восемьдесят девять тонн убогой, то вы с полной уверенностью могли бы сказать, что имеете дело с обществом полного коммунизма.

Общества бывают разные. Бывают такие, в которых производится достаточно много совершенств. Бывают такие, в которых производится достаточно много убожеств. И бывают всякого рода комбинации. Бывают даже такие, в которых вообще ничего не производится, а только пожирается все, что перепадает от других обществ, в которых что-то хоть производится. Эти, между прочим, особенно быстрыми темпами движутся к полному коммунизму. Наше общество относится к числу таких, в которых очень много производят самые разнообразные убожества. Причем, производят не

как-нибудь, а досрочно, с перевыполнением и на душу населения. Обратите внимание: на душу, а не на тело. И так во всех сферах жизни, в том числе — и в духовной. Если бы вот сейчас я выстроил перед вами всех деятелей нашей власти и культуры, вы бы сразу поняли суть моего метода определения типа общества. Но, между нами говоря, и низшие слои нашего общества, на которые возлагают надежды известный вам Великий Писатель Земли Русской и многие наши диссиденты, мало в чем превосходят те, высшие.

Матренадура Возьмем, к примеру, мою хозяйку, вернее — хозяйку сарая, в котором нас поселили. Впрочем, владея сараем, в котором мы живем, она владеет и нашими душами и телами. Так что выражение «моя хозяйка» можно считать вполне научным. После нашей обычной (довольно утомительной) работы в поле она заставляет нас пилить дрова, чистить хлев, копаться на ее приусадебном участке (в огороде), таскать за пять километров ворованное сено для ее кормилицы-Буренки. Делает она это с каким-то подленьким смешком, выражающим фантастическую смесь холуйской просьбы, циничного требования, хамской душевности и прочих качеств нашего световосного «простого народа». Только завалимся мы на солому, прикрытую рваной дерюгой, и начнем свои интеллигентские разговорчики, как она возникает в воротах (не в дверях, а именно в воротах): ну-ка, дохлые интеллигентки, хватит задницы отлеживать, надо мышцы (она имеет в виду мускулы) накачивать, вот пила, вон... Мы сначала шлем ее подальше (на), она не обижается, хихикает, даже вроде бы кокетничает невообразимой формы задом, но твердо стоит на своем. И кто-нибудь из нас в конце концов нехотя встает и идет пилить дрова, копать огород, носить воду.

Зовут нашу хозяйку Матреной-Дурой или, короче, Матренадурой. Матрена — это ее собственное имя, а дура — это роль, которую она играет в обществе. Играет вполне успешно. Она так много лет играла ее, что на самом деле стала непроходимой дурой и вместе с тем ужасающе хитрой и ноюще-добро-злойной тварью. Потому ее и зовут все Дурой. А поскольку все прочие жители деревни считают себя дураками, к ее родовому имени Дура прибавляют ее видовое отличие Матрена. Но и это еще не все. Матрен в округе — пруд пруди. И все они, естественно, дуры. Поэтому, когда возникает путаница, жители говорят про нашу Матрену, что это — та самая, наблюдая которую Великий Писатель возымел надежду, что именно она спасет нашу Матушку-Россию. От кого спасет? Для чего спасет? Какую Россию? Живо воображаю себе такую сценку. Матрена крутится у печки. Писатель с восторгом смотрит на нее и умоляет ее спасти Россию. Пошел ты на со своей Россией, — говорит она в ответ. У меня тут из-за твоей болтовни молоко убежало.

Не берусь судить насчет будущего, но пока эта Матрена со слезами восторга и умиления реагировала на изгнание Великого Писателя из России и рассказывала о нем представителям Органов Госбезопасности такое, чего не мог бы вообразить он сам. В частности, она сообщила, что Писатель вел себя неправильно, когда ходил на двор (на ее, Матренин двор!),

и никогда не признавался в этом. Отмечаю в этой связи первое качество «простого народа»: готовность оказать услугу всякому, кто у него ее попросит. Если, конечно, просящий есть превосходящая его сила. Если же она почувствует хоть какое-то превосходство над собеседником, она преображается мгновенно. И тогда весь ее вид и каждое ее слово выражают величайшее, космическое презрение небесного существа к ничтожной земной твари. Мы это не раз испытывали на своей шкуре, когда кидали навоз не в то место, какое она указывала, или слишком кривили пилу во время пилки ее дров.

Матренадура воплощает в себе все лучшие черты советского народа, и прежде всего — его верность идеалам и несокрушимую принципиальность. А последняя для нее выражалась в четкой марксистской формулировке: кому давала, тому и подпевала. Когда она спит с Комиссаром, она целиком и полностью поддерживает генеральную линию партии, осуждает диссидентов, евреев и китайцев, поддерживает коммунистов Чили и Эфиопии, и верит в то, что у нас самый высокий жизненный уровень на Земле. Когда она спит с кем-нибудь из нашей молодежи, она сама становится оголтелым диссидентом, поносит высшее руководство, хвалит американского президента и Израиль, осуждает арабов, негров и китайцев (китайцев она осуждает при всех обстоятельствах). Оставшиеся ночи она отдыхает, т. е. храпит на всю деревню, проявляя полное равнодушие ко всему на свете, кроме своего крошечного хозяйства. За последнее она готова пожертвовать всем на свете — марксизмом, партией и правительством, диссидентами, американским президентом, неграми, евреями, арабами и китайцами. Упомянутыми народами она готова пожертвовать и без своего хозяйства, просто так, по доброте душевной и из чувства справедливости.

И не такая уж она, между прочим, дура. Помимо коровы, поросенка, клопов, тараканов и прочей живности, она имеет телевизор, мотоцикл и транзисторный приемник. Приемник и мотоцикл остались от сына, которого призвали в армию и, кажется, направили в какое-то спецучилище. Мотоциклом она, естественно, не пользуется. Он стоит в нашем сарае. Но она нам запрещает его трогать. Ценная вещь! А мы ее мигом поломаем! Зато приемник она гоняет вовсю. Слушает все враждебные «голоса», — здесь их все слушают, поскольку здесь легко ловить (и совсем не глушат). И интересно, конечно. Вот, мол, сволочи, про нашу жизнь правду-матку режут! Ведь все истинная правда! Откуда только они узнают все это?! Диссиденты, конечно, сообщают через ЦРУ! В свое время наша Матрена окончила девять классов и даже пыталась поступить в кожевенный техникум, но считает себя малограмотной. Мы что, — любит она говорить, — мы малограмотные. Десятилетка? Смех один. Это же не Москва! Одно название, что десятилетка. Это в Москве всяких там абасракианисов и прочих сианисов учат. А у нас — земля, навоз. Насчет навоза Вы преувеличиваете, — возражаем мы. Ну, удобрения, — не сдается она. Какая разница? Все одно вонь. Одна только вонь кругом и больше ничего. В этом году, — возражаем мы, — вроде, бы неплохой урожай. А толку что! — громит она наши аргументы. Все одно пропадет. Сгниет. Разворуют. Арабы и негры сожрут, чтобы они там подошли все, черножопые!

Чтобы закончить этот предварительный портрет нашей Матренадуры, добавлю еще один штрих: она довольно часто ходит в джинсах и в майке, на которой по-английски написано «Сердце Америки». Правда, джинсы куплены в местном сельмаге за шесть рублей, а майка фальшивая — изготовлена грузинскими жуликами. Хотя Матренадура никогда не выезжала не то что за пределы страны, но даже за пределы области, она уверенно судит обо всем, что происходит и (главным образом) не происходит за границей. Эти ее суждения — предмет особого разговора.

Внутреннее звучание Повторяю и подчеркиваю: я наш, советский образ жизни предпочитаю всякому иному. Почему? Да хотя бы потому, что не знаю никакого другого. И всех иностранцев призываю следовать нашему примеру. Почему? Хотя бы для того, чтобы нам обидно не было. И уж во всяком случае для того, чтобы мы потом могли сказать им с чувством удовлетворения: ну что, идиоты несчастные, поняли теперь, что такое настоящий коммунизм?! Так вам и надо! Мы вас предупреждали, вы не верили, теперь на своей шкуре испытаете, что означают светлые идеалы лучших борцов за счастье и свободу человечества!!! Честное слово, ради такой минуты душевного ликования стоит жить! Представляете, какой самодовольный хохот подымется в нашей стране развитого социализма, когда Запад попадетя в коммунистическую ловушку?! Будет всенародный праздник. Люди будут ходить просветленные и поздравлять друг друга с тем, что теперь все трудящиеся в мире будут жить так же по-свински, как мы живем уже седьмой десяток лет.

Не все, конечно, будут жить по-свински. Многие будут жить хорошо, а кое-кто даже отлично. Особенно — те народы, которые любят петь и плясать и не любят работать. Из них так и будут ансамбли песни и пляски формировать. А руководители их, которые без слуха, без голоса и без гибкости в суставах, будут жить даже совсем неплохо. И начальство, конечно. Ах, сколько будет на свете начальства!! В одних США по самым скромным подсчетам будет два миллиона секретарей партийных организаций (коммунистических, разумеется) и пять миллионов партийных активистов (членов разных бюро, комиссий, конференций, делегаций). Толстых бифштексов из свежего мяса не будет — это останется лишь для избранных высших лиц общества. Зато сине-фиолетового пюре из тухлой картошки будет вволю. Безработицы не будет, это точно. Всех припишут к каким-то учреждениям, всех трудиться заставят. А уклоняющихся посадят как тунецев. Неуклоняющихся тоже посадят. А всех недовольных — в Сибирь. Наконец-то освоим ее неисчерпаемые природные богатства. И справедливость будет восстановлена: не одному же нашему брату подыхать в тайге и за Полярным кругом, пусть представители других свободолюбивых народов тоже испробуют!

Люди и судьбы В учреждении, где работает соседка, умер уважаемый старый сотрудник, отравившись грибами собственного приготовления. Устроили грандиозные похороны, на которых пили водку и закусывали теми же грибочками — «отличный закусон!». Отравилось еще

двадцать человек. После этого грибы решили выкинуть. И поручили это сделать соседке. Но она пожалела их, очень уж хорошие грибочки. Покойный сам с любовью собирал их и солил. И она принесла их домой, целое ведро. И кормится ими второй месяц. И меня угощает иногда. Я узнал об истории этих грибов лишь после того, как два или три раза поел их. Вот что значит СУДЬБА. Не знаю, что нужно делать в таких случаях — смеяться или плакать. Был у нас в институте сотрудник по имени Субботин. Типичный прохвост и дурак. Но с некоторой склонностью к оригинальности и к обозначению своей персональной исключительности. И из-за этого с ним постоянно происходили всякого рода неприятные истории. Например, у него была привычка: о чем бы ни шла речь, он сначала говорил «я протестую», а уж потом порол обычную чепуху, ничего общего не имеющую с протестом. Остряки из стенгазеты обыграли это и изобразили его инициатором новой формы диссидентского движения — движения «в знак протеста». Особенность этого движения — отсутствие каких бы то ни было причин и поводов для протеста. Это — высшая форма протеста, протест как таковой, протест в себе и для себя, самодовлеющий протест. Сотрудники института посмеялись. Но для самого Субботина дело кончилось плачевно. Его долго таскали по всяким ответственным инстанциям. Он буквально на глазах погибал от кровавого поноса. Наконец, институтская сплетница Кирусик пустила слух, что Субботин подписал какое-то воззвание в знак протеста. Слух подтвердился. Хотя это воззвание оказалось направленным против диссидентов, за Субботиным прочно закрепилась юмористическая кличка «Диссидент». И путь в академики для него оказался отрезанным.

А вот другой случай — с сотрудником по имени Куктычапакарабагиров. Если Субботин был дурак, то этот был сверхдурак. К тому же необычайно тщеславный. Он тоже постоянно подчеркивал свой вклад в мировую культуру. И его тоже обсмеивали в стенгазете. Некоторое время даже была постоянная рубрика «Куктыч и классики мировой философии». Так этого дегенерата взяли в аппарат ЦК инструктором в отдел науки. Так что, когда говорят, будто коммунизм враждебен личности, совершают грубую ошибку, ибо все зависит от личности.

Разговоры на площадке За границей я бывал, и не раз, — говорит молодой доктор наук, регулярно выезжающий на Запад с непонятными целями.

И знаете, что самое поразительное? Ходил я по Лондону, по Парижу или по Нью-Йорку. И в голову мне приходили только пустяковые мысли. И я почувствовал, почему большинство западных людей такие же кретины, как мы, почему они придают значительность пустякам и игнорируют или принижают значительное. Хотите знать, почему? Дело не в том, что они не видят сущности происходящего. Дело в том, что происходящее там вообще не имеет никакой сущности. Сущность имеет только происходящее у нас. Но у нас эта сущность обнажена и не имеет интригующей силы тайны. И к тому же она кажется нашей национальной чертой. Очень любопытная ситуация получается: мир раздвоился на голую сущность (это мы) и пустое явление (это Запад). И если Запад

хочет обрести сущность, он должен смотреть на нас и уподобляться нам. Но тогда он должен будет сбросить свои соблазнительные проявления. Недурная мысль? Между прочим, это я только сейчас придумал. Жаль, уже завтра я это забуду. А записывать не хочется.

Кусочки прошлого Я родился в глухой российской провинции — «медвежьем углу», как называли такие места. Во всем нашем районе не было ни одного социал-демократа, ни одного эсера, ни одного большевика, ни одного меньшевика и прочей революционной братии. Может быть, именно поэтому у нас не было ни революции, ни контрреволюции, ни гражданской войны. Посадки, конечно, были. Но они начались уже потом, когда вся заварушка в центре кончилась. А у нас никакой заварушки не было. Просто однажды приехал с фронта на побывку сын полицмейстера (уважаемого, кстати сказать, всеми человека), штабс-капитан. Сообщил, что царя скинули. Слух облетел район. И везде покорно сняли двуглавых орлов и портреты царя и царицы. Сняли добровольно, никто не заставлял. Кто не хотел снимать, тех не трогали. У нас, например, портрет царя висел как украшение вплоть до колхозов. Да и бросили мы его не из-за колхоза, а потому, что бросили дом вместе с портретом и удрали в Ленинград (в Питер, как все говорили). Последнее же сделали, конечно, из-за колхоза. Кто был побогаче, уехали из наших мест сразу же, как только штабс-капитан пустил слух насчет царя. Потом в районе появились два дезертира, которые принесли весть об Октябрьской революции. Дезертиры сначала прятались в лесу. Им все носили еду и выпивку. Потом их вызвали в район (тогда — волость). Чины «старой власти» сдали им бумаги и печати, а сами уехали кто в Москву, кто в Питер. И с тех пор у нас началась советская власть. Никаких духовных драм в наших местах в связи с этим не было. Революцию почти не заметили.

Почему, спрашивается у нас так произошло? Дело в том, что из наших мест испокон веков мужики уходили на заработки в крупные города — Москву, Питер, Кострому, Ярославль, Вологду. И население вело полугородской и полудеревенский образ жизни — переходный к городскому в главной тенденции. Революция лишь ускорила этот процесс. Она и была воспринята как второстепенное явление в этом более глубоком процессе перехода массы русского населения к городскому образу жизни. Не к капиталистическому, а именно к городскому, каким бы он ни был с социальной точки зрения. Потому наши края не ощущали никакой классовой борьбы, не имели понятия ни о какой революционности и прочих вещах, о которых нам потом твердили десятки лет и твердят до сих пор. И я до сих пор не верю в правдивость этих рассказов.

Сразу же после революции усилился процесс бегства населения в города. Было куда бежать. Многие имели в городах родственников, свои комнаты и даже дома. Даже Новая экономическая политика (НЭП) не могла остановить этот процесс. Она ускорила его, открыв возможность частной инициативы в городах, а наши мужики все были мастерами — столярами, малярами, сапожниками. Когда началась коллективизация, ее встретили

совершенно спокойно. «Кулаков» практически не осталось — почти все зажиточные (т. е. работающие) мужики успели удрать. «Раскулачивали», конечно, но довольно вяло и нелепо, в основном по личным соображениям. У нас «раскулачили» соседа, который был беднее тех, кто его раскулачивал. Но он в пьяном виде послал подальше председателя сельсовета, который был тоже в стельку пьян (они пили вместе). Тот и внес его в список. Кое-кого арестовывали, но особого резонанса это не имело. Воспринимали как должное. Арестовали попа — правильно, потому как эксплуататор и опиум для народа. Арестовали бывшего унтера из соседней деревни, — так надо же было кого-то арестовать за то, что уполномоченный района по коллективизации пал жертвой врагов народа, т. е. в пьяном виде утонул в омуте у мельницы.

В колхозы пошли добровольно и даже охотно. Лодыри пошли потому, что колхозы как будто специально освобождались от каторжного труда единоличного хозяйства и забот. И с надеждой на то, что удастся удрать в город. Отец приехал из Питера, две недели поил местное начальство, собрал однажды ночью мало-мальски стоящие пожитки, усадил на телегу детишек (нас было пятеро) и мать (дед и бабка отказались ехать), решили помереть в деревне), привязал на станции лошадь к какому-то столбу, и мы уехали из деревни навсегда. Отец съездил потом один раз на похороны деда, второй — на похороны бабушки. Вот и все!

Таким образом, хотя мои родители выросли до революции в деревне, хотя я сам родился вскоре после революции в деревне и жил детство в деревне, я целиком и полностью есть продукт послереволюционной городской жизни. Говоря о городской жизни, я имею в виду особый тип жизни, а не обязательно жизнь в большом городе. В большом городе этот тип жизни просто более четок и определен. Я должен в связи с этим заметить, что когда усматривают некую преемственность нашего образа жизни по отношению к жизни русского крестьянства до революции (знаменитая община), то совершают грубейшую ошибку. Наша революция была решительнейшим переходом страны к городскому типу жизни. Она исходила из города, делалась во имя города и разорила деревню ради города. Это была городская революция прежде всего. Знать это очень важно с точки зрения понимания сути нашего общества, его основных тенденций и главных действующих лиц. Что такое город? Мы с детства усвоили такое представление о нем: город — это начальство, бумаги, распоряжения и прочие явления бюрократии. И менять это представление не было никакой необходимости.

Разговоры на площадке Кого только не встретишь в наших забегаловках, — говорит Учитель. — Вчера, например, я встретил человека, который решил шахматную проблему. И продает свое решение всякому желающему за самую примитивную выпивку. Поскольку он продает так дешево, еще никто не использовал его результат. А между тем в нем есть смысл. В деталях рассказывать долго и не интересно. Я вам изложу основные его идеи. Первая состоит в том, что задача эта не позитивная, т. е. не задача «Как выигрывать?», а нега-

тивная, т. е. задача «Как не проигрывать?». Потому шахматные ходы надо оценивать не по степени успеха, а по степени опасности поражения или риска. Ход, ведущий к поражению, имеет самую высокую степень риска, а ведущий к выигрышу — нулевую степень риска. Выигрыш вообще есть лишь один из методов не проиграть...

Учитель увлекается и развивает целую теорию. Я знаю, что эту теорию он придумал сам, а приписывает ее какому-то пьянице-математику просто так, по русской привычке приписывать свои мысли другим. И от этого становится грустно. Я бросаю недокуренную сигарету и тихо ухожу.

Город и деревня Еще в студенческие годы на семинарах по научному коммунизму мы с увлечением спорили на тему о стирании граней между городом и деревней. Издевались над социалистами-утопистами, которые будущее представляли себе так: будут люди жить в городах и будут время от времени выезжать в деревню на полевые работы. Мы были, конечно, умнее социалистов-утопистов. Мы понимали это стирание граней прежде всего как установление социальной однородности города и деревни и как поднятие производительности труда, характера труда, культуры, быта и т. п. до уровня таковых в городе. Теперь мы воочию можем убедиться в том, что в общем и целом все оказались правы. Поразительное явление! Люди всегда ошибаются в оценке прошлого и, особенно, настоящего. Настоящее люди никогда сами не понимают! Но они никогда не ошибаются в предсказании будущего. Невозможно придумать такую чушь, чтобы она потом не осуществилась в той или иной форме. В чем дело? Вот и в данном случае. Социалисты-утописты явно несли ахинею в свое время. А мы в числе прочих двадцати миллионов городских жителей, отправляемых ежегодно на работу в деревню, делаем именно то, о чем они писали: копаемся в земле. Чего стоит треп научных коммунистов, об этом даже и говорить не стоит. А между тем жизнь деревенских жителей теперь мало чем отличается от городской. Большинство получает зарплату. Плата на трудодни еще сохранилась, но она имеет тенденцию отмереть. И не она теперь главное. Зарплата мизерная. Но и в городах не очень-то высокая. И приусадебные участки кое-что (а часто — довольно порядочно) дают. И работают местные жители, как в городе работают, т. е. шалаяй-валяй, спустя рукава, не бей лежачего, абы кабы и т. п. Дон Игуан (это — инженер из «почтового ящика», живущий в нашем сарае) утверждает, что именно в этом состоит диалектика общественного развития. Именно потому, что воплотились в жизнь гениальные предначертания классиков марксизма, деревенские жители разбежались по городам, а те, которые остались, превратились в типичных халтурщиков. Поэтому-то нам и приходится временно подтверждать предсказания утопистов. В бытовом и культурном отношении деревня тоже стремительно приближается к городу. Холодильники, телевизоры, мотоциклы, джинсы, колготки стали тут обычными предметами обихода. Дон Игуан этим даже недоволен немного. С колготками, — утверждает он, — могли бы и не торопиться. А то местные девки носят их и в сорокаградусную жару, и в сорокаградусный мороз.

А так как колготки стоят сумасшедших денег, девки всячески их берегут. И потому получить от них то, что требуется здоровому мужчине, необычайно трудно: девки боятся порвать эти проклятые колготки. Я сказал, что меня эта проблема удивляет: ведь можно на свидание ходить и без колготок, ночью же все равно их не видно. Дон Игуан сказал, что до такого высокого уровня сознания деревня еще не поднялась. И мы вспомнили анекдот про негра, которому белая женщина (из колонизаторов) велела надеть презерватив во избежание недоразумений и который спросил у своего партийного вождя после освобождения страны от колониального ига, можно ли ему теперь этот презерватив снять. Между прочим, и наша Матренадура имеет две пары колготок. Пара колготок — это на самом деле одни колготки, которые здесь считают почему-то парой (как говорят о паре брюк?). Одни колготки — совсем новые, их Матренадура надевает по праздникам. Другие — штопаные и перештопаные. Их она надевает в жаркие дни, когда ходит в юбке, а не в джинсах. Откуда нам известно об этом? Это проще простого. Весь свой интимный туалет Матренадура демонстративно стирает и сушит на веревке перед входом в наш сарай.

Но не все обитатели нашего сарая единодушны в решении проблемы города и деревни. Комиссар (экономист из какого-то патентного бюро) утверждает, что последние постановления Партии и Правительства, обязывающие жителей сельских местностей разводить коров, свиней, кроликов, кур и прочую съедобную живность (а не только клопов, блох и тараканов), сильно задержали процесс стирания граней между городом и деревней. Комиссар употребляет специальную терминологию политэкономики, и потому понять его вообще невозможно. Мы и не стараемся вникать в его речи, поскольку он зануда и парторг нашей бригады. Две трети нашей бригады члены партии, остальные почти все комсомольцы. Лишь несколько человек беспартийные. Поскольку они выросли из комсомольского возраста, их рассматривают наравне с членами партии. А так как у нас комсомольская группа объединяет комсомольцев нескольких бригад, что затрудняет комсомольскую работу, они тоже подчиняются Комиссару. Впрочем, хотя он и зануда, он мужик неплохой, работающий и справедливый. Мы его зовем Комиссаром, и он на эту кличку охотно отзывается. Кандидат математических наук из какого-то вычислительного центра считает, напротив, эти постановления Партии и Правительства новым ценнейшим вкладом в сокровищницу марксистско-ленинского учения о коммунизме. Иначе, говорит он, у нас совсем жрать нечего будет. Что лучше, спрашивает он, стереть грани и подыхать с голоду или оставить грани, зато быть сытыми? Комиссар говорит, что Кандидат не понимает азов марксизма, что согласно марксизму как раз наоборот, лишь стирание граней позволит... Но тут появляется Матренадура и делает знак Комиссару. Комиссар «спит» с Матренадурой, и она за это подкармливает его.

Наши нравы Состоялся открытый суд, на который не допустили даже самого обвиняемого.

И их нравы У Матренадуры какой-то родственник бывал за границей.

И по его рассказам у Матренадуры сложилось четкое представление о Западе. Там, — говорит она, — на стенках и заборах никаких хулиганских надписей не увидишь. Даже в туалетах стенки чистые. И даже в лифтах и телефонных будках ничего не нацарапано. От скуки помереть можно.

Разговоры на площадке — Наши представления об источниках цивилизации, культуры и прогресса чудовищно нелепы.

Вот, например, испанки носили длинные юбки и обувь на высоких каблуках. Знаете, почему? Да потому что у них ноги короткие и некрасивые. К чему это я говорю? Да к тому, что культуру и прогресс на самом деле выдумали не гении и красавцы, а бездарности, посредственности и уроды. Культура вообще есть прикрытие убожества. Гении и красавцы склонны, естественно, к ясности и обнаженности. Бездари и уроды стремятся скрыть истинное положение вещей и приукрасить его внешними атрибутами. И прогресс достигается не за счет гениев и красавцев, а за счет борьбы против них. Вот тебе другой пример: христианское целомудрие, единобрачие, сексуальная сдержанность. Кто это изобрел? Совершенно очевидно, люди с посредственной внешностью и слабыми половыми потенциями. Обрати внимание: красивых и темпераментных женщин жгли на кострах и забивали камнями как ведьм.

— В нашем обществе посредственностям и уродам предоставлены богатейшие возможности. Значит, должен был наблюдаться стремительный прогресс культуры. Но я что-то этого не замечаю. Скорее, наоборот. В чем же дело?

— Дело в том, что у нас повывелись те гении и красавцы, в борьбе с которыми посредственности и уроды двигают прогресс. Вернее, им не дают развернуться, показать себя и влиять на ситуацию в обществе.

Наша бригада Наша бригада в некотором роде экспериментальная, во всяком случае, она явно новаторская. Секретарь райкома партии так и сказал на митинге в честь нашего прибытия в район и рассредоточения по колхозам и совхозам: вам (т. е. нам) предстоит прокладывать новые пути... нет, пути... на пути... нет, на путях нового неслыханного подъема сельского хозяйства и на путях... нет на сей раз на пути... нашего неудержимого движения вперед к победе и т. д. и т. п. Когда он произносил свою зажигательную речь с целью вдохновить нас на самоотверженную борьбу (именно на борьбу!) за своевременную (почему не досрочную? Это что-то новое!) уборку картошки, свеклы и еще чего-то... Мы, вообще-то говоря, его и не слушали. Мы этой мути наслушались за свою жизнь в избытке... Так, когда он трепался насчет путей к и новых путей на, мы скидывались на первую (и вполне законную) выпивку на лоне природы. Вот сволочи, — ворчал при этом Кандидат, которому визгливо-горжественные вопли секретаря мешали сосредоточиться и произвести сложные расчеты с нашими мятыми бумажками и медяками. Битва за урожай! Штаб уборки! Борьба за морковь!! Штурм свеклы!! В какой

пропорции будем делить на закуску и выпивку? Каково должно быть соотношение водки и «красного»? Помяните мое слово, они еще введут воинские звания. Представляете, ефрейтор морковки! Капитан картошки! А высшее начальство — генералы и маршалы битвы за урожай!

Не подумайте, что «красное вино» — это то самое красное сухое вино, которое в образованных городских кругах пьют с шашлыком и жареной телятиной. Как только поезд пересекает городскую черту, слово «красное» меняет смысл: теперь «красным» называют все, что не есть водка, а «белым» называют все, что не есть «красное» (уже в новом смысле). Но дело не в этом. Дело в том, что наша бригада новаторская. Раньше каждый колхоз и совхоз имел своих (закрепленных за ним) шефов в городе. Шефствующее предприятие (учреждение) города ежегодно в соответствующие сезоны полевых работ выделяло энное количество сотрудников, которые ехали в свой привычный подшефный колхоз или совхоз, где их использовали по усмотрению местного начальства. Так оно и делается до сих пор в большинстве случаев. Но на сей раз во исполнение решения Пленума ЦК о подьеме сельского хозяйства на новую высшую ступень и о создании изобилия продуктов питания в городах решили провести битву за урожай централизованно, комплексно, с учетом местных условий, городских профессий шефов и профессий, приобретенных нами в прошлые поездки в деревню. Поэтому мы два дня околачивались в районном центре, ночуя где придется, чтобы районное начальство провело кампанию сражения за урожай на высочайшем демагогически-бюрократически-идиотическом уровне. С трезвоном в прессе и по радио, с кинохроникой и прочими атрибутами настоящей битвы. Нас по очереди таскали по разным классам школы, которую заняли под штаб битвы за урожай, выспрашивали анкетные данные, профессию, какие общественные поручения выполняли, на каких работах приходилось трудиться в деревне и т. д. В заключение нас пригласили побеседовать «по душам». Это — нечто вроде Особого отдела от КГБ. Здесь нам внушали, какая ответственная задача выпала на нашу долю, просили пресекать всякие нехорошие (разлагающие) разговоры и помогать Органам выявлять лиц, которые... Никаких бумажек подписывать не требовали. Просто просили помочь Им во имя и для. Это нечто новое. Дон Игуан говорит, что раньше заставляли подписывать обязательства быть осведомителями. Обычно ребята отказывались. Но кто знает, может быть, кое-кто и подписал. Все-таки битва на благо народа, Родины, Партии. Ради такой великой цели можно и послужить. Я молча выслушал, что говорили товарищи ОТТУДА, в ответ на их просьбу кивнул головой (про себя послав Их на). А что мне было делать? Речи протеста произносить? В позу становиться? А ради чего и ради кого? Я знал, что ни в чем помогать Им не буду. И этого достаточно.

Дислоцируется (если уж битва, так даешь военный язык!) наша бригада в населенном пункте Н, пожилые женщины — в домах (по три-четыре человека), мужчины и женщины помоложе — в сараях. Считается, что мы спим на сеновале, вдыхаем аромат свежего сена и все такое прочее. На самом же деле наша хозяйка Матренадура к сену нас близко

не подпускает, хотя мы его ей наворовали больше, чем накосила она сама, и спим мы на соломе и какой-то прошлогодней трухе. И воюем с крысами. Тут водятся и мышки. В сравнении с крысами они нам кажутся родными и близкими, и мы с ними не воюем. Черт знает, что происходит с этим миром, — говорит по сему поводу Токарь. — Раньше крысы с мышами никак не уживались, а теперь жить друг без друга не могут. Все перепуталось. Это все из-за атомных испытаний и космических полетов.

Наш сарай Мы держим оборону или идем в атаку в сарае у тетки Матренадуры на самом краю населенного пункта Н. Нас девять душ. Часть из них я уже назвал: это — Дон Игуан (самый выдающийся бабник в бригаде), Кандидат (самый выдающийся математик бригады), Комиссар (самый политически грамотный в бригаде), Токарь (самый горький пьяница в бригаде). Остальные пять — я, Лоб (самый здоровый и самый ленивый в бригаде), Иван Васильевич (самый старший в бригаде), Костя (самый молодой, самый хилый и самый работающий в бригаде) и Мнс (самый бесцветный в бригаде). Так что, как видите, самые выдающиеся личности бригады собрались почему-то в нашем сарае. Вы, конечно, спросите, почему в такую компанию затесался Комиссар? Ему как парторгу положено жить вместе с бригадиром в комнатухе при клубе. А он... Но тут все хитро продумано. Раз Комиссар, значит, должен находиться в толще народных масс, среди рядовых бойцов на самой линии фронта, можно сказать — в окопах. А то, что линия фронта проходит сразу же за нашим сараем, это очевидно без слов. Достаточно понюхать: рядом расположен свинарник. Хотя свиней — кот наплакал, вонь от свинарника идет ужасающая. Кроме того, то, что Комиссар живет в нашем сарае, есть чистая демагогия. Он только числится у нас. На самом деле он дрыхнет с Матренадурой на мягком тюфяке, набитом тем самым свежим пахучим сеном. И все же мы Комиссару не завидуем. Во-первых, спать с такой старой, неопрятной и страшной бабой можно только от непродолимой тоски и от жуткой бесперспективности. А во-вторых, Комиссара едят блохи и клопы, а это похуже крыс, так как крысы нас еще не едят, а только пугают морально. Впрочем, Костя считает моральные муки более тяжкими, чем физические. И он с удовольствием подменил бы Комиссара, поскольку Матренадура не такая уж старая и страшная, да боится, что его после этого засмеют.

Из мыслей Матренадуры — В Англии, — говорит Матренадура, — на каждом углу традиции. Без традиции шагу ступить нельзя.

— Выходит, и там свободы нет.

— Свободы там хватает. Просто они там без традиции делать ничего не умеют.

— Какие же традиции, к примеру?

— Всякие. Например, соберутся все вместе, о погоде говорят и смеются сквозь зубы, хотя совсем не смешно: погода-то дрянь, еще хуже нашей.

Разговоры на площадке — Вы, конечно, слышали о физике П, которого полгода назад выпустили на Запад.

— Так его недавно убили.

— Сплетни.

— Нет, это точно. Просто западные подонки (а их и там хватает) решили не подымать шума, чтобы не ухудшать отношений с нашими подонками. И потому заявили, что у них нет полной уверенности в том, что П убили. Хотя с медицинской точки зрения случай странный. Они даже не предприняли попытку поискать возможных убийц.

— А к чему все это?

— А вот к чему. Физик П взбунтовался из-за чего-то. Его наказали, лишили возможности продолжать исследования, из партии выгнали. Он подался в диссиденты. И вот его судьбой занялась куча всяких высокопоставленных подонков. Они не могут вести с П открытую полемику, ибо П прав. Они решают, как нейтрализовать и наказать его. Они имеют в своем распоряжении могучий аппарат власти и практически неограниченные возможности расправиться с П. И вот они решают, как это лучше сделать. Обдумывают, рассчитывают. Намерение уничтожить П физически предполагается с самого начала как нечто само собой разумеющееся. Никаких правовых и моральных ограничений нет. Лишь голый расчет: как убить ни в чем не повинного человека, чтобы наша власть выглядела гуманной и совершенно непричастной к убийству? Вот в чем проблема: надо убить человека, именно за то, что он прав и что дерзнул отстаивать свою правоту открыто, но чтобы это выглядело вовсе не как убийство. Если посадить П в тюрьму или убить из-за угла здесь, у себя дома, будет шум по этому поводу. В данной ситуации это невыгодно для государства, как считают эти подонки. И решают выпустить П на Запад (смотрите, мол, мы гуманизм проявляем), но убить его там (мол, туда ему и дорога!). И вот могучая организация разыгрывает грандиозный тайный спектакль — работают, сволочи! Убийство тщательно готовят. Используют новейшие достижения науки и техники — до сих пор на Западе не могут выяснить, каким ядом его убили. Делают это чужими руками — они, мол, ни при чем! Какие огромные усилия были приложены! Какие расходы! Вы только вообразите: мощнейшая организация, не считаясь с тратами, уничтожает невинного человека! Убивает просто потому, что он попал в ее расчеты. И это — в конце двадцатого столетия. Что это такое?

— Ритуальная жертва.

— Но они же все-таки думают об интересах государства.

— Чуть! Они думают, будто они думают об интересах государства. На самом деле они ни о чем другом не думают, кроме исполнения своих формальных функций и своих эгоистических интересов. Они не думают, а рассчитывают. Эта операция с П наверняка осуществлялась как великое сражение. Люди жили в ней, действовали, делали карьеру. Сколько подонков за границу съездило! Какие заседания проводились! Представляю, на каком уровне решался вопрос о характере яда и выборе исполнителей. Это — спектакль, для участников которого П есть не человек, а всего лишь объект их деятельности.

И разговоры в сарае — Я готов принять любой ход жизни, лишь бы он был естественный, а не выдуманный.

— А что ты считаешь естественным ходом жизни и что выдуманным?

— Дождь, например, и холод — это естественно. А вот то, что мы тут мокнем и дрожим от холода, — это противоестественно, выдуманно нашими руководящими кретинами.

— Руководящие кретины — это цивилизация, а цивилизация вообще есть нечто искусственное, изобретенное, выдуманное.

— Не придирайся к словам. Я просто хочу сказать, что противоестественно для человека быть единичкой в чьих-то расчетах. Представляете, там, где-то в верхах, в теплых и уютных кабинетах собираются вши-руководители и решают с такими-то людьми поступить так-то (например, направить на уборку в деревню и в строительные отряды), а с такими-то поступить так-то (например, посадить в тюрьмы и психушки, выгнать из страны). В таких расчетах ты фигурируешь не как существо, наделенное неповторимым «я», а просто как элементарная частичка, единичка.

— Ты прав. Обидно быть такой единичкой в расчетах каких-то подонков, которые воображают себя вершителями судеб, богами.

— А какая разница? Подонки или настоящие боги вершат твою судьбу. Раньше человек чувствовал себя тоже такой единичкой в каких-то неведомых ему расчетах Бога.

— Тут есть разница. В расчетах Бога человек фигурирует как существо с этим своим неповторимым «я», т. е. именно как человек. А в расчетах наших руководящих кретинов мы фигурируем просто как десятки, сотни, миллионы, десятки миллионов.

— Так в чем же все-таки состоит естественный ход жизни?

— Есть определенные правила поведения (борьбы, игры), которые мы принимаем как естественные, и такие формы поведения, которые мы воспринимаем как несоответствующие им. Например, А и В ведут теоретическую полемику. Есть некие идеальные правила такой полемики, допустим — не искажать позицию противника, не фальсифицировать факты, признавать силу логики. Если А искажает позицию В, врет, использует настроения аудитории, нарушает правила логики, это мы воспринимаем как отклонение от нормы.

— Если понимаем это. А если нет?

— Тогда и проблемы нет. А если А использует против В свое положение в системе власти и уничтожает В, это совсем выходит за рамки человечески естественных форм поведения. Возьмите, например, борьбу Сталина против своих противников...

— Ленин, Энгельс и Маркс немногим были лучше.

— Вся история состоит из таких отклонений от нормы. А соблюдение нормы бывает лишь в качестве исключения.

— А я и не спорю. Я лишь утверждаю, что когда люди над этим начинают задумываться, они и сталкиваются с проблемой естественности и противоестественности того или иного хода жизни.

Основной постулат Но если вас вопрос о выходе интересует серьезно, я такой выход вам подскажу: живите во сне, а не наяву, — вот мой основной постулат на этот счет. Живите во сне, а жизнь наяву (т. е. в состоянии бодрствования) используйте лишь как подготовку ко сну, как тренировку ко сну, как создание необходимых предпосылок и благоприятных условий для сна. При таком подходе не такой уж плохой вам покажется и жизнь наяву. Вы к ней будете относиться так же, как сейчас относитесь к кошмарным снам, — отношение бодрствования и сна у вас станет обратным обычному. И подобно тому, как сейчас есть толкователи снов (сплошь шарлатаны, между прочим), среди вас появятся толкователи яви (и тоже, разумеется, шарлатаны). Что же касается жизни во сне, то ее преимущества очевидны и бесспорны. Она в принципе неподконтрольна Партии и Правительству. Последние не смогут вторгнуться в нее со своими маниакальными планами, вооруженными силами и Великими Стройками коммунизма. Не смогут забросить в нее оружие и агентов, — это им не Африка какая-нибудь. Неподконтрольна жизнь во сне и родному коллективу. И на субботники ходить в ней не надо. И на овощную базу. На собрания можно наплевать. И стукачи не подглядят за вами и не донесут. Друзья не затыкуют дружескими советами и критическими замечаниями. Одним словом,

*Во сне никто не отберет
Из рук твоих пивную кружку.
И на собраниях народ
За то с тебя не снимет стружку.*

А какие тут открываются возможности для благородных порывов нашей интеллигенции!

*Ругать спокойно можешь тут
Руководящую верхушку.
За то тебя не отведут
В спецлагеря или в «психушку».*

Хотите — верьте, хотите — нет, но на прошлой неделе, сидючи в научном кабинете, я за каких-то полчаса нанес удар по нашим притязаниям в Африке, воссоединил Германию, отделил Прибалтийские республики, освободил поляков и чехов, разгромил нашу хоккейную сборную и сделал многое другое. А я довольно терпимо и миролюбиво настроен к нашему обществу и руководству. Так что можете натворить вы, если у вас в душе накопело?! Уверен, что вы даже сможете в первом раунде нокаутировать Мухаммеда Али, как он того и заслуживает. Этот «простой американский спортсмен», как он сам о себе выразился (дважды чемпион мира, миллионер, руководитель какого-то негритянского движения), побыл несколько дней в Советском Союзе, сразу же «узнал правду о Советском Союзе», был принят «выдающимся борцом за мир» Брежневым, был безмерно потрясен увиденным у нас. Да за такие штучки стоит нокаутировать первым же ударом. И чтобы не поднялся. Нет, лучше

поступить с ним хуже. Превратите его в рядового советского гражданина, заставьте торчать в очередях, толкаться в транспорте, сражаться за лишний метр жилплощади и т. д. и т. п. (сами знаете, что именно). Пусть поживет несколько годиков. А то еще пошлите его в Африку воевать. Вот потеха будет!

Жизнь во сне пока еще дело новое. Относятся у нас к ней, как к парапсихологии, «летающим тарелкам», т. е. с одной стороны — разоблачают, а с другой — пытаются поставить на службу. Говорят, что особый секретный институт завели. Хватают тех, кого подозревают, что он умеет жить во сне, сажают в эти «институты» и заставляют свои секреты выдавать. Зачем? Да затем, чтобы и эту сферу жизни советского человека взять под партийно-государственный контроль. Люди по крайней мере треть жизни проводят во сне. А что они там вытворяют? Конечно, у Них ничего из этого не получается и не получится никогда, — я это могу подтвердить экспериментально и доказать теоретически. Но жизнь людям портят. Так что если решитесь последовать моему совету, помалкивайте. Держите себя так, будто и во сне у вас творится то же самое, что у всех прочих советских граждан, т. е. либо совсем ничего, либо нечто такое, о чем и говорить не стоит. То же самое дерьмо — великие стройки, эфиопы, космические штучки, очереди и партийные собрания.

А если проболтаетесь, пеняйте на себя. У нас к людям, которые могут видеть желаемые сны и жить в них по своему усмотрению, относятся так же, как к идеологическим диверсантам и внутренним эмигрантам. Если ваши друзья, соседи, сослуживцы и общественные организации пронюхают о том, что вы вытворяете во сне, они сделают все, что в их силах, чтобы вы совсем лишились сна или спали так же отвратно, как они сами. Как? Во-первых, донесут, и вас схватят как клеветника, шпиона, валютчика или психа. Во-вторых, расправятся своими собственными средствами. Например, устроят ночью топот в квартире над головой, грохот за стенкой, магнитофонный рев в соседнем доме. В гости заявятся без приглашения, сожрут все содержимое холодильника и присядят до рассвета. Жена в бок толкнет и прошипит «Перестань храпеть, мерзавец!». Приходящая любовница (слово «любовница» у нас звучит смешно, ибо любовницы бывают у французов, а у русских — бабы или другие существа на ту же букву «б») разбудит в самый важный момент сна, скажет, что ей домой пора, а то муж бог знает что подумает, и попросит денег на такси. После этого вы наверняка уж не заснете, а если заснете, увидите обычный советский сон с очередями и великими стройками. И слово сказать в таком сне вы уж не сможете. И убежать не сможете никуда.

Да мало ли есть способов помешать советскому человеку спокойно спать и видеть желанные сны! Один мой знакомый десять лет ведет титаническую борьбу с соседями по квартире. Так те каждую ночь по десять раз подряд прокручивают одну и ту же пластинку с песней «Любимый город может спать спокойно и видеть сны». С интервалом в пятнадцать минут. И не громко, чтобы милиция не придиралась. Но чтобы

мой знакомый слышал. А чтобы самому спокойно спать, сосед изобрел автоматику, с помощью которой переставлялась какая-то штуковина в проигрывателе с заданным интервалом. Сосед изобрел эту автоматику в качестве рационализаторского предложения на заводе, но там ее не приняли. Сказали, что они этими рацпредложениями сыты по горло. А другой мой знакомый уже года два занимался жизнью во сне и довольно далеко продвинулся в этом, — тут как у йогов, есть более или менее далеко продвинутые спуны (так называют тех, кто живет во сне). Так он случайно проболтался о своих успехах старому университетскому приятелю. Тот на ближайшем же профсоюзном собрании выдвинул его в профком. И его избрали. После этого он ни одной ночи уснуть не мог толком — все мечтал о том, как станет председателем профкома, потом — председателем ВЦСПС, потом — членом Политбюро, потом — Генсеком. И получает в конце концов отдельную двухкомнатную квартиру с отдельным санузлом, которую ему обещают вот уже десять лет.

Итак, начав жить во сне, никому не трепитесь об этом. Помалкивайте в тряпочку и блаженствуйте в одиночку. Помните, тайна сновидений, в отличие от прав человека, не охраняется нашим законодательством даже формально. Великий русский поэт Лермонтов хотел, как вы знаете, забыться и уснуть. Но — проболтался об этом, да еще в стихах. Чем это все кончилось, вы тоже знаете: царское правительство убило его на дуэли. Так то было всего лишь царское правительство, а не советское. Последнее даже до дуэли не допустит, если только заподозрит вас в намерении забыться и уснуть. Холодным сном могилы можете засыпать сколько угодно. Но чтобы в груди играли жизни силы — это ни в коем случае.

Наши праздники Все смеются над тем, что у нас трудящихся сгоняют приветствовать приезжающих и уезжающих вождей и видных государственных деятелей других стран, которые в данный момент вносят вклад в разрядку напряженности или способствуют общему прогрессу человечества. А напрасно смеются. Во-первых, правильно делают, что сгоняют, ибо вождей и прогрессивных деятелей надо всячески приветствовать, особенно — когда они уезжают. Если нас не пригонят в положенное место и не заставят приветствовать, кто же тогда вообще их приветствовать будет? Никто? Это, знаете ли, очень даже обидно. Обидно быть прогрессивным и не приветствоваться. А во-вторых, это — очень приятное времяпровождение. Покидаешь свое постылое учреждение и проводишь часа четыре на свежем воздухе. Наше место — на Ленинском проспекте у столба номер сто девяносто шесть (около спортивного магазина). Собирается приличная компания. Шутки, анекдоты. После того как приветствуемые деятели промчатся мимо, отправляемся в ближайшую забегаловку. В учреждение, конечно, не возвращаемся. И частенько бывает так, что просиживаем в забегаловке до закрытия. Уютно. Наступает чисто человеческая близость. У меня не было еще случая, чтобы после этого я провел ночь в одиночестве. Тут уж, конечно, не до сна. Но в этом деле есть своя бесспорная приятность, в особенности — с младшими науч-

но-техническими сотрудницами и лаборанточками. Потом возникают трудности — не допустить их вторичного появления в моей холостяцкой комнатухе, ибо если допустишь второй раз, она придет и третий. И может остаться навсегда, что не входит в мои планы. Но я имею многолетний опыт по части избавления от претенденток на мое сердце и руку. К тому же преодолевать трудности нас приучают с детства.

Вот и тогда, только я начал позевывать (верный признак — пора на обед), как по коридорам и кабинетам забегали сотрудники дирекции, канцелярии, профкома, партбюро, комбюро и прочих общественных и административных органов с криками «Выходи во двор!», «Кабинеты запираются!», «Сбор у столба номер сто девяносто шесть!», «Будет проверка!» и т. д. Я захлопнул книгу, которая лежала передо мною для отвода глаз (вверх ногами, чтобы стукачи из дирекции могли заметить, что это не детектив, а том из собрания сочинений), пересчитал оставшиеся в кошельке монеты (получка через два дня!) и начал «сколачивать» подходящую компанию. Уговаривать никого не пришлось. Из женского персонала на меня на сей раз нацелилась психически неуравновешенная дама из сектора Перспективного Планирования проблем. Каких проблем? Все равно каких. Любых. Они занимаются проблемами планирования проблем, причем — перспективного, т. е. с ударением на слове «планирование» и «перспективное», а не на слове «проблем». Но это неважно. Важно тут другое: эта дама взяла меня под руку и прошипела в ухо, что ей надо со мной посоветоваться по одному очень важному делу. Я осмотрелся кругом в надежде найти более приятную физиономию, с обладательницей которой я якобы уже договорился советовать сегодня по еще более важному делу, но не заметил ничего подходящего. Молодежь сегодня уже угнали частично на овощную базу, частично — на подшефную стройку, и в учреждении осталась одна шваль предпенсионного возраста. Ладно, сказал я даме, надеясь, однако, что удастся как-нибудь выкрутиться.

В метро протолкнулись с большим трудом — трудящиеся со всех концов Москвы направлялись туда же, куда и мы, и с тою же целью. На толкучку, однако, никто не раздражался. Преобладала приподнятость, возбужденность, веселость, юмор. Завязывались разговоры с незнакомыми людьми, будто все мы были из одного огромного дружеского коллектива. В вагоне мне удалось оторваться от психически неуравновешенной дамы из сектора «Трех Пе» и познакомиться с более молодой и неизмеримо более приятной женщиной, которой предстояло приветствовать (а кого, собственно говоря?!) через пять столбов от нас. Я уговорил ее помочь мне — подойти ко мне после процедуры приветствия под видом старой знакомой и спасти от дамы из «Трех Пе». За это я обещал ей флакон духов, какие она пожелает. Она сказала, что я многим рискую, давая такие обещания, ибо в Москве сейчас продаются такие духи, на которые зарплаты младшего сотрудника может не хватить. Я сказал, что я старший сотрудник, скрыв то, что я — технический. Она сказала, что глядя на меня, такого не подумала бы. У них в конторе старшие на такие мероприятия не ходят. Я сказал, что у нас тоже не ходят, но что я — исключение. Она сказала, что в таком случае она спасет меня от

дамы из «Трех П» еще до проезда высоких персон. Кстати, встречаем мы или провожаем? И кого именно? Я сказал, что я такой ерундой никогда не забиваю себе голову. И мы поняли друг друга.

Такие минуты первого знакомства я обожаю. Хотя я знаю, что все равно из этого ничего путного не выйдет (я и со своей бывшей второй женой познакомился аналогичным образом), у меня все равно возникают волнующие иллюзии. Моя новая знакомая сходила к своему столбу (отметиться), потом отыскала меня как старого знакомого (к неудовольствию дамы из «Трех П»), и мы уже не расставались, прогуливаясь от моего столба до ее столба и обратно. Через час высокие персоны и сопровождающие лица промчались в черных машинах по направлению к центру. Мы проводили их равнодушным взглядом, присоединились к нашей теплой компании и направились в кафе «Луна».

Наши нравы Это вранье, будто в наших тюрьмах плохо кормят заключенных, — говорил на партийном собрании старый член партии, пенсионер, прикрепленный к нашей организации. Их там кормят на убой!

Их нравы и общие выводы На Западе тоже есть свои недостатки, — сказал Кандидат. У нас один доктор наук полгода прожил в Западной Германии. Не мог дождаться конца командировки, попросился домой досрочно. Однажды получил он толстый пакет каких-то официальных бумаг — там бумажки любят, без инструкций и квитанций даже в туалет не ходят. Получил наш доктор бумаги, решил прочитать. Хотя язык знал прилично, понять ничего не мог. Две недели бился, обложился всякого рода словарями и справочниками. Штук десять консультаций у специалистов взял. А все это стоит больших денег. Марок пятьсот угробил. В конце концов разобрался: от него хотели просто получить десять марок и двадцать пфеннигов для какого-то благотворительного общества. Это его и доконало. Он преисполнился тоской и попросился домой. С тех пор слышать ничего о Западе не хочет. Какая отсюда мораль? Очень простая. Общества различаются только формами идиотизма, а не сущностью идиотизма. Не преувеличивайте человека и человечества. Если люди научились играть на скрипке и летать в космосе, это еще ничего не значит. Человек по природе своей кретин. И всякие штучки-дрючки он изобрел не от большого ума, а от непроходимой глупости. Так вот, на Западе весь идиотизм происходит от избытка тряпок, жратвы, свобод. У нас — от недостатка. А середины нет. Вернее, она есть, но она и есть основа того и другого.

Разговоры на площадке О предстоящей мировой войне на площадке говорят по меньшей мере через день. Обычно это тоскливые и скучные разговоры: начальство спрячется и выживет, а мы все погибнем; европейские народы исчезнут, китайцы заселят всю планету; начнется полное вырождение; и так далее в таком же духе. Но иногда разговор принимает весьма любопытное направление.

— Главный источник будущей войны — мы. Я готов поверить, что наши руководители субъективно не хотят войны. Но они сами — рабы системы. И войны начинаются обычно независимо от воли руководителей.

— А Китай?

— Китай есть карта в игре, а не игрок. Игроки — Москва, Вашингтон, Бонн, Лондон, Каир, но не Пекин.

— Может быть, Китай сейчас есть карта в игре, но он рассчитывает стать игроком, причем — ведущим.

— Карта никогда не становится игроком. Даже если карта хорошая, а игроки плохие.

— Новая война фактически уже началась. Камбоджа, Вьетнам, Иран, Африка...

— Это пустяки. Малые войны не ведут к большим. Дай Бог, чтобы они продолжались. Пусть режут друг друга. Лишь бы у нас был мир.

— Кто победит в будущей войне?

— Скорее всего — мы. По моей теории в будущей войне победит та сторона, руководители которой будут придерживаться таких принципов. Главную ценность в стране представляют они, руководители. И потому им прежде всего надо позаботиться о своем самосохранении. Населением можно пожертвовать, сохранив из него лишь некоторое множество людей, достаточное для продолжения рода. Для этого естественно подходят семьи самого начальства и некоторых близких им членов привилегированных кругов общества. Основное оружие в предстоящей войне — не атомные бомбы, не бактерии, не химические вещества и прочие достижения науки и техники, а обыкновенный пеший солдат, снабженный защитными средствами на одну операцию. Эти средства должны быть достаточны, чтобы эту операцию выполнить. А что потом — роли не играет. Так дешевле. К тому же эти люди все равно потом будут не нужны. Мы имеем преимущества перед Западом в этом отношении — мы всегда стояли на таких позициях. Рядовые граждане в военных расчетах наших вождей давно уже принесены в жертву. Так дешевле. Надежнее.

— Но на Западе тоже не дураки стоят во главе.

— Тут дело не в уме, а в позиции. Запад загнан в ловушку. У него остались лишь две возможности. Первая — уподобиться нам и догнать нас. Но при этом мы выигрываем, так как на этом пути страдают широкие слои населения Запада. К тому же народ западных стран вряд ли позволит своим руководителям пойти по этому пути. Вторая — выйти из игры и признать свою капитуляцию перед нами — удовлетворить все наши претензии к ним. Замечу, что это было бы самым опасным для нас — тем самым на нас взваливалась бы непосильная ноша. Но к счастью для нас, Запад не решится на капитуляцию, побоится.

— На случай войны население будет эвакуировано из крупных городов в отдаленные районы. В этой связи я вспомнил случай, который имел место в городе К. Там объявили учебную атомную тревогу. Поскольку все знали, что тревога учебная, население города спокойно эвакуировалось в лес неподалеку от К. Правда, вместо современных бомбоубежищ их поместили в примитивные землянки. Но дело не в этом. Потом многих

наградили за умелые и быстрые действия. Орден получила, например, заведующая детским садом, которая за полчаса вывезла всех детей своего сада из города. Но все рекорды скорости и организованности побил один жлоб, который не знал, что тревога учебная, и принял ее за настоящую. Он за десять минут успел выскочить на шоссе, остановить грузовик, ломиком убить шофера, погрузить на грузовик все свое семейство и имущество, включая могучего хряка, и умчаться из города. Остановили его лишь в двухстах километрах — он сбил нескольких пешеходов и снес шлагбаум при переезде через железную дорогу.

— В этом деле есть другой очень интересный аспект. Будь я на месте властей, я бы объявил атомную тревогу и выселил из городов достаточно большое число людей в отдаленные районы. Причем этих людей можно заранее наметить. И квартирная проблема в городах будет решена.

Матренадура о Западе

Что вы мне все про Запад твердите, — ворчит Матренадура, хотя никто из нас и не помышляет говорить на эту тему. — Думаете, там дураков нету? Есть, и не меньше нашего. Помните, Никита ездил в Америку? Американцы не один миллион долларов ухлопали на то, чтобы достать стакан его мочи. Зачем? Анализировать, конечно. Потом полгода целый институт изучал эту мочу. И, используя новейшие дорогостоящие методы, наконец-то выяснили, что Никита шизофреник. А мы и без науки знали, что он полоумный. Ну, а если и так, что от этого меняется?! Потом Брежнев поехал в Германию. Немцы еще больше приложили усилий, чтобы заполучить кусочек его... простите за выражение... говна. Зачем? Опять же анализировать. Решили узнать, долго ли он еще проживет. А к чему это. У нас последний пастух знает, что он и с таким говном будет жить столько, сколько нужно Партии и Правительству, и с хорошим загнетса скорее, если потребуется. К тому же этим западным идиотам невдомек, что у нас за руководителей Партии и Правительства мочатся и какают их помощники и советники.

Битва за урожай

Каждый день у нас проводится политинформация. Проводит сам Комиссар. Пять минут о событиях в мире, полчаса — о ходе битвы за урожай. Он довольно косноязычно (но с претензией на интеллигентность и научность) пересказывает нам содержание газетных статей и зачитывает отрывки из них. Вот, например, несколько отрывков из рубрики «Хроника жатвы» с комментариями Комиссара. Цитата: земледельцы такой-то области продали (!!!) государству более миллиона тонн зерна — почти на пятьдесят тысяч тонн больше, чем намечалось народнохозяйственным планом. Комментарий: обратите внимание, продали, а не сдали, как раньше, что свидетельствует о том, что... Вопрос Дона Игуана: а почему продавали? Ответ Кандидата: по полтнику за тонну, т. е. вдвое дороже, чем в прошлом году. Цитата: набирает темпы жатва риса в хозяйствах такого-то края, в государственные закрома поступили первые сто тысяч тонн зерна — вдвое больше, чем

на это время прошлого года. Комментарий: это — наглядный пример воплощения в жизнь решения Пленума ЦК обратить особое внимание на производство таких высокопродуктивных культур, как рис, соя, кукуруза... между прочим, я был в этой области в командировке в прошлом году, так там не то что рис, даже трава не росла, а теперь... Реплика Кандидата: если там в прошлом году не росло ничего, то по правилам математики дважды ноль будет... Цитата: комбайнер Герой Социалистического труда И. Иванов из колхоза имени Карла Маркса за пять часов скосил хлеба со ста гектар нивы, выполнив тем самым пятнадцать норм. Комментарий: думаю, что эта скорость уборки превосходит американскую. Реплика Деда: что же, у него комбайн-то с реактивным мотором, что ли?!

Статью «Сила примера» из рубрики «Ритм в поле задают мастера» зачитали полностью. Читал пронырливый тип из соседней бригады, выполняющий какие-то подсобные функции при представителе от Обкома партии. Раннее утро, — начал со слезою и дрожью в голосе Тип. — Воздух по-осеннему свеж и прозрачен. Славная осень, — перебил кто-то чтеца, — морозный, ядреный воздух усталые силы бодрит. Товарищи, — кричит бригадир соседней бригады, — не мешайте чтению ответственного материала! Имейте в виду, Областной комитет Партии обязал... Откуда-то издалека доносится приглушенный рокот моторов, — продолжает Тип с надрывом. — Он постепенно нарастает. И вот из ложбинки показались машины. Впереди ботвоубирающие агрегаты, а за ними — свеклоуборочные комбайны. А вокруг них, словно рой пчел, тракторы с тележками... В этом, казалось бы, беспорядочном движении... Почему же казалось бы, — прерывает чтеца с утра пьяный парень с фонарем под глазом. — Это тебе спяну показалось, — говорит Блондинка. Все смеются. Представитель райкома призывает к порядку, делает предупреждение парню с фонарем под глазом и грозит сообщить о его поведении на работу. Одни трактора с прицепами, груженными ботвой, — продолжает прерванное чтение статьи Тип, — бегут к лесополосе, где у скирды вырастает гора зеленой массы. Другие, груженные корнями, спешат к обочине дороги и сваливают свеклу в бурт. Здесь уже включился в работу свеклопогрузчик. Конвейер действует безотказно и надежно, чувствуется, что все продумано и отлажено.

После политинформации мы не спеша бредем работать. И картинка нашей работы абсолютно ничего общего не имеет с той идиллической картинкой, какую нам зачитал этот вертлявый холуй. Половина машин не работает совсем или постоянно ломается. А те, которые работают, работают плохо или совсем не так. Нам уже надоело критиковать этот ужасающий бардак. И мы лишь по привычке ведем ленивую дискуссию. Неужели где-то в самом деле такой порядок есть, — говорит один. Порядок у нас возможен лишь в порядке исключения, — говорит другой. Вряд ли, — говорит третий, — все это — сплошное вранье, везде бардак. А если и есть где-то, так, думаете, от этого лучше? — говорит четвертый. Если бы тут завели строгий порядок, то нас так заставили бы вкалывать, что мы бы даже от выпивки отказались, а не то что от баб. Благодарите, ребята, судьбу за то, что у нас порядка не было, нет и не будет.

Когда мы наконец-то добрались до своего участка, машина, которая

была нам придана и которую мы обслуживали (не знаю ее названия и знать не хочу), сломалась. Мы выбрали подходящее местечко за кустами и завалились добирать. Прошел час, прежде чем начальство сообразило перебросить нас на другой участок оттаскивать эту самую ботву руками и руками же грузить машины.

После работы Мы много говорим о бабах и пьянках. Но не думайте, что мы только тем и занимаемся, что пьем и совокупаемся. Как бы халтурно мы ни работали, мы все-таки работаем и основательно выматываемся. Все-таки десять часов. Просто простоять десять часов, и то тяжело. Так что к бабам-то нас и не тянет очень уж сильно. Нашим активистам-бабникам приходится делать над собой усилия, чтобы встречаться с этими бабами. Зачем? Кому как. В основном — для мужского самолюбия. И чтобы жизнь зря не пропадала, чтобы было что вспомнить. Провалится пару ночей с какой-нибудь страшной пожилой стервой на сырой земле, а в воспоминаниях потом она превратится в «молодую красивую блондиночку в самом соку». И что любопытно, сам в это поверит. И другие поверят. И завидовать будут. На самом же деле встретить красивую и интересную женщину в деревне почти невозможно — сбежали давно, новые не воспроизводятся, а те редкие, что появляются, заняты и перезаняты. Среди городских женщин, приехавших на уборку, найти приличную тоже не так-то просто. Соглашается ехать на уборку лишь второй и третий сорт. А первый сорт устраивается так, что их на уборку не посылают. Что же касается выпивки, так она денег стоит. А мы далеко не богачи. На работу в деревню в городах отбирается всякого рода безденежная шушера. Многие едут добровольно — воздухом подышать и какие-то гроши сэкономить (зарплата сохраняется, здесь кормят и даже кое-что платят). Основное наше занятие после работы — спать и разговаривать. Так что мы много говорим не потому, что превосходим Запад в духовном отношении, как думают некоторые наши диссиденты и интеллигенты, а потому, что это — самое доступное и самое дешевое для нас дело.

Если взглянуть на дело честно, — говорит Кандидат, — то наше пребывание здесь есть типичный пример принудительного труда. У нас всякий труд принудителен согласно Конституции, — говорит Токарь. — А наше пребывание здесь есть пример рабского... ну, скажем помягче, полурабского труда. А что в этом особенного? — говорит Иван Васильевич. А я и не усматриваю в этом ничего особенного, — говорит Токарь, — я лишь констатирую. Я не об этом, — говорит Иван Васильевич. — По идее труд в нашем обществе должен быть праздником. Он и является таким во многих случаях, когда люди работают совместно, общаются на работе, развлекаются. Но это годится лишь для самых примитивных форм труда. Вроде таких, как мы с вами тут занимаемся. Но раз общение, развлечение, шутки, смех, то не до работы. Значит, чтобы люди не только праздновали, но и работали, нужно принуждение к работе. Для более сложных форм труда нужна сосредоточенность, квалификация, ответственность и прочие качества труда в одиночку. А как сделать, чтобы чело-

век трудился таким образом? Не все же одержимы честолюбием и творческими порывами... Вы, папаша, не туда гнете, — говорит Костя. — Это все — психология. А нас интересует тут социология. А какая разница? — возражает Иван Васильевич. — Существенная, — говорит Костя. — Что такое свободный труд в социологическом смысле? Это когда в правовом кодексе общества нет статьи, обязывающей людей устраиваться на работу официально, и нет статьи, наказывающей людей за то, что они официально не числятся работающими. И никто силой не заставляет людей трудиться. Несвободный (принудительный) труд, соответственно, имеет место тогда, когда людей обязывают трудиться согласно нормам права, принуждают к труду силой, наказывают за уклонение от труда по праву или просто силой. Что такое рабский труд в социологическом смысле? Это когда людей насильно вырывают из их естественной социальной среды (из семьи, из круга знакомых и коллег, из привычных условий жизни) и заставляют работать там и таким образом, где и как им укажут власть имущие. Это может делаться по неким законам, по особым распоряжениям, по произволу. При этом насилие может быть замаскировано, иногда даже может принять форму добровольности. Такой рабский труд может быть полным, когда человек раз и навсегда превращается в раба, и частичным, когда человек превращается в раба на определенный срок. В нашем случае имеет место частичное рабство, замаскированное под добровольность. Ясно? Иван Васильевич сказал, что это — яснее ясного. Токарь посоветовал Косте быть поосторожнее с такими речами. Кандидат стал производить расчеты — выяснять, сколько рабов требуется нашему обществу, сколько потребовалось бы людей для поддержания этой системы рабства (охрана, обслуживающий персонал, управление, семьи их и т. д.). Результат получился ошеломляющий: чтобы содержать постоянно армию рабов в двадцать миллионов человек, потребовалось бы вовлечь в систему рабства по крайней мере еще двадцать миллионов человек. А это по нынешним временам нереально. Так что на ближайшее десятилетие наиболее вероятной является нынешняя отработанная система частичного рабства. Отлично, — резюмировал беседу Дон Игуан. — Значит, можно спокойно ложиться спать. Лично я ничего против такой системы не имею. Всегда бывает приятно, побыв немножко рабом, превращаться потом в свободного... крепостного.

Быть или не быть Смешно, — говорит Дон Игуан. — Тоже мне проблемы: «Быть или не быть?», «Иметь или не иметь?». Это — проблемы для тщеславных кинорежиссеров, глупых актеров и самовлюбленных искусствоведов. И для сытых снобов. Приятно, конечно, сидеть в красивой квартире на мягком диване, потягивать неспеша коньяк или виски и беседовать с другими такими же снобами о вечных проблемах вроде этих «быть или не быть?». Но это — занятие для сытых паразитов, а не для людей. Они тоже люди, — возражает Токарь. Нет, — говорит Дон. — Человек — это тот, кто испытывает реальные страдания, а не воображаемые, кто решает реальные проблемы, а не мнимые, не проблемы литературоведов и кинорежиссеров. Это дурак страдает сам, —

не сдается Токарь. — А умный человек предпочитает созерцать страдания других и мыслить по этому поводу.

Вот в таком духе в сарае идет легкая, без эмоций перебранка. Я листаю бог весть какими путями попавший сюда иностранный журнал многолетней давности. Красивые картинки. Красивые вещи. Красивые женщины. Синее море. Пальмы. Солнце. Я верю, что Там все Это есть на самом деле и многим доступно. Мне грустно немного. Я еще ни разу в жизни не был у моря. И никогда не буду. И женщин таких красивых у меня никогда не было. И никогда не будет. Сейчас я подо-бен нищему мальчишке, который смотрит в ярко освещенное окно прекрасного дворца и видит там роскошно одетых дам и кавалеров. Если бы я не смотрел в окошко — в цветной заграничный журнал, я бы не переживал сейчас этой минуты грусти. А ведь я — закаленный человек. Многие тяжело страдают, зная о другой прекрасной жизни и ощущая невозможность ее для себя. Значит, наши правители правильно делают, создавая для нас мрачную картину жизни на Западе и приукрашивая нашу жизнь? Это было бы правильно, — говорит Мнс, — если бы они разделяли с нами нашу убогую жизнь. Для себя-то они имеют все — и море, и женщин, и вина, и еду, и вещи всякие. Нет, люди должны знать о жизни в мире правду, только правду и всю правду. Это условие прогресса. Без этого мы так и зачахнем в нашем убожестве.

Лоб и Кандидат спорят о космических полетах. Кандидат рассуждает как типичный представитель науки, т. е. банально, скучно и, разумеется, ложно. Лоб неожиданно для всех выдвигает несокрушимые аргументы. Что это за космический полет, — говорит он, — если за ними тысячи людей ухаживают, весь мир за ними следит, ежеминутная связь с Землей, чины и награды на Земле. И почти никакого риска. Те, которые провели под землей полгода и питались своей мочей, гораздо больше космонавты. Космический полет в собственном смысле слова будет тогда, когда космонавты окажутся на долгое время вообще вне связи с человеческим обществом. Вот полет американцев на Луну был первым приближением к этому.

Потом мы рассказываем анекдоты, обычно — старые и несмешные. На сей раз всплыл всего один мало-мальски приличный. Сталину доложили, что обнаружен его двойник. Расстрелять, — приказал он. Молотов робко заметил, что можно сбрить усы и сходство пропадет. Хорошая мысль, — обрадовался Сталин. — Побрить усы! А потом расстрелять!

Мнс Хотя Мнс и является самым бесцветным в бригаде, он заслуживает особого внимания хотя бы потому, что он из нашего учреждения. В партбюро, неофициально назначая меня старшим над сотрудниками, выделенными от учреждения для работы в деревне, мне так и сказали: обрати внимание на этого парня! То же самое мне сказал Товарищ из Органов, из районного центра: есть, мол, сведения! Но я обратил на него внимание не из-за просьб партбюро и Органов — мне на эти просьбы в общем-то наплевать, — а из-за того, что он отрастил длинные волосы и бороду. Молодой и красивый парень, — сказал я ему еще в

городе, — а отрастил эту волосатую мерзость. Зачем это тебе? А затем, — ответил он, — чтобы дать пищу для размышлений таким мудрецам, как Вы. Я поспеялся такому ответу и предложил отметить предстоящую совместную поездку в деревню. Он согласился. Во время выпивки я и изложил ему кое-какие свои мыслишки.

Однажды, — сказал я, — я вдруг понял, что во мне произошло что-то очень важное, вследствие чего я утратил полностью страх смерти и ощутил готовность прекратить свою жизнь в любое время. Произошло это при следующих обстоятельствах. Мои сабоутильники все куда-то испарились. Денег на выпивку не было совсем, а занимать не хотелось. И я просто бродил по городу, думая всякую всячину. Забрел в те места, в которых жил в юности. Улица наша исчезла совсем. Весь квартал перепланировали и застроили новыми высотными домами. Моя школа, раньше казавшаяся гигантской, теперь имела довольно невзрачный вид. Я пустился в воспоминания. Вспомнил умерших родителей, погибших на фронте братьев и соучеников, девчонок, в которых влюблялся... От прошлого, подумал я, очень мало что осталось. А скоро и совсем ничего не останется. Неужели все это было? Куда все исчезло? Почему? И мне стало не просто тоскливо, а ужасающе тоскливо. Мне захотелось броситься на асфальт, биться о него и кричать. Скоро и меня не будет, думал я. Пройдет немного времени, и все в мире будет так, как будто бы не было меня и всего того, что существовало вместе со мной. И потом помчатся столетия, тысячелетия, вечность... Зачем в таком случае были мои родители и братья, мои школьные друзья, соседи по дому?!.. Зачем есть я сам, а скоро — зачем был я сам?!.. Бессмыслица!.. Несправедливость!.. Обман! И за что все это? За какие преступления?

Вот так я травил свою душу часа два-три. И каких только я не наговорил проклятий природе! И каких только я не принимал решений! И вдруг все это мое сумасшествие прошло. Мне стало легко. И я уже с юмором взглянул на только что пережитое мною и на весь тот кусочек мира, в котором довелось мне появиться и просуществовать некое мгновение. Все правильно, сказал я себе. Никакой тут несправедливости и жестокости нет. Получил свое и сматывай удочки! Уступи место другим. Готов ты к этому? Готов! В любое время. Хоть сию минуту и вот на этом самом месте!

После этого для меня начался новый (и, вроде, последний) период жизни — жизнь в состоянии готовности расстаться с нею. И тут мою, казалось бы, ясную и спокойную голову стали посещать странные проблемы. Раз ты готов расстаться с жизнью, так используй это состояние разумным образом. Как? Например, сбеги за границу, посмотри мир. Или заяви протест против попирания прав человека. А еще лучше — взорвись в Мавзолее (говорят, такие попытки были), подожги себя на Красной площади в знак протеста, шлепни какого-нибудь высшего чиновника, лучше — самого Генсека. На худой конец займись подпольной деятельностью, распространяя «самиздат», собирай материал для «Хроник текущих событий», помогай семьям сидящих в тюрьмах диссидентов... Да мало ли способов употребить жизнь разумно! Много раз я обду-

мывал эти проблемы. И пришел к выводу, что я не буду делать ничего подобного, потому что не хочу этого делать. Я не буду делать не из страха, а потому что не хочу, подчеркиваю это. Вот чего не понимают всякого рода критики нашего общества и нашего образа жизни.

Почему не хочу? Найти ответ на этот вопрос — значит найти ключ ко всем нашим проблемам. В самом деле, в жизни я не преуспел — всего лишь СНТС. Это в мои-то годы и с моими-то задатками! Смешно сказать — СНТС! Нет ни друзей близких, ни семьи, ни квартиры, ни видов на приличную пенсию. Так в чем же дело? А дело все в том, что несмотря ни на что наше общество есть МОЕ СОБСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВО. Оно есть неотъемлемая часть моего Я со всеми его ужасами, трудностями, убожествами. И Мавзолей, и Красная площадь, и глупый и тщеславный Генсек, и гонения на диссидентов, и сами диссиденты, и КГБ, и подонок директор — все это и все прочее суть не просто обстоятельства и условия моей жизни, а сама моя жизнь, тело и душа моей жизни, ее ткань, ее содержание, ядро, основа. Повторяю, это общество со всеми его мерзостями есть мое общество. Не то чтобы я принимал его и был доволен им. Я не принимаю его. Я поношу его каждую минуту. Я презираю его. Я ненавижу его. Но это несколько не влияет на тот факт, что оно мое. Подобно тому, как мы можем знать, что наши дети суть физические или моральные уроды, и можем не любить их за это и ругать, но при этом мы не в состоянии отменить сам тот факт, что они — наши дети. Я — продукт этого общества. Но и оно есть мой продукт, мое дитя, вернее — коллективное дитя миллионов таких людей, как я. И все те подлости и гнусности, какие мне довелось совершить в жизни (и еще доведется), проистекают из этого в высшей степени простого и очевидного факта, а не из трусости, корыстного расчета, жестокости, зависти и прочих обычных качеств обычных людей. Эти качества лишь придают ту или иную конкретную форму творимым нами мерзостям, но не определяют их как таковые. Вот откуда надо танцевать в объяснении всего происходящего и нас самих. И я на этом стою.

Я, — сказал Мнс, — до такого перелома, как у Вас, еще не дожил. Я еще ничего и никого не потерял. И страх смерти ко мне еще не приходил. Но я Вас хорошо понимаю. Я родился и прожил всю свою жизнь в районе Лубянки. Но не только территориально: я ощущаю ее в самом себе. И если бы ее ликвидировали в прямом и переносном смысле, это была бы для меня самая тяжелая утрата. Может быть, я ее не перенес бы. Ого, — сказал я. — Мне, парень, тебя жаль. Тебе предстоит еще более жалкая участь, чем мне.

О форме лжи У нас все и всегда врут. Но это не от некоей невоспитанности и испорченности, а в силу объективных законов общественной жизни в таких условиях. Вранье есть прием общественного сознания, благодаря которому люди концентрируют факты жизни во времени и выделяют их суть. То, что называют чистой правдой, есть рутинная, скука, серость. Вранье есть субъективная форма ее суммирования и обобщения. Например, некто Н имел миллион неприятностей, каждая из которых

по отдельности есть пустяк. А будучи распределены во времени среди множества других событий, они оставались почти незаметными. Они все вместе производят впечатление чего-то значительного, если только их облечь в форму вымысла. Упомянутый Н, например, выдумывал всякие неправдоподобные истории о попытках ограбления его, о покушениях на него и т. п. Не случайны потому всякого рода мистификации, которыми дурачат обывателей писатели и художники. Вот и мы, вернувшись из деревни, навывдумываем всяких небылиц о нашей жизни тут. И они будут лучше передавать суть этой жизни, чем сухие дотошно правдивые отчеты. Вранье есть вообще творческий элемент нашей жизни. И когда наши власти занимаются безудержным враньем, они в такой форме говорят правду. Надо только уметь в этой форме выделять ее подлинное содержание.

Постановка проблемы Меня с рождения волновала проблема сна. Сначала я относился к ней чисто практически: спал. Спал при всяком удобном случае. При неудобном тоже, причем — с еще большим удовольствием. Спал в школе на уроках, особенно — обществоведения. Спал на лекциях в институте, особенно — по истории КПСС, политэкономии и философии. Тут я научился спать с открытыми глазами. Садился прямо перед кафедрой лектора, выпяливал на него глаза и немедленно засыпал. И лекторы читали свои одуряюще скучные лекции как будто специально для меня, очень любили меня за внимание и ставили приличные отметки, не спрашивая: такой любознательный и внимательный студент не может знать материал меньше, чем на четыре. Спал я на бурных комсомольских собраниях, а потом — на серьезных партийных. Садился я обычно так, чтобы начальство из президиума видело кусочек моего тела (мол, я тут!), но не очень на виду, чтобы не сочли холуем. Не очень справа, чтобы не сочли реакционером. И не очень слева, чтобы не сочли левым крикуном. Не в самом центре, чтобы не сочли за беспринципного «ни рыба, ни мясо», а где-то чуть-чуть в стороне, но поближе и не очень, чтобы. В общем, в самый раз. Спал я даже в седле — службу в армии я начал в кавалерии. Спал на посту у полкового знамени. Это были самые трудные часы в моей жизни. Ноги ежеминутно сгибались в коленках, сам я перегибался в районе пояса и шеи, винтовка вываливалась из рук, и я ее ловил, когда она почти касалась пола. А мимо сновали чины штаба. Для маскировки я делал вид, что беру «на караул». Хотя это было не по уставу, чинам штаба это льстило, и они только посмеивались над идиотом солдатом, не умеющим отличить ефрейтора от генерала. Только начальник Особого Отдела заметил вскользь, что я приветствую очень странно — как в японской армии.

Спал я в окопах — начало войны я встретил в танковом полку, но без танков, поскольку танки мы, удирая от противника, бросили законсервированными в парке, так что воевали (если это можно назвать войной) как пехота. Один раз я уснул в самолете — некоторое время я служил в авиации. При этом мне повезло. Перед полетом я забыл привязаться. Летел с открытым фонарем. И потому выпал из машины, когда она перевернулась. В воздухе я очнулся, открыл парашют и благополучно

приземлился... в штрафном батальоне.

Спал я в транспорте. Спал сидя и стоя. Спал в очередях, в приемных начальства, в милиции. За всю мою сонливую практику у меня был только один случай, когда я не мог уснуть. Это произошло, когда к нам в авиационную школу приехал гастролирующий гипнотизер. Старшина выделил десять курсантов (меня в их числе) в распоряжение гипнотизера, чтобы тот демонстрировал на нас свое искусство. Ребята уснули сразу, а я — никак. Гипнотизер старался вовсю, но ничего не получалось. Я глупо усмехался. Гипнотизер начал нервничать. Старшина шепнул мне, что если я не перестану выпендриваться, он мне влепит пару нарядов вне очереди. И я сделал вид, будто заснул. И тут довольный гипнотизер допустил грубую оплошность: именно меня избрал для своего коронного номера. Ассистенты положили меня между двумя стульями. Я напрягся, аж мышцы сводить начало. Помогли занятия гимнастикой, выдюжил. Но гипнотизеру этого показалось мало. Он вскочил мне на живот и подпрыгнул на нем. Конечно, я не выдержал, перегнулся пополам и вместе с гипнотизером грохнулся на пол. За это начальник школы дал мне пять суток губы.

Но лишь совсем недавно у меня пробудился теоретический интерес к проблеме сна. Заметьте, что я выражаюсь в терминах спанья: интерес не появился, а именно пробудился. Это, как увидите дальше, не случайно. Но сделаем небольшой перерыв и поговорим о чем-нибудь другом, постороннем.

Начало После кафе я предложил Ей поехать ко мне и... попить чаю.

Она сказала, что как-нибудь в другой раз, а сегодня ей домой надо. Она и так уже превысила норму. И мне пришлось Ее провожать. Дорогой она сказала, что на моем месте не скрывала бы лысину, а наоборот, специально увеличила бы ее, поскольку у меня череп вполне приличной формы. И вообще странно, почему Она согласилась пойти со мной. Я довольно старый. И довольно потертый. И морда у меня нельзя сказать, что очень приятная. Скорее, наоборот. Но что-то во мне есть такое, что Ей нравится. Что? Я сказал, что тут и думать нечего: конечно же ум. Интеллект, иначе говоря. Современный мужчина вообще берет женщин не красотой, мужеством и богатством, а именно интеллектом. На прощание я записал ее телефоны (на работе и дома). Договорились, когда я буду звонить и в какой форме буду просить позвать ее, если трубку снимет кто-то другой. В общем, обычное начало — обман. Я к этому привык давно, хотя сам никого не обманываю — мне в этом нет надобности. Думаю, что и Ей это не впервой. Это и хорошо, ибо это значит, что не будет никаких фальшивых психологических драм.

С женщинами у меня отношения сложные. С одной стороны, они мне мешают, а с другой — без них не могу обойтись. С одной стороны, стараюсь с ними не связываться, а связавшись — стараюсь поскорее отделаться, а с другой — постоянно затеваю «знакомства» и попадаюсь на удочку. Я вовсе не бабник. И не сердцеед — смешно с моими данными претендовать на это. Должно быть, представители другого пола не только

(и не столько) физиологически, но и (сколько) психологически суть необходимые элементы нашей личности. Во всяком случае, без них плохо, но с ними не лучше. А мои «успехи» объясняются, надо думать, очень просто: отдельная комната, умение довольствоваться тем, что само идет в руки, и «интеллект», т. е. способность поговорить, которая состоит главным образом в способности слушать. А это качество наши бабы ценят выше мускулатуры и сексуальных потенций. Я, во всяком случае, со своими дамами не столько занимаюсь «любовью», сколько душевными разговорчиками. Они же именно эти разговорчики, а не нечто иное, считают настоящей любовью. Та дама из «Трех П» оформила это положение теоретически. Мы суть существа высшего типа, — сказала она, — мы обладаем не просто способностью любить, но способностью переживать и обдумывать Проблему любви. Не самую любовь, а возникающую в связи с ней некую Проблему!! Во как! А проблема у нее действительно заковыристая: как бы ухитриться изменить мужу так, чтобы никакой измены не было («За кого вы меня принимаете?!»), чтобы муж обо всем знал («Не могу жить во лжи!»), но чтобы не подозревал ни о чем («Он хороший человек, не хочу причинять ему боль!»). Я так и не смог понять, в чем суть ее Проблемы. Скорее всего никакой проблемы нет, и в этом-то ее сложность. Мужу наверняка наплевать на то, изменяет она ему или нет. Он был бы рад, если бы она изменяла и оставила его в покое. Но сам делает из этого Проблему. Я для себя все проблемки такого рода решил раз и навсегда, когда развелся со второй женой. Больше никаких серьезных «романов», сказал я себе. И тем более никаких женитьб. Семья — это для дураков, номенклатурных работников и всякого рода борцов. Я же — ни то, ни другое, ни третье. И я свято держусь этого принципа, подкрепляя его другим (сугубо практическим) принципом: если женщина приходит в твой дом, она не должна оставаться в нем дольше того времени, какое требуется для того, чтобы она и ты добились цели, ради которой она пришла в твой дом, а ты пустил ее в свой дом, и, уходя из твоего дома, она должна оставлять его в таком виде, в каком он был до ее прихода, так, чтобы после ее ухода твой дом выглядел так, будто она в нем не была вообще. Сейчас я уже не способен воспроизвести этот замечательный принцип, который я ставлю в один ряд с «категорическим императивом» Канта. Кончался этот принцип такими словами: выпроводив ее, возблаговари судьбу за то, что избавился от нее и остался один, ложись спать и спи так, будто ничего вообще не было, нет и не будет, и видь прекрасные сны. Опять эти сны! Видите, от них никуда не денешься.

Расставшись со своей Новой Знакомой, я ощутил некоторое беспокойство. Хотел было позвонить Трем П. Услышав мой голос, она наплевала бы на все проблемы, схватила бы такси и примчалась бы. Баба она, честно говоря, ничего себе, не плохая. Но она же привезет все свои проблемы с собой ко мне и замучает меня ими! Нет, с меня хватит. Несколько дней отдохну.

Наши нравы В клубе — лекция на тему «Развитой социализм как образ жизни». Лектор — важная персона из областного комитета партии. Потому нас погнали на лекцию всех поголовно. Поташилась с нами и Матренадура, надев праздничные колготки. Когда лектор плел заудную ерунду насчет превосходства нашего образа жизни над западным, Матренадура вместе с прочими местными бабами щелкала семечки, выплевывая кожуру прямо на пол, и прыскала от смеха в кулак в самые неподходящие моменты. Она порозовела от возбуждения и даже несколько помолодела. Глядя на нее, я вспомнил, что на ней новые (праздничные) колготки, и во мне начала было пробуждаться вера в великий русский народ. Но Дон Игуан все испортил. Лектор в это время выдал основной тезис доклада: у нас господствуют отношения развитого социализма, но еще сохранились отдельные пережитки капитализма и уже появились отдельные элементы коммунизма. Дон Игуан немедленно придал ему такой вид: наша жизнь представляет собою сложное переплетение пережитков капитализма, недожитков коммунизма и пожитков социализма. Девчонки вокруг Дона рассмеялись. На них зашикали из президиума и буквально зашипели злобой бабы во главе с Матренадурой.

Город и деревня Наша (городская) молодежь расположилась на бревнах, которые еще много лет назад были завезены сюда для строительства новых стандартных домов по проектам финских архитекторов. Бревна, естественно, гниют и постепенно разворовываются. На плакатах с изображениями этих новых комфортабельных домов (с ванной, с туалетом, с кухней и прочими прелестями, одетыми в кафель), которые висят в клубе, ребята пишат неприличные слова. К нашей молодежи присоединилась местная, главным образом девчонки. Ребята держатся в сторонке. Хотя они внешне мало отличаются от городских, они чувствуют в них более сильных конкурентов: стоит самому жалкому городскому хилыку захотеть жениться на местной красотке, как она немедленно бросит своего местного ухажера, пусть у него и рост повыше, и плечи пошире, и морда приятнее. Случаи такие бывали, так что эти ощущения вполне реальны. Девчонки любимыми способами стремятся удрать в города. И самым красивым в общем это так или иначе удастся. Особенно сильный отбор лучших девчат происходит тогда, когда на работу в деревню присылают солдат. Ребята тоже отбираются в города разными путями — через армию (где-то оседают в чужих местах), через специальные школы, через спорт, по вербовке. Так что идет неумолимый социальный отбор, имеющий следствием биологический отбор, в результате которого биологический тип деревенского жителя имеет тенденцию к ухудшению сравнительно с городским. Я уж не говорю про интеллектуальный уровень. Хотя формально и в деревне есть среднее и специальное среднее образование, а многие специалисты (в основном — начальство) имеют высшее образование, по условиям жизни и работы в деревне оно оказывается избыточным или вообще ненужным. Тот аспект образования, который несет в себе элементы современной интеллектуальной культуры (как теперь модно говорить, современный менталитет), быстро забывается. Остаются лишь кое-какие крохи, да и то лишь постольку,

поскольку без них нельзя потреблять доходящую сюда городскую культуру (телевизор, кинофильмы, радио, концерты, мотоциклы). Творческое напряжение и устремленность, хотя и слабые в наших городах, здесь отсутствуют совсем.

Я уж не говорю о пьянстве, скуке, дебошах и прочих обычных элементах местной жизни. Так что тягу в города нельзя объяснить лишь более благоприятными бытовыми условиями. Тут играет роль и стремление выбраться из стоячего болота в такое место, где есть какое-то течение или хотя бы какое-то бурление. В последние годы предпринимаются всяческие меры, чтобы удержать молодежь в деревне. Тут и подкуп есть (оплата, жилье, заочное обучение). Но мы не так-то богаты. Всех не подкупишь. К тому же политическая линия подкупа быстро вырождается в обычную систему блата и взяточничества. Потому прибегают к насильственным мерам, прикрывая их безудержной демагогией. Так, за последние три года ни одному выпускнику местных школ-десятилеток, за исключением детей высшего начальства (директоров совхозов, председателей колхозов, директора школы и др.), не удалось поступить даже в областные заучадые институты. Целые классы оставляли работать на фермах, изображая это как добровольный почин. Конечно, как это обычно и бывает в нашем народе, нашлись холуи, которые выступали инициаторами. Один из таких холуев после своей холуйской речи (их снимали для телевидения) поступил в специальное военное училище, ему зачлась эта холуйская речь. А девочка, выступавшая с ним на пару, сначала устроилась в правление на хорошее место, а потом ее забрали в райком комсомола. Хотя и вшивый городишко, но все же город! Нескольким выпускникам школы удалось добиться того, что им выдали нужные документы (обычно документы не выдавали под тем или иным предлогом), и они подали заявления в институты в местных городах, а один даже в Москву сунулся. Но их всех провалили. В местных городах просто дали указание через Областной комитет Партии провалить этих ребят на экзаменах. А тот, который рискнул на Москву, провалился нормальным образом. Местная десятилетка ни в какое сравнение не идет с московской. Между прочим, парень пытался устроиться в Москве на подготовительные курсы (у него там родственник), но ничего не вышло. Его сначала забрали в милицию за нарушение паспортного режима, а потом отправили в деревню. Он живет неподалеку от нашего сарая. Часто к нам заходит. Симпатичный мальчишка. Умница. Но уже пьет, как и все прочие. Про институт и думать забыл. Но я, кажется, отвлекся.

Тоска Итак, наша (городская) молодежь расположилась на бревнах. К ним присоединилась местная. Поют под гитару. Вернее, не поют, а кричат. Это они сами думают, что поют. И пусть так думают. А раз они сами так думают, то значит, они и на самом деле поют. Матрена-дура плюется: разве это пение?! Можно подумать, что ее поколение пело лучше. Я-то хорошо помню это «пение». Истошные вопли по принципу «кто кого перекричит». Русский народ вообще никогда не пел. Он кричал.

Или плакал. Завывал. Это и теперь осталось, только в другой форме. Современная западная манера пения очень по душе пришлась нашей молодежи, ибо это тоже плач, крик и вопли тоски, выдаваемой за веселье. Ребята поют (чуть было не сказал, вопят) и смеются. Им почему-то весело. А я в их воплях и смехе физически ощущаю нечто иное: извечную тоску. ТОСКУ с большой буквы, большими буквами и самым жирным шрифтом, самую страшную болезнь нашего века.

А разве не то же самое было в наше время? — говорит мне Иван Васильевич. Хотя он старше меня, но не очень много. И считает меня представителем своего поколения. Я помню, как мы орали в училище. Всего, конечно, не помню. Кое-какие отрывочки. Чего, например, стоит такое «пение»!

*На эпохальные идеи нам плевать.
Нам с бабой завалиться б на кровать.
Если же кровати нету,
Можем прямо на Планету.
Жаль, потом придется вновь вставать.*

Представьте себе, так и пели. И начальство слушало. И смеялось. Даже начальник Особого Отдела подпевал.

*Я б слова другие подобрал,
Да боюсь, что скажут, я — нахал.
Но не надо придираться,
Я ведь пилотяга, братцы,
Лишь полет свой временно прервал.*

А недурно, — говорю я. — Как там дальше? Не помню, — говорит он. Вы в авиации служили? — спрашиваю я. Было дело, — говорит он. Воевали? — спрашиваю я. Приходилось, — отвечает он. И что же, — спрашиваю я. Ничего особенного, — говорит он. Всему свое время. И песне тоже. Вспомнил еще кусочек.

*Знаем мы, конечно, что не зря
Тянется морока с Октября.
Только малость надоело
Это муторное дело,
Между нами, честно говоря.*

Каково?! И это мы пели в самом начале войны. И представьте себе, за это никого не посадили. И знаете, почему? Потому что мы не говорили и не шептали это как тайну или разоблачение, а открыто пели как нечто обыденное и общепонятное. Вот вам парадокс, объясните! А одного моего знакомого уже после смерти Сталина посадили как гомосексуалиста на пять лет только за то, что он сказал по адресу заведующего одним из отделов ЦК, что он «е... его в ж..у».

Наши нравы Говорят, что в ЦК висят лозунги: «Наша партия включилась в борьбу за звание коммунистической», «Да здравствует советский народ — вечный строитель коммунизма!» и «Кто у нас не работает, тот не ест».

Лоб Мы с Матренадурой жили в общем более или менее мирно, ибо понимали, что не в ее силах улучшить наши жизненные условия. Только один Лоб постоянно нападал на нее, за что Дон прозвал его борцом за права сараека. Сараек — это человек, живущий в сарае. Лбу эта роль пришлось по душе, и он играл ее с большим старанием до тех пор, пока Матренадура не пригрозила ему рассказать нам кое-что. И Лоб после этого смолк, даже начал подхалимничать перед нею. И даже в хозяйстве иногда начал помогать. Мы долго ломали голову над тем, что такое могла Матренадура выдать нам про Лба. Высказывались разные предположения, но все они тут же отпадали. Токарь, например, высказал гипотезу, что Лоб — гомосек. Но Дон тут же высмеял его, приведя несокрушимый аргумент против: Лоб эмоционально туп, а интеллектуально недоразвит для того, чтобы быть гомосексом. Наконец, Мнс сказал, что он не видит тут большой проблемы: в нашем сарае должен быть по крайней мере один осведомитель Органов, а Лоб уже по крайней мере дважды беседовал с этим типом из района в горенке у Матренадуры.

Запад и мы Одна из главных тем наших разговоров — Запад и мы. Нельзя сказать, что у нас есть определенные точки зрения на эту проблему. Наши точки зрения зависят от обстоятельств и иногда меняются по десятку раз на день. Бывает и так, что начинает человек речь за здравие, а кончает за упокой. Или наоборот. А иногда мы ухитряемся в одну фразу вложить взаимоисключающие смыслы. Все же имеют место некоторые предпочтения. Иван Васильевич, например, тяготеет к критике Запада и к отрицанию превосходства западного образа жизни, Костя же — к защите Запада и утверждению превосходства западного образа жизни над нашим. И споры на эту тему чаще затевает Костя. И в полемику с ним чаще ввязывается Иван Васильевич. Матренадура перевозит

Запад, но весьма своеобразно: она поносит его. Вот образчик ее суждений о Западе. Еще бы им там не жить, — говорит она. — Фрукты жрут. Целыми днями в Лувре или Версале торчат, все своих абсракцианисов глазеют. Наглядятся, выйдут, напьются кофею прямо на тротуаре, и обратно в Лувр!

Суждения Ивана Васильевича серьезнее, можно сказать — несколько научнее. Что вы тут все твердите о Западе, говорит он. На Западе то же самое, что и у нас, а может быть, и похуже. Жрут лучше. Одеваются приличнее. Чище немного. Вежливее. Болтать могут, не опасаясь посадки. Вот и все! Вы что думаете, там только и делают, что ходят по музеям импрессионистов и произносят свободлюбивые речи? Там работают. И за каждую копейку трясутся. И цену себе всячески набивают. А на проблемы им наплевать. На Западе тоже властвует обыватель, а обыватель везде мразь. Наш обыватель даже лучше, поскольку наша неустроенность заставляет его быть чуточку необывателем. Люди везде одинаковы. Законы человеческой жизни везде одни те же.

Костя возражает совсем «по-научному». Я и не утверждаю, — говорит он, — что на Западе рай. Я же о другом. Я беру общество в целом. Вот Вы говорили, что масса посредственностей и на Западе стремится помешать пробиться настоящему гению. А каковы возможности уцелеть и пробиться гению там, на Западе, и у нас? Где они больше? У них, Вы с этим не спорите. А почему? Потому что у них климат лучше? Культура древнее? Нет, конечно. Очевидно, у них помимо одинаковых с нами социальных законов действуют какие-то другие, отличающие их тип общества от нашего. Какие? Ну, например, наличие независимых друг от друга конкурирующих объединений людей, возможность выбора, зависимость производителя от потребителя и т. п.

Отдельные суждения, высказываемые в нашем сарае на такого рода темы, весьма любопытны. И я решил их записывать. Ну, а ты что думаешь по поводу этой животрепещущей проблемы? — спросил я у Мнс. Я о Западе вообще не думаю, — ответил он. Значит, ты думаешь лишь о нас? — спросил я. Нет, — сказал он, — о нас я тоже не думаю. О чем же ты думаешь? — настаивал я. Я думаю ни о чем, — ответил он. Это невозможно, — говорю я. Ну, о себе, — говорит он. — Какая разница?

Когда со мной секретарь партбюро беседовал о Мнс, я сказал, что присматривать за Мнс вообще бессмысленно, ибо он вообще ничего не делает и не говорит. Секретарь на это сказал мне, что молчать тоже можно по-разному, что в тихом омуте черти водятся, что важно знать, что у этого парня на уме. А разговоры всякие — это ничего не значит. Поговорить мы все мастера. Присматриваясь к Мнс, я понял, насколько был мудр секретарь. В молчании Мнс я заметил больше смысла, чем в бесконечных разговорах остальных обитателей нашего сарая. Меня оно заинтересовало, и я решил во что бы то ни стало узнать, о чем он молчит.

Иван Васильевич Все надеются на нечто вне самих себя, — говорит Иван Васильевич. — Одни — на народ, другие — на переловый класс, третьи — на умное руководство, четвертые — на диссидентов. Но это все лишь иллюзии. Такой силы, которая сделает все без тебя и для тебя, нет. Сила только в тебе самом. Ты и есть эта единственная сила. Ты не действуешь — не надейся на действия других. Таков печальный итог моих многолетних размышлений. А пока я размышлял, у меня пропала охота к действию. Не беда, говорю я. Другие будут действовать. Вон, диссиденты уже действуют. Это не то, — говорит ИВ. — Они не имеют никакого представления о сути нашей жизни. И думают они больше о себе, чем об обществе. Это — бизнес, а не бескорыстная жертва. Или озлобление, отчаяние, тщеславие, шизофрения. Тут совсем другое нужно. О диссидентах, — говорю я, — Вы напрасно так говорите. Но если даже Вы правы, какое это имеет значение? Люди всегда сражались за свои личные и групповые цели, а делали это в форме борьбы за благо народа, страны, человечества и прочих ложных идей и учений. Мы не исключение из общего правила. Может быть, так лучше. Может быть, — соглашается ИВ, — не спорю. Но я не об этом. У моего отца был друг еще с Гражданской войны. Бывший комдив. Он часто бывал у нас со всей семьей. Свою маленькую дочку он прочил мне в невесты. И мы часто гостили у них, обычно на даче, — Комдив к этому времени стал крупной шишкой в Совнарком. Однажды отец приехал домой далеко за полночь. Мрачный, осунувшийся. Сказал, что Комдива взяли. Так и сказал: «взяли». Эту ночь мы не спали. Ждали. Чего ждали, об этом не было сказано ни слова. Но мы и без слов знали, чего именно. Мы (я и мать) были уверены, что отец — безукоризненно честный человек, верный коммунист, способный всем пожертвовать за Партию и Сталина. И все же мы знали... заметьте, знали!.. что его могут в любое время взять. За что? Ни за что. Взять, и все тут. И Комдива мы ведь тоже знали. И все-таки... Что это такое? Вы можете объяснить? Я — нет.

Отец дома почти не появлялся. Пиджак на нем обвис. А мать... Впрочем, это и так ясно. Так продолжалось две недели. Наконец отец неожиданно заехал домой рано вечером, веселый, выбритый. Сказал, что их группу принимал сам Сталин. Их всех наградили орденами. Мы от радости чуть не рехнулись. Вскоре после этого я как-то сидел дома, занимался, мать возилась на кухне. В дверь позвонили. Я открыл и оторопел: жена Комдива. Я так растерялся, что даже не поздоровался и не пригласил войти. Побегал за матерью. Я не слышал, что говорила жена Комдива матери. Услышал лишь резкий голос матери и звук захлопнувшейся двери. После вручения отцу ордена устроили банкет по сему поводу. Отец рассказал гостям, какой коварный враг скрывался под личиной нашего человека в лице Комдива. Хотя те две недели ожидания кончились для нас благополучно, они оставили в наших душах неизгладимый след. После этого мы уже не переставали ждать. Я и сейчас еще жду. Вот среди ночи раздастся звонок, войдут Они и прикажут следовать за ними. И я не удивлюсь даже этому. Не буду протестовать и возмущаться. Я всю свою последующую жизнь прожил как человек, которого

почему-то не взяли тогда, случайно не взяли, не успели взять, оставили с какой-то коварной целью. Попробуйте, разберитесь в этом с психологической точки зрения.

А не кажется ли Вам, — спросил я, — что тут все гораздо проще. Вы самым банальным образом держались за свое благополучие и спасали свою шкуру. Почему, кажется, — сказал ИВ. — Это так без всякого «кажется». Но дело-то не в этом. Мы боролись за рай, а сами падали в ад. Мы видели и понимали это, а остановиться не могли, ибо этот ад и был тем самым обещанным раем. К тому же в роли бандита и насильника тогда выступала сама глубинная линия истории. И не на что было надеяться. И некому было жаловаться.

Матренадура На Западе, — говорит Матренадура, — тоже много всякой ерунды делают. Не меньше нашего. Правда, делают они ее аккуратно, этого у них не отнимешь.

Еще одна теодицея Поразительный факт: сейчас утонченные интеллигенты стремятся к религии, а пожилые люди вроде нашей Матренадуры даже слышать не хотят ни о каком Боге. Токарь, например, развивает хитроумные религиозные теории. Матренадура над ним издевается. Бог нужен, — говорит она, — пока мерзости всякие есть. А если их нет, на что нам Бог? Значит, — говорит Токарь, — сейчас есть мерзости, и потому Бог нужен. Так? Так, — говорит Матренадура. Значит, — говорит Токарь, — при коммунизме, когда все будет хорошо и не будет плохого, не нужен будет и Бог. Так? Так, — соглашается Матренадура. Но если нет плохого, — не унимается Токарь, — то как определить, что то, что есть, хорошее? Неужели Вы, Матрена Ивановна, думаете, что люди будут всем довольны? Я так не думаю, — отвечает Матренадура. — Наш народ такой: что ему ни дай, все мало и плохо. Так, значит, все равно будет плохо? — спрашивает Токарь. — И значит опять-таки нужен будет Бог? Не пудри мне мозги, — говорит Матренадура. — Видала я эти твои интеллигентские выдумки в гробу в белых тапочках.

Что происходит? — спросил я Мнс. — Невежественная баба отвергает Бога, а образованный интеллигент мучительно ищет его. Ничего в этом удивительного нет, — сказал Мнс. — Религию в свое время изобретали самые добрые и умные люди. Христос для своего времени был интеллигентом.

Постановка проблемы Итак, у меня пробудился теоретический интерес к проблеме сна. Произошло это при таких обстоятельствах. Было очередное партийное собрание. Не то об успехах, не то о недостатках. Секретарь читал обычный в таких случаях нудный доклад. Я, конечно, спал. Во сне я видел аппетитную сотрудницу из реферативного отдела. Не думайте, что я сексуальный маньяк. Просто я на партийных собраниях обычно вижу сны на сексуальные темы. А это не так уж часто — в месяц одно общее собрание, одно собрание отдела, одно в секторе, одно в группе. На производственных совещаниях я вижу обычно сны военного содержания, на ученых советах, семинарах, симпозиумах и коллоквиумах — сны социального содержания. А на партийных собраниях —

только сексуальные. Установилось это у меня с первого же дня пребывания в партии: как только меня приняли в кандидаты, я тут же уснул и увидел во сне посудомойку из столовой. И в каком виде! Вот и на сей раз, уже будучи старым коммунистом и ветераном, я видел хорошенькую сотрудницу из реферативного отдела в том же самом виде, т. е. в чем мать родила и в подходящей позе. И сам я был одет почти так же. При всей моей скромности и моральной выдержанности в быту, как пишут в моих официальных характеристиках, я устоять не мог. И уже почти добился своего, но... Вы знаете, в таких случаях обычно всегда появляется какое-то досадное «но».

Спал на собрании не я один. Рядышком со мной посапывал председатель профкома, за спиной «добирал» председатель ДОСААФ, через два человека справа портила атмосферу «кадричка» (заведующая отделом кадров). Но в отличие от прочих членов и кандидатов партии, я иногда вздрагивал во сне, так что сотрясался весь ряд (у нас стулья сколочены намертво), вскрикивал во сне и выражался неприличными словами. Это вызывало беззлобные шуточки левого крыла собрания, где обычно сидела передовая молодежь, и недоуменные взгляды сидевших в президиуме активистов, которым спать хотелось не меньше моего, но делать это они не могли, поскольку сидели на возвышении и лицом к залу. Хотя я лично этого понять не могу. Если бы меня выбрали хоть раз в президиум, я бы сразу доказал, что не спать в президиуме — ложный предрассудок. Интересно, какой сон мне приснился бы сидючи там? Я бы очень хотел увидеть сон о счастливой юности, которой у меня не было. О первой любви, которой у меня не было. О верной дружбе, которой у меня не было. О счастливой семье, которой у меня тоже не было. И снов на эти темы я до того времени не видел ни разу. Старики (как прогрессивные, так и реакционные) на меня не обращают внимания: они меня понимают.

Рассаживание людей в зале собрания — тема для особого социологического исследования. Как бы ни был устроен зал, какую бы публику ни загнали в него, какая бы ни была тема собрания, имеется устойчивая и строго объективная тенденция рассаживания. И если эта группа людей в этом зале собирается регулярно, распределение людей по местам становится все более определенным и устойчивым. Причем доминирующая роль при этом принадлежит факторам сугубо социальным, а не каким-то иным. Возьмите одно такое собрание, опишите точно, кто и где сидит, и вы получите общую характеристику нашего общества в самых его главных чертах. Я не могу понять, почему наши социологи упускают такую прекрасную возможность.

И вот в тот самый момент, когда я издал один из своих знаменитых вскриков (я как раз был близок к цели), когда захихикало левое прогрессивное крыло и зашипело правое реакционное, когда председатель нажал кнопку звонка и призвал к порядку, в моем сонном мозгу, как ослепительная молния в черном небе, мелькнула мысль: какой колоссальный прогресс во всем произошел, а спим мы до сих пор так же, как спали наши пещерные предки. Спим, и все тут. Спим, как само собой спится. Даже не спим, а дрыхнем, кемарим, добираем. Мысль эта меня

настолько поразила, что я не утерпел и поделился ею с соседом. Тот вытаращил на меня глаза и сказал, что я — дремучий лапоть. В марксистской философии проблема сна давно решена. В нашей советской науке академик Павлов и его ученики подвели под марксистскую сонологию естественнонаучную базу, досконально исследовав человеческие сны на собаках. И между нами говоря, Фрейд тоже кое-что сделал. Он, конечно, не совсем того, пойми меня правильно. А местами он совсем не того, но в общем и вообще... Не дождавшись окончания мысли соседа, я снова погрузился в сон, причем — в тот же самый, как я и хотел, и в то же самое место его, на котором остановился!! На сей раз я решил довести свое намерение до логического конца. Но... Опять это нелепое «но»! В это самое время начали обсуждать формулировку приветственного послания Генсеку по поводу присуждения ему Ленинской премии по литературе за воспоминания о своей руководящей роли во всей прошлой и будущей истории. Возникла острая дискуссия в связи с формой обращения к Генсеку. Правое крыло настаивало на обращении «родной Вы наш», а левое — на «дорогой ты наш». Очнувшись ото сна, я предложил примирительный вариант — «любезный». Но меня истолковали превратно и поставили на вид, правда — на сей раз без занесения в учетную карточку. После собрания представители левого крыла жали мне руку за проявленное мужество и делали намеки на то, чтобы я возглавил.

По дороге домой я понял с полной ясностью первую истину своей будущей сонологии: сны можно вызывать по своему желанию, можно их повторять и продолжать. А раз это возможно, то почему бы не научиться в таких снах добиваться желаемого?! Добравшись до кровати, я сразу же завалился спать, вызвал опять тот сон с аппетитной сотрудницей из реферативного отдела и добился желаемого. Закрепив свой первый успех, я тут же решил взяться за задачку потруднее: вызвать Венеру Милосскую и соблазнить ее. И тут же убедился, что для решения проблемы такого масштаба нужна солидная теоретическая и практическая подготовка. Но это уже дело наживное. Главное же принципиальное открытие сделано: возможен сон по желанию, причем — активный.

Бывает и так Хотя за день мы вымотались основательно, нам почему-то не спится. Дон и Мнс ведут дискуссию на тему о сущности человека. Мы суть ничтожные червяки, — утверждает Дон, — а воображаем себя венцом творения. И выпендриваемся всячески. И огонь в груди ощущаем. Отсюда и происходят все неприятности. Мы так сложились исторически, — утверждает Мнс, — что не можем не выпендриваться. Мы и есть венец творения, но нас вынуждают быть ничтожными червяками. И огонь в груди у нас не случайность и не выдумка гнилых интеллигентов.

*Ночью глухою
И суетным днем
Бывает, горю я
Незримым огнем.*

Бывает, — признается Дон. — Я это в себе тоже замечал. Идешь иной раз по улице. И вдруг в душе некое кипение начинается. Эх, думаешь, сейчас в морду кому-нибудь врезать бы или стекло вышибить бы! Ты это имеешь в виду? Примерно это, — говорит Мнс. А ты, оказывается, стишками балуешься, — говорит Дон. Это не я, — говорит Мнс, — а мой друг, Поэт.

*Бывает, и я
Поднимаюсь с коленей.
Отважных из прошлых
Зову поколений.*

Это ни к чему, — говорит Дон. — Нам от своих современников спасения нет. Это и есть обращение к современникам, — говорит Мнс, — только в поэтической форме.

*Я им говорю:
Успокоились рано!
Заполнила землю
Орда бусурманов.*

Это для меня слишком заумно, — говорит Дон. — Давай что-нибудь попроще.

*Потеряна честь.
И поругана вера.
И много для юных
Дурного примера.*

Чего-чего, а этого хватает, — соглашается Дон. — Еще несколько лет, и мы обставим Запад по всем формам разврата. И для чего же твой друг будит рыцарей прошлого?

*Доспехи наденьте!
Мечи наточите!
За веру и правду
Сражаться скачите!*

Хотел бы я посмотреть, как этот твой Поэт скачет за правду сражаться, — говорит Дон. — Он что — диссидент?

*Наполните землю
Благими делами!
Пусть в душах воскреснет
Незримое пламя!*

И этот зов, чтобы из искры возгорелось пламя, — ворчит Дон. — Ему новой революции захотелось? А это еще что за чучело?! Это он, — сказал Мнс.

Мы все взглянули в открытые ворота сарая и увидели в них фантастическое существо. Лицо у него расплылось в улыбке от уха до уха. Глаза сверкали ярче, чем огоньки сигарет в темноте сарая. Из карманов его пальто торчали горлышки бутылок. Под мышкой он держал пару московских батонов белого хлеба. Подъем! — весело заорало существо. — Есть выпивон и закусон! И свежие анекдоты! Мы немедленно вняли зову посланца Небес. Зажгли свечку. И в сарае наступило божественное благолепие. Посланец Бога сыпал анекдотами, каламбурами, сплетнями о вышних лицах, былями о диссидентах. Мы просидели до самого рассвета, ощутив на миг сладостное братство близких существ. Казалось, будто мы — одинокие странники космоса, и наши жизненные линии пересеклись на это короткое время и вот сейчас разойдутся навеки. От этого ощущения было очень тоскливо. Странно, — подумал я, — мы живем все и всегда вместе, но так редко встречаемся друг с другом на уровне наших душ.

*Зову, хотя знаю, —
Призывы напрасны.
Из прошлого тени
Глухи и безгласны.
Огонь тот потухнет,
И будет все то же.
И буду я снова
Один и ничтожен.*

Тоже критик режима Каких только критиков нашего строя теперь не встретишь! Здесь я познакомился с одним таким любопытным экземпляром. Он здесь бухгалтер. Немногим старше меня, хотя выглядит дряхлым стариком. Имеет приличный дом и крепкое хозяйство. Дети пристроены без особых перспектив, но тоже сытно и спокойно. В молодости подавал надежды и преуспевал, но пал жертвой сталинизма. Причем жертвой в высшей степени несправедливой. Еще в школе стал осведомителем, в институте помог разоблачить целую группу врагов народа, блестяще сыграв роль провокатора (говорил он об этом в других выражениях, но было понятно, что к чему). Но чуточку переиграл, и его заподозрили в сочувствии этим врагам. И, конечно, посадили на десять лет. В лагере «честно исполнял свой долг». После освобождения поселился здесь (в Москве и крупных городах было запрещено жить), оброс семьей и хозяйством, привык. Решил почему-то, будто я диссидент, и при всякой возможности заводит со мной разговорчики «по душам». Местную жизнь знает как свои пять пальцев. Рассказывает такие вещи, что если бы я сам на многое такое не посмотрелся, ни за что не поверил бы. По его словам, все общество здесь есть банда преступников, мафия. И никакая советская власть тут якобы не существует. Вернее, существует лишь по

видимости. Я совершил непростительную глупость, сказав ему на это, что мафия и есть нормальная форма существования советской системы. После этого он как клещ впился в меня, навязывая «разоблачительные материалчики, подкрепленные подлинными документиками». Кто он, этот человек? Все еще «исполняет свой долг»? Вряд ли, теперь такие ни к чему. Добровольно помогает «товарищам Оттуда»? Возможно. Или на самом деле хочет «подложить Им (кому это — «Им»?) крупную свинью»? То же возможно. И возможно, что он — все понемножку: и осведомитель, и провокатор, и по поручению, и по просьбе, и разоблачитель, и защитник. Короче говоря, наш русский человек. Между прочим, он предупредил меня, чтобы я был осторожен с Матренадурой: она якобы стучит на всех и может «продать за головку лука».

Матренадура, мы и гомосек Ребята ушли в поле, а я по каким-то делам задержался в сарае. Заглянула Матренадура. Она собралась за грибами (обычное дело: мы работаем в поле, а местные жители занимаются своими делишками), но увидев меня, изменила намерение. И я сделал с ней то, чего она и хотела. И не пожалел. В таких старых бабах почему-то сохраняется или возвращается к старости девическое целомудрие. Впрочем, что в этом удивительного? Русский народ прошел через ужасающий разврат сталинского периода, а вышел из него столь же целомудренным, как старая проститутка по выходе на пенсию. Я поделился своими впечатлениями о Матрене с Доном Игуаном. Тот подстерег ее и добился своего. Потом мы ходили к ней всем сараем по очереди. Устояли только двое: Иван Васильевич, который хотел, но не мог, и Мнс, который мог, но не хотел. Это-то мне и показалось особенно сомнительным. Когда в бригаде появился Товарищ из Органов и спросил меня о Мнс, я сказал ему, что он — единственный морально устойчивый человек в бригаде. Товарищ из Органов сделал понимающее лицо. Через пару дней в деревне под видом уполномоченного появился профессионал-гомосексолог. Он отозвал меня в сторонку и предъявил удостоверение капитана КГБ. И начал с таким остервенением крутить задом перед нашим сараем, что даже у меня зародилась вера в модные западные сексуальные теории и сомнение в правоте марксистско-ленинского учения о... как бы это понаучнее выразиться?.. о совокуплении. Если бы не Матренадура, не знаю, чем бы кончилось это искушение. Но Мнс устоял. Увидев Гомосека, он сказал лишь одно слово: стукач! Зато ребята из второй бригады не устояли. Они ловили Гомосека, где придется, и вытворяли с ним такое, что квалификация его после этого повысилась раз в десять. Сначала он страдал, но помалкивал, не имея права обнаружить себя. Потом привык. И очень не хотел уезжать, когда его отозвали. А в чем состоит марксистско-ленинское учение об этом деле? — спросил меня Дон Игуан. В двух словах, — сказал я, — вот в чем:

*Учись классиков примеру:
Храни и в этом деле меру,
Не извращай своей плоти.*

*Работу задавая херу,
Крепи в ученье наше веру,
Творцов грядущего плоды.*

Ясно? Куда яснее, — сказал Дон Игуан. — Я уже плачу в два места алименты, так что мне теперь все равно. Мне даже хочется сотворить третьего, четвертого. Но бабы пошли дошлые, никак не клюют на это дело. Зачем это тебе нужно? — спросил Лоб. — Тебе с этими двумя хлопот мало? Туго ты соображаешь, брат, — сказал Дон. — У нас же все наоборот: чем меньше детей, тем больше хлопот с ними, и чем больше детей, тем меньше хлопот. Почему? Очень просто. Когда ребенок один, над ним трясутся, вкладывают в него душу, тратятся больше, чем на себя. А когда их много, то на них наплевать, кормят и одевают как придется, не трясутся. И дети лучше вырастают. Вот ты, например, явно единственный сын в семье. Так ведь? А я — шестой! Понял? Шестой!! Чувешь разницу? То-то!

Матренадура Нужен мне ваш Запад, как корове колготки, — говорит
о Западе Матренадура. — Племянник моей двоюродной сестры по мужниной линии бывал на этом вашем Западе. И такого порассказывал, что я за деньги туда не поеду, а не то что самой платить. Там помочиться, и то денежку гони. Да не всякую, а подходящую монету. У них один член туристической группы умер от этого. Захотел помочиться, а монетки нет. Даром не пускают, да и он сам не идет даром — не позволяет гордость советского человека. Сует бумажку (это все, что им выдали), не берут. Сдачи нет, а без сдачи не берут, сволочи. Честные! Товарищи говорят ему, давай дуй прямо тут за углом, они покараулят. Так боится. Перед поездкой их проинструктировали, чтобы никаких безобразий. Иначе провокации всякие могут быть. И товарищи донесут, в другой раз не пустят. Так вот и дотерпел до гостиницы. И упал перед входом. Врача не стали вызывать — дорого. Там врачи дерут больше, чем грузины в Москве на Черемушкинском рынке. Матрена Ивановна, — говорит Токарь, — грузин теперь зажимают и на московские рынки не пускают. Там азербайджанцы и узбеки всякие. А не все ли равно? — говорит Матренадура. — Все равно обдирают. Даже больше, чем грузины. Матрена Ивановна, — говорит Костя, — а почему товарищи его не дали ему монетку? Э, чего захотел! — смеется Матренадура. — Денежек-то им выдали в обрез, а там на каждый грошик купить что-нибудь можно. Племянник целый чемодан вещичек привез.

Реальность Я позвонил Ей, и мы договорились встретиться и провести вместе день. Погулять по улицам, сходить в музей, посидеть в ресторане, в крайнем случае — сходить в кино. У нее «отгул», у меня — «библиотечный» день, так что такая программа в будничный день осуществима хотя бы отчасти. Наш поход начался с аварии — у Нее лопнули колготки, причем — на виду. Чтобы спасти настроение, мы зашли в галантерею, и я

подарил Ей новые. Потом я караулил у чужого подъезда, пока Она переодевалась. Это нас сблизило. Жуть, сколько денег уходит на это барахло! — сказала Она. — А заграничные стоят вдвое дороже, да и достать их не так-то легко. Что поделаешь! — сказал я. — Мы очень хорошо делаем плохие вещи и очень плохо — хорошие. Потом мы сидели в ресторане, пили и разговаривали. Я рассказывал о себе, о своей конторе. Особенно ее поразило то, что я еще до войны служил в армии, а ее будущие родители тогда еще даже знакомы не были. Должно быть, грустно осознавать себя таким... ну, что ли, пожилым, — спросила Она. Старым, — подсказал я. Нет, нисколько не сокрушаюсь по этому поводу, не вздыхаю по принципу «ах, как быстро годы промчались!». Наоборот, я считаю, что мне повезло. Я столько лет жизни урвал, тогда как очень многим моим сверстникам куда хуже пришлось. Одних убили на войне, другие погибли в лагерях, третьи умерли по болезни. А я до сих пор жив и здоров. Не известно, удастся ли Вашим сверстникам прожить столько. А у меня прожитые годы уже никто не отберет. Они мои. И такая моя позиция есть элемент моей общей жизненной концепции. В чем она состоит? Длинная история. Но если одним словом, то я — спун.

Расчеты кандидата Во время обеденного перерыва нам краткую лекцию (без отрыва от обеда, как сказал Дон) о ходе сражения за урожай прочитал лектор из области. Когда говорят «из области», «из района», «из столицы» и т. п., тем самым хотят указать ранг лекторской группы — от обкома партии, от райкома партии, от ЦК... Лектор говорил обычные враки о блестящей организации дела в этом году, о перевыполнении, о досрочности, о героизме, о прочих газетных атрибутах нашей жизни, сулил неслыханный подъем жизненного уровня в этом году, делал прогнозы насчет нашей внешней политики — нам не надо будет закупать еду в Америке, Австралии, Африке, Азии и Западной Европе. Кто-то пискнул, что лектор забыл упомянуть Антарктиду. Кто-то серьезно заметил, что в этом году мы закупаем сто миллионов тонн картошки в Монако. Мы захихикали. Лектор гнул свое. Во время перекура после обеда (и лекции) Кандидат прочитал нам свою доморошенную лекцию на ту же тему. Брось загибать, пытался оборвать его Лоб. Заткнись, сказал Дон, он же денег не берет. Ты бы лучше лектору сказал, чтобы тот заткнулся.

Вот смотрите, — говорил Кандидат. — Тривиальные расчеты. На уровне школьной арифметики. Тут никаких вычислительных машин не нужно. И тем более никаких Госпланов, Министерств сельского хозяйства, сельскохозяйственных Отделов ЦК, Обкома, Райкома. Неопровержимые цифры. Вот обрабатываемая площадь. Вот урожайность. Вот используемые люди и техника. Вот возможности доставки, хранения и доставки потребителю. Из чего у нас исходят? Из этих абстрактных цифр. А надо исходить из реального конечного продукта, достигающего перерабатывающих организаций и непосредственных потребителей. Этот конечный продукт в среднем всегда одинаков. И в урожайные годы. И в неурожайные. В неурожайные, бывает, больше имеем, ибо бережем. Далее! Хорошо обработать

такие огромные площади невозможно. Транспорт и техника не справляются. Постоянные поломки, так что фактически работает половина. Сколько пропадает на полях! Хранилища не вмещают всего, что можно собрать. Доставляют туда в плохо подготовленном для хранения виде, и там половина пропадает. А то, что удастся сохранить, не всегда возможно доставить потребителю. И опять потери. Так ведь? Но всю эту систему легко перестроить. Например, возьмем одну только линию хранения. Если в хранилища помещать хорошо подготовленную продукцию (например, без грязи, подсушить) и немного улучшить сами хранилища, то потери будут незначительными. С точки зрения конечного продукта это равносильно увеличению обрабатываемых площадей почти вдвое, если сохранить нынешнюю систему. А раз так, то можно площади эти даже сократить почти вдвое, меньше техники потребуется. И меньше людей. В общем, надо сделать ударение на качество, а не на количество. Дешевле. Эффект фактический сильнее. Деревня своими силами с этим справиться может. Нужно лишь строже дисциплину, оплату повысить, порядок держать. Кажется, что проще?!

Великолепный проект, — сказал на это Иван Васильевич. — Только совершенно нереальный. Чтобы его реализовать, нужна малость: отменить советскую систему жизни. Кто вам позволит сократить обрабатываемые площади земли? Увеличивать — пожалуйста. Но сокращать?! Как вы заставите людей работать лучше? Кто позволит вам изменить систему оплаты труда? Как заставите с техникой обращаться лучше? Есть тысячи факторов, от которых зависит решение каждой нашей пустяковой задачки. И ничего путного из такого проекта не выйдет. Начните воплощать его в жизнь, и вы не сможете иметь даже то, что имеем сейчас. Мы даже систему кормления нашей бригады наладить не можем, а эта задачка в миллион раз проще проблемы хранилищ овощей. Посмотрите, как мы питаемся! А все необходимое вроде бы есть: продукты дают дерьмовые, но есть можно, и количество терпимое; горшки и кастрюли есть; печки есть...

Как мы питаемся А питаемся мы все-таки отвратно. Сначала нам готовила сама Матренадура. Готовила хуже, чем плохо. Никакой гигиены. Половину продуктов отжуживала. И сразу же ввела систему привилегий, подачек, подкармливания. И эксплуатировала нас всячески. Через несколько дней мы восстали. Выделили одну женщину из бригады на должность повара. И каждый день по очереди пару дежурных (помощников). Хотя наша повариха хвасталась, что дома готовила вкуснейшие обеды (потому ее и выбрали в поварихи), ее фантазия не пошла дальше вареной картошки, отварных макарон и щей. Само собой разумеется, и она завела свою систему неравенства в распределении еды. Мы пробовали поворчать, но безрезультатно. Баба она оказалась дошлая, и на защиту ее горой встали ее «дружки». И мы отказались от борьбы, закончив ее чисто теоретическим обсуждением проблемы равенства и неравенства. Мир устроен разумно, — сказал. Токарь, — и потому я предлагаю полную и безоговорочную капитуляцию. Равенство невозможно фактически. А логически рассуждая, оно есть смерть для общества. Если даже допустить на минуту некое изначальное состояние равенства, люди с молниеносной

быстротой изобретут ту или иную систему неравенства, если будут жить большими объединениями. Равенство возможно лишь тогда, когда человек один.

Матренадура о Западе У нас лечат как следует, — говорит Матренадура, — но плохо. На Западе тоже плохо лечат, но зато как следует.

Кандидат о Западе Запад не имеет будущего, потому что имеет слишком богатое прошлое. Вперед можно идти только налегке, отбросив свое прошлое, как сделали мы, ибо будущее есть создание нового прошлого.

Методологические замечания Спун — это человек, который умеет жить во сне, живет главным образом во сне, а наяву живет (бодрствует) только для того, чтобы обеспечить себе жизнь во сне. Но я — не просто спун. Я — первооткрыватель в этой области. Я — первоспун. И к тому, как это обычно и бывает в таких случаях, спун выдающийся. Я, можно сказать, Паганини в своем деле. Но даже и этого мало: я не только спун-практик, но и спун-теоретик, создатель спунологии, которая до меня не только не существовала, но даже считалась невозможной. И все-таки это еще не все: я обучаю людей (преимущественно интеллигентных) способности быть спунами. И беру за это совсем немного, как берут за уроки иностранного языка, математики, физики и игры на баяне.

Почему я обращаюсь главным образом к интеллигенции, а не к рабочему «классу», трудовому крестьянству и совслужащим? Да потому, что рабочие и крестьяне спят без задних ног, никаких проблем эпохального значения не имеют и ни о каком выходе не помышляют. Совслужащие же ворочаются с боку на бок и бдят, как бы интеллигенты в самом деле не отыскивали выход из создавшегося положения. Хотя они точно знают, что интеллигенты выход все равно не найдут (не на то они интеллигенты, чтобы вообще что-то находить!), они все равно бдят, ибо не верят не только интеллигентам, но и самим себе. К тому же они все законченные кретины, ибо думают, будто выход где-то и какой-то есть. Он действительно есть, — тот самый, который я предлагаю. Он единственный, других нет и быть не может. И он как будто специально создан для интеллигенции. Вот характерный пример тому. Один мой ученик (очень прогрессивный литературовед) в ночь накануне дня партийного собрания, на котором его принимали в члены КПСС, видел сон о коммунистическом обществе с многопартийной системой. Себя он видел во главе одной из партий. Приняли в члены КПСС его, однако, единогласно. Сам инструктор ЦК, курирующий его учреждение, пожал ему руку. Правда, он признался мне, что все партии были коммунистические и подчинялись главной из них, называвшейся Подлинно коммунистической. Но этот ученик был начинающим спуном.

Поскольку я теоретик, идеи математизации, формализации, моделирования

и прочих модных средств современной науки коснулись и меня. В частности, я доказал возможность перемещения тел во сне со скоростью в миллиард раз больше скорости света. Этот мой чисто теоретический результат совпал с наблюдениями американских и, само собою, советских ученых за перемещениями «летающих тарелок». Согласно моей теории, вы можете догнать удирающее от вас женское тело задолго до того места, в котором вы его догоните, и сделает свое дело еще до того, как оно вообще появится в поле вашего зрения. И что самое поразительное во всем этом, это полная безопасность ваших предосудительных действий. Женщины при этом не беременеют, не зовут милицию, не пишут заявления в партбюро, так что вам не угрожают алименты и персональные дела. Но я обещаю вам не злоупотреблять мощными средствами современного научного мышления. Я буду прибегать к ним исключительно в тех случаях, когда они вообще не нужны и когда без них лучше обойтись. А в остальных случаях я буду использовать более подходящий для спунологии метод изложения по принципу «как Бог на душу положит». Мой личный опыт и опыт моих учеников показал, что от такого изложения (и, соответственно, обучения) проку бывает больше. Тем более я нашел блестящее доказательство теоремы эквивалентности порядка и беспорядка, вообще снимающее проблему способа изложения как ложную. Вот вкратце основная идея доказательства.

Пусть мы начинаем думать о каком-то произвольно взятом порядке. Раз так, значит, мы допускаем нечто такое, что порядком не является, т. е. некий беспорядок. Что это такое? Спросите любого рядового советского человека, он вам ответит: бардак! А что есть бардак? Очевидно, все то, что мы видим вокруг себя наяву. Но тут даже без диплома Университета Миллионов (т. е. Вечернего Университета марксизма-ленинизма) можно сразу же заметить, что это есть не что иное, как сама материя. Та самая, первичная, объективная, движущаяся и т. д. Будем, далес, вслед за Лениным различать философское и естественнонаучное понятие бардака. Оставим первое за материей. Что же касается второго, то

*У нас с первоначальных дён
Такой порядок заведён,
Что отличить нельзя никак,
Где тут порядок, где — бардак.
И год за годом так идет:
Бардак порядок создает.*

Какой блестящий пример диалектики, не правда ли?! Последняя (заключительная) строка имеет две равноценные интерпретации: 1) бардак есть следствие порядка; 2) порядок есть следствие бардака. А раз причина и следствие меняются местами, они суть одно и то же.

Опираясь на только что доказанную фундаментальную теорему спунологии, я и приступил (уже приступил, а вы и не заметили!) к бессистемному (или строго упорядоченному, что то же самое) ее изложению. Для понимания излагаемой теории никакой специальной подготовки не тре-

буется. Требуется лишь желание понять, терпимость, терпение и полное доверие к автору как к Учителю, который если и совет, то недорого возьмет.

Я балагурил в таком духе, путая вымысел и правду, шутки и серьезное. И запутался так, что сам перестал их различать. Она слушала сначала с усмешкой. Потом посерьезнела. Сказала, что почему-то верит мне. И мы пошли ко мне.

Идея Мнс Если хотите знать, — сказал Мнс (мы спорили о коммунизме), — идея изобилия всего при коммунизме не такая уж вздорная. Но ее следует понимать как абстракцию или как допущение, необходимое для понимания сущности коммунизма. Надо понимать это не так, будто при коммунизме будет изобилие, а так: допустим, что в обществе имеется изобилие всего необходимого для жизни людей, и посмотрим, что получится, если учесть, что общество состоит из миллионов людей, разбросанных в пространстве и различающихся по полу, возрасту, уму и прочим качествам.

Матренадура о Западе — Матрена Ивановна, а Вы смогли бы прожить на Западе? — А почему бы нет? Что ты думаешь, если мы в навозе копаемся, так уж и по Парижу пройти не сможем? Сможем, да еще как! Погоди, придет время, мы еще себя покажем! — А как же языки иностранные?

— А на что они нам? Племянник говорил, там и без языков обойтись можно. На пальцах можно объяснить, что тебе надо. Они там на пальцах все понимают, сволочи. Соображают, хотя и иностранцы. А то и вообще можно просто так, без пальцев. Ходи, молчи и ничего не делай. И на тебя внимания никто не обратит. Одно неприятно — платить за все надо. Племянник говорил, идешь по улице или в комнате сидишь, вроде ничего не делаешь, а все время ждешь, что вот-вот квитанцию принесут какую-нибудь: мол, гони монету! И не отвертись, тут все по закону. Один раз он отказался, потому как не за что было платить. Так на другой день принесли другую бумажку: вдвое платить! Порядок, ничего не скажешь!

Битва за урожай Битва за уборку урожая, — сказали нам в очередной политической информации, — близится к завершающим рубежам. Фронт сражения перемещается со свеклы, морковки и капусты на картошку. Неожиданное ухудшение погодных условий, которое предсказывали наши ученые еще две недели назад (правда, в другую сторону), не помешало наращиванию темпов сражения. Экипаж капустоуборочного комбайна Героя Социалистического Труда А. И. Гречко, работая без перерыва в три смены, убрал пятьдесят тысяч кустов картофельных клубней с площади в сто гектаров, что на семьдесят процентов больше, чем в прошлом году. Свекловоды Ворошиловского района...

В приведенном сообщении было верно только одно: погодные условия действительно ухудшились. Начались холодные, морозящие и бесперспектив-

ные дожди. Мы ходили все время мокрые, по колено в грязи. Стал протекать наш сарай. Вернее, обнаружилось, что он протекает. Раньше он не протекал только потому, что не было дождей. Не так далеко от сарая мы обнаружили свалку строительного материала, — доски, толь, шифер, фанеру. Мы обратились к местному начальству с просьбой использовать кое-что, чтобы покрыть крышу сарая. Нам, конечно, отказали: эти строительные материалы предназначены для нового свинарника и ремонта школы (какой уже год!). Матренадура, кровно заинтересованная в ремонте сарая, спровоцировала нас взять необходимые материалы без спроса. Много ли их нужно? Никто не заметит. И ночью Мнс с Костей починили крышу, прикрыв ее для маскировки старыми гнилыми досками. Но начальство как-то узнало о нашем самоуправстве. Скорее всего кто-то настучал. Скандал произошел грандиозный. Приезжала милиция из района. Составили протокол. Грозили привлечь Мнс и Костю к ответственности за хищение государственной собственности. Тогда Мнс и Костя содрали все эти вшивые материалы (цена им — десятка, не больше) с крыши и отнесли обратно. Мы (за исключением Комиссара, который спал на Матренадуриной перине из свежего сена, и Лба, на которого почему-то не капало) заявили, что пока нам не починят крышу, на работу мы не пойдем. Комиссар обвинил нас в дезертирстве. В военное время (а битва за урожай идет по законам военного времени), — сказал он, — за такие фокусы на месте расстреливали. Иван Васильевич спросил, на каком фронте был Комиссар. Комиссар счел вопрос провокационным. В конце концов на работу мы пошли, а на ремонт крыши сарая и заделывания щелей в стенах нам выдали кое-что. Но о неправильном поведении Мнс и Кости решили сообщить на работу и напечатать заметку в стенгазете. Да, в стенгазете. У нас выпускается стенгазета — своего рода «Боевые листки». Выпускаются в нескольких экземплярах и вывешиваются на стендах в бригадах. Заметка называлась «В семье не без урода». В бригадах провели специальные партийно-комсомольские собрания с приглашением всех беспартийных. На них было сказано, что битва за урожай вступает в решающую фазу, что естественно возникают трудности, что мы обязаны... что Партия и Правительство... что весь советский народ... Мы заклеили нездоровые настроения и взяли на себя повышенные обязательства.

Мнс и Костя на собрание не пошли, сославшись на нездоровье (на самом деле они где-то ухитрились напиться, и во избежание худших последствий мы заперли их отсыпаться). И это тоже было зачтено им. Судя по всему, именно их теперь начнут выталкивать на роль таких «в семье не без урода», без которых немислима жизнь всякого нашего здорового коллектива. На их примере будут воспитывать прочих, а соответствующее начальство продемонстрирует свою нужность обществу и свою способность вовремя пресекать, искоренять, предупреждать, реагировать.

Задача Вот вам задача, — говорит Токарь. — При перевозках нефти
Токаря на большие расстояния в цистернах по железной дороге у нас на полпути нефть перекачивают из цистерн одного состава в цистерны другого, который и везет ее вторую половину пути. Эта пере-

качка — очень дорогостоящая операция. И время теряется. Как вы думаете, зачем это делается? Ни за что не догадаетесь. Оказывается, для того, чтобы сократить средний пробег вагонов!!! Идиотизм! — завопили мы в один голос. — Неможет того быть! Может быть, — говорит Токарь, — ибо бывает. И никакого идиотизма тут нет, ибо сокращение среднего пробега вагонов согласно нашим бумагам дает огромную прибыль, и лица, додумавшиеся до такой операции (перекачивать нефть), получают за это всякого рода награды, премии, повышения. А вы тут толкуете о необходимости очищать картошку от грязи перед помещением в овощехранилища и о сортировке! Не будьте наивными младенцами. Согласно нашим официальным теориям и отчетам это будет убыточно, а многие из-за этого лишатся премий, повышений и прочих благ.

Подслушанные разговоры Спунология — моя профессия, а мое хобби — подслушивание чужих разговоров. Ничего плохого в этом нет, так как я подслушиваю чужие разговоры только в тех случаях, когда разговаривающие хотят быть подслушанными. Они в таких случаях сразу замечают, что их слушают, но делают вид, будто не замечают. А я делаю вид, будто не подслушиваю. И мы все получаем удовольствие, они — от разговора, я — от слушания. Иногда это бывает очень интересно. Вот, например, еду домой в метро, делаю вид, что дремлю или читаю книжку. А рядом разговаривают. Мы, — говорит один собеседник, — есть общество заменителей, имитаторов, рационализаторов. Вместо дерева — пластмасса, вместо мяса — искусственный белок, вместо чувства собственного достоинства — хамство и грубость, вместо ума — хитрость, лицемерие и ложь, вместо деловитости — суетня... К нам, — говорит другой собеседник, — привезли очень тонкое заграничное оборудование. Мы его изучали и начали, конечно, «улучшать». Подано было около тысячи!.. Честное слово, не вру!.. Рационализаторских предложений. Одних премий за это отхватили больше, чем само оборудование стоит. Начали осваивать с учетом «улучшений». Тут подпилили. Там деталь заменили. Там выбросили и т. п. Короче говоря, к праздникам закончили и пустили в ход. Ну и как, — спрашивает первый собеседник. Глупый вопрос, — отвечает второй. — Конечно, не работает. «Улучшили» так, что пришлось выбросить и устанавливать старое оборудование. Не пойму, — говорит первый, — зачем все это. Почему бы не оставить в том виде, как получили, и не следовать строго инструкции?! Ты что, — возмущается второй, — с Луны свалился?! Эта техника рассчитана на Их условия эксплуатации, на Их материалы, на Их работников, на Их организацию дела. Чтобы оставить оборудование в первоначальном виде и следовать инструкции, надо было вместе с оборудованием вывезти из-за границы еще и порядочный кусок капиталистической системы. А это нам совсем ни к чему. Так зачем тогда ввозить эту технику, — не унимается первый. На этот вопрос тебе никто ответить не сможет, — говорит второй. — В решении этой проблемы принимало участие большое число влиятельных людей. Значит, те, кому было выгодно решение закупить это оборудование, оказались сильнее тех, кто был против. Но могло быть так, что таких, кто против, вообще

не было. И могло быть так, что не было и таких, кто был за. Как так? — удивляется первый. Объясню как-нибудь на бумаге, — говорит второй. — Нам выходить! Зря мы так разболтались, — говорит первый. — Кругом же стукачей полно. Не преувеличивай, — говорит второй. — В том, о чем мы говорим, ничего криминального нет. Теперь стукачи занимаются диссидентами, им не до нас. А в наших газетах порой пишут и кое-что пошешнее.

Матренадура о Западе На Западе то же самое, что и у нас, только у всех вещички заграничные.

Жалоба Лба У Лба действительно огромный лоб мыслителя, хотя все считают его круглым дураком. Работает он в каком-то «номерном» (т. е. закрытом) научно-исследовательском институте. Однажды мы разговорились с ним. И выяснилось, что он не такой уж дурак, как кажется. Наши исследования, — сказал он, — далеко не передний край науки. Но они имеют какое-то практическое значение, скорее всего — военное. От нас это держат в секрете. Мне на это наплевать. Я делаю свое дело, и с меня довольно. Параллельно я веду свои побочные наблюдения. Я уже третий год веду теоретические (чисто математические) расчеты. Я подозреваю, что эти побочные мои исследования гораздо важнее и перспективнее всех главных направлений работы института. Я чувствую, что я на пути к крупному результату. Но помалкиваю пока. Почему? Очень просто. Если я откроюсь, меня сразу же ототрут. Военные и кагэбешники сразу захватят все в свои лапы. Куча бездарных паразитов наживается на этом. В наших условиях реализовать результат своего индивидуального творчества без участия многих людей невозможно. И участие это таково, что тебе отводится десятистепенная роль. Чтобы опубликовать, нужно заключение лаборатории, рекомендация специалистов с именем, санкция дирекции и спецчасти. А это предполагает опытную проверку, расчеты и т. д. Так что львиную долю твоего труда с чистой совестью присвоят себе всякого рода ответственные лица (заведующие, доктора, академики). Это не значит, что без них нельзя сделать открытие. Ты его уже сделал. Это значит, что без них твое открытие не станет фактом науки. Утверждение, что ранг открытия определяется рангом открывшего, это не шутка, а реальное правило. Чтобы ты в полную меру пожал плоды своего открытия, оно должно быть сделано в контексте всей твоей жизненной карьеры. Но делая ее, ты теряешь способность делать открытие сам, приобретая возможность присваивать плоды открытий других. Поэтому у нас такое присвоение воспринимается как вполне законное и моральное. Что должен делать я? Начинать делать карьеру и лет через десять, обретя силу и положение, заявить о своем результате? А если карьера не выйдет? Почти наверняка не выйдет, так как я с этой точки зрения типичный «тюфяк». А если за это время другие сделают то же самое? Наверняка сделают! Наверняка найдется толковый кретин, который заметит это явление и за похвалу на семинаре или за пятидесятирублевую премию выложит свои идеи. опередить этого кретина и самому продать, уповав на то, что история восстановит справедливость? Чушь! История никакой

справедливости не восстановит, ей на это наплевать. Опубликовать на Западе? А как? А где гарантия, что там не украдут? И чем это кончится? Напечатать здесь в популярном журнале обманным путем? Попытки были, но безрезультатно: научный мир не понял, кое-кто разобрался и немедленно воспользовался, а авторов наказали. Выступить на каком-нибудь международном симпозиуме? Многого не скажешь. Заметят — сразу изолируют. Случаи такие тоже были, но и тут безрезультатно. Что же делать? От таких размышлений свихнуться можно. И чем ближе я к результату, тем больше мне хочется, чтобы я его не получил. Странно: я сейчас молню судьбу об одном — чтобы в моих расчетах нашлась ошибка.

Рассказ Определить на уровне разума, что из себя представляет
Кандидата наше учреждение, абсолютно невозможно. И не нужно, так как это опасно. Достаточно знать, что оно очень важное и очень современное. Это — комплексная помесь кибернетики, бухгалтерии, социологии, сельского хозяйства, исследовательского института, КГБ, конструкторского бюро, планирующей организации и, само собой разумеется, идеологии. Директор не раз с гордостью говорил, что мы — зримый зародыш коммунистического предприятия, соединяющего в себе... Большинство сотрудников учреждения — молодежь (технические сотрудники, лаборанты, секретарши, младшие научные сотрудники, техники, инженеры) и лица среднего возраста (среднее звено руководства). И историю учреждения они, естественно, не знают. С самого основания его уцелело тут всего несколько пенсионеров, частично стоящих на учете в парторганизации, частично работающих на полставки. Высшее руководство — старики. Но они из номенклатуры ЦК, назначены сравнительно недавно. Так что восстановить подлинную историю учреждения (как и вообще подлинную историю всей страны) теперь практически невозможно.

Говорят, что сначала была малюсенькая лаборатория натуральных удобрений в научно-исследовательском институте химических удобрений при Министерстве не то сельского хозяйства, не то химической промышленности, не то текстильной промышленности. Цель лаборатории заключалась в том, чтобы доказать преимущества химических удобрений перед натуральными. Лаборатория имела корову, козу, поросенка и пару куриц, которые производили натуральные удобрения, и полсотни ученых разных рангов, которые изучали строение этих удобрений и характер воздействия их на произрастание злаковых растений. Поскольку натуральных удобрений не хватало, по распоряжению начальства обслуживающий персонал обязан был ходить по-большому не дома, а на работе, в опытной оранжерее, где произрастали подопытные растения. Потом корова за неимением кормов сохла, козу украли, поросенка по пьянке съели младшие научные сотрудники без ученой степенки, курицы сами исчезли бесследно. Лабораторию вследствие этого превратили в исследовательский институт ненатуральных удобрений и сделали полусекретным «Почтовым ящиком». Построили институт по принципу, по какому делились авиационные полки во время войны: три отдела, в отделе — три лаборатории, в лаборатории — три сектора, в секторе — три группы. Когда началось движение за скорейшее внедрение дости-

жений науки в производство, в обязанность учреждения вменили также конструирование приборов, с помощью которых можно было бы управлять машинами, с помощью которых натурально-ненатуральные удобрения можно было бы без тяжелого ручного труда вносить в почву. Когда начался расцвет кибернетики, в учреждение завезли вычислительные машины, увеличили штаты на двести человек и вменили в обязанность учреждения планирование и долгосрочное проектирование ненатуральных удобрений с помощью математических моделей. Потом завели социологическую группу, которая скоро переросла в отдельную лабораторию. Потом... Короче говоря, получилось нечто вроде кавалерийской дивизии в армии США во время второй мировой войны, в которой (в дивизии) никогда не было ни единой лошади.

Конечно, не все наши учреждения таковы. Многие являются строго профилированными. Но это никак не влияет на их внутреннюю социальную жизнь и отношения с другими учреждениями всякого рода. У нас в отделе есть очень неглупый парень, занимающийся координированием работы отдела с социологической лабораторией. Он утверждает, что если бы создали учреждение с одной-единственной задачей — ставить точки на бумажной ленте, в ней воспроизвелись бы все типы социальных персонажей и отношений, все аспекты нашей жизни вообще. Все равно появились бы группы, секторы, отделения, отделы и т. п. Появились бы младшие и старшие сотрудники, заведующие, заместители, помощники. Соцсоревнование. Ударники комтруда. Партийные и прочие организации. Касса взаимопомощи. Собрания. Персональные дела. Алкоголики. Осведомители. Появилось бы, короче говоря, все то, без чего немислима нормальная советская жизнь. И если бы затем исчезли бумажные ленты и нечем было стало ставить точки, учреждение все равно продолжало бы функционировать как ни в чем не бывало.

Но я и без таких рассуждений социолога с самого начала своей трудовой деятельности твердо знал, что учреждение есть лишь узаконенное место, в котором ты можешь развить узаконенную деятельность с целью самосохранения и самоутверждения в этом обществе. Все остальное — вздор. Я лишь избрал для себя свой особый путь реализации этой жизненной необходимости: минимум участия в жизни и деятельности учреждения, максимум независимости от него, создание своего микромира, который устраивал бы меня и в котором я чувствовал бы себя полноценной личностью. Добился ли я этого? В известной мере — да. Но какой ценой, сами видите: вместо науки — колхозы и овощные базы. И навеки младший сотрудник.

О жизни рабочих Как это ни странно, я до сих пор никогда серьезно не думал о жизни простых рабочих. Все в этой жизни казалось настолько очевидным и убогим, что и думать на эту тему не стоило. А между тем тут есть над чем задуматься. И я это понял вдруг, прислушиваясь к спору между Кандидатом и Токарем на эту тему. Смешно слушать ваши жалобы на жизнь, — сказал Токарь. — Ваше положение рабочих здесь — временное как по срокам, так и по психологии. Хотя вы тут и вкальваете как простые работяги, вы все равно остаетесь интеллигентами или служащими. И положение у вас тут исключительное. Несмотря

ни на что, оно все равно лучше обычной жизни рабочих. Тут хоть какой-то спектакль происходит. А пожили бы вы хотя бы пару лет на положении простых рабочих, вы бы не то запели. Представляете, изо дня в день, из года в год все одно и то же — тот же распорядок дня, те же действия, те же шутки, те же пьянки, та же зарплата... Убожество и однообразие ужасающие. Разнообразие в жизнь вносит только то, что у нас перемешаны люди самого различного социального положения — рабочие, мастера, служащие контор, инженеры, техники, ученики, студенты... Многие рабочие отбывают свою повинность в качестве рабочих, а остальное время живут в такой смешанной социальной среде. И таким путем как-то приобщены к культуре. Но ведь большинство это недоступно. И они живут в своей среде круглые сутки, круглые годы. Рассказал бы я вам, как живут, не поверили бы. Пьянство, цинизм, сквернословие, хулиганство, воровство... Походите по народным судам в рабочих районах, и кое-что вам откроется. И вы поймете, что вы живете в своих институтах, академиях, лабораториях, управлениях и прочих заведениях, как в раю. Думаете, случайно молодежь теперь любой ценой стремится избежать простых рабочих профессий? Квалифицированный рабочий у нас очень часто зарабатывает больше, чем люди с высшим образованием и даже кандидаты наук. И все же люди предпочли бы более низкую зарплату, лишь бы не быть простыми работягами. А вы на судьбу жалуетесь! Смешно!

И в самом деле, что такое жизнь простых рабочих? Не стоит над этим ломать голову, — сказал Мнс. — Я думал на эту тему довольно много. (Когда он это успел?) Ужас этой жизни обнаруживается в полной мере тогда, когда ее начинаешь изучать методами, адекватными ей. Что за методы? Чтобы ее понять, бессмысленно самому становиться рабочим, ходить по заводам, подсматривать за рабочими семьями и забегаловками. Надо применять методы современной социологии. Надо рассматривать эту жизнь как массовое явление. А это — цифры, проценты, величины. Например, пятьдесят процентов рабочих — мужчин пьют систематически, восемьдесят процентов так или иначе выпивают. Такой-то процент попадает под суд. Такой-то процент совершает хулиганские поступки и мелкие кражи, наказуемые административными мерами. В таком же духе можно проанализировать и измерить содержание разговоров рабочих и их мечты, семейные ссоры и т. п. Ужас тут состоит не в том, что цифры будут устрашающие — интеллигенция и служащие пьют не меньше рабочих, ссорятся в семьях тоже не меньше, и законы нарушают довольно часто. Ужас состоит в том, что жизнь рабочих на самом деле, а не только с точки зрения способа ее понимания, есть массовое явление. Она не индивидуализирована. Она есть нечто индивидуализированное только как масса неиндивидуализированных жизней. Трясина не имеет структуры. Вот в чем дело. И потому люди, инстинктивно стремящиеся остаться людьми, т. е. индивидуализированными существами, стремятся выбраться из этой трясины. Те, которым это не удается профессионально, стремятся как-то компенсировать это обезличивание — в семье, в кругу родственников и знакомых, садово-огородные участки и дачи, спорт. При этом функции их как рабо-

чих становятся лишь средством для иной жизни. Но полностью отвлечься от них невозможно, ибо это есть нечто большее, чем средство жизни: это есть социальное положение, т. е. образ жизни, дающий знать о себе повсюду.

Философия Кости — Работу надо бросать, — говорит Костя. — В смысле постоянной работы в официальном учреждении.

— Почему?

— Уйти от бессмысленной и унижительной зависимости от коллектива.

— А на что жить?

— Это не проблема. Можно прожить на пятьдесят рублей в месяц, я это проверял.

— Но эти пятьдесят рублей где-то надо достать?

— Пустяки. За два летних месяца можно наработать на весь год.

— На такие средства не разгуляешься.

— А и не надо гулять. Бросить пить и курить. Избегать мяса. Ходить только пешком. Зимой одеваться так же, как летом. Спать...

— А женщины?

— Это не обязательно. Будут — бери. Нет — не добивайся.

— А для чего же тогда жить?

— Для души! Для самосозерцания. Для созерцания вообще. Чисто интеллектуальные удовлетворения выше плотских.

— Так в чем же дело?

— Не дадут. Заставят принудительно работать в коллективе, только в еще более худшем, чем тот, в котором работаешь сейчас. Тут хоть какая-то свобода выбора есть. И платят чуть больше.

Матренадура о Западе На Западе нет настоящей любви, — говорит Матренадура. — Почему? О, Господи! Да это же ежику понятно! Жрут здорово. Не беременеют. Вещички всякие возбуждающие носят. Есть где этим делом заниматься. Зубы у всех отремонтированы. Пьют, но не так, как наши кавалеры. Немножко. И вкусенькое. С детства к этому делу приучены. И никто не осуждает. А у нас? Тьфу, прости, Господи! Вот и остается нам любовь да страдания. Охи, вздохи. Вон, возьмите Катьку. Чем не девка?! А ведь до сих пор в девках ходит. Сохнет об Витьке. И Витька об ней сохнет, горькую пьет. А чего ходит? Доходится, пока трактористы или городские парни по пьянке не изнасилуют.

А Вы, Матрена Ивановна, любили когда-нибудь? — спрашиваем мы. А как же, — говорит она. — Что я, лучше других, что ли?! Как все!

Наши женщины Хотя я говорю большей частью о мужчинах (что вполне естественно — я сам мужчина и живу в мужском сарае), половину городских жителей, посылаемых на работу в деревню, составляют женщины. А может быть, и больше половины — статистики на этот счет нет. Скорее всего — больше половины. И этому есть очень простое объяснение. Одиноких женщин в городах раза в два больше,

чем одиноких мужчин, а одиноких посылают охотнее, чем семейных. Процент руководящих мужчин выше, чем женщин, а руководителей почти не посылают. Мужчины лучше создают видимость своей нужности и даже незаменимости для предприятия. Есть и другие причины, среди которых весьма существенную роль играет причина, по которой среди туристов тоже преобладают женщины: это — трудность найти подходящего мужа и завести обычную семью. А в таких вынужденных коллективах, как туристический поход, дом отдыха или поездка в деревню, шансы проявить свои лучшие качества и найти за их счет спутника жизни увеличиваются. И надо признать, что во всех таких случаях (я не наблюдал исключений!) женщины проявляют себя в чисто человеческом плане неизмеримо лучше, чем мужчины. На порядок лучше! В нашей бригаде, например, ни одна женщина ни разу не пожаловалась на трудности бытия, хотя им труднее, чем мужчинам. А мужики почти все (за исключением Мнс, между прочим) как минимум раз по десять на день стонут. И работают женщины лучше.

Но надо также признать, что женщины наши удручающе однообразны и бесцветны. Есть пара довольно ядовитых на язык, пара — с хорошей фигурой, пара — с миловидными физиономиями, пара — со вкусом в одежде. Но у всех их есть так или иначе более или менее явные пороки. Ни одной без изъянов. Я говорю это не в смысле наличия совершенств, а в смысле самой заурядной добротности. Чтобы все было в среднеудовлетворительном состоянии. Подобно овощам, которые мы убираем. На свет божий они появляются вроде бы в приличном виде, а когда дойдут до потребителя, то трудно среди них найти не то что выдающуюся картофелину или прекрасный кочан капусты, а хотя бы непорочную картофелину и некий среднеприличный кочан капусты. Впрочем, чему тут удивляться?! Если уж мы не можем как следует вырастить и сохранить картошку и капусту, то что уж говорить о сохранении такого неизмеримо более хрупкого и тонкого существа, как женщина. Хрупкость и тонкость тут не сохраняются в принципе.

Черт с ними, со жратвой и тряпками! — говорит Дон. — Но вот культура женщины — это действительно проблема. С этой точки зрения мы отстаем от Запада не на пятьдесят лет, а на миллион. Этого я нашему передовому строю никак простить не могу. Не думайте, что я бабник. И не шучу. Я, ребята, серьезно говорю. Поймите, культура женщины — ее тела, ее одежды, ее дома, ее секса и т. п. — есть основа основ всякой культуры. Если в этом деле прогресс, то и мы, мужики, как-то прогрессировать начинаем. Зубы хотя бы пломбуем, бреемся или бороды холим, мускулы растим, белье меняем. Хотя бы не ходим с расстегнутой ширинкой и с соплями под носом. А отсюда и многое другое меняется. Дайте нашим бабам безвредные противозачаточные средства, приличное белье и элементарные сведения о культуре секса, и наше общество равняется вперед на пути прогресса неизмеримо стремительнее, чем от космических полетов и атомной энергии!

Потом наш разговор на женскую тему (а мы на эту тему говорим не меньше, чем о политике) принимает более низменный характер. Та

рыженькая ничего, — говорит один, — только ножки коротковаты. Но я бы ее трахнул за милую душу. А я бы предпочел Татьяну Семеновну из третьей бригады, — говорит другой. — Старовата, конечно. Зато настоящая баба. Килограмм девяносто верных есть. А морду в темноте все равно не видно. Надо будет поухаживать за поварихой, — говорит третий. — Судя по глазам, она не против. Бесполезно, — говорит четвертый. — Она всем глазки строит, а никому не дает. Типичный русский случай. Или всем дает, — говорит первый. — Тоже типичный русский случай. А что если Катюшу совратить? — говорит пятый. — Она простушка, зато свеженькая. Не советую, — говорит Дон, который потихоньку подмазывается к Катюше. — Ничего не выйдет. А если выйдет, скандала не оберешься. Тут прошлый год такой кошмарный случай произошел на этой почве!..

После реплики Дона наступила мрачная тишина. Случай был действительно кошмарный, и о нем все хорошо знали. Изнасиловали и убили девочку. И зачем-то зверски изуродовали. Очевидно, по пьянке, группой и с накипевшей злобой. Девчонка отказалась выйти замуж за местного парня и отдала предпочтение городскому. Не требовалось особой криминалистической премудрости, где искать преступников. Но высшее начальство распорядилось по-иному. Оно решило устроить из этого воспитательный пример и отобрало на роль преступников городского парня, которому отдала предпочтение девчонка, и еще трех парней (одного из города, одного местного, одного тракториста), которые открыто критиковали беспорядки в ходе уборочной кампании. Заваруха была довольно острая. Но ничто не помогло. Ребят засудили. Не приняли во внимание даже раскаяние одного из фактических участников преступления. Сочли его признание пьяным бредом.

Ерунда, — нарушил тишину Токарь. — После этой истории тут теперь долго ничего происходить не будет. Происходить-то, конечно, кое-что будет. Но высшим властям совсем ни к чему, чтобы тут опять что-то стряслось. И потому тут все будет происходить втихую, т. е. так, как будто ничего не происходит. Поняли?

Мы, конечно, и без него понимали эту мудрую диалектику нашей жизни.

О сексе и о пьянстве Странно, — говорит Она, — ты утверждаешь, что в жизни во сне человек может иметь все, что он пожелает, и в том числе — любую бабу, а сам живую бабу тащишь в кровать. Как это понять? Когда ты пройдешь полный курс обучения, — говорю я, — тогда поймешь, в чем тут дело. Жизнь во сне тоже имеет свои законы. Она определенным образом координирована с жизнью наяву. Чтобы во сне овладеть прекрасной юной девой, надо наяву переспать хотя бы с беззубой посудомойкой пенсионного возраста. Чтобы во сне стать руководителем государства, надо наяву покомандовать хотя бы отделением хотя бы в течение недели. Есть и другие соотношения, но об этом потом. Так ты мне отводишь роль беззубой посудомойки?! — возмущается Она. Нет, — говорю я. — Ты же моя ученица. Кроме того, секс в нашей жизни играет помимо прочего еще такую роль, какую он не способен сыграть во сне. Какую? Роль элемента в религиозном общении людей. Это — единственное, что недостижимо во сне. Наше пьянство отчасти тоже

играет эту роль. И потому оно тоже не может быть воспроизведено во сне во всем объеме. Грубо говоря, это — наслаждение от духовной близости другого существа. Понимаешь? Не совсем, — признается Она, — но чувствую, что в твоих словах что-то справедливое есть. Может быть, именно поэтому я здесь с тобой. И я рада этому. У меня достаточно много было мужчин. Но ты — первый, кому я готова подчиниться всецело. Если бы ты сказал «Брось все и следуй за мной!», я бросила бы все и последовала бы за тобой. В чем дело? Не знаю, — говорю я. — Это несколько в стороне от моих интересов. Мне известно лишь то, что в отношениях учителей и учеников, в особенности — в идеологических и религиозных группах, всегда так или иначе оказывается замаскированным секс. Не вижу в этом ничего плохого и безнравственного. Очевидно, это естественно. Этот секс, как мне кажется, совсем иного качества, чем секс в обычном физиологическом смысле. Здесь он играет скорее роль символа и средства духовного единения. И потому он неизмеримо сильнее и в физиологическом отношении. То же самое происходит и с пьянством. Есть пьянство символическое, ритуальное, возвышающее человека иногда до высочайшего уровня духовного единения с другими людьми и с чем-то потусторонним. Но это бывает далеко не со всеми и не так уж часто. Если человек способен на такое, значит, ему повезло. И самое главное при этом — удержаться на высоте, не опуститься до пошлости и цинизма, сбересть чудом выпавшее состояние святости, суметь увидеть в других нечто светлое и возвышенное. Ты меня понимаешь? Старюсь, — говорит Она. Старайся, — говорю я, — ибо это — обязательный элемент моей системы обучения.

Из мыслей Матренадуры о Западе — А в Англии, — говорит Матренадура, — кошки не едят мышей.
— А чем же они в таком случае питаются?! — в один голос возражаем мы.

— О, темнота! А еще интеллигентами считаетесь! Пудингами питаются. В Англии все жрут пудинги.

Замечание Ивана Васильевича Не стоит жалеть змею за то, что у нее нет ног и крыльев, — сказал Иван Васильевич, когда мы говорили о нашем народе. И мы после этого умолкли.

Гнев Комиссара Комиссар — явление любопытное. Может быть, не менее любопытное, чем Матренадура. Если она воплощает наш народ, то он воплощает в себе наше руководство. Может быть, именно поэтому она предпочитает чаще спать с ним, хотя он как мужчина самый бездарный из нас, и подкармливать его, хотя ему перепадает от Поварихи, и в магазине он постоянно подкупает что-нибудь пожевать. Что такое Комиссар, более конкретно расскажу потом. А пока предоставлю слово ему самому. Да ему и предоставлять не надо, он сам берет слово. А предоставляет он другим. Себе, повторяю, он берет. Сегодня Матре-

надура поставила ему чекушку. И ему теперь не терпится высказаться.

Согласно нашей партийной линии, — митингует Комиссар, — у нас существует народ, которому служит наше руководство, наше искусство, наша наука и прочие сферы нашей жизни. Но что такое народ? Наше руководство — это миллионы разного рода чиновников. Наше искусство — это миллионы художников, писателей, плясунов, певцов, свистунов... Наша наука — опять миллионы академиков, профессоров, докторов, кандидатов и прочей братии более низких рангов. И все же говоря о народе, наши руководители предполагают нечто такое, чем они сами не являются, а именно — некую малограмотную массу населения, копающуюся в земле и в грохочущих машинах, непонятных им и противостоящих им как силы природы. Но такого «народа» давно уже нет.

К этому времени действие выпитой чекушки достигает максимальной силы, и Комиссар понес ахиною насчет необходимости новой, «настоящей коммунистической» партии и новой революции. Мы сначала ехидно хихикаем, но потом не выдерживаем шутливого уровня и встаем на дыбы. Хватит с нас революций! — кричим мы. — Сыты по горло! И никаких новых партий нам не надо. Хватит с нас нашей единственной. И многопартийная система нам не нужна. От нее тут только хуже будет. Тут с одной партией картошку толком убрать не можем. А что тут будет твориться, если будут крутиться и распоряжаться представители нескольких партий?! Пропьют и растащат все на корню!

Пока ребята громили Комиссара, причем — с позиций подлинного марксизма-ленинизма, я спросил у Мнс, что он думает о возможности образования оппозиционной партии. Он сказал, что это — чушь, все равно раздавят. Кроме того, в наших условиях любая организация превратится в типично советское учреждение. А что это значит — хорошо известно. Мы и сопротивление будем так же плохо организовывать и делать, как и уборку овощей. Гораздо эффективнее было бы не объединение (не организация), а некоторое единство сходно мыслящих, чувствующих и поступающих одиночек. Раздавить трудно — не придерешься. И не будет действовать эффект организации. Что это такое? Объединяющиеся для общего дела взаимно ослабляют друг друга. Сила объединения людей есть не сумма сил членов объединения, а величина, уменьшающаяся сравнительно с этой суммой по мере роста числа членов и укрепления организации. Обратите внимание, политические партии стремятся увеличить число своих членов. Это не случайно. Усиление организации позволяет сохранить силу партии на том же уровне лишь за счет ее расширения. Я сказал, что не понимаю этой мудреной теории, и привел в качестве контраргумента хорошо организованные маленькие террористические группы. Он сказал, что они недолговечны, что они ненормальны, что они существуют лишь на нервном подъеме.

Руководящая идея Тогда же, когда я открыл возможность активной жизни во сне, я открыл и руководящую идею относительно способов тренировки и усовершенствования этой способности. Грубо говоря, идея эта заключается в следующем. Надо начать

с тренировки в активных действиях во сне с самых простых активных действий наяву — открывания двери или окна, надевания или снятия одежды, произнесения отдельных букв и слов, движения к заданному предмету. Добившись результатов на таких простых операциях, перенести развитую способность на более серьезные дела — свержение правительств, переустройство общества, проведение успешных войн. Правомерность такого переноса я основывал на том предположении (оно впоследствии подтвердилось), что степень важности и сложности событий во сне не совпадает со степенью важности и сложности аналогичных событий наяву. Например, свержение правительства во сне есть операция, по степени важности аналогичная снятию или надеванию брюк, а по сложности исполнения даже уступает последней, если учесть застегивание пуговиц ширинки и ремня. Если же при этом брюки носятся на подтяжках, то операции по манипулированию с ними во сне превосходят по степени важности такие великие исторические события, как революция во Франции в 1789 г. и в России в октябре 1917 г.

Проблема детей У меня сын, — говорит Комиссар, — школу скоро кончает. Отличный парень, умница, совсем не испорченный. Не как другие. И вот проблема. Если растить хорошим, пропадет. А растить приспособленцем и карьеристом не хочется. Как быть? Тут действует один любопытный закон, — говорит Мнс. — Если ребенок с творчески-интеллектуальной точки зрения выше среднего уровня, то есть два пути сделать его способным к самозащите: опуститься до среднего уровня или, наоборот, еще более возвыситься над средним уровнем. Так что если Ваш сын имеет шансы возвыситься в гении, то нравственная неспорченность ему не повредит. А если... Гений из него не получится, — пробурчал Комиссар. — Но почему обязательно быть гением? Можно быть и средним, но хорошим человеком. Так не бывает, — говорит Мнс. — Раз средний, значит, посредственный. А Вы еще со школы должны помнить, что посредственно — это не хорошо, и тем более не отлично. Плохо то, что он — единственный ребенок в семье, — говорит Комиссар. — Эгоизм, самомнение... Ну вот, — говорит Мнс. — То он — отличный парень, то — эгоист. А вообще говоря, ничего плохого в том, что он — единственный ребенок в семье, нет. Конечно, такой ребенок обычно вырастает с повышенными амбициями, но менее приспособленным к самостоятельной жизни, менее защищенным, нуждающимся во внешних опорах. Но это и есть условие прогресса. Прогресс состоит вовсе не в том, что появляются более приспособленные формы существ, а в том, что появляются более сложные и хрупкие формы, нуждающиеся в защите, в культивировании. Вы же знаете, даже коровы, дающие больше молока, нуждаются в лучшем уходе. А люди тем более. Разговоры насчет того, что детей надо с рождения учить быть активными и самостоятельными, вздорные. Это — путь деградации человечества. Прогресс же, повторяю, несут с собою эти неприспособленные к жизни и беззащитные «мамины сыночки», единственные дети в семье. Они несут с собою более тонкую организацию психики и более высокий интеллектуальный потенциал. Свообразная точка

зрения, — сказал Комиссар. — Первый раз такую слышу. В ней есть что-то здоровое, хотя Вы, судя по всему, шутите. Я не шучу, — сказал Мнс. — Я сам единственный сын в семье. И до сих пор я — трудная проблема для моих родителей.

Матренадура Там даже чай пьют из рюмок, хотя почти совсем не пьют! А вы — Запад!.. Тьфу мне на ваш Запад!..
о Западе

Еще одна важная персона В Городском комитете партии есть сельскохозяйственный отдел — блестящий пример к тезису марксизма о стирании граней между городом и деревней при коммунизме. Заведует этим отделом женщина, а точнее говоря — баба. Даже не баба, а бабища. Бабец, — говорят о ней наши бабники. И понимающе усмеваются. Вот, мол, мне бы такой бабец достался! Вот бы, мол, вдул я ей! Это, конечно, лишь иллюзии и самомнение, ибо чтобы «вдуть» такому «бабец» как следует, надо всех бабников района предвительно в течение года кормить мясом и показывать им иностранные журнальчики с непристойными картинками. А где это взять? Журнальчики еще можно получать с опозданием лет на десять. А мясо? Бабники правы в одном: «подержаться» у этой «бабец» есть за что. Когда-то ее именно за это выдвинули в городской райком комсомола, оттуда перевели в сельскохозяйственный отдел горкома партии (в силу ее выдающейся глупости не было возможности использовать ее по другой линии), где она и доросла до поста заведующего. Зовут ее Евдокией, любящий ее народ зовет ее Авдотьей (говоря при этом, что она — «хороший мужик»), а местная интеллигенция (и здесь от нее прохода нету!) зовет ее Дунькой. Несколько лет назад заезжий московский остряк прозвал ее Мао Цзе-Дунькой. Остряка посадили в «психушку». И даже борьба диссидентов против «карательной медицины» не могла спасти его. Диссиденты, когда им рассказывали об этом случае, смеяться — смеялись, но мер не принимали. Ха-ха-ха! — смеялись они, — какой нормальный человек будет такие шуточки отпускать?! Явно свихнулся парень! Прозвище это, однако, в народе не привилось, хотя китайцев и Мао Цзе-Дуна поносили всюю на всех уровнях. Наш народ над китайцами хохочет, между собой тихонько признает, что и у нас то же самое было, но все-таки считает, что мы лучше китайцев.

Прозвище Мао Цзе-Дунька появилось при таких обстоятельствах. Евдокия Тимофеевна решила как-то поговорить с москвичами по душам, т. е. «просто как человек с человеком, а не как партийный руководитель». В этом разговоре она и произнесла принцип «Пусть расцветут все цветы!» именно так, как его и следует произносить в наших условиях: «Пусть, мол, попробуют расцветут!..» Конечно, произнесла не в таком высокопоэтическом выражении, а попроще, по-нашенски. Мы никому ничего не запрещаем, — сказала она. — Пусть говорят, что угодно... А слово «пусть» она произнесла именно так, что никаких сомнений насчет его смысла не оставалось: «Пусть, мол, попробуют! Мы им покажем кузькину мать и где раки зимуют!»

Я на том выступлении Мао Цзе-Дуньки не был. Я впервые ее увидел, когда она обвиняла во всем наш климат, делая ударение в этом слове на букве «а». Во всем климат виноват, — сказала она. — Климат у нас хороший, не то что на Западе. Но вот насчет урожая подвел нас малость. Если бы не климат, мы бы им показали! Никто не стал спрашивать, кому это «Им», ибо это было ясно без слов: империалистам, сионистам, диссидентам. Было заранее ясно и что мы им показали бы: где раки зимуют и кузькину мать.

Мао Цзе-Дунька довольно часто появляется в наших краях. Каждый раз с новым «хахалем». Любит поболтать с «народом». И «народ» ее за это любит: болтать — не работать. И выпить она не дурак. В каждой ее речи обязательно присутствуют выражения вроде «Не обедняем!», «Выдюжим!», «Преодолеем!», «Не привыкать!», «Не такое видали!». А ну, мужики! — обращается она к бабам. — Преодолеем! Нам не привыкать! И не такое видали! А ну, бабоньки! — обращается она к мужикам. — Преодолеем! Нам не привыкать! И не такое видали!

Над ней подшучивают, но беззлобно. Ее скорее любят, чем ненавидят, ибо она тут своя. Она тут родилась и выросла. Тут сделала головокружительную по местным масштабам карьеру. Тут она и умрет, и ее именем назовут колхоз, в котором она родилась и в котором живут еще ее родственники. Она — плоть от плоти народа своего. В один из ее приездов Комиссар обратил ее внимание на то, что свеклу оставили в поле, пропадет, разворуют. Свекла — не морковь, — ответила она (с ударением на букву «а» в слове «свекла»), много не сожрешь. И заработала аплодисменты собравшихся. А на другое утро обнаружилось, что свеклу все-таки разворовали.

Разговоры после работы Мы разговариваем во время работы. А после работы начинается буквально оргия разговоров.

— А известно ли вам, что нам в пищу добавляют какие-то химические вещества, чтобы мы были менее активными и спокойнее относились к житейским проблемам и невзгодам?

— Вполне возможно. У нас монополия на все. И все централизовано. Так что Им ничего не стоит подсовывать нам какую-нибудь дрянь, влияющую на наше поведение в желаемом для Них духе.

— Путем таких неподконтрольных нам химических добавлений Они могут сделать из нас послушных скотов.

— Давно сделали уже, причем — без химии.

— Еще не совсем. Мы еще рыпаемся порой. Диссиденты вот появились. А тут будет полное соответствие с идеалами начальства. Закрепят нужные Им качества в нас навечно, сделав их наследственными. Наука идет к этому.

— А кто такие диссиденты?

— Буквально это инакомыслящие. Но у нас это скорее инакодействующие, т. е. действующие так, что это вызывает гнев начальства.

— Но формально они законов не нарушают же.

— Ты что, всерьез принимаешь наши законы?!

— На мой взгляд, эта борьба за соблюдение прав человека есть пустое дело. У нас таких прав вообще нет. А нарушить то, чего нет, невозможно. Те лица, которых у нас преследуют, на самом деле нарушают какие-то фактические нормы поведения в нашем обществе. И надо говорить не о нарушении неких мифических «прав человека», а о том, каковы на самом деле нормы нашей жизни.

— Хотя ты и шутишь, но в твоей шутке есть доля правды. Наше диссидентское движение приняло такую форму под влиянием Запада. Глубоких корней в нашем населении оно не имеет. Населению плевать на эти «права человека». Они ему вообще не нужны. Для него важнее проблемы еды, жилья, развлечений, устройства детей.

— Не совсем так. Раз такое движение существует долго, оно не может не пустить корни. Но я честно признаюсь, я толком не понимаю, что такое «права человека»?

— Выражение «права человека» весьма неопределенно. Например, право на труд — есть это право человека или нет? Смотря где. У нас, где труд есть обязанность, это звучит так же, как право солдат выполнять приказание начальства. Обязанность не есть право. У нас скорее наоборот, надо бороться за право жить, не будучи прикрепленным к постоянному месту работы, т. е. за право не работать.

— А борьба против прав человека есть право человека?

— Это движение бесперспективно. Не будь альянса с Западом, оно заглохло бы в несколько месяцев.

— На этот альянс с Западом есть теперь постоянно действующий фактор нашей внутренней жизни. Запад нам теперь нужен дозарезу.

— А также для того, чтобы зарезать его.

— В твоём каламбуре есть доля истины. Система такого типа не может существовать, не стремясь к мировому господству и единственности. Как в свое время биологические законы толкали людей расселяться по всей планете, так теперь социальные законы побуждают советских людей (т. е. сверхлюдей) к установлению единого коммунистического строя жизни на всей планете. Этот факт надо признать и жить с сознанием его неотвратимости.

— Но палка о двух концах. Если две социальные системы долго контактируют, они стремятся уподобиться друг другу. Иначе контакты невозможны. Так что не только Запад влияет на нас, но и мы на него влияем. Например, мы стимулируем снижение качества продукции на Западе и вообще снижение уровня жизни. Западные власти начинают действовать по нашим образцам.

— Ничего себе разговорчики! Можно подумать, что мы на заседании тайного общества заговорщиков против нашего государства.

— Или на заседании Комитета интеллектуалов при КГБ.

— Неужели существует такой?

— Говорят, существует.

Идея Мнс Чтобы вызвать Мнс на откровенный разговор, я пожаловался на убогость нашей жизни, на отсутствие в людях и событиях интригующей тайны, на очевидность будущего. Он согласился со мной. И высказал довольно любопытную идею. У нас, — сказал он, — убогость и очевидность индивидуальных случаев компенсируется масштабами массовости. Вот, например, я скажу: некто А имеет связь с В на лестничной площадке, ибо другого более подходящего места для этого у него нет. Банально? Да. А если я скажу: в Стране пять миллионов пар совокупляется на лестничных площадках, три миллиона под забором. Как? Впечатляет? Аналогично, например, с поступлением детей в учебные заведения после окончания школы. Каждый случай в отдельности тривиально прост и скучен. А дайте цифры в масштабах Страны по различным социальным категориям родителей, и Вы ужаснетесь. Если бы я сейчас Вам рассказал, каковы расходы на начальнические спектакли в целом или каковы наши потери в масштабах Страны из-за тупости руководства, Вам стало бы дурно. Настало время взглянуть на жизнь нашей Страны не с точки зрения судьбы отдельного обывателя, а с точки зрения масштабов всей Страны и в масштабах десятилетий и даже столетий. При этом и наша индивидуальная судьба будет выглядеть совсем в ином свете. Понимаете, надо приобщить свою маленькую судьбу к великой истории Человечества. Но как это сделать, — спросил я. Есть много способов, — ответил он. — Один из них — преступление.

Секретарь После того собрания я имел беседу с секретарем партбюро.

Он сказал, что мне пора кончать дурака валять, что ему надоело спасать меня от высканий. Я спросил его, как часто он видит сны, каково соотношение приятных и неприятных, как часто он запоминает содержание снов, бывают ли случаи, когда его поведение подчиняется его воле. Он спросил, зачем это мне нужно. Я сказал, что хочу создать новую отрасль сонологии — спунологию. Он послал меня подальше.

Наш секретарь неплохой мужик. В учреждении его уважают. Он секретарствует пятый или шестой раз. Вкладывает в это дело душу. Забросил личные дела и основательно дисквалифицировался. Время теперь сложное, а он — мастер улаживать всякие деликатные делишки. Райком это ценит. Ему каждый раз обещают улучшить квартирные условия. Но каждый раз происходит какая-нибудь непредвиденная неприятность, и решение его квартирной проблемы откладывается.

Вопрос о секретарях первичных партийных организаций не такой уж простой, как кажется на первый взгляд. Неверно думать, что все они суть злодеи в духе разоблачительных тенденций наших дней — карьеристы, хапуги, лжецы, трусы, приспособленцы. Я сам в партию вступал из лучших побуждений. И никаких благ от своего членства не имел. Скорее, наоборот, имел лишние хлопоты. И почти во всех известных мне случаях партторги и секретари первичных партийных организаций были далеко не самыми худшими гражданами. Иное дело — профессиональные работники партийного аппарата — работники райкомов, горкомов, обкомов и центральных комитетов партии. Эти учреждения суть типичные бюрократические учреждения, к тому же — самые привилегированные. Фиксировать это различие

массы рядовых членов партии и первичных выборных партийных функционеров, с одной стороны, и партийного аппарата в виде иерархии партийных комитетов, профессионально занятых партийной деятельностью, с другой стороны, очень важно с точки зрения понимания структуры нашего общества. Хотя первое из упомянутых явлений порождает второе, питает его и служит ему опорой, а второе вырастает из первого как средство объединения его в масштабах общества, второе обособляется от первого в виде командной и привилегированной части общества. Оно прочно срастается с остальной массой чиновничье-бюрократической части общества, становясь его кристаллизующим и освящающим ядром. Первое же подразделение вырастает в прочее беспартийное тело общества, делит с ним все его тяготы. И второе всячески использует это в своих корыстных интересах.

Было бы, конечно, неправильным исключать всякие корыстные мотивы у лиц, вступающих в партию, и у первичных партийных руководителей. Почти вся руководящая часть общества так или иначе начинает со вступления в партию, так что карьерист в подавляющем большинстве случаев идет этим путем. Но и прочая часть членов партии, у которой по тем или иным причинам не получается карьера, потенциально тяготеет к тому же. По крайней мере для нее это есть некое самоутверждение. Партийный секретарь обычно является довольно посредственным работником в своем профессиональном деле. Он безотчетно предпочитает деятельность партийного активиста деловой карьере. Тем более это дает ему некоторое самооправдание: мол, он мог бы показать себя, но ему не дают. Секретарь партбюро, далее, есть власть, и она ему нравится. Когда он говорит, что это ему надоело, он лицемерит. Конечно, в какой-то мере надоело. Но нравится больше, чем надоело. Ему нравится председательствовать на собраниях, делать доклады, беседовать с людьми. Он с удовольствием пошел бы по партийной линии и выше, но почему-то «не тянет». В бюро райкома его почему-то не выбирают, в аппарат горкома и выше не берут. Почему? Партийных секретарей много, а мест в аппарате значительно меньше. Связей нет. А часто главной причиной является то, что он — хороший секретарь. Он хорош не с точки зрения партийной карьеры, а с точки зрения непосредственного руководства партийной организацией учреждения и партийного руководства учреждением. Он вроде политрука на фронте, который ходит в атаку с рядовыми солдатами, проводит время в окопах и погибает вместе с атакующими. Такой политрук не годится в качестве работника политотдела дивизии, армии, фронта. Если секретарь надеется получить квартиру, то по нашим масштабам это не так уж мало. Порой главным в поведении таких лиц является не корыстный расчет, а некоторые качества человеческой натуры, не связанные специфически с идеями марксизма и программой партии. Эти качества просто суть воплощения в данных лицах неких общих функций коллектива. И на фронте люди совершали героические поступки чаще просто как члены коллектива, а не из веры в идеалы коммунизма. Партийный аппарат лишь облекает в нужную форму эти общечеловеческие явления и обращает их в свою пользу. Мне на фронте не раз приходилось вызываться добровольцем, на опасные дела, но я никогда не думал при этом об идеалах коммунизма.

Это было просто продолжением качеств, которые у меня появились еще в детстве. В частности, я всегда первым бросался в ледяную воду на виду у прочих деревенских ребятишек.

Партийный секретарь любого типа никогда не вступит в принципиальный конфликт с дирекцией и высшим партийным руководством. Он — верный проводник партийной линии. Райком партии и дирекция могут на него всецело положиться. Его и отбирают с расчетом на это (а его всегда заранее намечают и согласовывают в соответствующих инстанциях). Но в учреждении помимо высших установок играют роль (для самих людей — более важную) внутренние взаимоотношения и действия сотрудников. Здесь имеют место свои группировки. Для жизни учреждения важно, на какие круги сотрудников опирается партийное бюро при проведении генеральной линии партии. Высшие партийные установки воплощаются в жизнь через поведение рядовых членов партии и через самые низшие слои партийного руководства. С другой стороны, обстановка в низшей сфере партийной жизни (т. е. в партийной организации учреждения) существенно сказывается на общей линии партийного поведения. Сталинизм в свое время был не только навязан сверху, но и вырос из низовой партийной жизни и стимулировался ею. Хрущевско-брежневский «либерализм» выражал «либерализм», выросший все в той же низовой партийной массе. И если теперь ощущаются тенденции к «неоСталинизму», то они вырастают в толще самого населения страны и в растворенной в ней массе рядовых членов партии. Дело пока ограничивается намеками, попытками, тенденциями. Это тоже не от доброты руководства, а от неготовности партийной массы поддержать жесткий курс.

Из речей

Мао Цзе-Дуньки — Что нам климат?! И не такое видали! Выдюжим! Помните, мужики (это — к бабам), как моркву из-под снега пальцами голыми выкапывали?

— Так ведь морква-то все равно пропала!..

— Эх, вы, а еще политически грамотные (это — нам)! Интеллигенция! Думаете, нам морква — главное? Нам трудовой подъем — главное. Готовность преодолевать трудности!.. А вы — морква погибла!..

Мы — мазохисты Но чаще наши разговоры обрываются самым нелепым образом. То вдруг Лоб начинает проявлять политическую сознательность и напоминать нам о том, что мы — члены партии и комсомола, советские люди. То вдруг Комиссар закатит нам мораль о трудности момента и ответственности. В один из таких моментов Костя сказал, что наши разговорчики совершенно безобидны. В Японии, например, делают чучела руководителей из резины и рядом палки кладут. Недовольные этими палками лупят чучела и тем самым отводят душу. Наши разговорчики играют роль таких громоотводов. Чем больше таких разговоров и чем острее они, тем лучше для системы. Для системы-то они, может быть, и лучше, — сказал Иван Васильевич, — а для тех, кто их ведет, они могут плохо кончиться. Теперь за такие «безобидные» разговорчики сажают и из Москвы выселяют. Так что...

Хотя мы знаем, что Иван Васильевич преувеличивает, настроение наше заметно портится. Вот так и кончаются все наши светлые минуты, — говорит Мнс. — Мы почему-то сами боимся того, что нам может быть хорошо, и сами запугиваем себя. Мы — общество мазохистов. Если коммунистический рай наступит, то нам будет очень плохо от того, что нам будет хорошо. И ты веришь в этот бред? — спрашиваю я. За кого Вы меня принимаете, — говорит он. — Я же профессионал в этом деле. И как профессионал могу сообщить Вам по секрету: никогда этого не будет! Я тоже могу тебе сказать кое-что по секрету, — говорю я. — Эта девочка явно тебе симпатизирует. У Дона ничего не выйдет, это ясно. Я бы на твоём месте... Возможно, — говорит он. — Но семья для человека такого типа, как я — непозволительная глупость. А просто так — мне ее жаль. И опасно. Так что сами понимаете... Понимаю, — говорю я. — А жаль. Пройдет время — сам поймешь, что прозевал свое счастье. И вообще мы все какие-то ненормальные. Стремимся обладать пустяками, а реальные ценности попираем мимоходом ногами. Что поделаешь, — говорит он. — Мы живем в обществе с искаженной системой ценностей. А мы — всего лишь люди.

Из откровений Речи Мао Цзе-Дуньки разделяются на такие, которые она произносит как партийный руководитель, и такие, которые она произносит от души, как человек человеку.

Последние особенно впечатляющи.

— Девки нынче хлипкие пошли, — говорит она ни с того ни с сего, хлопая себя ладонями по мощным бедрам. — В наше время не то было. Помните, мужики (это обращение, разумеется, к бабам), сколько абортот мы переделали. А кто их делал?! Смех! И никаких тебе отгулов. Сделала аборт — и пахать. А теперь?! Моя Ленка, я точно знаю, с четырнадцати лет всюю этим делом занимается, а до сих пор как целка ходит. Не придерешься!

— Прогресс, — говорим мы.

— Разврат, — режет она.

— А как же Вы терпите?

— А ты поди усмотри! Теперь они умеют все делать шито-крыто.

— А как же передовая молодежь, идейность, уровень?

— Это другой вопрос. Тут у нас на должном уровне. Я же с вами говорю не как партийный руководитель, а как человек с человеком.

Это «как человек с человеком» обычно кончается хамством и пошлостью. Она распоясывается, ругается матом, говорит скабрзности, в общем — ведет себя, как генерал в солдатском нужнике. Даже нам становится стыдно, хотя мы видали виды по этой части и сами к этому склонны.

— А насчет Запада, — сказала она, прощаясь с нами, — не волнуйтесь! Мы его рано или поздно вые...м в жопу!

Мао Цзе-Дунька вышла из народа, как она сама говорит — из рабочих и крестьян. Это не исключение. Пока вообще стремятся партийный аппарат комплектовать из таких «выходцев». Но не из верности догме марксизма (мол, партия наша — партия рабочих и крестьян прежде всего), а в силу

социального инстинкта отбирать в этот аппарат людей, которые целиком и полностью зависели бы от самого аппарата и были адекватны ему в интеллектуальном отношении. Теперь, однако, и в партийном аппарате растет число выходцев из привилегированных слоев. И надо признать, что культурный уровень их значительно выше такового выходцев из «народов». Это не значит, конечно, что первые лучше вторых.

Первое и последнее обследование Через неделю Секретарь отозвал меня в сторонку. Ладно, — сказал он, — занимайся своей спунологией. Только прошу тебя, не лезь в политику. Время теперь, сам понимаешь, какое. К чему рисковать из-за пустяков? Все равно ничего не изменишь. В райкоме мне уже намекнули, чтобы на следующих выборах я попросил самоотвод. А нам с тобой до пенсии не так уж далеко. Не будем портить остаток жизни несбыточными намерениями. А вопросы твои я обдумал. Любопытные вопросы!

К этому времени я составил вопросник по всем правилам конкретной социологии, отпечатал в сотне экземпляров и раздал сотрудникам учреждения, отобранном с учетом пола, возраста, партийности и других признаков. Сотрудники отнеслись к моей затее с интересом. За несколько дней я собрал богатейший материал и обработал его. Вот некоторые результаты моих подсчетов.

Мужчины чаще видят сны, но женщины лучше их запоминают, потому создается видимость, будто чаще видят сны женщины. Женщины чаще видят неприятные сны. Мужчины во сне более активны. Пожилые чаще видят сны, чем молодые. Молодые активнее во сне, чем пожилые. Должностные лица реже видят сны, чаще видят неприятные сны, менее активны во сне, запоминают сны плохо. Одинокие чаще видят сны, лучше запоминают сны, активнее во сне. По содержанию у молодых преобладают приключенческие сны, у пожилых — сексуальные. Одинокие склонны к реформаторским снам, семейные — к супружеским изменам. Комсомольские и партийные активисты склонны к предательству и раздвоению личности. Карьеристы часто видят гомосексуальные сны, сны с экскрементами и с дефектами в одежде (мужчины часто видят себя без брюк, женщины — без юбки). Мой партийный секретарь, например, часто видит себя идущим по коридору ЦК в грязных кальсонах военного времени. А председатель профкома видит себя делающим по-большому прямо в штаны, причем — в общественных местах и на глазах у людей. И что самое обидное — никто не обращает на это внимания. Физически больные и неполноценные во сне обижают родственников и сослуживцев, а здоровые сами подвергаются оскорблениям и насилию.

Я рассказал о результатах своего обследования в своем отделе. Эффект был ошеломляющий. Никогда не думал, что люди на самом деле придают огромное значение снам. Мне предложили сделать доклад на методологическом семинаре. К этому времени я уже подначитался всяких книжонок, и мой доклад прозвучал как серьезное научное сообщение. Но через пару дней меня вызвали в дирекцию. Там меня ожидали два «товарища». Они предложили мне сдать им все материалы моего исследования и текст доклада.

И во избежание недоразумений велели прекратить мои «партизанские» (как они выразились) опыты. Оказывается, этими делами уже занимается некое секретное учреждение под эгидой некоей важной организации. Я подписал бумажку о «неразглашении». И затаился. Спокойно обдумав ситуацию, я пришел к следующему важному выводу. Социология сновидений как наука в принципе невозможна. Она имеет смысл лишь первоначального толчка и ориентации основных идей. А собственно научное исследование здесь возможно совсем в другом плане, и я знаю, в каком именно.

Матренадура о Западе Там, на Западе, даже собаки не такие, как у нас. Племянник рассказывал, что его начальник целый час пытался всунуть в пасть одной такой твари кусок мяса. Не взяла, сволочь! Гордая! Дразнить пытался — ничего не вышло. На четвереньки становился, лаял, ногу задира — никакого эффекта. А через час принесла к ним в номер квитанцию в зубах — штраф за плохое поведение в общественном месте! Во как! Ничего не скажешь! Права человека. Не то, что у нас!

Жалоба Кости Хорошо диссидентам. У них чуть что случится, сразу на Западе шум поднимают. Все-таки защита. А каково нашему брату? С нами могут расправиться, и никто даже не поинтересуется, в чем дело. Возьмите прошлогодний случай. Пытались предать гласности. И что? Ноль внимания, фунт презрения. Наши делишки никого не интересуют. Нет, друзья мои, тут не это жиденькое и болтливое диссидентство нужно, а кое-что посерьезнее. Только я не знаю, что именно. Страшно подумать, от каких пустяков зависит наша судьба, в какой ужасающей системе власти мелочей мы живем. Вот, к примеру, решили у нас переменить электрическое напряжение. Повесили объявление: такого-то числа в квартирах должны быть люди, ибо будут менять счетчики. И две недели мы дежурили в квартире, ожидая мастеров этого дела. Но — безрезультатно. Для многих это были серьезные хлопоты: отпрашиваться на работе приходилось, откладывать поездки в дома отдыха. Наконец, «мастера» заявили, но неожиданно. Во многих квартирах не было людей. Начались скандалы, оскорбления. Воспользовавшись этим, «мастера» (конечно, в стельку пьяные) вели себя как в завоеванной стране. Наконец, счетчики поменяли. Начался новый этап террора: ждали, когда переключат напряжение. Месяц ждали. Писали жалобы. Бесполезно. Наконец, напряжение тока переключили. Но без предупреждения. У многих погорели холодильники, телевизоры, приемники. Мы создали комиссию, чтобы она составила акт о нанесенном ущербе и подала заявление в суд о возмещении убытков. Бог мой, что тут началось! В чем только нас не обвиняли! Даже в создании политической враждебной группы. Адвокат сказал, что мы тяжбу можем выиграть, но на это надо убит минимум год.

Откровение Мнс Мнс интриговал меня все более. Но не из-за того разговора в партбюро и с «товарищами Оттуда» (мне на них в общем-то наплевать), а в чисто человеческом плане. Мне просто

захотелось узнать, что в себе несет идущая нам на смену молодежь и на что она способна. И хотя Мнс не был склонен к разговорам, я все же выдавливал из него каплю за каплей его мысли. Вот, например, одна из таких капель.

Одно дело — благие пожелания, другое дело — реальность коммунизма. А реальность эта при всех обстоятельствах такова. Человек прикрепляется к первичной ячейке и во всех основных аспектах зависит от нее (зарплата, жилье и т. д.). Огромное число этих ячеек. Их иерархия и структура в различных аспектах. Гигантская армия начальников. Громоздкий управленческий аппарат. Специальные органы надзора, порядка, подавления. Сложная дифференциация общества. Грубое деление — начальство и подчиненные. Начальство сильнее подчиненных в целом. Почему? Основные преимущества его: 1) начальство имеет объединения, стоящие над первичными коллективами, подчиненные таковых не имеют; это — вышестоящие руководящие органы, советы и совещания; 2) начальство имеет в своем распоряжении карательные органы, подчиненные — нет; 3) значительная часть подчиненных за подачки и из надежды на подачки помогает другой части подчиненных подавлять остальных; 4) подчиненные все имеют от коллектива, который выражает волю начальства; 5) начальство имеет мощные неофициальные связи в разных инстанциях; 6) подчиненные запуганы; 7) сравнительно терпимые условия существования подчиненных, некоторые достоинства их образа жизни; 8) мощная пропаганда, запугивание. И в руках начальства — Партия. Партия есть организация начальства в высочайшем смысле слова и для начальства всякого сорта. Это — орган подавления в самой своей основе, а не только орган для производства лозунгов и речей. Наша Партия не есть партия в смысле западных и дореволюционных партий. Это только по названию партия. Это уже не партия, а Партия. Ее роль в жизни общества уже иная (власть, привилегии). Отбор в нее уже по другим принципам. Выход из Партии расценивается как преступление. Многопартийная система при коммунизме — чужь. Сразу же начнется вражда партий, которая закончится победой одной (или — расколом страны на «независимые» государства). Всякая иная партия наряду с главной (правлящей) может быть лишь с разрешения главной. И тогда ее членов подкупают, деморализуют, шантажируют. Она сама превратится в силу внутренних законов в обычное наше учреждение (с халтурой, очковтирательством, карьеризмом). Однопартийная система здесь — не ошибка и не злой умысел, а здоровая норма, ибо это общество есть не однопартийное, а беспартийное. Какая бы партия при этом не превратилась в Партию — т. е. не захватила бы монопольную власть, — она все равно будет осуществлять насилие и будет нетерпимой к конкурентам. Причем — в любой подходящей фразеологии. Опыт показывает, что коммунистическую фразеологию такого рода Партии усваивают молниеносно. Насилие и нетерпимость тут вырастают из самих основ общества.

Мао Цзе-Дунька Давить их надо. Вот так (она изобразила, будто давит о диссидентах ногтем большого пальца правой руки вошь или блоху).

Но умеючи. Вот мы и учимся. Нашей стране во всем приходится открывать новые пути. В городе открываются шестимесячные курсы при

горкоме партии для партийного актива. Без отрыва от производства. Специалисты из Москвы будут лекции читать. Но между нами говоря, как человек с человеком, диссиденты нам не страшны. У нас в районе их нет совсем. И мы не допустим. Ни к чему нам это. У нас другие проблемы. Как молодежь удержать в деревне? Как специалистов привлечь сюда? Как заставить людей работать мало-мальски терпимо? Как пьянство сократить? А диссиденты... Это там в Москве с жиру бесятся. От народной жизни оторвались...

Матренадура о Западе Но наши собаки лучше. Нашей только глазом моргни, свистни и покажи обглоданную кость, как она за тобой на край света пойдет. И защитит тебя. Бей ее, она тебя не бросит. А на Западе? Племянник рассказывал, что там собачки выбирают, с кем жить. Дог, например, ни за что не пойдет жить в рабочую семью. Ему гостиную подавай. Пудель ниже доцента не опустится. А что у нас творится? Тьфу! Вывели московскую породу особую. Пострашнее сенбернаров и ньюфаундлендов. А зачем? Коров сторожить? Так коров нет. Сельмаг сторожить? И там взять нечего. А для хороших жуликов пес не помеха. В городе зимой обокрали универмаг. Три пса сторожили, а обчистили. Одного пса, говорят, водкой споили. Другого колбасой взяли. Где ее, колбасу, достали? Надо думать, из Москвы привезли. А третий пес добровольно с жуликами ушел.

Местные шутки Сдох бык-производитель. Был здоров, как бык, но почему-то сдох. Теперь местные жители, если кто-то серьезно заболел, говорят о нем, что он здоров, как бык. И все присутствующие при этом смеются. Жизнь здесь настолько сера и однообразна, что смерть быка явилась чуть ли не праздником.

Русский человек умен и смекалист от природы. Но как-то своеобразно, шиворот-навыворот. Я не знаю ни одной крупной глупости, в которой не проявилась бы эта самая природная смекалка и незаурядный ум русского человека. Вот, например, из соседнего хозяйства привозят морковь и капусту к нам на поля и сваливают. Потом мы снова грузим их на машины, которые везут их на станцию через это самое хозяйство. В чем дело? Оказывается, в обкоме партии решили делать наше хозяйство образцовым и дать нам перевыполнить план именно по моркови и капусте. Мы же, в свою очередь, снабжаем то хозяйство свеклой, чтобы вывести его на первое место в области. Я сказал агроному, что было бы проще возить овощи сразу на станцию, а в бумагах сделать то, что нужно. Агроном сказал, что они еще не сошли с ума и не хотят отправляться в тюрьму за мошенничество. А так даже десять комиссий из ведущих криминалистов ничего поделывать не смогут. Люди болтают? Мало ли что болтают люди! Ты поди докажи! И он в деталях объяснил мне, в чем дело. И я понял, как мудры наши простые люди и как глупы мы, интеллигенты.

Потом я разговаривал с Матренадурой на эту тему. В заключение беседы она сказала буквально следующее: пятилетку мы не выполним,

это точно, но зато досрочно, в четыре года. Что это? Шутка? Серьезное выражение сути дела? Когда она говорила, в лице ее не замечалось смеха.

Потом мы с Доном, Мнс и Костей отвозили овощи и теляночка (конечно, зарезанного) на квартиру Мао Цзе-Дуньки в город. У нее там отдельный дом с отличным погребом. Муж у нее — совершенно ничтожное испуганное существо, директор школы. Есть какие-то дети, но они к нам не снизошли. Нам дали слегка выпить и закусить на кухне. Шофер поносил Дуньку последними словами — ему такая выпивка, что слону стакан кефира. Поскольку мы уже впали в хорошее питейное состояние, мы поддержали предложение шофера заехать «в одно место».

Принципиальный спор Мне припомнился один случай. Я был в гостях у одного нашего доктора. Каким-то образом там оказался знакомый его сына, которого звали Йогом.

И он затеял спор с Доктором.

— Надо жизнь свою организовать так, — сказал Йог, — чтобы обрести полную духовную свободу от официальной идеологии и стать максимально независимым от официальных учреждений. И это вполне возможно.

— Каким же образом, если не секрет? — спросил Доктор.

— Не секрет. Я вот фактически живу на тридцать—сорок рублей в месяц. И, как видите, не хуже Вас, хотя Вы имеете в десять раз больше. Физически я здоровее Вас. Ваша мебель стоит наверняка больше тысячи, моя — и за полсотни никто не возьмет. А какая разница? Питание... Почему Вы считаете, что Вы от шашлыка с коньяком имеете больше удовольствия, чем я от от чечевицы с водой?! И как часто Вы жуете шашлык? И к тому же я свободен. За два месяца летом я зарабатываю себе на весь год жизни. И занимаюсь чем хочу.

— Все это неубедительно. Первое. Чтобы иметь удовлетворение от такого образа жизни. Вы когда-то жили в зажиточной и интеллигентной семье. Не так ли? Кончили школу. Университет. И даже аспирантуру, кажется. Занимались спортом. Были приобщены к вершинным достижениям мировой культуры... Второе. А если Вы заболете? Ах, надо самому себя лечить! И вообще болеть не надо! Но ведь есть болезни, не зависящие от воли человека. А старость? От нее же никуда не денешься. А на пенсию по старости даже Вы не проживете. Третье. Долго ли это протянется? Власти потерпят еще немного да и заставят трудиться в принудительном порядке или посадят как туеядца. Четвертое. Чем же Вы занимаетесь? Только самолюбованием... простите, самосовершенствованием? Точнее, только собою. И надолго ли у вас хватит интереса исключительно к самому себе?.. Что же касается меня, я физически тоже здоров. У меня ведомственная хорошая больница. Путевки в санатории. Профилактические осмотры. Два месяца Вы все-таки работаете. А я посвящаю своим служебным делам не более двух месяцев в год в общей сложности. Собrania? Поручения? Это пустяки. И не надо все это принимать всерьез. Унижения? Не надо преувеличивать. У Вас, в Вашей «свободной» жизни их не меньше. А каковы Ваши отношения с Вашим бригадиром и прорабом, когда Вы работаете? А с милицией? А с соседями по квартире?

Никаких преимуществ Ваш образ жизни перед моим не имеет. Наоборот, моя жизнь официально одобрена и безопасна. И занимаюсь я чем хочу. Я делаю халтуру, ерунду. Но ведь и Ваша деятельность не продуктивна.

— Вы, значит, недурно устроились. Не всякому так удастся.

— Не всякому, но очень многим. Но ведь и Ваш стиль жизни доступен очень немногим. Разве не так? Я приспосабливаюсь. Но и Вы приспосабливаетесь!!

— Да, но по-разному. В разном направлении. Вы не учитываете главного: отношения человека к данному обществу и состояние духовности. Я не навязываю свой способ жизни как нечто приемлемое для всех или для многих. Он — лишь для лиц с определенной реакцией на жизнь и с определенным типом духовности. Вы, например, без всяких угрызений совести одобряете ввод наших войск в... аресты диссидентов, пошлую и хвастливую речь Вождя и прочее. Вас не волнует засилие тупости и бездарности... Вы с Ними. Вы приспосабливаетесь, оставаясь с Ними и помогая Им. Вы их соучастник. Вы один из Них. А я приспосабливаюсь, будучи противником Их, точнее — Вас. Я отвергаю Ваш пошлый и жестокий житейский спектакль. И ишу пути сопротивления и противостояния. И таких, как я, много.

— Вот не думал, что столкнусь с таким глубочайшим социальным антагонизмом в своей квартире.

Хотя позиция Доктора и выглядела весьма убедительно, а в позиции Йога чувствовалась некоторая наивность начинающего дилетанта, я был всецело на стороне Йога. Единственное, что меня смутило в ней, это — замкнутость на себя. Йог говорил, что это — видимость. Что на самом деле в этой позиции скрыта могучая активность. Она спрятана, и это выгодно: власти не сразу разглядают. А когда хватятся, будет уже поздно. Но я сомневаюсь в том, что власти настолько тупы, чтобы не заметить сути этого явления.

Потом мы с Йогом шли вместе домой. Я сказал, что насчет болезни он явно загнул. Он сказал, что наоборот, в этом деле он продвинулся дальше всего. Принцип избегать болезней — очень серьезная вещь. По крайней мере многие болезни зависят от человека. Например, для него язва желудка — пустяк. Максимум десять дней, и никакой рентген даже следов не обнаружит. Между прочим, у Доктора — язва, и серьезная. Он мог бы его вылечить. Но тот имеет специальную больницу — привилегия! И он ею воспользуется. И там его залечат на тот свет.

Месяца через два Доктор умер от неудачной операции в Кремлевской больнице, а через полгода Йога выслали из Москвы как тунеядца.

Когда мы в тот раз расставались с Йогом, он сказал мне: основное условие быть здоровым — не знать, что ты болен, в крайнем случае — не знать, чем именно ты болен. Это касается не только людей, но и целых обществ. Если общество начинает думать о своих болячках, оно обречено. Наши власти инстинктивно поступают правильно, настаивая на том, что наше общество здорово во всех отношениях.

Марксизм-ленинизм и сонология Научное понимание сна впервые в истории человечества было дано классиками марксизма. Оно затем было развито далее руководителями КПСС и советскими учеными и получило блестящее применение в практике строительства развитого социализма в Советском Союзе и странах социалистического блока. Мы, — сказал Генсек в одной из речей по поводу бдительности, — добились таких успехов, которые доселе никому не снились, что подтверждает нашу правоту и их закономерность. И вот уже который год наши философы ломают голову над тем, что имел в виду красноречивый Генсек — закономерность снов или успехов. Когда мы на собрании группы обсуждали речь Генсека, я предложил такую интерпретацию этого места речи: Генсек имел в виду закономерность успехов, которые мы видели во сне, а выражение «не снилось» он употребил как синоним «неслыханные», ибо неслыханные успехи могут присниться, тогда как успехи, которые не снились, не могут присниться. Парторг сказал, что я занимаюсь формально-логической софистикой. Я не стал спорить.

Враги марксизма-ленинизма, ссылаясь на наш лозунг «Бди!», утверждают, будто мы отрицаем сон как пережиток прошлого в сознании людей и как родимое пятно капитализма. Верно, перегибы с этим лозунгом у нас были. Но они исправлены и преодолены. И мы теперь правильно истолковываем лозунг «Бди!» не как лозунг «Не спи!», а как «Будь начеку!» не только наяву, но и во сне.

С точки зрения марксизма, сон есть свойство материи. Марксизм различает сон как сновидение или отсутствие такового и сон как состояние существа, видящего или не видящего сновидение. Эти две стороны сна образуют диалектическое единство и борьбу противоположностей — материального и идеального. Сновидение есть субъективный образ внешнего объективного мира, а спанье есть состояние внешнего объективного мира, благодаря которому возникает сновидение. Положение здесь точно такое, как с материей и сознанием: материя — то, что находится вне сознания и отражается им, а сознание — то, что отражает материю и находится... Вот где оно находится, этот вопрос для естествознания. Также и вопрос о том, чем именно спят и кто именно спит, есть вопрос нефилософский. С точки зрения философии ясно одно: спит материя, а какая именно — это должна выяснить современная наука. Наша советская наука, во всяком случае, досконально выяснила одно: если у нас и думают задницей, то спят все-таки головой.

Я не могу изложить марксистско-ленинскую сонологию в деталях. Ограничусь лишь несколькими замечаниями, важными для последующего изложения. Этими замечаниями хочу также показать, что широко распространенное мнение, будто марксизм есть просто чепуха, глубоко ошибочно, ибо он есть чепуха выдающаяся и эпохальная.

С точки зрения идеализма сначала было сплошное спанье и лишь потом в качестве его вторичного продукта появилась спящая материя. У них материя есть нечто вроде «вторичного сырья», как у нас теперь называют утильсырье. Мы же, наоборот, считаем спанье вторичным продуктом эволюции материи. Но мы не относимся к спанью как к вторсырью, а рассматриваем его как неотъемлемый атрибут материи. Мы допускаем,

что в самом фундаменте материи есть способность, подобная спанью человека, способность дрыхнуть. В связи с этим ревизионисты заявили, будто чем человек умнее, тем хуже ему спится. Например, кандидатша наук Иванова не спала целый год, ожидая, когда ее выпустят на защиту докторской диссертации. А защитившись, она вообще утратила способность ко сну, ожидая выдвижения в членкоры. Но мы дали отпор ревизионистам, приведя в качестве контраргумента подтвержденную практикой истину «Ворам не спится» и тот факт, что сам Генсек спокойно спит на трибуне, зачитывая цитаты из классиков. Положение марксизма о сне как о свойстве высокоорганизованной материи следует понимать диалектически. Да, дрыхнет вся материя, но храпеть во сне и портить при этом окружающую атмосферу может только человек, причем — трудящийся. Эксплуататоры не храпят.

С другой стороны, метафизики пытались нанести удар по марксизму, утверждая, будто сон есть свойство покоящейся материи. Но мы с ними даже спорить не стали. Я уже говорил вам о том, что я спал в строю, в седле, в самолете, в поезде метро сидя, в троллейбусе стоя. Известно, что космонавты прекрасно спят в космических кораблях. Один мой приятель спал в милицейском мотоцикле, отвозившем его в вытрезвитель.

Само собой разумеется, мы подходим ко сну с классовых позиций и проводим ленинский принцип в сонологии. Мы считаем, что одно дело — сон трудящихся и другое — эксплуататорских классов. Для первых сон есть накопление новых творческих сил для созидательной деятельности, для вторых — праздное времяпровождение. Эксплуататорские классы спят днем, после ночных оргий. При капитализме трудящиеся лишены сновидений, которые отнимаются у них помещиками и капиталистами в виде сверхприбылей. Мы, уничтожив эксплуататорские классы, экспроприровали у них и сновидения, передав их в безраздельное пользование трудящимся. В результате мы воспитали новый тип человека, который на голову выше гомосапиенса, а именно — гомоспатиенса. Та голова, на которую гомоспатиенс выше гомосапиенса, и есть орган, с помощью которого трудящиеся спят.

Логика Комиссара Комиссар — самая странная фигура в нашем сарае. То он со страшной силой начинает обличать наше общество. И при этом приводит такие факты (причем этому можно верить, ибо он не умеет врать), что буквально глаза на лоб лезут. То, наоборот, начинает защищать наш бардак самым наивнейшим образом. Разговорились мы как-то о распределении населения по отраслям хозяйства в США и у нас.

— В США, — сказал Кандидат, — в сельском хозяйстве занято всего четыре процента, а кормят они полмира. А у нас — больше тридцати, а уже сейчас половину продуктов питания ввозим из-за границы. Зато в сфере обслуживания...

— У нас тоже больше, — сказал Комиссар. — В США десять процентов, а у нас — тридцать.

— Не может быть, — возразил я.

— А Вы посмотрите, сколько у нас народу в магазинах работает, во всяких конторах, в мастерских, в ресторанах...

— Зато в промышленности, — заикнулся Кандидат, — у нас...

— У нас тоже больше. В США — тридцать, а у нас — шестьдесят. А в сфере управления у них — пять, а у нас — двадцать пять.

— Стойте! — не вытерпел Костя. — Это же невозможно! Посчитай-ка: тридцать плюс тридцать плюс шестьдесят плюс двадцать пять... Сколько же получается?!

— Не лезь не в свое дело! Привыкли, понимаешь ли, поносить все наше. И не все там хорошо у них! Кое в чем и мы их превзошли!..

Однажды Комиссар получил письмо из дому и разволновался. И рассказал следующее. Назначили к ним директором совсем молодого парня... Да, сына того самого... Сразу квартиру ему дали. Полезная площадь более ста метров. Шесть комнат на троих. И теперь эту новую квартиру ему ремонтируют за счет учреждения. И как! Батареи отопления хромируют! Санитарный узел — под мрамор! Особо укрепленную дверь с секретными запорами! В окна убирающиеся решетки из сверхтвердого сплава!.. Паркет передельвают — из карельской березы!..

— Как же так? Сейчас вроде бы началась кампания по борьбе со злоупотреблениями служебным положением. Читали в газетах? Какое разоблачение! Даже первого секретаря областного комитета Партии сняли!

— Это для отвода глаз. Пошумят и перестанут. А изменить ничего не смогут. Попробуй тронь нашего директора!

— Вы говорите, что он молодой и никак еще себя не проявил в деле, а в учреждении много опытных и заслуженных специалистов. А как же интересы дела?

— На интересы дела всем наплевать!

— Странно это...

— Ничего странного! Вы бы поработали у нас, сами кое-что поняли бы. А то совсем оторвались от народа. Вообразили себе Бог знает что!.. Права человека, видите ли!.. Заграничные поездки!! Культура двадцатого века! А работать-то кто?! А дело?!

И Комиссара понесло в обратном направлении. Я пытался сказать ему, что именно диссиденты обращают внимание мировой общественности на такие факты, именно диссиденты болеют интересами дела... Но он ничего не слушал и нес свое. Потом к нам выскочила Матренадура и велела ему идти с ней. Захлопнув дверь сарая, она довольно громко крикнула что-то насчет «этих мудаков».

И это — народ, строящий коммунизм! Впрочем, только коммунизм с таким народом и можно построить. И ничего другого.

Мао Цзе-Дунька об ожидаемой смене руководства

Не надейтесь!!!

Недоумение Дона Неожиданно наше хозяйство посетил один из секретарей Областного комитета Партии. Бог мой, что тут началось твориться! Но самое забавное, что неожиданность эта была фиктивной. Приезд Секретаря ждали и готовились к нему. Даже наше поведение отрепетировали. Причем ко встрече приготовились диалектически: чтобы приезд Секретаря выглядел как полная неожиданность, но чтобы он застал

здесь не обычный бардак, а полную газетную организованность. Для этого руководители хозяйства и представители райкома распределились по полям и бригадам, так чтобы Секретарь застал в конторе лишь бухгалтеров, но чтобы по зову Секретаря руководящие лица в молниеносно краткий срок предстали перед ним. Нас в картинных позах расставили по рабочим местам, так чтобы фото- и кинокорреспондентам не пришлось тратить время на это и чтобы их снимки выглядели совершенно натуральными. Все произошло так, как и было задумано. Все актеры этого грандиозного спектакля действовали безукоризненно. Нас фотографировали. Через пару часов Секретарь со своей огромной свитой смылся обедать с нашими руководителями — в клубе для них приготовили великолепный стол. Мы лениво дотянули до конца рабочего дня и разбрелись по своим халупам, баням и сараям.

Из клуба раздавались невообразимые вопли. Местные жители по старой русской традиции смотрели в окна и выпрашивали, кто и что там есть.

Обратите внимание, — сказал Дон, — какая личная охрана у этой областной вши. А он даже не первая фигура. У Президента США начальник личной охраны имеет чин капитана, а у этого — майор. Это еще что. Мне довелось однажды наблюдать чина, у которого начальник личной охраны был по меньшей мере полковник. Причем этот чин — фигура третьего ранга по государственным масштабам. Представляете! Никому этот чин не нужен. На него даже собаки не лают. Хотите верьте, хотите — нет, но я заметил, что даже мухи избегали садиться на него — такое это ничтожество. А у него личная охрана человек полсотни, если не больше, во главе с полковником! Ну, теоретики, объясните, в чем тут дело?

Естественнонаучная основа сонологии Естественнонаучную основу марксистской сонологии образует учение академика Павлова о сознании советского человека, созданное им путем многочисленных экспериментов на собаках. Конечно, было бы более естественно создавать подобное учение на лошадях, коровах, баранах и ослах. Ученые сообразили это слишком поздно, уже после того, как собаки стали реагировать на звонок и вспышки «лампочки Ильича» так, будто им дают по куску всамделишной копченой колбасы. Но вскоре выяснилось, что никакой ошибки не было, так как люди реагировали на происходящее точно так же, как собаки: пускали слюнки на коммунистические лозунги, как на реальное изобилие.

Ученики и последователи Павлова продвинулись еще дальше. Изучая процессы слюноотделения у номенклатурных работников, они установили, какая именно слюна выделяется на тот или иной продукт. Изучив характер слюноотделения у собак во сне, ученые сделали поразительное открытие: собаки во сне видят и едят такие продукты, которых они в действительности никогда не видели даже издали: черную икру, ананасы, севрюгу, коньяк, рябчиков, плоды фейхоа и т. д. и т. п. Отсюда с логической необходимостью следовал вывод: собаки не только видят сны, не только могут создавать во сне образы вещей, ранее не встречавшихся в их жизненном опыте, но и вести себя активно по отношению к ним, ибо выде-

лять слюну на икру, ананасы, крабы, коньяк и прочие продукты, выдаваемые номенклатурным работникам в спецраспределителях, невозможно логически (а значит — и фактически), предварительно не испробовав их. А если уж собаки с жадностью кидались во сне на эти продукты, то о людях и говорить нечего, ибо большинству из них такие продукты давно уже не снятся.

Матренадура И опять же эти туалеты. Нужники по-нашему. Вот что **о Западе** не люблю, так не люблю. У нас — простор. Сри, где хочешь. А там? Племянник рассказывал, что раз целый день терпел, места не мог найти. Так и пришлось потом белье менять. И самое обидное — в туалет заходил, да не решился. Говорит, унитаз есть, а дырки в нем нет. Господи, неужели они там срать совсем отучились?! Все может быть! Одними витаминами питаются, сволочи.

Обычный треп Наш треп на темы о Западе и о нас в сравнении **на западные темы** с Западом начинается обычно с невинных шуточек.

— Один мой знакомый, — говорит Кандидат, — знал всего три фразы по-английски. Но знал их безукоризненно. Посхал в Англию. Там его принимали в приличном доме. Он, конечно, молчал. За весь вечер произнес только эти три фразы. После его ухода хозяева говорили о нем, что он — настоящий джентельмен: великолепно владеет английским языком, но не злоупотребляет этим.

— А мой знакомый дипломат, — говорит Дон, — забрел в бардак. К нему подошел администратор и начал рассказывать, какой богатый выбор в этом бардаке. А для нашего брата, оказавшегося на Западе, проблема выбора самая трудная, ибо выбирать приходится из множества хороших вещей. Мой знакомый, естественно, растерялся. Наконец, он нашел решение. Я полагаюсь на Ваш вкус, сказал он администратору. И тот отвел его к здоровенному волосатому армянину.

— Насчет армянина ты загнул, конечно.

— Ничего подобного. Это — единственное, что тут верно, ибо армян на Западе больше, чем у нас.

— Но насчет трудности выбора ты прав. Мой знакомый решил купить себе пальто в Женеве. При этом он хотел, чтобы пальто было красивое, дешевое и на все сезоны. Но ему во всей Женеве не могли такого сыскать. Пришлось купить три пальто: одно — красивое, другое — дешевое, третье — на все сезоны.

— Ерунда! Где он деньги взял на это?

— Продался иностранным разведкам.

— Кому он нужен?

— А он по дешевке.

— Разве что... Вот что у них здорово, так это отношение к старине.

Берегут, сволочи!

— Я бы не сказал. Там памятников старины слишком много. Сохранить их все очень трудно и дорого. У нас с этим делом как раз лучше.

— Ты в своем уме?

— Как никогда. У нас от старины просто ничего не осталось. А сохранять в хорошем состоянии НИЧТО гораздо легче и дешевле.

Потом хохмаческая часть незаметно переходит в серьезную. И главный предмет этих разговоров — сможет ли Запад избежать нашей участи. Странно, не правда ли. Мы меньше думаем о своей участи, мы с ней примирились. И волнуемся за Запад.

— На Западе своих проблем по горло. Могут ли капиталисты их решить? Очевидно, нет. А коммунисты?

— Конечно, могут.

— Но как? Ладно, пусть наилучшим образом. Пусть исчезнет безработица, будет бесплатная медицина и школа... Но как не бывает худа без добра, так и не бывает и добра без худа. Смогут ли они при этом избежать тех мерзостей, какие были у нас?

— Западные коммунисты обещают, что они этого не допустят.

— Мало ли что они обещают. Когда я уговаривал одну девчонку, я обещал ей жениться. А тут речь идет о власти над страной, ради этого можно и побольше пообещать.

— Ну и как, уговорил ты ее?

— Нет, девчонка оказалась не глупая, не поверила. Знаете, что она мне сказала? Обещания для того и даются, чтобы их не выполнять.

— Неужели там на Западе не понимают, чего стоит теперь коммунизм и коммунисты.

— Догадываются. Но они не умеют с ними обращаться как следовало бы. Они с ними спорят, но на серьезном уровне. А вы сами знаете, несерьезно спорить с марксистами серьезно. Тут нужны иные средства.

— Какие?

— Смех.

— О, это они не любят. И мигом расправятся со всякими насмешниками.

Наконец, мы добираемся до военных проблем. Главные из них — сколько времени нам нужно, чтобы захватить Западную Европу и переделать на свой лад, и помешают ли нам в этом США. Большинство считает, что для захвата Европы нам достаточно двое суток, в основном — для уничтожения Югославии и Западной Германии. Остальные наложат в штаны без боя. Может быть, швейцарцы порыпаются, но их мало, это не в счет. Наших агентов на Западе тысячи, а наша пятая колонна — десятки тысяч. Добровольных помощников будет много миллионов. В двое суток мы ломаем всю структуру западного общества и навяжем свою. Это — не проблема. Запад слишком сыт, потому он не способен сопротивляться. Все дело в Америке. Конечно, Китай — сила серьезная. Но он рассчитывает на то, что США начнут войну с нами из-за Европы, мы друг друга разгромим основательно, и Китай продиктует нам свою волю.

Решив таким образом все внутренние и мировые проблемы, мы засыпаем. К бабам идти не хочется, хотя возможности есть: просто нет сил, а чуть свет опять на работу. Даже пить не хочется. Пьянство, оказывается, тоже предполагает некоторый уровень жизни, которым мы тут не располагаем: у нас нет свободы и денег.

Разговор по душам Однажды к нам в институт приехало высокопоставленное Лицо из ЦК. Когда-то мы с этим Лицом учились в одной группе и дружили немного. Когда Оно шествовало в зал, я стоял у входа, но Оно меня не соизволило узнать. После доклада Лица меня попросили зайти в кабинет директора. Там сидело Лицо и директор. Лицо сказало директору, что тот может быть свободен, а он несколько минут побеседует «с этим товарищем» (т. е. со мной). Извини, — сказал он, когда мы остались вдвоем, — что я там не поздоровался с тобой персонально. Не мог же я на людях обниматься с рядовым сотрудником, не положено. Ну, рассказывай, как живешь, как попал в это заведение? Я начал было рассказывать, но он перебил меня и без всякой связи с темой совещания и нашим разговором закатил демагогическую речь о том, что они сами не дураки, сами понимают, что к чему, но они — не безответственные критиканы и крикуны, что им вверены судьбы миллионов и судьбы исторического процесса. Но чем дольше он говорил, тем отчетливее проступал в его речи некий смысл.

Мы все понимаем, — говорил он. — Абсолютно все. Не считайте нас дураками. Мы понимаем и многое такое, чего никогда не поймут наши критики и диссиденты. Ты думаешь, мы не знаем о разделении общества на начальство и подначальную массу? Знаем. И знаем, что стремление любой ценой выделиться из подначальной массы образует основу основ строения общества. А выделившись — двигаться от ступеньки к ступеньке вверх. Ты думаешь, мы не знаем о подлинном принципе распределения благ в нашем обществе? Знаем. И лучше всяких критиканов знаем, ибо живем этим, а они не имеют понятия о реальности во всем объеме. Но мы знаем еще и то, что от этого невозможно избавиться. Почему, например, ты не отказываешься от прибавки к зарплате и премий? А пожил бы хотя бы неделю на более высоком уровне, ты понял бы, что перед нами всегда стоит проблема выбора: или мы живем по законам данной ступени иерархической лестницы, а значит, пользуемся ее привилегиями и стремимся выше, или падаем вниз. Ты думаешь, мы не понимаем необходимости преобразований? Понимаем. Только мы суть их понимаем глубже, чем диссиденты и антикоммунисты. Преобразования нужны, но не сглаживающие и затемняющие суть нашего общества, а обостряющие и обнажающие ее. Отбросить камуфляж и всякие пережитки революционного периода вроде выборной власти, профсоюзов, инициативы масс, публичности. Не скрывать систему привилегий, карательных органов, прикрепленности. Рано или поздно мы скажем миру открыто, кто мы и что мы есть, что на самом деле строим, к чему на самом деле стремимся. Общество от этого не станет слабее. Наоборот. А победителей, как говорится, не судят. Судить будем мы сами. И жестоко судить. Сталин — это лишь первый наш маленький эксперимент. В чем-то этот эксперимент удачен, в чем-то неудачен. Но мы ошибок Сталина не повторим: мы не оставим ни одного свидетеля и ни одного следа. Нас разоблачать будет некому. Но чтобы эту величайшую революцию совершить, нужно тщательно и всесторонне подготовиться.

Матренадура Мне огромное удовольствие доставляют суждения Матренадуры о Западе и о нас на Западе. И я ее провоцирую на них. Я уже насобирал больше сотни ее изречений. Вот был бы скандал, если бы я опубликовал их в «самиздате» или «тамиздате».

— А что Запад, — говорит она. — Там небось тоже есть старики и больные. Племянник говорил, что у того господина, который их принимал, машину украли. И вообще, нашему брату западная цивилизация ни к чему: все равно загадим и испохабим.

— А как же, Матрена Ивановна, с космическими полетами? Мы же первые были!

— Тут другое дело. Тут престиж и масштабы. А если масштабы, это нам по плечу.

— Все говорят, что на Западе жить веселее. У нас вроде скучно жить. Вот Вы не скучаете?

— А что скучать? Мне не скучно. Не до этого. Скучают только дураки да бездельники. Если сам не захочешь скучать, никто тебя не заставит. Вон, у нас библиотекаряша в клубе была. Все грустная ходила. Скучно, мол, тут. А я говорю, помяните мое слово, все дело кончится просто очень: ребенка иметь не хочется, а аборт делать поздно. Так оно и было.

И опять о партии На сей раз спорили Токарь и Мнс. Токарь развивал идею «новой партии», популярно пересказывая сведения о создании партии большевиков, почерпнутые им в Вечернем Университете Марксизма-Ленинизма. Мнс разгромил его в дух и прах. Мне особенно понравился конец его речи.

— И потом, — сказал Мнс, — учти принцип оборачивания. Что это такое? Могу пояснить, но очень популярно. Я еще не имел времени поразмыслить над ним глубже и запутать его до такой степени, чтобы он выглядел научно. Вот тебе официальная схема. Существует некий класс (сословие, слой) людей, имеющий некие собственные интересы, начинающий борьбу за них, борющийся за них, охраняющий их. Возникает особая организация — партия, в задачу которой входит выражать эти интересы, организовывать класс на борьбу за них. Исторически она могла сложиться различными путями. Например, ее могли создать представители других классов. Но это не играет роли, существенно ее место в сложившейся социальной структуре. Внутри партии образуется (опять-таки это возможно исторически различными путями) профессионально-руководящий аппарат, партийно-бюрократическая система, воплощаемая в особых лицах и в особых внутрипартийных организациях. В задачу этого аппарата входит организация самой партии, поддержание ее существования, целостности, «чистоты», короче — делание всего того, что обеспечивает партии в целом наилучшее выполнение упомянутых ее функций. Это — в схеме. А в реальности происходит оборачивание во взаимоотношениях классов, партий и их руководящих аппаратов. Почему? Да потому, что это — большие группы людей, подверженные действию общих социальных законов. Реально дело обстоит так. Если партия уже сложилась, если сложился ее аппарат, если они существуют из года в год, воспроизводятся или даже увеличиваются и креп-

нут, то аппарат партии уже существует как самодовлеющая социальная группа, преследующая свои эгоистические цели. Партию в целом он уже рассматривает как орудие достижения этих целей, как орудие самосохранения, упрочения, расширения. А общественные классы при этом выступают лишь как источники средств партии (поставщики людей — в первую очередь) и как арена для разыгрываемого партийным аппаратом спектакля.

Возьмем теперь твою затею. Психологически ясно: тебе не дает покоя образец нашей партии «нового типа». Тебе хочется повторить в какой-то степени этот образец. Конечно, это очень приятно писать зубодробительные книжечки, выпускать установочные тезисы, зажигать массы, повелевать, быть на устах у всех... Но нынешняя история для этого уже не подходит по многим причинам. Во-первых, расслоение общества уже не то, не те условия существования социальных категорий и возможности борьбы за свои интересы, не те карательные органы. Из каких источников пополняется твоя группа? Студенты, аспиранты, преподаватели и научные работники низших рангов. В основном неудачники, не очень-то способные, чокнутые, убогенькие. Чьи интересы они выражают? Много ли их? Можешь ли ты создать устойчивый профессиональный аппарат? Что ты будешь «оборачивать»? Претензии на организацию в таких условиях имеют результатом в лучшем случае образование замкнутой секты, разыгрывающей полушизофренический и полусарлатанский спектакль внутри себя. Согласен, в самых различных слоях населения скопилось недовольство, кто-то его должен отразить. Но это будет не организация твоего типа, скрывающая свои тайные маниакальные стремления даже от самой себя, а не то что от КГБ. Это будет некое организационно неформальное (непартийное!) единство людей (братство!), которое прямо выскажет все то, что наболело в душах людей. Это будет единство людей с религиозно-нравственным сознанием. Не обязательно верующих. Но людей, которые не смогут больше терпеть и молчать и которые потянутся друг к другу незримыми духовными нитями. Наши карательные органы способны разгромить любую организацию протеста. Но они абсолютно не способны справиться с тем единством протеста, которое зреет в массе населения и рано или поздно вырвется наружу.

Ого, — подумал я, — представляю, как в КГБ зашевелились бы, получив мое сообщение (скажем прямо, донос). Интересно, есть ли в нашем сарае настоящие стукачи, т. е. стукачи не по просьбе и велению души, а по взятому на себя обязательству писать доносы? Лоб, должно быть, стукач. Но какой-то вялый.

— Нашему народу, — продолжал Мнс, — предстоит начинать с азов, т. е. предстоит сражаться за самые фундаментальные условия сопротивления режиму, — за такие условия, благодаря которым достаточно большое число людей сможет жить хотя бы частично без контроля со стороны органов власти, деловых коллективов и соседей. А ключ к этому — улучшение бытовых условий: отдельные квартиры, средства связи, множительные аппараты, возможность поддерживать неработающих.

Да, тут целая программа, — подумал я. — Это весьма любопытно. Действительно, в тихом омуте черти водятся. И когда эти сопляки успевают набраться подобной премудрости?

Тоска о прошлом — Вам, ребята, проще, — говорит Агроном.—А я вырос в годы, когда романтика революции достигла апогея. Какая у нас была школа! Может быть, самая чистая, гуманная и непорочная за всю историю.

— Хорошенькая непорочность, — презрительно фыркает Лоб. — Миллионы доносчиков и палачей концлагерей прошли эту школу.

— Не спорю. Одно другое не исключает. Может быть, моя школа была исключением. У нас за все время, пока я учился, был всего один донос. Парня посадили, но мы считали, что правильно. Его отец, как нам дали знать, был враг. А мы в это время как раз прорабатывали книгу известного писателя, в которой был изображен аналогичный случай: сын-школьник помогал отцу-врагу. Но дело не в этом. Больше сорока выпускников нашей школы погибло на войне. Погибло достойно. Три из них посмертно стали Героями.

— А сколько из вашей школы было в плену? Сколько делало карьеру в тылу? Сколько служило в Органах?

— Не спорю. Все было. Но я не об этом. Не перебивайте, я и сам обо всем этом знаю. И, между прочим, не понаслышке и из вторых рук, а как очевидец и участник.

— Ладно, не тяни резину. Выкладывай суть.

— Заткнись! — не выдерживает Костя (это он по адресу Лба).

— Жизнь была удивительная, — продолжает Агроном. — Понимаете, жил я в ужасающей нищете. Вы теперь даже вообразить не можете такую нищету. Я познал простыни и регулярное питание, только попав в армию. Я своими глазами видел, как рушится деревня, как погибают ни в чем не повинные люди. И в школе мы жили в постоянном страхе сказать что-нибудь не так. И помалкивали. И говорили то, что нужно. Я все это знал и чувствовал. И все-таки когда некоторые взрослые говорили мне банальности насчет «розовых очков», они были правы. Отчасти правы. Они думали, что я действительно видел в розовом цвете. И в этом ошибались, ибо я видел все то, что видели они, но воспринимал это как неотвратимое будущее и страдал от этого глубже их. «Розовые очки» были, но не в этом... Мне трудно объяснить, в чем именно. Ну, в отношении к хлебу, к чистой рубашке, к девушке, к солнцу... Хотели наши руководители этого или нет, они в наших душах выращивали искорку некоей святости, просветленности и непорочности. Не во всех, конечно. Но во многих. В одних меньше, в других больше. Но много было таких, в которых эта искорка пылала ярким пламенем. Я знал таких людей. И убожество бытия не мешало этому. Наоборот. Как показывает опыт, благополучие, а не трудности убивают это.

— Все понятно, — сказал Дон. — Иллюзии. Вера в идеалы. Фанатизм. Мы это тысячи раз слышали от мерзавцев сталинского периода.

— Нет, ребята. Не в этом дело. Мне, повторяю, трудно вам пояснить. И эти мерзавцы сами не понимают, в чем дело. Я не встречал ни одной книги, в которой автор постарался бы разобраться, в чем тут дело. Я, ребята, честно признаюсь: в марксистские сказки как в реальность не верил. Не спорю, эти сказки было приятно слушать. Но

именно как сказки. И мы спорили ночи напролет о коммунизме. Причем в подвале. При этом ломалась канализация и заливала пол. А мы и не чувствовали юмора ситуации. Никаких иллюзий у нас не было. А для фанатизма мы были слишком наивны, чисты. И слишком добры. Да, мы были добрыми.

— А все-таки Вы сами-то надумали что-нибудь на этот счет? — спросил Костя. — Вы же годами размышляли на эту тему, судя по всему.

— Кое-что надумал. Но я не уверен, что прав. Я же не теоретик. Скорее всего, я ошибаюсь.

— И все же?

— Такое впечатление, что в нас тогда зарождался новый, молодой и прекрасный Бог. Мы ощущали его в себе, не отдавая себе в этом отчета. Он шевелился в нас и радовал перспективой порождения какой-то более важной, глубокой и, вместе с тем, возвышенной формы бытия, чем окружающее нас убожество.

— И что же вы не разродились этим Богом?

— Он погиб у нас во чреве. И мы задушили его сами.

— Ты прав, старик. Нам легче. Мы научились пользоваться противозачаточными средствами, и никакого зародыша такого рода уже не допустим.

— Как знать...

Матренадура Там даже трусики женские продают с названиями дней о Западе на самом этом месте. Удобно, конечно. Идешь по улице. Забыл, какой день. Подходишь к любой бабе, задираешь ей юбку. Извините, говорись, хочу узнать, какой день сегодня. И читаешь. На иностранных языках, конечно. Языки иностранные знать нужно, это точно. Одно неудобство в этом есть: трусы надо каждый день менять, а нам это несподручно.

Рассказ Токаря Как мы живем, — сказал Токарь, — вы сами знаете. Скука и тоска зеленая. Вот я и решил однажды поразвлекся. Случай представился. Ну, и по пьяной лавочке, конечно.

Собрался я в отпуск. В самое неподходящее время — нашего брата в курортный сезон работать заставляют, а в дождь и в слякоть прогоняют «отдыхать» в приказном порядке. В хороший санаторий путевку достать — проблема, а в захудалый дом отдыха в такое время — не приведи Господь. Одна сплошная одуряющая пьянка и низкопробное блядство. Вот и надумал я соригинальничать — просто поехать в один районный городишко, который мне понравился в студенческие годы (в туристический поход в те края ходили), поселиться в гостинице, побродить спокойно по окрестностям, отоспаться и все такое прочее. Изложил свой план одному своему приятелю. Тот поднял меня на смех. Сказал, что я — примитивный идеалист. Номер в гостинице? Ха-ха-ха! Вот идиот! Ты что, забыл, где мы живем?! А питаться чем будешь? Без блата и протекции сверху туда и соваться нечего! При слове «протекция сверху» мы оба подумали об одном и том же: об одном прохвосте, который учился вместе с нами, даже выпивал частенько с нами, а потом как-то про-

лез в одну в высшей степени авторитетную организацию. А что, если?.. Захватив пару бутылок коньяка, направились к этому нашему знакомому. Нам повезло: после пятиминутного кривляния он нас принял. А после того, как мы выставили бутылки, «оттаял», сбросил с себя чиновную важность. Вспоминали прошлое. Время шло весело. После наших бутылок он добавил пару своих. Надрались основательно. Тут-то я и выложил свою идею. Хозяин сказал, что это — пустяк, он все устроит наилучшим образом. Только не сообщай цель моей поездки, — попросил я. — Скажи просто, мол, по важному делу нужно. Прошло два дня. Я уж было собрался брать «горящую» путевку на две недели в подмосковный дом отдыха. Звонок. Звонит тот знакомый. Говорит, все в порядке, езжай, встретят и устроят наилучшим образом, до областного центра лети самолетом, а там будет ждать машина. Об остальном не беспокойся. Ну, я и рискнул.

Так оно и случилось, как сказал знакомый. Встретили меня роскошно. Поселили не в гостинице, а в отдельном домике на окраине. И на полном пансионе. Причем — бесплатно! А машину оставили в полное мое распоряжение. Шофер тоже временно поселился в этом домике. После того, как я «отдохнул с дороги», ко мне появился встречавший меня «представитель», а с ним — «товарищ из области». И конечно же — выпивка («для откровенности»). Подвыпили. Перешли на «ты». Скажи откровенно, между нами, — спросил меня «товарищ из области», — ты по ТОМУ ДЕЛУ? Я слегка кивнул головой, но так, чтобы можно было отвертеться в случае чего. Материальчики поступили? — спросил «товарищ из области». Я опять чуть-чуть кивнул, хотя понятия не имел, о каком таком ДЕЛЕ он толкует. Ну и что же будем делать? — не отставал собеседник. Я сказал, что главное — не будем спешить. Спешка, как известно, нужна при ловле блох. Разберемся. Присмотримся. Но чтобы никому ни звука. Иначе... Все ясно, — сказал собеседник. В общем, — сказал я, — мне нужна объективная картина. Без эмоций. Чтобы я смог узнать все без прикрас. Но чтобы никто не догадывался, кто я и зачем тут. И чтобы жил я тут так, будто... В общем, чтобы люди думали обо мне что угодно, только не... Ясно? Еще бы не ясно, — в один голос заявили мои собеседники-субутыльники. — Для Самого нужно? Нет, — сказал я. — Не для Самого, а для Самого. Это посерьезнее.

Так и порешили. «Товарищ из области» берет на себя официальную роль и все формальные хлопоты, а мы с «представителем» сопровождаем. И смотря по обстоятельствам я высказываю свои пожелания и даю указания на наших «совещаниях» здесь, на квартире. Все материалы, какие я захочу получить, «товарищ из области» распорядился предоставить ему (т. е. мне в конечном итоге). Вот в таком духе мы разговаривали. И я, каюсь, совершенно ничего не понимал, о чем именно идет речь.

Надрались мы основательно, и я спал как убитый. Утром вспомнил вчерашний разговор и ужаснулся. И решил обратить все в шутку. Но было уже поздно. После завтрака ко мне приехали «товарищ из области» и Представитель. С ними еще несколько человек. Мы на трех машинах двинулись в неизвестном мне направлении.

Отъехали мы от города километров десять. И тут я увидел зрелище необыкновенное. Впереди показались огромные лохматые собаки — породы «московская сторожевая». За ними — всадники. Нам пришлось свернуть в сторону и остановиться. Мой шофер выругался. Ну, теперь загорать на полчаса, — сказал он. Мы вылезли из машин. Меня удивило то, что всадники ехали как-то странно — кольцом, в середине которого вроде бы ничего не было. Заметив мое удивление, Товарищ из области кивнул вниз, на землю. И я увидел, что вся дорога внутри кольца была покрыта какими-то копошащимися существами. Приглядевшись, я понял, что это — цыплята. С боков и сзади цыплячью процессию тоже охраняли огромные злые псы (помимо всадников). Оказывается, это из птицефермы, обслуживающей высшее столичное начальство, гнали своим ходом цыплят для отправки в Центр. На месте их резать запрещали, так как в Центре требовались предельно свежие цыплята. А доставлять их на станцию транспортом по каким-то причинам не могли. По дороге многие цыплята погибали, а остальные добирались инвалидами. На днях, — сказал Представитель, — приемщики на станции забраковали пятьсот цыплят, которые захромали от трудного пути. Хотя какое значение, казалось бы, имеет эта хромота, если цыплята предназначены не для спортивных соревнований, а для съедения? Вот из-за этих потерь и загорелся весь сыр-бор. Списываемых цыплят даром распределяют по начальству местному. Сговорились с приемщиками, надо полагать. А местные критиканы и разоблачители начали анонимки строчить во все инстанции и органы печати. Да что я тебе толкую! Ты же сам в курсе.

Моя реакция была полной неожиданностью для моих спутников. В моем воображении рисовались уже страшные картины концлагеря, тайного военного завода, а тут... Я задыхался от хохота. И даже коньяком меня невозможно было привести в чувство. Я жестами дал понять моим спутникам, чтобы повернуть обратно в город. Они это истолковали по-своему. Вечером мы устроили грандиозную пьянку, во время которой я проболтался. Они, мои собутыльники, на радости рассказали мне «суть дела», т. е. о том, что творится в хозяйстве, обслуживающем кремлевский продуктовый распределитель. И опять-таки было очень смешно. На каждого выращиваемого цыпленка тут есть по крайней мере пара начальников, сжирающих по меньшей мере по паре молочных поросят в день (а прочую птицу и овощ и считать не стоит). А цыплята, чтобы попасть на стол нашему высокому столичному начальству, проходят тут такой отбор и проверку, как будто их собираются готовить в космонавты или отбирают в члены делегации на международный симпозиум в капиталистическую страну.

На другой день меня под конвоем доставили в Москву.

Матренадура — Там культура. Племянник говорит, там даже старухи о Западе за пятьдесят этим делом занимаются, как молодые. Только пружины звенят. И штучки всякие делать умеют.

— Там пружин нет давно.

— Н-ну, поролон. Какая разница? Коли хочется, так и земля покажется

периной. Племянник говорит, там везде портреты голых баб и мужиков висят. Картинки, как этим делом заниматься. Книжки. Лекции специальные читают.

— А что в этом плохого?

— А я разве говорю, что плохо? Только нам это ни к чему. Нам бы выпить, закусить как следует. А что и как потом, мы и сами сообразим без всяких этих академий. Детишек-то нам не иностранцы делают! Мы сами.

— Но Вы же сами говорили, что на Западе женщины дольше сохраняют молодость и свои женские прелести.

— А ты думаешь, это от картинок и книжек? Пища другая. И работа на дому легче. Дай нашим бабам ихние условия, так они и в шестьдесят лет будут способны этим делом заниматься.

Спор о диссидентах Спорили о диссидентах. Преобладала критическая линия в отношении к ним. Лишь Мнс занимал особую позицию. Он не защищал диссидентов, а возражал тем, кто на них нападал. Дон сказал, что диссиденты живут припеваючи, получают из-за границы всякие вещички, которые загоняют тут за большие деньги, и денешки тоже получают. Плюс — слава. Так что диссидентство — это выгодный бизнес. Мнс сказал, что кое-кто из диссидентов действительно недурно живет. Но далеко не все. Большинство — нищие. И к славе не всегда стремятся из тщеславия. Иногда это — форма самозащиты. Токарь сказал, что диссиденты — хитрые и изворотливые. Мнс сказал, что не видит ничего плохого в этом. Оппозиция тоже есть дело, а всякое дело надо делать умеючи, профессионально. Иначе ничего не получится. А беспомощные чистенькие страдальцы гибнут на уровне первичных коллективов, отделений милиции, административных комиссий и районных отделов КГБ. Власти не брезгуют ничем в борьбе против диссидентов. Так почему же те должны церемониться?! К тому же будь ты хоть трижды ангелом, тебя все равно оболют помоями, если ты диссидент. Иван Васильевич сказал, что он согласен с Мнс, но все же хочется, чтобы протест выражали кристально чистые люди. Мнс сказал, что пройдет время, и на самых отъявленных проходимцев из диссидентов наденут белые одежды святых. Многие диссиденты гибнут и страдают. И по законам социальной психологии их жертвы распространяются и на тех, кто в безопасности и процветает, подобно тому как солдатские жертвы на войне окружают ореолом славы и величия генералов. Но это же можно как-то изменить, — сказал Лоб. Нет, — сказал Мнс. — Это — закон природы. Жаль, — сказал Иван Васильевич, — что в природе действуют такие нехорошие законы. Плохих законов не бывает, — сказал Мнс. — Как порой хочется полетать в воздухе без всяких машин, но законы тяготения возвращают нас на прозаическую землю. Но если бы не было тяготения, то не смогла бы существовать даже песчинка. Короче говоря, — сказал Дон, — чем больше предприимчивых и тщеславных людей пойдет в диссидентство, тем лучше? Не лучше и не хуже, — сказал Мнс. — Это будет признаком того, что движение крепнет.

Скорость жизни Когда говорят о жизни, что она пронеслась, как сон, совершают грубую ошибку. Во сне как раз время жизни «растягивается». Здесь за какие-то доли секунды происходят события, на которые в реальной жизни уходят дни, недели, а иногда и целые годы. Тут есть двусмысленность, которую я сейчас хочу устранить. Надо различать два вида скорости — скорость течения физических процессов и скорость психологического переживания времени. Первая исчисляется числом событий (x) за данное время (y), т. е. как частное от деления x на y , а вторая — наоборот, как отношение продолжительности времени к числу событий за это время, т. е. как частное от деления y на x . Во втором случае имеются в виду события из жизни индивида, выделяющиеся из остальных событий жизненного потока как значительные для индивида и запоминающиеся. Таким образом, если человек прожил семьдесят лет серой и скучной жизни, так что число значительных для него событий невелико, психологическая скорость жизни его будет очень большой (жизнь пролетит «стрелой», «как сон»). Жизнь во сне кажется текущей с огромной скоростью, поскольку сны забываются. Но если вырвать сон как таковой из контекста жизни и зафиксировать события, имевшие место с индивидом во сне, то получим очень малую психологическую скорость течения жизни. А физическая скорость жизненных процессов у всех одинакова, если брать чисто физический аспект. Если же в число событий включать значительные для индивида события, то нужно говорить не о скорости течения жизни, а о содержательности жизни. И тогда получим естественный закон: психологическая скорость течения жизни обратно пропорциональна психологической содержательности жизни.

Из сказанного с полной очевидностью следует, что жизнь во сне может обладать желаемыми для индивида качествами (малой скоростью и большой содержательностью) в большей мере, чем жизнь наяву.

О правильности происходящего Хотя человек нашего общества примитивен с психологической точки зрения, чтобы описать законы его поведения, требуется не арифметика социологии, а высшая математика. Кстати, знакомство с этими законами у меня началось именно с математики. Я был самым сильным математиком среди учеников школы, но учителя меня почему-то никогда не называли в числе лучших. Почему? Сначала я удивлялся, а потом привык. И все к этому привыкли. В самом деле, зачем меня называть среди самых способных по математике, если это и так очевидно?! Задачки, над которыми часами ломали головы наши отличники, я решал мимоходом. И частенько подсказывал этим отличникам идеи решения. И они, конечно, никогда не признавались в том, что это — мои идеи. Подумаешь, какое дело! У него (т. е. у меня) этих идей навалом, у него не убудет, если мы (т. е. они, отличники) кое-что позаимствуем! На математической олимпиаде в Университете я быстрее всех решил все задачи, но меня опять-таки не включили в список лучших. Тут я возмутился и добился разговора с одним из членов комиссии. Из разговора этого я понял, что я допустил грубую... нет, не математическую, а социально-психологическую ошибку: я дал слишком простое,

а порой — даже слишком банальное решение задач, тогда как надо было показать, что я знаком с такими разделами математики, которые в школе не проходят, и дать более сложное решение. Зачем? — удивился я. — Если задачи примитивны... Для комиссии, — спокойно сказал почтенный ученый.

Лишь много лет спустя я понял, что то решение комиссии было правильным, т. е. совершенно по правилам поведения членов нашего общества. И вообще все происходит правильно (по правилам), за редким исключением. Что это за правила? Как-нибудь, если будет настроение, я напишу на эту тему книжку. А сейчас я вернусь к той истории с математической олимпиадой. Парень, который был тогда отобран в качестве победителя, закончил решение задач через сорок минут после меня, исписав гору бумаги. Он был именно отобран, ибо соответствовал представлению профессоров и руководителей о таланте, вполне укладывался в рамки истории и традиций науки, его будущее было ясно для всех. Я же у них вызывал раздражение некоторым пренебрежением к столь торжественному событию, непочтением к традициям, чрезмерной легкостью решения и некоторой потенциальной угрозой в будущем (кто его знает, что он может выдумать?!). Я был для них чужой, и они все это сразу почувствовали. И хотя все они (члены комиссии) были различны по одаренности, по образованности, по званиям и заслугам, по характеру и прочим признакам, они в данном случае повели себя удивительно одинаково. Они все среагировали на меня как на чужеродное явление и как на потенциальную угрозу их спокойствию и благополучию. Любопытно, что я это отношение к себе со стороны окружающих ощущал всю жизнь. И даже сейчас, когда можно сказать, что жизнь в основном прожита, мои сослуживцы все еще побаиваются, как бы я не совершил что-либо из ряда вон выходящее. А один из них уговаривал меня признаться в том, что я по секрету чуть ли не целую новую науку выдумал. Ты хитрый, — сказал он мне. — Умрешь, а лет через пятьдесят после этого опубликуют твои секретные сочинения, и ты проберешься в историю науки. Это мы тут вынуждены всякой ерундой заниматься!..

Мечта идиота — Представьте себе, — говорит Мнс мечтательно, — произошло нечто невероятное. Собрался Пленум ЦК КПСС и принял решение предать гласности все материалы о репрессиях сталинского периода, запретить преследование за политические выступления, легализовать все группы вроде нынешних диссидентов, легализовать издания «Хроники текущих событий» и других сборников такого же рода, легализовать вообще «самиздат», — короче говоря, удовлетворить все требования поборников прав человека (между прочим, глупое выражение — «поборник») и критиков режима.

— Зачем?

— А хотя бы для того, чтобы показать людям, что ничто от этого не изменится.

— Почему же не изменится?

— Хотя бы потому, что это решение кто-то должен будет претворять в жизнь, причем — не один раз, а регулярно, из года в год, из деся-

тилетия в десятилетие. Кто это будет делать? Те же люди, которые сейчас стоят у власти во всех ее звеньях.

— Их можно заменить.

— Насколько? Всех? Замены возможны. Можно заменить худших. Но это — не более десяти процентов. Пусть останутся лучшие. Но они хуже этих худших во сто крат — они хитрее, изворотливее. А кто придет на смену заменяемым? Вот в чем загвоздка! Решения принять можно любые. Но систему власти образуют не ангелы и боги, а простые смертные, которые поддерживают существующую систему жизни как наиболее удобную для них. И будут ее хранить несмотря ни на что. А главное, друзья мои, само население не откликнется на это решение Пленума ЦК желаемым образом. Ужасы сталинского периода? Слыхали! Это уже не ново. Знаем. Уверяю вас, опубликуйте разоблачительные книги официально, интерес к ним не будет из ряда вон выходящим. А то и совсем читать не будут. Факты нарушения прав человека, беззакония, бесчеловечности? О, Боже мой! Да мы их вам сами приведем во сто раз больше. Зайдите в любую семью, в любое учреждение. Поговорите с людьми, и у вас волосы зашевелиятся от тоски. Народ останется равнодушен — это решение ничего не изменит в его обыденной жизни.

— А если Пленум ЦК решил бы передать власть диссидентам?

— Народ не допустил бы этого.

— А что ты сам думаешь по этому поводу?

— Я тоже категорически против.

— Почему?

— Оскорбительно.

— А нынешние кретины не оскорбительны?

— Но они пришли к власти по законам нашей жизни, а не вопреки им. Они естественны. К тому же есть законы жизни, не зависящие от качеств людей. По этим законам допущенные к власти люди либо скоро потеряют ее, либо будут хуже прежних правителей, если удержатся.

— И что ты предлагаешь?

— Уйти в себя и найти прекрасное будущее в себе самом.

— Допустим, тебе это удастся. А как быть другим? Мне? Ему? Матренадуре?

— Матренадуре в себя уходить не надо, она и так давно живет в прекрасном будущем. А что касается вас...

— А что касается нас, — сказал Кандидат, — то тут проблемы и подавно нет. Мы готовы уходить куда угодно, только не в себя. В себя мы уходить не будем ни при каких обстоятельствах, ибо это противоречит самым глубоким основам нашей жизни. И никому другому не позволим это сделать. Наш человек должен жить, как говорится, «душа нараспашку», чтобы всем виден был насквозь.

— А ты попробуй помешай. За чужой душой уследить не так-то просто.

— Я мешать не буду. Но я уверен, что найдутся другие, кто сделает это. Над всеми нашими душами есть бдительное око собрата твоего, помни об этом. И берегись.

Матренадура о Западе — Боятся они нас. А как же не бояться? Нас все боятся. Сила у нас есть, вот и боятся.
— И американцы боятся?

— А эти больше всех боятся.

— А чего им бояться? У них же тоже есть сила. И не меньше нашей.

— У них есть что терять, потому и боятся. Когда есть что терять, всегда боятся. И мы боимся, но меньше: у нас терять меньше.

— Ваш племянник в какой-то важной делегации был, судя по его рассказам. Как их там принимали?

— Хорошо принимали. Племянник остался доволен. Руки жали. Господами называли. В отелях поселили. По всей стране бесплатно возили и все показывали. Портреты во всех газетах напечатали. Интервью брали. Боятся нас, потому и принимают. Если бы не боялись, ни за что не приняли бы. Кто такой этот мой Племянник? Шпана! И не племянник он вовсе мне, а не то двоюродный, не то троюродный. Седьмая вода на киселе. А тоже мне — Господин! Интервью! Тьфу!

Моя социальная концепция Постепенно я втянулся в свою спунологию. И она завладела мною целиком. Причем сделал это я не только по зову сердца, но и по велению разума — к этому времени у меня сложилась четкая социальная концепция. Суть ее в двух словах такова. Живем мы скверно — это факт. Причины скверности — не исторически преходящие случайности, а неотвратимые законы нашего общества. И в силу тех же самых законов мы не можем надеяться на лучшее. Конечно, улучшения в смысле питания, одежды, медицины и др. возможны. Но они ничтожны. И они не смогут послужить утешением в нарастающей мерзости в прочих более важных отношениях, касающихся общего статуса личности в обществе. Причем бороться против этой мерзости в общественных масштабах — дело совершенно бесперспективное, ибо в силу все тех же законов общество открывает исчезающе ничтожные объективные возможности для борьбы с этой мерзостью. И потому... И потому я ушел с головой в спунологию. Но чтобы не быть голословным, постараюсь все же изложить свою социальную концепцию более подробно — авось кому-нибудь и согдится.

Прежде всего — о преимуществах моего положения советского человека с точки зрения выработки научного понимания нашего общества и вообще всякого общества такого типа. Раньше я частенько слушал иностранные радиопередачи на эту тему. Чего только не наговорили о нашем обществе западные советологи, политики, писатели, журналисты, социологи! Потом я плюнул на это дело: все равно они не понимают в этом деле ни черта. Почему? Есть причины психологические. Например, одни хотят непременно обличать, другие — непременно восхвалять, т. е. имеют предвзятую установку. Критики не имеют никаких ограничителей и действуют по принципу, кто кого перекритикует. Большинство знает нашу жизнь, наблюдая ее со стороны, не испытав на своей шкуре. Есть причины объективно научные. Например, отсутствие фактических данных, отсутствие подходящей методологии. Среди этих причин хочу особо отметить неспособность оце-

нить опыт Советского Союза с точки зрения возможностей научной абстракции. Исторически обстоятельство у нас сложились так, что наша естественная жизнь оказалась максимально близкой к научному эксперименту. В частности, нам пришлось строить новое общество почти что на голом месте и делая все впервые, не опираясь ни на какой чужой опыт, творчески. А историческое творчество дает наиболее интересный материал для научных обобщений. Подобно тому, как законы строительства зданий стороннему наблюдателю легче обнаружить, если он смотрит, как строят новое здание на пустом месте, чем в случае, когда он наблюдает перестройку старых, так и в отношении образования обществ. А условия, в которых создается новое общество, существенным образом сказываются на его структуре. Например, не исключено, что в США коммунизм будет построен так, что сохранится «многопартийная» система. Это создаст иллюзию, будто возможен коммунизм с элементами «плюрализма». И принципиально беспартийный характер общества будет завуалирован. У нас же эта черта коммунистического общества очевидна.

Разногласия Хотя наш сарай является образцовым в бригаде в бытовом отношении (у нас нет выдающихся пьяниц и дебоширов, не бывает острых склок), у нас с самого начала наметились разногласия. Сначала они обозначились в шуточной форме, затем обсуждались серьезно, но в дружеской форме, наконец, стали углубляться до неких принципиальных основ. Эти разногласия касаются нашего практического, а затем — и теоретического отношения к работе, которую мы вынуждены выполнять здесь. Если хотите познать человека, посмотрите его прежде всего в работе. Даже Мнс не отвергает это правило. Правда, он оставил себе лазейку в виде замечания: смотря что считать работой.

В первый же день выяснилось, что Иван Васильевич и Костя образцовые работники, Комиссар — хороший работник, а я — добросовестный работник. У Ивана Васильевича чувствуется опыт, сила и любовь ко всякому труду, вплоть до приготовления дров и мытья кастрюль во время дежурства на кухне. Костя работает с упоением и до изнеможения. Мы и образовали группу работяг. Идеологическое оформление нашей позиции дал Иван Васильевич, и его соображения изложу ниже. Лоб оказался феноменальным лодырем и паразитом, заслужив тем самым всеобщее презрение. Хотя он самый сильный в бригаде, его стали ставить на самые легкие работы. В конце концов Дон предложил поставить его отгонять мух от Комиссара. Кто-то сказал, что мух вроде не видно. Дон сказал, что именно поэтому он и предложил Лба на эту работу, а не Костю. Лоб со своей стороны ответил на наше презрение своим удвоенным презрением к нам, и его проблема была решена раз и навсегда.

Труднее оказалось с другой группой, в которую вошли Мнс, Кандидат, Дон и Токарь. Нельзя сказать, что они — лодыри. Но работают они с полным равнодушием к делаемому делу. Если можно уклониться от работы, они охотно уклоняются. Заставить их поработать сверхурочно можно только после долгих уговоров и угроз. И если они при этом соглашаются, то не из страха этих угроз, а чтобы от них отвязались.

Поднять их на работу ночью (а нам и это порой приходится) абсолютно невозможно. Теоретиком этой группы с молчаливого согласия прочих ее членов стал Мнс.

В народе людей такого рода обычно называют филонами. И если хотите знать, именно здесь проходит самое глубокое размежевание людей в нашем обществе. Не в разговорчиках — болтать всякий может научиться что угодно, — а именно в отношении к делаемому делу.

Вот принципы группы филонов, высказанные Мнс хотя и в интеллигентной, но довольно циничной форме. Если человек принуждается к некоторой деятельности помимо воли, с него самим актом принуждения снимаются всякие моральные обязанности по отношению к этой деятельности, и он имеет полное моральное право вести себя по отношению к этой деятельности так, как сочтет наиболее выгодным для себя, в том числе — уклоняться от труда, имитировать труд, обманывать. При этом человек вправе не связывать себя никакими обязательствами по отношению к другим людям, занятым с ним в одних общих действиях, и реализует свое отношение к этой деятельности независимо от них, если они не солидарны с ним. Только в случае наличия аналогичного отношения у других людей, участвующих в деле, человек может и должен координировать свое поведение с единомышленниками.

Иван Васильевич сказал Мнс, что тот ехал в деревню добровольно. Тот ответил, что он приехал по принуждению, как и большинство, но принуждение это было неявным. Принуждение, между прочим (это сказал Мнс), редко бывает явным. Обычно оно принимает форму добровольности. Так же как и сопротивление принуждению не всегда бывает открытым. Чаше оно имеет форму покорности. Мы покорились, но так, что выражаем свой протест в соответствии с вышеприведенными принципами. И вообще, в нашем обществе всякое дело вынужденное. Даже любимое дело, становясь профессией, превращается в вынужденное.

Иван Васильевич сказал Мнс, чтобы тот «не пудрил ему мозги», что его словами не проймешь, что он всякого повидал и что не в этом дело. Есть более глубокие и более важные законы поведения людей, не зависящие ни от каких партий, эпох, формаций, — законы всякой совместной деятельности. Не имеет значения, почему ты оказался в данном человеческом коллективе и каковы твои моральные принципы. Но раз данный коллектив по каким-то причинам обязан сделать данное дело, каждый член коллектива обязан внести в это свою долю, одобряемую этим коллективом. А таких филонов, как Мнс, мы в свое время звали сачками. И расправлялись с ними своими силами. И они начинали вкалывать как положено.

Во-первых, — возразил Мнс, — попробуйте ударьте. Это в армии и в лагере, возможно, норма. А тут — обычное бездарное свободное общество. И прибежите Ваши силы лучше для героического труда. Во-вторых, я работаю не хуже других. Я работаю по принципу «как все», вполне одобряемому нашим обществом. А если я не вкладываю в это дело душу, так это тоже общее явление, это — атрибут всякого подневольного труда. И трудовой героизм я проявлять не собираюсь. Не обязан. Это — привилегия кретинов и карьеристов, а я ни то и ни другое. Аминь!

Выходит, я кретин и карьерист? — спрашивает Иван Васильевич. — И Костя тоже? Если бы я был кретином и карьеристом, я не валялся бы тут в сарае. Я был бы министром или важным генералом. И сейчас бы отдыхал на прекрасном курорте. Все, что ты говорил, суть слова. Допускаю, умные слова, — вы теперь с пеленок знаете больше, чем мы в старости. Но есть чисто человеческие качества. Мужские хотя бы.

По мужским качествам, — сказал Токарь, — у нас вон Дон мастак. И Комиссар не теряется. Не кривляйся, — сказал Иван Васильевич. — Ты понимаешь, о чем я говорю. Вы думаете, только за Родину, Партию и Сталина кидались мои сверстники под танки и на амбразуры? Нет, не только. Еще и потому, что были настоящими мужчинами. Когда нам командовали «Добровольцы, два шага вперед!», мы вообще ни о чем не думали, делая эти два шага. Это натура человечья работала. Вы думаете, Костя тут буквально горит на работе ради похвалы или из любви к Партии и Правительству? Спросите его, он пошлет вас подальше. И я его понимаю: для него тут нет теоретических проблем. А для вас тут проблемы возникают. Проблемы возникают там, где их вообще не должно быть, вот в чем весь ужас нашего положения. Мы подвергли сомнению самые основы человеческих проявлений и завалили их... извините за выражение!.. говном проблем и разговоров.

Я уважаю Ваши убеждения, — сказал Мнс. — Но Вы и Костя — печальное исключение в нашем обществе. Если бы не Вы, то наша группа состояла бы только из одного паразита и филонов вроде меня. И мы были бы типичным явлением. И были бы солидарны. И может быть, завоевали бы «Переходящее Красное Знамя». Но из-за вас всем очевидно расслоение нашего коллектива и то, что мы филоны. И потому нам не дадут это знамя.

— Ну и черт с ним! — сказал Иван Васильевич.

И наш глубоко принципиальный спор тогда кончился мирно. Мы скинулись по рублю и купили бутылку «конячего напитка», как выразилась Матренадура, завалившегося в сельмаге еще с хрущевских времен. Но подлинное единение так и не наступило. Хотя я принадлежал к группе работяг, я не мог принять концепцию Ивана Васильевича. Героический и самоотверженный труд без соответствующего вознаграждения — это все-таки чушь. Но и филонов типа Мнс я в глубине души не любил, хотя не находил аргументов против его концепции. Потом меня внезапно осенила простая мысль: Иван Васильевич есть пришелец из героического прошлого, а Мнс — явление наших будничных дней. Кому же отдать предпочтение? Ни тому, ни другому. Оба они суть отклонения от норм своего времени, будучи законным продуктом времени. Они слишком обнажены. И оба они индивидуалисты, хотя противоположности. Человек нашего времени — коллективист. А коллективист — это довольно хитрая штука.

Матренадура — Племянник говорит, они там в марксизм верят. Не то что у нас. Это у нас смеются. А над чем у нас не смеются? Над вождями, и то смеются. Над самим Лениным смеются, вот до чего докатились! А там верят. И с уважением отно-

сятся. Ничего не скажешь, культура! Даже марксизм, и то уважают.

— Почему «даже»?

— А за что им уважать его? Если марксизм у них возьмет власть в свои руки, имущество поотымают, посажают, бардак заведут не хуже нашего. За что уважать-то его? А они уважают. Не то что у нас. У нас ничего не уважают.

— Но не все же там верят в марксизм и уважают его?

— Конечно, не все. Не все же там идиоты! И на Западе умные люди попадают. Редко, но попадают. А что в том толку?! Думаете, если не верят и не уважают, так ничего такого, как у нас, не построят? Все равно построят. Куда от этого денешься?!

Моя социология Мои исходные предпосылки тривиальны. Чтобы много-миллионное общество могло существовать, оно должно производить необходимые для этого (и не только необходимые, но и возможные) ценности и потреблять их. А значит, оно должно распределять людей по точкам деятельности и создать систему распределения производимых ценностей между людьми. А общество, повторяю, многомиллионное, разбросанное в пространстве и воспроизводящееся во времени. Общество современное, т. е. с очень сложной технологией деятельности, с много-сторонним разделением функций и видов деятельности.

Первое обстоятельство, которое следует принять во внимание при этом, есть неравноценность видов деятельности. Причем неравноценность принципиально неустраиваемая. Есть виды деятельности приятные и неприятные, творческие и механические, не требующие специальной подготовки, и требующие высокой степени профессиональной подготовки, требующие особых талантов и доступные любой бездарности, связанные с изготовлением вещей и с руководством людьми и т. д. Как людей распределять по видам и точкам деятельности, чтобы соблюдалась некая справедливость? Свободный выбор? В узких пределах и отдельных случаях это осуществлялось всегда, а как общее правило — это есть утопия для идиотов. Сколько миллионов людей хочет стать руководителем партии, а должность такая всего одна! Но если даже абстрагироваться от социальных ограничений, не всякий может стать певцом, художником, футболистом... Значит — выбор в соответствии со способностями, т. е. как-то ограниченный. Точно так же утопична идея чередования деятельности («землю попашет, попишет стихи»). Конечно, можно одного человека сегодня заставить грузить пивные бутылки, а завтра — молочные. Можно министра сельского хозяйства перебросить на автомобильное хозяйство, и наоборот. Но перебросить уборщицу из общественной уборной в Академию наук доказывать сложные математические теоремы — дело несколько более трудное. Еще более утопична идея более или менее равной подготовки молодежи к широкому спектру деятельности, чтобы они сами потом сделали выбор по душе. Не говоря уж о том, что многие виды деятельности требуют узкой специализации с детства. Распределение одинаковых индивидов по неодинаковым точкам деятельности невозможно без насилия. Например, одна и та же должность выглядит совсем неодинаково в Москве и где-нибудь в Чухломе. Так что же остается? Остается не гадать и

строить утопические проекты, а обратиться к реальности.

В реальности же действует естественная справедливость. Тут распределение индивидов по точкам деятельности зависит от многих реальных факторов, главные из которых суть следующие: 1) происхождение; 2) природные способности; 3) соответствие сложившейся системе жизни; 4) личные связи. Происхождение играет огромную роль, хотя об этом стараются помалкивать. И не в смысле анкеты (что, конечно, важно), а в более важном аспекте. Известно, что до семи лет человек формируется более чем на пятьдесят процентов с точки зрения интеллектуальных способностей, а до восемнадцати лет формируется как социальный индивид. Известно также, что дети, прошедшие через детские сады и ясли и выросшие в крестьянских и рабочих семьях, оказываются неизмеримо менее развитыми интеллектуально, чем выросшие в зажиточных интеллигентных семьях и получившие добавочное образование (иностранные языки, чтение книг, разговоры). При всех прочих одинаковых данных обстоятельствах мальчику из крестьянской семьи, окончившему десятилетку в Чухломе, неизмеримо труднее поступить в Московский университет на математический факультет, чем мальчику из интеллигентной семьи, окончившему специальную математическую школу в Москве. Вопрос о способностях очевиден. Но в подавляющем большинстве случаев он не столь важен, как воспитание и профессиональная подготовка. А в воспитании наиболее важную роль играет развитие способности быть максимально адекватным социальной среде и использовать свои природные данные и преимущества своего происхождения в своих интересах. А это в огромной степени зависит от условий жизни индивида до восемнадцати лет. Поскольку в обществе занятие человеком определенной точки деятельности зависит от других людей, осуществляющих отбор и дающих на это санкцию, то личные связи и контакты, данные от рождения и приобретенные в ходе подготовки к деятельности, оказываются решающими, что тоже очевидно.

Короче говоря, имеются социальные факторы, от которых зависит распределение индивидов по точкам деятельности, и эти факторы начисто отвергают все прекраснородушные утопии на этот счет. Того, кто пишет стихи и прилично живет за их счет, не заставишь пахать землю. Разве что для «собирания материала» или из иных шкурнических соображений (вроде поездок Евтущенко и Глазунова на БАМ, которых за это прозвали «бамскими угодниками»). Нынешние принудительные поездки служащих и рабочих из городов на уборку урожая в деревню не есть реализация светлых идей утопистов, ибо эти поездки суть просто печальная необходимость, связанная с плохой организацией сельского хозяйства и скрытой, «размытой», безработицей в городах.

Обратимся к распределению произведенных ценностей. Поскольку речь идет о миллионах людей, разбросанных в пространстве, то одно это требует сложной системы распределения, т. е. определенной системы власти над ценностями. А если учесть разнообразие людей и разнообразие ценностей, то следует увеличить степень сложности этой системы и усилить ее социальную важность. Власть над производимыми ценностями и над их распределением есть основа общественной жизни. Власть над распреде-

лением точек деятельности есть лишь одно из ее средств (пожалуй, главное).

В области разговоров о распределении ценностей царствуют утопические идеи распределения по труду и распределения по потребностям, а также идея общества изобилия, которое обеспечит это «по потребностям». Во-первых, изобилие всего в принципе невозможно. Даже природные ресурсы планеты ограничены, а производительная мощь общества всегда как-то ограничена. Большинство ценностей, производимых обществом, и даваемых природой, в принципе являются дефицитом и не могут быть в изобилии. Кроме того, свой жизненный уровень люди определяют не по тому, что есть в изобилии, а по тому, что есть дефицит. Так что система распределения должна справляться с проблемой распределения ценностей, которых хватает далеко не всем.

Идея распределения по труду имеет весьма узкую сферу приложения — лишь в тех случаях, когда можно непосредственно сравнить деятельность индивидов. Идея распределения по потребностям давно выродилась в идею распределения «по разумным» потребностям, т. е. по потребностям, регламентируемым обществом (коллективом, особыми организациями). В реальном исполнении все эти прекраснотушные идеи требуют определенных критериев сравнения и ограничений. И само собой разумеется, определенной категории лиц и организаций, уполномоченных на это. В результате социальная справедливость проявляется в таких фактически действующих принципах распределения жизненных благ: 1) индивиды получают жизненные блага в соответствии с их социальным положением; 2) если социальная позиция индивида А выше таковой В, то уровень потребления А (т. е. получаемые им блага) выше, чем В; 3) лица одного социального уровня получают примерно одинаковые жизненные блага. Конечно, в конкретной реальности действуют многочисленные факторы, «нарушающие» действие этих принципов, маскирующие их. Но они образуют так или иначе самые фундаментальные тенденции в системе распределения жизненных благ.

Личность и коллектив Коллективист — это существо без всяких принципов, но готовое принять любые принципы сообразно обстоятельствам, причем — искренне, как свои собственные. И готовое тут же отказаться от них сообразно изменившимся обстоятельствам. И тоже искренне. Это — существо, имеющее принципы, но не в себе, а вовне. А в себе имеющее способность признавать те или иные внешние им принципы в качестве своих собственных, если того требуют обстоятельства. Боюсь, что и тут я не выразился достаточно точно. Коллективист есть существо, не имеющее в себе никаких личных принципов поведения в коллективе, но отражающее в себе самые безликие принципы поведения коллектива и переживающее их как личные принципы. Для начала, пожалуй, хватит. Со временем надо подумать на эту тему серьезнее. Ибо все-таки собака зарыта тут.

Так вот, хотя склока в нашей группе идет по отношению к работе (работяги вкалывают и тянут на себе основную тяжесть работы, филоньки делают вид, что работают), более серьезное расхождение лежит в иной плоскости, а именно — в плоскости индивидуалистов (Иван Васильевич и Мис) и коллективистов (все остальные). Во время очередной перебранки эту истину

неожиданно для всех открыл Лоб, которого мы вообще не принимали в расчет. Бросьте выпендриваться! — сказал он Ивану Васильевичу и Мнс. — Оба вы друг друга стоите. Оба вы свое «я» показать хотите, и все. А ведь и в самом деле все! Когда наш народ говорит о ком-то, что он «выпендривается, хочет свое «я» показать», народ тем самым касается самой глубокой сути дела. И разница между Иваном Васильевичем и Мнс лишь в том способе, каким они это свое «я» показывают. В одном случае — безотчетное стремление отдать себя на благо общества и тем самым заслужить личное признание, в другом — сознательное презрение к коллективу и противопоставление себя ему.

Я не верю в то, что Иван Васильевич и Костя лезут из кожи за просто так. За просто так не бывает, это противоречит природе вещей. Они не отдают отчета в природе своего порыва. Костя — начинающий, у него это — неосознанная реакция, переживаемая в извращенных формах. Ведь порой и страдания приносят удовлетворение. Иван Васильевич возвел свою способность в принцип и придумал целую концепцию. Не исключено, что за его долгую и, по всей вероятности, нелегкую жизнь это его качество не раз давало ему возможность как-то выделиться и быть отмеченным начальством. У нас в институте есть один сотрудник такого типа. Он признавался, что остался жив только благодаря этой своей способности. Первый раз он самоотверженно рыл яму для нужника, начальство заметило и не включило его в список отправляемых на фронт. Ребята все погибли, а он уцелел. Другой раз уже в лагере его как образцового работника оставили закапывать трупы расстрелянных заключенных (у них почти весь лагерь расстреляли перед реабилитацией), а потом не то забыли, не то не успели расстрелять самого.

Различие этих двух типов индивидуалистов есть различие субъективно сильного (Иван Васильевич) и слабого (Мнс) типов. Я очень подозреваю, что мое отношение к Мнс подобно отношению Ивана Васильевича к Косте, только я оказался в разных с ним лагерях по работе. Это и путает общую картину. И то, что я часто узнаю в Мнс самого себя, меня раздражает. До сих пор я внутренне считал себя исключительным явлением и наслаждался этим. Теперь я вижу, что я не одинок. И вижу, что мой преемник превосходит меня многократно. Интересно, как реагирует Иван Васильевич на Костю? В принципе, такие люди не любят, когда нарушается их исключительность. Но он добрый и сильный человек, он имеет в себе силы сдерживать свои чувства. А я? Я не добрый и не сильный. И не хочу сдерживать свои чувства. Вот, кстати, проблема для теоретиков гармонического коммунизма. Как быть, если один только факт существования человека становится жизненно важной проблемой для другого, наполняет его жизнь терзаниями и исключает какие бы то ни было положительные решения?

Матренадура — Тамошняя жизнь не про нас. Что это за жизнь, если о Западе там даже плюнуть некуда?

— Почему некуда?

— Неудобно. Чисто кругом.

— Не везде чисто. В Италии и Испании, говорят, мусора не меньше, чем у нас.

— Зато там террористы. И коммунисты того гляди власть захватят. Так что там почти что Советский Союз.

— А зачем непременно плевать?

— А как же? Племянник рассказывал, куда ни глянешь, сразу плюнуть хочется. Тьфу, мол, живут сволочи! А мы?!

— Но ведь и на Западе есть достоинства.

— Есть, конечно, там тоже люди живут, а не скоты. Раз живут, значит, и там жить можно. Пусть себе живут. Мы разве против?

Введение Сонология есть общее учение о сне, а спунология — **в спунологию** учение об активном сне. Рассмотрим ряд вопросов, касающихся чисто внешних условий сна (где спать, в каких позах, сытым или голодным и т. п.) и образа жизни спуна. Общий ответ банален: спи всегда и везде и при любых обстоятельствах. Но не все обстоятельства одинаково благоприятны жизни во сне.

Наименее благоприятными для жизни во сне являются условия, считаемые наилучшими с медицинской, психологической, бытовой и др. точек зрения, т. е. отдельная, чистая и изолированная от посторонних звуков комната, свежий воздух, удобная кровать со свежими простынями, прогулка перед сном, легкий ужин за несколько часов до сна, строгий режим дня. Практика показывает (а она есть высший критерий истины, не забывайте об этом!), что ни один человек с идеальными (с обычной точки зрения) условиями для сна не смог стать даже кандидатом в спуны. Я нашел научное объяснение этому факту: активный сон возможен только как внутренняя защита индивида от неприятностей внешнего существования.

Но не следует перегибать палку. И в этом надо тоже соблюдать меру. Например, если вы сидите на партийном собрании на виду у секретаря партбюро, директора и ихних холуев, если слева от вас сидит кретин-пензионер, почему-то стоящий на партучете в вашей организации, а справа сидит честная гримза, борющаяся за звание ударника коммунистического труда, активный сон невозможен. Спать, конечно, можно. И даже сны видеть. Но сны будут неприятные, причем — сразу же забывающиеся. Замечу кстати, что если сон неприятный, то из этого не следует, что неприятно его помнить. Вам, очевидно, приходилось наблюдать, как вспоминают прошлые годы люди, сидевшие в тюрьмах, побывавшие на войне, пережившие голод и неприятные приключения. Они не хотят забыть прошлые гадости. Точно так же и со снами. Повторяю, нужна мера неудобств сна. Нужен некий минимум человеческих условий, например — широкая спина секретаря комсомольской организации, скрывающая вас от глаз президиума, либеральный сосед, к которому вы можете положить на плечо свою дремлющую голову.

Практика (все она же!) показывает, что наиболее благоприятными внешними условиями для жизни во сне являются какие-то терпимые, но беспокоящие неудобства. Например, боязнь, что застучает поверяющий (если спишь на посту), или что проедешь свою остановку (если спишь в авто-

бусе), коротковата койка (ноги упираются), слегка выпил (но не перепил!), слегка переел (но не обожрался), скоро надо подыматься... Последнее особенно существенно: максимальная активность во сне достигается незадолго до того, как надо вставать. Но при этом сон не должен прерываться помимо вашей воли, что очевидно: вы же в этом случае не будете знать, что скоро надо просыпаться. Ни в коем случае не ложитесь на голодный желудок! Голодные видят сны, но плохие и неактивные. Голодным никогда не удастся поесть во сне. Хотя бы слегка сытый человек способен во сне питаться в самых шикарных ресторанах. Я лично предпочитаю активный сон, сидя на собраниях и заседаниях, предварительно перекусив в буфете, а также сон в транспорте, в очередях. Преимущество такого сна состоит в том, что при этом за минуту вы успеваете прожить столько, сколько проживаете в сутки и более крупные промежутки времени в других, более благоприятных условиях. Но чтобы достичь такой способности, надо долго и упорно учиться технике жизни во сне. Очень люблю также спать в библиотеках и научных кабинетах, сочетая тем самым приятное (сон) с полезным (изучение литературы).

Присутствие других людей во время сна не исключается, но и не предполагается. На окружающих людей распространяются общие правила для внешних условий сна. Кошки, собаки, блохи, клопы и прочие животные рассматриваются на тех же основаниях, что и люди. Например, несколько блох, клопов, людей и т. п. терпимо, а иногда даже благоприятно, но если их много, и все они кидаются на тебя... Б-р-р... Лучше на эту тему и не говорить.

Отношение народа к своему обществу Был дикий спор об отношении нашего народа к своему строю жизни. Чего только не наговорили!

И основательно переругались. Мнс как обычно помалкивал. Мне стоило труда расшевелить его и заставить высказаться. Он сказал, что проблема чисто языковая, ибо факты одни и те же, и все мы о них знаем одинаково хорошо. Есть объективный подход к этой проблеме и субъективный. Субъективный — что чувствуют люди. Тут вы найдете все виды эмоций. Но преобладающий эмоциональный фон — состояние хронического недовольства. Объективный — как ведут себя люди в данном обществе, как они вели бы себя, если бы им была дана возможность выбора типа общества. С этой точки зрения наши люди в массе лояльны к своему строю жизни, отдают ему предпочтение, воспринимают его как нечто естественное и сражаются за улучшение и сохранение своих позиций в рамках этого строя. Как видите, проблема банальна. Тут вообще нет никакой проблемы. Все ясно. Зато с точки зрения науки тут возникают проблемы необычайной технической сложности. Например, чтобы измерить степень предпочтения, оказываемого нашим народом своему социальному строю по всем канонам науки, надо провести многолетние исследования с использованием электронно-вычислительной техники. Такая задача под силу лишь большой социологической лаборатории. Лоб спросил, зачем нужно такое исследование, если это и без науки ясно. Токарь сказал, что это нужно, чтобы куча паразитов получила степени, звания, квартиры. Цон спросил, неужели такие исследования в самом деле производятся.

Мне сказал, что такие — нет, ибо у нас на настоящую науку в таких случаях не способны. Зато производятся другие, более грандиозные и дорогостоящие, очень похожие на науку, но ничего общего с ней не имеющие, но почему-то дающие тот же самый результат, который был очевиден и без науки, с самого начала.

Тоска о прошлом Скучно. Молодежь ушла на бревна, попеть. А нам, старикам, петь не хочется. И пить не хочется. Слышишь, что поют? — говорит Иван Васильевич. — Весьма характерно. И попробуй запрети. Вообще по истории наших песен можно судить об эволюции страны. В самом начале — «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног», «И как один умрем в борьбе за это»... Потом, тоном пониже — «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», «Я нигде такой страны не знаю»... Во время войны спад продолжался неумолимо. Хотя нам навязывали прежний тон, мы тяготели все-таки к «Синенькому скромному платочку». А после войны началось нечто невообразимое. От былой революционности и следа не осталось. А если народ не хочет петь революционные песни, значит, на идеях революции можно ставить крест. Это теперь дохлятина. Вот итог.

Ребята вопят какую-то муру. Лают собаки. Матренадура снует по хозяйству. Комиссар что-то ремонтирует ей — хозяйственный мужик. А за что ты погорел? — спросил я Ивана Васильевича, будучи почему-то уверен в том, что он когда-то «погорел». Первый раз за пустяк, — ответил он. — Кончил я авиационное училище, служил в запасном авиационном полку в Средней Азии, готовился вот-вот улететь на фронт. А в Средней Азии, сам знаешь, народ богатый. Во время войны там были такие куркули, что деньги буквально мешками прятали. Без преувеличения. У одного такого куркуля мы со штурманом на квартире стояли. А штурман был заводной парень, хохмач. И сагитировал он меня разыграть хозяина и слегка почистить его капиталы. Достали мы старую швейную машинку, десять штук новеньких червонцев и начали спектакль. Как вечер, мы спрячемся, но так, чтобы хозяин мог подглядеть (а он любопытный был, мерзавец), и начнем делать вид, будто червонцы печатаем. Вытащим бумажку — разглядываем на свет, обсуждаем. Потом прячем машинку и идем пропивать червонец. Через пару дней хозяин на стены лез, уговаривая нас продать машинку. Мы поломались (хотели дотянуть до дня отлета), но в конце концов согласились. Распихали пачки денег по чемоданчикам, и на аэродром. Уже погрузили вещи в бомболушки. Приготовились к полету. И вдруг — отбой: где-то на маршруте погода нелетная. А хозяин уже понял, что его облапошили. И в Особый Отдел. Его пощадил — наценен, деньги им оставил. А нам дали по десятке штрафного. Штурман погиб в первом же бою, а я, как говорится, искупил вину кровью. И даже в авиацию вернулся с медалью. А потом? — спросил я. А потом, — сказал он, — дело было серьезное. Не хочется вспоминать. Нелепо. Грустно. А главное — все впустую. Между прочим, я бы сейчас не отказался выпить слегка. Вспомнил былое, и тоскливо стало. Спроси Матрену Ивановну, она к тебе благоволит. У нее наверняка бутылочка-другая какой-нибудь дрянн припрятана.

Матренадура бутылку, конечно, нашла. Само собой разумеется, за двойную цену. Мы пригласили ее с Комиссаром в компанию. Она расчувствовалась и притащила закуску — хлеб, лук, огурчики, грибочки. Лучшей закуски не придумаешь. Потом мы добавили еще бутылку. Потом к нам еще присоединились мужики и бабы. И пошел пир горой. Мы пели и «Нам разум дал стальные руки-крылья» и «Ты теперь далеко-далеко», и «Хороша я, хороша, да плохо одета», и «Что ты затуманилась, зоренька ясная», «Извела меня кручина»... Молодежь бросила свои песенки и прибрежала поглядеть на нас. Кто-то за моей спиной сказал: во, б..., разорались старпёры! И настроение сразу испортилось. Слово «старпёр» есть сокращение для «старый пердун».

Когда окончательно укладывались спать, Мнс вдруг спросил, чем отличается нынешнее поколение от предшествующего в самом главном. Мы молчали. Не хотелось думать, надоело. А тем, — сказал Мнс, — что наши отцы стремились знать ложь, а мы не хотим знать истину.

Введение в спунологию Лучше не женись (или не выходи замуж). Но если уж так случилось, что ты женат (замужем), не отчаивайся.

Можешь развестись, но не ставь развод в зависимость со спаньем в один ряд. Старая некрасивая жена (муж) благоприятнее для жизни во сне, чем молодая жена (муж) или новая любовница. Старая любовница эквивалентна старой жене. Любовники же идут по той же расценке, что и кошки. И дети тоже не являются серьезной помехой жизни во сне. Главное — не принимай все, связанное с ними, близко к сердцу. Двойки приносят? Пусть, это их дело. Провалились в институт? Не беда. Жить-то в конце концов им, а не тебе за них. Но все-таки лучше без детей совсем или подальше от них, ибо даже хорошие дети действуют отрицательно на нервную систему. А нервы надо беречь. Ибо для жизни во сне нервы — главное. Нервнобольные активному сну не могут обучиться...

...Теща... Тут наша советская действительность многое заставляет пересмотреть. Теперь теща ничуть не хуже родной матери. Во всяком случае, мать ничем не лучше тещи, если смотреть на дело с точки зрения спунологии.

Запад и мы Здесь передачи западных радиостанций можно слушать без всяких помех. И мы их, разумеется, регулярно слушаем. Выглядит это довольно комично. Кто-нибудь ловит своим приемником (их тут довольно много) «Свободу», «Немецкую волну», «Голос Америки» или «Би-би-си». Мы прислушиваемся. Если обычный треп — они болтают всякую ерунду не меньше, чем наши радиостанции, — мы продолжаем трудиться. Если же слышим что-нибудь интересное, делаем «перекур» и собираемся вокруг приемника. Происходит нечто вроде антиполитинформации. Причем и Комиссар при этом присутствует и делает свои дурацкие комментарии. Нашлись, конечно, добровольные стукачи, которые сообщили куда следует о безобразиях с враждебными «голосами». Были такие, которые открыто требовали прекратить слушание этих передач. В конце кон-

цов нам запретили пользоваться приемниками во время работы. Но прикрыть это дело полностью не удалось.

Это явление — лишь один из признаков того, что Запад для нас стал не чем-то внешним только, но и привычным фактором нашей внутренней жизни. Причем нам, т. е. низшим слоям общества, перепадают лишь крохи. Главное удовольствие от Запада получают наши привилегированные слои — арена тщеславия, красивые тряпки, книги, журналы, моды, туристические поездки, служебные командировки. Так что «железный занавес» теперь есть дело практически немислимое. Сейчас как раз происходит сценка, давшая мне железную (заметьте, у нас очень много железного — занавес, законы) уверенность в истинности предыдущего утверждения: Матренадура торгует у одной сотрудницы нашего института заграничные джинсы с настоящей фирменной кожаной нашлепкой. Причем ее волнует не столько подлинность джинсов, сколько подлинность нашлепки. Прошлый год, — говорит она, — один грузин (врал, конечно, что грузин, наверняка еврей!) продавал такие же нашлепки, но они все потом оказались поддельными. Бред какой-то! — говорю я Ивану Васильевичу. — Будто мы дикари в Африке, и нам продают консервные банки, чтобы привязывать к ушам. Таких дикарей, как мы, — сказал он, — теперь даже в Африке не сыщешь. Но мы — дикари особого рода. Мы — образованные дикари. Мы идем во главе человечества. Мы прокладываем новые пути и освещаем будущее для отсталого Запада. И что самое ужасное, Запад действительно идет по нашим следам.

Теория любви У Дона есть своя теория любви. Разумеется, хохмаческая. Вот некоторые ее кусочки. Основа любви — женщина, а не мужчина. В любви есть физиологический и духовный аспект. Между ними имеет место определенная зависимость. Чтобы охарактеризовать ее, Дон вводит понятие доступности женщины. Он различает фактическую и потенциальную доступность. Что такое фактическая доступность — известно всякому. Потенциальная доступность женщины измерится теми физическими усилиями, которые потребовались бы овладеть женщиной, если бы она не сопротивлялась этому. Например, женщина в короткой юбочке потенциально доступнее, чем в длинной; женщина теплым летом на природе потенциально доступнее, чем слякотной осенью или морозной зимой. В обществе в целом есть тенденция к совпадению потенциальной доступности с фактической. Но — лишь тенденция. Фактического же совпадения нет. Сам Дон, например, заработал по физиономии от пожилой бабы с максимальной степенью потенциальной доступности (она в одиночестве купалась в речке), но быстро добился желаемого от молодой девки с очень низкой степенью потенциальной доступности (она была в сапогах, брюках и плаще, поскольку шел дождь, и поймал он ее около деревни за баней, т. е. почти на виду у людей). Но тут есть тонкости теории, которые устраняют такого рода парадоксы. В частности, Дон различает величину потенциальной доступности данной женской особи и величину общественной потенциальной доступности. Для обеих упомянутых выше женщин величина общественной потенциальной доступности одинакова, а индивидуальной — различна. Но я в такие детали вдаваться не хочу, это слишком

заумно. Так вот, Дон открыл закон зависимости степени духовности любви и степени потенциальной доступности женщины: чем выше вторая, тем ниже первая. Мнс, однако, подверг этот закон критике и внес в него свой корректив: предложил рассматривать степень духовности любви как функцию не только от степени потенциальной доступности женщины, но и от потенциальной способности мужчины воспользоваться этой доступностью женщины. Кандидат предложил назвать этот закон по имени Дона и Мнс обоих, поскольку прецеденты такого рода уже были в истории науки (например, закон Бойля—Мариотта). Иван Васильевич сказал, что все это — ерунда, что одно тут несомненно: когда люди начинают теоретизировать на темы о любви, никакой духовности в ней не остается, остается одно скотство.

О смысле жизни В молодости я, как и многие другие, задумывался над проблемой смысла жизни. Зачем вообще я живу, — спрашивал я себя. И вообще, зачем это все происходит? И приходил в ужас от неспособности найти ответы на такие вопросы. Потом я успокоился. Но вовсе не потому, что нашел ответ, а потому, что понял бессмысленность своей проблемы. Я понял, что вопросы «Зачем я живу?», «Зачем живет человек?», «В чем смысл жизни» и т. п. представляют собою лишь языковое выражение некоторого психического состояния людей, причем — выражение неадекватное. В языке это состояние выражено вопросом, хотя оно само по себе вопросом не является. Это — ложный вопрос. На него нельзя ответить так, как отвечают на реальные вопросы «Сколько будет два плюс два?», «Сколько километров от Земли до Марса?». Психическое состояние, так неадекватно выражаемое нами вопросами о смысле жизни, есть на самом деле некое побуждающее состояние. Оно побуждает человека к определенным действиям совсем не лингвистического, а психического толка. «Ответом» на такие псевдопросы являются псевдоответы, т. е. поступки, точно так же не имеющие адекватного выражения в языке, если их рассматривать с точки зрения «вопросов» о смысле жизни. Начав вести определенный образ жизни, я снял проблему смысла жизни — дал неязыковый «ответ» на неязыковые запросы, ложно выражаемые как языковые вопросы.

Кандидат сказал, что вопрос о мысле жизни есть вопрос религии, а не науки и идеологии. Поиски смысла жизни суть неосознанные поиски Бога. Отказ от Этих поисков есть отказ от Бога. А то, что говорил я, есть лишь одна из форм самооправдания. Костя сказал, что надо жить только ради того, что остается в веках. Мнс сказал, что для этого надо строить пирамиды.

О мужестве В женском сарае произошло чепе (чрезвычайное происшествие): крыса укусила одну девочку за палец, палец раздулся, девочку увезли в район, а потом — в Москву. Говорят, в плохом состоянии. Жаль девочку. Она только в этом году окончила школу и ее для «производственной практики», без которой ее не примут ни в один институт, устроили на самую мизерную зарплату в научный кабинет какой-то лаборантки.

ратории. Наше начальство провело по сему поводу (по поводу крыс, конечно, а не девочки, — про нее забыли) совещание. Затем было общее закрытое партийное собрание, общее закрытое комсомольское собрание и собрания партийных и комсомольских групп. Приняли решение бороться с крысами подручными средствами, ни на минуту не прекращая битву за урожай, которая, как нам заявили представители области, вступила в решающую фазу. После работы мы вытащили из сарая все барахло, напихали во все дыры стекла от битых бутылок, цепки с гвоздями, камни, обломки кирпича. Застелили «пол» (т. е. голую землю) фанерой, которую ребята украли на стройке. На метр (в высоту, конечно) «уплотнили» стенки всяким строительным хламом и досками, валявшимися в окрестностях сарая. Обновили подстилку (сено, солома). Одним словом, устроили умопомрачительный уют. К нам, как на экскурсию, приходили из других сараев, завидовали и вздыхали от обиды за свое более жалкое помещение. Спать мы легли в полной уверенности, что теперь крысы к нам не пролезут и не будут бегать по нам с омерзительным писком. Первое время так оно и было. Мы слышали их писк, скрежет и возню. И насмехались над ними. Зачем они сюда рвутся?! — сформулировал Дон бесперспективную проблему. — Здесь же им нечего есть! Из принципа! — сказал Мнс. — Они должны контролировать всю территорию, занимаемую ими. Наш сарай для них сейчас — как для советской власти нищая деревушка, которая вздумала бы объявить свою независимость. И зря мы так отгородились от крыс. Теперь если они сюда прорвутся, они нас сожрут с потрохами. Может быть, откроем для них одну дырку? — сказал Костя. — Пусть придут и обследуют просторамство. Убедившись, что тут нет ничего съедобного, они оставят нас в покое. А то всю ночь будут скрестись, спать не дадут. Насчет съедобного ты ошибаешься, — сказал Иван Васильевич. — Мы для них — потенциальная пища. Крысы вообще живут с надеждой, что люди в конце концов сдохнут все, и они станут хозяевами планеты.

А потом мы стали говорить о мужестве, о феминизации мужчин. Хемингуевские настоящие мужчины, — сказал Дон, — сражались со львами и акулами. А мы — с крысами. Это — снобизм, — сказал Костя. — Львы на самом деле менее опасны, чем крысы. Мясо львов не едят. Из их шкуры шубу не сошьешь. Как украшение она сомнительна в наше время. Значит, на львов охотятся исключительно из престижных соображений. К чему все эти разговоры, — сказал Токарь. — Львов даже в Африке раздва и обчелся. А насчет акул... У нас караси, и те повывелись. Феминизация мужчин, — сказал Мнс, — есть пустяк в сравнении с более глубоким процессом: нас всех (и мужчин, и женщин) низводят до уровня, на котором мы становимся сопоставимыми с крысами. Наш враг определяет нас самих. Кто мы? Мы — существа, сражающиеся с крысами, с бактериями, с вирусами...

Когда мы стали засыпать, крысы все-таки нашли лазейку и ворвались в сарай. Мы укрылись с головой, предоставив им свободу действий. Они носились по нам как сумасшедшие. Убедившись в том, что сарай не превратили в продовольственный склад, а всего лишь провели общественное мероприятие, они успокоились.

Мы и Запад На сей раз западные радиостанции передали, что один наш довольно известный писатель получил разрешение выехать на Запад. Это уже становится комичным, — сказал по сему поводу Дон. — Он же типично советское дерьмо. А критиканом он заделался потому, что славы мировой захотел. Потом ребята общими усилиями сочинили эпиграмму:

*На Запад он направил свой маршрут,
Дабы к свободе быть поближе.
Гляди, начальство, чтобы этот шут
Забрал с собой все сто томов своих партийных книжек.*

Мнс сказал, что в этом не видит ничего комичного. Нынешняя эмиграция есть не что иное, как подготовка к покорению Запада. Это — пока еще наша мирная экспансия на Запад. Кто бы ни уезжал и чем бы он там ни занимался, он все равно остается советским человеком. Это — советское вторжение в тело стран Запада, лишь принявшее форму эмиграции, причем — форму бегства от зверского режима в свободный мир. Западные идиоты охотно заглатывают эту приманку. Возьмите этого писателя. Кто его тут зажимал? И вы думаете, он там в условиях свободы творчества писать будет лучше и острее? Чуть! Это — авангард нашей армии.

Этот взгляд на нынешнюю эмиграцию был для нас совершенно неожиданным. И мы, естественно, набросились на Мнс. Но после часовой перепалки мы резко изменили свои позиции, причем — так, будто мы задолго до этой речи Мнс сами прекрасно понимали суть дела.

— Но не все же там на Западе идиоты! — сказал Костя. — Есть же понимающие люди.

— Конечно есть, — сказал Иван Васильевич. — Может быть, больше, чем у нас. Но дело-то не в этом.

— А в чем же?

— После войны довелось мне однажды выпивать с американцами. Их было четверо. Рост — под потолок. А я, видите сами, какой. Начали мы пить. Они вчетвером еле осилили пару бутылей, а я один съел почти три. Они щупали мой живот, спрашивая, где же вино. Я указал на свою голову: мол, здесь! Тогда один из них сказал, что теперь ему понятно, почему русские победили немцев. Между прочим, мы и американцам можем морду набить, несмотря на их техническое превосходство. Вот в чем проблема! Мы теперь и сами этому не рады, да ничего поделывать не можем. Американцы сами делают все, чтобы мы им морду набили.

— Вы преувеличиваете. Американцы, конечно, ведут себя как последние кретины. Но глупость их кажущаяся. В чем-то они все-таки выигрывают.

— В чем? Уровень жизни? Техники? Именно в этом их слабость. Преимущества ведь тоже не абсолютны. И в них надо знать меру. Главное — у них нет стимулов победить. Им лишь бы не проиграть. А с такой установкой не победишь.

— К заявлению предыдущего оратора могу добавить еще следующее. Независимо от желаний и деклараций отдельных членов общества, наше общество как целое живет не отдаленной, а ближайшей задачей: во что бы то ни стало выжить в данной ситуации. А что потом — там видно будет. Поэтому наше общество способно пойти на любые жертвы и использовать любые средства. Отдаленные последствия развития культуры и цивилизации вообще его не трогают. А западные страны (опять-таки как целое, независимо от воли, желаний и утверждений отдельных лиц) имеют более отдаленные цели. Они повязаны прошлым и исторической перспективой. Потому им приходится быть более разборчивыми в средствах и опасаться слишком больших жертв.

— А по-моему, самое удобное было бы жить припеваючи у нас, а на Запад ездить время от времени в качестве жертвы нашего режима.

— Между прочим, многие наши деятели культуры так и делают.

— Везде одно и то же. Только в одних странах чуточку лучше, чем в других. И на Западе, например, лучшее качество продукции есть не единственное оружие в борьбе за существование и не всегда есть лучшее оружие. И там часто бывает так, что чем хуже продукция, тем ожесточеннее и изощреннее она борется за то, чтобы найти потребителя. И там серость и посредственность процветают. А у нас иногда лучшее качество имеет преимущество.

— Верно. Но эти «чуточку лучше» и «чуточку хуже» порой весьма существенны. С какой-то точки зрения жизнь в воде и на суше тоже одинакова: и там и тут питаются, размножаются, одни пожирают других... Но есть и различия. И эти различия породили разные типы живых существ.

— А вообще говоря, противопоставление социальных систем имеет смысл лишь в определенных пределах. На самом деле идет борьба государств, народов, рас. Социальные же системы разных стран равнодушны друг к другу. Они не равнодушны лишь в пределах одной страны. Борьба систем идет внутри отдельных стран. Социальный строй Запада для нас враждебен лишь постольку, поскольку он оказывает влияние на нашу внутреннюю жизнь и обостряет борьбу «Востока» и «Запада» здесь, у нас. И ко всему прочему, борьба социальных систем фактически есть лишь абстракция от реальной борьбы между людьми за обычные жизненные блага.

В заключение разговора Дон запел старую (еще дореволюционную) студенческую песню:

*Колумб Америку открыл,
Страну для нас совсем чужую.
Дурак, зачем он не открыл
На нашей улице пивную?!*

Мы рассмеялись и подхватили песню. Пришла Матренадура и призвала нас к порядку. Людям спать надо, — ворчала она, — а они тут антисоветские песни орут!

О наших душах Некоторые утверждают, будто наш человек духовно пуст и убог. Какой вздор! Возьмите хотя бы меня, человека заурядного и ничтожного. И покопайтесь в моей душе. Сколько вы в ней найдете... сам знаю, всяческого хлама! Пусть хлам, но все-таки не пустота. И не один хлам. Мысли тоже кое-какие обнаружите. И насчет хлама вопрос не так уж очевиден. Человеческие души — что квартиры или магазины. Всякие бывают. Бывают светлые большие квартиры с современной мебелью. Бывают пыльные темные квартиры, заставленные старой рухлядью и никому не нужными книгами. Бывают магазины специализированные и универсальные, бывают букинистические и антикварные. И нельзя сказать, что одни лучше других. Я бывал в квартирах многих московских интеллигентов. Большинство из них очень напоминает мою душу, т. е. захламлены, пыльны, неопрятны. Но хозяева почему-то предпочитают именно их, хотя они без особых физических усилий и денежных затрат могли бы очистить и модернизировать их. Так и я. Я тоже мог бы слегка потрясти головой, сказать себе, что с этой минуты начинаю новую жизнь, и моя душа через неделю стала бы подобна благоустроенной квартире молодого преуспевающего партийного карьериста из ЦК (или КГБ) или либерального интеллигента, бывающего по поручению того же ЦК (и КГБ) на Западе. Но я не хочу этого делать. Мне моя чулан-душа больше нравится именно в таком захламленном и запыленном состоянии.

А у Ивана Васильевича душа совсем другого типа. Она напоминает мне чистую казарму с аккуратно заправленными койками или больницу. Интересно, а какой вид у души Мнс? И вообще, неплохо бы выдумать новую науку — душелогию. Не психологию, а именно душелогию. И установить в этой науке все логически мыслимые типы душ, выяснить их достоинства и недостатки. И... Нет, пожалуй, лучше не надо. Если начальство узнает о такой науке, оно непременно будет использовать ее, чтобы легче было манипулировать нами. Хотя, какой же ты наивный человек! Начальство давным-давно имеет такую науку и прекрасно использует ее. С этой точки зрения КГБ можно рассматривать как академию по этой самой душелогии.

В этот момент кто-то из ребят проворчал, что неплохо бы приоткрыть ворота, так как в сарае стало душно. Душно? Странное слово! Его можно истолковать как «тесно от душ». Я усмехнулся про себя, встал, приоткрыл ворота, сам сел на скамеечку, погрузился в бездумье.

Мы — советские люди Мы суть советские люди везде, всегда и во всем. И даже в антисоветской деятельности. Я имею в виду форму и правила нашего поведения.

Взять хотя бы нынешнюю эмиграцию. Конечно, всякая эмиграция как целое имеет тенденцию к коммунистическим формам жизни. Старая русская эмиграция в том числе. Не случайно же первая русская эмиграция, не имевшая представления о советском образе жизни, завела для себя за границей нечто подобное ей. А под влиянием второй и третьей эмиграции она явно превратилась в советскоподобное учреждение на Западе.

Третья же, нынешняя эмиграция, просто перенесла кусочек нашего общества на Запад и воспроизвела там это общество в существенных чертах. Отношения между деятелями эмиграции там с какой-то точки зрения даже более советские, чем здесь, поскольку у нас есть какие-то ограничения, а там — никаких. Те же черты советского общества вы найдете и в диссидентском движении. Вот почему я не хочу идти в диссиденты и не хочу эмигрировать. Как это ни странно, я чувствую себя более свободным от нашего общества, работая в официальном советском учреждении и выполняя свои обязанности труженика советского общества. Если хотите знать главную причину, почему советские люди неохотно идут в оппозицию и в эмиграцию, так она именно в этом: рядовой советский человек имеет больше возможностей завоевать личную независимость от советского общества в рамках самого этого общества и в соответствии с его законами, чем покидая это общество и игнорируя или нарушая его законы. Потому меня больше интересует не проблема ухода из общества, а проблема личной независимости в обществе. Вторая фундаментальнее. Первая же только несколько отодвигает вторую, не устраняя ее.

Странный посетитель С некоторых пор к нам в сарай повадился ходить парень из другой группы, квартирующей на другом конце деревни.

Придет — сядет у ворот, курит, слушает наши разговоры, реплики отпускает, сам иногда кое-что закручивает. Дон спросил, что ему нужно у нас. Он сказал, что ему здесь интересно. В их сарае только пьянствуют да о бабах болтают, причем — через каждое нормальное слово идет десять слов мата. А он это не любит. И вообще, он не стучит. В этом нет надобности, так как стучацей у нас и без него достаточно. Лоб хотел ему «врезать между глаз» за такие намеки, но угрозу в исполнение не привел: парень был здоровый и мог сам «врезать» не хуже Лба.

Парень оказался знатоком покушений. Для начала он рассказал нам множество деталей убийства Кеннеди. Было интересно. После его ухода Мнс сказал, что Парень пересказал содержание одной книги, недавно опубликованной в США. Такая книга есть у нас в институте. Но выдается она только по особому разрешению. И читать ее можно только в специальном хранилище (спехране) буквально за железной дверью. Как этот тип достал ее? Хотя теперь даже сверхзапретные книги можно приобрести без особого труда на «черном рынке». Мнс прав, я тоже слышал об этой книге, но не пытался получить разрешение читать ее, так как проблема покушений меня совсем не интересует.

В другой раз Парень рассказал о том, как было организовано убийство Кирова. Хотя мы все немало знали на эту тему, мы слушали с разинутыми ртами. Должно быть, рассказчик много привирал от себя. Но если это так, врал он мастерски и с вдохновением. Ощущение правдоподобности было полное. Особенно любопытно было то, что убийство Кирова было построено по той же схеме, по какой впоследствии было организовано убийство Кеннеди: психически больному человеку осторожно внушают идею покушения, постепенно подталкивают в этом направлении, создают благоприятные условия, под его прикрытием здоровые и расчет-

ливые люди проводят покушение, затем уничтожаются все участники дела, которые могли бы способствовать раскрытию механизма покушения. Эта схема, — сказал сам Парень, — классическая. Покушение на Ленина было точно такое же. Оно случайно не удалось: Ленин оказался невосприимчивым к яду. Хотя в свете фактов последнего времени не исключено, что этот яд был не так уж безвреден для Ленина. Я лично (это слова Парня) склоняюсь к тому, что яд сработал, но особым образом: он сделал Ленина нетрудоспособным, а через несколько лет сделал его полным маразматиком и свел в могилу. Возьмите, наконец, покушение на Брежнева!

Услышав последние слова, мы даже привстали на своих ложах. Что такое?! Какое покушение?! Но тут заявила Матренадура и приказала нам спать. Парень ушел в свой сарай, пообещав рассказать о покушении на Брежнева в следующий раз.

Агитбригада Вместе с горожанами, едущими в деревню для самой примитивной физической работы, выезжают самостоятельные концертно-агитационные бригады. Для участников таких бригад поездки в деревню отчасти суть общественные (партийные и комсомольские) поручения, отчасти развлечение и отдых, отчасти замена физической работы, отчасти творческая деятельность. Такие бригады в большинстве случаев и участников добровольны, многие участвуют в них с удовольствием и получают от таких поездок массу приятных впечатлений. Когда у нас в институте такая бригада возвращается из поездки, то весь институт только тем и занят, что обсуждает ее приключения. Ездят такие бригады в деревню не только во время уборочной кампании, но и зимой. Явление это очень интересное, но совершенно не описанное ни в художественной, ни в научной, ни в хроникальной литературе. На мой взгляд, те, кто интересуется причинами успеха коммунизма, должны были бы обратить внимание на это замечательное явление.

Концертно-агитационная бригада образуется на такой короткий срок, который достаточен, чтобы люди привязались друг к другу и раскрыли свои лучшие качества, и совершенно недостаточен для того, чтобы люди проявили свои худшие качества и перессорились. Кроме того, в них частично стихийно и частично сознательно подбираются люди, психологически более совместимые друг с другом, чем в обычных человеческих группах. Наконец, в них попадают люди с талантами, шутники, хохмачи, любители выпить, но не патологические пьяницы (таких не берут). Поэтому время функционирования бригады — светлое пятно в унылой жизни ее участников, праздник, период творческого подъема и житейских приключений. Руководителем бригады обычно назначается авторитетный член партии (часто — член партбюро). Но партийный контроль тут не чувствуется, ибо тут он совсем ни к чему. И, как правило, члены бригады ничего предосудительного и не совершают. У нас в институте, например, за все время не было ни одного особого происшествия, связанного с такими бригадами. Скорее — наоборот: поездки сопровождаются благодарностями, хвалебными статьями в стенгазете и премиями. Такие бригады суть народное творче-

ство в самом лучшем смысле этого слова. И странно, именно с этой точки зрения о них почти ничего не говорят и не пишут в общественных масштабах. В последние годы даже намечился явный спад в этом деле. С каждым годом бригады становятся все серее и безрадостнее. Говорят, что причина этого — радиоприемники и телевидение. Но я с этим категорически не согласен. Когда объявляется концерт агитбригады, люди набиваются в клубе битком. Даже детективы по телевизору не смотрят в это время, предпочитая концерт бригады. Я знаю случаи, когда люди бросали ради таких концертов передачи футбольных и хоккейных матчей. А это что-то да значит!

Население любит концерты агитбригад по многим причинам. Назову основные. Во-первых, это — повод собраться вместе и поболтать. После концерта бывают танцы для молодежи. Во-вторых, пропагандистская лекция, с которой начинается концерт, бывает насыщенной и интересной. Лекторы позволяют себе многое такое, что недопустимо в других условиях. Напропалую импровизируют, отвечают на ехидные вопросы порою так, что диву дивишься, почему их не сажают. На таких лекциях часто присутствуют работники района и области, но и они слушают, как говорится, развесив уши: лектор из столицы, там наверняка санкцию дали. Между прочим, такую санкцию иногда дают на самом деле с целью произвести некую разрядку настроений. Такое бывает и в городах на «закрытых» лекциях. В-третьих, приехав в деревню, члены бригады начинают собирать критические материалы, и это им дозволено. Более того, им помогают местные работники. Эти материалы потом обыгрываются в стенгазете, которая вывешивается в клубе перед концертом, в частушках, в шутках ведущего концерт. Наконец, сама программа концерта бывает интересной, исполняется с большим подъемом и воодушевлением. Без аплодисментов не проходит ни один номер. Часто просят повторить. Хотя самодеятельным исполнителям и далеко до профессионалов, что всем очевидно, но они все же на порядок выше местной самодеятельности, а воспринимаются как свои.

Вот я написал этот панегирик агитбригаде и ужаснулся: почему я его написал, ведь если внимательнее присмотреться к этому явлению, то даже нетребовательный ум способен заметить, какое это убожество! Да потому, что окружающее есть еще большее убожество. Вдумайтесь только. Например, члены агитбригады собирают критические материалы. На кого? Кто их дает? Ответьте на эти вопросы честно, и вы поймете: это — открытые доносы, санкционированные местным начальством и населением, которое жаждет хоть какой-нибудь жертвы и расправы. Лектор выдает слушателям интригующие материалы «по секрету». Какие? А такие, какие высшим властям желательно распространить в народе. Например, что китайцы собираются напасть (и нападают!), что евреи — шпионы, что нам Африку кормить приходится, что у нас есть оружие посильнее американского и т. д. и т. п. А шутки и смех... Запишите слово в слово и прочитайте на другой день на свежую голову! Уверяю вас, кроме затасканных старых анекдотов и пошлостей в деревенском стиле (с намеками на зад и перед), ничего не обнаружите.

Почему ты не пошел на концерт? — спросил я у Мнс. А Вы? — спросил он в ответ. Меня от этого дерьма давно тошнит, — ответил я. Меня тоже, — сказал он. — Но недавно.

Москвичи Стенки нашего сарая исписаны стихами и изречениями
о Матренадуре о Матренадуре. Они тут, надо думать, накапливались годами. Большинство из них неинтересные и нецензурные. Но некоторые заслуживают внимания. Около моего ложа, например, написано следующее:

*На анекдот довольно скалить зубы!
Отставку дайте каламбуру!
Поэты! Воздымайте трубы!
Пора воспеть Матренадуру!*

Под этим стихом другим почерком написано:

*Не потому, что она — дура,
А потому, что на века,
Советов власть жива пока,
Она — центральная фигура.*

Сбоку приписано:

*И не такая она дура,
Она скорее всего — шкура.*

Дальше нарисована голая баба, а рядом с ней — стихотворение:

*О нет, приятель, ты не прав.
Ты исказил Матренин «ндрав».
Когда потребует натура,
Задаром даст Матренадура.*

А еще дальше, уже над головой Мнс, написано:

*Не верю! Для Матренадуры
Нельзя задаром строить куры.*

И эта цепочка тянется по всему сараю и разветвляется в самых различных направлениях. От того места, где сказано насчет искажения Матрениного «ндрава», тянется ветвь изречений о ее сексуальном аспекте. Приводить их здесь нет никакой возможности по вполне понятным причинам. С точки зрения психоанализа они все выражают стремление утонченного, но гнилого интеллигента совместить в одном теле несовместимое: изящество и обилие мяса, нежность и грубый секс, духовность и физиологию. Кончается эта ветвь уже над ложем Лба, под самой крышей. Предпослед-

ний автор удивляется, почему столько внимания этой старой, бесформенной, неопрятной, жадной и глупой бабе, когда кругом полно молодых, вполне приличных девчонок и женщин. Последний автор отвечает на это:

*Ответ тому есть немудреный:
Проблема связана с Матреной.*

От того места, где сказано, что Матренадура — шукура, тянется ветвь изречений о ее хозяйственно-трудовой деятельности. Вот в таком духе:

*Разбавив молоко водой,
Поскольку невелик надой,
В мороз зимой и жарким летом
На рынок тащится с рассветом,
Чтоб сыт был горожанин-брат.
Сама же жрет пустой обрат.*

Над ложем Ивана Васильевича отвечается цепочка изречений об общественно-политическом облике Матренадуры. Но тут нет ничего такого, что отличало бы ее от нас, городских жителей.

*Со всеми вместе она «за»,
И «против» — за глаза.*

Кончается эта цепочка у двери сарая такими словами:

*Кончай, ребята, шуры-муры!
Мы все теперь матренадуры.*

Очень справедливые слова. Я хотел было сделать по сему поводу свое замечание, но неожиданно появилась сама хозяйка. И ты, старый осел, туда же, — сказала она беззлобно, увидав карандаш у меня в руках. И я отказался от своего намерения внести свою лепту в «Матрениану».

Короче говоря, если не полениться и прочитать все надписи в сарае, можно получить полное представление о положении и характере остатков русского народа, стремительно превращающегося в народ советский. А что если он изначально был таким? Боже мой, а на свете есть еще «мудрецы», возлагающие надежды на этот народ! Но скорее всего, они не кретины, а себе на уме (как Матренадура). Запад во всяком случае охотно клюет на их бредовые (или завиральные?) идеи.

Быль о хорошем председателе колхоза

Эту историю я слышал от многих местных жителей и в самых различных вариантах. Привожу здесь лишь то, что образует лишь более или менее общую и устойчивую основу рассказов, заслуживающих доверия.

Было это вскоре после смерти Сталина. Решили Партия и Правительство радикально улучшить жизнь трудящихся в деревне. Направили

туда в качестве председателей колхозов и директоров совхозов энтузиастов-добровольцев из Москвы и других крупных городов. Дали им какие-то кредиты и какие-то повышенные полномочия. Большинство этих Посланцев Партии быстро сообразили что к чему, приспособились к обстоятельствам и извлекли из них пользу не только для народа, но и для себя. Вернее, не столько для народа, сколько для себя. Они сохранили свои городские квартиры, заработали ордена. Кое-кто прекрасно устроился в деревне. Многие потом вернулись в города и сделали за счет своей деревенской деятельности карьеру. Не очень, конечно, значительную, поскольку эти Посланцы не были преуспевающими карьеристами и ценными специалистами в городах. Но кое-что все же урвали для себя.

Были, однако среди этих Посланцев Партии отдельные идеалисты, которые поверили в наступление новой светлой эры для трудящихся и вложили в дело подъема деревни душу и талант. Вернее, пытались вложить. Человек, о котором идет речь в этой истории, был одним из них. Поскольку он сам ощущал себя Посланцем Партии, я так и буду называть его просто Посланцем.

Перед самой войной Посланец окончил какой-то технический институт. Когда началась война, он получил бронь как ценный специалист, но отказался от нее и добился отправки на фронт. Прошел путь от командира взвода до командира полка. Был трижды ранен. Получил более десяти орденов. Закончил войну под Берлином. Имел возможность остаться в армии (его хотели направить в военную академию), но отказался. Решил демобилизоваться из армии и отдать свои силы на восстановление промышленности. Работал инженером на заводах Сибири и Урала. К своим военным наградам прибавил еще несколько за самоотверженный труд. Наконец, как знаток важной отрасли промышленности был отозван в Москву в соответствующее министерство, где получил приличный пост. Не очень высокий по московским понятиям, но достаточно высокий для провинциала. Получил в Москве хорошую (по тем временам) квартиру. И зажил обычной жизнью столичного чиновника. Пошли бумаги, заседания, совещания, доклады, отчеты. Изредка — такие же бумажно-совещательные командировки. Конечно, с выпивками, женщинами, взаимными услугами. Стали редеть волосы и портиться зубы. Появилось брюшко. А в душу стала закрадываться тоска. За что, спрашивается, боролись?!

В этот психологически кризисный момент Партия и бросила клич: работники контор — в деревню! И он первым откликнулся на этот призыв. Хотя он считался ценным работником, его все-таки отпустили. Причин тому было достаточно. Во-первых, были конкуренты на пост, который ему предстояло занять. Во-вторых, он несколько забежал вперед от Генеральной линии Партии и излишне резко выступил на партийном собрании. Жена категорически отказалась ехать с ним в деревню. Поскольку они к этому времени уже созрели для развода, повод был подходящим, и они развелись. Он отказался от московской прописки (а значит — от квартиры), поскольку искренне поверил в намерение Партии поднять жизненный уровень деревни на недостижимую (!) высоту и решил связать свою дальнейшую судьбу

с судьбой деревни. Он попросил направить его в самую бедную деревню. Отказался там от отдельного дома, поселившись в убогой каморке в полуразвалившейся хате. Отказался от зарплаты — посланцам Партии выплачивали ежемесячно зарплату как городским служащим (в отличие от колхозников, которые получали... вернее, должны были бы получать средства существования продуктами на трудодни). Когда его «кизбирали» председателем колхоза, он поклялся улучшить свои личные жизненные условия только вместе со всеми жителями деревни.

Началась реальная жизнь. Кредиты оказались ничтожными, а полномочия призрачными. Все попытки Посланца поднять производительность труда в деревне и завести высокопродуктивное хозяйство разбились о полное равнодушие населения и скрытое сопротивление начальства. Колхозники над ним открыто издевались, используя послабления для того, чтобы увильнуть от работы, заняться своим личным хозяйством, съездить в город на рынок. Начальство, одобряя на словах его инициативу и извлекая из нее материал для газетного вранья, фактически сводило ее на нет. В конце концов секретарь райкома партии имел с ним крупный разговор, смысл которого выразился в заключительной фразе секретаря: мы, т. е. Партия, не позволим изменить советскую власть в твоём колхозе! И он как настоящий коммунист ограничил свою инициативу рамками общепартийных установок. Поскольку о нем писали в газетах, и он стал образцово-показательным председателем, его наградили орденом, затем — другим. Стали даже поговаривать о том, чтобы представить к званию Героя Социалистического Труда. Поскольку ни одно дело нельзя было сделать без выпивки, он постепенно опять начал пить. По пьянке женился на вдове фронтовика и переселился в ее дом. Жена оказалась бабой оборотистой, и через несколько месяцев дом председателя стал «полной чашей». Жена крепко взяла в свои руки закулисную колхозную жизнь. И в колхозе началось такое твориться, что анонимные письма потоком пошли в различные органы власти и редакции газет. И на очередных выборах председателя колхозники отказали Посланцу в доверии (как потом написали в газете). На собрании о нем говорили такое, что он сам даже и не подозревал. И что он обворовывал колхоз, и что он поощрял лодырей и жуликов, и что он зажимал инициативу. И в качестве примера приводили случаи его же собственной инициативы, сорванные усилиями самих же этих людей и районных властей. Представитель райкома партии сказал в заключение, что Партия прислушивается к голосу народа, что народ тут сам хозяин и волен выбирать председателя, какого захочет (хотя без ведома райкома никто не рискнул бы даже слово сказать против Посланца).

После собрания люди пили и веселились. Новый председатель, известный им ранее как пьяница и отъявленный прохвост, сулил им золотые горы. А Посланец пришел домой, надел выходной костюм со всеми орденами, побрился и... повесился перед входом в клуб. У его ног валялся порванный в клочья партийный билет.

Если бы я был писателем, я бы написал потрясающий роман на этот сюжет. И это была бы книга куда страшнее тех книг, в которых разоблачаются ужасы репрессий сталинских времен.

Несмотря ни на что, колхоз во время правления Посланца окреп, жизнь заметно улучшилась. Новый председатель за два года развалил колхоз, и жители стали вспоминать о времени Посланца как о самом хорошем времени в истории деревни. Возникла даже идея поставить Посланцу памятник, но обком партии запретил. Колхоз вскоре вообще пришлось ликвидировать, передав его хозяйство и людей вновь созданному совхозу. Кое-кто из жителей деревни до сих пор хранит пожелтевшие и потрепанные фотографии с Посланцем. Сейчас свыше дана установка пресекать слухи насчет самоубийства Посланца и истории с его партийным билетом. Начал зарождаться слух, будто некие враги все это подстроили специально. Причем эти «некие враги» очень похожи на нынешних диссидентов. И еще ходит слух, будто Посланец воевал вместе с самим Генсеком. Так что Посланцу могут посмертно присвоить звание Героя Социалистического Труда и поставить памятник. Партия и народ помнят своих верных сынов.

Случай с Посланцем далеко не исключение. Я такого рода случаев знаю десятки. Общим для них для всех является стремление искренних коммунистов и лично очень хороших людей вдохновить окружающих на самоотверженный и честный труд ради всеобщего блага. И все они потерпели крах и были так или иначе наказаны как партийными властями, так и самим народом. Ужас тут состоит в том, что этот их печальный конец вполне закономерен, ибо улучшить жизнь теми идеалистическими методами, какие навязывают людям такие Посланцы, в принципе невозможно. А главное — они своей честностью и самоотверженностью мешают жить тем, кто неплохо устроился и имеет какую-то реальную власть. Жулики, с которыми начал в свое время борьбу Посланец, тесно связанные с районным и даже областным начальством, уже в самом начале его мученического пути подстроили ему дельце, за которое его неминуемо должны были посадить в тюрьму на десять лет. Его спасло тогда только то, что это было начало большой кампании, и его процесс мог скомпрометировать великое начинание Партии по подъему сельского хозяйства.

Матренадура о Западе Там, рассказывал племянник, все время кошмарные случаи происходят. Про один такой случай во всех газетах пропечатали. Там у них от всего страхуются. И от смерти тоже. Застрахуешься на большую сумму, помрешь, а тебе за это денежки платят. Процент называется. Вот в один дом и пришел страховальщик. Агент называется по-ихнему. Мужа уговорил застраховаться. Выгодно: восемьдесят процентов после смерти. И жену уговорил. Хотя и меньше, всего шестьдесят процентов (женщины там дешевле, не то что у нас), но все равно выгодно. Агент ушел, а муж с женой смекнули, что вместе они сто сорок процентов хапануть за это могут! Пожадничали, взяли оба и отравились. А денежки им так и не выдали. Доказали, что они сами нарочно умерли. А за это ничего не полагается. Даже штраф платить за обман пришлось. Зажрались, сволочи! От жиру бесятся!

Покушение на Брежнева — Покушение на Брежнева, — сказал Парень, — одно из самых интересных в истории. Нельзя сказать, что оно не удалось.

Его просто отменили в последний момент. Не знаю, по каким причинам отменили. Возможно, сама жертва в последний момент струсила. О чем я говорю? Сейчас поясню, в чем тут дело.

Вы сами знаете, что такое Брежнев: бездарность во всех отношениях плюс маниакальное тщеславие. Его холуи всю игру играли на этом, внушив ему мысль, что он — Ильич Второй, т. е. самый крупный деятель в истории после Ленина. И захотелось ему во всем сравняться с Лениным. Потом он решил превзойти Ленина, вообразив себя гениальным писателем. Но это — потом. А сначала ему захотелось иметь в своей биографии такое же покушение, какое имел Ленин. Чтобы покушение было, но чтобы безопасное совершенно. Это вполне в его духе: быть великим полководцем, не командуя ни разу в жизни даже ротой, быть теоретиком, не умея даже толком прочитать написанное другими. Сейчас уже невозможно точно установить, как формировалась у него эта идея и с какой целью. Надо полагать, и охрана тут приложила старания, чтобы набить себе цену. И КГБ, вне всякого сомнения, приложило руку: это покушение можно было бы использовать как предлог расправиться со всякого рода недоброжелателями, с диссидентами — в первую очередь, и закрутить гайки. Важно тут то, что идея покушения пришла из разных источников. И каждый из этих источников имел свои собственные виды на него. Причем — разнообразные. Возьмите, например, позицию шефа КГБ. Конечно, покушение — удобный предлог решить все проблемы КГБ старыми, испытанными еще при Сталине методами. Это очевидно. Что скажет Запад? О, Господи! Запад чуточку порыпается, но скажет именно то, что нам нужно. Это же Запад! Вместе с тем, шеф КГБ является первым (как он думает сам и как его люди распространяют слухи на Западе) претендентом на пост Генсека. А что если покушение зайдет чуточку дальше и... Решение о покушении должно быть принято (в завуалированной форме, конечно) на уровне Политбюро. А в нем тогда далеко не все были сторонниками Брежнева. И каждый из активных членов Политбюро ненавидел Брежнева и мечтал занять его место. А последующие чистки Политбюро и аппарата ЦК и внезапная смерть некоторых крупных лиц?! Не связано ли это с событиями рассматриваемого периода?! Короче говоря, можете себе вообразить, какая интрига завязалась там в это время! Интересы Партии и Государства! Диссиденты распустились и того гляди начнут стрелять в вождя и бомбы кидать! Этот болван (имелся в виду Брежнев) того гляди скрутит нас всех, посадит под арест или убьет! А чем я хуже его! Я — великий человек (это думает сам Брежнев, его холуи поддерживают его в этой мании величия), враги постараются меня убрать, как они хотели убрать Ленина, но моя жизнь нужна для человечества. Это надо понимать так: покушение провалится — покушающийся промахнется или рана окажется пустяковой. Но для человечества, конечно, она должна выглядеть почти смертельной. Только могучий организм вождя (как Ленина, один из миллиона) устоял. Сказалась фронтовая закалка! И так далее в том же духе. Эх, если бы я был писателем, я на этом материале

написал бы трагедию похлеще Шекспира. Хотя вряд ли. Персонажи Шекспира были личностями. А эти — клопы.

— Чего хочет этот тип? — спросил Дон после ухода Парня. — Процоцирует на что-то? Не думаю, — сказал Мнс. — Скорее всего — чокнутый. И любитель поговорить. Обратите внимание, как гладко болтает. Эта новелла у него отработана. Наверняка не первый раз рассказывает. Врун, — сказал Костя. Ну и что? — сказал Иван Васильевич. — Пусть врет. Лишь бы интересно.

Два пути Есть два пути эволюции человечества, — говорит Мнс. — Первый путь — предоставлять молодежи всю совокупность культуры, знакомить ее со всеми жизненными возможностями, не чинить препятствий естественному отбору. Второй путь — установить жесткую систему воспитания, регламентировать и направлять потребление культуры, систематически осуществлять искусственный отбор. Первый путь преобладает на Западе, второй — у нас. Второй в абстрактном описании кажется предпочтительнее. Но на деле он тоже есть вариант первого, только в более узких рамках и в заданном направлении. Причем, эти рамки и направление заданы не официальной демагогией и лозунгами, а самой житейской практикой. Тут тоже идет борьба за существование и естественный отбор. Но выживает и побеждает в этой борьбе другой тип индивида, более приспособленный к нашим условиям. Это — банально. Но люди не хотят осознать и признать этот факт. Почему? Ну, хотя бы в качестве самозащиты. Эволюция общества — процесс необратимый. И теперь уже неотвратимый и неконтролируемый. Мы предчувствуем итоги этой эволюции. И они всесляют в нас уныние. А оптимизм в нашем положении есть идеология для идиотов.

В дождь Дождь усилился. Наши по идее водонепроницаемые плащики промокли. Двигаться в грязи стало практически невозможно. Одна девочка из нашего института потеряла в грязи туфлю. Мы ее (девочку) перенесли на руках в относительно сухое место под самодельный навес. А туфлю так и не нашли. Пожилые бабы ругали девочку. Вот, мол, молодежь пошла! даже в навозе копаются на каблуках и с маникюром! Бабы помоложе взяли девочку под свою защиту. Мол, ничего плохого в этом нет. Нам всю жизнь приходится в грязи копаться. Что же, так и ходить все время в рванье и со скрюченными пальцами?! Кто-то пообещал девочке запасные резиновые сапоги.

— Кончай этот идиотизм! — сказал Комиссар. — По такой грязи машины все равно не пойдут. Перекур!

Мы сгрудились под навесом. Народу набилось столько, что сидеть места не было. Пришлось стоять, тесно прижавшись друг к другу. Сначала, как обычно бывает в таких случаях, остряли и заигрывали с лицами другого пола. Но по мере того, как мы все более уставали стоять, разговорчики наши посерьезнели. Решительный поворот в строе наших мыслей наступил после того, как мимо нас протопала Матренадура с корзинкой,

полной грибов, и с залатанным мешком на голове (от дождя). Она скользнула по нам блудливым взглядом, но ничего не сказала. И мы промолчали. Даже не поздоровались.

— Мы, гнилые интеллигенты, роемся тут в грязи, — прорвало Кандидата, — а народ грибочки собирает!

— Никакой это не народ, — сказал Иван Васильевич. — Народ — это мы. Народ — это те, кто создает материальные и духовные ценности, кто кормит и одевает общество. Кто создает машины, дома, вещи? Кто сеет и убирает хлеб? А это разве народ! Это — остатки от бывшего народа, давно переставшие быть народом. Народ, повторяю, это — мы.

— Какой мы народ?! — возразил чей-то женский голос. — Мы — даровая рабочая сила, а не народ. Мы — рабы, только рабы в духе двадцатого века, воображающие себя самыми свободными существами за всю историю.

— А что поделаешь?

— Ничего. Положение наше подобно положению витязя в старой русской сказке, который выехал на распутье и прочитал на камне... Заметьте, прочитал! Значит, тоже был интеллигент для своего времени. И прочитал на камне следующее: поедешь прямо — голову потеряешь, поедешь направо — будешь съеден дикими зверями, поедешь налево — в огне сгоришь, а вернешься назад — вместе с конем потонешь.

— Одуреть можно! Больше шестидесяти лет после революции. Больше тридцати лет мирной жизни. А мы до сих пор живем, хуже не придумаешь.

— Не отчаивайтесь! Нас диссиденты спасут.

— Оставьте эти сказки для западных идиотов. Никого, кроме себя самих, они не спасут. Видал я их и сыт ими по горло.

Под вечер, когда стало ясно, что погода испортилась надолго и всерьез, мы поплелись «домой». Мокрые. Голодные. Злые. А «дома» нас ждала новая неприятность — протек наш сарай, и спать нам в нем стало невозможно даже с точки зрения местного начальства. На время дождя нас распределили по домам. Комиссар, Костя и Иван Васильевич остались у Матренадуры. Комиссар — в горенке, а прочие — в чулане. Я, Мнс, Кандидат и Дон поселились в соседнем доме в сенях. После ужина устроили общее собрание бригады. Представитель райкома сообщил, что прогноз погоды плохой, и призвал нас отнестись со всей серьезностью, проявить, проникнуться. Пообещал обеспечить спецодеждой — брезентовыми куртками с капюшоном, рукавицами, резиновыми сапогами. Это — в ближайшее время. А эти пару дней просил обойтись своими средствами. Одним словом, — сказал он, — битва за урожай вступает в решающую стадию.

Матренадура о Западе Там даже газеты продают на вес. Приходишь и спрашивешь: мол, битте-дритте, дайте три кило таймсы, пять кило франфуртыальгемайны, семь кило карьеры-деласеры. А что печатают?! Смех один. Одни объявления, что почем. И голые бабы. Что, они там, голых баб не видали, что ли?! Смех да и только!

Введение

в спунологию

Какой образ жизни наяву должен вести человек, желающий стать спуном? Праведный. Но что это значит? Слово «праведный» чуждо нашей идеологии. У нас вместо него употребляется слово «правильный». А это не одно и то же. Правильный образ жизни осуществляется по правилам, официально признанным в данном обществе и поощряемым им. А праведный есть уклонение от правильного, но — без нарушения норм правильного. Праведный образ жизни противоречит правильному образу жизни общества, но противоречит так, что общество за него не очень-то наказывает, а порой даже поощряет. Поощряет обычно молчаливо, но иногда и открыто. В чем тут дело? А в том, что праведная жизнь есть такое уклонение от правильной, которое не мешает правильной и даже ей способствует, ибо праведной жизнью живут одни, а правильной — другие. Например, если ты не женишься, не заводим детей, не вступаешь в КПСС, не рвешься в партбюро, отказываешься становиться заведующим, не лезешь в лауреаты, довольствуешься комнатой в коммунальной квартире, не требуешь надбавки к зарплате и т. д и т. п., это все не наказуется и молчаливо поощряется властью имущими и рвущимися к власти, ибо ты не посягаешь на их привилегии и не вступаешь с ними в конкурентную борьбу. Одного моего знакомого, который слова не может сказать без издевки над нашей жизнью, не посадили при Сталине и не трогают до сих пор, поскольку он, будучи очень талантливым человеком, не хочет защищать даже кандидатскую диссертацию и до сих пор снимает комнатку (там, где он прописан, негде койку поставить). Его не сажают в благодарность за то, что он не становится крупным ученым и не разворачивает свой талант.

Если ты не лезешь в переполненный автобус, а топаешь пешком, не носишься по знакомым в поисках заграничных штанов, не стоишь в очереди на выставку вшивых «нонконформистов» или подонка Лизунова, если ты не... не... не... то ты даже заслужишь похвалу. Если ты не будешь тратить большие деньги на полированную мебель, а притащишь со свалки еще пригодный пружинный матрас и купишь за пятерку у соседей шкаф, который они собирались выбросить на ту же свалку, пообещав заплатить за это десятку дворнику, над тобой посмеются, но с работы не уволят, в тюрьму и психушку не посадят. В старшие сотрудники не пропустят, конечно. Но ведь ты к этому и не стремишься, раз приволок тот матрас.

Если ты не будешь бурно выявлять любовь к Партии, Правительству, Родине, Народу и прочим нашим благам, если не включишься в соревнование в честь, не встанешь на трудовую вахту в ту же честь и во имя, если не заявишь с трибуны, что Брежнев как писатель превзошел Толстого и Шолохова, если не... не... тебя возьмут на заметку, не пропустят в партию (а тебе это и нужно!), не изберут в партбюро (и слава Богу!), не выпустят за границу (а на кой она тебе?), не дадут премию (переживешь!)... Но пока еще не посадят за это — и это (то, что не посадят) есть величайшее благо, на которое только способно наше общество. И тебе этого вполне достаточно, ибо в тюрьме или психушке стать спуном гораздо сложнее. Чтобы стать спуном, нужен некоторый

минимум свободы. Не случайно поэтому спунов не было в антагонистических обществах прошлого и нет в капиталистических странах. Не случайно поэтому спунологию открыл я, советский человек, ибо у нас впервые в истории человек стал свободен в самом полном и высоком смысле слова.

Главное — не лезь на рожон. Не ругай наш строй вслух. Не ругай наших руководителей. Поверь, это дерьмо не стоит того. Зато во сне ты можешь их свергать, судить за преступления против человечности, разоблачать их беспримерную тупость, пошлость, злобность, жадность, тщеславие. Во сне ты сможешь даже улучшать этот строй, созидать коммунизм «с человеческим лицом». И с многопартийной системой. Но вслух — ни в коем случае. И диссидента из тебя не выйдет — сразу же посадят. И с жизнью во сне расстаться придется.

Очень важно помнить еще следующее правило: не хвались своими принципами и образом жизни, не подчеркивай их и не выпячивай. Пусть другие видят и посмеиваются над тобой. А ты делай вид, будто ты от природы такой дурак. Не противопоставляй себя коллективу!!!

Подслушанные разговоры Мнс сидит с Катюшей на скамейке около сарая. Все прочие обитатели сарая ушли в клуб. Я остался — плохо себя чувствую, должно быть, грипп. Мнс и Катюша не знают, что я в сарае, а мне не хочется давать знать о себе и прерывать их разговор.

— Скоро вы уедете, — говорит Катюша. — Скучно будет без вас.

— Почему же скучно? — удивляется Мнс. — Клуб у вас приличный. Фильмы бывают. Танцы. Лекции. Библиотека есть. Телевизор, радио.

— Все равно скучно. Фильмы ерундовые. Хороший фильм раз в год показывают. Книжки и того хуже. За хорошей книжкой очередь, несколько месяцев ждать приходится. Ребята пьют, похабничают и дерутся. Танцевать толком никто не умеет. Лишь бы потискаться. Тьфу, противно.

— Выходи замуж, заводь детей.

— Дети теперь — одни хлопоты. А за кого выходить?

— На твою долю женихов хватит.

— Хватит, да я за таких выходить не хочу. Ты же видишь, как тут живут. А я хочу хорошо жить. Чтобы все честно и чисто было. С уважением друг к другу. С открытой душой. Вот за тебя я бы пошла.

— Это еще хуже. Я эгоист. И совсем испорчен. Пью больше, чем ваши ребята.

— Если поженимся, переменишься. А я тебе хорошей женой буду. Никогда не изменю. Ухаживать за тобой буду. И книжки, какие нужно, все перечитаю. Я ведь в школе хорошо училась.

— Спасибо за добрые слова. Но ты понятия не имеешь о той среде, в которой я кручусь. Она ничуть не лучше здешней. Через год она тебя засосет так, что позабудешь про все свои намерения.

— Не позабуду, я крепкая. Я знаю, что к чему. Попробуй, сам увидишь. Не понравится — прогонишь. Я уйду, цепляться не буду. Попробуй, не пожалеешь.

Они встанут со скамейки и куда-то уходят...

...А мне никто никогда не говорил таких слов. И никогда уже не скажет...

Потом появляются местные ребята. Садятся на ту же скамейку. Курят. Разговаривают. Но что это за разговор! Цинизм, пошлости, мат. А ведь они окончили восемь, а некоторые и десять классов школы. Говорят о том, что надо подкараулить бородача (это Мнс) с Катькой, Катьку «отодрать», а у Мнс кое-что оторвать и бросить собакам. Это не значит, что они непременно приведут свои намерения в исполнение. Это — языковая форма, в которой они осмысливают мир. Но бывает, что такие «невинные» разговорчики по пьянке претворяются в жизнь. Я понимаю Катюшу. Я бы тоже на ее месте на захотел выйти замуж за кого-нибудь из этих ребят, хотя среди них наверняка есть красивые, умные и добрые. А что поделаешь?! Подождет еще пару лет своего несуществующего «Принца» и «выскочит» за первого подвернувшегося «Ваньку». И позабудет мечты о том, чтобы все было честно, чисто и с открытой душой. И никуда от этого не денешься. Это вечно. Неужели вечно? Кошмар!

Потом вернулись ребята из клуба. Сидели на той же скамейке, обсуждали достоинства и недостатки «баб», причем — примерно в тех же выражениях, какие употребляли их предшественники. А ведь это — люди с высшим образованием и даже с учеными степенями. Позже всех вернулись Кандидат и Мнс. Они тоже присели на несколько минут на ту же скамейку. Кандидат рассказал Мнс о своих подвигах на «женском фронте», поинтересовался успехами Мнс. Тот ничего не ответил.

— Я бы на твоем месте... — начал было Кандидат.

— Она слишком глупа, — оборвал его Мнс, — а я уже привык к «умным» разговорам и без них не могу. К тому же она не так наивна. Не я первый, не я последний. Конечно, жалко ее. Но я не хочу выступать в роли спасителя. И всех не спасешь.

— Кто же тут был первым.

— Это не имеет значения. Ужас тут состоит в том, что это «честно и чисто и с открытой душой» не есть нечто изначальное и данное от природы. Это есть результат жизненного опыта, часто — печального и далеко не чистого. И ко всему прочему она совершенно не сексуальна.

После этих слов Мнс мне стало почему-то страшно. Я встал, вышел на улицу и просидел на этой злополучной скамейке до рассвета.

— Почему? — думал я. Но ответа не находил. Только под утро, увидев чахлые яблони в саду у Матренадуры, нашел простое решение. Как яблоки у Матренадуры в саду почему-то с самого начала растут с червяками внутри, так и мы появляемся на свет с подобными червячками в наших душах. И сыскать среди нас цельную и здоровую натуру — дело столь же безнадежное, как сыскать в саду у Матренадуры неспорченное яблоко.

Потом я забылся тяжелым сном. Мне приснилась Катюша. Я догонял ее, а она уходила, не обращая на меня внимания. Я говорил ей, что я чист и непорочен, что буду молиться на нее, как на богиню, лишь бы она подарила мне хотя бы один взгляд. Но безрезультатно. И впервые в моей практике спуна моя спунология потерпела фиаско.

Запад и мы Западные радиостанции сообщили, что целая группа наших художников-нонконформистов получила разрешение на эмиграцию. Токарь спросил, кто такие нонконформисты. Дон сказал, что это — наши художники, которые малюют и лепят примерно так, как это делали на Западе лет пятьдесят тому назад, и потому они рассчитывают на мировую славу на Западе и на миллионные гонорары. А что им у нас не жилось? — спросил Токарь. Потому что наше искусство, — сказал Дон, — поднялось на такую недостижимую высоту и ушло настолько далеко вперед, что этим художникам не было никакой возможности устраивать выставки и продавать свои работы. А на Западе им лучше будет? — спросил Токарь. Вряд ли, — сказал Дон. — Там такого добра своего навалом. Будут так же прозябать, как здесь. Половина из них, — сказал Костя, — наверняка агенты КГБ. Сомневаюсь, — заметил Дон. — Художники обычно такие слабаки, что даже на роль агентов КГБ не годятся. Если б я был художником, — сказал Дон, — я избрал бы себе псевдоним Иван Гог.

Уже через день карикатуры в стенгазете были подписаны именем «Иван Гог». Но карикатуры были не смешные, а имя это никакого впечатления не произвело, поскольку мало кто интересовался историей живописи. Только один из изображенных пьяниц и лодырей проявил живой интерес к имени художника, поскольку решил набить этому подонку морду.

Покушение на Брежнева — И тут, — рассказывал Парень, — представился удобный случай. Впрочем, если бы его не было, его изобрели бы.

Да и этот удобный случай не столько представился сам, сколько был изобретен.

Жил обыкновенный младший офицер по фамилии Ильин, который вел предосудительные разговорчики. Но ничего особенного в этих разговорах не было. А кто в это время не болтал в том же духе?! После подавления бунта в Праге нашими войсками Ильин сказал что-то резкое по адресу Брежнева в компании нескольких своих приятелей. Мол, распустился этот болван (он имел в виду Брежнева). Мол, давить таких мерзавцев мало! Кто знает русский бытовой язык, тот понимает, что выражение «давить таких мало» имеет весьма неопределенный смысл и не содержит в себе ничего общего с идеей покушения. Но по крайней мере два приятеля Ильина были штатными осведомителями КГБ, а остальные донесли об этом разговоре по велению души. Хотели было Ильина изолировать сразу же. Не в тюрьму посадить, а в «психушку», поскольку медицинская комиссия незадолго до этого обнаружила у него явные признаки шизофрении. Доложили об этом случае в высшие инстанции, а оттуда пришло указание не трогать парня. В часть под видом нового офицера, выпускника какой-то академии, прибыл сотрудник КГБ. И вскоре вокруг Ильина сложилось нечто вроде тайной группы. Группа стала собираться регулярно, обсуждать злободневные проблемы, слушать западные радиостанции. Появилась запрещенная разоблачительная литература. И время от времени в разговорах стала возникать идея покушения. Сколько, в самом деле, можно терпеть! Шлепнуть одного-другого из высших чинов, может быть, за ум возьмутся! И в конце концов оскорбительно быть послуш-

ной скотиной для тщеславных маразматиков! Вот в таком духе велись эти разговорчики. И крепла идея «шлепнуть». И опять-таки проблема: попробуйте определите, что тут от провокации и что от искренней потребности души?! Не будь этой потребности, и провокация не удалась бы.

Закон сообщающихся систем — Общие объективные социальные законы все-таки существуют, — говорит Мнс. — Они необычайно просты, но люди почему-то их не замечают. И они не имеют ничего общего с законами, которые выдумал Маркс и его последователи. Есть, например, закон сообщающихся систем. Примерами его в физике являются закон сообщающихся сосудов, закон перехода тепла от более нагретого тела к менее нагретому и т. п. И для людей этот закон имеет силу. Например, в детском саду все дети в группе уже начали ходить. К ним добавляют ползающего ребенка. И все дети опять начинают ползать. По этому закону Советский Союз навязывает странам Запада более низкий уровень организации хозяйства, более низкое качество продукции, более низкий интеллектуальный уровень и нулевой уровень морально-правового сознания. Против наших ракет и танков Запад еще может устоять. Но против действия закона сообщающихся систем — нет. Запад, сам того не подозревая, скатывается к нашему уровню во всех жизненно важных сферах.

— Ну и пусть скатывается, — говорит Дон. — Это справедливо. А то они там зажрались. Пусть на своей шкуре испытают, что такое настоящий социализм.

— А вообще, — говорит Кандидат, — ужасно смешно в этом мире все происходит. Вот мы, например, держим свое население в нищете и создаем сильнейшую армию в мире. Для чего? А чтобы завоевать весь мир и заставить всех тех, кто уцелеет, жить так же по-свински, как мы сами живем. Отчего бы это?

— Это и есть часть механизма того закона, о котором я говорил. Между прочим, ошибочно думать, будто все войны прошлого велись из каких-то материальных соображений. Многие войны велись именно с целью сделать окружающий мир себе подобным, — из стремления к социальному выравниванию и однообразию.

О природе о фольклоре Лучших тружеников бригады в порядке поощрения усадили в машины (в грузовые, конечно, и грязные) и повезли показать Волгу — символ и гордость России. Но вид Волги нас ужаснул: одна сплошная, бескрайняя и мутная вода. Из-за множества плотин Волга вообще исчезла. Экономисты подсчитали, что потери от такого преобразования природы (исчезла рыба, луга, сады) настолько велики, что их не покроешь и через сотню лет. Кто-то из ребят сочинил по сему поводу эпиграмму:

Исчезла рыба — не беда.

Зато, куда ни глянь — вода, вода, вода.

И вообще, оставьте эти разговоры.

*Потребуется, так сравняем горы.
На все пойдем за ради для народа,
И милостей от нас теперь не жди, природа!*

Установить автора не удалось, хотя стукачи старались вовсю. Даже меня заподозрили.

Явление это (не убийство природы, а стихи, анекдоты, шутки) весьма любопытное. Это — фольклор, но необычный: интеллигентский. Надписи на стенах сарая — того же рода. И наши бесконечные разговоры тоже. В общем, в толще населения зреет и накапливается огромный интеллектуальный материал — богатейшая почва для литературного взрыва. Не может быть, чтобы это пропало бесследно. Кто знает, может быть, вот этот ничтожный Мнс копит все это в своей памяти. И однажды он поразит мир книгами веселыми и грустными, серьезными и бесшабашными, целомудренными и похабными, — в общем, такими, каким является в совокупности этот беспрецедентный фольклор. Я подозреваю, что он такую книжечку уже сочиняет потихоньку.

Преступления и наказания Пока мы работали в поле, наш сарай обчистили. Хотя потери были невелики (бритва, ботинки, брюки), здесь они казались ощутимыми. Больше всех пострадала Матренадура — у нее увели мотоцикл. Думаю, что воры охотились именно за мотоциклом, а наши вещички прихватили заодно. Обиднее всего было то, что воры нагадили в наши постели. Мы подняли скандал. Приехал милиционер из района. И первым делом заявил, что это мы сами пропили мотоцикл и инсценировали кражу. Но тут на дыбы встала вся бригада. Было очевидно, что воры — местные ребята. И не стоило большого труда найти их. Но милиция почему-то этого не делала. Скоро стало ясно, почему. Появилась Мао Цзе-Дунька и поговорила с нами «как человек с человеком». В такой ответственный момент, — сказала она, — было бы грубой ошибкой разоблачать похитителей и хулиганов и тем самым вбивать клин в союз рабочих и крестьян. Мы, — продолжала она, — этих мерзавцев найдем и накажем своими силами. Но выносить сор из избы не позволим! Милиционер, расследовавший кражу, пропьянствовал пару дней за счет Матренадуры и уехал ни с чем, пригрозив на прощанье нам и Матренадуре показать, «где раки зимуют», если мы «не закроем пасть» (он имел в виду, если мы не перестанем говорить о краже). И мы, естественно, «закрыли пасть». А что было делать? Не отправляться же туда, где раки зимуют, из-за старых штанов и ботинок!

Дон, у которого украли бритву, решил отрастить усы и бороду. Через несколько дней он стал похож на красавца-витязя из русских сказок. Интерес женщин к нему резко повысился. Нет худа без добра, — признался он. — Без этой дурацкой кражи я ни за что не решился бы на этот шаг. Ну, держись (это он сказал Мнс)! Еще немного, и я отобью у тебя славу первого парня на деревне. Не спеши с выводами, — сказал Мнс. — Когда я начал отращивать усы и бороду, мне тоже казалось, что для меня начинается новая жизнь. Но потом пошло все то же самое. Борода не решает старых проблем. Она лишь рождает новые.

— А я, между нами говоря, в коммунизм верю, — сказал Дон и подозрительно оглядел нас, ожидая увидеть на наших лицах насмешку. Но мы отнеслись к его заявлению вполне равнодушно. И вот на чем я основываю свою уверенность, — продолжал он, — на прогрессе техники. Создание изобилия всего не такая уж сложная проблема, как это кажется на первый взгляд. Уже сейчас научились делать практически неизнашиваемую обувь и одежду, не требующие ремонта машины и вещи домашнего обихода... И неперевариваемую пищу, — добавил Мнс, сорвав тем самым лихо начатое изложение одной популярной брошюры Доном. Ты мне скажи, что такое коммунизм? Лозунг «каждому — по потребности» не есть определение коммунизма. Если коммунизм — это когда каждому по потребности, то Запад неизмеримо ближе к этому, чем мы. Коммунизм — это прежде всего обобществление средств производства в масштабах всего общества, организация всей общественной жизни примерно в том духе, как сделано у нас (если отвлечься от недостатков). А теперь поставь перед собой проблему так: чему ты больше веришь — словам человека, жившего больше ста лет тому назад и не имевшего ни малейшего представления о том, как его идеи будут выглядеть в самой жизни, или опыту огромной страны в течение шестидесяти лет и опыту многих других стран, которые последовали ее примеру? Мечтам тщеславных болтунов или неумолимым фактам действительности? Ты толкуешь о прогрессе техники и человеческой природы. Конечно, атомная энергия, космические полеты, хромосомы, высшее образование, новые методы обучения... А что мы имеем на деле? Вот мы с вами — с высшим образованием, а грузим и копаем скверно ухоженные овощи с огромным опозданием (по газетам — досрочно!) и самыми допотопными методами. Нам обещали спецодежду. Сколько времени прошло? Где она? А люди? Как тут работают? Возьми хотя бы этих районных и областных паразитов! А очковтирательство! А пьянство!.. Я сам не маленький, — сказал Дон. — Сам все это вижу и понимаю. Но это же пока не коммунизм. При коммунизме... При коммунизме, — прервал его Мнс, — нас сюда не добровольно погонят на пару месяцев, а насовсем прикрепят, в бараках поселят, стражу поставят, ключей проволочкой обтянут. А вообще говоря, полный коммунизм наверняка наступит. После атомной войны люди все погибнут, и на земле воцарятся крысы, как уже предсказывал Иван Васильевич. Они поместятся в порах (в дырках) общества, которые останутся от людей, и продолжат наше дело прогресса. А тех людей, которые уцелеют, крысы будут разводить на корм.

Странная картина, если посмотреть со стороны. Моросит холодный дождь. Мы по колена в грязи таскаем кто на чем овощи поближе к «твердой» дороге, по которой с большим трудом ползут машины. Одеты мы так, что если бы не мокрядь, можно было бы обсмеяться. Обещанной спецодежды нет и не будет. Ту девочку увезли с воспалением легких в город. Многие лежат больные по домам, многие на грани заболевания или переносят простуду на ногах (вроде Кости). А мы между тем с остервенением отстаиваем «светлые идеалы». Почему?! Для чего?! В порядке психологической компенсации за реальное убожество жизни? Пусть так. Но зачем нужна эта компенсация? Как средство самосохранения!

И еще одна проблема волнует меня: почему мы здесь? Что стоит нам послать все это подальше и уехать домой? Да ведь, кажется, ничего особенного не произойдет. Не посадят. Даже с работы не уволят. А мы все-таки здесь. Почему? Энтузиазм вроде того, какой был в годы после революции? А если и тот энтузиазм был такого же рода, что и наша работа здесь? Не случайно же эта стерва Мао Цзе-Дунья назвала нас Павками Корчагиными наших дней. Она и наших женщин назвала Павками Корчагиными. Хотела сначала Жаннами д'Арк назвать, да потом почему-то передумала. Жанну д'Арк сожгли на костре, а мы тут в грязи и слякотидохнем, так что образ Павки Корчагина ближе.

Вы затрагиваете самую глубокую проблему нашей жизни, — говорит Мнс. — Тут речь идет о специфической форме насилия. Формы насилия бывали и бывают самые разнообразные. В данном же случае имеет место насилие, реализующееся через добровольность и как добровольность. Возьмем грубый пример. Вы слышите команду охраны или противника на войне «Руки вверх!». Вы можете поднимать или не поднимать руки, вы вольны делать это. Но вы знаете, что последует, если вы не поднимете руки, вы не хотите этих последствий. И потому вы поднимаете руки. Добровольно или по принуждению? Очевидно, по принуждению. Вы, очевидно, знаете, как осуществляются насильственные приводы людей в милицию или на допросы. Вам не ломают руки. Вам показывают повестку. Вы собираетесь и идете. А привод считается принудительным. Вот и в нашем случае. Мы все прекрасно знаем, что отказ от поездки сюда рано или поздно и так или иначе казался бы плохо на нас, и мы не хотели этих более или менее отдаленных последствий. Мы решили, что лучше отмучиться это короткое время здесь, чем... Короче говоря, Вы сами это все прекрасно понимаете. Так вот, формы принуждения различаются по степени опосредованности добровольностью. При коммунизме эта степень максимальная. Здесь люди принимают во внимание не только реальные последствия своих поступков, но и потенциальные. Причем принимают во внимание весь свой реальный ход жизни. И даже потенциальное будущее. И потому люди здесь по видимости поступают почти всегда добровольно, хотя все их поступки являются продуктом принуждения. Потому в применении к нашей жизни понятия добровольности и принуждения теряют смысл. И вы никогда не решите волнующую Вас проблему в силу бессмысленности самой ее словесной формулировки. Вопрос о том, почему мы здесь, имеет смысл исключительно как вопрос социологический, а не психологический. И ответ на него тривиален: потому что этому обществу требуется многомиллионная армия рабов.

О свободе и ограничениях Я слушаю передачи западного радио об отсутствии у нас всяческих свобод и поражаюсь примитивности их суждений. С такими же основаниями можно было бы говорить о том, что в Советском Союзе запрещены левши. Закона, запрещающего их, формально нет. И в тюрьмы за это не сажают. Но фактически с ними ведется борьба в том смысле, что им не дают свободно проявляться и развиваться — их учат быть правшами. Причем, застав-

ляют быть правшами без всякой злобы и с полной уверенностью в том, что это делается для их же блага. Так обстоит дело и в большинстве других, более серьезных случаев.

Я думаю таким образом и в глубине души сознаю, что это — результат влияния Мнс. И мне становится немного обидно от того, что молодой парень, не имеющий и сотой доли моего жизненного опыта, учит меня правильному способу размышления о нашей жизни. А ведь учит!

Суть дела Было какое-то собрание местных жителей, на котором их ознакомили с каким-то новым распоряжением насчет торговли на рынках продуктами с приусадебных участков. Матренадура пришла злая. Поносила все советское руководство от Брежнева до Мао Цзе-Дуньки. Причем поносила весьма остро и убедительно. Мы спросили ее, почему она с этой речью не выступила там, на собрании. Она взглянула на нас с полным презрением и не удостоила ответом. Мы стали разговаривать на тему о «двомыслии», о лицемерии, о честности, искренности и прочих явлениях того же рода. И, как обычно, раскололись на два непримиримых лагеря. Одни защищали концепцию, согласно которой человек обладает хорошими врожденными качествами, а общественная жизнь портит его. Другие защищали концепцию, согласно которой человек обладает плохими врожденными качествами, а общественная жизнь улучшает его. Одни настаивали на возвращении к хорошему естественному человеку, другие призывали к хорошему искусственному человеку. Особую позицию занимал Мнс. Мы все деланные, — сказал он. — Мы все суть продукт усилий нас самих и окружающих нас людей. Мы все притворяемся и играем роли. Но мы по-разному делаем себя, притворяемся и играем наши роли. Если человек делает хорошие дела, нелепо говорить, что он на самом деле плохой человек и лишь прикидывается хорошим, как нелепо говорить о людях, совершающих плохие поступки, что они — хорошие люди, притворяющиеся плохими. Человек по природе есть то, как он формируется и проявляется в общественной жизни. И ничего другого в нем нет. Причем мы — не пассивный продукт давления на нас прочих людей и обстоятельств. Мы с самого начала относимся к этому давлению активно и выборочно. Мы помогаем окружающим людям делать из нас то, чем мы становимся. А в значительной мере мы сами избираем это наше будущее состояние. Так что не только мы — продукт общества, но и общество есть наш собственный продукт. В том, что мы такое есть и каким является наше общество, есть большая доля нашей доброй воли. В отличие от рыб, которым их естественная среда дана заранее и независимо от них, мы сами производим свою собственную социальную среду. Именно это обстоятельство образует основу для религии и морали: мы сами ответственны за то, что мы есть, и за то общество, в котором мы живем. И Матренадура в том числе, а может быть, даже в первую очередь. В нашем обществе, между прочим, возможностей для человека влиять на свою социальную среду гораздо больше, чем в любом другом. И если люди не используют свою власть для улучшения этой среды в том духе, как того хотят наши либералы и диссиденты, это значит, что они не хотят исполь-

зовать свою власть для этого. Подчеркиваю, не хотят! В этом суть дела. Именно поэтому оппозиционные движения в нашем обществе обречены на провал. Если бы сейчас наше высшее руководство во главе с ЦК и КГБ поголовно ударилось в диссидентство, оно тоже потерпело бы фиаско.

После этой речи Мнс наступила мрачная тишина. На сей раз я видел совершенно неподконтрольный мне сон.

Покушение на Брежнева Но Ильин был не дурак, и не совсем псих, — рассказывал Парень. — И не все члены его группы были стукачами.

Потом был тайный военный трибунал, и несколько членов группы расстреляли. Один из них, близкий друг Ильина, предупредил его, что в их группе наверняка есть осведомители и провокаторы. А что делать? Отступить все равно было поздно. Сделанного вполне достаточно, чтобы трибунал вынес им высшую меру. Значит, надо Их перехитрить. Все мелочи Они все равно предусмотреть не могут. Раз группа существует и направляется к совершению очевидной цели, значит, кому-то наверху это нужно. И этот «офицер из академии» приехал сюда не случайно. Он явно лопух в технике. И никакой он не инженер, а типичный кагебешник. В общем, надо использовать этот неповторимый случай и переиграть Их. А имена наши люди все равно узнают. И потомки будут нам благодарны. Памятники нам поставят. В конце концов, сколько можно терпеть?! Вы же знаете, шизофренические идеи весьма заразительны и для здоровых. А тут — молодые ребята, в глуши, склонные к романтике, неустойчивые психически. Главное, — сказал Ильин, — не торопиться, подыгрывать Им как ни в чем не бывало, а в решающий момент сыграть свою игру. Они посвятили в свой замысел других членов группы, относительно которых были уверены, что они не стукачи. Но, увы! И среди них оказался предатель. Правда, его тоже расстреляли — зачем нужен живой свидетель?!

Можете себе представить, какой путаный спектакль закрутился! У Ильина в ближайшем городе обнаружился родственник — офицер милиции. Он действительно был родственник. Но жил он где-то в Сибири. А тут внезапно его «перевели» поближе к Ильину. Кстати, он вскоре после покушения умер от инфаркта. Из воинской части, где служил Ильин, начинает регулярно ходить в город машина. Офицерам стали разрешать ездить в город вечером и по выходным дням. И, разумеется, Ильин тоже стал регулярно навещать своего родственника. Зачем? Сначала просто по-родственному. Парень не имел родителей (они погибли во время войны), вырос в детском доме, к семейному теплу, естественно, его тянуло. Потом стал вырисовываться некий замысел.

Введение в спунологию Не доноси (как тайно, так и явно). Не сотрудничай с властями, особенно — с КГБ. Уклоняйся. Пока за отказ от сотрудничества с ними не сажают. Ни в коем случае не становись в положение человека, болеющего за интересы государства, своего учреждения и дела. Тебе наплевать на интересы учреждения, в котором

ты получаешь свою жалкую зарплату, и на интересы дела, которому ты служишь с целью заработать на пропитание. Тем более тебе наплевать на интересы государства (ибо это на практике всегда суть интересы привилегированных лиц твоего государства) и человечества в целом (ибо это тоже суть интересы всякого рода преуспевающих прохвостов). Но виду не подавай, иначе ликвидируют во имя интересов дела, учреждения, государства и человечества, на которых тебе наплевать и которым на тебя наплевать. И ни в коем случае не надо изображать, будто ты ради дела, конторы, партии, народа и т. п. готов отдать все силы и даже жизнь, потому что все равно никто не поверит. Зачислят в стяжатели и карьеристы. И поскольку ты таковым не являешься, а только маскируешься, тебя ликвидируют. Настоящего хапугу и карьериста не ликвидируют, ибо он свой, а поддельного ликвидируют, ибо он только прикидывается своим. Короче говоря, игнорируй, но не демонстративно, не из принципа, а из чисто личных соображений. Позиция «тюфяка» и «лаптя» тут наиболее подходящая. Веди себя так, будто ты в общем и целом своей, но от природы слегка чокнут, пассивен и не устремлен к высшим идеалам.

Вместе с тем помни, что даже сам Маркс признавался, будто ничто человеческое ему не чуждо. Он имел в виду выпивку, баб, курево, шутки, развлечения. Ко всему этому «человеческому» специально стремиться не надо. Но и уклоняться не надо тоже. Например, если представился случай выпить задарма и переспать с чужой женой, не теряйся: ешь, пей, исполняй мужской долг. Но если пришлось вернуться домой трезвым, одиноким и голодным, не унывай. Скажи спасибо судьбе за то, что послала случай поразмышлять в одиночестве, и вспомни истину насчет того, что ужин следует отдать врагу.

Относись ко всему с легким юмором, грустной снисходительностью и мудрой добротой. Пусть все происходит так, как оно происходит само собой. Никому и ничему не мешай. Даже тараканов и клопов не дави и не трави — пусть живут. Считай, что все происходящее тебя не касается. Оно не твое. Оно было бы и без тебя. И будет без тебя. Ты — участник происходящего лишь постольку, поскольку проходишь через него. Не жалей о нем, расставаясь с ним. И не вспоминай о нем, ибо оно не стоит того. Не читай никому нравоучений. Не учи никого. Не порицай никого. Не суди. И сам ни у кого не учись, ибо тут нет никого, достойного быть твоим учителем. Да и чему учиться тут? Чем меньше ты будешь научен жить наяву (в пределах минимума, конечно), тем дальше можешь продвинуться в жизни во сне.

И при всем при том живи не так, будто тебя самого нет для Них, а так, будто Их нет для тебя самого или Они ничтожны. Бояться никого и ничего не нужно. Просто игнорируй Их. Игнорируя Их, ты тем самым объективно оцениваешь Их как ничтожества, недостойные твоего соучастия в их пошлом существовании.

Поясню сказанное примерами из своего жизненного опыта. Я — член партии. Что поделаешь, так уж вышло. Выходить из партии я не буду, так как за это меня уволят и могут в «психушку» посадить. К тому

же членство в партии мне нисколько не мешает. Взносы не такие уж большие. Собrania не так уж часто бывают. Часть из них я пропускаю, на остальных сплю. Общественная работа — пустая формальность. Отделяюсь работой на овощной базе и в колхозе и пропагандистским кружком у подшефных строителей. Мне это даже нравится порой. Компания веселая собирается. «Отгулы» дают. А общественные мероприятия тоже сплошная липа. Погнали нас, например, на Ленинский проспект приветствовать чей-то приезд или отъезд. Я, конечно, не пошел. На другой день парторг требует объяснить, почему не был у положенного столба. Я говорю, что был там, что тот, кто переписывал присутствующих, забыл записать меня. Парторг спрашивает, кто именно проезжал и в какую сторону. Я говорю, что мое дело — стоять и изображать восторг, а разглядывать Их морды и куда Они направляются, я не обязан. Парторг спрашивает, как же я с таким отношением буду проводить политзанятия на тему об этом визите. Я говорю, что нам дадут общую разработку, которую я прочитаю в автобусе по дороге к строителям. Парторг говорит, что «ничего себе коммунист пошел!». Я говорю, что «что посеешь, то и пожнешь», и ухожу.

Матренадура — Там сплошь банки. Куда ни пойдешь, везде банки.
о Западе И у всех свой счет в банке. Там без этого нельзя.

Рождается человек, и первым делом на него счет в банке заводят. Это вместо нашего свидетельства о рождении. Там такое свидетельство совсем не нужно. Есть счет — есть человек, нет счета — незаконно живешь.

— А как же рабочий класс и прочее прогрессивное человечество?

— А эти, как мы, не живут, а мучаются. Но мы их скоро освободим.

— Так Вы же сами говорите, что мы мучаемся, а не живем. Зачем же их освобождать?

— А в компании с нами им веселей будет. И нам не так обидно.

О диалектике общественного развития — Выходит так, что наши высшие руководители, маршалы, министры и прочие лица того же рода суть классовые братья не только нашим рабочим и крестьянам, но и трудящимся Запада. А они ведь имеют в десятки

и сотни раз больше, чем простые работяги. Почему же так получается?

— Очень просто. Они вышли из народа.

— Гитлер тоже вышел из народа.

— Он служит капиталистам. А наши руководители служат народу.

— Но на Западе высшие лица тоже утверждают, что служат народу.

— Врут.

— А наши?

— Тоже врут. Но они врут во имя интересов народа.

Этот бредовый разговор — не вымысел. Я его записал дословно. Это тоже очень любопытный факт — то, что мы в своих разговорах колеблемся между предельно высокой мудростью и предельно низкой глупостью. Причем это имеет место в отношении одних и тех же лиц. И заранее

нельзя предсказать, кто изречет глубокую истину, а кто — плоскую пошлость. Из этих наблюдений я сделал вывод, что в нашем обществе бессмысленно искать характерные натуры. Впечатление такое, будто собрал кто-то в одно место миллионы людей и разбрасывает все возможные человеческие качества в полном беспорядке, вслепую. И на долю каждого достается лишь какое-то случайное сочетание качеств. Некоторые из этих случайных комбинаций оказываются более устойчивыми и широко распространенными, другие — менее, третьи оказываются совсем нежизнеспособными. Мнс говорит, что я уловил суть дела. А он — специалист по этим штукам, и его одобрение доставляет мне удовольствие. И я продолжаю свои импровизации.

Интересно наблюдать, — говорю я, — как все в нашей жизни выкручивается самым невероятным образом. Например, слабость у нас есть сила. Почему? Да потому что дает моральные и житейские преимущества. Если ты сер, убог и бездарен, именно поэтому можешь ты позволить себе такое, на что не могут решиться сильные и талантливые. Тебе кажется, что люди обязаны компенсировать твоё убожество. И это не только полилогия. Наше общество признает это в качестве своего социального принципа, ибо оно есть власть серости и убожества над яркостью, силой, талантом. Посмотри, как у нас распределяются путевки, суды, премии и прочие блага на низшем уровне.

Или возьми такой пример, — продолжаю я. — Сравнительно с дореволюционным временем и с Западом мы живем почти беззаботно. И у нас в самом деле с людей снимается куча всяческих забот. Но как? Какой ценой? А так, что мы погружаемся буквально в трясину непреходящих забот иного рода. Ты знаешь, о чем я говорю: очереди, поиски продуктов, хлопоты о детях, о жилье и прочее. Наша беззаботность оборачивается сплошной заботой как постоянным состоянием нашей психики. Почему это происходит?

Вы — природный диалектик, — говорит Мнс. — Бросайте все и начинайте изучать нашу жизнь профессионально. Уверю Вас, у Вас есть для этого все данные. И лет через десять Вы добьетесь выдающихся успехов. Я тоже ломаю голову над этими проблемами, но чувствую, что мне это не по зубам. Вот послушайте, я изложу кратко схему возникновения положительных качеств людей, исходя из отрицательных. Я допускаю, что основу всего образуют качества, обеспечивающие самосохранение человека, т. е. отрицательные. А что такое положительные качества? Это такие, когда человек воспринимает интересы других людей как собственные, т. е. отрицательные качества, перенесенные на других. Как и почему этот перенос происходит? Объективно эгоистические интересы человека зависят от других людей. Делая нечто для других, человек делает для себя. Для себя невозможно без «для других». «Для других» имеет результатом «для себя». Затем происходит отрыв «для себя» от самого себя — возможность переноса. Затем «для других» становится самодовлеющим интересом для себя, — компенсирует отчужденное «для себя». Плюс другая линия поведения, а именно — опосредствованное удовлетворение своих интересов, в котором «для других» становится шагом и средством. Короче говоря, я берусь в каждом конкретном случае благородства людей открыть

его эгоистическую негативную основу. Но у меня не хватает силенок выяснить их закономерности, — тут нужен либо мощный оригинальный талант, которого я в себе не ощущаю, либо хорошо организованный научно-исследовательский институт, который у нас в принципе невозможен.

Так в чем же выход? — спрашиваю я. Выход для нас всегда один, — говорит он, — выпивка. С поллитровкой мы все проблемы решаем самым элементарным образом. Хорошая идея, — сказал Кандидат. И главное, — сказал Дон, — очень свежая и оригинальная. Итак, подсчитаем наши возможности...

Планы и свершения Хотя урожай в этом году довольно вшивый (необыкновенный, как писали газеты), приемные пункты овощей на станции скоро оказались перегруженными, железная дорога с вывозом овощей явно не справлялась, и, естественно, овощи стали сгружать где попало и как попало. Назревала картофельно-морковно-капустная катастрофа. И высокое начальство наконец-то дало указание обходиться местными средствами — создавать овощехранилища в самих колхозах и совхозах. Поскольку речь шла о временных трудностях, рекомендовались хранилища в виде ям. Это как раз было своевременно, так как дождь не прекращался, и вырыть яму глубже метра, чтобы она не заполнялась водой, было уже абсолютно невозможно. Тем более люди по опыту знали, что эти так называемые временные хранилища фактически — на века, т. е. в них загрузят овощи, и те будут там гнить до полного исчезновения, предварительно заразив атмосферу ужасным зловонием. Потому хранилища делались чисто условно, лишь бы обозначить перед высшими властями готовность выполнить их мудрые предначертания. И казалось бы, куда дешевле просто прекратить уборку, бросить все в полях или разрешить людям убирать для личного пользования. Уверен, местные жители день и ночь стали бы работать, собрали бы все до последней картофелины. Если бы даже им разрешили убирать для себя, обязав потом сдать государству определенную часть (пусть, половину), они все равно убрали бы и сохранили бы все. Но Боже упаси даже заикнуться об этом! Мы должны в грязи и под дождем мучиться в поле, чтобы превратить собираемое в ни на что не пригодную гниль. А если местные жители унесут к себе хотя бы картофелину, засудят. Вот какова реальная диалектика нашей жизни.

Наше хозяйство богатое и передовое, и потому ему разрешили построить капитальное овощехранилище — из кирпича, бетона, дерева, железа. Хотя на носу зима, хотя срок нашего пребывания здесь скоро кончится, а после нашего отъезда рабочих здесь днем с огнем не сыщешь, стали завозить строительные материалы (хотя старые материалы, несколько лет назад заготовленные для свинофермы, пропадали и разворовывались) и организовывать строительную бригаду. Наш Комиссар сразу сообразил, что к чему, и записал всю нашу группу (за исключением Лба) в стройбригаду. И уже на другое утро мы почувствовали свое привилегированное положение: выпались, в поле под дождь не пошли, неспеша ознакомились с местом новостройки и спрятались в клуб, где занялись курением и раз-

говорчиками. Потом к нам заявился прораб с группой рабочих и предложил отметить начало дела.

Из идей Мао Цзе-Дунька разложила свои телеса на бревнах.
Мао Цзе-Дуньки Курит. Курит и пьет она в интересах единения партии и народа. Причем — пьет с удовольствием, а курит — с отвращением, так что даже она есть явление сложное и противоречивое. На сей раз она беседует с молодежью о сексе. Беседует по душам, «как человек с человеком», а не «как партийный руководитель большого масштаба».

— Подраспустились вы, скажу я вам по секрету. Зажрались. Больно грамотными стали. С Запада дурной пример берете. Но погодите, всему свое время. Вот подыдем сельское хозяйство и за это дело возьмемся. Мы вас в порядок приведем, будьте уверены! Кастрировать не будем. Мы не индусы и не китайцы какие-нибудь! Дадим вам всем порошки успокоительные. Или укольчики. Сейчас уколы очень помогают! Воспитательную работу, конечно, проведем.

— А как же дети? — робко вякает кто-то из заднего ряда.

— А при чем тут дети?! Дети — это наш священный долг и обязанность. Это — наша смена. Без детей новое коммунистическое общество не построишь. А Родину кто будет защищать?! Пушкин, что ли?! Я про секс говорю, а не про детей. Мы нашу здоровую социалистическую семью никому не позволим разрушать!

Я слушаю Мао Цзе-Дуньку, усмехаюсь, а в глубине души слышу некий шорох ужаса. А ведь на самом деле Они дадут всем эти успокоительные порошки и укольчики вколют. И не из злого умысла, а по доброте душевной, заботясь о нашем же благе. И сделают это как-то незаметно, между прочим. А что если?.. — скажет какая-нибудь Мао Цзе-Дунька. Скажет и подмигнет понимающе. И прочие Мао Цзе-Дуньки понимающе подмигнут или кивнут слегка своими руководящими черепами. И все! И дело будет сделано! Чуточку этого секса оставят, чтобы строителей коммунизма и защитников Родины плодили. Но не больше. Никакого чтобы баловства! А развлечения и прочее — это Они для себя оставят. Еще бы! Им положено, ибо Они на благо всего прогрессивного человечества трудятся!

— Что вы думаете, — продолжает поучать Мао Цзе-Дунька, — если от природы, так и твори, что угодно? Спи, с кем попало? Нет, милые мои! Это дело еще заслужить надо! Проявить себя надо! Показать с хорошей стороны. А там мы посмотрим, кому что положено. Это вам не игрушки. Секс — это дело серьезное! Государственное! Партийное, можно сказать.

Исторический эгоизм На историю человечества я смотрю с позиции, которую можно было бы назвать историческим эгоизмом. Поясню, что я имею в виду. Раньше были короли, герцоги, рыцари. И были рабы и крепостные крестьяне. Первые наслаждались жизнью, а вторые страдали. Но у меня нет сочувствия к страдавшим. А что касается первых, то их существование для меня оправдано одним

только тем, что они дали сюжет для прекрасных сказок. Если бы не было реальных принцев и принцесс, не было бы и сказок о них, и жизнь человеческая померкла бы. Возьмем теперь массовые репрессии и концлагеря сталинского периода. Не будь их, не было бы той мощной разоблачительной литературы, которая появилась в последнее время. Сталинский период дал пищу для миллионов голов, причем — на века. Что была бы история Египта без пирамид, а история Франции — без Наполеона?! Исторический эгоизм состоит в том, чтобы рассматривать все происходящее в мире исключительно как материал и повод для твоих собственных размышлений и переживаний. Для исторического эгоиста все есть лишь пример для его глубокомысленных рассуждений. Возьмите, — говорит он, — древний Египет. Три тысячи лет потребовалось, чтобы... Три тысячи лет! И говорится это с таким видом, будто это — три минуты. А если эти три минуты прошли в ожидании у двери занятого туалета, исторический эгоист говорит о них с более сильной эмоциональностью. Или возьмите гитлеровские газовые камеры, — продолжает исторический эгоист совершенно невозмутимо (это вам не очереди ждать в туалете под угрозой наделать в штаны!). — Всего пять миллионов евреев сожгли, а шуму — до сих пор не успокоятся. В наших концлагерях погибло около шестидесяти миллионов, а только теперь начали признавать факт существования таких лагерей. О чем это говорит?

И в самом деле, о чем? А о том, — говорит с легкой усмешкой исторический эгоист, — что наш брат-Иван стоит в десять раз дешевле, чем их брат-Хайм. А чтобы китайцы произвели такой же шум, им надо по крайней мере двести миллионов своих собратьев угробить. Смешно, не правда ли?

Вот и сейчас, наблюдая то, что происходит здесь вокруг меня, я получаю интеллектуальное наслаждение от созерцания мерзости и нелепости происходящего. Для меня зрелище полупьяной Мао Цзе-Дунки, хлопающей Матренадуру по могучему заду и изрекающей «Да с таким народом, как наш, мы всему миру сопли утрем!», равносильно зрелищу пирамид, трупов Освенцима, орд Чингизхана, разгромленной армии Наполеона... И зрелище это дает мне пищу для размышлений над проблемой epochального значения: утрут Мао Цзе-Дунки и Матренадуры сопли всему миру или нет? Ну, Западу утрут, это ясно. А как быть с китайцами? У них своих Мао Цзе-Дунков больше миллиарда. Не многовато ли? Не мешало бы сократить вдвое. Нет, лучше раз в десять. Но как сделать, чтобы это не выглядело как нарушение прав человека? Лучшие умы человечества бьются над этой проблемой. Пока лучшее решение проблемы — мое: построить всех китайцев-мужчин, выдать на каждые десять человек одни ножницы или лезвие для безопасной бритвы (можно бывшее в употреблении) и приказать им отрезать детородные органы. И все! Что, кажется, может быть проще?! В этом огромное преимущество исторического эгоизма. Для него неразрешимых проблем нет, подобно тому, как для большевиков не было таких крепостей, которых они не могли бы взять. Только где теперь эти крепости?

Покушение на Брежнева Смотрели как-то телевизор, — рассказывал Парень. — Показывали не то проёды, не то встречу какого-то западного правителя на аэродроме. Родственник обратил внимание на мощную охрану наших руководителей, но с некоторой насмешкой. Мол, эта охрана лишь по видимости мощная. На самом же деле в ней есть уязвимые звенья. И если кто-то заинтересованный догадается, то сможет устроить пакость без особого труда. Ильин слушал Родственника внимательнейшим образом. Он догадался, что ему предоставляется шанс привести свой замысел в исполнение. На орбите в это время болтались какие-то космонавты. Скоро они приземлятся. Будет торжественная встреча на аэродроме, затем кортеж машин с вождями и космонавтами последует привычным маршрутом в Кремль. На маршруте что-то учинить невозможно. Да и на аэродроме пробиться к вождям практически невозможно, как бы Родственник ни клонил внимание в эту сторону. Как это ни странно, но самое удобное место — Кремль. Но как туда попасть?

Родственник снял свой милицейский китель и повесил на спинку стула. Небрежно сунул пистолет в ящик письменного стола. Переключил телевизор на другую программу — передавали хоккейный матч. Жена Родственника приготовила выпивку и закуску. И о вождях, казалось, позабыли. Но именно в этот момент Ильину пришла в голову гениальная идея: одеться в форму милиционера и вклиниться в охрану. Но надо перехитрить Их. Не случайно появился здесь этот Родственник. Не случайно сунул пистолет на его глазах в незапираемый ящик. Не случайно завел речь об уязвимости охраны. Не случайно намекает на аэродром. А я Их все-таки перехитрю, — думал Ильин. — На аэродром в милицейской форме надо направить приятеля. Форму надо, конечно, украсть у Родственника. И пистолет. А где-то надо раздобыть другую форму. И другой пистолет, ибо этот, может оказаться, не выстрелит. Пистолет не проблема, можно взять из части. А форма... Что если убить милиционера? Нет, это не годится. Сразу разгадают, что к чему. Да и в этом нет необходимости. За хорошие деньги можно купить любой мундир. И тот, кто продаст, не выдаст во избежание неприятностей.

Наступил ожидаемый день.

Введение в спунологию Какую роль играет образование с точки зрения возможностей активного сна? Смотря какое. Профессиональное образование никакой роли не играет, а общее (или гуманитарное, как иногда говорят) может сыграть огромную роль. Ну, а если, спросите вы, гуманитарное образование является профессиональным? Такого быть не может. Поясню, в чем тут дело.

Я различаю профессиональное образование и общее по такому признаку: первое приобретается для заработка и вообще для самоутверждения в обществе (оно утилитарно), а второе для души. Потому вы можете быть высокопрофессиональным философом, филологом, историком, искусствоведем, будучи полнейшим ничтожеством с точки зрения общего образования. И можете иметь высокое общее образование, будучи инженером, физиком, биологом. Чаше, однако, хорошее образование (общее) имеют люди с гуманитарным обра-

зованием. Но не потому, что оно само по себе дает это общее образование, а потому, что люди, склонные к общему образованию, чаще идут в гуманитарные науки. В общее образование могут входить не только сведения из гуманитарных наук, но и из естественных наук, из техники, из изобразительного искусства, из литературы и даже из области спорта и военного дела. Общее образование — это совокупность сведений, которые человек так или иначе приобретает об окружающем его мире и которые становятся составной частью его «Я».

Общее образование делает жизнь во сне богаче, разнообразнее, устойчивее, более послушной вашей воле. Но для этого надо соблюдать условия при получении и использовании его в реальной жизни. Я пока назову лишь некоторые из них. Вот они. Не насилуй себя. То, что тебе отпущено природой иметь в себе, пусть войдет в тебя как бы само собой, между делом, как бы между прочим. Хорошо, если ты сам не будешь замечать, как это происходит. Избегай оценок. Старайся иметь свое мнение, но не предвзятое. Можешь сам кое-что создавать, но не ради заработка. Если сделалось что-то, и тебе за это платят, бери. Но не начиная дело с расчетом на плату. Каких бы успехов ни добился, не придавай этому значения. Претензия на вклад в культуру исключает возможность полноценной жизни во сне. Один мой знакомый, хороший во всех прочих отношениях спун, решил ввести в науку какой-то омега-оператор. И после этого разучился даже спички во сне зажигать. А другой знакомый философ поддался очередному демагогическому призыву творчески развивать марксизм и ввел в него новую категорию «структуральное отношение». И после этого вместо исполнения специфически мужского дела во сне стал мочиться прямо в кровать или в брюки (если спал на работе). И продолжалось это до тех пор, пока он не забросил свою категорию (ее все равно отказались признать даже на уровне сектора, а не то что в мировом масштабе) и не позабыл пару старых, признанных.

Спунум могут быть как мужчины, так и женщины. Те и другие имеют свои преимущества и недостатки. Мужчины, например, более склонны к пьянству и карьеризму, что начисто исключает возможность стать хорошим спунум. Но женщины более склонны к мелким домашним заботам, к мелким переживаниям и склокам, к обарахлению, что тоже резко снижает возможности стать спунум и прогрессировать в этом деле. Мужчины меньше связаны заботами о семье и детях, более выносливы в нервном отношении (более «толстокожи»), более склонны к безделью, к имитации дела, к игре в значительные личности, что способствует умению жить во сне. А женщины, в свою очередь, более впечатлительны, часто имеют богатое воображение, часто довольно утонченны, что тоже благоприятствует жизни во сне. И все же мужчины имеют одно преимущество, благодаря которому лишь они становятся хорошими, отличными и выдающимися спунумами: это, как вы уже догадались сами, есть воля.

Из одиноких и семейных очевидные преимущества имеют первые. Семейные не продвигаются дальше способности покупать во сне продукты без очереди, получать отдельные малогабаритные квартиры, устраивать детей во второразрядные учебные заведения и получать бесплатные путевки в дома

отдыха местного значения. Одинокие же достигают порой такого уровня, что ухитряются выигрывать крупные сражения и даже захватывать целые страны (один мой знакомый спун уже восемь раз за одни сутки захватил Францию и расположил свой штаб на Эйфелевой башне!), проводить в жизнь эпохального значения реформы (другой мой знакомый спун сумел даровать демократические свободы своим подчиненным; правда, пока на пару часов; пришлось эти свободы отменить из-за угрозы введения советских танков), делать великие научные открытия (тот же знакомый спун, что вводил демократические свободы, научился открывать новые элементарные частицы порой по десятку за ночь; потом он плюнул на это дело, так как все частицы приходилось называть именами вождей Мирового Пролетариата и руководителей Партии и Правительства).

Беспартийные имеют преимущества перед членами партии. Но если последние к своей партийности относятся с прохладцей или даже с иронией, она почти не сказывается. Сказывается лишь в исключительных случаях. Например, член партии во сне никогда не может стать главой Христианско-демократической партии, Президентом США, королем Саудовской Аравии, главой ЦРУ. Если человек искренне верит в марксистскую идеологию, он не сможет научиться делать во сне самые примитивные вещи по своей воле. Я целый месяц пытался одного такого кретина (исключенного из партии, между прочим, за критику нашего строя!) научить во сне дотрагиваться указательным пальцем правой руки до кончика носа, но ничего из этого не вышло.

Возможны коллективные (совместные) сны. Это мое другое великое открытие. Я имею в виду то, что два и более человека могут принимать активное участие в одном и том же сне, контактировать в нем, общаться, в общем — вести себя так, как ведет себя множество людей в одной общей жизненной ситуации. Причем два человека могут жить в одном и том же сне независимо от их пространственно-временного положения. Так что можно жить во сне совместно с людьми, с которыми никогда наяву не встречались. Более того, можно участвовать в одном сне с людьми, которые уже умерли или которые еще не родились. Главное — лишь бы те люди, с которыми вы оказались в одном сне, были сами спунами. Пусть вас не обескураживает утверждение насчет людей, которые еще не родились, ибо ныне живущий спун для еще не родившегося есть спун, живший ранее его, а в отношении прошлых спунов, я думаю, сомнений быть не может.

Имеются строго определенные законы поведения людей во сне друг по отношению к другу. Например (это — один из самых фундаментальных законов), один спун не может совершить по отношению к другому в совместном сне действия, которые идут в ущерб интересам другого. Один спун вообще не может совершить во сне поступок по отношению к другому, если тот не знает об этом и не дает на это своего согласия. Видимые во сне неспуны пассивны. Их «активность» не зависит от них самих. Потому они не способны повредить спунам. Следовательно, в коллективном сне могут участвовать лишь неконфликтующие единомышленники. Так что если где-то и возможен коммунистический рай, то это — коллективные

сны спунов. Но это — не для миллионов, ибо число участников коллективных снов ограничено. Я еще не установил предельную величину. Но думаю, что она невелика. Теоретически можно рассчитать ее верхнюю логически мыслимую границу (учитывая число действий, продолжительность действий, продолжительность сна).

Самой сложной проблемой спунологии является проблема вмешательства бодрствующих в сны спящих и воздействия на них. Теперь доказано, что это возможно. Навязывание людям определенных сновидений в принудительном порядке — этим сейчас занимаются в секретных лабораториях ЦК и КГБ. Научиться противостоять этому внешнему вмешательству — важнейшая задача спунологии. Мне кажется, я нашел для этого эффективные приемы — это мое третье великое открытие в спунологии.

Спектакли истории История человечества есть великий спектакль и огромное множество всякого рода спектаклей поменьше, еще меньше, еще меньше, и так вплоть до нашего сарая. От того, какая роль в этих спектаклях выпадает на долю человека, зависит все остальное в его жизни. И сражение за лучшие роли в этих спектаклях образует основу всех прочих феноменов истории. Интересно, что здесь актеры могут играть одновременно разные роли и в разных спектаклях, могут одновременно быть зрителями, актерами, декорацией и материалом представления. Все это я вдруг осознал, взглянув на происходящую здесь «битву за урожай» не с позиции ее участника, а со стороны и беспристрастно. Произошло это после того, как я посмотрел одну из серий многосерийного фильма о прошлой войне. Бог мой, — подумал я. — Взгляните, например, на этого чиновника из обкома партии, командующего битвой за урожай на нашем участке великого сражения! Его поведение отличается от поведения Наполеона только формой одежды и словесным оформлением произносимых банальностей. А все бесчисленные помощники, советники и холуи, окружающие его и циркулирующие по району со спецзаданиями со своей собственной свитой! Маршалы, генералы... На худой конец — министры, короли... Мао Цзе-Дунька, например, даже за кустиками приседает так, чтобы все замечали ее великую роль в происходящем. И, разумеется, чтобы замечали ее шикарные заграничные «комбинашки», приобретенные по большому благу в Москве. Даже Костя, работая за троих, делает это как солдат в этом лживом фильме о нашей войне, закрывающий собою (без всякой надобности, между прочим!) амбразуру вражеского дота, но — чтобы все видели и знали, что он жертвует собою для общего блага.

Я поделился этими соображениями с Иваном Васильевичем. Он пожал плечами. Всегда и везде так, — сказал он. — Даже в лагере так было. Трудно сказать, что больше доставляло удовольствия нашему коменданту — покрасоваться и поговорить перед нашим строем или пожрать и попить вволю и с бабами покуралесить. Думаю, что первое больше. Важно тут только то, в каких спектаклях участвуют люди и в качестве кого. Бывают наполеоновские спектакли. И бывают хрущевско-брежневские, гитлеровские и сталинские. И не все допускаются на сцену. А большинство участников

спектакля вообще не ощущает себя в роли актеров. Мы же с Вами, например, отнюдь не актеры. И среди молодежи... Возьмите, к примеру, этого симпатичного парня — Мнс... Насчет этого я сомневаюсь, — сказал я. — Он-то как раз рожден был для роли и уязвлен тем, что ее не дают ему сыграть. Погодите, он еще выкинет какую-нибудь шутку и выйдет в заметные игроки исторической драмы! Вряд ли, — сказал Иван Васильевич. — А если нечто подобное и произойдет, то не по его личной воле.

В сарае долго обсуждали фильм. Уже засыпая, я услышал ответ Мнс на какое-то изречение Кандидата. Мы все делаем на низком профессиональном уровне или с дефектами, — сказал Мнс. — Обратите внимание, как показаны в фильме наши и немецкие политики и генералы. Хотя немцы терпят поражение, а наши руководители обыгрывают их на каждом шагу, поведение нашего руководства все равно выглядит как любительский спектакль в сравнении с профессиональным спектаклем поведения немцев. И постановщики фильма не смогли скрыть это различие. Вот в чем дело! И скрыть это невозможно, ибо суть дела проявляется во всем — в одежде, в лицах, в форме носа, в голосе, в жестах и прочих пустяках. Даже в звучании имен и командах.

На сей раз я смотрел один из моих любимых военных снов. Смотрел именно с этой точки зрения. И был поражен тем, насколько был прав Мнс. Но теперь передо мной возникла новая проблема: где проходит граница между любительским и профессиональным историческим спектаклем, и научимся ли мы когда-нибудь играть в историю на уровне высочайших образцов прошлого?

— Да! — прогремел во мне незнакомый доселе внутренний голос. — Научимся! Вернее, научились давно. Но мы профессионально можем играть только страшные трагедии.

И все-таки О коммунизме написаны миллионы всяческих слов, — говорю я, — но не сказано о нем самого главного. Коммунизм мыслился лучшими людьми прошлого как такая организация жизни людей, в которой люди вместе трудятся, вместе развлекаются, вместе переносят трудности, вместе радуются удачам. В которой все распределяется поровну и по справедливости, в которой все живут открыто, на виду друг у друга, живут душа в душу, помогают друг другу, заботятся друг о друге, любят друг друга, — короче говоря, в которой люди живут единой дружной семьей. Верно, — говорит Мнс, — но без семьи. Возможны ли такие коммунистические человеческие объединения? Конечно, возможны. Они бывают. Например, наша бригада иногда бывает похожа на этот образец. Еще ближе к нему — агитбригада. Вот уж где чистый коммунизм! Сплошная взаимная любовь, дружба и прочее! Но часто ли это бывает? И надолго ли? И можно ли все многомиллионное общество организовать так? Нет, конечно. Такая коммунистическая ячейка есть пустая абстракция, если взять общество в целом. Она предполагает отвлечение от смены поколений, от семьи, от бюрократии, от иерархии, от государства, от партии, от органов подавления и т. п. Такая абстракция может реализоваться иногда для небольших групп и на короткий срок, но не для нормальной жизни общества

в целом. Не случайно основоположники учения о коммунизме говорили об отмирании государства, органов подавления и т. д. при коммунизме — они чувляли, что их идея — нереальная фантазия, и обставляли свою фантазию фактически нереализуемыми условиями.

И все же, — говорю я, — такие человеческие объединения, которые я рассматриваю как подлинно коммунистические, возможны. И я много раз наблюдал их. И сам в них участвовал. И почему бы им не развиваться и не овладеть всеми людьми и всем обществом?! Разве это исключено априори?! Исключено, — говорит Мнс. — Влезьте на это дерево и прыгните вниз. На какое-то время Вы ощутите прелесть парения в воздухе. Но как долго? И Вы же все равно шлепнетесь о землю и ощутите на своей шкуре силу законов бытия. Такие коммунистические ячейки возможны лишь при условии, если вокруг вы видите совсем другого рода отношения людей (иначе вы не будете наслаждаться прелестями своей исключительной ячейки) и если есть обычное общество, за счет соков которого может жить ваша ячейка.

Походите по религиозным сектам, и вы найдете там ваш коммунистический идеал в изобилии. Но эти секты — явление производное и паразитическое. Они ничего не производят и ничего не делают для поддержания системы культуры, для охраны порядка и т. д. Ваш коммунизм есть отклонение от обычной жизни, есть праздник для души. А праздник для всех и всегда — это пустая мечта.

Ладно, — говорю я, — пусть невозможно всем людям и всегда жить покоммунистически. Но ведь к этому можно стремиться. Можно довольно близко приблизиться к этому идеалу. Наша партия имеет такую цель. И делает много, чтобы ее добиться. Увы, — говорит Мнс, — диалектика истории такова, что чем усиленнее стремишься к этому идеалу, чем больше делаешь для того, чтобы к нему приблизиться, тем больше отдаляешься от него. Чтобы в наше время создать... нет, не коммунистическое изобилие, а хотя бы мало-мальски терпимое благополучие для населения страны, нужно развивать производительные силы, нужно усложнять организацию производства и управление страной. А это в принципе отвергает Ваши коммунистические идеалы. Мы в самом начале нашей коммунистической истории были гораздо ближе к Вашему идеалу, чем теперь. А почему? Потому, что были нищими. И обратите внимание, в каких условиях чаще возникают человеческие объединения такого типа, о которых вы говорили? Окопы на фронте, бригады вроде нашей... В общем — в самых скверных условиях.

Но ты же сам говорил, что у нас большая часть населения вынуждается на такой скверный образ жизни, — говорю я. — Значит, возможности для возникновения подлинно коммунистических ячеек возрастают? Абстрактно рассуждая, да, — говорит Мнс. — Но это все погружено в общую атмосферу жизни общества, которая противоположна Вашим идеалам. Она губит всякие попытки создания коммунистических ячеек в Вашем смысле. Взгляните, что теперь творится в нашей и других бригадах. Грызня, склоки... Поймите, коммунизм в масштабах всего общества глубоко враждебен коммунистическим отношениям (в Вашем смысле) в первичных ячейках общества.

После этого разговора я сказал Мнс, что если он будет вступать

в партию, я могу дать ему рекомендацию. Он сказал, что хотел бы уклониться от этого дела, но по всей вероятности это не удастся, и потому он охотно примет мою рекомендацию. Кстати, — спросил он, — а как насчет нашего принципиального расхождения по отношению к труду? Я сказал, что оба мы по-своему правы, что в завуалированной форме и неосознанно я всегда придерживался его концепции, но иногда мне хотелось другого, чего-нибудь вроде атаки. Теперь я вижу, что атака хороша лишь тогда, когда в ней нельзя не участвовать и когда боевой порыв есть лучший способ спасти свою шкуру.

Покушение на Брежнева Рано утром, — рассказывал Парень, — Ильин с приятелем покинули свою часть и приехали в город. Об этом, естественно, сразу же стало известно в КГБ. Заговорщики пришли на квартиру Родственника. Того не было дома — уехал в командировку в отдаленную часть района. Жена Родственника оставила их одних, поскольку ей надо было отлучиться на часок по делу. Все складывалось так, как нужно. Приятель переделся в милицейскую форму Родственника, взял его пистолет, который, разумеется, лежал в незапертом ящике, покинул квартиру Родственника, сел на поезд, идущий в Москву. Через некоторое время сам Ильин направился на квартиру к своей знакомой девушке, на которой собирался жениться, переделся в милицейскую форму, которую он приобрел у одного милиционера за приличные деньги, и на следующем поезде тоже поехал в Москву.

И тут организаторы спектакля дали промашку. Они не предполагали, что покушающихся окажется двое, что на их игру наложится другая, не менее хитрая игра. Вместе с тем, весьма возможно, что вкладывая в руку покушающегося испорченный пистолет (в соответствии со сценарием, одобренным высшими лицами и самой «жертвой»), некоторые организаторы спектакля делали вид, что им не известно о другом, исправном пистолете, который наверняка выстрелит. Сомнительно, чтобы они не знали об этом. До истины теперь уже никогда и никто не докопается. Но что-то произошло неожиданное, это факт. То ли кремлевский вариант не был предусмотрен. То ли дублер оказался сюрпризом. То ли Ильину удалось скрыться от наблюдения. То ли изменились намерения вождей. То ли сама «жертва» струсила в последний момент. Только вдруг во всем сложном механизме заговора начались перебои, приведшие к настоящей панике.

Остальное вам известно. Ильин вклинился в шеренгу милиционеров в Кремле, стрелял в ту машину по счету, в которой должен был ехать Брежнев, — машина Брежнева неожиданно для всех (кроме посвященных, конечно) изменила маршрут перед въездом в Кремль, направилась к другим воротам, и на ее месте по счету оказалась машина с космонавтом. Возможно, что заговорщики (реальные, а не игрушечные) догадались о другом пистолете и побоялись, что Ильин на самом деле шлепнет Брежнева. Он-таки убил кого-то в машине — шофера и еще кого-то. Теперь, повторяю, этот клубок никогда уже не распутать.

Дон спросил у Парня, откуда все это ему известно. Тот пожал плечами. Все такие спектакли, — сказал он, — разыгрываются по одному и тому же

сценарию. Если известны какие-то детали и общие контуры его, то восстановить прочие детали уже под силу сведущему и неглупому человеку. А с какой целью ты рассказывал? — не унимался Дон. Просто так, — сказал Парень. — Из любопытства. Вы тут все время умные разговоры ведете. А случай, который я вам рассказал, весьма поучителен. Не все в нашей жизни безнадежно. Даже в такой крайне запутанной и рискованной ситуации, о какой я говорил, человек имеет шанс провести свою индивидуальную линию и кое-чего добиться. Контроль общества за индивидом не абсолютен. Всегда остается нечто неподконтрольное. И в нашей истории еще будут сюрпризы, помяните мое слово.

Странный человек, — подумал я, когда Парень ушел. — На стукача и провокатора вроде не похож. Скорее всего — обыкновенный шизик. А все-таки жаль этого Ильина, жаль, что его попытка не удалась. Жаль не потому, что я что-то имею против Брежнева — он не худший вариант вождя, а, может быть, даже лучший. Жаль потому, что Ильин, будучи полнейшим ничтожеством, восстал против могучей силы, превосходящей его в миллионы раз, и чуть было не победил ее. Чуть-чуть не считается, — сказал Мнс, — словно прочитав мои мысли. — К тому же намеченная им жертва — такое же ничтожество, как он сам, и послушная игрушка в руках других ничтожеств. И вообще все это — чушь.

Отбор передовиков Передовик — какое нелепое слово, не правда ли? Но это слово как никакое другое соответствует сути обозначаемого им явления. Оно сродни слову «передовица». Как передовица в газете есть нечто совершенно бессодержательное и, вместе с тем, исполненное глубокого смысла и большого значения, передовик производства есть индивид, отобранный общими усилиями коллектива и руководства на роль образцово-показательного труженика. Отбор передовика — дело в высшей степени серьезное и ответственное. Передовик должен удовлетворять многочисленным критериям. Он должен быть образцом поведения в быту (читай: по крайней мере не быть хроническим алкоголиком), политически активным и грамотным (читай: по крайней мере иногда трепаться на собраниях, аккуратно платить партийные или комсомольские взносы, выполнять какие-то поручения, посещать иногда пропагандистский кружок и не храпеть громко), надежным (читай: без перспективы отколоть какую-нибудь неожиданность), хорошим работником (читай: не самым явным лодырем). Он должен быть отобран в духе проводимой кампании, в соответствии с местными условиями, во вкусе местного начальства. И чтобы народ посмеивался над их выбором, но не очень явно, так как передовик по крайней мере ничем не хуже их. И при этом должен быть учтен воспитательный момент. Передовик, короче говоря, должен воплощать в себе итоги исполнения ранее принятых партийных решений, подтверждать своим обликом их правительственность, служить маяком для всех прочих (в газетах особые рубрики есть — «Наши маяки») и освещать собою перспективы.

Начался такой отбор передовиков и в нашей бригаде. На общем собрании бригады были названы имена лучших работников, из числа которых и будут потом отобраны такие, фотографии которых появятся на доске

почета, заметки о которых будут напечатаны в газетах, которым дадут почетные грамоты, медали и даже ордена. От нашего сарая были упомянуты имена Ивана Васильевича, Кости и Комиссара. Хотя общепризнано, что Костя — лучший работник во всем районе, нашлись активисты, которые припомнили историю с крышей. Первой выступила против Кости одна довольно милая и интеллигентная женщина. И полила на Костю такие помои, что даже представитель райкома комсомола призвал ее не преувеличивать этот пустяковый инцидент. Но в защиту Кости не выступил никто. Большинством голосов его кандидатуру отклонили.

Я голосовал за Костю. Но в защиту его не выступал, так как вообще считаю всю эту процедуру не стоящей внимания. И все-таки я чувствовал себя довольно погано: я знал, насколько важно было это собрание для самого Кости. Потом Костя говорил, что если бы мы выступили в его защиту и если бы его оставили в списке, то он сам снял бы свою кандидатуру. Его поразило то, что его никто не защитил. Но мы же проголосовали за тебя! — сказал Иван Васильевич. Это не то, — сказал Костя, — лучше бы вы голосовали против, было бы честнее. Пусть это тебе послужит уроком, — сказал Мнс. — Теперь ты знаешь цену нравственности наших положительных персонажей. Что касается меня, то я принципиально против зачисления таких, как ты, в передовики: вы слишком хороши для этого.

На втором уровне отбора передовиков (в масштабах всего нашего хозяйства) отпала кандидатура Ивана Васильевича. Слух был, будто представитель райкома партии сделал некий намек насчет Ивана Васильевича. Сам Иван Васильевич к этому отнесся спокойно. У меня еще не было случая, чтобы меня где-нибудь пропустили выше второго уровня, — сказал он. — Около моего имени всегда ставится условный знак, запрещающий оставлять мое имя в списке для дальнейшего продвижения. Даже когда я умру, согласно этому условному знаку, меня запретят хоронить на кладбищах на территории Москвы или около нее.

В списке для отбора передовиков на общерайонном уровне от нас остался один Комиссар. Он — фигура апробированная: в прошлом году он фигурировал даже в числе передовиков на областном уровне. Но в этом году ему выше района не подняться. Думаю, что ему помешают его шашни с Матренадурой.

Нас предали Когда стало достоверно известно, что будут строить капитальное овощехранилище, причем — по последнему слову науки и техники и сверхсрочно, деревня пришла в сильнейшее возбуждение. У каждого накопились свои строительные проблемы — кому крышу надо перекрыть, кому фундамент надо заложить под пристройку к дому, кому сарай надо поставить. Матренадурой овладела идея отгрохать капитальный погреб. В деревне начались тайные совещания и переговоры, сопровождаемые жуткими попойками. В результате машины со строительными материалами прежде, чем попасть на место стройки, объезжали дома местных жителей и приезжали к нам полупустыми. Нас это вполне устраивало: работы вдвое меньше. Прораб и бригадир учили нас, как нужно склады-

вать строительные материалы, чтобы создавалось впечатление, будто они не уплывают «налево», а потом — как строить «полноценное» сооружение из остатков разворованных материалов. Вокруг нас началось такое одуряющее пьянство, какое даже мне редко приходилось видеть до сих пор. Люди бродили, как тени, зеленые, опухшие, дышащие зловонием. И нам кое-что перепало. Но скоро эта лафа кончилась. Матренадура угостила кого следует, и нас (меня, Мнс, Кандидата, Ивана Васильевича) передали в ее распоряжение — строить ей погреб. И мы немедленно ощутили на своей шкуре, что такое «частный сектор».

Матренадура следила за каждым нашим движением и требовала добросовестной работы — не на государство работаем, тут, мол, честность нужна. К вечеру мы вымотались до предела, а она даже и не подумала нас подкормить. И мы взбунтовались. Позвали Матренадуру и предъявили ультиматум: работаем восемь часов, получаем дополнительную кормежку. В противном случае уходим на полевые работы. Там хотя и мокро, зато филонить можно. И веселее. Матрена сначала пробовала рыпаться, грозила напустить на нас начальство. Грозила даже кое-кому донести о наших разговорчиках. Мы обзвали ее стервой, как она того и заслужила, и пообещали донести кое-кому о ее махинациях со стройматериалами. И она капитулировала, стала сразу доброй и щедрой. И мы стали работать на совесть.

Идеи Иногда мне в голову приходят любопытные идеи. Приходят и уходят, не оставив в ней никакого следа. Надо положить этому конец, как-то фиксировать их. Вдруг пригодятся со временем. Вот уйду на пенсию, напишу книгу от нечего делать. Просто книгу. Книгу ни о чем и обо всем. Придумаю фиктивную страну. Просто Страну. Переделаю в ней социальные системы, эпохи, города, обычаи, имена, живых и мертвых. Очень забавно можно сделать. Например, Юлий Цезарь летит на самолете в Рязань в гости к Чингизхану и по дороге заезжает на чашку чая к Аврааму Линкольну, где знакомится с какой-нибудь Мерилин Монро. В этой Стране помещики и капиталисты являются членами коммунистической партии и даже избираются в партийное бюро. Короче говоря, можно сделать вид, будто никакой истории нет, а есть лишь одно неизменное состояние.

А еще я хочу описать некое правительство, которое выполняет функции по управлению народом, а народа никакого нет. Оно издает всякие указы, постановления, инструкции. Информация же об их исполнении фиктивна, т. е. чисто вербальная. В этом случае не один отдельный человек сумасшедший, а целая большая группа людей со сложной структурой, с разделением функций, с иерархией. Групповое сумасшествие — этого, кажется, еще никто не описал.

Хотел бы я знать, что творится в голове у Мнс. Наверняка ведь идеи бродят. Какие? О чем ты думаешь? — спросил я его как раз в такой момент, когда моя голова разрывалась от идей, а он курил и помалкивал. Ни о чем, — сказал он. Так не бывает, — возразил я. Ну, обо всем, — сказал он. — Какая разница?! Сейчас, например, мне пришла в голову идея написать книгу об актуальном значении давно забытых и никому

не известных деятелей. Идея не такая уж вздорная, — сказал я. — Говорим же мы о том, что Ленин вечно жив, хотя от него давно ничего не осталось. Характерный пример идеологической роли языка, — сказал он. — Язык с момента своего возникновения был орудием идеологии и остается таковым по сие время. Не надо преувеличивать, — говорю я. — Люди просто кретины и любят выпендриваться. Слово «любят» вряд ли тут уместно, — сказал он. — Глядя на людей со стороны, можно заметить, что они регулярно ходят в туалет. Что же, они любят ходить туда? Между прочим, подавляющее большинство языковых выражений бессмысленно, если в них вдуматься серьезно. Например, мне предстоит вступить в партию. Сделаю я это по убеждению или нет? Добровольно или нет? Подумайте несколько минут над этими словами «добровольно» и «по убеждению» именно с точки зрения их смысла и примените их к своему случаю!

Мы посидели молча минут десять. Я начал размышлять над смыслом этих слов и моей партийной ситуацией. И почувствовал, как былая ясность начала куда-то испаряться. Стоп! — сказал я. — А в чем тут дело? Очень просто, — сказал он. — Есть сугубо функциональный (или формальный) смысл этих слов, известный каждому партийному чиновнику. И есть идеологический смысл. Когда Вы сейчас задумались, Вы на мгновение заметили, что Вы болтаетесь в трясине идеологии, и ужаснулись. В порядке самозащиты мы избегаем трогать эту сферу нашего бытия. Я готов на пари такими чисто лингвистическими штучками свести с ума любого здорового человека. Между прочим, психические заболевания всегда суть языковые заболевания. Марксистская идеология, опуская людей на некий примитивный интеллектуальный уровень, делает великое дело: она спасает их от массовых психических заболеваний.

Потом я остался один. Я продолжал думать в том направлении, какое мне подсказал Мнс. И додумался до кошмаров. Что бы мы ни воображали о себе, — был итог моих размышлений, — мы все равно остаемся крупичками в круговороте мертвой и бессмысленной материи. И чего стоят все наши жалкие проблемы?! Сформулируйте их, подумайте внимательнее над смыслом фиксирующих их слов, и вы сами каждой клеточкой своего тела почувствуете, что это — миражи.

О критике Кто сказал, что у нас зажимают критику? Вздор! У нас заставляют критиковать, ибо критика у нас есть движущая сила общества. Наше общество вообще есть критическое и самокритическое. У нас даже Сталин критиковал наши недостатки. Откройте любую нашу газету, любой журнал, любой роман. Везде — критика и самокритика. Но все это — лишь пустая форма. Для отвлечения внимания и пускания пыли в глаза. Вся наша критика есть критика частных и критика показная. Стоит кому-либо копнуть полюбже, как на него немедленно обрушивается вся карающая мощь государства. Вот и сейчас все газеты и речи начальников и уполномоченных полны критикой недостатков нашей... Вот в том-то и дело, что НАШЕЙ, а не ИХ работы. Но стоило нашим ребятам завести разговор насчет всей этой системы организации труда, как в бригадах замелькали «мальчики» из Органов.

Философия Матренадуры

Это — самая трудная часть в описании Матренадуры. Можно было бы, конечно, отделаться от этой проблемы одной фразой: мировоззрением Матренадуры, как и прочих советских людей, является диалектический материализм. И это было бы верно. Но не вполне честно, так как сама она об этом не знает. Сама она, по ее собственным словам, «видала этот диалектички материализм в гробу в белых тапочках». В этом ее заявлении недоумение у нас вызвал не намек на гроб для высшего продукта, произросшего на большой дороге мировой культуры, — против этого мы сами ничего не имеем, а упоминание о белых тапочках. Почему же в белых тапочках? — спросили мы ее. А в чем же еще?! — удивилась она в свою очередь. Мнс определил философскую позицию Матренадуры как изворотливый матрениализм, поставив его между марксизмом и учением русских революционных демократов, которые ближе всех подошли к марксизму, хотя и появились несколько позже его. Они подошли вплотную к марксизму, — возразил на это Дон, — значит, между ними и марксизмом уже ничего поместиться не может. Для изворотливого матрениализма это не проблема, — сказал Мнс. — Для него вообще не существует неразрешимых проблем. Задайте той же Матренадуре любой вопрос, и вы немедленно получите исчерпывающий и убедительно ответ. Матрена Ивановна, — спрашиваем, например, мы, — кто победит в будущей войне? Мы! — безапелляционно заявляет она. Почему же мы? — возмущаемся мы. Да потому, что больше никому, — режет она. А ведь и в самом деле — больше никому.

Русские люди, подобно древним грекам, все суть прирожденные диалектики и материалисты. Они даже прирожденные, чем греки, так как у нас без материализма и диалектики никак не проживешь. От греков осталось всего несколько жалких фрагментов вроде «Все течет» и дурацких апорий вроде «Ахиллес не догонит черепаху». А от русских остались бы тома мудрых изречений и неразрешимых парадоксов, если бы кто-то удосужился записать и увековечить их. И не нужно для этого всю Россию обходить. Достаточно поехать на уборочные работы. Вот вам примеры тому. Сын Матренадуриной соседки просится отпустить его с ребятами купаться в озере в пяти километрах от деревни. Иди, — говорит Соседка, — но помни: если утонешь, домой лучше не приходи, выпорю! А как она могла высказать такое, не будучи прирожденным диалектиком?! Стало известно (а в русской деревне все не только в принципе познаваемо, но сразу же и познается), что бухгалтерская дочка забеременела от уполномоченного райкома партии. Девкой меньше — бабой больше, — говорит по сему поводу Матренадура. Говорит, не подозревая того, что переоткрывает философский закон сохранения и превращения материи.

Ребята как-то разговаривали на модную тему о телепатии и парапсихологии. Матренадура поддакивала, приводила свои душераздирающие случаи. Разумеется, из вторых и третьих рук, как и наши, «научные» факты: одна знакомая рассказывала, свояченица своими собственными глазами видела, двоюродный брат однажды... И когда у нас самих зародилось доверие к своему собственному вранью, Матренадура вдруг заявила, что все это — «лучи», что хватит глупости болтать, что ей пора корову доить.

Вспоминаю разговор Матренадуры с участковым милиционером, который обнаружил у нее в сене кирпичи.

— Где взяла? — строго спросил участковый, хотя сам прекрасно знал, где именно, ибо сам из того же источника взял кирпичи на печку в своей бане.

— Где взяла, там их уже нету!

— Если бы они были там, их не было бы здесь.

— А ты докажи!

— И докажу! И сгною тебя в тюрьме.

— И дурак будешь. Ты думаешь, начальство тебя поблагодарит, что не доглядел? А сам-то ты из чего печку в бане сложил? То-то и оно! Вот и докажешь только то, что ничего не докажешь.

После ухода участкового (тот свою поллитровку все-таки выпил) Матренадура закатила речь, в сравнении с которой хрестоматийные образцы диалектического мышления классиков марксизма суть жалкий метафизический лепет. О, Господи, — сказала она в заключение, — сколько умников развелось на свете! А на что у людей уходит ум? Только на то, чтобы дурость свою показать.

Матренадура любит поговорить «за жизнь», причем — на таком высочайшем уровне, какой редко можно встретить в интеллигентских кругах в Москве, не говоря уж про Запад.

— Что наша жизнь?! Тьфу! Что есть она, что нет ее, все едино. Вот прожила я жизнь. А что толку? Я даже пернуть как следует не успела, а уж пора лапти откидывать.

— Матрена Ивановна, а что если тот свет существует? И Бог существует? И ад? Вам не страшно?

— А чего бояться?! Я, милоч, такого повидала, что мне теперь твой ад — все равно что банька парная. Одно удовольствие. И Бога я не боюсь. Что он мне, начальник милиции, что ли?! Пусть вызывает! А я ему прямо так в глаза и скажу: ты, мол, тут на облаке с ангелочками лясы точишь, а я всю жизнь по колено в грязи мудохалась! Поработал бы ты с мое в колхозе в те времена, так понял бы, почему фунт лиха! А куда моя молодость и красота подевались?! А знаешь ли ты, сколько мне было, когда я пахать в поле начала и на лесозаготовках работать? То-то!

— Ну, а нынешнюю свою жизнь как Вы оцениваете?

— А что ее мне оценивать? Сами видите, много ли в ней хорошего. Морока одна. Но жить теперь много лучше прежнего. Хлеба вдоволь. Картошки хватает. Сахар, конфеты, печенье, мыло в магазине всегда есть. Бывает, и селедку дают. А чего еще нужно?! Жизнью нынешней мы довольны. Только бы войны не было.

Сигнал Какое бы дело у нас ни делалось, в нем всегда бывают беспорядки. Точнее говоря, делаются сначала и главным образом беспорядки, а среди них каким-то чудом делается (правда, далеко не всегда) дело. И всегда находятся честные люди (обычно это — старые «настоящие» коммунисты), которые пишут письма во всяческие органы об этих беспорядках. Эти письма называются сигналами. Это — очень интересное явление

с точки зрения социологии и психологии. В них есть частица правды, частица вымысла, частица склочности, частица искреннего боления за интересы дела, частица доноса. По стране таких писем ежедневно пишется сотни тысяч. Они поступают во все партийно-государственные инстанции, в которых для этого созданы специальные отделы для разбора писем трудящихся. В подавляющем большинстве случаев такие письма остаются без последствий. Но иногда им дают ход, чтобы обозначить заботу о трудящихся в соответствии со специальными решениями ЦК по поводу таких писем. Во время нашего пребывания в деревне такие письма сочиняются и на беспорядки на нашем участке фронта битвы за урожай. На сей раз какое-то письмо сработало — попало, очевидно, в русло. Не так давно были разоблачены крупные хищения на одной великой стройке коммунизма в Поволжье. О них даже в газетах писали. Особое закрытое письмо ЦК в партийные организации по этому поводу было. И действие этого письма еще не заглохло, — местные партийные власти еще не успели отчитаться в том, что они сделали во исполнение его. И вот по письму о хищениях стройматериалов было велено создать особую комиссию и расследовать положение. Слух об этом чуть свет распространился по поселку. Как об этом пронюхали? Думаю, что из Обкома партии, где создавалась комиссия, кто-то намекнул о ней в райком, а оттуда намекнули нашему начальству. А это значит, что через десять минут даже школьники младших классов уже шептались о комиссии СВЕРХУ.

Потом появилась Мао Цзе-Дунька. Полупьяная, с круглыми от паники глазами. Она как угорелая носилась по деревне, крыла матом всех, кто подвернется, грозилась всех посадить.

В деревне началась лихорадочная деятельность по маскировке следов преступления. Машины на бешеной скорости носились туда-сюда, возвращая стройматериалы в те места, где им положено было быть по закону. С крыш домов сдирались свежие доски и на их место возвращались гнилые. Мы спешно закопали погреб Матренадуры и наложили сверху поленницу дров. За каких-то пару часов овошехранилище продвинулось вперед на целую месячную норму. Правда, все это была сплошная липа, одна лишь видимость. Если строительство доведут в таком духе до конца (а придется, ибо другого выхода нет), оно уже к весне обрушится или будет затоплено.

Хотя я не раз наблюдал ситуации такого рода, я все равно был потрясен тем, что у нас тут происходило. Сколько энергии, выдумки, таланта, самоотверженности люди проявили тут! А для чего? Отнюдь не для дела, а для очковтирательства, сокрытия беспорядков и преступлений!! Парадокс? Нет. Это-то как раз естественно, ибо тут люди работали ради себя, ради своих личных интересов, а не ради абстрактных идеалов некоего коммунизма, над которыми все давно смеются. Поразительно, но факт. В нашем обществе люди делают настоящее дело спустя рукава, как нечто чуждое им. А душу начинают вкладывать лишь в нечто фиктивное и незаконное, ибо лишь преступная и фиктивная деятельность захватывает их лично как их собственное дело.

Комиссия из области прибыла после обеда. Уже навеселе — в районе

их поднакачали по всей вероятности весьма основательно. И всем стало ясно с первого взгляда, что такая комиссия не смогла бы заметить беспорядков, о коих сигнализировали честные коммунисты, и без наших героических усилий по их маскировке. И нам всем стало жаль этих зря потраченных усилий. Если бы мы только знали!.. Интересно, почему мы дело по сокрытию преступлений и халтуры не делаем так же преступно и халтурно, как делаем само дело, в котором совершаем эти преступления и халтурим?!

Все о том же О чем? Конечно, о диссидентах и эмигрантах. И ничего в этом удивительного нет. В нашем унылом житейском болоте это — самый значительный предмет разговоров, споров, сплетен, слухов. В нашем воображении эти два явления (диссиденты и эмиграция) слились в одно, хотя большинство эмигрантов не имеет никакого отношения к диссидентам, а многие диссиденты не имеют шансов или не хотят эмигрировать. Для нас одно немислимо без другого по трем причинам: 1) оба открыто выражают недовольство нашим образом жизни; 2) множества участников этих движений и их судьбы частично совпадают; 3) власти всячески стремятся изобразить их как нечто единое. Хотя мы и спорим, однако в общем и целом большинство из нас и в большинстве случаев тяготеет к официальной концепции этого диссидентско-эмигрантского движения. Концепция эта такова. Движение это есть результат тлетворного влияния Запада, главным образом — сионистов и разведок западных стран. В него вовлекаются всякого рода отбросы нашего общества (за редким исключением), честолюбцы, стяжатели, психически больные, индивидуалисты, авантюристы, уголовники. И надо сказать, что власти как в открытой печати, так и в закрытой пропаганде весьма умело используют факты, чтобы создать убедительность для своей концепции. Говоря об умелости и убедительности, я имею в виду эффект воздействия на широкие слои населения. Думаю, что и на Западе многие попадают на эту удочку. Восприятие этой официальной концепции нами (даже нами, т. е. средой сравнительно интеллигентной), осуществляется в три этапа. Первый этап: власти, разумеется, врут. Второй этап: нет дыма без огня. Третий этап: а если уж говорить начистоту, между нами, положи руку на сердце, то ведь на самом деле так. А так как сами мы публично протестовать и эмигрировать не собираемся, то диссиденты и эмигранты вызывают в нас сильные эмоции, причем — противоречивые. С одной стороны, мы им сочувствуем — все-таки правду говорят, все-таки люди не хотят жить в нашем свинском болоте. С другой стороны, мы раздражены на них, ибо они удирают, а мы обречены тут гнить, они осмеливаются критиковать, а мы боимся. А только ли боимся? Мы главным образом сами не хотим, ибо это болото со всеми его ужасами, обличаемыми диссидентами, есть наш дом родной. Отношение диссидентов и эмигрантов к нашему родному дому мы, естественно, воспринимаем как личное оскорбление. И довольно часто мы реагируем так: пусть катятся отсюда, воздух будет чище! И неверно думать, что это власти нас заставляют так реагировать. Власти выражают наши общие настроения. И мы ворчим на власть и на наши порядки. Но, как нам кажется, совсем по-другому и с другими

целями. Наше ворчание — наше семейное дело.

Хотя наши власти пропагандируют такую концепцию диссидентства и эмиграции, по другим каналам в наше сознание осторожно внедряются слухи совсем иного рода. И хотя они явно противоречат официальной концепции, они прекрасно уживаются друг с другом, ибо мы привыкли совмещать несовместимое и менять свои взгляды по десять раз на день в зависимости от перемены условий их выражения и собеседников. Суть этих слухов такова: диссидентское и эмигрантское движение было задумано в ЦК и КГБ с некоей великой тайной целью, специально спровоцировано ими и до мелочей контролируется и направляется ими. Как же так? — удивился я, когда эту идею мне шептал на ухо («по-дружески») один сотрудник института, который не скрывал того, что он офицер КГБ, — это же не соответствует нашей партийной прессе! Почему же не соответствует?! — удивился в свою очередь он. — ЦК и КГБ мудро и умело использовали тлетворное влияние Запада, сразу же взяли его под контроль и направили в нужное для нашей Партии и Народа русло.

Я тогда был буквально сражен логикой этого подонка. Но потом сам другими путями пришел почти к такому же выводу (и лишь после этого вспомнил о разговоре с ним). Мы идеологически воспитываемся так, что никакие кажущиеся и фактические логические противоречия нас не смущают, а о некоей моральной принципиальности и говорить нечего: это с самого начала исключено нашей необычайной гибкостью. Мы не аморальны, как думают некоторые. Мы всегда имеем четкие формы. Но мы очень быстро и безболезненно меняем наши формы. И с этой точки зрения мы суть новые, более совершенные существа в истории человечества. Мы — не деградация, а прогресс. Мы лучше приспособлены к усложняющимся условиям бытия, чем наши предшественники. Ведь наши предки на первых порах тоже казались их современникам-животным уродами! Представляю, какими в высшей степени совершенными тварями будут наши потомки!!!

Как жить В школе мы с приятелем придумали в шутку учение о том, как лучше всего выжить, будучи избиваемым и убиваемым. Это было нечто принципиально отличное от приемов защиты в драке, когда ты сопротивляешься или нападаешь сам. Это была совокупность принципов покорности.

*Из мудрых истин бытия
Моей натуре эта ближе:
Кто зад у сильных мира лижет,
Тот избегает бития.*

Нас, конечно, прорабатывали на комсомольском собрании, осудили наше учение как классово чуждое. Были, правда, затруднения в установлении того класса, интересы которого выражало наше учение. И хотя наше учение было шуточным, моя собственная жизнь и жизнь окружающих меня людей проходила в соответствии с ним.

*Но если все-таки под вздох
Они тебе влепили, гады,
Не жди! Скорей на землю падай!
И делай вид, что ты издох.*

И мы падали еще задолго до того, как нам наносили удары. Падали даже от воображаемых ударов. Мы настолько привыкли падать, что тосковали, если нас не били, мы жаждали получать удары.

*Еще хочу предостеречь:
Не вздумай Им уподобляться,
Старайся лучше расслабляться.
Авось удастся жизнь сберечь.*

И мы жили, боясь напрячь мускулы и распрямить плечи, готовые вобрать в себя любой чужой кулак. И многие благодаря этому уцелели.

*И истину еще одну
Скажу в порядке назиданья:
Не надо сдерживать дыханья,
Когда совсем пошел ко дну.*

Мы именно так и поступали. Даже на мелких местах мы совали головы в грязный житейский поток и с жадностью вдыхали его смертоносные воды. И вот нас уже нет. А те, что еще живы, просто ждут своей очереди.

*Не нами это начато.
Такая, значит, наша участь:
С случайной жизнью отмучась,
Вернуться в вечное ничто.*

А к чему я об этом вспомнил? А вот к чему.

И как гнить Однажды к нам на фронт приезжал лектор из политотдела армин. Здорово трепался. Мы слушали развесив уши. И все напирал на приоритет общественного перед личным. После лекции мы продолжали обсуждать эту тему между собою. Был у нас во взводе один мальчишка. Тихий, задумчивый. И не очень расторопный как солдат. Вот он и ляпнул вдруг, что, мол, так и не испытаешь своей личной жизни, что, мол, даже после смерти в общей могиле гнить придется. Кто-то донес. За парня сначала взяли наши политработники. Пошли допросы и проработки. Почему не хочет в братской могиле гнить?! Отрыв от коллектива! Противоставление себя коллективу! Тут и до измены один шаг! А парень вместо того, чтобы покаяться, уперся: хотелось бы, стоит на своем, в своей индивидуальной могиле гнить. Дело раздули. Кончилось трибуналом. Парню говорят: или покаешься, и тогда десять лет штрафного,

или не покаешься, и тогда расстрел. В общем, расстреляли парня. Перед строем, чтобы пример для всех был. Тут-то и возникла проблема: как хоронить? Если закопать отдельно, значит, пойти на уступку ему. Зачем тогда расстреляли?! А в братскую могилу нельзя — изменник! Кто-то предложил подождать, когда таких мерзавцев много накопится, и закопать их вместе. Но этот вариант осудили: нельзя таким путем создавать антисоветскую группу. Ничего себе задачка? Не подумайте, что я шучу. Такая заваруха началась. Дело дошло до самых высших инстанций. От нас труп увезли в особой машине, с усиленной охраной. А куда и зачем, мы спросить побоялись. Интересно, как Они там справились с этой проблемой?

*Продолжу поученья нить
Я совершенно не шутиливо:
И после смерти будем гнить
В среде здоровой коллектива.*

Хватит об этом Почему мы так много говорим и думаем о диссидентах и эмиграции? В диссиденты идти и эмигрировать мы не собираемся. И отношение к ним у нас больше недружелюбное, чем дружелюбное. Думаю, что этому есть простое объяснение: это для нас есть повод и конкретная форма обдумывания более общей и глубокой проблемы своего собственного положения в нашем обществе. А отношение наше к этим явлениям определяется тем, что они не дают решения нашей фундаментальной проблемы, а в качестве формы они ей неадекватны. Наше преувеличенное внимание к этим явлениям является не столько результатом любознательности и солидарности, сколько раздражения. Мы подсознательно воспринимаем диссидентов и эмигрантов как лиц, которые незаконно узурпировали поле деятельности, принадлежащее нам по праву. Они нам кажутся ловкачами, использующими благоприятную конъюнктуру, т. е. явлениями по сути дела очень советскими. Они нам кажутся такими даже в тех случаях, когда их сажают в тюрьмы и сумасшедшие дома, лишают работы и вообще всячески преследуют. Хотя они и имеют антисоветскую направленность, они ее выражают в рамках советскости. Это — чисто советская форма выражения антисоветских настроений. Это — не парадокс, а типичное явление для истории. Марксизм в свое время зародился тоже как чисто буржуазная форма антибуржуазных настроений.

Но честно говоря, эта тема уже порядком надоела. Когда ребята начали было опять ее «обсасывать», я категорически заявил: хватит! Меня уже тошнит от этого! Если не прекратите, немедленно пишу донос о нездоровых настроениях в сарае. Верно, — поддержал меня Иван Васильевич, — я тоже подпишусь под этим доносом. Раз старшие товарищи-коммунисты решили писать донос, — сказал Дон, — то комсомольцы и беспартийные, само собой разумеется, принимают это как руководство к действию.

*И вновь все как спасенья ждуть,
Когда открытые разносы
И сокровенные доносы
Былую силу обретут.*

Последствия критики

Члены комиссии выдали нашему местному начальству, кто были авторы письма и как письмо проскочило в Москву. По обычной почте письмо не прошло бы, поскольку в почтовых отделениях сидели специальные люди, которые просматривали все наши письма. Подозрительные письма отбирались и направлялись в Особый Отдел в районном центре. Авторы критического письма, подозревая об этом, изготовили письмо в трех экземплярах и переправили их прямо в Москву: одно со столичным пропагандистом, другое с руководителем агитбригады и третье с... сотрудниками КГБ. Один экземпляр достиг цели, и есть основания предполагать, что это — последний. Письмо подписали пять человек. Все — члены партии уже много лет. И среди подписавших — наш Комиссар. Вот это сюрприз!! А его в районе уже отобрали в число передовиков и даже сфотографировали для газеты!!

Хотя проверка письма кончилась ничем, авторы его открыто заявили (теперь им все равно уже ничего другого не оставалось), что это дело так не оставят, и, вернувшись в Москву, возбудят его в высших партийных сферах. Угроза эта встревожила местное начальство. И оно (конечно, при поддержке вышестоящего начальства) решило принять профилактические меры. Возглавила эту благородную миссию сама Мао Цзе-Дунька.

Первым делом возник апробированный вариант с коллективным изнасилованием. Но по зрелом размышлении он отпал. Во-первых, он уже использовался несколько раз, последний раз — в прошлом году. И тогда он провалился. Провалился не в том смысле, что не удался. Он удался, и ребят, которые вели недопустимые разговоры, засудили за коллективное изнасилование. Но милиционеры, которые на самом деле изнасиловали девчонку по заданию организаторов этого дела, потом по пьянке переругались и разболтали об этом. И теперь весь район знает, что это дело было сфабриковано. И вроде бы даже возникла идея пересмотреть решение суда. Во-вторых, авторы письма все пожилые люди, члены партии, действовали из лучших побуждений, вслух свои суждения не высказывали. В-третьих, и, пожалуй, это был главный аргумент против рассматриваемого варианта, во всем районе не смогли найти девчонку, которая подошла бы на роль изнасилованной. Все они оказались либо такими страшными, что на них явно никто не полюбился бы, либо такими опытными в делах любви, что никто не поверил бы в то, что они не дали на «изнасилование» свое добровольное согласие.

И в конце концов Мао Цзе-Дунька приняла единственно правильное в такой ситуации партийное решение. Надо подойти к задаче диалектики, — сказала она на заседании комиссии, созданной для расследования клеветнического письма. — К каждому клеветнику нужен конкретно-историчский подход. У каждого наверняка есть какой-нибудь грешок. Надо зацепить этот грешок и... Сами понимаете!

И нашего Комиссара решили дискредитировать на его шашнях с Матренадурой.

*Печален будет твой удел.
Растреплют, как ты ночью темной
Со старой бабой полутонной
Давил клопов и в такт пердел.*

О бабах Народ в деревне — это в основном бабы. Мужики — руководители, механизаторы, конторские служащие. Мы — не в счет. Мы — внешняя даровая рабочая сила, выполняющая самую грязную и примитивную работу. Но мы все-таки выходцы из другого мира. А основная тяжесть деревенского труда выпадает на долю баб. Они и свое личное хозяйство обслуживают, и приработками занимаются (рынок), и в совхозах и колхозах как-то работают. Если взглянуть на жизнь в целом, то мы выглядим жалкими филонами сравнительно с Матренадурой. Хотя мы иронизируем над ней и даже ворчим на нее, мы в общем понимаем ее тяжкую судьбу и почему-то чувствуем себя виноватыми перед ней. Находит на нас такое настроение волнами. И тогда мы всячески угрожаем ей, пилим дрова, чиним крышу, полем и поливаем огород, чистим хлев. В такие минуты она буквально расцветает, становится до слезливости доброй и щедрой. В такие минуты она готова отплатить нам сторицей — замечательное качество русского человека. Но мы этим качеством не злоупотребляем, ибо знаем, что русский человек обладает и другим качеством, неразрывно связанным с первым: он никогда не забывает добро, сделанное им, и напоминаниями об этом добре может отравить тебе жизнь. Поэтому мы всегда в матренино добро вносим свой пай с таким расчетом, чтобы не оказаться ее должниками. Но, увы! Во сколько бы наш пай ни превышал ее собственное добро, он все равно в ее представлении сводится к ничтожному пустяку, не сравнимому с ее щедрой долей. Это — тоже качество русского человека. И я ее, Матрену, понимаю. Ей это нужно не для корыстного расчета, а для психологии: у нее нет других, более приличных способов самоутверждения.

В деревне много баб вроде нашей Матрены. Ее соседка Лизавета даже внешне на нее похожа (впрочем, деревенские бабы все друг на друга похожи почему-то). Она лет на десять моложе Матрены, еще не потеряла надежду вторично выйти замуж (ее муж попал в тюрьму за какую-то ерунду, и его там убили в драке) и потому ведет нравственный образ жизни. Все наши попытки оказались тщетными. Женись сначала, — твердо говорила она, — потом... сколько угодно. Она даже Косте предлагала жениться, обещая откормить его и сделать настоящим мужиком. Впрочем, по моим наблюдениям, она не прочь была бы переспать с Мнс (и что они в нем такого находят?!), но тот ее игнорирует. Дон сказал, что в Мнс есть что-то от Христа, а бабы таких любят. Забавно, — добавил он, — Христос имел бешеный успех у женщин, но почему-то на это никто не обращал внимания. Хотел бы я знать, спал он с бабами или нет? Не может быть, чтобы не спал. А если не спал, то кретин. А если спал, то должны были остаться какие-то дети. Почему о них ничего не слышно?

*И сын Небесного Царя
Под юбку лазил втихаря,
Детей без устали плодил
И алименты не платил.*

Без иллюзий У меня нет никаких иллюзий. Я твердо знаю, что коммунизм неотвратим во всем мире, что и западным странам его не избежать. Борьбаться против коммунизма я не хочу — бессмысленно. И если уж бороться за улучшение жизни, то надо признать коммунизм как данность и бороться за лучшую жизнь на его основе. А это значит укреплять коммунизм, улучшать его и делать его более гибким и живучим. Но этого я тоже не хочу. Так что на мою долю остается самая нормальная позиция: пусть история катится своим чередом, как ей заблагорассудится, а я в ней создам свою личную историю, более всего подходящую мне по моим возможностям и внешним условиям. При этом я вроде бы остаюсь членом общества, но до некоторой степени автономным, подобно тому, как опытный армейский сачок игнорирует великое целое, к которому он так или иначе принадлежит, — армию, стратегию, тактику, замыслы командующих, расчеты штабов и все такое прочее. Общество в принципе может обойтись без таких его членов, как я. Но оно все-таки их терпит и даже отчасти культивирует. Почему и зачем? Ответ на вопрос «почему» прост: общество бессильно от них избавиться. Они чудовищно приспособительны и абсолютно неуязвимы. Я вспоминаю случай, как наш полк потерпел фиаско в попытке вывести на чистую воду и прижать одного единственного такого сачка-паразита. Даже Особый Отдел капитулировал. И этот сачок как ни в чем не бывало продолжал свое паразитическое сытое существование в недрах нашего героического и многострадального гвардейского полка. А вот на вопрос «зачем» ответить труднее. Иногда — низачем. Но иногда с определенной целью. И я как будто начинаю ощущать, что и меня терпят с неким расчетом. С каким? Одному моему знакомому много лет позволяли всякого рода выходки, за которые даже теперь по головке не глядят. И лишь в конце жизни его использовали для мелкой и подленькой провокации. Какой ужас! Прожить полную трудностей жизнь и передумать горы мыслей, чтобы в заключение расплатиться за все мелкой подлостью!! Неужели и мне уготовано нечто подобное?!

Я долго терзал себя такими размышлениями, пока меня не осенило вдруг: итогом и целью жизни является сама прожитая жизнь, а не какое-то отдельное событие в конце ее. И все твои упомянутые выше проблемы ложны.

Обработка Матренадуры Матренадура сначала категорически отрицала то, что она «спала» с Комиссаром. Но Товарищ из райкома партии пригрозил ей, что «если она не выложит все начистоту», придется начать раскапывать ее махинации с погребом. И Матренадура согласилась дать нужные показания на Комиссара. Но — с условием: чтобы считалось, будто Комиссар «взял ее силком». Товарищ из райкома сказал, что это будет звучать неправдоподобно, так как Матренадура одной левой рукой может скрутить трех таких хлюпиков, как Комиссар, а одной левой ногой может раскидать всю бригаду. Тогда Мао Цзе-Дунька предложила более мягкий вариант: Комиссар соблазнил Матренадуру, пообещав развестись с женой и завести с Матренадурой новую, здоровую социалисти-

ческую семью. Идея эта очень понравилась Матренадуре. Она немедленно уверовала в ее истинность и уже через пару часов развонила по всему поселку, что Комиссар оказался подлецом, что когда уговаривал ее «спать» с ним, обещал жениться, а теперь, добившись своего, позабыл про свои клятвы.

Жители поселка верили Матренадуре, поскольку русские бабы соглашаются «спать» с их соблазнителями только при условии, если те пообещают жениться на них, а русские мужики не имеют никаких иных средств соблазнения, кроме обещания жениться. Но никто не верил в то, что Комиссар на самом деле собирался жениться на Матренадуре, а последняя рассчитывала оженить его на себе, ибо прекрасно знали, что обещание жениться есть лишь чисто словесный элемент российского секса. Комиссия же, собиравшая материалы, разоблачающие «подлинное аморальное лицо» Комиссара, не стала входить в эти лингвистические детали: она констатировала «голые факты». 1) Комиссар совершил супружескую измену, нанеся тем самым ущерб марксистско-ленинскому учению о здоровой социалистической семье; 2) Комиссар совратил Матренадuru «путем циничного обмана», пообещав жениться на ней, разрушив тем самым прежнюю здоровую социалистическую семью.

Кандидат предложил гениальное решение проблемы Комиссара: признаться в сожительстве с Матренадурой, но заявить, что ее специально подсунили ему местные зажимщики критики. Слух об этой идее Кандидата дошел до самой Матренадуры. Она пообещала оторвать у Комиссара ту самую штуку, с помощью которой он нанес ущерб марксистско-ленинскому учению о здоровой социалистической семье, если тот вздумает утверждать нечто подобное.

С того момента, как вся эта история закрутилась, Матренадурa всячески демонстрировала свой высокий моральный уровень и даже спать ложилась в лжезаграничных джинсах с настоящей американской кожаной нашлепкой.

Мысли в связи с русской историей

В один из дождливых дней, когда невозможно было работать, нас возили на экскурсию в поместье Александра Невского, одного из самых выдающихся деятелей русской истории. Экскурсовод рассказал нам, что не так давно вскрыли его гробницу, и оказалось, что рост у него был метр сорок восемь сантиметров. А в кино его играл самый длинный советский актер. А битвы его! О битве на Неве вообще мало что известно. Ему было тогда шестнадцать лет. В чем мог проявиться его «полководческий гений»? После этой «блестящей победы» новгородцы его прогнали с княжества. Битва на Чудском озере — была ли она вообще? Немцы провалились под лед, а мы до сих пор от радости опомниться не можем: Великая победа!! Это очень характерно для нашей истории: легенда истории ничего общего не имеет с реальной историей. Мы хорошо помним воображаемую историю и хорошо забываем реальную. Мы и сейчас живем не столько в реальном, сколько в воображаемом мире. Эта неадекватность есть верный признак сумасшествия. Неужели вся наша история есть сумасшествие? А почему

бы нет?! С ума сойти может не только отдельный человек, но и целый народ.

Обработка свидетелей Поскольку Комиссар отверг утверждения Матренадуры как «тенденциозные» (что бы это могло значить?), комиссия решила нажать на нас как на свидетелей аморального поведения Комиссара. И надо признать, что на первых порах она добилась серьезного успеха. Лоб сам наговорил именно то, что требовалось. Костю подловили на его недоразвитой способности обманывать (как сам Костя выразился — «на болезненной правдивости»). Токаря купили даровой выпивкой. Даровой в обоих смыслах: в том смысле, что Токарь не платил, и в том смысле, что Товарищ из райкома заплатил за выпивку из средств райкома. Кандидат подтвердил их показания «за компанию». Мы с Иваном Васильевичем отказались разговаривать на эту тему, что тоже в общем устраивало комиссию. Но Дон и Мнс испортили всю картину. Дон заявил, что он тоже «спал» с Матренадурой. Может быть, не столь часто, как Комиссар, но все же спал. От этого признания Дона несколько помутнел моральный облик Матренадуры, а значит, несколько посветлел облик Комиссара. Но это еще было терпимо, поскольку Комиссар согласно показанию Дона все-таки «спал» с Матренадурой. Мнс же заявил, что с Матренадурой спал не Комиссар, а главным образом он, Мнс. Иногда его подменяли Дон и Токарь. Причем Матренадура совратила его, Мнс, «путем циничного обмана»: пообещала кринку парного молока, но, добившись своего, не сдержала клятвы. К этому времени протрезвел Токарь. А так как Товарищ из райкома отказался поить его даром вторично, Токарь примкнул к Мнс. Чего греха таить, — сказал он, — мы ее (Матренадуру) всем сараем «пользовали». От таких признаний Матренадура ударилась в другую крайность. Она носилась по поселку в старых штопаных колготках и орала, что никто ее не «пользовал», что все слухи насчет отношений ее и Комиссара — сплошное вранье, что она — «девушка честная, а не какая-нибудь». Комиссия пришла в замешательство. Пункт второй обвинения Комиссара пришлось снять, а первый несколько ослабить, придав ему такой вид: Комиссар неоднократно совершал аморальные поступки, порочащие звание коммуниста и наносящие ущерб марксистско-ленинскому учению о семье и браке путем вступления во внебрачные сношения с некоторыми местными жителями.

Всеобщее сумасшествие Идея всеобщего сумасшествия с некоторых пор завладела моим вниманием, и я даже на время отложил свою спунологию. А нельзя ли это сумасшествие направить в нужную сторону? Конечно, можно, — сказал Мнс, с которым я поделился своими соображениями. — Именно этим и занимается наша идеология с первых дней революции. Если уж быть точным, то задача идеологии — свести общество с ума в нужном направлении. Думаю, что теперь эта миссия идеологии будет подкрепляться достижениями психологии, химии, биологии, медицины.

Сговор Комиссар с горя запил. Поставят мне за это на вид без занесения в учетную карточку, — говорил он со слезой в голосе, — ну, жена недельку подуется. Это все пустяки, не в первый раз. Обидно другое. Теперь мне никто не поверит, если я буду рассказывать о том, что тут творится. А ты не рассказывай, — сказал Токарь, — все равно ничего этим не изменишь. Я бы на твоём месте, — сказал Дон, — развелся бы с женой и женился бы на Матренадуре. И жил бы припеваючи. Развестись, — сказал Комиссар, — это бы я с удовольствием. Но жениться — упаси Боже. Тем более на такой стерве, как Матренадура. Она уже двух мужей со свету сжила. Вот и хорошо, — сказал Дон, — Бог троицу любит.

Кончилась эта история с Комиссаром тем, что Иван Васильевич и я отвели в сторонку Мао Цзе-Дуньку и пообещали ей, что Комиссар рыпаться не будет. Аналогичный результат получился с прочими «подписантами». Мао Цзе-Дунька пообещала «материальнички» на Комиссара «попридержать». Но если «эта гнида» подымет «вонь», она немедленно пошлет их в его парторганизацию.

Потом мы устроили попойку, пригласив Мао Цзе-Дуньку. Она упиалась до полного свинства, и мы почти всем сараем «трахали» ее до утра. Но насытить ее так и не смогли. Вот не думал, что у нашей партии такой бешеный темперамент! — сказал Дон. Никакой это не темперамент, — возразил Мнс. — Она просто досрочно выполняла и перевыполняла месячный сексплан. Наша партия ненасытна не от большого аппетита, а от полного отсутствия такового. Она бесполоя.

Утром Костя обнаружил забытые Мао Цзе-Дунькой трусы. Токарь, разглядывая эту принадлежность партийного туалета, сказал, что этой штукой можно рыбу ловить, как неводом. Мы решили подарить трусы Матренадуре, но та отказалась от подарка категорически. Если эта потаскуха увидит свои портки на мне, — сказала она, — она меня со свету сживет. И тогда Кандидату пришла в голову гениальная идея: отослать трусы в райком партии с благодарностью от коллектива нашего сарая. Там наверняка их сразу же опознают и... Короче говоря, мы от души повеселились и насмеялись до слез. Кандидат поклялся, что он свой замысел обязательно приведет в исполнение: надо же и Им причинять неприятности! Иван Васильевич, который в нашей оргии не принимал участия (он ушел к своей «старушке» из городских), сказал что-то насчет мужской чести в отношении женщин, и наше настроение спало до обычного уровня. Дон, брезгливо держа трофей двумя пальцами, снес его на помойку. А когда мы вернулись с работы, соседский шенок таскал его по деревне к великому удовольствию местных жителей. Они получили пищу для разговоров на целый год: Мао Цзе-Дунька опять по пьянке штаны потеряла! Вот это бабеч! Из нашего брата, из народа. Не то что эти городские потаскухи.

*Уж больше девичий покой
Не будет прерван серенадой.
И мимолетный знак рукой
Не будет больше нам наградой.*

Шуты Шутовство — характерная черта коллективистского образа жизни.

Это не просто стремление повеселиться, а форма выражения коллективного самосознания. Обычно в каждой более или менее устойчивой (регулярно собирающейся или совместно живущей) группе людей один человек выталкивается на роль шута, потешающего всех и в шутовой форме выражающего интересы группы. Иногда у шута бывают постоянные помощники. Остальные члены группы обычно подыгрывают шуту, перенося на него свои шутовские способности и потребности, создавая для него удобные для шутовства ситуации. Шут — не обязательно остроумный и веселый человек. Это — социальная функция. И чаще на роль шутов выталкиваются болтуны, желающие быть таковыми и активно захватывающие эту роль. Основной принцип таких болтунов — говорить и кривляться как можно больше, рассчитывая на то, что в этом потоке проскочит удачная фраза или удачная поза. По моим наблюдениям, даже самый посредственный болтун и кривляка благодаря помощи группы и стечению обстоятельств может выдавать нечто достойное нормального смеха.

Среди шутов попадаются способные, талантливые и порою даже очень талантливые; иногда для них шутовство становится призванием. Они живут для этого, собирают анекдоты и шутки, с точки зрения шутовства читают книги и газеты, смотрят фильмы, наблюдают жизнь. Я встречал таких выдающихся шутов. Несколько раз мне самому приходилось играть роль шута. Но недолго и помимо моей воли. Однажды, например, я был в доме отдыха и сказал какую-то хохму во время обеда. И все! Меня буквально вынудили хохмить все двенадцать дней. И я вроде неплохо справлялся с этой ролью.

В нашей бригаде во время работы и общебригадных сборищ шутком был обычно Дон. Но эта же роль в сарае у него не получилась, поскольку некоторые из нас сами оказались склонными к шутовству, — Токарь, Кандидат, Мнс и я. Как признался сам Дон, трудно быть хохмачом среди хохмачей. У нас в институте признанным шутком является Добро-нравов. Мнс и Учитель могли бы конкурировать с ним, но предпочитают оставаться на вторых ролях. Их хохмы слишком интеллигентны, а с другой стороны, они слишком мрачны и рискованны.

Невозможно придумать хорошую хохму специально. Хохмы рождаются сами собой и лишь потом подвергаются литературной доработке. Например, в ЦК приняли очередное постановление. Немедленно все средства массовой информации откликаются на него шаблонной фразой: «С чувством глубокого удовлетворения встретил советский народ постановление...» В институте на малой лестничной площадке Добро-нравов вдруг говорит с серьезнейшим выражением лица, что наши физиологи и психологи открыли новое чувство у людей. Какое? — спрашивают заинтригованные слушатели. Чувство глубокого удовлетворения, — говорит Добро-нравов. Собравшиеся хохочут. Через полчаса смеется весь институт. Через пару дней я был в гостях, и мне рассказали эту хохму как анекдот «армянского радио».

Хотел бы я знать, родятся ли в нашем шутовстве значительные оригинальные явления культуры или оно так и заглохнет без видимых последствий под давлением культурного потока с Запада? Похоже, что именно

так и случится. Наши власти и господствующие слои общества предпочитают внешне более эффектную, но по сути более пустую культуру Запада зародышам своей собственной культуры, ибо последние неизмеримо опаснее первой.

Имеются шуты и другого рода: они избираются коллективом на роль посмешищ. К таким шутам принадлежал, например, Хрушев. В нашей деревне роль такого шута исполняет Матренадура. Она знает, что над ней смеются, спекулирует на этом, сама ведет себя так, чтобы давать материал для насмешек. Вот у клуба собрался народ. Курят, шелкают семечки, сквернословят. Скучно. Но вот появляется Матренадура. Глядите-ка, — говорит кто-то, — Матрена новые колготки натянула! К чему бы это? Эмигрировать наверно собралась, — говорит другой, — на Запад. Начинается всеобщее оживление. И когда Матренадура присоединяется к толпе, та уже покатывается со смеху. И сама Матренадура сияет от уха до уха. И куда же ты отчаливаешь? — спрашивают ее. В Изгаиль, — отвечает она, подражая еврейскому акценту. С народом начинает твориться нечто невообразимое. Я ни разу не видел, чтобы люди так смеялись даже над первоклассными комиками. Далее идет пошлая, скабрзная и необычайно глупая сцена, если глядеть на нее со стороны, но доставляющая людям величайшее наслаждение, если судить по их безудержному и искреннему смеху. Это — другая сторона нашего шутовства. В отличие от первой, она поощряется правящими слоями общества и оказывает сильнейшее влияние на всю систему нашего официального юмора. И такое явление у нас, оказывается, существует. Не так давно я лекцию на эту тему слушал: советский юмор. И заведуют советским юмором скучные чиновники, лишённые чувства юмора и черпающие образцы последнего из нашего шутовства в этом втором смысле. Ну, и что же ты в Изгаиле делать будешь? — спрашивают Матренадуру. Газигованной водой тогговать буду, — отвечает она. И собравшиеся буквально задыхаются от хохота, хватают за животы, утирают слезы. Во дает! — слышится в толпе. — Ну и артист!!

Я — шут. И шут, конечно, ты.

И он... И он... Мы все, короче говоря, шуты.

Шуты, когда часами

Бог весть над чем хохочем сами.

Шуты, когда начнем кривляться,

Чтоб дать другим возможность посмеяться.

А почему? Ты знаешь сам тому причину:

Мы глушим в шутовстве свою тоску-кручину.

Наши души Иногда, глядя на самого себя, я поражаюсь. Вроде бы ничтожество, жалкий человек с унылой и серой жизненной судьбой. А что творится в моей душе! Вот я записал только маленькую частичку того, что творится в моей душе, и мне самому становится от этого страшно. Проглядите всю мировую литературу и сыщите в ней нечто подобное! Не найдете в ней ничего подобного. Есть много толстых книжек о мыслях и переживаниях людей. Но что это за мысли?! Но что

это за эмоции?! Жалкие примитивы, раздутые писателями в меру своих собственных возможностей до огромных размеров. Да и то лишь по видимости огромных. Попробуйте перечитать еще разок те книги, которые вас когда-то потрясли глубиной психологического анализа! Перечитайте внимательнее, и вы (уверю вас!) будете поражены мелкостью мысли и мизерностью эмоций.

Когда я записывал этот вопль моей души, червяк сомнения уже шевелился в той же самой моей душе. А не впадаешь ли ты сам в преувеличения? А где критерии значительности мыслей и эмоций? А, может, для тех персонажей, над коими ты тут насмеяешься, их мысли и эмоции были куда серьезнее твоих? А... А... А... А, может, ты сам есть персонаж упомянутых авторов, призванный Партией и Правительством в великую армию борцов за урожай? Представьте себе Базарова, Печорина, братьев Карамазовых, Раскольникову, Пьера Безухова и прочих положительных персонажей русской литературы в бригаде по уборке картошки и свеклы в вонючем протекающем сарае, под духовным руководством Мао Цзе-Дуньки! Наверняка у них в таких условиях и мысли были бы... Нет, никаких мыслей, кроме послать и пожрать, у них не было бы, я в этом уверен. А что касается эмоций, так ведь и у меня их почти совсем нет. Да и мысли тоже — одно мелькание, намеки, обрывки. Ничего цельного и стройного.

Увы, дорогой мой Снтс, — разбушевался червяк сомнения в моей вдруг опустевшей убогой душонке, — есть лишь одно самомнение и иллюзии. И тоска, — добавляю я. И тоска, — соглашается червяк. — В этом отношении ты превзошел их всех.

Наш вклад в «Матрениану»

Кто-то из ребят все-таки на прощание сделал вклад в «Матрениану» от нашей группы, написав большими буквами прямо на двери сарая:

*Будь же до ста лет ядрёна,
Соль земли нашей, Матрёна!
Терпелива и мудра
Будь до смертного одра!
А когда испустишь дух,
Будь земля тебе, как пух!
Мы ж клянемся, вот ей-ей,
На могиле на твоей
Написать, что до и от
Ты была всему оплот.*

Прочитав стих, Матренадура даже прослезилась, и в знак благодарности пообещала навестить нас в Москве. Но адресов наших она не спросила, а мы не догадались оставить их ей.

Моя религия

В студенческие годы мы пели еще дореволюционную студенческую песню. В ней говорилось о том, что хорошо быть турецким султаном: женщин имеет сколько угодно. Но тут есть

один недостаток: султану нельзя пить вино. Далее в ней говорилось, что хорошо быть римским папой: вино, как воду, может пить. Но ему запрещено иметь женщин. И потому я не хочу быть ни султаном, ни папой, так как люблю и вино, и женщин.

*И чтобы это совместить,
Решился я студентом быть.*

Точно в таком же положении оказались мы в связи с проблемой «Капитализм или коммунизм»: как совместить достоинства того и другого, избежав их недостатков? Существует ли способ совместить тут несовместимое? Я пришел к выводу, что существует. Но не в масштабах всего общества (это так же невозможно, как невозможно для турецкого султана быть римским папой, и наоборот), а сугубо индивидуально. Для этого надо обрести некоторый минимум индивидуальной независимости от общества. То что такие возможности есть на Западе, это очевидно. Но такие возможности есть и у нас. И я тому живой пример. Мой метод достижения независимости необычайно прост: быть ничтожеством и жить во сне. Если жизнь во сне не удастся, то жить как во сне, в воображении, в полудремотном состоянии, в мысли и фразе. В этом моя идеология и религия одновременно. Меня такой образ жизни вполне устраивает. Я наблюдаю тягу к нему у многих других, особенно — у интеллигентных молодых людей (вроде Мнс). Только я в отличие от них довел эту тягу до логического конца и стал профессионалом в моем образе жизни. Сумеет ли Мнс достичь моего уровня? Не сорвется ли на пустышке? Не будет ли разоблачен и выведен на чистую воду бдительным коллективом?

*Тогда они единогласно
Поставят знак ему на лоб,
Кто есть он, видел всякий чтоб
И чтоб не рыпался напрасно.*

Знание и метод Это — последний штрих в характеристике Матренадуры, который никак не могу опустить, хотя чувствую, что давно пора закругляться.

— Удивляюсь я на вас, — говорит Матренадура, адресуясь к Мнс, Дону и Косте (Кандидата, Токаря и Лба она вообще в расчет не принимает почему-то), — такие молодые, а все на свете знаете. И как только в таких маленьких черепушках все это помещается?!

— А там ничего не помещается, — говорит Мнс. — Там пусто, как и у Вас.

— Зачем обижаешь зря? Не такая уж я дура.

— Вы не дура, а совсем наоборот. И если в голове пусто, это не всегда плохо. В данном случае это хорошо. Надо различать знания и метод мышления. Знания — это мусор, которым люди (главным образом — интеллигенты) набивают свои черепушки и с которым они боятся расстаться. Знаете, как порой трудно расстаться со старым хламом? Вот

так и тут. А метод — это способность определенным образом обрабатывать сведения и производить нужные мысли в случае надобности. Знания — как сено в сарае, а метод — как жевательный и пищеварительный аппарат, с помощью которого производится молоко. Человек, который носит знания в голове, подобен корове, которая носит сарай с сеном на спине. Ясно?

— Яснее ясного.

— У меня, например, такой жевательный аппарат есть в голове. И мне незачем носить в ней сарай со знаниями-сеном. И у Вас он тоже есть, хотя Вы и не замечаете его. Только мой аппарат — от образования и культуры, а Ваш — от житейской практики и здоровой натуры. Преимущества такого положения неоспоримы. Вот, например, многие люди получили одну и ту же информацию: Генсек заявил, будто в этом году у нас выдающийся урожай. Что это означает?

— Ежику понятно: затягивайте потуже ремешки.

— Верно! Я согласен, ту же мысль выдает и мой жевательно-мыслительный аппарат, т. е. метод. А между тем сейчас экономисты, политики, прочие специалисты ворошат кучи мусора-знаний в своих черепушках, производят расчеты, выдвигают гипотезы... Но они никогда не додумаются до этой простой истины.

— Отчего же они такие глупые?

— Им по должности нельзя быть умными.

— Это ты верно говоришь. У нас тут то же самое. Стоит человека начальником назначить, как сразу же становится таким дураком, что не приведи Господи. Только мы к этому привыкли и делаем все по-своему.

— А у нас в институте, — сказал Дон, — философию преподавал страшный бухарик. Он очень любил наглядно пояснять абстрактные рассуждения. Разницу между методом и знаниями он нам пояснял на поллитровке «Московской». Знания, объяснял он, можно уподобить содержанию этой бутылки, а метод — способу ее откупоривания. Причем, методы могут быть различные — штопором, карандашом или мизинцем пропихнуть пробку внутрь, ударять ладонью по дну бутылки или ударять ребром доньш-ка бутылки об пол. Диалектический метод он ассоциировал со штопором, поскольку последний был точной иллюстрацией положения Ленина о спиралевидном развитии материи. С тех пор я предпочитаю знания методу. Были бы знания, а откупорить их мы как-нибудь сумеем сами.

Последний разговор По поводу окончания нашего срока в деревне устроили выпивку. Матрена рыдала в три ручья. Ей было жаль расставаться с нами, ибо к нам она «всей душой привязалась». Комиссар был в приподнятом настроении, поскольку историю с их «группой» решили замять, и упился до бесчувствия. Плачущая Матренадура взяла его под мышки и отнесла домой на перину. На сей раз — на настоящую перину, которую она бережет с девичества и «пользует» в исключительных случаях. Мы с Мнс покинули сборище и ушли в поле побродить. Разговорились о «группе» Комиссара. Комично получается, — сказал я, —

диссиденты подрывают основы общества, а существуют годами. Группа Комиссара хотела укрепить общество, а ее немедленно раздавили. В чем дело? Очень просто, — сказал Мнс. — Диссиденты не угрожают благополучию членов общества персонально, а группа Комиссара задела интересы всего районного начальства. Но случай с группой Комиссара интересен вот с какой точки зрения. Существование всякой оппозиции зависит от многих обстоятельств (квартиры, телефоны, «левые» заработки...), а главным образом — от возможности физически существовать независимо от первичных коллективов или возможности лишь формально числиться на работе, будучи независимыми фактически. Меня поведение наших властей с этой точки зрения крайне удивляет. Неужели и они перестали понимать что к чему?! «На местах» во всяком случае соображают лучше, чем в центре. Давить оппозицию надо прежде всего снизу, а не сверху. Давещ сверху должен лишь одобрять и завершать инициативу масс снизу. А тут произошел крупный исторический казус: высшие власти отобрали у первичных коллективов функции подавления оппозиции, и первичные коллективы начали терять способность выполнять эти функции хорошо. У них даже появилось равнодушие к такому подавлению, а порой — тайное сочувствие «критиканам». Если этот строй рухнет в силу внутренних причин, то главной из них будет именно лишение широких народных масс (т. е. первичных коллективов) инициативы в подавлении инакомыслия и критиканства, заинтересованности в этом и умения это делать постоянно.

А что ты имеешь в виду, говоря о заинтересованности и умении? — спросил я. Ну, это-то Вы лучше меня знаете, — сказал он. — Вы же через все это прошли в классическом исполнении сталинских времен. Если Вас интересуют мои дилетантские соображения, они в двух словах таковы. Каждый член коллектива совершает множество поступков, в том числе — говорит. Говорение — важное дело, а с рассматриваемой точки зрения, может быть, самое главное. Часть поступков человек совершает на виду у всех, часть — в узких социальных группах, часть — в узком кругу знакомых, часть — вообще вне коллектива. Вы же знаете, не все, что говорится в секторе, становится известным уже на уровне отдела. И тем более не все, что мы болтаем на площадках и в забегаловках, доносится в руководящие инстанции и становится достоянием всего коллектива. Но все же работает негласный механизм распространения информации о поступках людей (и об их разговорах, конечно), в результате чего начальство и члены коллектива составляют более или менее правильное представление о данном индивиде. Так вот, сейчас работа этого механизма брошена «на самотек», во всяком случае — ей не придается должного значения, она не закрепляется организационно и формально. Далее. Вы знаете, дела не делаются сами собой. Во всяком деле должны быть инициаторы и стимуляторы — активисты. Когда говорят об инициативе масс, это не значит, что все члены массы инициативны. Большинство членов массы пассивны. И они приходят в движение, возбуждаются к действию благодаря усилиям небольшой группы активистов. Наличие таких активистов есть элемент социальной структуры масс. Что делают активисты, Вы сами прекрасно знаете. Они собирают сведения и «материальчики»

на тех или иных членов коллектива, следя за их поведением, выступают на собраниях и возбуждают «вопросы» о поведении намеренных индивидов, подают «сигналы», пишут письма. Входят во всякие комиссии. Вы знаете, как это делалось в сталинские времена. Порой три-четыре таких активиста определяли всю социально-психологическую атмосферу в учреждении, держали под своим контролем все стороны его жизни. Это и был подлинный контроль масс над жизнью общества, один из рычагов подлинного народовластия. Такой актив неизмеримо эффективнее официально назначенных лиц. Но чтобы такой актив был и хорошо функционировал, требуются два условия: 1) чтобы власти сверху охраняли такой актив, давали ему видимую поддержку, воспринимали его как свою опору; 2) чтобы в самом коллективе (т. е. в массах) такой актив имел поддержку и одобрение, — он должен быть выразителем интересов и воли коллектива по крайней мере в некоторых важных аспектах жизни, должен быть элементом реальной власти коллектива как целого над отдельными его членами. А что происходит у нас сейчас? Власть из страха возвращения сталинских времен (т. е. подлинного народовластия) боятся поощрять и поддерживать такие инициативные активы в коллективах, а внутри коллективов спонтанно не выделяются такие члены их на роль активистов, которые пользовались бы доверием коллектива и выполняли бы свои функции добровольно и с энтузиазмом. И это есть не что иное, как конец народовластия. Функции реальной власти коллектива над индивидами постепенно перешли к специальным органам и лицам, и массы добровольно отреклись от своей власти, стали к ней равнодушны. Вы сами знаете, какой тип людей выталкивается на роль активистов в первичных коллективах, — подонки, мерзавцы, доносчики, бездари, провокаторы, лгуны, халтурщики... Общество уже не хочет больше быть в их власти. И в этом его великая слабость. Слабость коммунизма — в ухудшении его внутренних социальных условий. Считается, что коммунистический строй внутренне прочен, и если погибнет, то лишь под ударами извне. Возможно, так оно и произойдет. Но основой его гибели будет внутренняя слабость, порожденная отказом от народовластия. Только возрождение сталинизма, пусть — в каких-то более мягких формах, может приостановить процесс размягчения режима. Сталинизм — это не только и не столько концлагеря и массовые репрессии. Сталинизм — это ничем не ограниченная диктатура коллектива над индивидом, т. е. народовластие.

Последние минуты в деревне

Потом нас разыскала Катюша и позвала Мнс. И они куда-то ушли. За ними, как мрачные тени, потянулись было местные ребята, но Дон сколотил приличную «группу прикрытия» из московских ребят и затеял с ними легкую перепалку. Видя перевес сил противника, местные храбрецы поджали хвосты. У дома Матренадуры я увидел Комиссара. Он блевал с таким замогильным стоном, что все деревенские собаки в ужасе попрятались в подворотни и умолкли. Из дома доносился отборнейший мат Матренадуры, из коего можно было догадаться, что Комиссар изгадил ее девически чистую перину, что она теперь «этого хляка» на порог своего дома не допустит.

И мне стало грустно и одиноко. Скорей бы!

Проводы В районном центре устроили митинг. Выступали всякие руководители и представители. Переходящее Красное Знамя райкома партии вручили соседней бригаде. Назвали имена передовиков. Комиссар, естественно, в их число не попал. Зажигательную речь зачитала Мао Цзе-Дунька. Братъя фронттовики! — вопила она под дружный смехок собравшихся. — Да, фронттовики!!! Ибо фронт битвы за коммунизм во всем мире проходил эти дни здесь, по нашей земле. И мы эту битву выиграли!! (Бурные аплодисменты, крики «Ура!»). Да, мы — братъя, ибо мы провели с вами эти дни в одних окопах! (Опять смех). И ели из одного котелка! (Смех, переходящий в бурные овации). Вы знаете теперь, почему стоит картошка! Расскажите об этом там, в тылу! (Опять смех, но одобрителный).

Потом пели гимн бригад коммунистического труда. Вместо слов «С нами Ленин впереди» многие отчетливо орали «С нами Ленъка впереди». Но их не одергивали, так как это воспринималось как проявление любви к нынешнему Генсеку, как в свое время Хрущева в насмешку или любовно, что у нас одно и то же, звали Никитой.

Последние мысли в поезде В поезде умиротворенность и лояльность вернулись в мою временно возмущенную душу. Я глядел в окно на покидаемую до следующей уборочной кампании прекрасную русскую природу и произносил про себя такую речь.

Довольно поносить коммунистический образ жизни! Хватит! Надоело! Надо же в конце концов меру знать! Можно подумать, что он есть нечто из ряда вон выходящее, а не заурядная историческая помойка. И ничем он не хуже любого другого социального устройства. Ну, скажите на милость, чем он отличается от дикости и варварства? А от крепостничества? Про капитализм я и говорить не хочу: тот сам сознается, что страдает язвами и не прочь превратиться в коммунизм. Конечно, уже без язв прошлых и будущих. Короче говоря, и при коммунизме люди живут. И неплохо живут. Не все, конечно. Но есть такие, что совсем хорошо живут. Так что и о нем стоит пару слов добрых сказать. Нельзя же только ругать да ругать. И поощрять надо. А то он еще хуже будет. Знаете, как с плохими учениками и работниками бывает? Ругают их все кому не лень. Прорабатывают индивидуально и коллективно. А они в отчаянии за свою нехорошесть еще больше хватают двойки, пьют, прогуливают и бьют морду ни в чем не повинным соседям и прохожим. Так проявим же хоть чуточку педагогического такта и смекалки. Погладим по дурацкой головке и похвалим наше не в меру распоясавшееся общество! Вдруг оно и в самом деле поверит в то, что оно хорошее, и начнет исправляться?! И с сельским хозяйством, может быть, меры разумные примет. И в Африку зря лезть не будет. И диссидентов сажать меньше будет. И... И... И... Чем черт не шутит, вдруг! Во всяком случае, попытка — не пытка, как любили говорить Сталин и его ближайший соратник Берия. Попробуем!

Возвращение Мы вернулись в Москву похудевшие, загорелые, возбужденные. Рассказывали всем, как хорошо мы провели вре-

мя, как поработали, как весело отдыхали, как улучшается на глазах жизнь в деревне. И трудно определить, что в наших словах было ложью, а что — истиной. Пережив трудности и оставив их позади, мы уже вспоминали о них как о чем-то очень значительном и возвышенном. Мы чувствовали себя выше и достойнее тех, кто этих трудностей не пережил. Расставаясь, обменивались адресами и телефонами, договаривались непременно встретиться. Через неделю мы выкинули эти адреса и телефоны. И не встретились, конечно. Обычная рутина жизни поглотила нас. А в партийное бюро поступил анонимный донос на меня. В нем говорилось, что я — тайный диссидент и внутренний эмигрант. Я обозвал автора письма последними словами. Секретарь согласился со мной, но просил быть осторожнее в выражениях. И еще он сказал, что со мной дело несложное, а вот с Мнс... На него такую «телегу» прислали, что придется специальное расследование проводить. Такой сигнал без последствий оставлять нельзя.

Потом многих тружеников села наградили орденами (и среди них — нашу Матренадуру), а некоторым присвоили звание Героя Социалистического Труда (и среди них — нашей Мао Цзе-Дуньке). Сельское хозяйство подняли-таки на недосягаемую высоту, и одни продукты питания начали стремительно исчезать из продажи, а другие столь же стремительно дорожать. Официально это именовали урегулированием цен в связи с улучшением качества продуктов. Мнс снова исключили из списка кандидатов в кандидаты в члены КПСС. Мои попытки укрепить наши дружеские отношения, наметившиеся в деревне, не увенчались успехом. Я на него не обиделся. Когда я был молодой, я сам всегда замыкался, если кто-то пытался завязать со мной интимные отношения. Между прочим, это — один из принципов спунологии: в душу к себе не допускай никого, никогда, ни при каких обстоятельствах. Моя душа — моя крепость!

Итоги

*Вот позвал меня партийный секретарь.
Предложил на стульчик рядышком присесть.
И шепнул на ушко: больше не базарь,
На тебя в бюро сигнал серьезный есть.
Я по-дружески советую, браток,
Смысл последних установок улови!
Время снова приближается не то.
Что поделаешь! На то и се ля ви!
Я пожал плечами. Мне-то все равно.
Я готов любую линию принять.
Пусть отменяют либеральное дерьмо,
Пусть прошедшее воротится опять!
Я всего лишь заурядный рядовой,
Каких пруд пруди повсюду и везде.
Ради жизни нашей сверхпередовой,
Как положено, отвечу: буде сде!!*

IV
ВЕЧНЫЙ МИР

Назад к природе

*К исходу трудового года
Припоминаю я с тоской,
Что первозданная природа
Есть за чертою городской.
Что есть поля, что есть речушки,
Что есть как в сказке лес густой,
Что с петухами деревушки
Бывают за чертой за той.
Что сам я есть лишь часть природы,
Что жизнь с природою вольней.
И что все прожитые годы
Напрасно разлучался с ней.
Но все! Теперь другим я стану.
Оставлю прошлый кретинизм
И на природную нирвану
Сменяю шумный урбанизм.
Превозносить начну речушку
И на рассвете соловья.
И с петухами деревушку
Увижу, может, въяве я.
И каждой клеточкою кожи
Почувствую мирской простор.
И тратить жизнь начну... на то же,
На что и тратил до сих пор.*

Притяжение города Электричка на огромной скорости уносила Мнс из Москвы. Но Москва никак не хотела кончаться и выпускать его из себя. Дома, заводы, трубы, краны, дома, стройки...

И всюду портреты Ленина и Генсека. Опять Генсека. И опять Генсека. И всюду лозунги «Слава Коммунистической партии Советского Союза!», «Да здравствует коммунизм — светлое будущее всего человечества!», «Да здравствует...», «Слава...», «Вперед...», «Выполним...», «Претворим...». Можно подумать, усмежнулся Мнс, что у нас сначала делают лозунги, а уж потом к ним пристраивают дома. Самый прогрессивный метод строительства!

Соседи по скамейке затеяли игру в «подкидного дурака». Предложили Мнс принять участие. Он сказал, что не умеет, чем вызвал всеобщее удивление и насмешку. Чего с них взять! — сказала толстая баба. — Диссиденты! И Мнс попросили пересечь на другое место. На новом месте уже затевалась выпивка. Вот это я умею, — подумал Мнс, — но вряд ли они предложат разделить компанию. А за окнами стали появляться деревья. Промелькнула речушка. И опять дома, дома, дома... Миновали кольцевую автостраду — официальную границу города. Но город продолжался как ни в чем не бывало. Сколько было решений и постановлений об ограничении города, — думал Мнс. — Какие только планы не

строили! А он все растет и растет, наплевав на планы, решения и постановления.

Наконец поезд оторвался от города. И Мнс ощутил в себе и в окружающих какую-то неуловимую перемену. Как будто они вышли из некоего поля тяготения и сбросили с себя тяжелый незримый груз. Мама, мама! — закричала девочка в соседнем отделении. — Смотри, корова! Живая корова!

Гимн карьере Утверждаю и настаиваю: в мире нет ничего прекраснее и обольстительнее для людей, чем карьера. Любая карьера. Мелкая или крупная, легкая или трудная, стремительная или удручающе медленная, закономерная или случайная, чистая или грязная, заслуженная или незаслуженная — роли не играет. Лишь бы это была карьера. Лишь бы ты, оглянувшись однажды на пройденный тобою жизненный путь, мог воскликнуть с ликованием в душе: да неужто это я? Кем я был и кем стал?! Откуда я произошел и во что обратился?????! Все равно, повторяю, кем ты был и кем ты стал. Важно лишь ощущение разницы. Один может воскликнуть, что он был простым работягой и к тому же дурак дураком, а стал... страшно сказать! ... членом Политбюро. Ах, если бы бедная покойная мама увидела! Ах, если бы одноклассники и однокурсники увидели!! Вот вам и ябеда! Вот вам и троечник! Вот вам и стукач!! Другой может воскликнуть, что был он простым крестьянским паренком и к тому же дурак дураком, а стал ... страшно слово вымолвить!.. академиком. Ах, если бы бедная покойная мама!.. Ах, если бы одноклассники и однокурсники!.. Вот вам и бездарь! Вот вам и прохвост! Третий может воскликнуть, что был он лодырем и проходимцем, а стал... до сих пор не верится... начальником милиции. Ах, если бы мама!.. Ах, если бы одноклассники!.. Ах!.. Ах!..

Вот в мечтах о таком мгновении карьерного ликования и живет гражданин нашего общества. Если хотите знать, советский человек отличается от обезьяны вовсе не тем, что начал трудиться (с точки зрения труда он скорее ближе к обезьяне, чем дальше от нее), а тем, что возмечтал о карьере и начал делать ее в меру своих возможностей. А возможности эти поистине необъятны. Фактически каждый гражданин нашего общества может сделать карьеру, став дворником, старшим дворником, участковым милиционером, старшим бухгалтером, инструктором, инспектором, помощником, заместителем, заведующим, директором, старшиной, маршалом, министром, старшим научно-техническим сотрудником и даже доктором философских наук. И если гражданин нашего общества карьеру не делает, то это объясняется исключительно родимыми пятнами и рудиментами пережитков капитализма в нашем сознании и идеологическими диверсиями иностранных разведок. Ибо если гражданину не удастся стать старшим бухгалтером, старшиной или заведующим пивным ларьком (это не так-то просто!), то не стать кандидатом или доктором философских наук при наличии отсутствия упомянутых родимых пятен и происков иностранных разведок невозможно как теоретически, так и практически.

Посещают мечты о карьерном ликовании и нашего Мнс. Взгляните, например, на его благородный и одухотворенный лик вот сию минуту,

когда стремительная электричка уносит его из суматошной Москвы наедине с вечной и тихой природой. О чем, по-вашему, он думает сейчас? А напишу-ка я статью, — думает он, поглядывая одним глазом в окно на вечную природу, а другим — на ножки сидящей напротив молодой особы, которая знает, что у нее соблазнительные ножки, и стремится показать их как можно выше всем желающим и нежелающим. Какую статью? О, Господи! Да не все ли равно! Ножки хороши, ничего не скажешь. И вообще, фигура подходящая. Но мордочка... О, нет! Это не для нас! Слишком вульгарная. Так, значит, статью... Допустим — о противоречиях в нашем обществе. И выскажу в ней оригинальные взгляды. Какие? А не все ли равно?! Мордочка, между прочим, терпимая. А в темноте вообще сойдет. Что касается культуры — мы же не на семинаре! Интересно, куда она едет? Вот неплохо было бы, если бы... Да, взгляды... Допустим, такие. Мол, общепринятое мнение, будто антагонистические противоречия в социалистическом обществе исчезают, ошибочно. Они сохраняются, но они здесь тоже подчиняются контролю Партии и Правительства, своевременно замечаются ими и преодолеваются под их присмотром и руководством. Они здесь умело и постепенно переводятся в неантагонистические. Не сами по себе превращаются, а именно переводятся под руководством. Да, эта особа явно ничего себе, и мордочка у нее довольно симпатичная. Свеженькая. Видать, с юмором. Как бы к ней подъехать?..

Статья случайно проскакивает в печать, — продолжает грезить Мнс. — Получилось так, что редколлегия не доглядела. Эффект от статьи потрясающий. Все говорят только о ней. Сам секретарь по идеологии обращает на нее внимание. Ему завидно, конечно, что не он, первый Теоретик Партии, а какой-то ничтожный Мнс сделал это выдающееся открытие. Но теперь уже поздно. У него нет иного выхода — похвалить автора. Через месяц мне присуждают сразу докторскую степень и звание профессора. Через год избирают в членкоры Академии наук. В Партию принимают немедленно, причем — сразу в члены, минуя кандидатский срок. Избирают делегатом на областную партконференцию, потом — на съезд Партии. Глядишь, дочка у какого-либо высшего лица освободилась. Пара лет, и ты — академик. Член ЦК. Вице-президент Академии наук. Пара лет, десяти комнат и с бассейном. Машина, нет, две машины. Дача. Закрытый распределитель продуктов, причем — высшей категории. Кремлевская больница. Эта особа меня явно интригует. Судя по всему, она тоже не прочь познакомиться. Но как? Предложить ей закурить, что ли?

— Хотите сигарету?

— Спасибо. Но тут, кажется, нельзя курить.

— Можно выйти в тамбур.

— Далеко едете?

— В дом отдыха в М. А Вы?

— Я в К.

— Жаль. Я бы хотел познакомиться с Вами поближе. Может быть, удастся встретиться?

— Может быть. Вот мой телефон в К. Запишите... Меня звать...

— У меня нет телефона. Но вот мой адрес. Черканите открыточку. Будете в Москве — заходите. Буду рад...

В реальном исполнении карьера выглядит не столь блистательно и романтично, как она разыгрывалась в сознании Мнс. В реальности приходится унижаться, подличать, обманывать, лицемерить, дрожать, содрогаться от отвращения, сереть от разочарования и испытывать прочие переживания, неизбежные в пути по житейской помойке. Но поверьте мне, овчинка стоит выделки, игра стоит свеч, цель оправдывает средства. Достигнув заветной высоты и отряхнув с души своей приставшие к ней в пути житейские нечистоты, вы ощутите в себе то самое карьерное ликование и воскликнете заветное «Ах, если бы мама!..», «Ах, если бы одноклассники!..», «Ах, если бы!..». Ради этого мгновения стоит жить на свете! Не случайно же сам Митрофан Лукич Полупортянцев в интимной беседе с соратниками после восемнадцатой стопочки (отмечали награждение Митрофана Лукича орденом «Октябрьской Революции» за заслуги в подъеме сельского хозяйства) сказал буквально следующее: «Ежели бы мне нада была приисать лет ползти на карачках и жрать памоишные атбросы, штобы дастичь мово поста, я бы и на это согласился, лишь бы».

На остановке в К. прекрасная незнакомка вышла, сверкнув на прощанье золотыми коронками и оставив в душе Мнс некоторое разочарование: она оказалась, увы, парикмахершей, «зашибающей» в месяц раза в три больше Мнс. Вернувшись на свое место и с радостью заметив, что чемодан не сперли, Мнс снова погрузился в свои прекрасные мечты. А что, если этот дегенерат Секретарь по Идеологии поступит иначе: присвоит мое открытие, а меня обвинит в несуществующей ошибке?! И сгноят тогда меня в Мордовских лагерях как гомосека, фарцовщика и диссидента. Или, хуже того, засадят в «Сычовку» на всю жизнь. Да и стоит ли на самом деле жить ради этого мига карьерного ликования? Не стоит. А что есть в жизни другое? Только одно: помогать другим возноситься к их карьерным идеалам. Что лучше? И то и другое хуже. Что же делать? Взорвать эту мерзость. Кажется, дело к этому идет. А что потом? Начинать всю эволюцию заново? Но будет ли ее итог лучше нашего? Нет, будет то же самое. Или вообще ничего не будет. Где же решение? Исчезнуть и унести с собой все проблемы. Разумеется, перед тем, как исчезнуть, надо переспать с этой роскошной парикмахершей с золотыми коронками. Но можно исчезнуть и в качестве академика, и в качестве Мнс. Можно исчезнуть на Новодевичьем кладбище и на безымянном кладбище в сотне километров от Москвы. Это не очень-то приятно, далековато. А тебе-то от этого что? Не собираешься же ты после этого ездить в Москву! Нет, конечно. Но все равно неприятно. Академиком все-таки исчезать лучше. Так что садись и пиши статью. О чем? А не все ли равно?! Допустим, о том, что. Тисну ее в захудалом журнальчике. Иностранцы обратят внимание. Перепечатают. Скажут, что марксисты не все дураки, что и в марксизме прогресс наблюдается. Докторскую степень сразу присудят, в Академию наук изберут. Только бы родители до того времени дотянули. Пусть старики порадуются, что не зря надежды возлагали. А одноклассники и однокурсники! Сдохнут от зависти. А что

будет твориться со Смирняшевым и Субботиным! Эх, и покажу я тогда этим подонкам, где раки зимуют!!

Природа

*Для нас природа с неких пор —
Изрытый, захламленный двор,
Дурные кошки на помойке,
И за забором вечно стройки.
Приходит отпуск заслуженный,
Мы, наши дети, даже жены, —
Все рвемся с города удрать,
Природы чуточку урвать.
Но мы и тут, их в Бога мать,
Лепимся, где есть что пожрать.
А глянь на карту! О-ля-ля!
Обширна русская земля.
Не говоря уж про Европу
И прочих наших эфиопов.
Но для кого это — природа?
Начальству — да, но не народу.*

Дом отдыха Места и средства отдыха у нас, как и все остальное, можно расположить по рангам, начиная с таких, которыми пользуются самые низкопоставленные граждане по путевкам со скидкой или по бесплатным путевкам, и кончая такими, которыми также бесплатно пользуются самые высокопоставленные лица государства. Описать различие между ними обычными словами невозможно. Если вам показать сначала одни, а затем — другие, и если вы даже никогда до этого не выражались неприличными словами, вы все равно никаких иных слов не найдете.

И все же даже самые захудалые дома отдыха имеют свою неоспоримую прелесть. Очень многие граждане мыслят себе будущее коммунистическое общество именно в виде дома отдыха, растянутого на всю планету и на всю жизнь. Рядовой труженик нашего развитого социалистического общества, попав в адекватный его положению в обществе (а иногда — чуточку выше) дом отдыха, чувствует себя почти что в раю. Он вырвался из опостылевшей среды своего учреждения и из домашней нервотрепки. Он на природе, дышит чистым воздухом и не слышит грохота машин. Он на всем готовом. Никуда не нужно спешить. Можно вволю отоспаться. Поболтать досыта. Пофлиртовать. Выпить. Здесь нет никаких производственных складов и интриг. Здесь не нужно делать карьеру и подкладывать свинью ближнему. Здесь можно быть великодушным и благородным. Здесь не играет роли, член партии ты или беспартийный, женат или холост, живешь в отдельной квартире или в коммуналке. Здесь все равны. Все добры и внимательны друг к другу. А главное — природа. Увидев поразительную красоту своей родной природы, люди застывают в изумлении.

О, Боже, — кричат они в один голос, — зачем мы там томимся в духоте, тесноте и злобе, когда тут такая красота! Ради чего мы жертвуем там этой красотой! До чего же ничтожны в сравнении с этой красотой все наши тамошние тревоги и хлопоты!

На станции отдыхающих ждал специальный автобус. И через двадцать минут они уже въезжали под арку ворот, зачем-то выстроенных перед территорией дома отдыха. На арке золотыми буквами была выписана выдержка из речи Генсека: «Мы непременно добьемся того, чтобы отдых у нас стал не только правом, но и священном долгом каждого трудящегося!». Автобус остановился перед зданием с маниакальными колоннами сталинских времен. Сыпля веселыми шутками и остротами и толкая друг друга чемоданами, новоприбывшие отдыхающие выбрались наружу. Целая свора фантастического вида дворняг встретила их радостным визгом и вилянием хвостов. Ну, вот мы наконец-то на природе! — сказала средних лет женщина с нервным и изможденным лицом, обращаясь почему-то к Мнс. — Не правда ли, здесь очень даже мило!

Мнс собрался было согласиться с тем, что здесь действительно очень мило, но не успел: перед самым его носом что-то очень тяжелое прогнулось о ступени главного входа и разлетелось на мелкие кусочки. Побегись!! — завопил кто-то с некоторым опозданием. Опасливо поглядывая вверх, вновь прибывшие проскочили в вестибюль центрального корпуса, где их должны были распределить по палатам и зарегистрировать в особых книгах прибытия-убытия отдыхающих.

Центральный корпус Центральный корпус дома отдыха был знаменит на всю область скульптурной группой «Социалистическая семья», которая состояла из голой бабы и голого мужика, подымавших ввысь голого младенца. Замысел скульптора и начальства был благородный: предостеречь отдыхающих от разврата, напоминая им о здоровой соцсемье, временно оставленной ради здорового отдыха. Но поскольку все члены соцсемьи были изваяны с могучими половыми органами, скульптурная группа явно способствовала процветанию разврата. Даже младенцу скульптор придал член, которому завидовали самые выдающиеся бабники из отдыхающих. Воплотился замысел не в вечных материалах — в мраморе или бронзе, — а в кратковременной смеси глины, цемента, досок, проволоки и битого кирпича. И после первого же дождя скульптура стала разрушаться. Куски ее падали на головы отдыхающих и обслуживающего персонала. Сначала с грохотом осколочной бомбы шлепнулась левая грудь матери семейства. Осколком выбило глаз у вице-президента Академии наук одного отдаленного национального округа с очень длинным названием. Потом отвалился член у младенца, и он стал похож на ангелочка эпохи Возрождения. На сей раз обошлось без жертв, если не считать уборщицу, которой явно повезло: пенсия по инвалидности оказалась больше, чем пенсия по старости. Дольше всех держался член у главы семейства. Но и он не выдержал. Падая, он зацепился за железные прутья, торчащие из фронтона, и повис над входом. Зацепился прочно, но казалось, что вот-вот сорвется. И отдыхающие не входили в корпус и выходили из него, а стремительно влетали и

вылетали, благодаря судьбу за то, что избежали смертельной опасности. Ветер раскачивал отпавший кусок скульптурной группы, вызывая пошлые насмешки у наиболее интеллигентной части отдыхающих, главным образом — у остряков без ученых степеней и званий, которых в центральный корпус не пускали.

По крайней мере раз в год скульптурную группу приходилось реставрировать. Скульптору-реставратору платили не за эстетическое качество произведения, а по весу — по сто рублей за килограмм скульптуры (по расценкам МОСХа). Потому он с каждым годом увеличивал размеры и удельный вес реставрируемых частей. В тот момент, когда Мнс прибыл в дом отдыха, у скульптурной матери семейства отвалилась задняя часть тела весом по крайней мере в... пятьдесят тысяч рублей. Мне крупно повезло, — подумал Мнс. — Если бы я погиб, в институте подавились бы от смеха, узнав причину гибели.

Палата Дом отдыха, куда попал Мнс, был не очень высокого ранга, но далеко не самый худший. В нем были палаты на шесть отдыхающих, на четырех, на двух и даже на одного. Лица администрации, распределявшие отдыхающих по палатам, безошибочно устанавливали их социальный статус и помещали их именно туда, куда следует. Если и возникали недоразумения, то они быстро разрешались. Например, в палату на шестерых однажды поместили кандидатшу наук. Так она устроила такой хай, что было слышно в соседних деревнях. И в порядке компенсации за понесенный моральный ущерб кандидатшу поместили в одиночную палату, куда помещали только докторов наук и чинов администрации институтов. Мельком взглянув на бороду Мнс и заношенные штаны, администратор определила его в самую скверную палату на шестерых, которая тут называлась «молодежной». Слово «молодежная» при этом произносилось с подленьким смешком: «хи-хи-хи-э-э-так-сказать-молодежная-хи-хи-хи».

В «молодежную-хи-хи-хи» палату помимо Мнс поместили шестидесятилетнего сотрудника редакции академического журнала, лысого инженера из экономического института, которому было явно под пятьдесят, неопределенного возраста рабочего из технического института и двух молодых парней, которые о своей профессии и месте работы многозначительно помалкивали. Рабочий с ходу выложил о себе все, что ему было еще известно. Он — универсал, выполняет в институте самые разнообразные функции, начиная от изготовления хитроумных «хреновин» для тончайших приборов и кончая деликатными личными услугами начальству. Последний он предпочитает, так как они начинаются, сопровождаются и кончатся даровой выпивкой. Прибыл Универсал в дом отдыха пьяным и не просыпал до отъезда. При всем при том он оказался большим любителем поговорить о политике. Слово «мудак» среди слов, которые он употреблял в отношении руководителей Партии и Правительства, было самым безобидным. Молодые парни (Студенты) были сверх всякой меры набиты скабресными и политическими анекдотами. Нецензурные выражения они употребляли чаще, чем обычные слова. С первой же минуты они стали обращаться к обитателям палаты на «ты».

После того как распределили койки и познакомились, Универсал предложил отметить начало совместной жизни выпивкой и поставил на стол пол-литра спирта, отпущенного ему на работе для технических целей. Студенты выставили пару бутылок «красного». Не остались в долгу и остальные.

Гимн русской природе И все-таки нет ничего прекраснее русской природы! Я никогда не был на Ниагаре, на Бермудских и Канарских островах, на Ривьере, в Дубровнике, в Калифорнии, на Таити, на Цейлоне... И все-таки готов пари держать, что они все вместе ничто в сравнении с нашей чудной русской природой. Если, конечно, солнышко светит. Обычно-то дождь или снег мокрый, слякоть, грязь под ногами, ветер холодный, небо серое и унылое... Одним словом, тоска зеленая. Но если солнце, тут и спорить нечего. Конечно, под ноги надо смотреть в оба. Консервные банки, битые бутылки... У нас недавно один сотрудник налетел, полгода в реанимации провалялся. Я говорю, под ноги смотрите! Что вы в небо пялитесь?! Солнца не видали, что ли?! В кучу вляпались? Ай-яй-яй! Я же предупреждал!

После «танцев» Мнс прихватил ту самую даму, которая по прибытии пришла в восторг от красот русской природы, и двинулся с нею на эту самую природу. Моросил противный дождь, а под ногами еще ощущались последствия поздней весны. Отойдя на достаточное расстояние от дома отдыха, они молча положили один плащ на сырую землю, накрылись другим и предались величайшему чуду природы. И... Вот сволочи, — воскликнула вдруг она. — Всю окрестность уже успели загадить, мерзавцы! И они опустились с небес чистой любви на грешную, обосранную Землю.
...О, русская природа, где ты?!!

Палатный трёп Неотъемлемая составная часть отдыха советского человека (наряду с выпивкой, конечно, и... сами понимаете) — разговоры, разговоры и разговоры. Разговоры обо всем на свете. Разговоры в любое время дня и ночи. Разговоры по всякому поводу. Разговоры без всякого повода. Если бы кто-нибудь записал бы все то, что было сказано отдыхающими только одного заезда, он был бы потрясен диапазоном тематики разговоров и содержанием суждений самых заурядных, казалось бы, людишек. Он получил бы исчерпывающе полную картину жизни нашего общества. Картину страшную и смешную, уныло-серую и полную драматизма, пустую и полную высокого смысла. И ни одной мало-мальски значительной проблемы, которую так или иначе не затронули бы неутомимые говорильщики-отдыхающие! Даже самые отъявленные молчуны, попав в дом отдыха, выговариваются на год вперед с первым, случайно подвернувшимся собеседником. Не ищите в этих разговорах только одного: систематичности и логической последовательности. Но ведь тут это и не нужно. Тут говорят не во имя высокой науки или святой правды, а лишь бы поговорить, и в лучшем случае — лишь бы очистить душу.

— Приехал американский журналист на БАМ. Как там живут, сами знаете. Грязь, клопы, тараканы, сырость и все такое прочее. Поселите

гостя, приказывает начальство, в приличное помещение. Нет у нас такого, отвечают. Ладно, говорит начальство, черт с ним, пускай клеветает.

— И все-таки я с Вами согласиться не могу. Опасаться за достижения мировой культуры нечего. Наши господствующие классы их сохраняют. Для себя, конечно, а не для народа. Они заведут для себя привилегированные учебные заведения, в которых будут давать своим детям первоклассное образование. Особые библиотеки, фильмотеки, картинные галереи. Заведут даже секретные науки для себя, где будут говорить с полной откровенностью.

— А что такое народ? Инженеры, учителя, врачи, научные работники... Вы думаете, они стерпят? К тому же если господа что-то будут позволять себе, это будет просачиваться и вниз. Нет, есть только один способ лишить население доступа к достижениям мировой культуры, которые опасны для строя: ликвидировать эти достижения и не пользоваться ими самим.

— Я склоняюсь к Вашей точке зрения. Надо учесть еще, как складываются наши господствующие классы, каковы они по своему социальному типу. Вероятнее всего, что наши господа будут развивать для себя бездуховную культуру — секс, жратву, танцы, спорт.

— А каково Ваше мнение?

— Скорее всего будет смесь. Помесь футбола с балетом, разврата с морализацией, литературы с пропагандой. Будет всего понемногу, причем — в зависимости от места в иерархии.

— Верно! Мы просто неспособны выдержать чистые линии. Мы халтурщики по натуре. Будут убудочные формы во всем.

— Вы знаете, каково сейчас соотношение доллара, фунта и рубля? За фунт рублей один доллар.

— А у этой Вашей дамочки фигурка ничего. Старовата, правда. Но сейчас старушки в моде у молодых людей. Чем это объясняется?

— Скорее всего чисто потребительским подходом к жизни. О молодых заботиться надо, а старые сами содержать могут.

— У нее зарплата всего семьдесят. Муж бросил. Она несчастная женщина.

— Все теперь несчастные. Воспоминания Брежнева издали на немецком языке. Знаете, как перевели название? «Майн кампф». Ха-ха-ха!

— Как вы думаете, скоро его скинут? Что-то долго засиделся.

— А он неплохой мужик. Дай Бог, чтоб подольше посидел.

— А я разве говорю, что плохой? Только все говорит о том, что пора.

— Армянское радио спрашивают: чем отличается Генсек от гомосека?

Отвечаем...

— Давайте, братцы, спать.

— Так чем же все-таки?

Компания Очень скоро отдыхающие разбиваются на более или менее устойчивые группы — компании. Члены таких компаний обычно вместе ходят на прогулки, вместе выпивают, даже на танцах и в кино держатся поближе друг к другу. Удивительно, что по числу членов такие компании примерно одинаковы (обычно от шести до десяти человек). В одну такую компанию попал и Мнс. Кроме него в нее вошли Старик, Инженер, Универсал, новая знакомая Мнс (Дамочка), молодой доктор

наук из первого корпуса, женщины, с которыми «проводили время» Инженер и Универсал и пара ничьих «девиц», знающих наизусть всю самиздатовскую и тамиздатовскую литературу.

Дамочка всячески демонстрировала свою связь с Мнс. Это его очень тяготило. Он предпочел бы одну из Деввиц, но было уже поздно. Ладно, думал он, дотерплю как-нибудь. А в Москве никаких амуров. И вообще, от таких старых стервоз надо держаться подальше. Тяга опытных мужиков к молоденьким девочкам, надо полагать, не случайна. Они еще надеются воспитать их в удобном для себя духе. Только я что-то не знаю ни одного такого случая, чтобы эти надежды сбылись.

Заводилой в компании сначала был Инженер. Потом к компании присоединился молодой кандидат наук из первого корпуса и перехватил инициативу. Инженеру это не понравилось. Он стал всю изошряться, чтобы удержать лидерство. И, естественно, добился обратного. Бесконфликтное общество, — думал по этому поводу Мнс, — невозможно даже в самых идеальных условиях и даже в случае, когда люди объединяются в группы на совершенно добровольных началах. Кстати, женятся люди теперь добровольно и вроде бы по любви, а много ли у нас счастливых семей? Неантагонистические противоречия — сказки для слабоумных. Вон та, например, беззубая докторица наук и обезьяна членкорица из первого корпуса ненавидят друг друга не меньше, чем капиталисты и рабочие или помещики и крепостные. А между тем они целые дни проводят в одной компании.

Хотя лидером компании был Кандидат, а иногда Инженер, душой ее был все-таки Универсал. Он отдавал себя компании целиком и полностью, не требуя взамен абсолютно ничего. И даже внимания. К Кандидату прислушались с интересом и уважением. Над Универсалом подшучивали все кому не лень. Но его любили. Без него не могло состояться ни одно групповое мероприятие. Мнс как-то не замечали. И это его устраивало вполне, так как он не любил привлекать к себе внимания. Если у него появлялись значащие идеи, он их «продавал» Инженеру или Кандидату. И лишь после этого они становились достоянием масс. Это бесило Дамочку. Ее обуревало тщеславие.

Борьба мотивов Мнс извлек из чемодана две папки — пухлую и тощую.

В пухлой — «научный труд» обезумевшей от тщеславия и преданности Партии суки Тваржинской. В тощей — «художественное произведение» поумневшего от тщеславия и циничной готовности продать любую партию маразматика Петина. На папке так и было написано красным карандашом: «Сталин. Художественное произведение». С чего начинать «редактирование» этой мрази? Петин — директор института и академик, а Тваржинская — лишь заведующий отделом в институте и кандидат в членкоры. Очевидно, начинать надо с Петина. Но по степени вредности Тваржинская превосходит теперь Петина, а ее «научный труд» на каждой странице содержит ссылку на товарища Брежнева. Так что вне всякого сомнения, начинать надо с нее. Где выход? Начни сразу с обеих, — шепнул внутренний голос с легкой усмешкой, — перемешай эти бумажонки, снабди дурацкими комментариями. Вот книжечка получится! Соблазнительно, — подумал в ответ

Мнс. — А что после этого со мной будет? Если они объединятся в намерении наказать меня, знаешь, что от меня останется? В таком случае, — сказал внутренний голос, — делай их одновременно, но поочередно. А начни с суки Тваржинской: она же все-таки дама!

Из книги Тваржинской В Программе КПСС сказано: полный коммунизм есть «...бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердятся общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа».

Сталин Потом Мнс достал петинские бумажки, посмотрел их и выбросил в мусорную корзину. И этот кретин хочет воссоздать психологический облик Сталина! — подумал он. — Сколько таких «писателей» появилось в последнее время! А между тем никакой особой проблемы Сталина нет. Есть лишь проблема сталинизма. А так называемый психологический портрет Сталина может быть лишь более или менее удачным литературным приемом в описании сталинизма. А с этой точки зрения правильное решение может быть только одно: показать, что люди, подобные Сталину, являются на самом деле не творцами истории, а лишь ее тварями. Ну, что же, попробуем сделать это. И Мнс начал писать.

Сцена первая. Время действия — перед первой мировой войной.
Место действия — заграница. Комната...

Письмо к ней

*Природа тут — сплошная благодать,
Но мне приходится сдыхать от скуки,
Чужие книжки пошлые листать,
Ища цитаты полоумной суке.
Какое небо! И какая даль!
Какие тут рассветы и закаты!
И как бывает нестерпимо жаль,
Что жизнь — одни потери и утраты.*

Воспоминания Ильича Первая достопримечательность дома отдыха, с которой познакомились отдыхающие, — основательно полоумный и еще более основательно пьяный истопник и он же по совместительству сторож, за паразитичное сходство с нынешним вождем и в знак уважения к последнему прозванный Ильичом. Ильич носит медаль «За победу над Германией», хотя в войне никакого участия не принимал, и медаль «За трудовую доблесть», которой его наградили совершенно случайно в связи с юбилеем Академии наук. Но знаменит Ильич воспоминаниями о своей роли в войне и в последующем за нею периоде построения развитого социализма. В манере говорить Ильич подражает своему великому двойнику. Получается это у него иногда довольно смешно; за это его частенько угощают выпивкой. Прослушав несколько воспоминаний Ильича, Мнс высказал предположение, что тот треплется по чьим-то чужим сценариям. Инженер сказал, что Они вообще треплется по чужим сценариям, и предложил сочинить для Ильича еще пару новелл.

Это я после ухода на пенсию уехал сюда в глушь, — начинает Ильич свой цикл воспоминаний, отработанный на прошлых заездах. — Я мог бы, конечно, и так отдыхать. Заслужил! Но я привык работать. Помогаю вот тут немного по хозяйству. А раньше я был на ответственной партийной и государственной работе. Если хотите могу рассказать. Только для этого, сами понимаете, надо слегка размочить язык. И челюсть без этого плохо движется. Что с ней? На фронте осколком разбило. Вот тут видите шрам? Не видите? Значит, заросло. Когда побреюсь, хорошо видно. Приходите завтра утром, покажу.

На руководящей партийно-государственной работе я с первого курса ветеринарного техникума. Был проформом. Собирал взносы и распределял путевки. Думаете, эта работа — шалая-валяя? Глубоко ошибаетесь, уважаемые. Вот, к примеру, вы выйдете с Белорусского вокзала в Москве. Налево — киоск с газированной водой. Копеечное вроде дело. А продавщица на этом копеечном деле, если хотите знать, кооперативную квартиру и дачку себе отгрохала. А профсоюзные взносы побольше цены стакана газировки. Жил неплохо. Пару раз в неделю как минимум сиживал в забегаловке. Костюм новый купил. Гармонь. Потом меня, к сожалению, повысили — выбрали в центральный профком. И в партию пришлось вступать, тут уж ничего не поделаешь. Пришлось временно сократиться с выпивкой. А то я как бывало выпью, так хоть немедля в тюрьму сажай за антисоветские разговорчики. Почему меня все-таки не посадили? Так ведь не всех сажали. И выкручиваться научился. Чуть чего — говорил, что речи эти по специальному заданию произносил. Чтобы выявить замаскировавшихся. И Сталин ведь не дурак был. Он ценных работников уважал и берег. Сажал он, между прочим, в основном таких, без которых обойтись можно было. Факт, не погибли же из-за этих репрессий! Даже наоборот! Гляди, как окрепли!

Библиотека Библиотека дома отдыха заслуживает особого внимания. Она образовалась частью из пожертвований местных академиков, частью — из остатков библиотек репрессированных ученых (лучшие книги из

этих библиотек растащили сотрудники Органов и доносчики — друзья репрессированных), частью — из отчислений месткомовских библиотек и научных кабинетов институтов, частью — из пожертвований самих отдыхающих. Книжный фонд библиотеки разделяется на три части. В первую входят книги общего пользования, во вторую — такие, которые рядовым отдыхающим можно получить только по большому благу, в третью — «секретные», которые разрешено выдавать только обитателям однокочных палат первого корпуса. Мнс понравился библиотекарше, и она разрешила осмотреть ему «секретную» часть. Чего тут только не было! Бердяев, Розанов, Лосский, Шестов, Мережковский, Булгаков... Книги периода революции и Гражданской войны, двадцатых годов... По меньшей мере половину таких книг теперь отбирают при обысках у диссидентов как антисоветскую литературу. Мнс сказал библиотекарше, что такие сокровища опасно хранить в этой комнатухе. Она удивилась, сказала, что он — первый за все время ее работы здесь, заинтересовавшийся этим «старым хламом». Отдыхающие предпочитают «Анжелику». Вот и сейчас на нее выстроилась очередь. Читают группами, по ночам. Ее это удивляет тоже, так как книжка довольно пошловатая, а ученые вроде народ серьезный.

Старик взял в библиотеке учебник «Основы марксизма-ленинизма». Это событие стало предметом насмешек не только «молодежной-хи-хи-хи» палаты, но и всего дома отдыха. Даже собаки стали выделять Старика из прочих и облаивать его с маниакальной настойчивостью и удвоенной силой. Вот сволочи! — сказал Старик. — В кои веки человек собрался повысить свой идейно-политический уровень, а они того гляди без штанов оставят. Могу представить, что бы они сделали с авторами учебника. А с самими основателями учения?! Кстати, почему тут нет ни одной мемориальной доски? Здесь же не очень далеко до Ленинских мест. Не может быть, чтоб он не забрел сюда и не изрек пару банальностей местным жителям.

Жалобы

Мы не верим близким людям. Нас убивает их равнодушие.

Старой Бабы

Мы очищаемся, изливая свою душу случайным знакомым и попутчиком.

— Я с мужем прожила почти двадцать лет, — говорит Мнс его спутница. — Отдала семье все. Жила только интересами мужа и сына. У меня даже белья нижнего приличного никогда не было. Все им. Вот эти тряпки, что на мне, — лучшее, что я нажила за эти годы. И конфликтов вроде особых не было — я уступала ему во всем. Еще бы! Выдающийся ученый! Талант! Гений! И вот этот «гений», как только сыну исполнилось восемнадцать, вышел «прогуляться» и... не вернулся! Позвонил, сказал, что ушел к другой женщине, которую давно любил, что все имущество оставляет мне. Какое имущество?! Ты бы только посмотрел! Все вместе пары сотен не стоит. А кому я нужна теперь такая? Я же не работала, домом занималась. Теперь мне надо на пенсию зарабатывать. А кто я? У меня же нет профессии. Семьдесят—восемьдесят рублей. Проживи попробуй! Но главное — не в этом. Одиночество! Ты представить себе не можешь, что это такое. Поверишь ли, по три сеанса сижу иногда в кино. А он и его поклонники сына настроили против меня. Будем квартиру делить.

Сыну отдельную квартиру. Мне — комнатушку в коммуналке. А за что, спрашивается? Какое я совершила преступление? То, что безраздельно верила человеку, любила, была предана и верна? Знаешь, я по натуре не злой человек. Но иногда приходит острое желание, чтобы ему стало плохо. Не верю я больше в то, что он — крупный ученый. Настоящий ученый не мог бы так поступить. Он — шарлатан. И я хочу, чтобы все это увидели.

— Не надо так, — говорит Мнс. — Если он — шарлатан, все равно это всем хорошо известно. А что от этого изменится? Если хочешь ему отомстить, избери другой путь. Возьми себя в руки. Ты еще не старая. И очень привлекательная. Займись собой. Обрети уверенность в себе, жизнерадостность. Займись каким-нибудь творческим делом, например, живописью, стихами. Кто знает, может быть, в тебе дремлет большой поэт. Займай богатого любовника. Думаю, что эта проблема разрешима. Пусть он дарит тебе модные вещи.

— Спасибо тебе за все, — говорит она. — Ты добрый. Я рада, что встретила тебя. Мне стыдно за вчерашнее. Прости, я не буду больше так.

Палатный трёп — Наша экономика все же имеет неоспоримые преимущества перед буржуазной. Например — планирование.

— Не смешите меня. Я-то знаю, что такое наше планирование.

— Но оно же есть!

— Оно есть, но совсем не в том смысле, как вы думаете. А в том смысле, в каком вы думаете, его у нас нет и в принципе быть не может. По этой причине, между прочим, у нас ученые никогда не будут во главе государства. И слава Богу!

— Не понимаю!

— Сейчас поймете. Я вам процитирую точные и в высшей степени конкретные установки общегосударственного планирования и для нашей отрасли, и вы сразу поймете. Основным путем, говорится во-первых, подъема советской экономики является последовательное совершенствование управления и планирования в соответствии с решениями таких-то Пленумов ЦК и Съездов КПСС. Новая система планирования предполагает дальнейшее совершенствование планирования... Продолжать? Не надо? Все-таки приведу еще цитатку. В основе государственного руководства социалистическим народным хозяйством лежат ленинские принципы планирования... А вот вам техническое задание, которое спустили нам на проектирование отраслевой функциональной подсистемы и т. д. Обратите внимание, словечко-то какое! Прямотаки кибернетика. А мы, между прочим, теперь без нее ни на шаг. У нас свой вычислительный центр и все, что с этим связано. Жуть! Но вот вам требование к нашей функциональной подсистеме. Использовать основные положения марксистско-ленинской теории расширенного воспроизводства и объективных законов экономического развития. Вы можете мне объяснить, что такое — положения объективных законов экономического развития? Нет? У нас тоже никто этого не знает. Использовать, далее, решения партии и правительства по вопросам планового руководства. Использовать цели развития отрасли, вытекающие из социально-экономической концепции развития. Что это такое? А вы спросите Их. И так далее в таком же духе.

— Но это же не все!

— Конечно. В соответствии с такими точными установками мы создаем детальнейшие планы вплоть до вилок, ложек и пуговиц для брюк. В десяти томах. Наши тома вливаются в общий поток. И все это — с использованием машин, конечно.

— Вот видите, делается же что-то!

— Хорошо. Постараюсь пояснить на пальцах. Планирование у нас есть, но оно, если можно так выразиться, общеполитическое. Какие отрасли развивать, куда больше вложить средств и т. д. А для этого безразличны точные показатели. Например, характеризуется бюджет цифрой X или цифрой Y, роли не играет. Членам Политбюро цифры сами по себе ничего не говорят. Им важны относительные величины. Проценты. Решения высших властей облакаются затем в конкретные «планы». Вот это (что Вы считаете планом) уже будет настоящей липой. Говорю как специалист, ибо сам участвовал в изготовлении таких лип. Не скажу, что она совсем бессмысленна. Она дает некие психологические опоры, ориентацию, базу для бюрократической деятельности. В реальности люди живут и делают свои дела. То, что они делают, подгоняется под «план» (т. е. под липу). Конечно, чтобы было некоторое «перевыполнение». Много — не поверят. Если недовыполнение — погорят премиальные, прогрессивка. Это вам хорошо известно. А «научное» (точное) планирование у нас вообще невозможно. И не нужно. Если у нас это заведут, мы подохнем с голоду. И жить будем как в казарме или в концлагере. Нет уж, пусть лучше липа, чем настоящее планирование. Если хотите знать, настоящее (строгое, точное) планирование есть вообще идея буржуазной экономики, а не нашей. Идея нашей — политическое руководство экономикой.

— Но не все же у нас так плохо!

— А я разве говорю, что плохо? Я как раз наоборот, говорю, что было бы очень плохо, если бы мы жили строго по заранее намеченным и «научно обоснованным» планам. А у нас, к счастью, плохо, но не очень. И довольно комично.

— Но ведь это политическое руководство экономикой без точного расчета может кончиться крахом!

— Ни в коем случае. Наша реальность сопротивляется и делает по-своему. Вот если бы был точный расчет, тогда... Послушайте, часто ли вам приходилось сталкиваться со случаями, когда дело делалось точно в срок и в том виде, как планировалось?! Так если вы хотите знать, как с этим обстоит дело в масштабах страны, возведите это в миллионную степень.

О марксистской философии — Вот, возьмем, например, эту книжку, — говорит Старик. — Год издания семьдесят восьмой. Так сказать, новейшее слово науки. В самом начале читаем: «Марксистская философия представляет собою стройную систему взглядов...» Допустим, так. Смотрим дальше. В мире, пишет автор, «все его предметы и явления либо материальны, либо идеальны, духовны». Обратите внимание: либо то, либо другое. А через страницу говорится: «в мире... нет ничего, кроме движущейся материи». Как это понять? Где же стройность? Изви-

ните, но это — элементарная логическая безграмотность. Идем дальше. Вот автор поясняет слово «метод». Это — путь достижения цели, приемы решения задач. Далее автор говорит о материалистической диалектике как о методе, применимом во всех без исключения областях природы, общества и мышления. И буквально через несколько строк от понимания диалектического метода как совокупности приемов не остается ничего. Оказывается, это — некое учение о мире. Пойдем дальше. Вот здесь написано: «Общее свойство всех (заметьте, всех!) предметов и явлений — быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания и отражаться им — и выражает философское понятие, или категория, «материя». Ладно, наплевать, как называется. Но ведь даже не искушенному в логике человеку очевидно, что тут — противоречие. Само сознание разве существует вне этого сознания? Если нет, то значит это (существовать вне сознания) не есть общее свойство всех предметов и явлений. Не так ли? Продолжим. Движение, говорится в книге, абсолютно, а покой относителен. Тело покоится лишь по отношению к другому телу. Но в этом смысле и движение относительно, это тоже входит в сами определения понятий, касающихся движения. Вечность и бесконечность материи, говорится в книге, обуславливают бесмысленность времени и бесконечность пространства. Но это — тавтология или бессмыслица. А это прямо-таки комично. Всей материи, говорится в книге, присуща способность перестраиваться под воздействием извне. Значит, еще есть что-то вне материи? И в таком духе написана вся книга. Что это, дефекты данного автора?

— Нет, это — общая принципиальная картина.

— И как же Вы ее оцениваете как специалист?

— Как идиотизм, возведенный в ранг государственной идеологии.

— И что же, это нельзя исправить и улучшить?

— Нет. Это абсолютно невозможно.

— Почему?

— В силу принципа «Горбатого могила исправит» прежде всего. А затем — в силу социальных причин: не позволят. Да и зачем улучшать? Выкиньте эту муть на помойку, и дело с концом.

— Я, может быть, выкину. А вот миллионы других людей из поколения в поколение вынуждены на это тратить силы и уродовать свои мозги.

— Если это они терпят, значит, они того стоят.

— Но если Вы понимаете, чего стоит вся эта «вершина вершин», «стройная система» и т. п., почему бы Вам не раскритиковать это все как следует?

— Бесперспективно. Критиковать марксизм — все равно что ругаться с глупыми бабами в коммунальной квартире или в длинной очереди. Обольют помоями, и все. Логика и разум бессильны против кретинизма, циников, невежд, подонков и прочей нечисти.

— Ого! Как Вы их! Видать, и у Вас эта муть сидит в печенке!

— Что Вы! Просто я сам из этой шайки!

Из воспоминаний Ильича

К началу войны я был первым заместителем командующего свиносовхоза по поллитрической части. Совхоз оказался в прифронтовой полосе, и его было решено эвакуировать на Урал. Я — рапорт самому Сталину: прошу, мол, отправить меня на фронт. Сталин ни в какую. Говорит, ты в тылу нужен, поскольку тыл теперь тоже фронт, и может быть, опаснее, чем на фронте. Мудрый был руководитель, хотя и допускал отдельные отклонения. У нас в совхозе действительно было не менее опасно, чем на фронте. Свиной кормить было нечем. И они кидались на нас, как тигры. Особенно на политработников. Парторга одной фермы на моих глазах разорвали в клочья. Пришлось его вдове писать, что он пропал без вести. Но мы, коммунисты, скроены из твердого материала. Мы этим свиньям показали... В общем, Сталин в конце концов подписал приказ об отправке меня на фронт. Свиной все равно больше не осталось. А на фронте дела, сами понимаете. Враг блокировал Ленинград и устремился к Сталинграду. Вся надежда теперь на тебя, — сказал Сталин. И, повернувшись к Жукову, Коневу, Рокоссовскому и всем остальным, которые стояли по стойке «смирно», Сталин сказал, указав на меня трубкой. — Вот у кого учиться надо. Он вам всем нос утрет!

Из книги Тваржинской

«...Социализм, — указывал Ленин, — неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм». В этой короткой формулировке выражены некоторые основные особенности процесса перехода от социализма к коммунизму. Во-первых, это процесс объективный. В силу внутренних закономерностей социалистический строй, развиваясь, неизбежно превращается в коммунистический. Во-вторых, это процесс постепенный, в том смысле, что он происходит путем совершенствования и развития, а не ломки или отмены основных принципов и установлений социализма.

Особенность процесса перехода от социализма к коммунизму в том, что при условии правильной политики партии и государства он совершается без столкновений и конфликтов между классами или социальными прослойками, на основе их укрепляющегося сотрудничества и единства.

Строительство коммунизма происходит в условиях, когда эксплуататорские классы ликвидированы, когда все классы и социальные прослойки общества едины, кровно заинтересованы в победе коммунизма и сознательно добиваются ее. Это неизбежно влияет на методы деятельности государства и партии. Коммунистическое общество создается самыми демократическими методами, в условиях всестороннего развертывания и совершенствования социалистической демократии во всех областях жизни общества, роста активности и самостоятельности широких народных масс.

Сталин Время действия — перед мировой войной, место действия — заграница. Комната Ленина и Крупской. Кроме них присутствует Сталин. Сталин сидит у стола, в сапогах, курит трубку. Ленин бегаёт по комнате, жестикуют, ругается. Крупская каждый раз морщится, говорит: «Володя, нельзя же так грубо!». Сталин каждый раз вынимает

трубку изо рта и говорит: «В нашем мужском деле без грубостей нельзя!» Ленин каждый раз замирает на месте, поворачивается на каблуках на сто восемьдесят градусов и говорит: «Вот именно, дорогой товарищ! Революцию в белых перчатках не делают! Полностью с Вами согласен, уважаемый... Простите, как Ваше имя-отчество?..» Крупская смотрит в окно на хорошо одетых прохожих, на богатые витрины магазинов и прочие прелести западного образа жизни.

Крупская: Это поразительно! Целый час гляжу, и ни одного пьяного, никаких грубостей и непристойностей. Порядок. Нет, Володя, ты не прав. Не будут они тут никакую революцию делать. Она им тут совсем ни к чему. Они и без революции живут припеваючи. Революция нужна России, и начнется она именно там.

Ленин: Надюша, сколько раз я просил тебя не лезть в политику! Не женского ума это дело. Пока пролетариат Западной Европы не подымет на социалистическую революцию, русский мужик и пальцем не шевельнет. Именно мужик! Много ли у нас рабочих? Да и те суть вчерашние мужики или полумужики, еще не оторвавшиеся от деревни. А много ли у нас революционеров? На пальцах сосчитать можно. Да и те в основном болтуны.

Сталин: Вы правы, Учитель! Чем занимаются все эти Трошки, Зиновьевы, Каменевы, Бухарины и прочие? Болтают, кропают статейки, шляются по кабакам.

Ленин: Нам нужна организация профессиональных революционеров, а не профессиональных болтунов. Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию! И деньги нужны. Без денег никакую революцию не подготовишь. И тем более денег не удержишь власть. Деньги! В первую очередь деньги! И еще раз деньги! Много денег!

Сталин: Дорогой Учитель! Организация людей Дела у нас будет. Можно сказать, она уже есть. Деньги, оружие и все прочее будет. Но... у меня условия.

Ленин: Превосходно, дорогой... Иосиф Виссаронович! Заранее согласен на все Ваши условия!

Сталин: Я должен занять положение в партии, причем — достаточно высокое и авторитетное. ЦК партии. Статьи в партийной печати...

Ленин: Считайте, что Вы кооптированы в ЦК и в редколлегии газеты. Чем Вы сейчас занимаетесь? Брошюру по национальному вопросу стряпаете? Ха-ха-ха! Бросьте этот вздор! Наши женщины сделают ее Вам за неделю. Действуйте! Давайте обсудим чисто технические детали.

Ленин садится за стол. Сталин разворачивает план какого-то города. Они склоняются над планом, тихо разговаривают. Мелькают имена, даты, названия городов, стран, фирм. Крупская смотрит в окно и время от времени восклицает: «Поразительно! Ни одного пьяного! Зачем им революция?!» Часа через два Сталин уходит, отказавшись от чая и не попрощавшись с Крупской.

Крупская: Володя, это же типичный разбойник с большой дороги! Как ты можешь общаться с такими субъектами?! И кроме того, о нем упорно ходят слухи, будто он — агент Охранки.

Ленин (задумчиво): А о ком тут не говорят, что он — агент Охранки?

И про меня тоже слухи подобные распускают. Ну и что? А если даже так, какое это имеет значение?! Ради революции я готов иметь дело хоть с самым начальником Охранки. Это по крайней мере настоящее дело. Я думаю, что Охранка не прочь кое в чем нам посодествовать. Эти кретины до сих пор считают самыми опасными врагами существующего строя не нас, а социалистов-революционеров. Пусть думают так, это нам на руку.

Крупская: Но у этого... армянина на уме грабежи да убийства!

Ленин: Это хорошо! Без этого революций не бывает. Пусть эти бандиты послужат делу освобождения человечества. Когда революция закончится, мы очистим подошвы наших ног от этой грязи и смоем кровь с наших рук. И войдем в светлое здание коммунизма без этой мерзости. А пока без них нельзя. Нам нужны боевые отряды, оружие, каналы связи, конспиративные квартиры... Нужно подкупать одних, дискредитировать других, устранять третьих... И деньги. Много денег! Начинать надо с денег. Прошу тебя, поиграй мне что-нибудь из Бетховена!

Автор: Об этом разговоре мне потом рассказывал сам Сталин. Он при этом сообщил о выражениях, которые употреблял Ленин в этом разговоре. Но я не решился привести их тут — неприлично, да никто и не поверил бы в правдивость описания. Удивительная вещь — время. Оно проходит, и точное описание события начинает восприниматься как ложь, а самая невероятная лож кажется наиболее правдоподобной.

Сталин (выйдя на улицу, говорит самому себе): Они смотрят на Нас как на неизбежное, но временное зло. О, наивные мечтатели! Это вы — неизбежное, но временное... пусть добро. Не добро, а зло есть основа бытия, ибо добро эфемерно, а зло весомо и устойчиво. Если революция победит, Мы будем решать, кто войдет в светлое здание коммунизма, а кто нет.

Измена Становление советского гражданина начинается с измены. Получив письмо от Мнс, Она похвасталась им близкой подружке. Конечно, под величайшим секретом. Подружка, поклявшись сохранить тайну, тут же рассказала двум другим, и они все вместе похихикали над Ней и Мнс. Через пару дней о письме знал весь институт. Ее вызвали в комсомольское бюро и потребовали показать письмо. Ей сказали, чтобы Она не забывала, где Она работает, и что Ей потребуется характеристика для университета. Она поплакала, но письмо отдала.

После этого Она писем от Него больше не получала, хотя Он писал Ей почти каждый день. А Он не знал, что Она уже не получает его писем, и продолжал писать.

Второе письмо Ей

Нас будят петухи чуть свет.

Сопровождают любопытные собаки.

Девчонки местные кивают нам привет,

А парни местные грозят затеять драки.

В нас водкой дышат — «двину в морду, хошь?!».
Пол шелухой подсолнечной усеян.
И я испытываю радостную дрожь:
Мне чудится — жива еще Рася.

Маршрут «Студенты» делятся впечатлениями о своих девчонках, которых
Инженера они уже успели «сделать». Рассказывают они это в таких
выражениях, что Старик не выдержал.

— Эй вы! Заткнитесь! И откуда только в людях берется такое стремление все ополщить и опаскудить?!

— Это наша национальная черта.

— А ты в нашем возрасте был лучше, что ли?

— Я в вашем возрасте сначала воевал, а потом сидел.

— К несчастью, у нас нет приятных фронтовых и тюремных воспоминаний.

— Я вас не утруждал своими фронтовыми и тюремными воспоминаниями, хотя следовало бы.

— Хватит ссориться из-за пустяков, — говорит Инженер. — Мне сейчас думается другое. Я вот сейчас отчетливо вижу свой обычный маршрут от дома до метро. Двор, конечно, перерыт и замусорен. На улице сразу же забор. Стройка. Уже четвертый год что-то строят. Плиты свалены. Краны стоят без движения. Потом — кафе. Около него уже валяется один бухарик. Другой тщательно готовится упасть рядышком. Потом новые корпуса какого-то института. Оттуда вываливается группа высоченных негров. Вот подземный переход через улицу. Но народ бежит поверху. Дружинники свистят, но толку никакого. Магазин «Мосодежда». Выстроилась очередь человек пятьсот. Какая-то старушенция спрашивает, что дают. Другая старушенция (из очереди) отвечает, что дают «финские джины». Старушка спрашивает у меня, что такое «джины». Я говорю, что это — волшебники на Востоке. Толстая баба в очереди накидывается на меня и обзывает хулиганом. Оказывается, джины — это штаны. И все-таки жизнь идет. Дома каким-то чудом вырастают. И вообще, что-то создается. На солнце пеке кошки бездомные греются. Воробьи прыгают. Девчонки бегут, хохочут. Прошла группа парней в нейлоновых куртках, в широченных клешах, с длинными волосами. Конечно, мат. О, Боже! Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!

— Вам повезло, — говорит Универсал. — Вы в центре живете, очевидно. А у нас дом от дома не отличишь. А вечером лучше в одиночку не ходить. Разденут, избьют, изнасилуют. А в нетрезвом виде шею сломать можно.

— А кем Вы были на фронте? — спрашивает Мнс у Старика.

— Начал лейтенантом, кончил капитаном. Командовал эскадрилей в штурмовой авиации.

— Брешет, — говорит Студент.

— Заткнись, сопля! — говорит Универсал, — а то выкину в форточку! Дуй дальше, папаша! У тебя небось «железок» полно. А потом?

— Потом летная академия. Потом десять лет.

— За что?

— За дело.

Мысли Мнс

о здравом смысле и логике

Все разбрелись кто куда. В палате остался один Мнс — работать над рукописью «Твари». Часа через два вернулся Старик. Странно устроена человеческая натура, — говорит он. — Ехал сюда как в иной Светлый

Мир. Прошли сутки, и все. Теперь уж Москва кажется далеким раем. Чем занимаемся? Для одной стервы книжку улучшаю, — сказал Мнс. — В данный момент пытаюсь несколько сгладить традиционные марксистские нападки на «здравый смысл» и формальную логику. А есть ли хоть что-нибудь здоровое в этих нападках на «здравый смысл»? — спросил Старик. Мало, — ответил Мнс. И произнес по сему поводу следующую речь, которую Старик выслушал с большим вниманием.

«Здравый смысл», столь блистательно разгромленный в свое время классиками марксизма и всячески третируемый их последователями, на самом деле есть признание очевидного плюс правила логики. К последним классики марксизма относились особенно плохо, считая их чем-то в высшей степени низким, допустимым лишь в области «домашнего обихода». Они почему-то совершенно не заметили того, что в эту область «домашнего обихода» попала вся математика. Не думаю, что это от элементарной безграмотности. Тут кое-что есть и от гипертрофированной претензии. Маркс пытался, что мало кому известно, построить «высшую» математику на основе диалектики. Но из этого вышел такой чудовищный бред, что сами ортодоксальные марксисты этот факт тщательно скрывают. Что касается Энгельса и Ленина, то они в своем познании математики поднялись до плюса и минуса, отношение которых они рассматривали по аналогии с отношением буржуазии и пролетариата, и остановились в мистическом изумлении перед квадратным корнем из минус единицы. Сталин был, конечно, умнее их всех. И на эту тему он помалкивал вообще.

Законы логики всегда были неразрешимой загадкой для людей. Действительно, в чем заключается неотвратимая их сила? Каких только объяснений тут не давали! Марксизм, само собой разумеется, впервые в истории человечества дал единственно правильное «решение» этой проблемы: законы логики обладают такой неотвратимой силой потому, утверждает марксизм, что они суть отражения самых простых (элементарных) законов вещей. Что, казалось бы, может быть гениальнее и, само собой, проще?! А между тем, это — чудовищная нелепость. Возьмите одно из самых известных правил логики — правила силлогизма, и попробуйте без насилий над языком и с полной честностью перед сами собой отыскать лежащие в их основе законы природы. И потом, если это все-таки так (т. е. отражают), то почему бы не сформулировать сами эти законы природы как таковые? Зачем придавать им вид «законов мысли»? На самом же деле законы логики суть определения свойств особого рода языковых выражений и следствия из таких определений. Это — правила оперирования языком, абсолютно ничего не отражающие. И сила законов логики есть лишь сила неявных или явных соглашений и решений самих людей относительно правил употребления языковых выражений. И лишь постольку, поскольку каждому индивиду эти правила навязываются как нечто независящее от их воли, они представляются ему в виде законов природы или некоего абсолютного (или божественного) духа.

Вот возьмите, например, такое простое умозаключение: «Все люди смертны. Генсек — человек. Следовательно, он тоже, к счастью, смертен». Оговариваюсь, Генсек есть человек не в том смысле, в каком мы употребляем выражение «Будь же человеком!», а в чисто биологическом смысле. И смертность я имею в виду биологическую, ибо в ином смысле, как известно, все Они бессмертны. Но это — между прочим. Важна форма умозаключения: «Все А суть В. С есть А. Значит, С есть В». Откуда взялось это правило логики? Из отражения бытия? Чуть! Поставьте простой вопрос: а что означает слово «все»? И попробуйте объяснить смысл этого слова себе. И сразу станет ясно, что приведенное правило есть лишь часть определения этого слова: «все» означает, что если все А суть В, то и каждый А есть В. А что значит «каждый»? Лишь другая запись «все». Как ни крутись, придем к некоторым правилам логики, в том числе — к приведенному выше: если все А суть В и С есть А, то С есть В. И так — с любым правилом логики. Понятно?

Понятно, — пробурчал Старик, — но неприятно. Странные мы все-таки существа. Я много раз замечал, что люди предпочитают заблуждения истине вполне добровольно и сознательно.

Письмо к Ней

*А здесь — идиллия.
Живи и не тужи.
В одряблый мускул
возвращаются силенки.
Зовутся мальчиками
зрелые мужи
И бабы старые
тут кличутся «девчонки».
Струится по камням
сонливая река.
Кольшет ветерок
еловые верхушки.
Не верится,
что где-то есть ЦеКа,
Есть КаГеБе,
есть тюрьмы, есть «психушки».*

О счастье Наши великие писатели умели говорить глупости и пошлости, — ворчит Старик по поводу замечания Дамочки насчет того, что «человек рождается для счастья, как птица для полета». — Счастье — вещь весьма относительная. Хотите, я вам расскажу, какой момент в моей жизни был для меня самым счастливым? В армии во время занятий строевой подготовкой или маршей нам устраивали перерывы, чтобы справиться естественную нужду. Как только раздавалась команда «Разойдись! Оправиться!», мы затевали игру. Кто-нибудь из нас привлекал «огонь на себя», т. е. командовал: «Рота моя, мочись на меня!». И мы все

кидались за ним, стараясь помочиться на него. Разумеется, он увертывался, и мы больше попадали друг в друга. Весело бывало необычайно. Однажды мне удалось таким образом помочиться прямо на новую фуражку одного отличника боевой и политической подготовки. Мало сказать, что я был счастлив. Счастье гудело и ликовало во мне. Этот миг я не забуду до самой смерти. После этого я стал знаменит на весь гарнизон. Об этом событии разговоров было больше, чем о победах и поражениях на фронтах. А вы говорите — счастье! Так что, я для этого и был рожден — помочиться на голову лучшего солдата роты?!

Из книги Твари Строительство коммунизма — не стихийный, а целенаправленный и организованный процесс деятельности широчайших масс трудящихся, который происходит под руководством марксистско-ленинской партии. Ей предстоит верно определить начало этапа развернутого строительства коммунизма. Всякое забегание вперед, торопливость могут только затруднить и замедлить движение к коммунизму в условиях, когда не созрели объективные и субъективные предпосылки для такого ускорения, когда принимаемые решения не основываются на научном анализе тенденций развития, практики и опыта масс.

Вместе с тем, партия не может и запаздывать с выдвиганием задач коммунистического строительства, если для них уже созрели предпосылки.

В политическом курсе партии находят свое концентрированное выражение объективные закономерности перехода от социализма к коммунизму и сознательное стремление трудящихся построить коммунизм.

Сталин Петербург. Роскошная гостиная. Жандармский полковник разглядывает себя в зеркало. Входит красивая молодая женщины, говорит тихо, что «этот человек пришел». Полковник просит даму, вероятно — хозяйку особняка, провести «этого человека» сюда. Входит Сталин. Он с усами и бородой, одет под рабочего. Но держится с достоинством.

Полковник: Ну-с, господин Александров, что новенького имеете сообщить о господине Ульянове и его банде?

Сталин: Вы хотите сказать, о Ленине и его партии? Да, я имею кое-что сообщить о них. Но предварительно предложите мне сесть. И обращайтесь ко мне по имени и отчеству.

Полковник: Вы пьяны?

Сталин: Нет. Дело в том, что я — член ЦК партии Ленина, член редколлегии газеты Ленина и руководитель его экспроприационных и террористических отрядов.

Полковник: О, прошу извинения! Это в корне меняет положение. Вы упомянули о экспро- и терроотрядах. Неужели и такие есть у Ленина? Насколько нам известно, он в принципе против...

Сталин: Пока таких отрядов у Ленина нет. Но будут скоро. С Вашего разрешения, конечно.

Полковник: Я весь внимание, дорогой Иосиф Виссарионович! Расскажите прежде всего о том, как господин Ленин собирается готовить революцию!

Сталин: Ленин не собирается готовить революцию. Он ждет революцию.

Он считает, что мы должны быть готовы встретить революцию и воспользоваться ею в своих интересах.

Автор: Впоследствии этот тезис ленинизма будет извращен в таком духе, будто Ленин и его партия готовили революцию, будто бесконечная болтовня на партийных собраниях и писанина и были подлинной подготовкой революции. Революции не готовят. Они происходят сами, причем — неожиданно для всех, и в том числе — для тех, кто претендует на роль активных их творцов. Наша революция была полной неожиданностью для самого Ленина и его соратников. Но это не играет никакой роли в оценке личностей и партий. Я первым начал фальсификацию ленинизма в этом пункте, причем — с ведома Сталина. Если мы имеем возможность убедить людей в том, что это мы подготовили и осуществили революцию, — сказал он тогда мне, — значит, на самом деле революцию подготовили и осуществили мы.

Полковник: Ваш Ленин — неглупый человек. Может быть, целесообразно убрать его?

Сталин: Рано. Когда будет пора, я сделаю это сам.

Полковник: Как же в таком случае Ленин готовится встретить революцию? Кстати, сами-то Вы верите в то, что революция будет?

Сталин: Это не имеет значения. Тот, кто хочет встретить революцию подготовленным к ней, должен жить так, будто она может разразиться в любую минуту. Что касается подготовки... Ленин понимает, что идеи революции и их реальное воплощение в жизнь не имеют между собою ничего общего. Главное здесь заключается не в призывах к революции и в болтовне на эту тему, а в том, чтобы первыми узнать ее, когда она придет, и использовать без всяких колебаний все средства, открытые прошлыми революциями, и изобрести новые, несслышанные ранее.

Полковник: Поясните конкретнее.

Сталин: Ленин уверен в том, что никто лучше его лично и его партии не способен встретить революцию и использовать ее. Поэтому главные враги лично для Ленина — это соратники по партии, конкурирующие с ним. Поэтому, считает Ленин, уже сейчас надо так направить поведение его соратников-соперников, чтобы потом никто из них не смог бы претендовать на роль вождя революции. Поэтому главные враги партии Ленина суть другие революционные партии. И с ними надо поступать как со смертельно опасными конкурентами.

Полковник: А что Вы сами думаете по поводу этой претензии Ленина?

Сталин: Партия Ленина — единственная, в которой я могу занимать руководящее положение, а Ленин — единственный человек, которого я могу назвать Учителем. Я поставил на Ленина.

Полковник: Какие средства признает Ленин фактически, а не на словах?

Сталин: Любые. Подлог, шантаж, вымогательство, клевета, демагогия, воровство, грабеж, убийство... Короче говоря, все, что способствует укреплению положения партии и его лично.

Полковник: И что во всем этом главное?

Сталин: Деньги.

Полковник: Но...

Сталин: Мы не намерены отягощать казну Его Величества своими просьбами.

Полковник: Как же в таком случае...

Сталин: Например, банк.

Полковник: Риск.

Сталин: Революция не бывает без жертв.

Полковник: Понимаю. Но сколько можно взять в банке? Много для одного, а достаточно ли для партии? Большие суммы редко...

Сталин: Надеемся на Вашу помощь.

Полковник (задумчиво): Да... Но... Видите ли...

Сталин: Само собой разумеется.

Полковник: Скоро предстоят две перевозки больших... очень больших капиталов... Одна недалеко от Вашей родины. Другая далеко...

Сталин: Еще одна ссылка репутации революционера не повредит.

Полковник: Ну, что же, по рукам! Может быть, у Вас есть личные просьбы ко мне?

Сталин: Есть. Забудьте о наших прежних отношениях. Все документы прошу уничтожить. Впредь — исключительно на взаимном доверии. В противном случае...

Полковник: Слово офицера!

Сталин: Слово революционера!

Автор: Полковник обманул, нарушив свое офицерское слово. Обман обнаружился, когда особая комиссия разбирала архивы Охранки. Что было делать? Я рискнул и доложил о документах Сталину. И он уничтожил всех членов комиссии, за исключением меня. Зачем он пощадил меня? Подозреваю, что он сохранил меня как живого свидетеля того, что его гений был выше гения его Учителя. Потом он приказал разыскать Полковника живого или мертвого. Того нашли в Париже, и вскоре он скончался от сердечного приступа, будучи совершенно здоровым. На Западе возник слух, будто сохранились документы о сотрудничестве Сталина с Охранкой. Но если какие-то документы и появились там, они фальшивые. Подлинные документы мы уничтожили вместе со Сталиным. Мы сожгли их, а пепел съели. К чему эта театральность? Сталин был актером. Из осуществленных операций лишь очень немногие стали достоянием истории, да и то в крайне искаженном виде, на основании слухов, сплетен и отрывочных сведений. Лишь одна из этих операций ассоциируется с именем Сталина, да и то лишь постольку, поскольку она имела место на его родине и поскольку известна связь Сталина с некоторыми ее участниками.

Из воспоминаний Ильича Я прибыл на фронт в трудный для Родины период.

Вражеские танковые армии клещами сжимали столицу Украины древний Киев. Вооруженные до зубов гитлеровские банды рвались к сердцу нашей Родины — к Москве. Меня прикомандировали к политотделу танковой дивизии, личным ездовым лекционно-пропагандистского отдела. Поручили мне старую кобылку по кличке «Пенелопа», на которой я должен был возить помимо пишущих машинок еще и сейф, в котором хранились чистые бланки для партийных билетов. Один билет с номером 000.000.002 я выправил самому себе, хотя это было смертельно опасно: если бы немцы нас захватили, они могли бы Бог знает что

подумать. За этот мужественный поступок меня произвели в ефрейторы. Помню, как сейчас, такой эпизод. Когда мы ехали по понтонному мостику через Днепр, я вывалился из телеги в воду. Вытащил меня солдат-пехотинец. В спешке он не разглядел моих погон и обратился ко мне на «ты». Что же ты, браток, твою мать, — сказал он, помогая мне вылезти на берег. — Жить надоело?! Но тут он заметил мои погоны, вытянулся по стойке «смирно». Виноват, товарищ генеральный... тьфу, ефрейтор! В суматохе не доглядели-с! Ладно, — сказал я, — на первый раз прощаю. А не угостишь ли ты, брат-солдат, меня табачком? И мы закурили нашу русскую махорку, забыв о том, что он — рядовой солдат, а я — крупный партийный руководитель. Разговорились. Но тут на взмыленном коне приискал сам маршал Жуков. Узнав, что я жив, он несколько успокоился. Ну, что будем дальше делать? — спросил он меня. Наступать, — сказал я. — И всеми фронтами сразу. Так и передайте Сталину. Есть, — сказал Жуков. И ускакал в Кремль.

Экскурсия на дачу Петина Одно из обязательных коллективных мероприятий для отдыхающих — осмотр поселка, в особенности — той его части, в которой расположены дачи многих видных деятелей недавнего прошлого, в том числе — дачи академиков. Все эти дачи в свое время были безвозмездно предоставлены этим деятелям по личному распоряжению Сталина. Дача Петина произвела на отдыхающих самое сильное впечатление. Высоченный закрытый забор с колючей проволокой поверху. Двухэтажный огромный дом. Оранжерея. Масса всяких мелких построек, назначение которых было неизвестно. Кто-то сказал, что одна из них — финская баня, а другая — дом сторожа и собаки. Представительница администрации дома отдыха сказала, что у Петина в доме богатейшая коллекция серебряной посуды. Один старинный сервиз на сто (!) персон он вывез из Китая. Таких сервизов всего два во всем мире. Говорят, Мао Цзе-Дун очень рассердился, когда узнал, что Петин ухитрился спеть этот сервиз.

Потом разбились на группки и разбрелись кто куда. В группке, где был Мнс, затеяли спор о том, был Петин еврей или нет. Кто-то сказал, что он из крестьян. Кто-то сказал, что этого быть не может. Если бы был из крестьян, то не стал бы таким ловким проходимцем. Кто-то сказал, что вообще наша академия наук на девяносто процентов еврейская. Кто-то сказал, что евреи несколько облагородили нашу революцию и весь сталинский период, без них было бы еще кошмарнее и скучнее. Кто-то сказал, что как раз наоборот, революция и сталинские репрессии — это их рук дело. Пакость сотворили, а теперь удирают. Кто-то сказал, что и русских много уезжает, а если бы русские имели такую формальную возможность, как евреи, то десятки тысяч русских деятелей культуры эмигрировали бы. А сколько невозвращенцев русских?! Я знаю одну хорошую русскую семью, которая мечтает изобрести летательный аппарат особый и улететь отсюда. Кто-то сказал, что эмиграция выражает не столько чисто еврейскую ситуацию, сколько общую безнадежность что-то изменить тут. Один из экскурсантов, молодой симпатичный парень, спросил Мнс,

что он думает по этому поводу. Я на эту тему не думаю, — сказал Мнс, — я только страдаю.

Этот Петин, — сказал собеседник Мнс, — одна из самых гнусных тварей сталинского периода. Одно время казалось, что он погорит. А он вылез сухим из воды. До сих пор посты занимает, хотя ему под восемьдесят. Вот вам характерный пример из его биографии. Некто Станис написал статью для Большой Советской Энциклопедии. Статья, конечно, типично прохиндейская. Сплошное холуйство перед Сталиным. Но дело не в этом. Вскоре Станиса посадили и расстреляли по доносу Петина. Это потом (через тридцать лет!) было точно установлено. Статья почти без изменений вошла в Энциклопедию, но уже как статья Петина. Единственная вставка, которую он сделал, — это фраза о том, что «меньшевистующие идеалисты» понимали все неверно и все исказили, а в скобках было при этом указано имя представителя этого идеализма, того самого Станиса, фактического автора статьи, которая, очевидно, давала правильное понимание. Все материалы по этому случаю сохранились каким-то чудом. Говорят, даже устроили нечто вроде персонального дела Петина. Но — без всяких последствий. И вот, нас водят на своеобразную экскурсию — показывать дачу этого подонка.

— Петин мелочь, — сказал Инженер. — Фигуры покрупнее ушли безнаказанными. Кто? Молотов, Ворошилов, Каганович, Маленков, Микоян... И тысячи других. И вообще, суда фактически не было. А это значит, что прошлое живо. Оно затаилось, переменяло вид. Но живо. И очень возможно, что снова вспыхнет ярким пламенем. О новом Сталине говорят открыто.

— Многие считают, — сказал Мнс, — что работу Сталина «О диалектическом и историческом материализме» написал этот самый Станис. Его поэтому и расстреляли, обвинив для проформы в «меньшевистующем идеализме». Но я сомневаюсь в этом. К нам в институт одно время ходил один сумасшедший, утверждавший, что это он написал. Он говорил также, что ту статью, которую Петин украл у Станиса, написал тоже он. Для Станиса, тот еще был в силе. История со статьей Станиса — мелочь. У Петина штук пять книг. Кто-то их писал для него. Где эти люди? Скоро у него выйдет еще книга. Состряпали ему эту книгу сотрудники института. Но тут уж не придерешься. Как директор он вправе использовать для «технической» работы подчиненных. И в предисловии выразит им благодарность за помощь.

— А почему они скандал не устроят?

— А зачем? Они свое получили за это. Что касается их вклада в книгу, то это — жуткое дерьмо, если рассматривать как продукцию рядовых научных сотрудников. Это дерьмо приобретает смысл только в том случае, когда автором его выступает академик или кое-кто повыше. Если бы это дерьмо подписал сам Брежнев, оно пошло бы как явление эпохального значения.

Из воспоминаний Ильича Потом я разработал план битвы под Сталинградом, затем — под Курском и Белгородом. Передал Жукову.

Тот внес свои исправления и доложил Сталину. Сталин, однако, велел все вернуть обратно — сделать так, как я предлагал с самого начала. Потом Сталин задумался. Целую пачку папирос «Герцеговина Флор» испортил.

Он, знаете ли, очень любил эти папиросочки. Ломал их и табачком трубку набивал. Я тогда и предложил: зачем зря папиросы ломать, когда лучше сразу табачок посылать Сталину, не набивая им папирос. Это предложение так поразило Сталина, что он велел назначить меня младшим писарем политотдела дивизии. Пусть, сказал он, подучится слегка. А там, глядишь, и в политотдел армии передвинем старшим писарем.

В это время со мной произошло много боевых эпизодов. Как сейчас помню такой эпизод. Осматривали мы с командующим фронтом генералом... как его?.. Запомнил фамилию. Ну, да это — мелочь. Осматривали мы передовые позиции войск перед штурмом... этого... как его... В общем, крупного населенного пункта. Видим — группа солдат. Подходим. Вскочили, вытянулись. Товарищ ефрейтор, — начал было рапортовать старший, — взвод... Ладно, — махнул я рукой. — Вольно, отдыхайте! Ну, как, — спрашиваю, — возьмем... этот... как его... В общем, населенный пункт? Так точно! — гаркнули солдаты в один голос, — возьмем!! И такая несокрушимая уверенность в победе прозвучала в их ответе! Спасибо, товарищи! — сказал я солдатам. — Спасибо за доверие. Ну что же, генерал, — сказал я затем командующему фронтом, — пора начинать. Вот раздам солдатам партийные билеты. Пусть членами нашей родной партии погибнут. В этот раз я выдал на тысячу билетов больше, чем обычно. И они все как один погибли, но этот... как его... населенный пункт взяли. Жаль только, что оказалось — совсем не тот.

Кормежка Основа питания в доме отдыха, как и во всем нашем обществе, — каша. На свежем воздухе и при условии безделья каша дает эффект поразительный: отдыхающие начинают стремительно прибавлять в весе. Их взвешивают в первый день отдыха и в последний, и разница в весе служит показателем степени отдыха. В последние годы, правда, стало модным худеть. И с этой точки зрения каша тоже оказалась замечательным продуктом питания: желающие похудеть избегают есть кашу и потому, естественно, влачат полезное для здоровья полуголодное существование.

Когда Мнс встал на весы, врач несколько удивился. Маловато для Вашего роста, молодой человек, — сказал он. — Но не беда, мы Вас тут подкормим. Эту же идею высказала Дамочка. Ты очень худенький, — сказала она. — Тебя надо подкормить. Я займусь этим. Мне надо сбросить килограмм десять. Так что я часть своей порции буду отдавать тебе. И не спорь! Каша... Не могу я эту муть есть! — сказал Мнс. — Я даже слово «каша» не выношу. Какое ужасное слово! Еще есть более ужасное слово, — сказала она, — «крупы». Крупы, — слышишь, как оно звучит? Есть в нем что-то мышино-пыльное. В нем сконцентрирована вся наша унылая история. Какой непроходимой скукой сразу начинает веять, когда это слово произносится. Обрати внимание, для нашего народа проблема хлеба есть синоним проблемы питания вообще. Кр-р-р-у-у-пы!! Когда они появляются в местном магазинчике, их немедленно раскупают. Какой кошмар! Давай в таком случае я буду брать в деревне свежие яички и молоко! Не будь наивной, — сказал он. — Местные жители сами за маслом и яйцами ездят в Москву.

О войне Говорили о войне. Поскольку никто, кроме Старика, в войне не участвовал, говорили всякую ерунду. Мнс спросил у Старика, какое у него самое яркое впечатление от войны осталось. Перед самым концом войны, — сказал Старик, — меня подбило. Сел «на пузо» на полянке. Как я полагаю, за линией фронта, у немцев. Как ушелели, одному Богу известно. Вылезли со стрелком, скинули парашюты, подожгли машину — чтобы врагу не досталась и чтобы немцы подумали, будто мы погибли, и не стали нас искать. И в лесок. На всякий случай решили облегчиться и присели под кустиком. Сижу, тружусь. Чувствую, кто-то смотрит. Подымаю глаза — немцы! Человек сто. Но стоят... с поднятыми вверх руками. Доделал я свое дело. Встал, заправился как следует. По-немецки я ни бум-бум. Спрашиваю по-русски: в чем дело? Среди них один нашелся, который по-нашенски кое-как калякал. Говорит, они хотят в плен сдаться. Вы что!? — говорю. — Рехнулись?! До фронта километров десять. Как я вас отведу куда следует? Как хотите, — говорит. Ладно! — говорю я. — Будем пробиваться. Где оружие бросили? Тут неподалеку, — говорит. Оружие взять обратно! — приказываю я. — И будем пробиваться с боем! И пробились! Боя, к счастью, особого не было. Так, постреляли чуть-чуть. При нашем появлении все разбежались. Сверил положение по карте. Линию фронта вроде пересекли. Стали искать ближайшую воинскую часть — сдаваться. Никто брать не хочет, говорят — не их это дело. А за нами уже паника началась. За нами вдолгую чуть не целый полк бросили. Вышли мы все на шоссе, нашли винутовую повозку, сложили в нее оружие и топаем себе в тыл. Наконец, нас догнали наши преследователи, окружили. Конечно, наши. Я рассказал, в чем дело, а они не верят. Оказывается, пока мы летали, линия фронта на двадцать километров продвинулись. И сел я на свою территорию. Когда разобрались, вся наша дивизия до слез смеялась. Меня сначала хотели судить. Но помиловали, учтя прошлые заслуги. Да и в плен целую роту привел. А главное, что спасло меня, — комизм ситуации. Командир дивизии сказал, что он никогда в жизни так не смеялся. А мне было не до смеха. И в самом деле, что тут смешного?

Жалобы Старой Бабы и молодого Мнс — Вам, научным работникам, еще сравнительно хорошо, — говорит Дамочка. — А каково нам?

Нам любая вошь, если захочет, может испакостить всю жизнь. Когда я пришла на работу, с первого же дня меня почему-то невзлюбила одна сотрудница. И прицепилась, житья от нее нету. Каждый мой шаг замечает и делает замечания. И начальству доносит обо всем — сколько в туалете пробыла, какую книгу читала вместо дела, на сколько минут опоздала после обеденного перерыва. А сама...

— А ты фиксируй, что она делает сама, и тоже делай замечания и доноси, — говорит Мнс. — Она мигом отстанет.

— Не отстанет. Она тут давно работает, ей дозволено. У нее муж где-то пост занимает. А я никто. И вообще, я так не могу, как она. Придется, наверно, другое место искать. И что ей от меня надо?

— Слабые и убогие существа ищут еще более слабых, чтобы на них вымещать свою обиду за свою убогость. Ты беззащитна, она это заметила

сразу. Уйдешь в другое место, там тоже найдется такая жалкая тварь.

— Что же делать?

— Терпеть. Не обращай на нее внимания. Делай по-своему. Эти жалкие семьдесят рублей ты в любом месте заработаешь.

— Легко сказать, терпеть. Это ведь по восемь часов каждый рабочий день. Когда она входит в наш кабинет, меня буквально тряска начинается.

— Ты говорила, что твой шеф тебе намеки делает. Переспи с ним, и проблема будет решена.

— Не могу. Противно. И для меня это вообще последняя человеческая черта. Если я переступлю ее, я буду презирать себя. Ты вот мог бы переспать со своей Тваржинской?

— Так ведь ей сто лет! И она не женщина, а сука!

— А если бы помоложе была?

— Не знаю. Я об этом как-то не думал. Впрочем, я и сейчас делаю нечто подобное для Тваржинской. Правда, это — книга. И она — мой шеф. Но все равно я мог этого не делать. Конечно, я продался ей за ломаный грош. А если бы я не согласился? Как говорил мне ведущий институтский кретин доктор Барабанов, конфликтовать с начальством не следует. Между прочим, нам пора на обед, а я понятия не имею, где мы находимся. Прав был все тот же доктор философии Барабанов: надо было учиться ходить по квазимуту!

Письмо к Ней

Пишу тебе,

как видишь, снова я.

Жалею очень,

что ты там осталась.

Здесь ты бы слушала

шалльного соловья,

Ничья собака здесь

к тебе бы приласкалась.

Здесь позабылись бы

и «Голос» и «Волна»,

И «сам», и «там»,

и прочие «издаты».

Забывлось бы,

что ты всю жизнь должна

Сверять чужие,

глупые цитаты.

Логика идиотов У «Студентов» транзисторный приемник, и они постоянно слушают западные «Голоса». В каждой передаче — обязательно что-нибудь о фактах террора, захлестнувшего Запад.

— Слава Богу, — говорит Универсал, — у нас хотя бы террору такого нет.

— У нас террор есть привилегия государства, — говорит Старик.

— А вам известно, что эти «Красные бригады» прокоммунистические?

Еще не известно, кто их финансирует.

— Зато у нас коррупция, блат, привилегии, карьеризм и прочее процветают.

— Вы думаете, там этого добра нет? Есть, и не меньше нашего.

— А что из этого следует? Поразительно! Стоит отметить какой-то наш недостаток, как обязательно находится умник, который заявит, что на Западе это тоже есть. А раз это есть на Западе, то согласно логике идиотов, этого у нас нет. Скажешь, например, у нас за разговорчики сажают. Это — тезис. На это следует антитезис: у них там тоже сажают. Из этого следует синтезис: у нас не сажают. Эй, Борода, правильно я изображаю дело с философской точки зрения?

— Совершенно правильно. Вы — прирожденный диалектик.

— Меня всегда интересовала логика в рассуждениях людей, но я ее так никогда и не смог понять. Я, например, высказал на семинаре в Академии мысль, что всякое оружие, создаваемое после войны, устаревает к началу новой войны. И потому надо создавать не столько само оружие, сколько потенциальные возможности создания оружия, адекватного новой, неожиданной (хотя всегда ожидаемой) войне. Следователь предъявил мне обвинение в том, что я вел пропаганду, направленную на подрыв обороноспособности страны. А ведь я думал только о том, чтобы сделать страну наиболее обороноспособной.

Из книги Твари В период развернутого строительства коммунистического общества Советский Союз превзойдет уровень промышленного производства в самой развитой стране капитализма — США. Одновременно Советский Союз превысит уровень производительности труда в США, а также национальный доход на душу населения. Эти достижения позволят решить задачу всемирно-исторического значения — обеспечить самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма.

Сталин Поезд мчится по прекрасной Грузии. За окнами вагонов мелькают горы, реки, деревушки, развалины замков. Сталин сидит, погруженный в свои думы. Его спутник призывает его взглянуть в окно. Ведь Грузия же! Столько лет не были дома!

Спутник: Гляди, Коба! Сейчас будет Гори! Какой ты счастливый! Увидишь мать, отца, жену, сына! Друзей... Дай я тебе вынесу вещи!

Сталин: Оставь! Сейчас не время. Как-нибудь потом. Мы не можем терять ни минуты. Ты же знаешь, Дело!

Спутник: Знаю! Но хотелось бы хоть неделю пожить беззаботно, как в детстве. О чем ты все время думаешь?

Сталин: Тебе не понять. Видишь ли, история — вещь очень хитрая и коварная. То, что зависит от ума и инициативы отдельного человека, не считается серьезным. Скажи мне, кто в Партии считает Дело, ради которого мы будем рисковать жизнью, достойным упоминания? Никто. Когда история сделает свой великий шаг, уделят ли хотя бы строку этому Делу? Нет. О чем изо дня в день, из года в год говорят наши партийные вожди и вождята? О чем пишут бесконечным потоком статьи и книги? Все о том же: об объективном ходе истории, о движении

масс и прочих вещах, не зависящих от инициативы и ума отдельного человека. Плюс к тому — историческая значимость деятельности человека не совпадает с ее оценкой в данных условиях, в каких она протекала. Понимаешь?

Спутник: Нет. Эта диалектика не для меня. Но слушать интересно. Продолжай!

Сталин: Не беда, что не понимаешь. Наши ведущие теоретики тоже этого не понимают. Ленин тоже. И Маркс. И есть еще одна противная вещь в истории: законы исторической фокусировки и иллюзии. Сейчас я тебе поясню, что это такое. Интересы людей иногда (как лучи света) собираются в одну точку — в фокус. Такой точкой волею случая выбираются отдельные люди — личности. Причем совершенно ничтожный человек может стать фокусом некоторого массового интереса. Может стать и значительная личность. Но чаще — ничтожество. Именно потому, что иногда крупные личности становятся фокусом массовых интересов, а по прошествии времени масштабы событий переносятся на тех, кто был в их фокусе, и ничтожества начинают казаться людям великими личностями. В результате нельзя потом отличить великое от ничтожного. А порой все переворачивается: великие кажутся ничтожествами, а ничтожества великими. И истину уже установить невозможно. Посмотри, кто сейчас в центре внимания общественной жизни России! Если уцелеешь, вспомни этот наш разговор лет через двадцать или тридцать. И ты будешь потрясен тем, как переменится взгляд на это наше время.

Спутник: А что ты думаешь в таком случае о нашем Деле?

Сталин: Я о нем не думаю. Я его делаю.

О войне В конце войны я стал командиром эскадрильи, — говорит Старик. —

Не потому, что у меня были выдающиеся способности, а потому, что уцелел волею случая. Воевать стало куда легче. Наша авиация завоевала подавляющее господство в воздухе. «Мессера» нас уже не беспокоили. С зенитками мы расправляться научились. Да их не так много у немцев осталось. И начался для нас неслыханный праздник. На задания летали, как на полигон. Кормежка — раньше нам такая и не снилась. После вылетов — выпивки, танцы. Девочек появилось много — радистки, оружейницы. В батальоне аэродромного обслуживания полно девчат. Потом потоком пошли освобожденные «из неволи». Про местное население говорить нечего. Мы местных и освобожденных побаивались — венерические болезни. Но и без них хватало. Пошли награды, повышения. И настроение было приподнятое. Ощущалось окончание войны. Весна. Прекрасная погода. Кругом полно всяческого трофейного барахла. Короче говоря, неповторимое время. Время ликующего торжества и самодовольства победителей. И только теперь, пройдя через ад советских лагерей и прожив потом постыдно бездарную жизнь, я взглянул на то время иными глазами. И ужаснулся от того, что увидел, какой мерзкой тварью становится человек именно в такие моменты ликующего самодовольства.

Мы ругаем американцев за бессмысленное разрушение Дрездена. Правильно ругаем. Но сами-то мы сотворили в этом направлении раз в

десять больше. Только мы делали это не столь демонстративно, прикрываясь военной необходимостью. Но я-то хорошо знал цену этой «необходимости». Я десятки раз водил эскадрилью штурмовиков по немецким тылам, имея задание принести как можно больший ущерб стране. Мы тогда еще не надеялись отхватить себе такой кусок от Германии. Конечно, в этом тоже был свой смысл. Я его понимал и беспрекословно принимал. А если посмотреть на это с чисто человеческой точки зрения? Я, повторяю, тогда не мог иметь такую точку зрения. Я ее обрел только теперь, когда она мне вообще уже ни к чему. Разве лишь для угрызений совести. Перед самым концом войны мы несколько раз летали на штурмовку... мирного населения, которое хотело бежать к американцам и англичанам. Мы до предела загружали бомболушки противотанковыми бомбами, хотя танков немецких уже и не существовало как боевых средств. Засекали колонну «противника» на шоссе, засыпали ее бомбами. Это — более двух тысяч бомбочек! Затем расстреливали мечущихся в панике людей из пушек и пулеметов. До последнего патрона! И с удовольствием — вот что ужасно. Мы были в полной безопасности, имели в своих руках огромную убивающую силу и чувствовали себя Божьим возмездием. Вот чего я больше всего боюсь и в будущем: мы ворвемся на Запад с сознанием носителей некоего ВОЗМЕЗДИЯ. И тогда от нас не жди пощады.

Письмо к Ней

*Всего неделя,
и в душе оттаял лед.
И стал я, кажется,
значительно добрее.
И если дело дальше
так пойдет,
Я, может быть,
и бороду побрею.
Красив и свеж,
вернусь в институт,
Как будто стать
решил молодоженом.
И все меня
за это назовут
На всякий случай
таким пижоном.*

Сказка

о справедливости

— Почему так несправедливо устроен мир? — говорит Она. — Хорошие и добрые люди страдают, а плохие превосходно устраиваются.

— Что поделаешь, — отвечает Мнс. — Мир так устроен, что выживает и преуспевает сильнейший.

— Какие же они сильнейшие? Они же трусливые, бездарные, ленивые.

— В нашем обществе они сильнее. Они лучше приспособляются.

— Нет на них управы! Раньше хоть разбойники были, которые грабили и убивали богатых и делились с бедными. А теперь...

— И теперь такие бывают. Хочешь, расскажу тебе сказочку о таком добром и справедливом современном разбойнике? Никто теперь не знает, кем он был раньше. Одни говорят академиком. Другие — генералом. Третьи — крупным партийным работником. Но я в это не верю. Скорее всего он был школьным учителем, детским врачом или младшим научным сотрудником без ученой степени. Как бы то ни было, однажды он увидел несправедливости бытия и поразился им. Видеть-то их нехитрое дело. Это почти все видят. А вот поразиться — это не всякому дано. Это — дар Божий. Поразившись, он решил бороться с несправедливостями. Но как это сделать? В наше время грабить богатых не так-то просто. Попробуй отбери у плагиатора и доносчика Петина чин академика, у параноика Смирняшева — докторскую степень, а у сподвижницы Берии — звание профессора! Попробуй укради особняк у маршала, закрытый распределитель — у работника из аппарата ЦК, личную машину с шофером и охраной у секретаря обкома партии! Попробуй отбери бесплатные путевки в лучшие санатории, заграничные поездки, безмерные почести и тому подобные вещи! Задумался разбойник и решил: начать надо с самого малого. Узнал, что в их доме живет семья из пяти человек в одной комнатухе. Пришел к ним и сказал: я вам помогу. Не выйдет, — сказали они. — Мы сами четыре года бьемся, и все безрезультатно, ибо у нас площади приходится ровно по четыре квадратных метра на человека, а жилищное строительство сократили, все силы бросили на предстоящие олимпийские игры. Не можем же мы ударить лицом в грязь перед всем миром! Потерпите. Взял тогда разбойник рулетку и вымерил комнату. И выяснил, что в ней не двадцать метров, а девятнадцать и шесть десятых только. И начал писать разбойник во все инстанции. И ходить. В райисполком, в горисполком и выше. Два года ходил и писал, пока добился своего: прислали комиссию измерить комнату заново и внести исправления в соответствующие документы. Раз пять приходили комиссии, мерили комнату. И все пять раз были разные результаты. Через год все-таки признали: девятнадцать и восемь десятых. И опять начал ходить и писать разные бумаги, добиваясь улучшения жилищных условий этой бедной семье. И еще два года потратил на это. И добился своего: предложили им комнату площадью двадцать один (!) метр в старом доме на окраине города. Но не захотели они туда ехать. И сказали тогда высокие власти: им дают, а они!.. И прикрыли это дело. Другие, сказали власти, и похуже живут, да помалкивают. И ушел тогда разбойник в забегаловку. И напился. Но было этого мало. Вышел он на улицу, снял у бедного прохожего шапку и пропил ее. Два месяца милиция искала разбойника, бросив на это дело все силы свои и силы добровольных помощников — народной дружины. И поймали его. И посадили его в лагерь строгого режима на три года. Вот и вся сказочка.

Из книги Твари Будет происходить дальнейшее развитие демократических начал в управлении — укрепление государственного и общественного контроля над деятельностью государственного аппарата, неуклонное

сокращение платного аппарата, с тем, чтобы навыками управления овладевали все более широкие массы.

По мере перехода к коммунизму будут получать всемерное развитие свобода личности и права граждан — как политические, так и социальные. На смену административно-принудительным мерам воздействия все больше и больше будут приходить воспитательные, опирающиеся на общественное мнение.

Сталин Тбилиси. Домик на окраине города. Комната битком набита бородатыми мужчинами. Курят. Пьют вино. Поют грузинские песни. Входит Сталин, за ним два человека с большими и, судя по их виду, тяжелыми сумками. Здороваются, садятся за общий стол. Пьют вино.

Главарь: Ну, Коба, что на сей раз, выкладывай!

Сталин: Банк!

(Выкрики): Поищи дураков в другом месте!

Главарь: Тихо! Пусть человек скажет сначала!

Сталин дает знак пришедшим с ним людям, и они раздают собравшимся пистолеты, бомбы, маски. Сталин достает из кармана и разворачивает лист бумаги, на котором изображен план банка и окружающих зданий и улиц. Все склоняются над ним. Сталин, скупое роняя слова, дает пояснения.

Главарь: Ловко придумал! Ну, что же, дело верное. Могут быть жертвы... Но игра стоит свеч. И сколько?..

Сталин: Пополам.

Главарь: По рукам!

Сталин и Главарь жмут друг другу руки. Собравшиеся постепенно расходятся. Ушел Главарь. Остались хозяин дома, Сталин и двое его спутников.

Хозяин: Какие будут приказания, Коба?

Сталин: Партии мало половины. Партии нужно все! Ты меня понял?

Хозяин: Понял!

Сталин: Одень своих людей в полицейскую форму. После завершения операции всех налетчиков убрать!

Хозяин: И Главаря?

Сталин: В первую очередь!

Хозяин: А?..

Сталин: Десятая доля.

Хозяин: По рукам!

Сталин со спутниками выходят из дома и медленно идут по ночному городу. Из темноты вынырнули темные фигуры, осветили их фонарями.

Человек с фонарем: Это ты, Коба?

Сталин: Это я.

Человек с фонарем: Значит, будут дела?

Сталин: Будут. Подойди ближе. Собери десяток надежных ребят и жди моих людей...

Один из спутников (после того, как остановившие их люди исчезли): Коба, ты хочешь...

Сталин: Да! Так надо ради интересов революции. А революцию, как нас учит Ленин, в белых перчатках не делают. Действуйте! Деньги все до единой копейки доставите...

Скука Моросит противный дождик. В клубе — опостылевшие уже песни и пляски. И беспредельно бездарная самодеятельность. С нетерпением ждут кино о восстановлении сельского хозяйства в первые годы после войны. Кино все видели раз по десять. Но ждут. Согласно кино, наше разрушенное сельское хозяйство благодаря посланцу партии — одному рукому инвалиду войны и тощим от голода вдовам за пару лет поднялось на такой уровень, на какой потом его не могли поднять многорукые здоровые выпускники высших партийных школ, сельскохозяйственных и экономических институтов и военных академий совместно с миллионами трудящихся, посылаемых «сиссыкимасиссыки» (как выражается наш вождь) на уборочные и прочие работы в деревню. Обладатели малонаселенных палат притащили к себе баб (или мужиков), упросив соседей на пару часов согнуть, заперлись на ключ или табуреткой и предались скоротечной любви, высадив перед этим по бутылке одуряющей дряни «Росглавино». Менее удачливые образовали небольшие компании в многонаселенных палатах, собрали граненые стаканы по палатам и тоже пьют ту самую дрянь, поют дурными голосами романтические песни столетней давности, рассказывают глупые анекдоты и говорят о том, как тут хорошо, как неохота возвращаться домой к повседневной нервотрепке и хлопотам. Более пожилые смотрят телевизор — все передачи подряд, включая программу «Время». Мнс редактирует рукопись Тваржинской. Соседи ведут обычный треп. Через приоткрытую дверь слышен голос диктора, изображающего восторг по поводу очередных успехов.

— Прикройте дверь поплотнее, — ворчит Старик. — Подумать только! Выдающиеся умы вложили свой гений в это выдающееся изобретение только для того, чтобы в нас вливали через него пропагандистские помои! Абсурд!! Вы вдумайтесь только в это. Изобретаются мощные транспортные средства, чтобы летали паразиты! Изобретаются мощные медицинские препараты, чтобы продлять жизнь маразматикам! Ради чего все это?! И мы терпеливо сносим все за жалкие крохи и в лучшем случае — за призрачную перспективу мелькнуть в какой-нибудь вшивой статье в списке использованной литературы.

— А что вы предлагаете? Новую революцию?

— Если бы от меня зависело, я бы отменил и старую.

— Вот тут в рукописи вашей начальницы написано, что в сталинский период имели место отдельные ошибки. Это она всерьез?

— Если бы от нее зависело, об ошибках не было бы ни слова.

— Ничего себе, отдельные ошибки! Эти отдельные ошибочки тянулись почти сорок лет.

— Они и сейчас еще тянутся. И будут тянуться вечно.

— Это вы перегибаете. Улучшения же все-таки наступили. И какие! Мы вот сейчас тут разговариваем довольно остро, анекдоты рассказываем. И не боимся, что заберут. Было такое возможно раньше? Нет, конечно.

Улучшения все-таки есть и будут. А таких сволочей, как автор этой книги, не так уж много осталось.

— Число их выросло сравнительно со сталинскими годами раз в десять. А число докторов выросло более чем в сто раз!

— Ну, не такие же!

— Образованнее, конечно. Хитрее, изворотливее. Многие языки иностранных знают. А по сути дела такие же подонки.

— Скорей бы проходил этот отдых! Надоело жутко. Первые дни казалось, что тут рай. Надолго ли хватило восторгов? Люди... Боже мой, откуда такие берутся? Представляете, если бы это нам навечно навязали! Дома, «на свободе», хоть какой-то выбор есть. Извините, я не вас имею в виду. Нам еще повезло, интеллигентная палата получилась. Есть хоть с кем поговорить. А еда?!

— Специально для похужения. Теперь это модно. Смешно, раньше качество отдыха определяли тем, на сколько люди поправлялись. Приезжаешь — на весы. Уезжаешь — опять на весы. Поправился на три килограмма, пишет врач. И улыбается. И ты безмерно рад. Приписывали, конечно, сволочи. Им для показателей надо было, для отчетов, для соцсоревнования. Но все-таки. А почему так было? Жрали ужасно плохо, выглядели как драные козлы. А теперь? Теперь все почему-то толстеют.

— От изобилия еды, но плохой еды, между прочим.

— Если честно признаться, так и природа тут не так уж хороша. Хороша на один лишь взгляд. А все время тут быть — скучно. Очень уж однообразно. Не понимаю, что мы так хвастаемся своей природой? Смотрите «Клуб кинопутешествий» по телевизору! Вот красоту иногда показывают, не соскучишься. А у нас? Непроходимая тайга? Необъятные льды? Гейзеры на Камчатке? Засранное и заплеванное Черное море? Тьфу! Пошли кино посмотрим, что ли!

— Хотите хохму? «Армянское радио» спросили, как называется человек, лишенный советского гражданства. Оно ответило: антигражданин Советского Союза.

Из воспоминаний Ильича Как только кончилась война, я сразу сказал Сталину: так, мол, и так, немцев мы разбили, американцев тоже следовало бы разбить, но пока рано, надо сначала хозяйство восстановить, и потому считаю целесообразным перебросить меня на трудовой фронт. Сталин сказал на это, что он велит меня репрессировать, так как я, уходя из армии, подрываю оборонную мощь. А я сказал, что меня потом все равно Хрущев реабилитирует, так как я, уходя из армии, укрепляю тем самым хозяйственную мощь, а значит — наступательную мощь. Сталин подумал и велел вернуть меня в свиносовхоз, но теперь уже директором племенной свиноматки. Подымай, — сказал он, — хозяйство. Помешений для свиней нет — сгорели. Свиней тоже нет — сожрали фронтовики. И кормов для свиней нет — сожрали тыловики. Так что придется начинать с самого начала. Я сказал: есть, будет выполнено досрочно и с перевыполнением. Повернулся налево кругом. Прихватил с собой пару трофейных поросят. И к концу

года снабдил свининой не только всех родственников, но и всех друзей-собутыльников. Нам за это Переходящее Красное Знамя дали. Молодец! — сказал Сталин. И перебростил меня на восстановление тяжелой промышленности — директором личного самогонного аппарата. Вот тут-то я и развернул во всю мощь свой организаторский талант. Во всем районе нельзя было увидеть трезвого мужика. И бабы за ними потянулись. За это район орденом наградили, а мой самогонный аппарат перевели на выпуск топлива для космических ракет.

Мнение Мнс сказал, что Ильич надоел ему, что он ничего смешного
Кандидата в речах этого клоуна не находит. Кандидат сказал, что Ильич смешон не в смысле юмора, а в смысле отсутствия такового. Он ужасающе правдив. Он даже в оценке сталинизма ближе всех к истине. Возьми, например, кровную вражду прошлого. Монтекки и Капулетти! Или дуэли в дворянской среде. Бессмыслица? Ничего подобного! Естественный механизм уничтожения излишних... Подчеркиваю — излишних!.. индивидов. Во времена сталинизма уничтожали отнюдь не ценное и нужное население, а именно избыточное. Конечно, на этом спекулировали мерзавцы. Но в основе-то лежало это. Причем особенно избыточным был слой, претендовавший на место во власти. Он больше всех в процентном отношении и пострадал. Имей в виду, что идея использования репрессированных появилась лишь потом. А сначала была просто идея уничтожения излишних слоев населения. Не враждебных (это — лишь историческая и идеологическая форма!), а именно излишних. Когда репрессированных стали использовать как рабов, все равно это было второстепенным и вторичным. Они практически использовались не более, чем на двадцать пять процентов (если высчитать их трудовой эффект сравнительно со «свободным» населением). Так что этот Ильич хотя и псих, но далеко не дурак. Мне кажется, он больше «ваньку валяет», чем на самом деле рехнулся. Это шутовство в натуре нашего народа.

Летающие тарелки

*Теперь уж больше не смеются,
Не обзывают «мракобес».
И чтут «летающие блюда»
Как представителей небес.*

Кто-то из отдыхающих привез из Москвы лекцию некоего доцента в некоем институте о «летающих тарелках». И весь дом отдыха буквально свихнулся на этом. На чтение лекции образовалась очередь. Читают ночами. Читают вслух группами. И говорят только об этом. Как о бесспорном факте говорят, что люди на Землю были завезены инопланетянами для эксперимента, что инопланетяне нас наблюдают, что живут они больше тысячи лет и т. д. и т. п. Молодой доктор заявил, что в этих «достоверных» сведениях много вранья. Например, что они летают со скоростью в десять тысяч раз больше скорости света. Вакуум?

Так вакуум-то тоже должен перемещаться. А отказываться от теории происхождения человека из животного мира просто глупость. Но кое-что в этом комплексе сведений о «тарелках» суть достоверные факты. Только я бы предпочел исследовать каждый факт пока индивидуально, прежде чем строить широкие обобщения. Универсал от удовольствия потирал руки. Еще бы! Мы тут воображаем себя единственными разумными существами, гордимся успехами науки и техники, а они летают быстрее скорости света (как это возможно?), живут по тысяче лет, не ссорятся. Наши вожди наверно от зависти спать не могут. Хотя они, сволочи, быстро снюхаются с этими инопланетянами и кое-что будут иметь для себя от этого. Плохо одно: эти гуманоиды, говорят, трезвенники. Цивилизация без выпивки — это не для меня. Если выбирать — тысяча лет сплошного вытрезвителя или семьдесят с забегаловками, я предпочел бы второе. Интересно, как там у них с бабами? Может быть, они все однополые? Мнс сказал, что он все равно нашу цивилизацию не сменял бы ни на какую другую. На что нам тысяча лет жизни, если мы своими шестью или семью десятками толком распорядиться не можем. На что нам летать быстрее света, если обыкновенная электричка способна вынести нас на природу, которая, ручаясь, не хуже природы той планеты, откуда летают к нам тарелки. И если они к нам прилетают, значит, у них не так уж сладко там. И уровень цивилизации определяется не только уровнем техники, но и другими показателями — уровнем духовной культуры вообще, уровнем нравственности. И вообще, если они — думающие и переживающие существа, у них должен быть такой же бардак, как у нас, — законы социальности универсальны. Скажите, можно судить о характере нашей цивилизации по экипажу нашего космического корабля? В экипаж входят отобранные по определенным правилам привилегированные лица, и правила эти не совпадают с правилами нашего общежития. Старик сказал, что его лично эти «тарелки» радуют. Может быть, они какой-то страх вселят в наши верхи, поубавят в них ретивости и самонадеянности. Может быть, Они будут помягче, поскромнее. Универсал в этом усомнился. Вот если эти инопланетяне «шлепнут» двух-трех наших высших руководителей для примера прочим, тогда, может быть, они помягчают. Но что-то эти «тарелки» в районе Кремля и Лубянки показываться не решаются. И в защиту борцов за права человека не выступают. Почему бы это, а? Инженер сказал, что жить тысячу лет — все-таки слишком много. Представляете, если бы Брежнев жил до тысячи лет?! Он сейчас еле языком шевелит, а ему заставляют поклоняться как Богу. А что будет, если он еще десяток лет протянет? Будем сутками стоять на коленях и славословить. А возьмите науку! Годам к тремстам, может быть, защитишь кандидатскую диссертацию, лет через триста — докторскую. А младшим научным сотрудникам без степени девятьсот лет цитаты сверять?!?! Представляете, какая начнется драка за степени, посты, квартиры, дачи! Пробыться в академии и лет восемьсот блаженствовать, ничего не делая, — да за это можно пойти на любое преступление. Нет, я думаю, что и семьдесят лет многовато. И вообще, искусственное продление жизни нарушает какую-то биологическую целесообразность.

*Летают над Землей «тарелки»
Совсем открыто, говорят.
И всевозможные проделки
Над нами, смертными, творят.
Перевернули в поле трактор,
Сожгли нечаяно стаю птиц,
Насрели в атомный реактор,
Чтоб он не излучал частиц.
Трех космонавтов устрашили,
Лишился разума один.
И много прочего свершили
Пришельцы космоса глубин.
Но в голове моей вертится
Одна коварная мысль:
Что стоит им хоть раз спуститься
В районе древнего Кремля!
На сам дворец, не на лужайке
Неплохо было бы им бы сесть.
И дать понять всей этой шайке,
Что и на Них управа есть.*

Режим Режим дома отдыха строг. И администрация стремится соблюдать его неукоснительно. Но как показывает опыт истории, чем строже режим, тем регулярнее и изощреннее он нарушается. В результате фактически строгий режим вырождается в формально строгий бардак. В таком бардаке формально (т. е. для отчетов, для начальства, для показухи) все обстоит именно так, как это требуется правилами режима, а фактически не соблюдается ни одно из этих правил, кроме тех, которые невозможно нарушить и которые никто не хочет нарушать. Согласно правилам режима, например, после отбоя все отдыхающие обязаны спать. А фактически по крайней мере для половины из них только после отбоя начинается «настоящий отдых».

*Мы пока не дураки,
Собираем тройки
И под вечер, как один, надираемся.
Мы на правила плюем
И в потемках мы поем,
И еще кое-чем занимаемся.*

Прелесть такого времяпровождения состоит в том, что оно запрещено. Кроме того, в темноте не так стыдно заниматься этим «кое-чем», не видны дефекты партнеров. И вообще житейское убожество прикрывается покровом таинственности. И даже романтичности. Инженер заметил по этому поводу, что у нас вообще вся жизнь приобретает некоторый смысл только благодаря трудностям и запретам. Можете вообразить, что было бы у нас, если бы все то, что мы добываем с трудом и противо-

законно, доставалось бы нам легко и вполне легально?! Какое, например, было бы удовольствие от запломбированного зуба, если бы тебе его сразу заделали нормально и тебе не пришлось бы две недели ходить, сидеть в очередях, переделывать?! Разве стали бы мы жрать эту фальшивую колбасу, если бы ее свободно продавали на каждом углу?! А если ты ее достал, простояв два часа в очереди, причем — по чистой случайности натолкнувшись на магазинчик, где она вообще еще продавалась, ты на радости готов ее тут же кусать плохо залеченным зубом и глотать, не разжевывая. Я вот третий год не могу прийти в себя от счастья, въехав в кооперативную двадцатидвухметровую квартирку на четверых. А если бы ее мне сразу дали?! Вот в том-то и дело! Нет, скажу я вам, наши классики здорово продумали это наше новое общество. Главное — чтобы был суровый режим. И тогда люди будут счастливы от одних только мелких его нарушений. Мы, например, безумно счастливы от того, что нас не сажают, так как молчаливо признаем массовые репрессии нормой этого режима, а отсутствие таковых — счастливым их нарушением.

Откровения У меня к Сталину, — говорит Старик, — никогда не было личного отношения. Я никогда особенно не восторгался им. И никогда не питал к нему ненависти. В общем, я не имел с ним лично никаких дел. В летную школу пошел добровольно. Летать любил. Своей профессией был доволен вполне. И летчиком был неплохим. Был, правда, один неприятный момент. Это когда с истребителя заставили переучиваться на штурмовика. Но и в штурмовой авиации было неплохо. Арест воспринял как недоразумение и глупость. Конечно, переживал. Еще бы! Отняли любимое дело. Лишился неплохо начатой карьеры. Семьи. Бытовых удобств. Но свои настроения я почему-то на Сталина не обратил. Думаю, что воспоминания всякого рода «антисталинистов» надуманы позднее. Я лично антисталинистов почти не встречал. Говорят, лагеря открывают глаза на жизнь, учат. По-моему, это вранье. Лагеря — просто потеря куска жизни, а то и всей жизни. Я в лагерях ничего нового для себя не узнал. Мне и без них все это было известно. Все дело ведь не в том, известно тебе что-то или нет, а в том, как ты сам относишься к тому, что тебе известно. У меня наступил перелом в сознании. Но не в лагерях, а после. И не из-за «разоблачения» сталинизма, а совсем по другой причине. По какой? А по той, что я понял: не в Сталине дело, а в самой сути нашего строя жизни. И в людях. С таким народом, как наш, ничего другого получше не построишь. Возьмите, например, постановления высших органов власти за последние десять лет. Разве плохие постановления? Сами по себе — прекрасные. А что из них выходит? Мерзости и ерунда. Понимаете, обидно из-за того, что появляешься на свет только раз, кое в чем начинаешь разбираться, хочешь душу и силы отдать на улучшение, но чувствуешь полную ненужность свою и полнейшее бессилие что-то сделать. И тогда в душе рождается раздражение, а за ним — желание сделать зло. Хоть какое-нибудь зло. Хочется напакостить Им. Кому? Не знаю. Просто Им.

Затрапезный трёп Затрапезный треп есть треп во время еды. Мы, русские, — говорит Инженер, — по натуре мазохисты. Мы любим страдать и наслаждаться своими страданиями. В этом духе у нас бывают выдающиеся экземпляры. В нашем институте, например, был сотрудник. Ему постоянно не везло. До такой степени не везло, что даже смешно было. Остановимся на улице поболтать, мимо пробегающие собачонки задирают лапу на его брюки. Пролетающие птички делали ему прямо на голову. Купил он новый костюм, вышел в обновке на улицу, а его голуби обделали так, что никакая химчистка не могла потом отчистить. И он настолько к этому привык, что удивляться перестал и принимал как должное. Придем в столовую, ему обязательно в еду попадалась какая-нибудь дрянь. Я не знаю ни одного случая, чтобы ему не попадалась бы муха в компоте или в кефире. Уму непостижимо, откуда они брались. Зима, сорок градусов мороз, а у него в кефире трепыхается полуживая муха! Было от чего прийти в отчаяние и впасть в мистицизм. Но однажды произошло невероятное. Пришли мы в буфет, взяли по паре бутербродов и по стакану кефира. Сели. Он, конечно, по привычке начал муху искать. Искал, искал, а найти не может. Нет мухи! Мы, — сказал он в испуге, — перепутали кефир. Я твой взял, извини. Ладно, — говорю, — бери этот стакан. Взял он другой стакан. Шуровал, шуровал, и опять впустую. Нет мухи! Он, бедняга, аж посерел. На другой день мы узнали, что он повесился.

Из книги Твари Этот процесс может завершиться полным отмиранием государства только при наличии как внутренних условий — построения развитого коммунистического общества, так и внешних условий — победы и упрочения социализма на международной арене. Пока не построен коммунизм, государство остается необходимым для руководства экономическим и культурным развитием общества, контроля над мерой труда и мерой потребления, охраны правопорядка. Существование империализма на международной арене может заставить даже после построения коммунизма сохранить те государственные органы и функции, которые связаны с обороной, задачами защиты мира и безопасности народов.

Сталин Время — после Октябрьского переворота. Место — кабинет Сталина в Петрограде. Несколько столов. Служащие едят какие-то бумажки. Входят различные люди, одни приносят бумажки, другие уносят. Звонят телефоны, стучат пишущие машинки. Служащие дают лаконичные ответы, принимают информацию, отдают распоряжения. Один из посетителей (молодой человек в кожаной тужурке, офицерской фуражке, с наганом) присел на стол.

Служащий: Гражданин, Вы мне мешаете работать!

Посетитель: Заткнись, канцелярская крыса! Разве это работа?! На улице Революция! Люди на митингах! На трибунах! В массах! Сражаются с врагами! Погибают, обагривая своей алой кровью землю, за которую...

Служащий: Здесь не митинг, а учреждение! И Вы пока обагрили нашу землю чернилами, опрокинув чернильницу.

Посетитель (вскакивая, хватаясь за наган): Что?!! С кем разговариваешь, контра!? Да я тебя!..

Сталин (появляясь в двери, обращаясь к служащему): Распорядитесь проводить этого гражданина в ЧК как нарушителя революционной законности.

Посетитель (размахивая наганом): Это кто же тут говорит от имени революции?! Я — личный представитель Троцкого!! Вот мой мандат!..

Сталин молча проходит к своему столу. Входят вооруженные люди, уводят растерянного Посетителя. Служащие снова погружаются в бумажки и телефонные разговоры. Сталин работает, как все, — подписывает документы, отдает краткие распоряжения. Темнеет.

Служащий: Товарищ Сталин, рабочий день давно кончился.

Сталин: Я вас не задерживаю, товарищи, вы свободны. Вы (это — к служащему, напомнившему об окончании рабочего дня) подготовили материалы по Поволжью?

Служащий: Нет, нет, товарищ Сталин. Завтра к обеду материалы будут готовы.

Сталин: Они нужны к утру.

Служащий: Слушаюсь, товарищ Сталин.

Часть служащих уходит. Часть остается. Сталин по-прежнему сосредоточен на бумагах, лишь время от времени отрываясь, чтобы зажечь трубку. Время идет. Часы бьют полночь. Сталин встает, начинает ходить по кабинету в проходе между столами. Сотрудники пожирают его глазами.

Сталин: Исторический процесс — явление сложное и коварное. В нем есть поверхностная пена и скрытые глубокие течения. Есть свои смертельные водовороты и идиллические тихие заводи. Революция... Где происходит революция? На улицах? На митингах? На заседаниях? Конечно. Но это — лишь пена революции. Глубинное же ее течение проходит здесь: это — мы с вами, наша серая будничная работа. Революционная пена увлекла за собой почти всех видных деятелей революции и вскружила им головы. Где они? Они — на трибунах. В массе Они вообразили, что слово есть всемогущее оружие революции. Но ведь людям надо есть и спать. Одеваться. Передвигаться. Им надо получать пищу и оружие. Они должны объединяться в группы и разделяться на группы. Кто-то должен назначать на должности, контролировать, отдавать распоряжения. Революция — это прежде всего новая форма организации миллионных масс населения. А наши вожди знают лишь одно: мы и масса. А точнее говоря — Я и масса. Вот вам самая простая задача революции. В Ярославле готовится мятеж эсеров. Надо направить вооруженный отряд на его подавление, допустим — тысячу человек. Это — полк. Два батальона. Четыре роты. Двадцать пулеметов, пять орудий. Надо назначить командиров и комиссаров, обучить бойцов, проводить воспитательную работу. Надо обеспечить питание, переброску, отдых. Легче легкого произнести пламенную речь на заседании ЦК и выбросить лозунг: «Никакой пошады мятежникам!» А как его привести в исполнение? Без нас, без нашей незаметной и скучной работы ни один лозунг трибунных вождей не воплотится в действительность. Настоящая революция делается не на свету, а в темноте. Ночью. Но потерпите, товарищи! Пройдет немного времени и подлинные

творцы революции заявят о своем существовании. А сейчас — за работу. К рассвету материалы для ЦК должны быть готовы. Надо этим трепачам обрисовать фактическое положение в стране. За дело!

Автор: Привычка Сталина работать по ночам — не личная причуда, а принципиальная установка. Конечно, в этом был элемент театральности. Но не он главное. Ночью все происходящее представляется в ином виде (чуть не сказал — в ином свете), чем днем. Ночью можно принять решение, которое нельзя принять днем. Я сам был не раз свидетелем того, как решения об уничтожении людей, отложенные до утра, не приводились в исполнение. Ночь — время трагедии, а утро и день — время комедии или сентиментальной драмы. Но это — мелочь. Главное здесь — принципиальная концепция сущности революции. Ленин лишь начал протрезвляться от романтических представлений о революции (а даже он был ими захвачен), Сталин был свободен от них с самого начала. Ленин чувствовал это преимущество Сталина и одновременно боялся его. Он догадывался, что на место его, ленинской гвардии, идет иной тип деятелей революции, что без них нельзя удержать завоевания революции и построить новое общество. Но он не хотел признаться в этом даже самому себе. Ленинская гвардия прилагала невероятные усилия к тому, чтобы не допустить идущую ей на смену сталинскую армию, загоняя ее в кабинеты, конторы, штабы, тем самым укрепляя ее и ускоряя свою собственную гибель.

Письма к Ней

*Мне воздух чистый надоел.
Топтанье в клубе. Без разбора блядство.
В часы между едой томление без дел,
И за бутылкой призрачное братство.
Не радуется чирканье птенцов,
По горло сыт красотами природы.
И с нетерпеньем жду, когда в конце концов
Закончится занудный этот отдых.*

Диссидент Относительно другой достопримечательности дома отдыха отдыхающих предупреждают, чтобы они с нею были поосторожнее. Это — пес по кличке «Диссидент». Кличку эту псу дал шеф-повар. Он бросил псу аппетитную кость, чтобы приманить его и приласкать. Но тот оскалил зубы, гавкнул на повара и ушел по своим делам, игнорируя кость. Вот тогда-то повар и сказал: «Ишь, диссидент какой выискался!» Никто не знает, где Диссидент живет и чем питается. Появляется он, тощий и на вид озлобленный, всегда неожиданно. Отдыхающие при виде его разбегаются, а если не успевают — сжимаются и говорят Диссиденту лстивые слова вроде «Ах, какая хорошая собачка!», «Добрый песик!», «Песинька, хочешь конфетку?». Хотя Диссидент никого еще не укусил, он считается опасным зверем. Руководство дома отдыха неоднократно предпринимало попытки изгнать его с территории, но безуспешно. Есть подозрение, что среди отдыхающих находятся индивиды, тайно сочувствующие Диссиденту

и подкармливающие его. Ходит слух, что в одну из облав он преспокойно проспал в однокочной палате первого корпуса, которую занимал видный профессор-филолог, тайно занимавшийся структурной лингвистикой.

Новый друг В доме отдыха люди быстро сходятся, и Мнс подружился с Кандидатом. Тот жил в двухкочной палате первого корпуса. Вторая койка осталась почему-то незанятой, и Кандидат уговорил директора уступить это место Мнс. В палате был письменный стол с настольной лампой, который Кандидат отдал полностью в распоряжение Мнс. Если Мнс засиживался за работой ночью, Кандидат не сердился и не требовал потушить свет. А главное — он оказался интересным и неутомимым собеседником.

— Кто все-таки был автором теоретических работ Сталина?

— А какое это имеет значение? Ложная проблема, навеянная сегодняшней практикой сочинений речей, статей и книг для начальства.

— Любопытно все-таки. Я просмотрел сочинения Петина тех времен, Станиса и многих других, так или иначе причастных к сталинским работам. И все-таки не мог найти ключа к последним. Тут есть какой-то перерыв непрерывного, скачок. Чувствуется какое-то еще лицо, совершенно неизвестное. Интересно было бы произвести языковой анализ на вычислительных машинах.

— Не преувеличивай мощь машин. В таких случаях всегда остается некая историческая неразрешимая тайна. Аналогичная ситуация имеет место с авторами Нового Завета. Но я склоняюсь к тому, что Сталин свои сочинения писал сам. Во всяком случае, в основном. Возможно, кто-то редактировал, кто-то давал основу. Но главная работа — его. Он же учился в семинарии. Отсюда — его стиль. Еще до революции он пописывал в газетах и был склонен к теоретизированию. А после революции чуть ли не все стали теоретиками. Это было в духе времени. Тогда вообще трепачей всякого рода было навалом. И Сталин не имел успеха, выглядел на этом фоне весьма убого. Но обстановка стала стремительно меняться. Видные теоретики и ораторы были отстранены и уничтожены. Естественно, сталинские сочинения стали вылезать на первый план и навязываться армией холуев. И они стали больше подходить огромной массе населения, охваченной идеологической обработкой. Сталин был главным автором «О диалектическом и историческом материализме». Это — эффект эпохи, а не просто продукт личности.

— И все же я не считаю эту проблему неактуальной. Возьмем, например, Брежнева. Уж, кажется, все есть: чин маршала, орден Победы, конституция, вся полнота власти, биография, собрание сочинений... Но чего-то не хватает сравняться со Сталиным. Чего? Думаю, что самого главного: идеологической революции. На «развитом социализме» далеко не уедешь.

— Ну, для него это невозможно; классиком марксизма ему не быть.

— Почему же? Сначала несколько высказываний то тут, то там. Потом — раздел в речи. Потом — несколько статей. Потом — специальный Пленум и специальная речь. Потом — книга. Потом — гигантская сеть политпросве-

шения и пропаганды, десятки тысяч идеологов, писателей, журналистов. Технически это не проблема. Дело не в этом.

— А в чем же?

— Нет пока такого человека, который сделал бы для нашего времени нечто аналогичное тому, что сделал неведомый «Сталин» для своего.

— Ты думаешь, он будет?

— Он возможен.

— Не буду спорить. Но вот тебе мой дружеский совет: никому больше не говори об этом. Что касается меня, считай, что этого разговора между нами не было. Скажи откровенно, неужели ты считаешь Его гением?

— Дело не в этом. В животном мире ползающие происходят от ползающих, а летающие — от летающих. Мы, люди, приходим все из одного источника, но порождаем затем разные виды — ползающих и летающих. И в каждом виде есть свои выдающиеся экземпляры. С точки зрения одних выдающиеся экземпляры других суть выродки, если бы они были первыми. С точки зрения лучших достижений культуры Сталин и вся его банда — сборище кретинов и подонков. У них есть свои критерии размерности. Но с нашей точки зрения даже самый великий кретин не тянет на уровень нормальной посредственности. Говорят, корейцы считают венцом творения Ким Ир Сена. Китайцы считали таковым Мао Цзедуна. А мы над ними смеемся. Сталин не смешон, ибо он — в нашем муравейнике.

— А знаешь, что больше всего раздражает и соблазняет в сталинской истории? То, что с примитивным умишком и с банальной болтовней можно прослыть гением из гениев. Каждая бездарь понимает, что она превосходит этого «гения из гениев». Это ей льстит и вселяет надежду. Сталин, который волнует нас, — не реальный человек, а общая характеристика «нового человека» и его устремлений.

Летающие тарелки Комната вдруг заполнилась голубым приятным светом, и Мнс увидел Их. Их было шестеро. Трое были необычайно высокие, более четырех метров, как показалось Мнс. Странно, — подумал он, — как Они помещаются в этой комнатке высотой не более трех метров? Эти трое были атлетически сложены и очень были похожи на греческие статуи. Лица их напоминали лицо Давида у скульптуры Микельанджело, копию которой Мнс не раз видел в Музее изобразительных искусств. Половые органы, однако, у Них, в отличие от греческих скульптур и Давида, отсутствовали. Нам это ни к чему, — сказал средний (очевидно, главный) гуманоид. Мы живем по тысяче лет и выращиваем себе смену по мере надобности в лабораториях. Другие три существа были ростом не более метра и довольно противного вида. Они стояли сзади великанов. Это — наши слуги, сказал Главный (Мнс показалось, что он сказал, хотя Главный стоял совершенно недвижно). Биороботы, искусственные существа. Зачем вы явились ко мне? — спросил Мнс (вернее, только подумал). — И что собираетесь со мною делать? Чтобы сказать тебе, что ты ошибаешься, — ответил Главный, — и показать настоящее будущее, ожидающее твоих сопланетников. Пойдем с нами! Мнс достаточно

было подумать о том, чтобы встать и идти, как он молниеносно вместе с инопланетянами перенесся в... это он почему-то сразу понял... в космический корабль, стоявший во дворе на цветочной клумбе. Сплошные парадоксы, — подумал Мнс. — Корабль в диаметре километра два, не менее, а спокойно разместился на клумбе, на которой даже кошкам тесно. Ничего парадоксального в этом нет, — сказал Главный. — Мы по мере надобности растягиваем и сжимаем пространство. Как и время, между прочим. Мы увеличили продолжительность жизни до тысячи лет, научившись растягивать время. Это чужь, — подумал Мнс. — Это логически невозможно, и я берусь это доказать. Это — одна из причин, почему мы выбрали именно тебя, — сказал Главный, — ибо все наши достижения получены вопреки логике. Уж не благодаря ли диалектике? — усмехнулся Мнс. Именно так, — сказал Главный. В таком случае вам следовало выбрать кого-нибудь из наших марксистов-ленинцев, — подумал Мнс. Мы выбрали тебя потому, что ты прав, и потому опасен, — сказал Главный. — Ты ошибаешься и прав в одно и то же время. Кто мы? С вашей земной точки зрения — боги, ибо существуем вопреки здравому смыслу и вашей науке. Вы, например, утверждаете, что нельзя двигаться со скоростью больше скорости света. А мы двигаемся. Как? Есть разные способы. Например, сжимая пространство и растягивая время. Где наши жилища? Мы не нуждаемся в них, и потому мы можем вообразить любые, и наши воображаемые жилища сразу же реализуются. Но мы предпочитаем парить в энергетическом поле, наиболее благоприятном для нас. От него мы получаем все необходимое питание, не думая об этом. У нас нет полов, и потому мы можем допустить любое число различных полов и вообразить любые их отношения. И этого достаточно, чтобы это было. Образование и воспитание? Они нам не требуются, ибо мы все необходимое получаем вместе с физическим ростом, который почти мгновенен. Мы сразу появляемся такими, каковы мы есть, и пребываем в таком состоянии всегда. Возраст в тысячу лет установлен нам заранее в программе, вкладываемой в нас в самом зародыше. Мы лишь познаем и получаем интеллектуальное удовлетворение. Мы освоили Вселенную на необозримые, практически — на бесконечные расстояния. И на всех (заметь — на всех!) планетах, пригодных к существованию биологических существ, создали цивилизации из разумных существ. Мы изучили теоретически и проверили на опыте все логически мыслимые варианты цивилизаций с целью отобрать наиболее жизнеспособные и перспективные. И знаешь, к какому выводу мы пришли? Наилучшей из всех мыслимых цивилизаций является ваша коммунистическая. И Маркс, и Ленин, и даже Сталин были созданы нами. Хрушев и Брежнев — нет. Это — ваш собственный продукт. Мы просто решили вам показать на их примере, на что способны вы сами без нашего вмешательства. Но по каким критериям вы оцениваете? — подумал Мнс. — Почему вы решили, что коммунистический образ жизни лучше, чем западный? Потому что он естественнее, устойчивее и перспективнее с точки зрения приближения к запланированному нами идеалу, — сказал Главный. — Это — единственный путь, могущий привести к нашему идеалу. Остальное — тупики. Но почему же к вашему идеалу? — подумал Мнс. — У нас же могут быть свои. У вас не может быть ничего своего, — сказал Главный.

Идея Инженера Инженер в связи с ажиотажем вокруг «летающих тарелок» выдвинул идею научно-фантастического романа в сугубо советском духе. Например, летят космонавты долго-долго и захотели есть на какую-нибудь планету, допустим — малую или большую нужду справиться. Подлетают к одной планете — а там огромная очередь космических кораблей на посадку выстроилась. Подлетают к другой — а та закрыта на ремонт. Подлетают к третьей — а там космическое топливо все кончилось. Ринулись было в обратном направлении, а там все движение перекрыто: Генеральный Секретарь Коммунистической партии нашей Галактики встречает Председателя Президиума Верховного Совета соседней Галактики. Есть от чего прийти в отчаяние, не правда ли?

Ночные разговоры — Неужели мы в самом деле опередили Запад в социальном развитии? Смешно! Выходит, и Китай опередил. И Камбоджа.

— Чушь, конечно. Просто Запад еще имеет силы сопротивляться этой эпидемии. Может быть, ему даже удастся выстоять.

— Знаешь, что самое ужасное в этой эпидемии? Иллюзия естественности и нормальности.

— Почему же иллюзия? Она и в самом деле естественна. Возьми любой аспект дела. Например, этой многомиллионной массой народа надо как-то управлять.

— А почему «надо»? Если процесс естествен, он не предполагает никакого должностования.

— Я неудачно выразился.

— Попробуй выразишься более удачно. Уверю тебя, без терминов должностования не обойдешься.

— Я в этом направлении как-то не думал. Считал это чисто словесным делом.

— В словах сконцентрирована суть того, о чем мы говорим.

— Ладно. И все-таки смотри, что получается. Возьми, например, основных деятелей обслуживающего персонала дома отдыха. Директор воплощает в себе Генерального секретаря, Председателя Президиума и Верховного Главнокомандующего, Главврач — Председателя Совета Министров и Министра Здравоохранения. А массовик воплощает в своей нелепой персоне Главного Идеолога и Министра Культуры. Проявление того или иного персонажа в роли массовика дома отдыха столь же трудно объяснимо, как появление Сулова в качестве Главного Идеолога партии, а Фурцевой или Демичева — в роли министра культуры. Культурно-воспитательный (заметь: не просто культурный, но и воспитательный, причем — с ударением на второе) аспект дома отдыха необычайно многогранен. Он охватывает: работу телевизоров, показ фильмов, специально отобранных с учетом конкретной ситуации в стране и контингента отдыхающих (и по этой причине отбираются всегда одни и те же фильмы про Ленина, про подъем сельского хозяйства, про Брежнева); организацию лекций о международном положении, о решениях последних Пленумов ЦК и о последних речах Брежнева; проведение экскурсий в образцово-показательные предприятия, по

местам боевой славы и по ленинским местам; подготовку самодеятельности, в основном — пения старых песен («Катюша», «Ой ты, рожь», «Вот кто-то с горочки спустился») и русских народных плясок; организацию викторин и массовых игр в клубе или на природе; организацию субботников, митингов, собраний. И многое другое в зависимости от текущего момента (например, юбилей) и местных условий (например, бильярд). В обязанности массовика входит также организация музыки для танцев, урезонивание пьяных и вызов милиции в случае надобности — если нельзя скрутить местными силами. С этой точки зрения массовик выполняет функции Председателя КГБ и Министра ВД. Наконец, на долю массовика выпадает еще и спортивная деятельность — создание волейбольных команд корпусов и устройство соревнования на первенство дома отдыха, создание сборной дома отдыха и устройство соревнования с домом отдыха Министерства угольной промышленности. Столь же многообразны обязанности директора, главврача и прочих членов обслуживающего персонала. Так что нет ничего удивительного в стремлении расщепить упомянутые роли, функции и обязанности, распределив их между различными лицами. А как это сделать? Бороться за расширение штатов. А какие для этого основания? Рост числа отдыхающих. А к чему ведет рост числа отдыхающих? К росту человеко-коек. С другой стороны, эти устремления дополняются заботой Партии и Правительства об отдыхе для трудящихся и увеличением ассигнований. Хотя это увеличение ничтожно, оно тем не менее принципиально: под него можно выбить самокупаемые человеко-койки и увеличить штаты. В общем, идет сложный процесс развития общества в одном единственно возможном для него направлении — к коммунизму. В достаточно большом доме отдыха у директора и главврача появляются заместители, на место одного массовика приходит несколько, появляется особый физкультурник, появляется заведующий клубом и специалист по самодеятельности. И упомянутые выше партийно-государственные функции распределяются между различными лицами. Само собой разумеется, растет и дифференцируется канцелярия, а столовая... О столовой лучше помолчим, дабы наше настроение не испортилось окончательно. Две тенденции борются в вопросе о соотношении числа отдыхающих и числа членов обслуживающего персонала. Поскольку от числа отдыхающих зависит бюджет дома отдыха, имеет место тенденция как можно больше увеличить число отдыхающих на одной и той же данной материально-технической базе. Кроме того, эта тенденция отвечает общим установкам по заботе о благе трудящихся и растущим планам по охвату населения отдыхом. Но с ростом числа обслуживаемых отдыхающих неизбежно растет и число лиц обслуживающего персонала, причем — второе растет быстрее первого. Это отвечает общей установке облегчить условия труда трудящихся в сфере отдыха и совершенствовать систему управления. В борьбе этих тенденций устанавливается более или менее устойчивое соотношение величин, поразительным образом совпадающие с аналогичными величинами в сфере труда. Согласно нашей общей установке у нас отдых признается не всякий, а только активный, вследствие чего он становится серьезным делом. Труд же в силу общей тенденции к халтуре и безделью постепенно превращается в средство развлечения и отдыха от унижающей человека домашней

работы. По этой причине у нас стираются грани между отдыхом и трудом, — вот тебе еще один дополнительный источник развития марксистско-ленинской теории. Какова картинка, а? Так что же говорить об обществе в целом. А ведь за всей этой оравой персонала и отдыхающих следить надо в оба, иначе мигом все разворуют. Значит, контроль, проверка, надзор. А это — опять люди, люди и люди. Ты не спишь?

— Нет. Но все то, что ты сказал, я истолковываю в свою пользу. Если тут порождается такая паразитическая цепная реакция, значит самые фундаментальные принципы организации общества порочны. Скажи, почему на Западе аналогичный пансионат содержит не сотня, а от силы десять человек, причем — гораздо лучше, чем наша сотня?

— Личная заинтересованность. Другой тип отдыхающего. Если бы нашего брата посылали в их пансионаты, мы бы вопреки их личной заинтересованности мигом навязали бы им свой стиль.

— Но этот «наш брат» продукт нашего общества.

— Так же как и общество — продукт «нашего брата».

Письмо к Ней

*Ненавижу с сеткою кровать.
Хочу, чтоб ночь была короче.
Не думал, что мне будет не хватать
Тебя. И все такое прочее.
Пишу. И рву бессильные слова.
Боготворю. По-матерну ругаю.
Звонит натянутой струною голова.
Хочу и нет. Стремлюсь и избегаю.
Не опьяняет рвотное вино.
Беседа не дает забвенья.
Как будто вижу я советское кино.
В разгаре самом светопредставленья.*

Из книги Твари Переход к коммунизму требует дальнейшего повышения коммунистической идейности трудящихся. Партия ставит в этой связи великую задачу — чтобы ее научное мировоззрение стало достоянием всего народа.

Сталин Автор: Я продолжу свою мысль. Когда говорят, что Сталин был верным учеником Ленина, а сталинизм — ленинизмом в действительности, говорят нечто бессмысленное. На самом деле они суть явления разнокачественные, идущие из разных источников. Ленин — фигура историческая, Сталин же — социологическая. Чтобы понять Ленина и ленинизм, надо рассматривать конкретно-исторические условия и обстоятельства в России и в Европе в конце прошлого и в начале нашего века, т. е. до революции. Ленин объясним, глядя из прошлого и в прошлое. Чтобы понять Сталина, надо рассматривать то, что сложилось в Советском Союзе и в мире вообще лишь в результате его деятельности и после него, т. е. после

революции. Сталин объясним, глядя из будущего и в будущее. Ленин представлял смену во времени, Сталин — нечто остающееся, воспроизводящееся, постоянное. Шла история. Люди влезали на броневики, произносили речи, захватывали оружейные склады, телефонные станции, ставили к стенке, стреляли, носились с шашкой наголо на коне с криками «ура». А в это время незримо, незаметно зрело то, что я называю социологией. Ведь чтобы Чапаев мчался с шашкой и в развевающейся бурке, должна быть канцелярия в дивизии, а в канцелярии надо столы расставить, а за эти столы посадить людей. Нужно было бумажки выписывать, печати ставить, штампы какие-то... И когда драматическая история пронеслась, и дым развеялся, выяснилось, что именно из этого получилось, что именно осталось от истории. История умчалась в прошлое, а контора с ее бумажками, печатями, скукой, званиями, распределением по чинам, волокитой, очковитательством и прочими прелестями осталась. Надо, повторяю и подчеркиваю, брать общество в том виде, как оно сложилось и существует на наших глазах. И тогда будет понятно, зачем носился Чапаев с шашкой наголо: отнюдь не для того, чтобы спасти страждущее человечество, а для того, чтобы, в частности, чиновники из аппарата всех сортов власти могли на персональных машинах ездить в спецраспределители за продуктами, которых нет в обычных магазинах, приобретать шикарные квартиры и дачи, пользоваться лучшими курортами и достижениями медицины... Сталин это понимал, а точнее — ощущал. А еще точнее — он просто действовал в этом социологическом разрезе бытия. И когда история сделала свое дело, она стала помехой для социологии. История никогда не имеет корней. Социология же сама есть корни. И потому пену истории смыло течением, а корни социологии дали ростки и затем плоды. Ленин действовал по законам истории, Сталин — социологии. И потому Сталин победил.

Подготовка к визиту высокой персоны

С первого же дня заезда отдыхающих предупреждали, что ожидается визит главы санаторно-курортного отдела самого товарища Сусликова, и потому просили их особо проявить чувство высокой ответственности. Высокий гость ожидался и в прошлые заезды, но откладывал визит из-за плохой погоды сначала, а затем якобы по состоянию здоровья. Но все понимали, что эта за «плохая погода» (погода была отличная, гораздо лучше теперешней) и что это за «состояние здоровья» (товарищ Сусликов всегда пребывал в состоянии игривого опьянения и еле шевелил языком и всеми конечностями). Дело в том, что в Президиуме Академии в это время наметились временные трудности в связи с ревизией жульнических махинаций заведующего жилищным отделом, и товарищ Сусликов боялся, как бы эта ревизия не переметнулась на его ведомство.

Через пару дней стало точно известно, что высокий гость прибудет в пятницу утром. Прибудет с сопровождающими его лицами — старшим инспектором по путевкам со скидкой товарищем Куктычапагировой, секретаршей вице-президента Леночкой (которая по сему поводу взяла «отгул» на пятницу и понедельник) и сотрудником первого отдела Юрой, у которого складки и синяки на морде от систематических перепоев имели такой

вид, будто ему специально вытатуировали буквы КГБ. Этого Юру в Академии знали все, поскольку без него не обходился ни один банкет по поводу защиты диссертаций.

В доме отдыха началась лихорадочная подготовка к встрече высокого гостя и его свиты. Отдыхающих заставили произвести генеральную чистку палат. Главное внимание при этом обращалось на то, чтобы в тумбочках не было спиртных напитков — товарищ Сусликов очень строг в этом отношении. Затем отдыхающих выгнали на уборку территории. При этом главное внимание было уделено территории вокруг коттеджа, в котором предполагалось разместить высокого гостя и его свиту, и дорожке, ведущей от коттеджа к столовой. В клубе сам директор провел с отдыхающими инструктаж о правилах поведения. На время визита женщинам было запрещено ходить в брюках — товарищ Сусликов не одобряет эти новые моды, проникшие к нам с гнилого Запада. К тому же товарищ Сусликов привык лазить под юбку, а под брюки не очень-то залезешь даже с длинной хапужей лапой товарища Сусликова.

Под апартаменты тов. Сусликову отвели четырехкоечную палату в коттедже. Поставили там двухспальную кровать, покрыв ее алым шелковым покрывалом. Членам свиты отвели отдельные комнаты на первом этаже того же коттеджа. Заготовили черную и красную икру, севрюгу, копченую колбасу, свежих цыплят, всяческих вин, включая «Крымское шампанское», о существовании которого ранее не подозревали, и даже свежую клубнику — товарищ Сусликов обожает клубнику со взбитыми сливками. Установили круглосуточное дежурство, чтобы предотвратить возможные провокации, — сами понимаете, какое теперь время!

Затем приступили к подготовке населения к встрече. Первым делом изъяли Ильича — посадили на пятнадцать суток за хулиганство в общественном месте — упоили пивом, и он помочился в коридоре клуба на виду у Беззубой Докторицы, которая и донесла на него. Когда проблема Ильича была решена, взялись за возможных жалобщиков. Директор собрал их в своем кабинете и выслушал их претензии. Часть претензий он на время визита приказал удовлетворить. Наиболее упорных жалобщиков взяли на обман: организовали на пятницу бесплатную экскурсию на молочную ферму, где пообещали напоить парным молоком.

Нерешенной оставалась только одна проблема — проблема собак, и в особенности — Ддиссидента. С обычными собаками справились гениально просто. Повар накопил кучу костей и отнес их в мешке, сопровождаемый подхалимской сворой, в дом отдыха Министерства угольной промышленности за десять километров. И вся свора временно переселилась туда. Что касается Ддиссидента, то тут пришлось потрудиться. Целый день отдыхающие прочесывали территорию, но безрезультатно. Ддиссидент в это время отлеживался под крыльцом коттеджа, предназначенного высокому гостю. Обратились за помощью к милиции. Милиционеры привезли сыскную собаку, и та обнаружила Ддиссидента. Последнего засунули в мешок и увезли в район.

Откровение Я ведь тоже немало передумал, — говорит Старик. — Некоторые вещи я понял до самого дна. Например, я теперь знаю, что формула «Интересы коллектива выше интересов личности» на практике означает, что интересы руководителей выше интересов руководимых. А коллектив есть лишь средство для руководителей душиить непокорных. Я таких парадоксов открыл для себя десятки. Больше не хочу, хватит. Результат уже не изменится принципиально от новых открытий. А результат — тоска и уныние. Почему? Да потому, что зацепиться не за что. К тому же я понял, что научное понимание нашей системы невозможно. Тут все спрятано, искажено, размазано. И что самое поразительное — оно никому и не нужно. Оно особенно не нужно критикам нашего общества. Почему? Сам толком не пойму. Может быть, потому, что они стремятся выглядеть умными и смелыми. А для научного понимания тут нужно быть тихим, незаметным. И такое понимание не для широкого употребления. Не поймут. Мне кажется, что с научным подходом у нас могут примириться для каких-то узких целей. Но, конечно, без признания чьего-то авторства и как с дальнейшим развитием мыслей классиков.

Первый корпус Первый корпус, куда волею случая переселился Мнс, был привилегированным. С одной стороны, он был расположен в двух шагах от столовой и клуба, а с другой стороны — в двух шагах от леса и речушки. И из окон его были видны все красоты природы. Не говоря уж о том, что все палаты тут были однокочные и двухкочные (и даже несколько палат — двухкомнатные, это — для особо важных лиц), тут поселялись серьезные люди, неукоснительно требовавшие тишины и порядка. И потому появление Мнс было встречено настороженно и даже враждебно. Но Новый Друг пустил слухок, что Мнс — необычайно талантливый молодой ученый, что скоро он станет доктором, минуя кандидатство, что он работает на самого... (тсс! это, конечно, между нами!), и Мнс был допущен в среду интеллектуальной элиты советского общества почти на равных.

Справа от палаты Мнс и Нового Друга отдыхал (по слухам — уже третий заезд кряду) профессор шестидесяти с гаком лет, ярый поклонник академика Николкина. Академик Николкин во времена Сталина занимал крупные посты и руководил изготовлением авиационных моторов, а после смерти Сталина бросил свой недюжинный талант и негибаемую волю, за которую его любил Сталин, целиком и полностью на самосохранение. Для этого он изобрел свою собственную систему, которая принесла ему неизмеримо большую славу, чем вышедшие из употребления моторы. Центральным элементом системы Николкина был бег трусцой, причем — на всю ступню, и подскоки без амортизации. Идея этого элемента состояла в том, что организм встряхивается, и все вредное и отжившее постепенно выбрасывается из клеток наружу. Сосед Профессор по системе Николкина ежедневно в любую погоду шлепал трусцой на всю ступню по десять километров и подскакивал по часу без амортизации, отравляя существование живущему под ним доктору — стороннику неторопливых прогулок по окрестностям с размышлениями о сущности бытия и наслаждениями неповторимы-

ми красотами природы. И хотя у Профессора с каждым подскоком вылетало по дюжине последних седеньких волосиков и вываливались искусственные зубы, остановить его неумолимый бег трусой в крематорий уже не могла никакая сила в мире.

Сосед с другой стороны, наоборот, был яростным поклонником академика Амухина, который тоже разработал свою систему. Ядро системы Амухина составлял принцип: по возможности не есть и до изнеможения трудиться. Причем труд Амухин понимал отнюдь не в марксистском смысле, т. е. не как целесообразную деятельность по созданию духовных и материальных ценностей, а как растрачивание калорий. В частности, он рекомендовал делать по пять тысяч приседаний в день. Но он категорически протестовал против бега и подскоков на всю ступню, поскольку, как полагал он, из клеток отрывается и выходит наружу кое-что полезное и жизнеспособное. И сосед слева, сожрав предварительно все то, что давали в столовой (ибо это было положено, ибо за это было уплачено!), и сожрав добавку, затем с маниакальным упорством выгонял из организма лишние калории, доведя число приседаний до тысячи в сутки. И его также ничто не могло остановить, даже стремительно прогрессирующее расширение вен на одной ноге и закупорка вен на другой.

Соседи вели бесконечные дискуссии о преимуществах и недостатках той и другой системы, цитируя специальную литературу на четырех иностранных языках и вовлекая в дискуссии почти всех обитателей корпуса. Женская половина корпуса, заселенная ожиревшими и ужасающе одуревшими докторицами, профессоршами и кандидатшами, сходила с ума на проблеме похудения путем голодания. Они по десять раз на день вспоминали, какой у них был вес и какая талия в двадцать лет, и со ссылками на польские журналы клялись вернуться в это вымышленное (и потому не подлежащее сомнению) состояние. Это, однако, не мешало им начисто подедавать все то, что давали в столовой, включая хлеб, манные и пшеничные каши, макаронны, сливочное масло. Идея самосохранения есть основа жизни нашей творческой интеллигенции, — сказал на это Новый Друг. — Это — то, что ждет и нас с тобой, когда мы выберемся в доктора и профессора.

На первом этаже двухкочную палату занимала членкорница какой-то южной республиканской Академии наук — жирная, глупая, увешанная золотыми серьгами с камнями и цепочками, с парой колец на каждом из десяти толстых волосатых пальцев, самодовольная, надменная. Рядом с ней в однокомнатной палате мучилась от зависти к членкорнице и презрения к ней беззубая докторица. Докторица была на голову выше Членкорницы в физическом смысле, но чувствовала себя выше ее на десять голов в интеллектуальном отношении. Она постоянно носила с собой какой-то детектив на английском языке и делала вид, что читает и понимает без словаря. Чтобы привлечь к этому замечательному факту внимание, она приглашала всех при случае вступить в обсуждение проблемы смысла английских слов, с которых начинают изучение языка в начальной школе. Почувствовав, что Мнс владеет языком, она начала усиленно кокетничать с ним на этой почве. Берегись, — сказал на это Новый Друг. — Такого рода твари склонны к примитивным сексуальным извращениям. Странно, почему она

не вставит себе зубы? Денег имеет достаточно. Скорее всего — жмотничает, ждет очереди, когда ей сделают челюсти бесплатно. Наверняка по сему поводу из института, где она работает, направили письмо за подписью руководящего «треугольника» в Министерство здравоохранения с просьбой оказать содействие выдающемуся ученому. Готов держать пари, в письме обосновали необходимость искусственных зубов для скупой докторицы тем, что ей надо читать лекции студентам, заглядывающим ей в рот, и беседовать с иностранными учеными, которые тоже, естественно, смотрят ей в рот.

Беззубая Докторица рассчитывает быть выдвинутой в члены-корреспонденты Академии наук СССР, что на порядок выше членкорства республиканской Академии. Хотя Членкорица уверена, что Докторицу не выдвинут, а если выдвинут, то наверняка провалят, иллюзорная перспектива Докторицы ее все равно беспокоит. И потому она всячески демонстрирует свои дружеские чувства к Докторице. Та платит ей взаимностью. Членкорица приехала в дом отдыха по бесплатной путевке, вернее — совсем без путевки, по звонку сверху. Докторице же устроили соцстраховскую путевку со скидкой, так что ей пришлось уплатить не более десятки. Но она и это считает грабежом, поскольку она заслужила лучшую участь. Тем более Членкорица из какой-то республиканской Академии приехала вообще без путевки.

Ночные разговоры — Я никогда не был на Западе. Но кое-что читал и слышал о нем. И иллюзий насчет него у меня нет никаких. Одно уж то, что он, несмотря на наши кошмарные уроки, стремится к такой же мерзости, какая сложилась у нас, говорит о том, что и на Западе жизнь далеко не для всех есть сахар. И все же я не могу понять, почему его тянет в эту пропасть?

— Потому что пропасть слишком глубокая. Чем глубже пропасть, тем реальнее кажется иллюзия свободы и тем дольше она продолжается.

— Но тем меньше шансов из нее выбраться.

— Из чего выбраться — из иллюзии или из пропасти?

— Очевидно, из иллюзии, ибо из такой пропасти не выберешься.

— Все в мире относительно. Если падение продолжается достаточно долго, то его вполне можно рассматривать как полет.

— Мне сейчас забавная мысль пришла в голову. Почему эти идиоты решили, что принцип «каждому — по потребностям» очень хорошо? Вот представь себе ситуацию. Ты работаешь хуже, чем я, а получаешь по потребностям больше или столько же, сколько я. Почему я должен считать это справедливым? Уверяю тебя, если даже этот глупый принцип будет реализован, лучшие люди будущего начнут против него самоотверженную борьбу. Почему мы должны за чистую монету принимать все домыслы наших предшественников? У нас на плечах есть своя голова. Мы сами можем кое-что обдумать вполне здраво. Не такая уж бездна ума вложена в эти лозунги прошлого. Скорее, наоборот.

— А процесс над «Рабочей группой» все откладывается. Власти сами не знают, как с ними поступить, — лечить как сумасшедших или судить как вменяемых преступников за несовершенно совершенные преступления. Им хочется совместить и то и другое, а именно — возвести в идеологическую догму

положение, будто только сумасшедшие могут быть недовольны существующим порядком и критиковать его, но чтобы сумасшествие такого рода каралось как преднамеренное преступление.

— Эта «группа» — бред сумасшедшего.

— В этом мире все есть бред сумасшедшего. Тут речь уже идет о сумасшествиях второго порядка. И даже третьего. Это — совершенно новое явление в психиатрии. Продаю это открытие за пол-литра!

Летающие тарелки — Смотри, — говорит Главный.

— Смотри, — думает Мнс, — но ничего не вижу.

— Верно! У нас и нет ничего. И потому мы имеем все.

— Софистика.

— Не спеши с выводами. Вот ты ложишься спать в тесной душной комнатухе и в довольно неудобную кровать. А если бы ты имел возможность отдыхать в любом месте пространства с максимальными удобствами (например — в той прекрасной роще, на свежем воздухе, с полной гарантией безопасности), что бы ты предпочел? На тебе довольно невзрачного вида одежда. Ее надо надевать и снимать, мыть, чистить, гладить, чинить. А если бы ты имел возможность вместо одежды окружить себя неким энергетическим экраном, придавая по своему желанию ему любой вид, что бы ты предпочел? Как ты питаешься, не стоит говорить. А если бы ты имел энергетическую систему питания, действующую постоянно без твоего волевого усилия, что бы ты предпочел?

— Сплошные потери. А что же остается?

— Познание.

— А ради чего?

— Ради совершенствования и сохранения рода. Наша Галактика ведь тоже не вечна. До того как она погибнет, надо успеть изобрести возможность улететь в другую Галактику.

— И много вас?

— Миллиарды.

— В таком случае вы суть бред сумасшедшего.

— Почему?

— Потому что если вас много, то вас нет. И я это могу доказать.

— Докажи! Если твое доказательство будет убедительным, мы исчезнем.

Пробуждение А за окном всходило солнце, кричали петухи, лаяли собаки, пели соловьи. И воздух. Какой тут воздух! Ради одного этого воздуха стоит жить.

— Нет, я не хочу отрекаться от моих трудностей, забот и проблем, — подумал он вслух.

— И правильно делаешь, — сказал Новый Друг, вскакивая с кровати. — А ну, борода, подымайсь! С этого дня будем делать утреннюю зарядку. По всей форме, с нагрузкой и душем. Мы же все-таки мужчины.

Гимн общественной работе Прочитав место в рукописи Тваржинской о том, что «при коммунизме добровольная общественная работа постепенно вытеснит обязательный труд на благо общества и станет основной формой трудовой деятельности граждан», Мнс не выдержал и расхохотался. Узнав причину смеха, сосед из палаты напротив, зашедший стрелкнуть сигарету, тоже начал смеяться. Самое смешное, — сказал он, — что тут смешно не потому, что общественная работа есть нечто смеха достойное. Наоборот, это — очень серьезный элемент идеологической обработки населения. А вот почему все-таки смешно, объяснить не могу. Я лучше расскажу, как я сам занимался общественной работой, став членом партии.

Как молодой коммунист я, само собой разумеется, ездил в деревню на работу и в составе агитбригады. Что это такое, Вы сами знаете. Мои функции в агитбригаде сводились к организации пьянок и к чтению лекций о... кибернетике — ее как раз начали признавать и ставить на службу коммунизму. Из кибернетики я знал, что можно изготовить механических мышей и черепах. Мне даже довелось видеть однажды таких искусственных черепашек. Меня при этом больше всего поразило то, что черепашки налезали друг на друга. Мне это казалось чудом техники, хотя это, как выяснилось потом, было результатом технических неполадок. Об этих черпашках и мышках я и рассказывал своим ошеломленным слушателям. В том месте, где я говорил, как черепашки залезают друг на друга, зал буквально замирал, затаив дыхание. Потом от меня требовали рассказывать подробности. И я, подкрепившись стаканом водки, которую мне друзья подсовывали под видом воды, выдавал слушателям такие детали о достижениях кибернетики, какие не снились самым смелым ее новаторам.

Потом я принимал участие в избирательных кампаниях. Тут мои функции заключались в том, что я разыскивал загулявших избирателей в окрестных забегаловках и волок их на избирательный участок, обещая бесплатно сто грамм водки после голосования. Однажды таких избирателей накопилось человек двадцать. Они грозились разнести участок и выдернуть мне все конечности, если они не получат обещанную выпивку. Представитель райкома партии обвинил меня в том, что я подрываю доверие народа к партии. Я сказал ему, что действовал с лучшими намерениями — обеспечить стопроцентную явку избирателей. Но я всего лишь Мнс, и моей зарплаты крайне мало, чтобы восстановить былое доверие народа к партии. Тогда мне выделили двадцать пять рублей из средств месткома, и я увел восторженно орущую толпу алкашей на бульвар имени анархиста Кропоткина.

Потом меня повысили — назначили руководителем пропагандистского кружка у подшефных строителей. Я честно исполнял свой долг, пересказывая им отрывочные сведения из газет и зачитывая райкомовские разработки по очередным партийным постановлениям. Как потом написали в «телеге» на меня в институт, в результате моей пропагандистской деятельности число алкоголиков на предприятиях удвоилось, причем случаи попадания рабочих в вытрезвители поразительным образом совпадали с днями занятий кружка. И меня освободили от этой общественной работы, назначив... кем, как вы думаете?.. Преподавателем в Вечернем Университете марксизма-ленинизма.

Это назначение было особенно приятно, поскольку тут платили приличные деньги.

Моя карьера в Университете Миллионов, к сожалению, закончилась очень скоро. Мой основной педагогический принцип был следующий. Принимая экзамен, я спрашивал у слушателей, кто согласен на тройку, ставил таковым отметку и отпускал восвояси. Затем спрашивал, кто согласен на четверку, ставил желающим отметку и тоже отпускал. Наиболее стойким я ставил пятерку, тоже не спрашивая. И все были довольны. Но в семье не без урода. Попался мне один слушатель, который занимался в Университете Идиотов на полном серьезе и хотел блеснуть своими познаниями. Я же поставил ему пятерку, не выслушав его замечательных мыслей. Он был обижен до слез, написал на меня заявление в райком, в котором обвинил в чрезмерном либерализме.

После этого я как бывший преподаватель Университета Дегенератов был допущен работать внештатным рецензентом курсовых работ слушателей Заочной Высшей Партийной Школы (ЗВПШ). Что такое Заочная ВПШ с интеллектуальной точки зрения, описать невозможно. Я успел написать рецензии на сотню курсовых работ (по два рубля пятьдесят копеек за штуку), из коих по крайней мере пятьдесят были просто перепиской одной популярной брошюры, выпущенной издательством «Тьмутараканский рабочий» для самой отсталой части самого отсталого народа нашей необъятной Родины. Причем согласно инструкции я обязан был учитывать индивидуальные особенности каждой курсовой работы и давать позитивные рекомендации. От слушателей требовалось не просто показать хорошее знание марксизма, но подходить к проблемам марксистской теории творчески. Главная моя трудность заключалась в том, чтобы придумать, что творчески нового вносит каждая работа в марксизм. И однажды я придумал такой «творческий» вклад, который оказался старым-престарым ревизионизмом. Разразился скандал. Защищаясь, я обозвал всех слушателей ЗВПШ жуликами и представил доказательства. Скандал замяли. А меня... включили в лекторскую группу Городского Комитета партии (МГК).

Лектором МГК я числился лет десять, хотя прочитал... вернее — пробовал прочитать... всего лишь одну лекцию. Произошло это так. Назначили меня прочитать лекцию на торжественном предпраздничном (перед седьмым ноябрём) собрании в министерстве внешней торговли. Задание ответственное, и я добросовестно проштудировал «разработку» (фактически готовую лекцию), которую мне вручили в МГК. Я мог шпарить эту лекцию без запинки, одним глазком глядя в текст, а другим следя за слушателями. Впечатление, будто это все я шпарю «из головы», а не по бумажке, было бы полное. Было бы, но, к сожалению, этого не случилось. Когда я пришел, собрание по каким-то причинам отложили на час, кажется — потому что не успели привезти Переходящее Красное Знамя райкома партии, которое должны были вручить лучшему отделу. И организаторы всей этой заварухи совершили грубую ошибку — пригласили меня зайти в буфет и выпить рюмочку коньяку. Мои спутники оказались веселыми ребятами, склонными к выпивке. А от общения со мной они потеряли всяческий контроль над собой — я обладал таким талантом увлекать людей на попойки в высо-

чайшей степени. Уже через полчаса мы осушили несколько бутылок, перешли на «ты» и позабыли о том, зачем я тут нахожусь. Очнулся я на трибуне. Вспомнил о докладе. Стал искать «разработку». Нет! Я ее где-то посеял. И чтобы как-то выйти из положения, я сказал лишь следующее: «Чем доклад короче, тем он лучше, поэтому поздравляю вас с наступающим праздником и желаю отметить его достойно советского человека». Под бурные аплодисменты местные алкаши сняли меня с трибуны и унесли обратно в буфет. Все были довольны. Но кто-то донос все-таки настрочил.

После этого я числился лектором МГК, но фактически никакой общественной работы не вел. Когда ко мне приставали с каким-либо поручением, я говорил, что я — лектор МГК. Услышав такое, пристававшие вытягивались по стойке смирно и оставляли меня в покое: МГК звучало почти как КГБ. Были и другие преимущества от этой общественной работы: я имел привилегию подписываться на детский журнал «Веселые картинки» и на журнал для западных взрослых идиотов «Советский Союз». Я уступал это право другим сотрудникам института.

А какая у Вас сейчас общественная работа? — поинтересовался Мнс. О! — сказал Сосед вполне серьезно. — Я сейчас заведу отделом в обществе «Знание». И в награду за хорошую работу я получил бесплатную туристическую путевку в США. Смешно? Нет, — сказал Мнс. — Смешно до чрезвычайности.

О будущем

*Одним глядящего приметы
Являют лазера лучи,
Полет космической ракеты,
Синтез искусственной мочи.
Другим же — мутные потоки
Демагогических речей,
За правду лагерные сроки,
Рой добровольных стукачей.
Как разрешить дилемму эту?
Я обе точки зренья чту.
И вижу в космосе ракету
С концлагерями на борту.*

Реплика Мнс Вот читай, — говорит Мнс. — Статья о так называемых «черных дырах», которые якобы искривляют пространство и замедляют время. Автор — доктор физико-математических наук. Бывает кретинизм от необразованности. Но кретинизм образованных людей превосходит его безмерно. Его преимущества — опора на «данные науки», на специальную терминологию, на стремление всех быть передовыми и прогрессивными. Можно замедлить или ускорить ход каких-то процессов во времени. Но говорить об ускорении или замедлении времени бессмысленно в силу самих определений понятий, относящихся к пространству, времени, скорости. Ты вот вдумайся! Что значит: время в «черных дырках» замедляется. Это значит, что за одно и то же время

там проходит меньше времени, чем у нас. Аналогично можно жать, растянуть, искривить какие-то тела и группы тел в пространстве, но бессмысленно говорить о жатии, растяжении и искривлении пространства. И опять-таки это бессмысленно в силу смысла самих языковых выражений. Но попробуй растолкуй это людям. Миллионы образованных и имеющих силу людей заинтересованы тут в жульничестве, мистификации, лжи. Они не допустят в этом деле никакой ясности. А что уж говорить о других вещах, затрагивающих интересы сильных мира сего более явно и глубоко!

Откровение Старика Ощущение такое, — говорит Старик, — будто мы строим некую гигантскую незримую Пирамиду, назначение которой никто не знает. Мы все приносимся в жертву этой Пирамиде.

Сколько погибло народу при строительстве египетских пирамид?! А ведь они были люди. Думали, страдали. А ради чего все это было? Конечно, тут можно предложить такое простое объяснение: для какой-то части общества эта Пирамида есть удобное средство заставить остальную часть работать на себя. Но меня такое объяснение не удовлетворяет. От этой Пирамиды страдают все, в том числе — привилегированные. Напрашивается очень грустное предположение: человек-то по отдельности, может быть, и разумен, но не столь уж разумно большое скопление людей. Тут действуют какие-то чисто природные законы, подобные законам генетики, кристаллографии. Мы тут трепыхаемся... Душа! «Я»! А на самом деле мы — лишь орудие для мертвой природы обтесать очередной блок для бесцельной пирамиды и затащить его наверх.

Вы мыслите в высоких категориях, — говорит Мнс. — А я мыслю пустяками. Вы знаете, что меня больше всего пугает? То, что Рим переименовуют в Тольятти, Париж — в Маршенск, а Венецию — в Берлингуецию.

Из книги Твари Осуществление коммунистического принципа распределения по потребностям означает не только величайший переворот во взглядах на труд, который перестает быть просто средством заработка. Человеческие отношения полностью и навсегда освободятся от расчета, корыстных соображений, всего, что вносила в них погоня за материальной выгодой. Возможность всегда бесплатно получать из общественных запасов все, что нужно для обеспеченной и культурной жизни, оздоровит психику человека, освободит его от тягостных забот о завтрашнем дне.

Замечание Мнс Все это достижимо. Солдаты, например, из «общественных запасов» получают «все, что нужно». И никаких «тягостных забот о завтрашнем дне». И психика куда как здоровая.

Сталин 1922 год. Предстоит Пленум ЦК партии. Перед началом Пленума вожди партии собрались в кремлевском кабинете Ленина. Среди них Троцкий, Зиновьев, Бухарин и другие. Сталина нет — он еще не входит в число высших лиц партии и государства. Собравшиеся обсуждают повестку предстоящего Пленума, намечают кандидатуры в выборные органы, набрасывают проекты резолюций, короче говоря — репетируют пред-

стоящий спектакль. Последним обсуждается вопрос о секретариате ЦК. Вопрос этот считается вопросом десятистепенной важности, поскольку до сих пор функцией секретарей ЦК выполняли женщины, причем — в небольшом количестве. И потому он обсуждается скорее в юмористическом духе. Ленин старается быть серьезным, но и он не скрывает своего пренебрежительного отношения к этому вопросу.

Ленин: Работа эта, конечно, чисто женская, да не обидятся на меня присутствующие женщины. Но что поделаешь, теперь наша партия стала правящей, и канцелярщина разрослась неимоверно. Конечно, со временем мы отбросим прочь всякий бюрократизм, в том числе — и внутривластный. Но пока нам надо считаться с фактами. Секретариат придется расширять и укреплять. Что же касается кандидатуры первого секретаря, то...

Троцкий (перебивая Ленина): Вождям партии унизительно заниматься бумажными делами. Я считаю, что на этот пост надо назначить человека известного в партии, но не играющего в ней роли первостепенной важности. Мне кажется, для этого подошел бы Коба.

Ленин: Какой такой? Не помню...

Бухарин: Джугашвили. Последнее время стал подписывать свои статьи по национальному вопросу псевдонимом «Сталин».

Троцкий: Сталин, конечно, малограмотен. Его претензии на роль теоретика смехотворны. Но он педантично аккуратен. Въедливый формалист. Настойчив. Бюрократический аспект деятельности партии вполне в его духе.

Ленин: У меня возражений нет. Будем предлагать Сталина. Но как он сам отнесется к такому маловажному назначению?

Зиновьев: Для него это — большое повышение. Сейчас он заведует наркоматом национальностей. Наркомат фиктивный, с ним вполне справится мелкий чиновник вроде Микояна или Молотова.

Каменев (под общий смех): Тут даже Буденный или Ворошилов спрашивались бы.

Ленин: Я думаю, лучше пригласить сюда этого... как его?.. Сталина и побеседовать с ним.

Половина присутствующих кидается искать Сталина. Ленин задумывается, достает клочок бумаги и начинает лихорадочно набрасывать тезисы своего выступления. Прочие разбиваются на группки, переговариваются, шутят, рассказывают анекдоты про Ленина, Буденного, Чапаева.

Троцкий: Ильич накануне переворота звонит Подвойскому и просит его передать питерскому пролетариату, чтобы тот пить пил, но не забывал, что завтра все-таки будет революция. Ха-ха-ха-ха-ха!

Зиновьев: Ординарец Буденного вбегает в штаб и кричит, что белые зашли с тыла. Буденный вскакивает на коня и кричит: «Вперед!». Ха-ха-ха!

Бухарин: Знаете, как Чапаев после месячного пребывания в Военной академии объяснял Петьке, почему колеса поезда стучат о рельсы? Площадь круга равна пи-ер-квадрат, так вот этот квадрат и стучит. Ха-ха-ха!

Постепенно возвращаются искавшие Сталина. Минут через десять не спеша входит Сталин. Он в полувоенном кителе, в сапогах, курит трубку. Говорит на правильном русском языке без всякого акцента.

Ленин: Товарищ Джугашвили, есть предложение перевести Вас на работу в секретариат ЦК. Первым секретарем.

Сталин: Я не возражаю. Но у меня есть условие. Секретариат ЦК приобретает все более важное значение в деятельности партии по руководству государством. Поэтому вместо должности первого секретаря следует учредить должность генерального секретаря, подчинив последнему весь технический аппарат ЦК.

Ленин: Я считаю предложение товарища Джу... Сталина вполне резонным. Возражений нет? Договорились, товарищ Сталин! Будем Вашу кандидатуру предлагать в качестве Генерального секретаря ЦК. Вы свободны, товарищ!

Троцкий (после ухода Сталина, смеясь): Генеральный столоначальник ЦК!! Ха-ха-ха! Представляю, что этот тупой чинуша разведет в своей канцелярии!.. Но нам, кажется, пора!

Главная тенденция столетия В первый же вечер отдыхающие женщины явились в клуб в «декольтах», как выразился Универсал. Декольтами он называл не только обнаженные спины, костлявые или ожиревшие плечи и отсутствующие или гипертрофированные бюсты, но и всякого рода разрезы, вырезы и укорочения, обнажающие нижние конечности, а также обтягивания различных частей тела, делающие излишними обнажения. Взглянув на сверкающую золотом и южными зубами Членкорицу, Универсал отнес к декольтам и новейшую тенденцию к балахонам, в которых колыхания прекрасного женского тела ощущаются с такой остротой, будто с обладательниц этих балахонов сдирают не только одежду, но и кожу. А я без бюстгальтера, — сказала кокетливо Членкорица, обращаясь не столько к женщинам, сколько к мужчинам, — сейчас это модно на Западе. Универсал одобрительно хмыкнул и сказал: «Ходи все время так, тебе это идет, ты так выглядишь лет на тридцать моложе». Членкорица обозвала Универсала нахалом, но комплиментом осталась довольна. Последней появилась Дамочка, и мужчины ахнули от изумления. Вот это баба! — сказал Универсал. — Тебе, Борода, крупно повезло. Братцы! — воскликнул Инженер. — Где мы — в Париже или в занюханном подмосковном доме отдыха?! Если мы еще не обставили Запад, то на пятки ему мы явно уже наступаем. Мне эти новые веяния нравятся, — сказал Универсал. — По крайней мере сразу видно, за что борешься. А со старыми модами в девяти случаях из десяти оказываешься в дураках. Пока обхаживаешь, все вроде бы на месте и в меру, а разденешь — что куда девается или что откуда появляется. Однажды я два месяца обхаживал изящную блондиночку. А когда добился своего, оказалось, что она — буквально лопающаяся от ожирения брюнетка. Еле отделался. А теперь — красота!

В этот вечер основной темой разговоров было стремление человечества к обнажению. По мнению Старика, это — главная тенденция человечества. Стремление женщин обнажить свое тело есть лишь одно из проявлений общей тенденции обнажать все. Мужчины, между прочим, тоже тянутся в этом направлении. Салуны и нудистские пляжи и у нас уже не редкость. А если бы кто-то подсчитал случаи обнажения в частных компаниях, вы были бы поражены. С этой точки зрения наше общество от западного

отличается лишь «техническими» возможностями, а не принципиально. Нас еще сдерживает наше физическое уродство и... дороговизна. Да, обнажение стоит обществу пока дороже, чем облачение. Но скоро молодежь научится следить за телом, чтобы не стыдно было его обнажать, а наше хозяйство перестроится применительно к новой возрастающей потребности, исчезнут устаревшие ограничители и... И начнется противоположное движение к облачению и сокрытию, — сказал Мнс.

Письмо к Ней

*Подзаложили крепко мужики,
Надели бабы лучшие наряды,
Обсели телевизор старики
И смотрят все, что им показывают, кяду.
А я, скучая, в потолок гляжу.
Дай, что ли, развлеку тебя немного,
На сон грядущий сказку расскажу
Про то, как люди выследили Бога.
Нам знать с тобой, конечно, не дано,
Что перед этим с Ним происходило.
Был, надо думать, не один донос
И «гражданин, пройдемте с нами» было.
Но мы опустим эти рубежи.
Собрали суд, наметить меры дабы.
Сидели чинно важные мужи,
И с ними в ряд — ответственные бабы.*

Прогулочный трёп — Одна из особенностей нашего времени — высокое профессиональное совершенство в изготовлении всякого дерьма.

В музыке — это блистательное исполнение бездарной мелодии. В поэзии — изощреннейшие рифмы и стихотворные формы для выражения пошлости и банальностей. Не знаю, как в науке...

— В науке то же самое. В логике, например, изобретаются необычайно сложные исчисления, чтобы доказать бесконечно пережеванные прописные истины.

— У нас пишутся десятки томов вообще не имеющих никакого иного смысла, кроме претензий авторов прослыть высокообразованными, владеющими современными математическими методами.

— А разве не то же самое творится в политике? Какое огромное число людей привлекается для решения ужасающе пустячных с точки зрения интеллекта проблем. И к каким только средствам не прибегают! Знаете, Они даже вычислительные машины используют. Представьте себе, в этой африканской аванюре Они в поисках «оптимальных вариантов» на вычислительных машинах потратили средств не меньше, чем на танки и самолеты, посланные туда. А зачем? Ведь решения были приняты заранее. Нет, Им нужно высоконаучное обоснование Их глупостей и подлостей!

Визит

высокой персоны

В пятницу на завтрак отдыхающим выдали по несколько штук черных икринок и по несколько штук красных икринок. И это привело их в возвышенно-праздничное состояние тела и духа. После завтрака нарядно одетая толпа с песнями направилась к воротам при въезде на территорию дома отдыха. Пели патриотические и довоенные песни. Ругали современную эстраду. Знаменитую «Катюшу» оралы сообща раз пять подряд. У ворот в ожидании гостя играли в «ручеек» и в «третий лишний». Членкорича усиленно кокетничала с Универсалом. Поклонник академика Николкина хватал Дамочку за ее выдающиеся формы и стремился всячески дискредитировать «нынешнюю молодежь». Добрая Девица липла к Мнс. Дамочка ревновала и испускала злобные взгляды. Универсал время от времени ходил блевать в кусты — вчера он сильно перепил на станции, сопровождая милицию, которая увозила Диссидента. Одним словом, было очень весело.

Наконец появилась заляпанная грязью «Волга» с высоким гостем и свитой. Отдыхающие сбились на обочине дороги, махая руками в знак приветствия. Машина остановилась. Из нее вышел тов. Сусликов, оглядел собравшихся мутными глазами, поднял руку, сказал «приветствую вас, дарахые таварышшы!». К нему устремился сам директор, за ним потрусили на полусогнутых шеф-повар и сестра-хозяйка с хлебом-солью и с ключом от коттеджа на красной подушечке. Товарищ Сусликов пожал руку директору, велел сунуть хлеб-соль и подушку с ключом в багажник, сел в машину. И все двинулись к дому отдыха. Впереди — заляпанная грязью «Волга», рядом с ней, держась правой ручкой за открытое окно машины, семеня директор, перехихикиваясь с пассажирами. За ними отдыхающие в соответствии с их учеными степенями и званиями и служебным положением. Сзади плелся зеленый от вчерашнего перепоя и с покусанными руками Универсал: вчера дорогой он пытался успокоить и погладить Диссидента, но тот не понял и не принял его добрых намерений.

— Слушайте, братцы, — сказал Старик, — за кого Они нас принимают? Что тут вообще происходит?

— Принимают Они нас за того, за кого следует, а именно — за идиотов и холуев, — сказал Инженер.

— А происходит типичный и вполне нормальный спектакль нашей коммунистической жизни, — сказал Кандидат. — Не придавайте этому значения. Пусть эти подонки потешатся. Главное — эти дни нас будут хорошо кормить.

Наш человек

После того как Универсал в привычных для него выражениях высказался о руководителях Партии и Правительства, Беззубая Докторица сказала, что он «не наш человек». Универсал обиделся и обозвал Докторицу неприличными словами. Та в свою очередь обиделась и решила подать на Универсала в суд «за оскорбление личности советского ученого». В конфликт вмешался коллектив, и враждующие стороны облобызались. Но возникла проблема: а что такое «наш человек»? С неофициальным докладом на эту тему выступил Мнс.

Человек — существо сложное, а наш человек — сверхсложное. Оно и понятно: он есть вершина развития всей мертвой, полумертвой, полуживой

и живой материи. Наш человек по одному и тому же вопросу способен иметь взаимоисключающие мнения, по одному и тому же поводу испытывать противоположные эмоции. Представляете: огорчительная радость и веселая тоска, протестующее согласие и одобряющее возражение, разоблачительная апологетика и восхваляющее издевательство... Разве можно нечто подобное предположить в животном мире и в человеках западных, т. е. в существах, стоящих на более низких ступенях эволюции?! Конечно, и на Западе можно встретить нечто похожее, причем — в изобилии. Но это означает лишь одно: наш человек есть явление интернациональное. Причем он способен на такое не в разное время и в разных отношениях, как ошибочно думают формальные логики, а в одно и то же время и в одном и том же отношении, как справедливо считают представители логики диалектической. Напоминаю фундаментальный постулат последней: истина лежит (почему, позвольте узнать, не стоит и не сидит?) не в «да» и не в «нет», а в «нет-да» и «да-нет». Помните спор Ленина с Бухариным по поводу стакана? Бухарин утверждал, что стакан в одном отношении есть сосуд для питья, а в другом отношении — орудие для битья собутыльника по морде... Прошу прощения, орудие для заколачивания гвоздей. Нет, — возразил ему Ленин с позиции логики диалектической, — стакан в то же самое время и в том же самом отношении есть сосуд для питья и орудие битья собутыльника по морде... Извиняюсь, орудие для забивания гвоздей. Почему? Да потому, что (вот чего не смог понять начетчик Бухарин) стакан со всех сторон есть школа коммунизма!

Вот он каков, наш человек! А попробуйте предсказать поведение его! Вот он поклялся вам, что ваш разговор с ним останется тайной. А на другой день растрепал ваш секрет по всему городу. Пообещав помочь, он тут же начинает копать вам яму. Начав бороться за разоружение, он удваивает производство оружия. Начав борьбу за освобождение пролетариата, он кончает тем, что насилует не только пролетариат, но даже ближайшего союзника — беднейшее крестьянство. А про интеллигентскую прослойку и говорить нечего. Или, к примеру, пошел наш человек за картошкой и сказал, что через полчаса вернется. Ждете час, два — нет его. Ждете третий — опять нет И не ждите. Он может вернуться через пятнадцать суток со стриженной головой из тюрьмы, куда он попал за мелкое хулиганство (повздорил, например, с пьяным продавцом из-за гнилой картошки). Но он может вернуться и через три часа. Счастливый. От злости выражающийся только матом. Оказывается, за углом выбросили бананы, и ему удалось ухватить килограмм. Зеленые, правда. Но не беда, в желудке нашего человека мигом дозреют. Короче говоря, с формальной логикой тут делать нечего. Тут нужна, повторяю вслед за классиками и доктором философских наук Барабановым, логика диалектицкая. А классики никогда не врут, хотя и ошибаются на каждом шагу. Или, скорее, никогда не ошибаются, хотя и врут на каждом шагу. Они ведь тоже наши люди.

Если наш человек таков, а он скорее всего именно таков, то почему он таков? — спросил Старик. Поговорим об этом в другой раз, — сказал Мис.

Затрапезный трёп — Все это нынешнее брожение умов есть результат двух причин. Первая причина связана с разоблачением сталинизма. Это — просто несколько запоздалая реакция на прошлое.

Вторая причина — влияние Запада. Книжки, фильмы, музыка, картины, моды, туристы оттуда, туристы туда. Регулярные передачи с Запада на нас. Ненаказуемые связи с иностранцами. Телефонные разговоры. Переписка. Недоценивать этот фактор нельзя.

— Сталинизм забыт. Новые поколения о нем почти ничего не знают. И не переживают так остро, когда что-то узнают.

— Тут сложнее. Тут — некая историческая инерция. Передача от прежних поколений новым некоторым настроений. Например, сомнений в идеалах, неверия, презрения к высшему руководству. И потом, я не могу согласиться, что молодежь не знает о сталинизме. Знает. И, может быть, больше, чем знали мы. А мы узнали больше, чем наши отцы.

— И влияние Запада не столь уж значительное. Оно локализовано Москвой и несколькими крупными городами.

— Тоже неверно. Ты много ездил по стране? А мне приходилось. Радио слушают везде. И длинные волосы везде носят. И бород там не меньше. И картинки рисуют не хуже московских неконформистов. И анекдоты те же самые.

— Но внутренние-то причины играют какую-то роль?

— Конечно. Недовольство плохой организацией дел. Цены растут. Привилегии. Произвол начальства местами. Это все общеизвестно. Но обрати внимание, чем заняты недовольные и критические умы и что вызывает внутреннее недовольство? Есть тут совпадение? Вот тебе поразительный пример. Школьная «реформа» (точнее — новая школьная политика) тебе известна. Ты думаешь, ею довольны? Нет, конечно. А как люди на нее реагируют? Они принимают ее как абсолютную справедливость. Думают лишь о том, как бы обойти ее (знакомства, взятки). Недовольство же вливается в некоторый уже заданный поток недовольства, в те формы брожения умов, о которых я уже говорил. Это же естественно. Между прочим, ненависть чехов к нам после того погрома в шестьдесят восьмом году выразилась, в частности, в том, что чешская хоккейная команда обыграла нашу с погромным счетом.

— Мы — страна неограниченных возможностей.

— Скорее — невозможностей.

— Одна из областей рапортовала Центральному Комитету и лично товарищу Брежневу, что она на пятнадцать минут раньше срока закончила уборку урожая. Вранье, конечно. Генсек на радости решил посетить область. Об этом пронюхало областное начальство. Мобилизовали все силы. И за каких-то два дня все-таки успели.

— Убрать урожай?!

— Нет, что вы! Успели запахать неубранный урожай.

— Видали объявление внизу? Готовьтесь. Скоро в клубе состоится обсуждение второй части воспоминаний Брежнева. В библиотеку завезли сто экземпляров книги. Тех, кто не явится, будут переписывать и сообщать по месту работы.

Из книги Твари Важнейшее место среди идеалов коммунизма занимают полное социальное равенство и свобода. Один из краеугольных социальных принципов этого общества — всеобщее фактическое равенство, означающее одинаковое отношение к средствам производства, равные условия труда, распределения, а также участия в управлении общественными делами, гармонию личности и общества на основе органического сочетания личных и общественных интересов.

Признание Мнс Каково? Смешно? Не стоит обращать внимания на бред полоумной старухи? Нет, это не бред сумасшедшего. Это — вполне серьезный продукт мощнейшего идеологического аппарата власти. Многие миллионы людей систематически пропускают это через свои мозги и отдают этому значительную часть своих сил и времени. И это оставляет неизгладимый след в их сознании. Думаете, верят в этот бред? Нет, как раз наоборот. Представьте себе такую картинку. У нас у всех отрастают от природы некие крылышки, а живем мы почему-то в болоте. И вот нам систематически подрезают эти крылышки, обещая при этом сказочный полет в будущем. Эффект такого обещания очевиден: он ориентирует нас на безнадежную болотную жизнь. Жизненный смысл бреда этой сумасшедшей старухи прост: марш в болото и не думайте о полете! Дело не в том, что такой бред сочиняет сумасшедшая старуха, а в том, что общество предоставило ей право сочинять такой бред и власть навязывать его миллионам сограждан. А я — помощник этой гнусной твари, выполняющей самую гнусную социальную функцию и вынуждающей меня на еще большую гнусность — на маскировку и облагораживание ее гнусности. В таком случае брось это дело. Что тебя заставляет быть соучастником гнусности? Корысть? Необходимость? Карьера? Ах, если бы это было так! Все дело в том, что мы с этой сумасшедшей старухой суть твари одной породы.

Но с другой стороны, тут все верно. Она говорит о «фактическом равенстве», и тут же истолковывает его как «одинаковое отношение к средствам производства, равные условия труда, распределения» и прочее. У нас у всех (у рабочих, директоров, младших сотрудников, академиков, профессоров и прочих) действительно одинаковое отношение к средствам производства в том смысле, что они не принадлежат никому из нас персонально. Как в армии генералы и солдаты не являются хозяевами пушек, пулеметов, автоматов. Но это не исключает их различного положения в обществе. Одинаковые условия труда и распределения не означают фактического равенства в трудовой деятельности и в доле продукта, что тоже очевидно. «Полное социальное равенство и свобода» при коммунизме суть лишь некоторые условия для неравенства и несвободы в другом плане, в котором нужны другие слова. Официальная идеология, давая фактам жизни свои названия и свою интерпретацию им, мешает заполнению сознания системой понятий, фиксирующей фактическое состояние общества без идеологической пелены. Вот в чем дело!

Задача хорошей идеологии — максимально сблизить эти две системы слов, сделать идеологическую пленку между сознанием и реальностью настоль-

ко тонкой и прозрачной, чтобы казалось, будто ее нет совсем. Но чтобы она оставалась. И в таком виде она будет много прочнее. Я знаю, как это следовало бы сделать. Я мог бы это сделать. Но должен быть кто-то, заинтересованный в этом.

Вспоминаю одну встречу наших институтских прохиндеев с иностранными философами. Речь шла о социальных контрастах на Западе и об отсутствии таковых у нас. Я переводил. Западные философы признали, что у них есть бедные и богатые. Тваржинская на это сказала (с пафосом, как всегда), что у нас все люди — богатые. Иностранцы удивились. И тогда я уточнил: Тваржинская хотела сказать, что у нас все одинаково богаты. Иностранцы засмеялись. Присутствовавший офицер КГБ, который свободно владел английским, сказал нашим прохиндеям, что я переводил точно, а почему смеялись иностранцы, он не понял. Эти дегенераты не поняли простой языковой операции, благодаря которой всех нищих можно представить как одинаково богатых, всегда голодных — как одинаково сытых, всех глупых — как одинаково умных.

Конечно, банда наших идиотов-идеологов постепенно сделает все то, что один способный человек мог бы сделать за несколько месяцев, причём — много лучше. А жаль...

Сталин 1924 год. Сталин с личной охраной и Дзержинский с двумя грузовиками чекистов подъезжают к Горкам, где отдыхает выздоравливающий Ленин. Не доезжая до дворца, чекисты выгружаются из машин и окружают усадьбу. Часть из них с пулеметами расположилась около шоссе. Распоряжается сам Дзержинский. Если хотя бы одна живая душа проникнет оттуда сюда или отсюда туда, расстреляю на месте, — говорит Дзержинский старшему чекисту и присоединяется к сопровождению Сталина. Сталинский кортеж подъезжает ко дворцу. Никто их не встречает, только собаки тявкают. Сталин со свитой направляется в здание. Охранник Ленина отдаёт ему честь. Дзержинский что-то говорит ему, тот отвечает «Есть!» и выходит на улицу. Его место занимает человек из сталинской охраны. Появляется Крупская, из двери столовой выглядывает испуганная кухарка.

Крупская (не здороваясь): Ильич устал после охоты, отдыхает. И к тому же он категорически запретил принимать Вас. Он возмущен Вашим поведением и намерен поставить вопрос на ближайшем заседании ЦК...

Сталин (отталкивая Крупскую): Феликс, побеседуй с ней, а я посоветуюсь с Ильичом.

Ленин (сидя за письменным столом, не оборачиваясь): Надя, что там за шум?! Я же просил не беспокоить меня.

Сталин: Это я, Учитель!

Ленин (резко обернувшись и вскочив из-за стола): Я Вас неоднократно просил не называть меня Учителем. Я не признаю Вас в качестве своего ученика.

Сталин: А кого Вы считаете своим учеником? Затрудняетесь? В том-то и дело. Я — единственный Ваш ученик, причём — верный и последовательный. Троцкий, Бухарин и прочие болтуны думают, что они сами с усами, сами

не глупее Ленина. Даже тогда, когда они говорят о Вас, они это используют лишь как повод поговорить о себе. Только я...

Ленин: Довольно! Я знаю цену Вашим комплиментам. За чем пожаловали? Прошу Вас короче, так как мне сегодня надо закончить статью о том, как реорганизовать...

Сталин: Не надо. Все, что нужно, мы dokonчим сами.

Ленин: Как прикажете Вас понимать?

Сталин: Я привез Вам решение Политбюро ЦК удовлетворить Вашу просьбу относительно яда.

Ленин (растерянно): Но эта просьба устарела. Я чувствую себя прекрасно и через несколько дней готов приступить к исполнению своих обязанностей.

Сталин: Это нам известно. Но дело не в этом. Решение в Политбюро ЦК принято единогласно, и оно должно быть неукоснительно выполнено. Этого требуют интересы революции.

Ленин (испуганно): Вы хотите сказать, что...

Сталин: Вот именно! Дорогой Учитель, будем говорить начистоту. Ваша роль в революции и в истории человечества вообще огромна, и я преклоняюсь перед Вами, как перед Богом. И я клянусь Вам, я заставлю всех людей относиться к Вам как к Богу. Но для этого Вам надо умереть.

Ленин (в ужасе): Да Вы в своем уме?! Вы отдаете себе отчет в том, что...

Сталин: Вполне. Мертвый Ленин важнее для революции, чем живой. Живой Ленин — один из демагогов, утративших чувство реальности, не понимающих того, что революция закончена, и на место трескучей фразы должна прийти прозаическая будничная работа. Мертвый Ленин — единственный, возвышающийся над всеми, бесконечно мудрый, все понимающий, все предвидевший. Дорогой Учитель, в стране давно наступила новая эпоха. Народ по горло сыт революцией. Ваша роль сыграна. Повторяю, роль великая. Но она уже сыграна. Пора покинуть сцену и уступить ее другим актерам. А Вы последние годы ведете себя как актер в плохом провинциальном театре, который, сыграв свою роль, вообразил себя незаменимым, не хочет уходить со сцены, учит других актеров, как нужно играть, и даже зрителей учит, как надо смотреть эту дурацкую игру. Партия не может больше допускать это. И потому...

Ленин (подбегая к двери и пытаясь открыть ее): Это — контрреволюционный переворот! Немедленно в Кремль! Немедленно собрать всех членов ЦК!..

Сталин: Поздно! Прощайте, дорогой Учитель! Клянусь Вам, Ваше имя будет жить и сиять вечно.

Сталин покидает кабинет Ленина. Ленин пытается выскочить вслед, но два чекиста вталкивают его обратно. Дверь закрывается.

Сталин (Дзержинскому): Этих двух убрать сейчас же, остальных потом. Обслуживающий персонал заменить полностью. А этой дуре скажи, что если пикнет, живьем зажарю на сковородке. И имя Ленина смешаю с грязью так, что за сто лет отчистить не сумеют. В конце концов, она же — коммунист. Должна же понять. Действуй!

Намеки врача Во время завтрака дежурная врачиха подошла к их столу, пошутила слегка и предложила Мнс зайти к ней в кабинет: она хочет его обследовать. Знаем мы эти «обследования», — сказал Инженер после ухода врачихи. Не ты первый, не ты последний. Но тебе, парень, здорово везет. Удовлеть ее повышенные сексуальные потребности разок-другой, и получишь дополнительное усиленное питание. Вполне законно и открыто. А мне и этого хватает, — сказал Мнс. Ну и дурак, — сказал Инженер. — С такими принципами карьеру никогда не сделаешь. Если удача сама идет в руки, хватай ее. Если ты ей подойдешь, в любое время сможешь приехать сюда без всякой путевки и получать отдельную палату. Я бы на твоём месте...

После завтрака Мнс принял душ, поменял белье, одел чистую рубашку и пошел в кабинет врачихи. Та встретила его в коротком халатике, который все время расстегивался то снизу, то сверху, обнажая нечто довольно соблазнительное. Обследуя Мнс, она все время прикасалась к нему выступающими частями своего тела (а она вся состояла из таких выступов). Осмотром она осталась довольна. Немного худощав, — задумчиво сказала она, задержав руку в области интересов урологии, — но если подкормить, из тебя хороший мужик выйдет. Кто за тобой дома смотрит? Мать? Жена? Никто? Тогда все ясно.

В это время в дверь постучали. Врачиха выругалась и вышла в коридор. Тут русским языком черным по белому сказано, — услышал он ее грубый голос, — что прием от и до. Ясно? Потом она заперла дверь и снова села рядом с Мнс. И у него осталась лишь одна возможность выйти отсюда. И он ее использовал. Только не надо мне выписывать дополнительное питание, — сказал он, одеваясь. Почему? — удивилась она. Как-то неудобно быть на особом положении, — сказал он. Ну и дурак, — сказала она. — С такими установками не проживешь. Ты, случаем, не диссидент? Вот и хорошо. А дополнительное питание выпишу. И будешь лопать, как миленький. Иначе на работу сообщим! На осмотры будешь приходить по таким дням... я тут тебе запишу время.

От прогулки с Дамочкой он на сей раз отказался, сославшись на головную боль. И как часто теперь у тебя будет болеть голова? — спросила она, ехидно усмехаясь. — Надеюсь, не каждый день. А то, что будешь получать усиленное питание, это хорошо. И не вздумай отказываться. Дают — бери, бьют — беги.

Наш человек Вы спрашиваете, почему наш человек таков? Да по той простой причине, что его мнения по вопросам абсолютно никакой роли не играют, а из эмоций, как говорится, даже подштанники не сошьешь. Он существует в таком разрезе бытия, в котором мнения, эмоции и намерения суть лишь пережитки прошлого, выжить с которыми в коммунистическом, почти коммунистическом, прокоммунистическом и прочих видах современного общества практически невозможно. Преимущества нашего человека перед всеми прочими состоят, подчеркиваю, не в том, что он имеет какие-то особые мнения, особые эмоции, особые цели и намерения, особые принципы, а в том, что он ничего подобного

вообще не имеет. Наш человек силен не наличием чего-то, а отсутствием такого наличия. Наличие можно потерять. Наличие может пострадать. Отсутствие же потерять нельзя. И повредить его невозможно. Вот в чем сила нашего человека.

Поясню свою мысль, предложив вам следующую модель. Возьмите любой кусок материи и начните постепенно изымать из него все, что в нем содержится. Но делайте это так, чтобы отсутствие изъятого кусочка было как-то обозначено. Чтобы потом всякий, взглянув на кусок пространства, который занимал взятый вами кусок материи, мог безошибочно указать, что и где лежало в нем до того, как вы все из него изъяли. Хитрая задача? Что поделаете. Наше время — время неразрешимых проблем. Так вот и с нашим человеком. Возьмите старого человека или остатки такового, чудом сохранившиеся на Западе. И начните из него изымать все качества, накопленные веками, но как-то обозначайте пустые места, чтобы заметно было, что именно изъято. Изъяли, например, смелость, надежность, честь, достоинство, мораль, добросовестность, доброту, оставьте в опустевшей душе особые метки, что тут-то и тут-то по идее должны были бы быть смелость, надежность, честь, достоинство, мораль и прочее, но куда-то испарились.

Что, вы спросите, останется в человеке после такой опустошающей операции? Думаете, ничего? Глубоко ошибаетесь! Остался интеллект. Слышите? Ин-тел-лект! Способность думать, говорить, ставить проблемы, обсуждать проблемы, обмениваться мнениями, опять говорить, не думая, говорить, обсуждать без проблем. Интеллект останется. А это куда важнее всего того хлама истории, от которого вы очистили его душу. И Боже упаси, если вы при этом плохо вычистите эту душу. Если в ней останутся кусочки изымаемых качеств, они начнут гнить в плохо очищенной душе, порождая душевное зловоние, подобно тому, как остатки пищи во рту разрушают зубы со всеми известными последствиями. У подавляющего большинства наших людей души хорошо очищены от скверных качеств прошлого, продезинфицированы, запломбированы, одеты в стальные, а у некоторых — в золотые коронки. Лишь у отдельных наших людей очистка проведена небрежно. И тогда возникают душевные сложности. Но на самом деле они суть некий кариес души, некое духовное зловоние, а не благоухание.

Такие хитроумные проблемы возникают для отдельно взятого нашего человека. Ну, а если их много? Если их миллионы, и они обречены жить совместно? Начните их теперь рассматривать с этой точки зрения, и вы заметите, что они начинают наполняться новыми качествами. Куда они втекают, эти качества, трудно определить. Ясно, что не в душу, ибо душа нашего человека должна пребывать в идеально чистом, запломбированном и прополосканном состоянии. Куда? Весьма возможно, что в некое подушие или задушие. Или куда-нибудь еще ниже. Или выше? В интеллект? Все может быть. Это уже дело ученых-естествоиспытателей, а не социологов и философов открыть места стечения упомянутых качеств. Я лично склоняюсь к тому, что именно необычайное развитие интеллекта общественного (идеология, наука, литература) обусловило развитие если не интел-

лекта, то чего-то другого, но тоже индивидуального и очень похожего на интеллект. Я в этом пункте прихожу в замешательство, ибо воочию вижу, что отъявленные невежды с этой точки зрения ничем не отличаются от эрудитов, глупцы — от умников, бездари — от талантов, косноязычные — от краснобаев, непрактичные — от расчетливых.

Письмо к Ней

Его ввели. Кто ты, Его спросили судьи.

Ответил: Тот, кого вы ждали, люди!

Презрев законы Бытия,

Я к вам сошел из мира света

В канон новейшего Завета

Облечь течение Жития.

Стечетесь вы из всяких мест,

Смясь: пришел мессия новый!

Сплетете вновь венец терновый,

Соорудите новый крест.

Ваш безрассудный этот смех

В моей душе тоску пробудит.

Воскликну я: Готовьтесь, люди!

Явился я судить вас всех.

Ночные разговоры — Меня поражает стремление человечества избавиться от всего естественно-биологического. Смотри! Мочой мы можем заполнить озера, а люди стремятся изобрести ее искусственно. Мясо биологически можно производить практически в неограниченных количествах. Кролики, куры. А мы тратим огромные средства, чтобы изобрести искусственные заменители мяса. Даже не в шутку думают о разведении людей в колбах. В чем тут дело?

— Стремление обрести независимость от породившей людей естественной биологической среды, заложенное в самом биологическом механизме человека. Возможно — инстинктивный страх прошлого или будущего биологического голода.

— Не думаю. По-моему, тут работает чисто социальный механизм. Просто все естественное неадекватно «новому человеку» и «новому обществу». Но главное — последствия. А они ужасны. Первой жертвой освобождения человечества из его естественно-биологического плена явилась Душа. Души мы лишились. И — кажется — на веки вечные. На очереди теперь Чувства. Еще немного, каких-нибудь несколько поколений, и нам на смену придут разумные, но бесчувственные твари. Чисто интеллектуальное любопытство и холодный расчет заменят все наши человеческие слабости. Я этого принять не могу даже ценой десятков тысяч лет жизни.

Визит Как и предсказал Кандидат, кормили эти дни отменно. На обед дали рассольник, вареную курицу с рисом и мусс (!!). Универсал, ненавидевший все желеобразное и трясущееся, сначала брезгливо

отодвинул мусс, потом все-таки пододвинул обратно и проглотил, закрыв глаза и не разжевывая. По такому случаю, — сказал он, — могли бы дать чего-нибудь покрепче. Покрепче будет вечером, — сказала дежурная врачиха в белоснежном халате, в который с трудом вмещались ее богатые формы.

Высокому гостю и его свите специально приготовленный обед доставили в коттедж. Гость ел много, а пил еще больше. Через полчаса он уже лыка не вязал. Фужер с «Крымским шампанским» выпал у него из рук, вино залило скатерть, и гость заснул. Директор и главврач бережно отвели его в спальню и оставили наедине с секретаршей вице-президента Леночкой. Юра разыскал Универсала. Допив все то, что еще оставалось на столе, они отправились промышлять насчет «девочек». Мне полные блондинки надоели, — сказал Юра. — Сейчас в моде стройные брюнетки. Еврейки, что ли? — спросил Универсал. — Так у них зады потолще, чем у наших баб. Ладно, так и быть. Будет тебе стройная брюнетка. Только вот насчет возраста... Не играет роли, — сказал Юра.

Вечером в честь прибытия высокого гостя вместо ужина устроили своеобразный банкет. Выдали на четверых бутылку дешевого вина. Сдвинули столы. Гость выступил с речью. Обрисовал перспективы санаторно-курортного строительства (он так и сказал: строительства) в этой пятилетке и в последующие пятьдесят лет. Когда он сказал, что Партия и Правительство будут добиваться увеличения числа человеко-коек в домах отдыха на тридцать процентов, отдыхающие встали и устроили бурную овацию. С ответной речью выступила Членкорица. Она долго и нудно говорила о мудрой национальной политике Партии. До революции, — сказала она, — мой народ был совершенно безграмотен. А теперь имеет свою Академию наук, в которой уже пятьсот полных академиков и тысяча членов-корреспондентов. По числу же докторов наук республика уже превзошла Англию... Членкорица речь докончить не успела, так как высокого гостя начало мутить, и его срочно отволокли в коттедж. Юра стал приставать к девочкам Студентов. Те сказали ему, чтобы он отстал, иначе они набьют ему морду. Тогда Юра предъявил им удостоверение. В ответ Студенты послали его на... и сказали, что им наплевать на него и представляемую им организацию. Это произвело на Юру благоприятное впечатление. Он уговорил Студентов с их девочками и Универсала с его бабами отправиться в его комнату и продолжить приятную беседу.

Сталин Приемная Сталина в Кремле. Вдоль стен вытянувшись стоят ожидающие приема. Среди них Ворошилов, Молотов, Калинин, Каменев, Бухарин и многие другие известные лица. Входит Сталин.

Сталин: Товарищи! Положение Ильича безнадежно. Надо быть готовыми к худшему. Надо подготовить партию и народ встретить тяжелую утрату без паники, мужественно. Надо убедить всех в том, что существует ленинский ЦК, единый и монолитный. Пусть сама ленинская смерть послужит могучим фактором укрепления партии и сплочения вокруг нее всего населения страны. Надо, чтобы все видные руководители партии и государства присутствовали в эти дни в Москве. Сообщили ли Троцкому?..

Бухарин: Да, товарищ¹ Сталин. Но он ответил, что он устал и не может прервать отдых.

Возгласы негодования среди собравшихся: «Вот негодяй!», «В этом весь Троцкий!», «Он сошел с ума!», «Он воображает, что Партия на коленях будет упрашивать его!». Сталин поднимает руку. Все смолкают, подобострастно смотрят на него.

Сталин: Предлагаю создать специальную комиссию, которая должна вынести компетентное заключение о ходе болезни товарища Ленина. Затем, как это ни печально произносить, надо создать комиссию по организации и проведению похорон товарища Ленина. Прошу вас, товарищи, обсудить эти вопросы без меня.

Все уходит тихо. Остались Сталин и секретарь. Сталин пристально смотрит на секретаря. Тот выдерживает взгляд Сталина. Сталин усмехается. Секретарь радостно улыбается. Они понимают друг друга.

Сталин: Так значит товарищ Троцкий отдыхает. Ну что же. Пусть товарищ Троцкий набирается сил и здоровья. А мы будем работать. Мы будем отдыхать потом, после смерти.

Раздается телефонный звонок. Секретарь снимает трубку. Слушает. Лицо его бледнеет. Трубка выпадает из рук.

Секретарь: Свершилось! Ильича больше нет!

Сталин: Пишите! Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам как зеницу ока хранить единство нашей партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним эту твою заповедь. Уходя от нас...

Старые друзья В этот момент явились старые друзья.

— Я вас не звал, — сказал он.

— А мы всегда являемся незваными! — закричали они.

— Вы мне мешаете.

— А в этом и состоит наша роль, — сказал Железный Феликс. — Обо мне ты словечко замолвил, спасибо. Но мало. И неверно: я же никогда не был холуем Сталина.

— Был, — спокойно сказал Сталин.

— Нет, не был! — сказал Железный Феликс. — И поэтому ты меня тоже убрал. Ты думаешь, я тогда не догадался, каким это «старым грузинским вином» ты меня угощал?

— Это мелочи, — сказал Маркс. — Я есть всему первоисточник, а обо мне он не упомянул даже! Я возмущен!

— И правильно сделал, — сказал Ленин. — Это была наша, русская революция. И ты тут совсем ни при чем. И если мы действовали от твоего имени, так это была дань русскому холуйству перед Западом. Мы и без тебя могли бы все сделать. И даже лучше.

— Ильич прав, — сказал Сталин.

— Но и у меня есть к нему претензии, — сказал Ленин. — Он грубо искажил мою личность и мою роль.

— И правильно сделал, — сказал Сталин. — Без искажения нет истины. К тому же есть глубинное русло истории и поверхностная пена...

— Знаем, — сказал Ленин, — слышали! История и есть пена. В истории нет никаких глубин, есть лишь одна пена.

— Какой вздор! — сказал Маркс. — А еще моими учениками считаются!

— Что с ними делать? — спросил Железный Феликс.

— Убрать всех, — сказал Сталин. — Ты (обращаясь к Мнс) на верном пути, мой мальчик! Ты становишься цельной личностью. А это — болезненный процесс. Приходится многим жертвовать, многое отсекать. Продолжай в том же духе! А этим крикунам я сумею заткнуть глотку! Между прочим, мои работы я писал все-таки сам. Очень прошу тебя, оставь их за мной, не отдавай этому мерзавцу Петину. А работу «О диалектическом и историческом материализме» я считаю самым значительным делом моей жизни.

Наш человек Рассмотрим такой воображаемый пример. Он, конечно, не такой уж и воображаемый, поскольку вы сами наблюдали множество аналогичных примеров в действительности. Он воображаем для вас, поскольку вы сами, разумеется, не позволите себе ничего подобного. Хотя бы потому, что вы не собираетесь быть чемпионом по штанге, а пример будет именно с нею. Так вот, вообразите себе, что вы — штангист, готовитесь к чемпионату и жмете вес, превышающий мировой рекорд на целых полтора килограмма. И вдруг вы узнали, что есть человечек (вот негодяй!), который может выжать килограмм на пятьдесят больше. И вы имеете возможность помешать этому человечку (опять-таки, ах, какой мерзавец этот человечек!) выжать этот немислимый вес, причем — помешать так, что никто об этом не узнает. Вы — наш человек. Перед вами выбор: либо шанс установить рекорд, стать чемпионом, получить славу, деньги и прочее, помешав этому негодяю-человечку; либо лишиться всего этого, но дать возможность (а это зависит от вас!) прийти в спорт новому выдающемуся спортсмену. Вы, повторяю, наш человек. Что вы предпочтете? Очевидно! Хотя вы и спортсмен, т. е. имеете мозг, немногим превосходящий мозг таракана и дождевого червя, но на это-то у вас ума хватит. Более того, если даже ваша роль станет так или иначе известной, ваши коллеги вас не осудят, ибо они соизмеримы с вами, они жмут штангу примерно в том же весе и способны конкурировать с вами. А если бы тот человечек проскочил, он свел бы все их усилия на нет, отодвинув их всех в заурядные спортсмены. Есть, скажете, тренеры и зрители, есть престиж нашего спорта. Есть. Но вы-то не тренер и не зритель. И не глава государства. Будь вы таковым, у вас были бы иные проблемы. Пока вы штангист. Пока вы стоите перед тем самым выбором.

Как поступите вы как наш человек, ясно заранее. Но тут есть еще один аспект, и не менее важный, чем приведенный выше: вы должны совершить упомянутую подлость, пройдя через пустоты своей души, т. е. представив свою подлость для себя и других как проявление доброты, честности, великодушия и прочих замечательных качеств, которыми, если верить газетам и журналам (и нашим писателям), наш человек наделен в высшей степени. Можете себе представить, что было бы с вами, если

бы в вашей душе завалились остатки упомянутых качеств, как остатки пищи между загнивающими зубами?! Конечно, сплошное душевное зловоние. А вам надо лишних полтора килограмма поднять, и зловоние это вам помешает. Теперь вам ясно, что к чему?

Этот воображаемый пример — самый простой. Наш человек обычно живет в ситуации неизмеримо более сложной. И проблемы перед ним возникают куда более запутанные. Наш человек обычно не штангу жмет, а статейки пописывает, картинки рисует, роли играет, указания дает, речи произносит, квартиру выбивает, путевку выколачивает, детишек в институт пропихивает и делает многое другое такое, в чем другой человек-негодяй проявляется не столь очевидно, не в одиночку и не столь уж беззащитно. И тут, должен я сказать, наш человек не идет ни в какое сравнение с человеком прошлого и остатками такового на Западе. Тут вы нашему человеку хоть голову отрежьте, а он все равно поступит правильно. Вот почему у меня возникло сомнение насчет места стечения упомянутых выше качеств человека нашего общества.

Визит На другой день высокий гость осматривал дачи академиков и окрестности. Директор таскал за ним раскладной стул, на который гость время от времени присаживался, а Юра — бутылку с армянским коньяком, к которой гость время от времени прикладывался. На сухом пригорке над ручьем гость встретил группу отдыхающих и вступил с ними в дружескую беседу. Говорили о «летающих тарелках». Мы считаем, — сказал гость на прощание, — что в этом вопросе еще надо разобраться. Тут, конечно, есть много такого, что нам не подходит, но кое-что заслуживает. После ухода высокого гостя (он двинулся по направлению к своей резиденции) отдыхающие продолжили дискуссию о «тарелках». Универсал сказал, что эти «летающие тарелки» у него вызывают одно принципиальное возражение: изо всех восьмидесяти тысяч свидетельств очевидцев ни одно не принадлежит пьяному. Ну, а если уж никто в пьяном виде не видал этих «тарелок», то их невозможно увидеть и в трезвом состоянии. И, значит, их вообще нет. Инженер сказал, что его смущает другое, а именно — что эти гуманоиды похожи обычно на местных жителей и говорят на местном наречии. Старик сказал, что его смущают утверждения наших ученых, будто эти гуманоиды построили у себя полный коммунизм. Если бы это было действительно так, то они давно засорили бы всю нашу планету изображениями своих вождей, насадили бы везде своих надсмотрщиков, разгромили бы капитализм и навязали бы нам свое сверхмарксистское учение. Мнс сказал, что если бы у них был коммунизм, то им, во-первых, незачем было бы лететь к нам, так как у них всего было бы вволю, и, во-вторых, не на чем было бы лететь к нам, так как... в общем, сами понимаете, почему.

Вечером снова был банкет в честь пребывания высокого гостя. На сей раз с отдыхающих собрали по пятерке на вино, включив сюда и траты на вчерашнюю выпивку. На банкете обстоятельный доклад зачитал директор, в коем рассказал высокому гостю о том, как претворяются в жизнь в доме отдыха решения февральского совещания санаторно-курортного отдела

и личные указания товарища Сусликова. Последний в конце речи директора упал со стула. Его унесли в опочивальню. Отдыхающим объявили, что тов. Сусликов «устали и переутомились с дороги». Юра так часто совал всем в рожу свое удостоверение сотрудника КГБ, что в конце концов потерял его. Универсал помог Леночке раздеть высокого гостя и уложить его в... туалете, а сами они предались любви на шикарной двухспальной кровати, покрытой красным шелковым покрывалом.

Затрапезный трёп Русский народ не имеет в себе внутренних опор, и потому он бесформен. Вот, например, в компании идет такой разговор.

— Евреи уезжают. Теперь немцы начали рыпаться. А там, глядишь, и наш брат — русский захочет уехать. Так ведь все могут разбежаться.

— А на каком основании мы их должны выпускать?

— Кто «мы»?

— Государство. Человек есть все-таки ценность для государства. Рабочие руки. Головы. И для обороны.

— Но они же люди. У них есть свои желания.

— Мало ли кто чего захочет. Мы живем, не рыпаемся. А чем они лучше нас?!

Через несколько минут те же люди говорят следующее.

— Что они там, на Западе, распинаются перед нашими руководителями?!

Противно смотреть.

— Боятся.

— И не понимают еще, что такое настоящий коммунизм. Вот когда Генеральный Секретарь ихней компартии станет во главе государства, когда он придет к нам с визитом, прихватив с собой несколько вагонов роскошной жратвы и древних вин, конечно, с бандой своих холуев, а они, рядовые граждане, будут носиться по магазинам в поисках гнилой картошки и тухлого мяса, тогда поймут.

— Или в наших лагерях в Сибири будут подыхать.

— Вот распоясались, мерзавцы. Сталин себе такого не позволял, надо отдать ему должное в этом.

— Хотите анекдот? На восемнадцатом съезде комсомола Брежнев закончил речь, снял брови, поместил их на место усов и сказал: «Пашутылы, и хыватыт!»

И еще через несколько минут те же самые люди говорят следующее.

— И что им не жилось, этим Сахаровым, Григоренкам и прочим? Чины, звания, награды. Квартиры, дачи. Все было.

— Рехнулись.

— Славы мировой захотелось.

— Никакого чувства ответственности перед страной.

— Полное непонимание законов общественного развития и международной ситуации.

— Объективно, конечно, они встали на путь предательства родины.

— Откровенно говоря, «Архипелаг» Солженицына во многом дает искаженную картину.

— Конечно, он тенденциозно подбирал факты. И истолковывал все односторонне.

— А эта его затея создать подлинную историю русской революции просто нелепа.

— Его метод в корне порочен. Он все время хочет доказать недоказуемое: мол, если бы в таком-то пункте тот-то (царь, Керенский) сделал бы то-то, революции не было бы.

О, Боже, — думает Мнс, — какая же вы мразь. Чтобы система из таких надежных элементов, как мы, была устойчивой, нужен твердый каркас власти. Иного пути для нас в принципе не существует. И хватит думать об этом. Все ясно. Вот сделаю книгу этой суке. Защищу диссертацию. Прoberусь в кандидаты. В партию, конечно, вступлю. Куплю квартиру в кооперативе. Женюсь. Детей разведу. Пару, не больше. Чего еще нужно?! Ишь, чего захотел! — хихикает внутренний голос.

*Не быть тебе, брат, кандидатом,
На партсобраньях не скучать.
По юбилейным важным датам
Наград, увы, не получать.
Насчет тепла перин из пуха
Твои мечтания вотще.
Не зреть, как собственного уха,
Домашних настоящих щей.
Не пережить такого факта,
Когда детишки подрастут.
Не слечь в больницу от инфаркта,
Ища им дырку в институт.
Хотя и слеplen ты из теста
Борцов, творцов и стукачей,
Таких на каждо свято место
Найдется сотня ловкачей.
Один дефект тебе к тому же
Засунул в гены кто-то встарь:
Хотя ты есть холуй снаружи,
Но про себя-то ты бунтарь.*

Ночные разговоры — Я все на свете передумал, — говорит Новый Друг. —

Не сочти это за приспособленчество, но я пришел к выводу, что этот социальный строй наилучший. И он наш. Именно от этого нам плохо. Мы в глубине души не хотим ничего иного, но многое в нашей жизни нам омерзительно. А избавиться от этой омерзительности невозможно, ибо она есть неизбежная часть нашего добра. Возьми, например, отношение людей такого рода, как мы...

— Ты старший...

— Ну и что? Все равно рядовой. Денег побольше. И посвободнее. А так — то же самое. Так вот, отношение таких рядовых, как мы, к начальству. К заведующему сектором, отделом. К директору. Мы ведь

можем и поспорить. И покричать. Даже дверью хлопнуть. Погрозить. И по душам потолковать. И вместе выпить. Мыслимо ли нечто подобное на Западе? Мы можем скалтурировать, схитрить. Сравнительно с аналогичными работами на Западе мы живем как у Христа за пазухой. Ведь факт? Получаем меньше? Конечно. Но ведь минимум-то мы имеем. Жратва плохая, но дешевая. Жилье плохое, но почти задаром. Вот мы с тобой тут загораем. Сколько ты заплатил? Вот видишь!

— У меня задание. На одну стерву ишачу.

— У меня тоже. Но какое это имеет значение? Все-таки лучше ишачить тут, чем в институте. А знаешь, сколько таких гавриков по стране?!

— Ну и что ты хочешь этим сказать?!

— До революции мы отставали от Запада. И что бы там ни говорили думающие «мальчики» тех времен, подспудно они мечтали догнать Запад. А теперь? Разве мы мечтаем завести у нас тут Запад? Ни в коем случае. Мы хотим лишь некоторые плюсы Запада перенести сюда, сохранив суть нашего строя, сохранив все наши плюсы. Хотим избежать наших минусов. Мы хотим невозможного, ибо западные плюсы невозможны без западных минусов, а наши плюсы невозможны без наших минусов. И западные плюсы несомнимы с нашими минусами.

— И что из этого следует?

— Надо искать внутренние источники для самоусовершенствования, соответствующие нашей натуре и истории. Подумай, почему мы так много говорим о Западе, сравниваем нас с Западом, ссылаемся на Запад? Что мы знаем о Западе? Что мы пережили там? Практически ничего. Мысль о Западе играет в нашей жизни отнюдь не роль образца для подражания и реальной возможности развития общества. Это есть лишь один из приемов общественного самопознания и самосознания. Чтобы осознать и познать себя, мы по законам самопознания должны противопоставить себя чему-то другому, с какой-то точки зрения противоположному нам. Вот мы и воображаем некий Запад. А на Западе с той же целью воображают нечто иное. Для многих аналогичную роль играем мы. Тяга к коммунизму на Западе отчасти объясняется и этим законом. Запад не есть для нас реальный способ решения наших проблем, как коммунизм не есть реальный способ решения проблем Запада. Здесь чисто идеологический процесс накладывается на реальную историю, но ни в коем случае не совпадает с ней и не дает ей некоего истинного отражения.

— Ты, возможно, прав. Но очень уж это заузно.

— Это очень просто. Фактическое соотношение идей и реальности куда более сложное. Только никто не хочет в нем разобраться.

— Вот ты и разберись.

— Пустое дело. Все равно никто не будет слушать. Чем глубже я понимаю, тем меньше шансов у меня быть понятым.

Окончание визита В воскресенье был банкет в честь отбытия высокого гостя. Опять собрали по трешке с отдыхающих. Это вызвало сильное раздражение у непыющих. Но они проявили достаточно высокий идейно-политический уровень, по тройку внесли и свою положенную

за это долю скушали. На сей раз гость явился в «полной форме», т. е. без посторонней поддержки, шутил с дамами и с Членкорицей, в опочивальню тоже ушел на своих двоих, поддерживаемый Юрой и Универсалом, который на время визита стал главным собутыльником-адьютантом гостя.

В понедельник после завтрака состоялся проводы. Гость сказал на прощание, что он доволен встречей, что считает дом отдыха в полном порядке, что будет ставить вопрос о присуждении дому отдыха Переходящего Красного Знамени в предъюбилейном социалистическом соревновании за звание лучшего оздоровительного учреждения подмосковного региона, что... Машина тронулась. Отдыхающие стройными рядами проводили ее до парадных ворот. Когда машина скрылась из виду, со стороны станции показалась быстро движущаяся точка. Скоро отдыхающие узнали ее: это был пес Диссидент, каким-то чудом удравший из милиции. На обед отдыхающим дали картофельный суп без мяса, пшеничную кашу и компот из сухофруктов. Из коттеджа, в котором пребывал товарищ Сусликов, досрочно выпущенный на свободу истопник вывез на тачке несколько десятков бутылок. На сданные бутылки он упился и всю ночь орал попеременно блатные и революционные песни, особенно часто повторяя «Сижу за решеткой» и «А мне, мальчишке, в эту пору цепями ногу закуют».

Во вторник с утра Беззубая Докторица бегала по палатам, собирая подписи под письмом трудящихся в Президиум Академии наук СССР с просьбой убрать истопника из дома отдыха как пьяницу, хулигана и антисоветчика. Пополз слух, что истопник есть личный агент академика Сахарова. Кандидат сказал, что надо диссидентские разговорчики кончать, иначе директор прикажет ввести танки.

Перед обедом заметили, что кто-то прижег сигаретой глаз Брежневу на фотографии в старой «Правде», трепыхавшейся от свежего ветерка на стенде перед столовой. Картина получилась страшная и смешная одновременно. Снимите это безобразие, — сказала Беззубая Докторица. Это плохо кончится, — сказала Членкорица. Весь ужас состоит в том, — сказал Старик, — что наши ужасы выглядят в конечном счете комично. Если хотите, я расскажу один забавный случай, который произошел... Лучше после обеда, — сказал Мнс.

Молодящийся доктор Целую неделю Молодящийся Доктор держался, соблазняет официантку изображая из себя высоко нравственную личность и осуждая «нынешнюю молодежь» за распушенность. Но не устоял и начал операцию по соблазнению молоденькой и довольно миленькой официантки. Первым делом он стал тщательно бриться и закрывать лысину реденькими липкими волосиками с затылка, разделся в пух и прах, наодеколонился до дошнотворности и стал бросать на Официантку совершенно недвусмысленно явно двусмысленные взгляды, внимательно разглядывать ее ножки и волнующие движения, нахально заглядывать за лифчик, когда она ставила тарелки с супом на стол. И стал отпускать дурацкие шуточки и делать всяческие намеки. Сидевшая с ним за одним столом Беззубая Докторица заметила по сему поводу, кокетливо улыбаясь, что Пушкин был явно прав, когда в своем бессмертном и т. д. творении... Вы знаете, конечно, что я имею в виду!.. сказал, что... э-э-э...

как бы это выразиться!.. любви все возрасты, можно сказать, покорны. Членкорница, сидевшая за тем же столом напротив Доктора, сказала, что девка — ничего особенного. Дура необразованная. И явно потаскуха.

Потом Доктор поперся на танцы. И танцевал, конечно, с ней. Танцевал, отключив плоский зад, закинув назад дурацкую лысую голову и цитируя Данте, Шекспира, Камю и всех прочих. После танцев он проводил Официантку до дома и сидел с ней до полуночи на лавочке, рассказывая ей о том, какой он крупный ученый, как трудно в наше время талантливому человеку пробиться сквозь массу бездарей и консерваторов, как мало он уделял времени и сил на личную жизнь, отдаваясь целиком науке, какая у него скверная и неверная жена.

Всю эту ночь Доктор не спал от возбуждения. Он думал. Ничего девочка, — думал он. — Миленькая. Фигуристая. Глупенькая, конечно. Простушка. Но это и хорошо. Такую легче «обработать». А там — будь что будет. Конечно, в партбюро напишут. Выговор могут закатить. Плевать! Игра стоит свеч. За границу я пока не собираюсь. А с должности из-за такого пустяка не снимут. А среди сослуживцев даже укрепитесь авторитет. Меня тюфяком считают, хи-хи-хи. А я вон какую фемину обработал! Жена... С этим давно пора кончать. Ребята взрослые. В моем положении не такая жена нужна. Конечно, Официантка для этого не годится. Глупа. И необразована. Лучше из аспиранток подобрать. Хотя аспирантки — не то. Они все уже себе на уме. Да и потасканы уже основательно. А тут — свеженькая девочка...

Доктор был прав, думая, что Официантка глупа. Но ошибался, думая, что она — простушка. Она была хитра и расчетлива. И главное — имела твердо намеченную цель. У нее уже был образец. Ее подружка таким образом охмурила пожилого профессора. Тот устроил ее на работу в Москве, снимает ей комнату. Одел ее, как куколку. А она живет припеваючи. Нашла жениха — хорошего парня с квартирой. Счастливая! Нет, из этой «дыры» надо бежать любыми путями. С ее красотой (как думала она сама) глупо пропадать на этой отвратной работе за шестьдесят рублей.

На другой день Доктор подарил ей дешевые духи и шарфик, купленные в местном киоске. Она сказала, что это — первые подарки в ее жизни. Осмелев, Доктор пригласил ее к себе в палату после ужина «на бутылку доброго вина». Вино она пила с удовольствием, но разум не теряла. Она позволила Доктору делать с собой многое, кроме главного, доведя того до белого каления. Он клялся ей в вечной любви, становился на колени, плакал, обещал все на свете, умоляя позволить ему сделать это главное. Он гарантировал, что не будет никаких вредных последствий. И пробовал применить силу, но безуспешно: она без особых усилий скрутила ему дряблые пухлые ручки и категорически заявила, что она не такая, как прочие.

В доме отдыха уже все заметили, что Официантка подцепила Доктора. Слегка позлословили, но отнеслись к этому как к должному. Это был далеко не первый случай. И в конце концов Доктор не мальчик, а она — совершеннолетняя. Через пару дней она осталась у Доктора ночевать. Но и на сей раз у него ничего не вышло. А она рассказывала ему о своей

знакомой, которая «дружила» с пожилым профессором, который устроил ее на работу в Москве и снял ей комнату. И даже собирается жениться. В конце концов, — думал Доктор, — а почему бы и нет? Она не такая уж глупая. По крайней мере — честная и, судя по всему, надежная. А умная жена ни к чему. Ума у него своего хватит. Одна умная жена у него уже была (он уже думал «была», а не «есть»), и она испортила ему всю жизнь. И Доктор, отчаявшись добиться своего посредством своего мужского природного обаяния, пообещал ей вытащить ее в Москву, устроить в хорошее место, развестись с женой. Под утро он уснул, измученный неудачей и обессиленный безуспешными попытками. Он не знал, что он — не первый, что в каждом заезде она находила пожилого доктора или профессора, на худой конец — кандидата или доцента, который обещал ей таким же образом вытащить в Москву, дарил ей дешевые духи и распивал с ней бутылку «сладкого» вина. А она все еще надеялась, что такой пожилой «дядечка» найдется, и в жизни ее наступит коренной перелом. И хранила свою чистоту для этого прекрасного светлого будущего.

Из книги Твари Исчезновение социальных различий при коммунизме ни в коем случае не означает нивелировки индивидуальностей, унификации человеческих способностей и характеров. Коммунизм не казарма, населенная безликими фигурами. Таким общество будущего могут изображать только неисправимые вульгаризаторы или заведомые клеветники. В действительности это общество раскрывает безграничный, никогда в прошлом не существовавший простор для расцвета человеческой индивидуальности во всем ее многообразии.

Секретная стройка Километрах в десяти от дома отдыха, в самом живописном месте района (холмы, роши, озера, речка и множество ручейков) расположена запретная зона, а в ней — секретная стройка. В первый же день отдыхающих предупредили, чтобы они в том направлении гулять не ходили во избежание недоразумений. В прошлом году, — сообщили им под большим секретом, — молодая пара не послушалась предупреждения и подлезла под колючую проволоку с намерением искупаться в озере. Там сначала на них напали сторожевые собаки. И не овчарки какие-нибудь, а московские сторожевые. А потом... Короче говоря, отдыхающим, родственникам и сослуживцам сообщили, что парочка утонула в озере. Трупы, однако, выдали в закрытых гробах, и специальные люди вплоть до крематория следили за тем, чтобы никто не предпринимал попытки открывать их. Из-за холмов и леса стройка вообще была не видна. Только с одного места, а именно — со стороны реки, можно было увидеть несколько приземистых серых зданий без окон. Стройка сама занимала по всей видимости большую территорию. Но еще вдвое большая территория вокруг была испорчена подъездными путями, свалками, карьерами. На месте брошенных карьеров образовались пруды с мутной водой, которые местные жители (в основном — ребятишки) использовали для купания вместо недоступных теперь естественных озер. Рыба в речке почему-то пропала. Исчезли даже раки, водившиеся тут в изобилии.

Вдоль реки через каждые двести—триста метров врыли столбы со щитами, на которых огромными черными буквами было написано: «Купаться строго воспрещается!» Насчет стройки сначала ходили всяческие слухи: будто это будет сверхмощная атомная электростанция, хранилище атомных бомб, ракетная установка... Упорно ходил слух, будто это будет подземное правительственное убежище от атомных бомб. Однажды в округе появились тучи молодых людей, по виду которых можно было безошибочно судить об их профессии, побеседовали с «распространителями слухов», и слухи прекратились. Но они прекратились бы и без этих молодых людей, — местное население привыкло к запретной зоне как к неизбежному явлению природы, а для слухов появились более интересные темы и поводы — в Афонии ограбили магазин, в Языкове пьяный тракторист свалился под гусеницы своего же трактора, в Панютине дочка бригадира родила черного мальчика...

Но отдыхающие, несмотря на предупреждения, ходили гулять в направлении запретной зоны, чтобы своими глазами убедиться в существовании заграждения из колючей проволоки в два ряда и посмотреть на московских сторожевых, которые по размерам и по злобности превосходили всех собак мира. Дойдя до проволочного заграждения и пройдя вдоль восточного периметра, группа в составе Мнс, Старика, Кандидата, Инженера и прочих натолкнулась на солдат с автоматами, которые посоветовали им «убираться отсюда подальше». Вот вам еще одна проблема для социологического исследования, — сказал Мнс. — В обществе существует гигантская сеть секретных учреждений, сооружений, должностей, каналов связи, складов. И никто не знает реальных масштабов и роли этой сети. А, возникнув, она стала постоянным и очень важным элементом структуры общества. Чтобы попасть в эту сеть, люди проходят особый отбор и проверку. Функционируя в ней, они вырабатывают в себе особый тип психологии. Какими бы незначительными ни были их привилегии, они психологически образуют особый доверенный слой и надежный оплот власти. В этих запретных зонах, секретных сооружениях, «почтовых ящиках» и других явлениях того же рода заключен глубокий социальный смысл — расколоть общество на особую часть приобщенных и посвященных и прочую часть. Первая часть намертво прикована к аппарату власти всякого рода привилегиями, обязательствами, подписками, клятвами. Вы правы, — сказал Старик. — Раньше это тоже было, но не в таких масштабах. По моим наблюдениям, это секретное подбщество теперь не уступает обычному, а может быть, уже и превосходит его кое в чем. Я не думаю, чтобы это секретное общество принципиально отличалось от обычного, — сказал Кандидат. — В него же входят те же самые, обычные наши люди. Верно, — сказал Мнс. — Но ведь и начальники наши, включая высших руководителей, суть обычные наши люди. А что получается в результате дифференциации людей в этом плане? Важно здесь то, что общество дифференцируется, происходит противопоставление разделившихся частей, и обычные наши люди начинают выполнять не совсем обычные социальные функции. Вот эти, например, обычные солдаты в силу их необычного положения могут испортить нам отдых, а то и устроить кое-что похуже.

Размышления в одиночестве Иногда Мне удавалось ускользнуть от прочих отдыхающих и побродить в одиночестве в поле и в лесу. Странно, — думал он, — хотя мы ощущаем себя одинокими, а скрыться от людей почти невозможно. В одиночестве мы менее одиноки, чем в коллективе. В одиночестве мы — нечто цельное, в коллективе же мы лишь частички целого. Коллектив опустошает, высасывает из нас все, что мы накапливаем в себе вне его. Интересная проблема. И вообще, сколько прекрасных тем и материала для размышлений, а люди забывают свои головы всякими пустяками. Вот этот дом отдыха. Чем не модель для решения теоретических проблем коммунизма?! Вообразим себе дом отдыха даже более высокого уровня, чем этот. Это несложно, ибо таковые есть на самом деле, и многие из нас в них бывали. Пусть и наш будет таким. Пусть будет хорошая еда на выбор, каждому отдельная комната, чудная природа, свободный распорядок дня, разнообразный контингент отдыхающих (на все вкусы). Изменится ли наша жизнь здесь в принципе? Мы по опыту знаем, что нет. И теоретически рассуждая, не должна измениться. Что придает смысл нашей призрачной жизни здесь? Исключительно наша реальная жизнь там, до этого дома отдыха и за его пределами. Уничтожьте ее, т. е. заключите нас на очень длительный срок или насовсем в такие условия и посмотрите, что из этого получится. Согласно легенде люди будут трудиться, участвовать в управлении, воспитывать детей и друг друга. Верно. Но согласно легенде это все не играет роли в социальном положении человека и в его обеспечении жизненными благами. Играет или нет? Если играет, мы получим то, что имеем, но лишь с некоторыми модификациями. Если не играет, то и в этом случае мы воспроизведем в нашей прекрасной жизни здесь все то, что имеем за пределами ее, а именно — распадение на группы, выделение лидеров, иерархию групп и лидеров, привилегии и неравенство (мы и это изобретем) и все прочее. Это будет нечто вроде армейской жизни, только улучшенное согласно легенде, но неизвестно, улучшенное или нет в реальности. Скорее всего ухудшенное. Армия существует хотя бы как часть нормального целого. А тут все общество будет по типу армии, но с одним коррективом: более сытое и комфортабельное (на первых порах) и целиком состоящее из сачков. Во-первых, проблема обслуживающего персонала. Как он будет жить? Лучше, хуже, так же? Если так же, зачем им работать, они могут быть в числе отдыхающих. Если хуже, их придется силой заставлять трудиться, что противоречит легенде. Если лучше, то это будет привилегией, и за нее начнут драться. И через несколько лет (я уж не говорю о поколениях!) вы свой первоначальный дом отдыха не узнаете. Начнется активная деятельность людей в большом коллективе, в результате которой будут воспроизведены все феномены социальной жизни: группировка, выделение лидеров, иерархия групп и руководителей, система контроля и наказания и прочее. И с палатами все пересмотрят соответственно с социальной структурой коллектива: в одних палатах поселят по несколько человек, будут однокомнатные, двухкомнатные и более престижные палаты. И в питании произойдет дифференциация. Можно не продолжать. Законы социальности все равно заставят и тут жить так же, как мы и живем

в обычных условиях. Сознательность возрастет? Нужно быть круглым идиотом, чтобы на это надеяться. Сознание человеку дано исторически исключительно для того, чтобы адекватно оценивать свое положение в обществе, предвидеть последствия своих поступков и поступков многих других людей, обеспечить самосохранение. Сознание есть орган самосохранения, выживания, приспособления, а не орган для выполнения лозунгов сумасшедших старух и политических проходимцев.

Письмо к Ней

*Они смеялись: вот беда!
Вот анекдот! Потеха!
Начало страшного суда!
Космическая вежа!
Замыслил, значит, ты, щенок,
Нам повторить Христа?!
Но не надейся на венки,
Не будет и креста.
Не будет речь твою внимать
Толпа людей-ослов.
И не сумеешь ты поймать
Их души в сети слов.
Не повстречаешь на пути
Своем ученика.
Если способен, засуди
Хотя бы нас пока.*

Обсуждение На сцене повесили портрет Брежнева. Под ним поставили живые цветы в корзинках. Одна такая корзиночка, — сказал Универсал, — стоит не меньше тридцатки. А тут их... раз, два, три... Ничего себе! На одни цветочки три сотни убухали. А портретик наверняка не меньше пятисот обошелся. Вот б...и! В президиум совещания помимо директора и заведующего клубом прошли инструктор райкома партии, увешанный медалями ветеран войны — участник боев на Малой Земле, писатель, недавно получивший Государственную премию за книгу о Брежневе, доктор филологических наук, написавший восторженную рецензию на воспоминания Брежнева в толстом литературном журнале, в которой назвал эти воспоминания крупнейшим явлением в послевоенной советской и мировой литературе, доктор философских наук, опубликовавший статью о воспоминаниях как о выдающемся вкладе в марксистскую философию, и другие важные лица. Всю эту банду, — продолжал комментировать события Универсал, предпринимая одновременно малоуспешную попытку залезть под юбку Доброй Девы, — надо привезти и отвезти, накормить и напоить. А это — еще пара сотен. А сколько таких совещаний по всей стране!

Совещание открыл сам директор. Дорогие товарищи, — сказал он так, что всем послышалось родное и знакомое «Дарахые таварышы!». — У нас сегодня большой и радостный праздник. Мы собрались здесь, чтобы выразить

свое безмерное восхищение... И битый час зал гремел аплодисментами и приветственными возгласами. Не хватает только салюта, — сказал Универсал, высказываясь из зала и отплевываясь нехорошими словами. За ним выскользнули Мнс, Кандидат, Ехидная Девица. А когда на трибуну вылез ветеран, повалили и прочие. Директор был вынужден призвать собравшихся к порядку. Беззубая Докторица предложила запереть зал на ключ. Предложение встретили аплодисментами. Но пока искали ключ (куда-то запропастилась уборщица), еще половина оставшихся в зале успела смяться. Это хорошо, — сказал Старик, — поскольку на всех донос не напишешь. Когда нужно писать много доносов, у нас их перестают писать совсем. Почему бы это? А при Сталине разве мало писали? — спросил Кандидат. Представьте себе, — сказал Старик, — в каждой конкретной ситуации мало. Это по стране в целом и с учетом времени набиралось много. У нас в Академии (пока я там был) было всего несколько случаев. При Сталине такая массовая демонстрация, какую мы устроили сейчас, была в принципе невозможна. Если бы произошло нечто подобное, ввели бы войска НКВД и весь район расстреляли бы. Есть предложение, — сказал Универсал, — продолжить обсуждение эпохального сочинения Леонида Ильича в другом месте. Пошли к нам, — сказала Добрая Девица. — Наши соседки по палате собираются выступать и потому до отбоя не появятся.

Вот вы говорите, что при Сталине такое было невозможно, — сказал Кандидат после того, как расселись по койкам и прикончили первую бутылку. — Значит, прогресс все-таки есть! Прогресс есть, — сказал Старик, — но Брежнев тут ни при чем. К тому же мы можем иронизировать на эту тему отчасти потому, что соратники Брежнева по Политбюро сами терпеть его не могут и ждут не дожидаясь подходящего момента, чтобы его скинуть. Он у них самих в печенках сидит. А КГБ, как мне кажется, специально старается дискредитировать его и свалить все на ЦК. Наша правящая верхушка — отнюдь не дружная семья любящих и уважающих друг друга единомышленников. В воспоминаниях Брежнева есть одно комичное место, — сказал Инженер. — Сталин сделал какое-то заявление, а Брежнев по этому поводу, как он пишет, имел свое особое мнение. Представляете, полковник из политотдела, имеющий свое особое мнение! Через четверть века после смерти Сталина, конечно. А ну их всех в ... — сказал Универсал, разливая последнюю бутылку. — Выпьем за то, чтобы Они все сдохли!

Другое обсуждение А на другой день состоялось другое обсуждение, но гораздо более содержательное и интересное, как справедливо заметила Ехидная Девица. Произошло это после того, как отдыхающие проглотили макаронную запеканку, разбрелись по комнатам и по кустам, удовлетворили свои возросшие потребности, а затем снова сбились в группы, не зная, чем заполнить неизбежную пустоту до обеда. Повод для литературной беседы подала Беззубая Докторица. Она сказала, что язык Леонида Ильича по красоте, выразительности и кристальной ясности нисколько не уступает последним рассказам Толстого для детей. И, между прочим, — сказала она многозначительно, — для взрослых тоже. Вот послушайте, я вам прочитаю отрывок! Перед обедом папа сказал:

«Дети, мы купили сливы, будем кушать их после обеда». Петя ходил вокруг слив. Ему очень хотелось съесть хотя бы одну. Он не выдержал и съел одну сливу. После обеда папа сказал: «Здесь не хватает одной сливы, кто ее съел?!» Ну, каково? А теперь я прочитаю вам отрывок из книги Леонида Ильича... Умоляю Вас, не надо! — воскликнула Членкорича. — Между прочим, Вы прекрасный чтец-декламатор. Вам бы не наукой заниматься, а в Большом театре выступать. В Большом театре поют, а не декламируют, — сказала Добрая Девица. Тем более, — сказала Ехидная Девица, — когда поют, содержание текста все равно не поймешь. А под музыку любая ерунда сойдет. Как дурная закуска под водочку, — добавил Универсал. Готов держать пари, — сказал Инженер, — что по книгам Брежнева поставят фильмы. И оперы, — добавил Старик. Балет, — резюмировала Ехидная Девица. Кстати, — сказал Кандидат, — Толстой стал писать эту «кристально-ясную» прозу, когда впал в старческий маразм. Прошу не исказить меня! — закричала Беззубая Докторица.

Вот после этой легкой словесной закуски и началась содержательная беседа о классической русской литературе. Универсал сказал, что он русскую литературу вообще читать не может, что это — занудная скука, что он предпочитает «Трех мушкетеров», «Графа Монте-Кристо» и «Старика и море». Последнюю книжку он прочитал недавно! Здорово! Целый день человек ловил рыбу, сколько сил потратил, а так ни ... и не поймал. Здорово написано! А отвращение к русской литературе у него началось еще в школе, когда стали «проходить» Пушкина. Им велели выучить начало из «Евгения Онегина». Помните: «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог...» Он, конечно, не выучил и попросил одного парня во дворе помочь. Тот и выдал ему то самое окончание этого куплета, которое знает вся Россия: «... своей кухарке так заправил, что повар вытащить не смог». Он и выдал это в классе. С тех пор ему больше тройки по литературе не ставили. Старик сказал, что у многих русских людей конфликт с родной литературой начался именно с таких пустяков. У них одного парня исключили из школы за то, что он сказал, будто Пушкин был в стельку пьян во время дуэли и потому промазал. На педагогическом совете его допытывали, откуда у него такая информация. Он сказал, что об этом написано у Лермонтова в стихотворении «На смерть поэта». Там написано: «Погиб поэт, невольник чести, пал, оклеветанный молвой, с свинцом в груди...» Слова «с свинцом в груди» все читают фактически как «с винцом в груди», но настолько привыкли, что даже не прислушиваются. А парень заметил и дал свою оригинальную интерпретацию. Кто знает, может быть, самую верную. Не может быть, — сказал Универсал, — а наверняка.

Потом все наперебой начали вспоминать старые-престарые хохмы на темы классической русской литературы — как Татьяна ехала в карете с поднятым задом; как Маша Троекурова сношалась с Дубровским через дупло; как у Челкаша сквозь драные штаны было видно его пролетарское происхождение; как Лермонтов родился в деревне у бабушки, в то время как его родители жили в Москве; как Тарас Бульба закричал на Андрея, чем он его породил, тем и убьет. От хохм перешли на старые скаб-

резные анекдоты о Пушкине, потом — на современные политические анекдоты с использованием тем и имен русской литературы. Потом речь закатила Членкорича, из коей стало ясно, что из классической русской литературы она читала только «Каштанку» (чья вещица, она не помнит, но плакала до слез) и «Левшу» (чья вещица, она тоже не помнит, но смеялась до слез). Добрая Девица сказала, что она больше всех любит Катюшу Маслову, а Беззубая Докторича возразила ей, сказав, что ей ближе Анна Каренина. Инженер сказал, что революция была явно на пользу нашим бабам: теперь если они подозревают мужей в шашнях, они могут писать заявления в партбюро, а не кидаться под поезд. Шутки шутками, — сказал Кандидат, — а по самоубийствам мы обогнали все европейские страны.

Наш человек Так в чем же дело? Не ждите ясного и четкого ответа: такового просто нет. На такие вопросы можно ответить только одним способом: новыми вопросами, т. е. слегка отодвинув прежние вопросы. И чем дальше вы будете допытываться до сути дела, тем ближе вы будете к вопросам первоначальным. Причина такого своеобразного «круглого тупика» состоит в том, что наш человек есть лишь функциональная частичка некоего более сложного целого — коллектива, но такая частичка, которая отражает в себе все качества этого целого, переносит их на себя и воображает себя их обладателями. Он есть частичка целого, обладающая амбициями и самомнением целого. Он движим не внутренними силами, а другими частичками, т. е. силами внешними. Но воспринимает внешнее движение как результат его собственного. Вместе с тем, целое, частичкой которого является наш человек, само есть лишь постольку, поскольку оно состоит из наших людей, поскольку оно отражает в себе, объединяет, обобщает и воплощает лишь то, что содержится в наших людях по отдельности. Они, т. е. наш человек и наш коллектив, рождаются и существуют как нечто единое и неразрывное целое. Дело не просто в том, что множество людей образуют коллектив, — это было бы слишком просто. Дело в том, что отдельный человек и коллектив есть нечто целое, причем — неразделимое. Слишком хитроумно, скажете? А что поделаешь! Можно было бы расчленив все, разграничить и упорядочить. Но это было бы мертвое мясо, а не живое тело общества. Тем более в мясе не обнаружишь души. А нас ведь интересует здесь именно душа и даже сверхдуша.

Сверхдуша есть не просто коллективное сознание. Это — душа коллектива. В чем она заключается? Где она помещается? Тут нет проблемы, что в ней помещается, ибо в ней не помещается ничего. Тут, повторяю, есть лишь одна проблема: что она такое, т. е. где помещается, или где она помещается, т. е. что она такое? Ужас таких проблем состоит в том, что факт существования явления полностью исчерпывает суть его существования. Неясно? Знаю сам. Но я могу дать лишь один совет, как рассеять неясность: вернитесь к началу и проделайте путь снова. И вы тогда умножите ваши неясности. Но это и есть единственный путь к ясности: лишь большая неясность рождает ясность малую.

Сколько веков физики, химики, биологи бьются над тайнами атомов и молекул! Сколько их бьется! И какие умы! И какие средства они имеют в своем распоряжении! А итоги? Все новые и новые проблемы. Человек же как существо общественное и коллектив человеческий многократно сложнее атомов и молекул. И бьются над ним отнюдь не умы первостепенной важности, и не в таком количестве, и не с такими средствами. К тому же подавляющее большинство бьется отнюдь не с целями познания и ясности, а с целями совершенно прозаическими. Так о какой же ясности тут может идти речь?! И может быть, не так уж плохо, что ее нет. Неясность и непонимание есть тоже результат. И трудно вычислить, что более способствовало прогрессу человечества — прогресс истины или прогресс заблуждения.

Но вернемся к сверхдуше. Усложнение живой (а может быть, и мертвой тоже) природы происходит по такой схеме. Имеются некие частички, которые по тем или иным причинам объединяются в целое. Эти частички имеют некие свойства, благодаря которым и целое приобретает аналогичные свойства. С другой стороны, объединение в целое порождает некие свойства, становящиеся свойствами частичек, — процесс этот взаимный. Но целое обладает свойствами частичек только особым способом, а именно — путем разделения свойств частичек и распределения их по разным частичкам. Происходит разделение функций частичек так, что отдельные частички становятся специальными носителями и представителями того или иного свойства частичек в их коллективе в целом. Но при этом частички в какой-то мере и форме сохраняют эти свойства за собой. Например, каждый нормальный человек как существо социальное обладает телом и разумом (сознанием, интеллектом). При объединении людей в коллектив последний тоже оказывается существом с телом и разумом. Но теперь функции тела воплощаются в одних людях, а функции разума — в других. Каждый человек при этом сохраняет тело и разум, но они теперь играют иную роль: разум одним людям служит для того, чтобы они нормально выполняли функции тела коллектива, а тело другим людям служит для того, чтобы они смогли выполнить функции разума коллектива. Возьмите теперь множество свойств людей и их коллективов, более сложные коллективы, состоящие в свою очередь из коллективов. И вы получите картину такой ужасающей степени сложности, по сравнению с которой создаваемая физиками, биологами, химиками и прочими естествоиспытателями картина покажется примитивным лубком.

Существуют определенные объективные законы, по которым объединения людей наделяются свойствами отдельных людей и, наоборот, отдельные люди наделяются свойствами коллективов. И от этих законов никуда не скроешься, если ты хочешь жить. В силу этих законов душа коллектива (или сверхдуша) есть некое духовное поле, существующее лишь благодаря душам отдельных людей, но лишь благодаря которому члены коллектива обретают некий душевный заряд. Вырвите человека из коллектива, и вы получите ту самую пустышку, о которой я говорил выше. Поместите эту пустышку в духовное поле коллектива, и она вдруг оживет и обретет подобие человека автономного и целостного. Лишь потеряв реальную автономию и целостность, человек обретает подобие и видимость таковых.

И обретая их в реальности, он обращается в пустышку. Коллектив, состоящий сплошь из автономных и целостных личностей, столь же возможен, как и королевство, состоящее из одних лишь королей, принцев и принцесс.

Мы рано начинаем ощущать себя ничтожными частичками грандиозного целого. И потом мы ищем какую-то компенсацию нашей ничтожности, т. е. способ обмануть себя и других. И один из широкораспространенных способов такого рода — размышления о самих себе. Потому-то проблемы души для нашего человека суть проблемы чисто интеллектуальные, а не поведенческие. Потому-то наш человек есть человек внутренний, а не внешний, т. е. живет и развивается не столько в другое и в другом, сколько в себя и в себе. И в некотором роде он и в самом деле имеет духовное превосходство над человеком западным, но это превосходство — маниакальное. Сверхдуша есть мания величия коллектива.

Какие же уроки следует извлечь из этого? Никакие. Во-первых, вы все равно извлечь их не сможете, а если извлечете, то не такие, как следует, а если те, какие следует, они вам будут ни к чему. Во-вторых, вы наверняка наизвлекали предостаточно всяких уроков и короткие каникулы от них вам не повредили бы. Так что лучше встряхните головой, скажите себе твердо «Никаких уроков!» и возблагодарите мироздание за то, что все живое есть лишь кратковременное состояние мертвого. Аминь!

Беззубая Докторица Молодящийся Доктор, опьяненный чувством, упустил из виду одно немаловажное обстоятельство: то, что хотя он живет в доме отдыха, дом этот находится на территории страны, построившей развитой социализм. А это значит, что среди любого десятка окружающих его замечательных советских людей найдется хотя бы один, который осудит в душе его поведение и примет надлежащие меры. Таким человеком оказалась Беззубая Докторица, сидевшая с ним за одним столом. Как только Молодящийся Доктор положил свою пухлую лапку на тонкую талию Официантки, Докторица сразу поняла, в чем дело, восприняла это безнравственное поведение Доктора как личное оскорбление, с гневом в душе покинула клуб и засела за сочинение анонимок. Именно анонимок, а не одной анонимки, ибо одну анонимку она решила адресовать в партийную организацию по месту работы Доктора, другую — в санаторно-курортный отдел Президиума, третью — жене Доктора. В первой анонимке Докторица написала, что Доктор позорит звание советского ученого и коммуниста, во второй — что он вносит элемент морально-бытового разложения в советское оздоровительное учреждение, в третьей — что он разрушает здоровую социалистическую семью. Домашний адрес Доктора она узнала в администрации по паспорту Доктора — первое обстоятельство, навлекшее впоследствии подозрение на нее в авторстве анонимок. Вторым обстоятельством явился ее демонстративный отказ дать какой-либо написанный ею текст для экспертизы почерка. Доктор, когда дело приняло скандальный оборот, решил выявить анонимщика и собрать образцы почерка у подозреваемых им лиц. Докторица единственная отказалась, заявив, что она живет не в каких-то Соединенных Штатах Америки, где процветает расизм, а в стране

победившего социализма. После этого всякие сомнения относительно авторства анонимок у всех отпали. Но прежде чем это случилось, случилось нечто другое: нагрязнула сначала жена Доктора, а затем — инспектор из санаторно-курортного отдела. Жена Доктора виду не подала, с какой целью она заявила, провела день в доме отдыха, посетила столовую, осмотрела Официантку и сразу поняла, что тут ничего серьезного быть не может. Затем она показала анонимку директору и партийному секретарю, сказала, что возбудит дело против анонимщика, и мирно уехала домой. Инспектор прибыл с целью выяснить суть дела, но, познакомившись с ситуацией на месте, сменил цели на противоположные: замять дело. Лишь из беседы с инспектором Доктор узнал о существовании анонимки и догадался о цели неожиданного приезда жены. Доктор немного поломался, сделал вид, что хочет произвести криминалистическую экспертизу почерка, но в конце концов поддался на уговоры инспектора шума не подымать.

Тайна Профессора По крайней мере треть обитателей первого корпуса отдыхала, как говорится, без отрыва от производства. К их числу принадлежал и Профессор. Раз в неделю он ездил в город, являлся в свое учреждение, расписывался в каких-то книгах, сидел на каких-то заседаниях. К вечеру возвращался обратно. Путевки он доставал прямо здесь, у директора. Вернее, путевок никаких не было. Он просто платил директору определенную сумму и жил себе за это в отдельной палате. В санаторно-курортном отделе Президиума Академии прекрасно знали о подобной практике в подвластных домах отдыха и в санаториях, но виду не подавали, ибо сами от этого кое-что имели — путевки для себя, для родственников и друзей в любое подходящее время, возможность на несколько дней приехать «с мужем» или «женой» протереться от городской нервозности, возможность приехать в одиночку и получить на месте то, что требуется.

В нашем обществе, — разоткровенничался Профессор (в доме отдыха все так или иначе откровенничают), — умному человеку можно устроиться прекрасно. Для этого нужно только соблюдать некоторые негласные правила. Какие? Ну, например, такие: живи и давай жить другим. Я, например, своим подчиненным еще ни разу даже выговор не объявил. И позволяю им многое такое, что не позволяют другие: уходить с работы, планировать «липу», засчитывать фиктивные задания. И представьте себе, работают они лучше, чем в других секторах. Мой сектор — лучший в институте. И меня они не подводят. Видите, я живу здесь, а дело идет. Все формальности я передал заместителю. Он любит это. Как ученый он — абсолютный ноль. Потому держится за свое место и работает на совесть. Другое правило — делай все без шума, по-тихому. В других секторах затеют что-то и сразу же трезвон поднимают. На собраниях выступают. Обещают. А мы помалкиваем. Мы сначала сделаем что-либо скромненькое, а потом уже обещаем и докладываем. И, конечно, выполняем. Третье правило — довольствуйся достигнутым, дай понять всем, что ты на большее не претендуешь, хотя возможности твои превышают твое положение. Нас, например, много раз пытались расширить до отдела, а мы отказывались. Мол, штатные

единицы нужны для более важного, а мы и так справимся. Меня в заместители директора не раз сватали, а я ни в какую. Зачем мне это? Денег мне хватает. А жить в моем нынешнем положении куда легче и удобнее. Главное — не надо ни с кем ссориться. Не надо мешать людям. Надо в стороне стоять. И тогда они тебе дадут жить по твоим вкусам.

Общественное мнение Беззубой Докторице передовые силы дома отдыха хотели устроить бойкот. Но у нее, разумеется, нашлись сторонники и защитники. Это — главным образом старые страшные бабы, не имеющие никаких шансов завлечь даже упившегося «до раздвоения единого» Универсала, и глупые старые мужики, с которыми никто не хотел беседовать на темы текущей и внешней политики, поносить «нынешнюю молодежь» и осуждать диссидентов. Передовые силы, однако, скоро позабыли о своем первоначальном намерении. История с анонимками дала им повод для умного разговора на тему об общественном мнении, и этого было вполне достаточно. Старик сказал, что у нас такового и в помине нет. Его поддержал Новый Друг. Универсал присоединился к ним, сформулировав эту концепцию с кристальной ясностью: начальству на нас насрать, но на себя срать оно нам не позволяет. Инженер сказал, что это — ошибочно, что общественное мнение у нас есть, но смотря по обстоятельствам. И с одобрения начальства и по выбору оно обладает могучей силой. Вот вам два примера. У нас в институте был один очень талантливый ученый. Такой явно талантливый, что его даже до тридцати лет пропустили в доктора. И организовал он в институте творческий семинар, да на свою беду — по средам. Этим и воспользовались институтские остряки. Представьте себе, молодежь. Младшие научные сотрудники, аспиранты. Прогрессивные все, если дело касалось трéпа, а не серьезной науки. А в науке они сделали объектом травли этого парня. И с молчаливого согласия институтского актива (начальство, другие видные доктора) начали из номера в номер давать в стенгазете юмористические материалы. Участников семинара называли средняками, а семинар — средоточием гениев (оглупляя их, и надо признать — довольно смешно). И добились парня. Семинар распался. Ученая среда (тоже «среда», материал для лингвистических упражнений наших остряков) уже не могла без юмора воспринимать его идеи. Кончилось тем, что ему пришлось уйти из института, и он где-то затерялся во второстепенных и прикладных лабораториях. Но репутация комического персонажа так и ушла вместе с ним навечно. Другой пример вам всем хорошо известен. У Них вверху есть, конечно, свои склоки. Помните, как Они Подгорного скинули? Так вот, если вы приглядитесь внимательнее, Брежнев в борьбе за единовластие использовал «общественное мнение» как мощное оружие. Я говорю об общественном мнении в кавычках, поскольку оно выборочное и организованное — брежневские холуи и помощники специально устраивают спектакли (вы смотрели по телевизору съезд комсомола?). Но эти спектакли действуют на конкурентов, завистников и оппозиционеров из Их компании так, будто это есть реальное общественное мнение всей страны. Они сами попадают на удочку своей демагогии. Старик сказал на эту речь Инженера, что тут дело

не в общественном мнении. Тут другое. Общественное мнение есть нечто естественное. Оно формируется, но не организуется. Формально. Новый Друг сказал, что Инженер путает разные вещи. У нас в печати постоянно организуются всякого рода кампании с осуждениями или одобрениями. Что это — общественное мнение? Когда-то по всем институтам Академии наук прошли собрания с единодушными осуждениями академика Сахарова, все газеты опубликовали осуждающие письма ученых. Но даже и это не есть общественное мнение, хотя «единогласие» полное. Советский народ «единодушно» одобрил новую конституцию. А сколько было насмешек над ней и анекдотов?! Если общественное мнение у нас есть, то оно смутное ии глубоко спрятанное. Нужно специальное социологическое исследование, чтобы обнаружить его существование и характер. А что это за «мнение», если его раскопать почти невозможно?! Значит, его практически, т. е. как заметного фактора нашей жизни, нет. Старик сказал, что страшно не то, что мы ведем себя подло, а то, что дело выглядит так, будто нас заставляют делать подлости. Мы рады тому, что нас заставляют делать то, что мы сделали бы добровольно. Мы сами ищем насилия над собой, чтобы замаскировать свою подлую натуру, очевидную без насилия.

Ночные разговоры — Все эти наши разговоры без толку. Надо делать серьезную научную теорию.

— Легко сказать! Как?

— Хотя бы так. Построить абстрактную, чистую, вполне добропорядочную модель. Я имею в виду абстракции, без которых никакая наука невозможна. Например, при построении такой модели надо отвлечься от различий способностей людей, от всяческих нехороших страстей, от наследования детьми имущества родителей, от взятки и блата и многого другого.

— Это все негативно. А что войдет в модель позитивного?

— Все то и только то, что входит в определения понятий, характеризующих данное общество специфически, и в определения общесоциологических понятий. Построив модель, затем следует постепенно привлекать различные конкретные обстоятельства, от которых отвлекались вначале и которые модифицируют модель, нарушают ее чистоту и добропорядочность. Причем сначала надо включить в рассмотрение обстоятельства, с необходимостью возникающие как следствия самой чистой модели, а затем — исторически данные внешние обстоятельства, без которых невозможно жить или от которых нельзя избавиться. Например, необходимыми следствиями абстрактной модели являются карьеризм, халтура, взятки, блат, доносы. А исторически данными неотвратимыми обстоятельствами — отношения полов, родителей и детей, потребность в пище, в отдыхе и развлечениях.

— Это не ново. Такой метод разработали еще Гегель и английские экономисты, а Маркс с блеском применил его к анализу буржуазного общества.

— Тем более! Я же не претендую на открытие. Я думал, что это — банальность. А раз этот метод апробирован, почему бы его не применить и к нашему обществу?

- Нельзя. Да и не стоит.
- Почему нельзя?
- Начальство не позволит.
- А почему не стоит?

— Потому что этим методом можно обосновать неизбежность гибели существующего строя и смены его другим, а между ними — переходный период, который не может быть ничем иным, кроме как диктатурой... ну, не пролетариата, а, скажем, младших научных сотрудников без ученой степени. А это будет пострашнее диктатуры пролетариата.

Размышления в одиночестве Мнс заперся в палате, раскрыл рукопись Тваржинской, но мысли иного рода увлекли его. Мы в жизни мелочны, дотошны, вьедливы, суматошны, расчетливы по пустякам, — думал он. — И потому по методу мышления мы — диалектики. Как в жизни у нас мелочный надзор за всеми деталями событий, но полное невнимание к процессу в целом и его основным последствиям, так и в мышлении мы до мельчайших тонкостей продумываем всю сложность происходящего, получая выводы ложные или банальные. Вот, например, отбирают человека на пост директора. Десятки инстанций принимают в этом участие. Взвешивают все вплоть до вкусов в еде и выпивке. А выбирают в конце концов такое ничтожество, что потом сами диву дивятся, откуда такое выкопали. Сколько томов накопал Маркс, облизав все закоулки капитализма, чтобы в итоге получить банальности, известные заранее, и бессмысленные пророчества, тоже известные заранее. Диалектика есть такой метод размышлений и исследований, основной результат которого — сам процесс размышления и исследования, а не некий законченный продукт. Потому она нам и пришлась по душе.

Иначе обстоит дело с западным способом жизни и соответствующим ему способом мышления. Здесь в мелочные детали не вникают — они делаются сами собой как необходимые элементы привычной жизни. Обращают внимание на узловые пункты, выполнение которых автоматически означает выполнение мелочей. Никакой суетливости. И обязательно заметный положительный результат. Взять ту же процедуру отбора человека на пост директора аналогичного учреждения. Насколько она отличается от нашей! И мышление потому не отягощено подробностями, прямолинейно, упрощено, но результативно и не банально по выводам, практично. Оно не диалектично. Конечно, я несколько идеализирую фактическую картину. В реальности имеет место какая-то смесь, встречаются всевозможные варианты. Но в целом моя схема верна.

По этой причине (различие типов поведения и мышления) мы, начиная думать о Западе, впадаем с необходимостью в заблуждения: мы начинаем рыться в деталях и пустяках, упуская из виду ключевые моменты. И западные люди, начав думать о нас, впадают в заблуждения: они упускают из виду сложность и запутанность нашей жизни, огрубляя и схематизируя ее по привычным им штампам. Понять нашу жизнь и наше сознание, не будучи диалектиком, нельзя в принципе. А диалектика органически чужда западному человеку, и западному мыслителю в том числе.

Но ведь диалектику открыли на Западе! Ну и что из этого следует? Ровным счетом ничего. Все принципиальные продукты цивилизации были открыты на Западе, но не все они стали господствующими элементами его жизни. Мы ведь тоже есть во многом продукт Запада. А сколько известно случаев, когда нечто появлялось в одном месте, а расцветало в другом. Христианство открыли евреи, а прижилось оно в нееврейских народах. Картошку привезли из Америки, а стала она европейским продуктом питания. А вспомните историю с кроликами в Австралии!

Итак, я утверждаю, что для понимания нашего общества нужен не западный недиалектический метод мышления, а наш, диалектический. Но диалектический не в том пошлом смысле, какой ему придали советские философы, начиная с работы Сталина «О диалектическом и историческом материализме», а в смысле способности учитывать сложность и изменчивость таких социальных образований, как наше гигантское общество. У меня давно чешутся руки как-нибудь описать этот метод. Но придать ему при этом эффективность западного практического стиля мышления. Возможно ли это? Кто знает, может быть, именно из таких немислимых компромиссов и рождаются наиболее жизнеспособные формы.

Но давай отложим эти честолюбивые замыслы до лучших времен. А сейчас — за дело. Надо бред этой сумасшедшей гадины привести в более или менее божеский вид.

Из книги Твари С построением бесклассового общества, преобразованием на коммунистических началах производства, распределения и труда, а также сознания и морали членов общества исчезает сама почва для каких бы то ни было мер принуждения. Отношения господства и подчинения окончательно заменяются свободным сотрудничеством. Отпадает необходимость в государстве как политической организации. Отмирает нужда в правовой регламентации.

Замечания Мнс В известном смысле отношение господства и подчинения есть частный случай отношений сотрудничества, добровольность есть лишь форма принуждения. Государство перестает быть явлением политическим, но это не значит, что оно исчезнет или даже ослабнет. Правовая регламентация отомрет, уступив место другим формам регламентации. Надо эти идеи развить, но для себя, конечно, а не для этой стервы. Между прочим, наша официальная идеология постепенно признает фактическое положение в обществе, лишь чуточку изменив и переинтерпретировав фразеологию. Например, как в этих случаях: не просто отомрет государство, а отомрет лишь в качестве политической организации. Или в случае с принципом «по потребности» уже сейчас наиболее хитрые идеологи говорят о «разумных потребностях» и о контроле общества над этими потребностями. Короче говоря, официальная идеология постоянно приближается к истинной картине нашего общества (конечно, лишь поверхностно и в некоторых важных пунктах), тогда как критика его постоянно отдаляется от нее. Почему? Критика негативна, тогда как идеология при всех обстоятельствах позитивна. Ах, какую работу я мог бы написать для нового Сталина!!

Сталин Сталин неторопливо ходит по кабинету, курит трубку, разговаривает сам с собой вслух.

Сталин: И это — ленинская гвардия! Собирище болтунов и честолюбцев. Никакого чувства реальности. Страна на грани гибели, а они готовы сутками спорить из-за запятой в «Капитале», который никто из них не читал. Речами и лозунгами страну не спасешь. Надо действовать, действовать круто и решительно. Лозунги должны сопутствовать делу, а не заменять его. Но что делать? Ленин прав: надо найти основное звено в цепи событий, ухватившись за которое можно вытащить всю цепь. Где это основное звено? Власть. Крепкая и надежная власть. Суровая. Беспощадная. Готовая на все ради великой цели — воплощения в жизнь светлых идеалов революции. Но власть — это партия, партия — это аппарат управления партией, а партийный аппарат — это Я. Основное звено — это беспрекословный авторитет вождя партии. Но не Троцкого, Зиновьева, Бухарина и прочих болтунов, а Сталина! Сталин — звучит так же, как Ленин, но более твердо. И шансы для этого у тебя есть. К тому же ядро страны образует русский народ, а он привык иметь наверху царя и жаждет иметь нового царя. Причем — не своего брата-Ивана, а непременно инородца. Но не еврея. И не немца. Грузин — это для русского народа и свой человек, и вроде как бы иностранец. Надо это обстоятельство выдвинуть на первый план. А для этого надо говорить с акцентом, иначе сочтут за еврея. С этой минуты надо начать приучать всех к тому, что Сталин говорит с грузинским акцентом.

Раздается стук в дверь. Входит Поскребышев, личный секретарь Сталина. Почтительно ждет, когда Сталин обратит на него внимание. Сталин останавливается, зло смотрит на Поскребышева и спрашивает его с грузинским акцентом: «Шыто тэбэ нада?» Поскребышев вздрагивает, поднимает удивленно брови, но тут же все понимает и обретает прежний невозмутимый вид.

Поскребышев: Молотов и Ворошилов. Просят принять по чрезвычайно важному делу.

Сталин: Пусть войдут.

Входят названные Поскребышевым лица. Молча застывают руки по швам. Следят глазами за Сталиным, шагающим взад и вперед по кабинету. Наконец Сталин останавливается напротив них, как бы с удивлением смотрит на них, вынимает изо рта потухшую трубку, выколачивает пепел на ковер, сует трубку в карман кителя.

Сталин: Ну, что у вас?

Молотов: Недовольство среди рабочих растет, товарищ Сталин. Повсюду забастовки. Никакой трудовой дисциплины. Положение с продовольствием катастрофическое. Партийные организации на местах фактически неспособны преодолеть нездоровые настроения. Все чаще раздаются речи о предательстве идеалов революции и о контрреволюции.

Ворошилов: В деревнях мятежи. В Энской области восстание охватило все население. Коммунисты и представители советской власти все перебиты. Нужны экстренные меры.

Сталин (после долгого раздумья, говорит с акцентом): Эти болтуны и позеры во главе с Троцким занимаются чистыми теоретическими рассуждениями, а всю грязную работу должен делать Сталин. Что ж, пусть так. Они не понимают фундаментального закона исторической деятельности: побеждает тот, кто делает дело, каким бы грязным оно ни казалось. Пусть ораторы произносят речи. Постарайтесь Троцкого склонить на серию выступлений в печати и на заводах о необходимости укрепления трудовой дисциплины, так сказать — «завинчивания гаек». А Бухарина... Пусть о крестьянстве подумает. Мы же... Прежде всего необходимо немедленно начать решительное обновление состава партии. Надо облегчить и расширить прием новых членов и создать в партийных организациях перевес здоровымыслящих над революционными идеалистами. Сейчас пусть записывают в партию всех желающих. А потом почистим. Теперь о хлебе. Насколько серьезно восстание в Энской области?

Ворошилов: Силами кавалерийского корпуса можно подавить в две недели.

Сталин: А много ли хлеба в этой области?

Молотов: Есть, но не очень много. И взять его трудно, мужики все попрятали и не отдадут ни в коем случае. Соседняя Эмская область намного богаче. Но там все пока спокойно.

Сталин: Революция требует жертв. Ради спасения всей страны придется пожертвовать населением одной области. Я думаю, что хлеб надо взять в Эмской области. Причем — весь, до последнего зерна. Вы меня понимаете?

Молотов и Ворошилов (в один голос): Конечно, товарищ Сталин!

Сталин: Кто является командующим Эмским военным округом? Тухачевский? Вот и поручите ему провести операцию по беспощадному подавлению контрреволюционного мятежа в Эмске.

Письмо к Ней

*Когда свой смех уняли судьбы,
Он продолжал: внемлите, люди!
Учил, сумняшеся ничтоже,
Тот, кто вас прежде посетил:
Если по морде ты схватил,
Подставь щеку другую тоже.
Кумир себе не сотвори.
Богатство — нет порока хуже.
Узнав, что дома нету мужа,
С его женою не дури.
Он много так насочинял.
Я кое с чем согласен. Даже
Готов признать, что, в общем, та же
Задача Бога у меня.
И все же несколько иначе
Я вижу этот гнусный мир.
При чем тут бабы и кумир?*

При чем богатство тут тем паче?

Другой диктую я закон.

Совсем не тот, что думал Он.

Свежее яблоко На обед на «третье» выдали по половинке свежего(!) яблока. Конечно, слово «свежее» тут было употреблено всуе. Оно обозначало, что яблоко было не сушеное, не печеное, не маринованное. И вовсе еще не означало, что яблоко съедобное. Но все-таки... свежее! Очистив доставшиеся им дольки яблок от гнили и червоточины, отдыхающие предались глубокомысленным рассуждениям. На сей раз инициативу захватил Молодой Доктор. И сказал он следующее.

Часть отпуска... Сейчас-то у меня не отпуск. Я просто отпросился сюда поработать над монографией. Я, знаете ли, книгу новую заканчиваю. А в Москве, сами понимаете, нервоотрепка. Заседания. Текучка. В общем, часть отпуска я провожу под Курском. Там у меня старый фронтовой друг директором совхоза работает. Вот, скажу я вам, где яблочный рай. И яблочный ад одновременно. Свыше систематически заставляют расширять сады. Там думают, что чем больше гектаров под сады занять, тем больше яблок. И расширили! В прошлом году в одном этом совхозе собрали более пятисот тонн яблок. И каких! Нужны машины вывозить. Машин нет. Заняты под овощи и зерно. Хранилищ нет. Надо искать покупателя. Десять тонн купил горторг. Пять тонн купила кооперация. Перерабатывающий завод взял двадцать тонн по пять копеек за килограмм. А остальные? Сто тонн свезли в свинарник. «Остатки» (посчитайте, сколько их!) запахали в землю. Вы думаете, в стране средств нет? Построить хранилища в принципе не проблема. Окупаются они за один год! Нужны доски на тару, верно. Это — пятьсот кубометров на тысячу тонн яблок. Вы читали фельетон в газетах несколько дней назад? Знаете, сколько кубометров досок пропало ни за что ни про что в той же области? Пятьдесят тысяч кубометров! А что творится по всей стране? В этой пятилетке предполагается почти удвоить площади под яблоневые сады. На местах об этом с ужасом думают. Итог всего этого — грандиозная «липа» с миллиардными потерями. Вот вам и яблочко! По данным Института питания АН СССР, каждому человеку в среднем необходимо съесть по пятьдесят килограммов яблок в год. А сколько получается на деле? Дай Бог, если пять килограммов. Это в среднем. А какая масса населения яблок почти не видит совсем. Да и то, если мы что-то имеем, так это за счет Венгрии, Болгарии, Румынии. Из Вьетнама ввозим. Одним словом, вот вам материал для размышлений. Случайно все это или нет? Преходяще или нет? Думаю, что нет. И нос мы свой суем во все части мира не столько из желания помочь чернокожим, желтокожим, краснокожим и прочим угнетенным братьям (тоже мне братья нашлись!), сколько из-за этих самых яблок, риса, апельсина, кофе, бананов, хлопка. Танки и ракеты — это мы производить можем. Тут не нужно дешевых хранилищ и тары, а главное — тут не нужно человеческой заботы. А начальству наплевать на то, что мы вот тут жрем тухлое яблочко на двоих. Они для себя имеют все. Свежие фрукты и овощи круглый год. С личных хозяйств. А Брежневу, между

прочим, специальными самолетами из южной Африки особые фрукты для продления жизни возят!

Речь молодящегося Доктора выслушали со вниманием и пониманием. Но на всякий случай промолчали и потихоньку разошлись. Мнс спросил Кандидата, почему это Доктор так рискованно разговорился сегодня. Кандидат сказал, что Доктора прорвало, что, может быть, он хотел в членкоры попасть и занять спецраспределитель продуктов, но его провалили, и он счел это, естественно, несправедливым. А так — кто его знает, чужая душа — потемки. Но вообще говоря, в таких фактах ничего удивительного нет. После того, как Хрущева скинули, он стал чуть ли не диссидентом. А Подгорный, говорят, порывается разоблачать режим, и за ним придется глядеть в оба. Наше общество идеологическое. А идеология — не религия и не мораль. Идеология дает некоторую формальную опору личности, но лишь в рамках благополучия и устойчивости. Случись какая-нибудь крупная катастрофа, уверяю тебя, девять десятых членов партии немедленно откажутся от коммунистической идеологии. Это уже было проверено на опыте миллионов людей в начале той войны.

Затрапезный трёп — Сейчас трудно назвать рядового советского интеллектуала, который не свихнулся бы в православие, в сектанство, в йогу, в парapsихологию или во что-нибудь этакое моденькое, — говорит Ехидная Девица.

— А что такое интеллектуал? — спрашивает Универсал.

— Интеллигент, не являющийся чиновником и хотя бы изредка шевелящий мозгами.

— Значит, если я без диплома, так я и не интеллектуал?

— Человек без диплома может в порядке исключения стать интеллектуалом. Но для этого он должен уметь шевелить не только мозгами, но даже ушами. Так вот, одно время и я посещала группу по йоге. Наставник у нас был очень талантливый йог. Но, как и всякий талантливый русский человек, жуткий пьяница. Представляете, йог — и пьяница! Знала ли что-либо подобное мировая культура?! Так вот, уроки, когда он бывал в стельку пьян, были самые интересные и плодотворные. Он такие фантастические позы изобретал, какие не сыщешь ни в одной йоговской книжке. Жаль, пропадет это все. Или какой-нибудь западный пройдоха пронохает и «откроет» их. И денешки заработает на этом. И славу, конечно.

— А я, — говорит Инженер, — одно время посещал группу искусственного сна. Не верите? А между тем, это — святая истина. Руководителем группы был человек, просидевший в лагерях лет пятнадцать. Там он и избрал свои методы видения искусственных снов, снов по желанию и по заказу. Прежде чем его забрали в КГБ, он десятки людей обучил видеть сны по своим методам. Один из его учеников даже заболел снами — стал спать при всяком удобном случае, в транспорте, на собраниях. Собственно говоря, из-за него и разогнали нашу группу и посадили руководителя. Этого ученика его тоже забрали. Вмешались врачи, обвинили в шарлатанстве и вымогательстве. Метод у него был очень простой и естест-

венный: постепенно научить людей вызывать в себе элементы будущих сновидений и научиться наяву комбинировать их в себе. Причем состав этих элементов каждый вырабатывает свои, индивидуальные. Например, каждый пробует вызвать в себе какое-то зрительное ощущение. Если получается, сообщает учителю. Вранья не должно быть, конечно. Допустим, вам удалось вызвать ощущение желтого пятна. Научившись это делать регулярно, старайтесь удержать его. Затем пытайтесь увеличивать (растягивать) его. Затем — образовывать в нем черные дыры. Затем — образовывать из дыр рисунок. Постепенно усложняя упражнения такого рода, можно прийти до образов красивых зданий, особенно — дворцов и храмов, красивых одежд, видов природы. Далее эти сложные образы объединяются в еще более сложные композиции. Один из его учеников довел число церквей в одном представлении до пятидесяти. И мог удерживать такое представление до минуты. Другой мог видеть наяву гусарский эскадрон. Разумеется, тренировки для этого надо проводить умеючи и в специальной обстановке. Но наиболее способные индивиды могут этому обучиться, как говорится, без отрыва от производства. Один диссидентски настроенный ученик рассказывал, что он мог вызывать в представлении классиков марксизма, известных лиц советской истории, членов Политбюро, причем — в любых сочетаниях и позах. Он во сне вытворял с ними всяческие неприличные штучки. И получал от этого огромное удовольствие. Но, разумеется, разболтал об этом всем знакомым. Его тоже потом забрали в «психушку».

— А как же вы уцелели?

— Я был посредственным учеником. И потом, как и все остальные ученики, дал нужные показания.

— Как вы могли?!

— Посмотрел бы я на вас на моем месте! Это легко возмущаться, находясь в полной безопасности.

Ночные разговоры — Наше нынешнее состояние, — говорит Новый Друг, — обусловлено особенностями нашей истории.

Чиновничье-бюрократическая система плюс коллективизм в первичных группах были основными тенденциями всей нашей истории. Возможно, это — еще наследие татаро-монгольского ига. Дворянские вольности и зачатки капитализма были лишь временными отступлениями. На такой территории, в таких условиях, с таким народом иначе нельзя. Смотри, кто населяет нашу страну: чукчи, буряты, коми, мордвины, чуваша, башкиры, татары... Кого только у нас нет! Русское население само неоднородно. Наши претензии на западный образ жизни просто смешны.

— Я не историк, — говорит Мнс. — Но я кое-что смыслю в методологии науки. Объяснение настоящего бессмысленно искать в прошлом. В прошлом ищут оправдания настоящего, а не объяснения, и оправдание выдают за объяснение. А это ошибочно, ибо научное объяснение настоящего лежит в настоящем. Прошлое есть лишь более или менее благоприятное условие возникновения настоящего. Но условие возникновения данного состояния не

входит в само это состояние. Оно исчезает, и состояние это воспроизводится на своей собственной основе. Настоящее своими наиболее существенными чертами обязано самому себе. Неправомерно во всем винить предков. Начиная с некоторого момента вина с предков снимается. Их не судят, так сказать — за давностью их действий.

— Что считать прошлым, что — настоящим. Россия Ивана Грозного и Николая Первого не такое уж прошлое. Она жива сегодня. Я о прошлом говорю в ином смысле.

— Я понимаю. Поэтому и настаиваю на определенности понятий. Настоящее есть нечто непреходящее, остающееся, воспроизводящееся, растущее. То, что ты называешь Россией Ивана Грозного и Николая Первого, расцвело после революции и стало доминирующим. Но оно возникло бы и без этого. Оно возникло независимо от этого, заново. Вот в чем дело! Старые моды возвращаются вовсе не потому, что люди помнят о них, а в силу некоторых комбинаторных возможностей. Люди из прошлого на самом деле заимствуют значительно меньше, чем это кажется на первый взгляд. Просто люди реализуют те или иные логически мыслимые комбинаторные возможности, а они не беспредельны. И их не так уж много.

— Я чту логику. Но я не склонен преувеличивать ее роль. Ты можешь привести более понятный пример?

— Вот одно из тривиальных правил логической методологии науки в применении к коммунизму. Коммунизм не есть нечто абсолютно новое. Элементы его были в прошлых обществах и в изобилии встречаются в странах Запада. Но только в определенных условиях они становятся всеобщими и определяющими факторами данного общества. Аналогичная ситуация имеет место в отношении товарно-денежных отношений: они были и в небуржуазных обществах, а став всеобщими и определяющими, дали буржуазное общество. Задача подлинной науки (а не этого вшивого «научного коммунизма») состоит в том, чтобы зафиксировать и описать эти элементы коммунизма в их абстрактности, т. е. в отвлечении от того или иного общества, в котором они могут встречаться, и затем выяснить, что вырастает на их основе с необходимостью, когда они становятся всеобщими и определяющими факторами данного общества.

— И ты думаешь, что кого-либо этим убедить?

— А мне хотя бы самого себя убедить.

Из книги Твари Переход от государственности к общественному самоуправлению означает полный переход от административно-принудительных методов воздействия на людей к методам убеждения, воспитания. В этой связи можно предвидеть огромный рост влияния общественного мнения, которое станет при коммунизме могучей силой, достаточной, чтобы урезонивать индивидов, склонных нарушать коммунистические обычаи и правила общежития.

Сталин Раннее солнечное утро. Поют птички. Шелестят листья деревьев.

Хата зажиточного мужика. В «красном» углу (под иконами) сидит Командарм. Молодой, крепкий, красивый, свежесвыбранный, пахнущий

одеколоном. Перед ним кринка парного молока и краюха свежего хлеба. Он отламывает куски, жует с явным аппетитом, запивает молоком прямо из кринки. Перед ним навьютяжку стоят подтянутые командиры дивизий и бригад, со шпорами и шашками, затянутые в ремни, с биноклями, планшетами, маузерами. И, конечно, все с орденами «Красного Знамени». Командарм дает знак адъютанту удалить из избы хозяина, хозяйку и ребятишек — будет отдаваться секретный приказ.

Командарм: Товарищи командиры! Нам выпала великая честь — спасти республику от голодной смерти. Вы все прошли школу революции и гражданской войны. И вам нет надобности объяснять азы политграмоты. Потому перейдем сразу к существу дела. Комиссар, тебе слово!

Комиссар: Товарищи командиры! Партия и лично товарищ Сталин поручили нам ответственнейшее задание. Вы должны проявить максимум политической зрелости и сознательности. Население области настроено дружелюбно к советской власти. Наши части будут встречать с хлебом и солью, с песнями и угощениями. Но у вас как у настоящих коммунистов сердце не должно дрогнуть, а рука должна быть твердой. В данной ситуации вы должны твердо помнить одно: перед вами самые заклятые враги революции и пролетарской власти, ибо от них зависит судьба нашей и мировой революции. А с врагом нас учили расправляться со всей пролетарской революционной беспощадностью.

Один из командиров: Я что-то в толк не возьму, что нам нужно делать? Из пулеметов?..

Командарм: Нет, товарищи! Пулеметы нам еще потребуются громить мировую буржуазию. И шума много. Надо шашками — надежнее и быстрее. Начальник штаба, разъясни товарищам командирам нашу тактику борьбы с контрреволюцией на данном этапе!

Один из командиров (другой): Насколько я понимаю, нам предстоит рубить шашками безоружное население? Женщин, стариков и детей тоже? Но это же преступление! Разве...

Командарм (адъютанту): Арестовать этого предателя дела мировой революции! И расстрелять немедленно! Пусть это послужит уроком всякому, кто осмелится поднять руку на завоевания Октября.

Адъютант с личной охраной Командарма обезоруживают строптивного командира и выводят его во двор. Слышится выстрел и вскрик расстрелянного. Командиры в избе вытягиваются, звякают шпорами, изображают готовность пойти на все ради интересов мировой революции.

Командарм (продолжая есть хлеб и пить молоко): Начальник штаба, приступай к оглашению приказа по армии.

Начальник штаба: Политработники частей должны заранее прибыть в намеченные населенные пункты и разъяснить жителям, что они должны все поголовно выйти на середину поселка встречать часть Красной Армии. Поголовно все! Ясно?! Затем соответствующая воинская часть должна окружить жителей поселка и уничтожить всех без исключения. Шашками. И чем быстрее, тем лучше. Если кто уцелеет, командиры частей отвечают головой. Трупы сбросить в колодцы. Колодцы сравнивать с землей. Чтобы никаких следов. На два часа после этого населенный пункт предоставляется в

распоряжение бойцов. Политработники должны позаботиться о том, чтобы распределение вещей и пищевых продуктов среди бойцов было равномерным. Не забывайте, что мы боремся за светлое коммунистическое общество, в котором будет всеобщее равенство. После операции воинские части немедленно покидают населенные пункты, сосредоточиваясь для новой операции в указанном месте. Их должны сменить продовольственные отряды, в задачу которых входит сбор зерна, овощей, домашнего скота.

Один из командиров: В наших частях есть уроженцы здешних мест. Как быть с ними?

Комиссар: Сегодня дать им всем отпуск, а потом расстрелять как дезертиров.

Командиры расходятся. За окном слышатся команды, звуки труб, топот коней, песни. Командарм встает из-за стола, распускает ремень на пару дырочек, зовет адъютанта и велит привести старшую дочь хозяина, чтобы «товар даром не пропал» (как говорит он адъютанту). В ожидании мурлычет популярную песню времен гражданской войны:

*Так пусть же Красная
Воюет страстно...*

Замечание — Твой Петин, — сказал Новый Друг, — врет. Не может
Нового Друга быть, чтобы нечто подобное было на самом деле.

— Именно такое, может быть, и не было. Но было другое. И это другое было куда хуже. Ведь на самом же деле крестьянские восстания утопили в крови силами регулярной армии, причем истребляли целые районы, не щадя детей, женщин, стариков. Это же факт! А Петин пишет пьесу, т. е. художественное произведение. И он имеет право на вымысел с целью правдивого описания существа эпохи.

— И все-таки теперь уже невозможно поверить в то, что та эпоха вообще была. И если писатель хочет быть правдивым, он должен писать не о ней, а том, что она родила. Незстетично описывать роды.

— А если эпоха родила уродов?

— Тогда литература должна умолкнуть.

Письмо к Ней

*Они опять: пускай ты Бог.
Скажи, ты разрешить бы мог
Пустячные проблемы
И выдать теоремы?
Пусть я — злодей. И он — злодей.
Но не поладим, хоть убей,
Хоть лезь с тоски из кожи.
Ну, что тут скажешь, Боже?
Или: я — зло, а он — добро,
Но он мне сунул под ребро
Обыкновенный ножик.*

*Так за кого ты, Боже?
Пусть я — добряк, и он — добряк,
Но он — ловкач, а я — тюфяк.
Волнует нас все то же:
Где справедливость, Боже?
Вот он страдает без вины,
Он хочет в высшие чины,
Но все никак не может.
Ему поможешь, Боже?
И вот таких проблем мильон
Решать должны и я, и он
Без всяческой подмоги...
А мы совсем не Боги.*

Прогулочный треп — Чтобы совершить революцию, — говорит Кандидат, — достаточно одного шизофреника, несколько десятков проходимцев и несколько миллионов кретинов.

— Так в чем же задержка? — говорит Старик.

— Кретинов у нас хватает, — говорит Кандидат. — Проходимцев у нас больше, чем нужно. Все дело в шизофрениках: нынешние шизики не хотят делать революцию! Беспрецедентный случай в истории. Наши шизики хотят иметь права человека и свободно ездить за границу, но не хотят брать власть в свои руки.

— Вот мерзавцы! — восклицает Ехидная Девица. — В какое же положение они ставят наших руководителей! Управлять таким народом и при этом уважать некие права человека?! Это логически противоречиво и фактически невозможно.

— Неужели у нас не найдется людей, которые захотели бы сделать новую революцию? — говорит Добрая Девица.

— Сколько угодно, — отвечает Кандидат. — Но они не шизики, а кретины.

— Все это пустая болтовня, — говорит Инженер. — Революция, эволюция, реформы, строительство... Все равно из этого дерьма мы никогда не выберемся, ибо это невозможно по законам природы. Наше дерьмо есть продукт свободы и равенства.

— И братства?

— Нет, скорее — блядства. А без шуток — судите сами. Люди поставлены в одинаковое отношение к обществу в том смысле, что практически к нулю свелись все возможности для индивидов существовать независимо от коллектива и общества в целом.

— Человек никогда...

— Не придирайтесь к словам, вы прекрасно понимаете, о чем речь. У нас исключена частная инициатива, все под контролем государства. А в таких условиях единственное, что может сохранить целостность общества и порядок, это — мощная система власти. Причем — независимая от случайностей и от индивидуальных особенностей людей. Потому у нас «выборная» власть есть лишь для видимости, а сами «выбираемые» фактически отбираются органами фактической власти. Наша фактическая

система власти и управления складывается повседневно по мере открытия вакансий, преемственно, путем отбора огромным аппаратом власти тех или иных индивидов. Ясно я говорю? Эта система нерушима потому, что каждый раз индивид, вступающий во власть, предстоит перед сложившейся системой власти. И никогда у нас власть не находится в позиции зависимости от некоего «народа».

— И все-таки незыблемых систем не существует.

— А разве я говорю, что она вообще незыблема? Она незыблема в пределах человеческой жизни и отдельной человеческой судьбы. Она, конечно, рухнет. Но сколько веков существовал Древний Египет? А Китай? А Византия? Даже династия Романовых триста лет продержалась. Триста!!

— Не надо нас пугать такими сроками, — говорит Ехидная Девица. — Через триста лет мне лично уже не захочется никакой свободы.

— А в чем вообще проблемы? — говорит Инженер. — Поднимите руки, кто нуждается в правах человека и гражданских свободах? Нет таковых. Кто хочет свободы партий, демонстраций, эмиграции? И таковых нет. А кто хочет улучшить жилищные условия, увеличить зарплату, улучшить снабжение продуктами? Единогласно! Далее, предлагается на выбор: улучшения с возвратом к капитализму или без улучшения при социализме. Кто за первое? Никого. Кто за второе? Единогласно. Вот мы и решили все наши проблемы!

Замысел Универсала Под благотворным влиянием творческой среды Универсал решил сделать свой вклад в науку: написать путеводитель по московским забегаловкам и местам протрезвления. Кандидат сказал, что эта работа совсем не творческая, так как перечень забегаловок имеется в тресте столовых, а перечень вытрезвителей — в милиции. Универсал сказал, что после этого замечания Кандидата он еще больше уверовал в надобность своего путеводителя. Дело в том, что понятие «забегаловка» не совпадает по объему с местами, где официально дозволены выпивки, а понятие «место протрезвления» — с понятием «вытрезвитель». Он, Универсал, знает не меньше сотни забегаловок, о существовании которых какой-нибудь Мосстолреступр не имеет ни малейшего понятия, и не меньше пятисот мест протрезвления, не известных милиции. Кстати сказать, если бы диссиденты знали их, они могли бы действовать в десять раз успешнее, а КГБ было бы бессильно с ними бороться. Если в России когда-нибудь сложится настоящая оппозиционная партия, то только в этой системе неофициальных мест выпивания и протрезвления. Кандидат сказал, что раз этим местам уготована столь прогрессивная роль в русской истории, то тем более не следует писать путеводитель по ним: он попадет в руки властей, и те уничтожат все описываемые в путеводителе «точки». Универсал снова уличил Кандидата в невежестве. Упомянутые «точки» не есть нечто раз навсегда установленное, — сказал он. — Они постоянно перемещаются и изменяются во времени. Тут, как ни в чем ином, надо быть подлинным диалектиком. Его путеводитель должен дать не список этих «точек» (вроде телефонной книги), а метод отыскания их в любом районе Москвы, в любое время года и суток. Например, вы оказались в Дзер-

жинском районе, на улице маршала Пуговкина, зимой, в десять вечера, вдвоем, с десятью рублями в кармане. Вы слегка поддали, но хотите продолжить. Как быть? Открываете мой путеводитель. Дзержинский район идет по третьему классу, улица Пуговкина — по десятому. Смотрите раздел «Зима», подраздел «Вечер». Читаете следующее: двигайтесь налево и затем прямо двести метров, заходите в закрывающееся кафе «Сириус» и говорите уборщице, что вам надо Дусю. Не морочь мне мозги, — скажет уборщица, — никаких тут Дусек нет, Клавка есть, а Дусек нет. Прошу прощения, — говорите вы, — нам именно Клавку и надо. Так бы прямо и говорили, — проворчит уборщица, — а то Дуську какую-то им подавай. А Клавку в пять минут найдете. Вон, видишь, зеленый дом? Так за ним... Через пять минут вы уже звоните в незнакомую квартиру, говорите «Привет» незнакомой женщине с опухшей мордой и с синяком под глазом, выкладываете наличность, говорите магическую формулу «Градусы с отсыпом». А остальное сделается само собой. Получите самые крепкие градусы без закуски, от коих вас будет выворачивать наизнанку, грязный таз для блевотины, вонючий чулан с грязным тряпьем для отсыпа. В общем, все двадцать четыре удовольствия, и никаких обморожений и никакой милиции. Теперь ясно? Великолепно! — воскликнул Кандидат. — Вернемся в Москву, я достану магнитофон, запишем твой «Путеводитель», а потом перепечатаем. Это будет первая действительно полезная книга в «самиздате».

Ночные разговоры — Мы все-таки поразительная страна, — говорит Новый Друг. — Много я всякого повидал, а не перестаю удивляться. Хочешь верь, хочешь — нет, но я не вру: у нас возникла новая отрасль промышленности и культуры, занимающаяся производством украшений для праздников, — лозунгов, портретов вождей и пр. и соответствующей техники для их развешивания. Раньше этими делами занимались местные власти, а теперь централизовали в масштабах страны. В силу особой важности эта новая отрасль контролируется министерством культуры, отделом пропаганды ЦК, местными советами. Бог мой, что там творится! Представляешь, годами работают всякие комиссии. Научно-исследовательские институты! Лаборатории! Художественные Советы! Пришлось мне однажды на таком Совете посидеть. Больше двадцати человек заседали десять часов, обсуждая проекты одной единственной типовой виньетки из цветных электрических лампочек для улиц Москвы. Причем — для улиц второй категории, а не для главных вроде улицы Горького, Ленинского проспекта, проспекта Маркса. Там, надо думать, заседали неделями с участием министра культуры и заведующих отделами ЦК. В нашем Совете председательствовал первый заместитель председателя Моссовета. Ты бы только послушал, в каких высочайших категориях решались наиболее банальные проблемы. Например, в каком порядке должны гаснуть и загораться лампочки — от центра к периферии или наоборот. Победила в конце концов группа, настаивавшая на том, чтобы лампочки загорались от центра к периферии — это в соответствии с принципами демократического централизма.

— Пустая трата средств, — говорит Мнс. — Все равно на это уже никто не реагирует.

— Реагируют. Да еще как! Американцам, говорят, реклама тоже осточертела. Но она все равно действует. Так и тут. Выйдешь из дому — тебе в глаза лозунг «КПСС — руководящая и направляющая...». Едешь в автобусе — лозунг «Коммунизм есть неотвратимое будущее всего человечества». Мчишься в электричке — «Слава КПСС!», «Да здравствует...». А тут — в ряд портреты розовощеких руководителей. Думаешь, не действует? Действует! Насмотришься, и десять раз подумаешь, прежде чем что-то пискнуть. Вся эта махина лозунгов, призывов, портретов, плакатов, знамен устрашает не меньше, чем действия КГБ и МВД.

— Пожалуй, ты прав. Я как-то не думал в этом плане. Мне это казалось пустой формалистикой.

— Запомни, у нас никогда и ничего не делается зря. Все наши бессмысленности кажущиеся. На самом деле у нас все в высшей степени целесообразно. Формально — да. Но не бессмысленно.

*Но что касается меня, то я для пользы вящей
До коммунизма срок к нулю бы сократил.
Я просто наши лозунги в один бы превратил:
«Оставь надежды всяк, сюда входящий!»*

Из книги Твари Коммунистическое общественное самоуправление будет действовать в атмосфере полной гласности, информированности масс о делах общества, и, что особенно важно, чрезвычайно высокой гражданской активности людей, их глубокой заинтересованности в этих делах.

Наука и идеология Какая мразь, — сказал Новый Друг по поводу сочинения Тваржинской. Э, нет! Не мразь, — сказал Мнс, — а высокая идеология. Это мразь с научной точки зрения. Но это не наука, а идеология. А с идеологической точки зрения это не так уж плохо. Бывает еще хуже. И должен заметить между прочим, что противоположные утверждения не являются наукой тоже. Они тоже суть идеологические явления, но с обратным знаком. И потому они на порядок хуже официальной идеологии. Имей в виду, вся современная критика нашего общества и нашей идеологии идет целиком и полностью в рамках идеологии. Хотя она и претендует на разоблачение фактического положения дел, т. е. на истину, она тоже ничего общего не имеет с наукой. Наука не есть критика. И несмотря на явную лживость нашей идеологии и кажущуюся правдивость критической писанины, первая много ближе к науке, чем вторая. Идеология с первых же слов претендует на такое описание общества, чтобы оно сразу же узнавалось, т. е. чтобы картина была похожа на оригинал. И потому она лишь скользит по поверхности и с каждым шагом все более отдаляется от истины. Научная же картина общества сначала как будто бы ничего общего не имеет с реальностью, как мы ее видим. Но она забирается вглубь и шаг за шагом все более приближа-

ется к истине. Я давно мечтаю написать на эту тему большую работу. Но все время приходится «дорабатывать» чужую галиматью. Вот тут у меня сделаны черновые наброски. Если хочешь, можешь посмотреть.

Из записок Мнс Сколько появилось на свете людей, считающих себя специалистами по нашему обществу! И сколько они уже наговорили всякой ерунды о нем! И сколько еще наговорят! Стоит человеку посидеть в тюрьме несколько лет, как он уже воображает, что он постиг все тайны и глубины нашего социального строя. Стоит человеку заметить очевидную глупость руководителей, бесхозяйственность, обман, преследование инакомыслящих и прочие факты нашей жизни, как он уже чувствует себя на голову выше всякой профессиональной науки, которая не изображает по этому поводу высоких эмоций или вообще не придает этому особого значения. Завидую я таким людям, их невежественной самоуверенности. А я, к сожалению, уже отравлен ядом познания, исключаящим для меня всякую категоричность суждений. За какую бы проблему я ни взялся, я вижу бездну всякого рода обстоятельств, связанных с ней, которые тушат во мне даже намеки на эмоции. Наше общество, например, обвиняют в чрезмерной бюрократизации. Но является ли этот феномен специфически коммунистическим? Не является ли он атрибутом всякого дифференцированного общества? И есть ли это лишь зло? И не страдаем ли мы не столько от избытка, сколько от недостатка этого самого бюрократизма? И так обстоит дело, повторяю, с любой темой, за которую мне приходилось браться. В результате своих размышлений я пришел к выводу, что ошибочно рассматривать происходящее вокруг нас как продукт глупости, обмана, насилия и прочих отрицательных качеств людей. Оно скорее есть продукт положительных качеств людей, которые с необходимостью реализуются в отрицательной форме. Негодовать на дефекты нашего общества так же нелепо, как негодовать на природу за то, что не все в ней устроено так, как нам хотелось бы.

Письмо к Ней

*Когда умолкли судьи,
Сказал Он им: о, люди!
Вы думаете, я шучу?
Тут глупым шуткам места нету.
Я путь показываю к Свету.
Я справедливости учу.
Кто ты — нестоящий пустяк,
Пускай богач, пусть выпивоха,
Честнейший муж или пройдоха,
Герой, злодей или добряк,
Из горла пробудешь вино,
Идешь на важное собрание, —
Для всех диктую указанье
Без различения одно.*

*Тебе, к примеру, подвезло, —
Фонарь повесили под глазом.
Луни в ответ, и в оба разом,
Плати в отместку злом за зло.
Вранье за правду принимать
Не соглашайсь даже для виду,
Считай за личную обиду,
Скажи им прямо: вашу мать!*

Прогулочный трёп — Я за Вами внимательно наблюдаю, но понять Вас все-таки никак не могу, — говорит Старик.

— Потому что понимать нечего, — говорит в ответ Мнс. — Я живу с сознанием игрока, которому выпали плохие карты, который знает, что его партнеры опытные и безжалостны, что с такими картами выиграть невозможно, который поэтому лишь тянет время. Вот вы для меня — действительно загадка.

— Могу Вам отплатить такой же откровенностью. Если говорить в терминах игры, то мне как раз наоборот — мне выпали прекрасные карты. Но я сначала не умел играть, а потом — не захотел. И потому проделался в пух и прах. Снобы называют таких людей неудачниками. Посадить бы их хотя бы на годик, посмотрел бы я, к какой категории они отнесли бы себя. Нет, дело тут не в этом. Мой случай грубый, в духе той эпохи. Ваш тоньше, в духе нашего времени. Но суть, пожалуй, одна: недостаточная социальная защищенность и приспособляемость. Формируется «новый человек». Идет отбор на социальную выживаемость. Мы — отходы этого процесса. Со мной проще: я — дурак. С вами немного сложнее: вы — не дурак.

Мнение Ехидной Девицы К чему такие заумные рассуждения, — говорит Ехидная Девица, — когда все и без них совершенно ясно?

Давно пора понять, что все дело в возрасте начальствующей части населения. Везде и всюду всю власть в свои руки захватили старики и навязывают нам свой старческий строй жизни. Говорят, будто коммунизм — «это молодость мира, и его возводить молодым». Какое лицемерие! Молодых используют и насилуют. А строят все по планам и указаниям стариков. Молодежь допускается к активному участию, когда она уже сама становится бывшей молодежью, и ее активность начинает выражаться в продуцировании пассивности. Причем допускается не всякая бывшая молодежь, а лишь такая, которая с самого начала ориентировалась на старческий маразм. А успехи науки и медицины по продлению жизни людей приведут к еще более мрачным последствиям. Где выход? Молодежь должна заводить свой образ жизни, недоступный старикам и неподвластный их контролю. И презирать стариков, издеваться над их уродствами, над их слабоумием, бездарностью, трусостью. Я думаю, что кое-что в этом духе делается. Моды, поведение в общественных местах, музыка и прочие штучки, вызывающие у стариков приступы бешенства. Долой стариков! — вот вам ясная программа преобразований общества.

И возражение Старика Старики разные бывают, — говорит старик. — Что, например, вы имеете против меня? И как способствуют прогрессу наши молодые Студенты? Вы имеете в виду картину в общем и целом? Прекрасно! Но уверены ли вы в том, что социологическая картина молодежи существенно отличается от таковой стариков? Кстати, новые моды, новые фильмы, новую музыку и прочее изобретают старики, а не молодежь. И противозачаточные средства есть изобретение стариков. И образ жизни молодежи, который кажется ненавистным старикам и неподконтрольным им, на самом деле навязывается молодежи стариками, дабы обеспечить себе спокойную и самодовольную старость. И хотя бы возможность поворочать на молодежь.

Ночные разговоры Есть у меня, — говорит Новый Друг, — один приятель. Врач. Психиатр. Работает в «почтовом ящике». «Ящик», надо сказать, очень любопытный. Здание снаружи построено по проекту иностранных архитекторов, а внутри — по нашим собственным. Снаружи оно выглядит прекрасно. А внутри — лучше не попадать, как говорит приятель. Чем занимается «ящик», толком никто не знает. Одни называют его институтом, другие — больницей, третьи — тюрьмой. Мой приятель тоже не знает, что это такое, хотя работает там уже пять лет. Он читает рукописи, которые ему дают, просматривает рисунки и чертежи. И пишет на них свое заключение. Иногда беседует с людьми, которых ему приводят. Иногда присутствует при беседах и высказывает свое мнение. Что за люди? А кто их знает. Помнишь, одно время много было разговоров о людях со сверхъестественными способностями, которые могли через стену угадывать цвет предметов, поднимать предметы без соприкосновения с ними. Эти люди постепенно исчезали куда-то. Возможно — в такой вот «ящик». Приятель рассказывал как-то по пьянке, что он своими глазами видел одного такого человека. А где он мог его видеть? Но все это — пустяки. Однажды он мне рассказал очень странную историю, которая произошла в их «ящике». Если в ней есть какая-то доля правды, я готов поверить во всякую чертовщину. А может быть, в этом «летающие тарелки» замешаны?

Включили моего приятеля в особую комиссию обследовать одного, как им было сказано, шарлатана. Комиссия была серьезная — куча профессоров и докторов из разных наук. Во главе — академик. Установили мощнейшую скрытую фото- и телеаппаратуру. Привели человека. Парень примерно нашего возраста — считается, между прочим, что это самый цветущий возраст с точки зрения психических сил. На вид парень — ничего особенного. Впрочем, видать, над ним уже «поработали». Он был порядком измучен. Острижен, конечно. Одет в больничную (или в тюремную?) одежду. И начался не то допрос, не то обследование, не то эксперимент. Продолжалось это более двенадцати часов без перерыва, так как обследуемый ничего из своих «фокусов» не делал по просьбе или по приказанию. Он сам не знал, когда и в какой форме к нему придет «чудесная сила». Потому пришлось выжидать, предоставлять полную свободу его «психическим способностям». И он действительно вытворял умопомрачительные «фокусы».

Например, у всех присутствующих одновременно вдруг остановились часы и исчезли чернила из авторучек. Одновременно! Это все засвидетельствовано и внесено в протокол. Или вдруг все одновременно пытались задать один и тот же вопрос. Слово в слово! То, что листы бумаги, спички, пепельницы, зажигалки и другие мелкие предметы двигались сами собой по столу и подымались в воздух, на это уже не обращали внимания. Привыкли.

Но самое потрясающее произошло в конце, когда все вымотались, а обследуемый посинел от усталости. Он вдруг напрягся, сказал «Вижу!» таким тоном, что все замерли, и стал описывать какое-то помещение и входящих в него людей. По описанию все сразу поняли, что речь шла о членах Политбюро. Станным было то, что согласно газетам один из них был в Польше с каким-то визитом, а Сам вместе с министром вооруженных сил шлялся по Сибири. И все же описание сцены обследуемым было настолько живым и правдоподобным, что у членов комиссии не было никаких сомнений в правдивости его слов. Тем более, что он уже успел их убедить в своих необыкновенных способностях.

Потом обследуемый стал передавать слово в слово (как он сам сказал) то, о чем говорилось на этом видимом им совещании. А говорилось о предстоящей войне. У членов комиссии буквально волосы зашевелились на голове от того, что они услышали. В этот момент заседание прервали, обследуемого увели, сказав, что он переутомился, стал нести чушь. Но со всех присутствовавших взяли подписку о неразглашении. Что ты на это скажешь?

Затрапезный треп — В марксистском учении о деньгах, — говорит Кандидат, — есть кое-что верное. Но в целом оно ошибочно. Маркс слишком крепко связал деньги со стоимостными отношениями и с капитализмом. Отсюда — идея исчезновения денег после крушения капитализма. А между тем деньги являются выражением стоимости лишь в том случае, если имеются сами отношения стоимости, т. е. если имеется свободный рынок (спрос, предложение, конкуренция). У нас свободный рынок отсутствует. Есть черный рынок, но он не определяет нашу экономику. Отсутствие спроса на многие товары в магазинах и дефицит других нужных есть показатель не игры спроса и предложения, а плохой организации распределения и производства предметов потребления. У нас деньги суть средство, удостоверяющее долю общественного продукта индивида, и некоторое средство экономических расчетов и контроля. Средство удобное, поскольку дает индивидам некоторую свободу действий, влияющую на состояние экономической деятельности общества. А с точки зрения планирования и контроля они упрощают всю технику дела, хотя в принципе без них тут можно было бы обойтись (безналичные расчеты — это фиктивные денежные расчеты). Но все-таки это уже не деньги в буржуазном смысле. Поэтому у нас нет никакой экономики цен. У нас есть лишь политика цен. И вообще, деньги всегда выражают так или иначе господствующие отношения данного общества. В феодальном обществе их роль была иной, чем в буржуазном.

— Лично мне, — говорит Универсал, — наплевать на все эти высокие материи. Лишь бы побольше их было. А что они выражают, это я и сам как-нибудь сообразил бы.

— Ну, хорошо! Вот вам вдруг повезло, и вы имеете огромную сумму денег. Допустим — миллион. Что вы с ними сделаете? Ведь узнают если, наверняка посадят.

— Миллион мне не надо. Мне хотя бы две сотни в месяц. Чтобы это законно было.

— Пусть миллион законный. И никто придраться не будет. Что вы сделаете?

— Как следует выпью. Приоденусь. Питаться буду приличнее.

— Хотелось бы знать, где вы продукты будете брать?

— На рынке, конечно. Там, конечно, дороговато, но зато кое-что есть. А денег у меня, как вы изволили допустить, полно. Потом вступлю в кооператив, куплю квартиру.

— Это не так-то просто. Сколько у вас метров? Двенадцать? Никто вас в кооператив не пустит.

— За хорошую взятку пустят.

— Ага, рынок, взятка. Дальше.

— На курорт хороший съезжу. Путевку за денежки достать можно, у меня одна знакомая есть. И без путевки можно. Суну директору санатория сотни две-три, и все в порядке. Машину куплю.

— Сколько лет в очереди стоять будете? Хотя опять за взятку. Но одна взятка пройдет, другая, может быть, пройдет, а на третьей попадетесь. И все это, в общем, мура. Опыт показывает, что у нас люди, не занимающие высокого официального положения, большие деньги достаточно долго тратить как следует не могут. А людям с высоким положением особо большие деньги и не потребуются. Они за три-четыре сотни спокойно имеют все то, на что вам потребовалось бы минимум тридцать—сорок тысяч. Вот вам и денежная экономика!

— Все это ерунда, — говорит Инженер. — Дайте мне любые деньги, и я найду, как их толково потратить. Например? Например, собрание ценных книг. Коллекционирование картин. Сейчас много молодых талантливых художников продают свои работы за бесценок.

— Это не трата, — говорит Кандидат, — а лишь иная форма сохранения или даже увеличения денег. Трата — это когда деньги уходят вообще, сумма их сокращается.

— Не знаю, как сейчас, — говорит Мнс, — но несколько лет назад в закавказских и азиатских республиках была эпидемия защиты диссертаций. Причем «защищались» люди, имеющие огромные деньги и нуждающиеся в степенях в целях прикрытия для трат. Тогда можно было неплохо подработать. Например, организация защиты кандидатской диссертации стоила пятнадцать тысяч рублей, причем написание самой диссертации — всего пять. Остальные десять — плата тем, кто выпустит ее на защиту и устроит все формальности.

— У нас в стране, — говорит Дамочка, — очень много богатых людей. И откуда люди берут такие деньги? Посмотрите, какие давки бывают у ювелирных магазинов! Недавно я видела в комиссионном: шубу покупала одна особа, по виду — с Кавказа или из Азии. Тридцать тысяч!!

— Подумаешь! — говорит Серенькая Девица. — Вдова маршала Кобелева

продала дачу за полтора миллиона! Зачем ей такие деньги? И кто ее купил? Откуда у того человека такие деньги? Куда смотрят власти?

— Тут многое преувеличено, — говорит Кандидат. — Но доля истины есть. И большая. Кто купил? Какая-нибудь народная артистка Жмыкина, может быть, хоккеист, родственники наших вождей или маршалов. Им ведь все дозволено.

— Ходит слух, будто будут деньги менять. А то в народе бродит денег в сто раз больше, чем положено. Потому и цены повышают.

— Цены все равно повышать будут. А деньги, которые не возвращаются обратно, можно не считать. Нам ничего не стоит напечатать новые.

— О, Господи! А нам платят — смешно сказать!

— Чего мы стоим, то нам и платят.

— Мы ничего не стоим. А платят нам из милости, чтобы не подошли. Вдруг пригодится? И для масс нужно. Прославлять мудрость вождей.

Из книги Твари В таких условиях во всю свою гигантскую силу развернется человеческий разум. Огромных высот достигнет культура характеров и чувств людей. Коммунистическое бытие в полную силу разовьет новые моральные побуждения, солидарность, взаимное доброжелательство, чувство глубокой общности с другими людьми — членами одной человеческой семьи.

Девушки Добрую Девуцу прозвали Доброй за то, что она в первый же вечер без особой охоты, но и без особого неудовольствия была соблазнена отдыхающим, личность которого установить не удалось, причем — соблазнена тут же за углом, у клуба. Известно было только то, что соблазнитель был вдребезину пьян, попортил некоторые детали туалета, одетого по случаю праздничного события — танцев в клубе, и сделал свое дело плохо. Впрочем, этому никто не удивлялся, так как мы все дела привыкли делать плохо, а что касается портить — тут и говорить нечего. Тем более упомянутая деталь была заграничной. Заграничное мы все покупаем охотно, а обращаемся с ним так, будто оно совсем не заграничное, а что ни на есть самое наше. Вот, например, в газетах писали, что два года назад купили на Западе автоматическую линию за десять миллионов рублей. И уже успели ее испортить и забросить в хлам и мусор на восемь миллионов. Автор очерка призвал все общественные организации, всех трудящихся спасти хотя бы два оставшиеся миллиона. Но этот призыв — глас вопиющего в пустыне. Пропадут и эти два, да еще с собой пару наших миллионов прихватят. Чушь, — сказал по сему поводу Инженер, — вы просто понятия не имеете, во что обойдется демонтаж оборудования и переделка целого завода. Тут надо вложить не менее двадцати миллионов. Это же капитальное строительство! Но дело не в этом: упомянутая деталь туалета была испорчена до такой степени, что Девуца подарила ее уборщице. Та и растрепала на весь дом отдыха обстоятельства этого происшествия.

Добрая Девуца потом в течение всего отдыха безуспешно пыталась выяснить личность соблазнителя, который успел чем-то ее пленить (о, таин-

ственная женская душа!). А выясняла она единственно доступным ей способом — тут же сразу за углом клуба. Беззубая Докторица, добровольно (у нас уж такое замечательное общество, что все делается добровольно!) взявшая на себя функции блюстителя коммунистической морали, сделала попытку заняться воспитанием Девы, но, выяснив, что та является секретарем комсомольской организации своей лаборатории и кандидатом в члены КПСС, прониклась к ней уважением. К тому же, о каком тут воспитании могла быть речь, если надо было ставить вопрос о перевоспитании. И вообще, — сказал Универсал, — наш народ надо не воспитывать в духе коммунизма, а перевоспитывать.

Ехидная же Дева, наоборот, в отношении морали проявила неожиданную твердость и чистоту. Что я вам, — говорила она, — собака какая-нибудь или кошка, чтобы валяться на этой засранной земле. И романтикой я сыта по горло. Если бы мне нужна была романтика, я бы поехала на БАМ. Только в постели! Причем — в приличной. Чтобы пружины не кололи в задницу. И простыни чтобы чистые. Универсал заикнулся было насчет исторических традиций русского народа, но Ехидная Дева заявила, что она — продукт гениальной ленинской национальной политики, что хотя она по анкете и паспорту русская, но фактически в ней нет ни капли русской крови. В завязавшемся на эту тему разговоре выяснилось, что только Старик является чисто русским, поскольку происходит по прямой линии и без примесей от финского племени мерь.

Письмо к Ней

*Довольно! — крикнули они, —
Не трать слова напрасно.
И пасть поганую заткни,
Нам и без слов все ясно.
Прозрачна суть твоих идей
И цель твоих уклонов.
Да ты не шизик, а злодей,
Опасней всех шпионов!
Чтоб жизнь по-нашему текла,
Поможет нам наука.
Вот шприц, лекарство и игла.
Вертайся задом, ну-ка!!*

Литературная дискуссия Публикация на Западе разоблачительных книг советских авторов и советских эмигрантов имела одним из следствий разрешение высших властей печатать в Советском Союзе такие произведения вполне официальных советских писателей, которые раньше не напечатали бы ни в коем случае. Многие из них по разоблачительной силе, казалось, превосходили даже опубликованные на Западе книги, считающиеся антисоветскими. Этот феномен стал предметом обсуждения в доме отдыха в связи с тем, что такого рода сочинения появились в библиотеке и имели успех у отдыхающих. Были высказаны всевозможные

точки зрения, которые, как утверждал Мнс, можно было высчитать заранее. И все же Старик высказал еще одно мнение, не укладывающееся в комбинаторику Мнс. Он сказал, что вся эта литература — баракло. Одно уже то, что ее пропустила наша цензура и одобрил отдел культуры ЦК и Министерство культуры, свидетельствует о ее неполноценности. Ее коренной дефект — отсутствие соразмерности текстов тем событиям и персонажам, которых они описывают. Что он имеет в виду? Вот, например, наш Генсек съездил в одну западную страну. Поездка была устроена исключительно с целью потешить тщеславие Генсека и его окружения, пустить пыль в глаза, раздуть пустячную шумиху. И на Западе это знали заранее. И всем было очевидно, что поездка не имела успеха. Какая реакция на нее была бы соразмерной? Игнорировать ее и не говорить о ней ничего. В крайнем случае — отделаться ничего не значащими репликами. А что делают эти кретины на Западе? Орут во всю глотку две недели подряд о том, что поездка была пустячной. И тем самым сделали ее значительной, ибо о пустяках там много не говорят. То же самое в этой литературе. В силу нарушения закона соразмерности текста описываемому материалу она — ложь. А как нечто развлекательное или выдуманное она скучна. Вот, например, этот автор пишет, как вы говорите, правду о войне. Я сам все то, о чем он пишет, пережил. Персонажи его все время рассуждают. А в реальности тех «умных» мыслей, которые они высказывают на десяти страницах, хватило бы на год разговоров для целой воздушной армии. Концентрация духовности в реальности раз в тысячу пожиже. И по типу она не такова — автор свою надуманную духовность подсовывает своим персонажам. И потому я говорю, что эта писанина — такое же вранье, как и прежняя откровенная аполлогетика. Ехидная Девица сказала по поводу речи Старика «браво» и добавила, что когда не очень умный автор изображает заведомого дурака в качестве обладателя некоей духовности, из этого, кроме скуки, ничего выйти не может. И вообще, все эти Иваны Денисовичи, Иваны Африкановичи, Матрены в качестве важных персонажей нашего общества надуманы, если даже они автором и встречались в натуре. Эта «разоблачительная» литература на самом деле глубоко реакционна, ибо она отвлекает внимание людей с действительно больших и важных проблем на мелкие и второстепенные. Теперь надо вызывать не жалость и сочувствие к алкоголикам, психам, ублюдкам, старухам, а ненависть и презрение к власти имущим и привилегированным. Инженер по поводу реплики Девицы заметил, что в данном споре самую мужественную позицию заняли, как теперь вообще всегда происходит, женщины.

Письмо к Ней

*Что было дальше? Расскажу. Но только между нами.
Надев штаны, он прошептал: хочу вернуться к маме.
Они сказали: ишь герой! К мамаше не спиши,
Сначала сопли подотри, бумажку подпиши.
Вот вколем курс. Ты запоешь «Да здравствует!..», «Ура!!».
Тогда мы сами намекнем, что, мол, теперь пора.*

О рабочем классе — Что вы знаете о рабочем классе? — ворчит Универсал. — Вы хоть напильник, молоток, рубанок и вообще что-либо подобное держали в руках?

— Я лично не выпускаю из рук, — говорит Инженер. — Вечно дома что-нибудь ломается. Особенно — выключатели и водопроводные краны. Но упомянутые инструменты не есть характеристика современного рабочего класса. Да и сам-то ты что за рабочий класс? Ошиваешься постоянно среди научной интеллигенции и даже среди начальства. А настоящий рабочий с интеллигенцией общается от случая к случаю. Живет в основном в среде подобных себе.

— Я пятнадцать лет оттрубил в такой «чисто рабочей» среде. И сыт по горло. Я-то знаю эту «чистоту». К тому же теперь такого рабочего класса, который жил бы изолированно от интеллигенции и начальства, просто нет.

— Почему же нет? — возражает Старик. — Территориально, может быть, и нет. А в смысле культуры, обычаев и времяпровождения есть. Территориальное смешение людей само по себе не устраняет социальных перегородок. Я, например, живу в одной квартире с рабочей семьей. Уже больше десяти лет живу, а грань так и остается. Мы живем более или менее мирно. Но духовного единения и классовой, что ли, солидарности нет и быть не может.

— Я тоже живу в одной квартире с рабочим, — говорит Мнс. — Но близость у нас получается только на почве выпивки или квартирных склок. О его жизни я знаю все до мельчайших деталей. Серость, скука, убожество. И ничего другого в ней нет. Я в школе практику проходил как рабочий. Трудовой стаж после поступления в университет зарабатывал как рабочий. Вел и веду до сих пор пропагандистские кружки у рабочих. Регулярно пьянствую в среде рабочих. Так что представление о рабочем классе имею. Что наиболее характерно для рабочего класса? Острое желание если не самим выбиться из этого рабочего класса, то дать возможность своим детям сделать это. А если основной социально-психологической характеристикой класса является стремление не быть таковым, то лишь суммарные данные о нем могут представлять предмет любопытства.

Ночные разговоры — Эта твоя дама, по-моему, немного того. Чокнутая.

— Не немного, а много. Но теперь это — обычное явление. Ты часто встречал женщин за тридцать, которые были бы вполне здоровы психически?

— А ты, пожалуй, прав. Я что-то не припомню ни одной. У всех какой-нибудь сдвиг.

— Забавно, а они нас считают за психов.

— И имеют на то веские основания.

— Знаешь, мне начинает казаться, что психические заболевания становятся нормой. Не исключено, что человечество погибнет именно из-за этого. Кто знает, может быть, сейчас уже большая часть цивилизованного человечества больна, и остановить эпидемию нет никакой возможности.

— Резонно. Человечество биологически возникло без расчета на тот

образ жизни, какой мы сейчас ведем. Эти гигантские скопления людей. Нервотрепка. Соблазны. Избыток образованности и культуры. Между прочим, с этой точки зрения наш коммунизм смотрится уже совсем в другом свете, чем его изображают критики. В каком? Как инстинктивное стремление человечества к самосохранению, к психическому здоровью. Жулики, карьеристы, хапуги, циники, лодыри, бездари, сволочи всякого рода психическими дефектами не обладают. Это — наш удел, удел гнилой интеллигенции. Так что, может быть, через тысячу лет Сталина, Берию и всю их банду будут превозносить как величайших гуманистов в истории человечества.

— Зачем так долго ждать? Их и сейчас уже готовы превозносить за это же самое. Но я не склонен видеть основную причину психических заболеваний в том, о чем ты говорил. Соблазны относительны. Люди всегда скоплялись в тесном пространстве (пещеры, избы). Насчет образованности и культуры — это ближе к истине. Я более склонен видеть основную причину в идеологии. Эти заболевания суть душевные не в медицинском и психологическом смысле, а скорее в религиозном. Это — заболевания души, вернее — в связи с тем, что душа остается неразвитой или убивается совсем, что естественная потребность в ней не удовлетворяется.

— Я этого что-то не пойму. Объясни, что ты называешь душой?

— Объяснить это тебе я не смогу, ибо сам имею только смутные ощущения на этот счет. Но я чувствую, что у людей есть естественная потребность в религии, а она всячески подавляется нашей идеологией.

— Может быть, это все и так, но без серьезного опытного исследования мы тут дальше необоснованных догадок не сдвинемся. Хочешь, подам тебе гениальную идею? Ты — парень холостой. Судя по всему, имеешь успех у женщин. Женщины — существа более тонкие, чем мы, больше подвержены психическим потрясениям. Веди наблюдение! Разработай методику. Беседуй с другими людьми. А бабы сами тебе кучу материала насобирают. Сенсационную книжку можно сделать!

Из книги Твари На пути к осуществлению коммунистического идеала человечеству предстоит разделаться со всей мерзостью эксплуататорских порядков, на которых зиждется паразитическое, привилегированное положение целых общественных классов. Неудивительно, что коммунистическому движению пришлось с самых первых шагов столкнуться с ожесточенным и злобным сопротивлением этих классов — и не только в политической, но и в теоретической областях. Такое сопротивление приняло характер широкой кампании антикоммунизма, призванной опорочить коммунистический идеал, а после того как СССР и ряд других стран вступили на путь практического строительства нового общества, также опорочить и оклеветать социалистическую действительность.

Рассуждения о помойке

*Бредешь ли за полночь с попойки,
С работы трезвым ли идешь,
Благоухающей помойки
Ты все едино не минешь.*

— Меня, — говорит Универсал, — с неких пор волнует одна проблема. Вот вы, ученые люди, разрешите-ка ее. Едим мы вроде одно и то же. Читаем одинаковые газеты. Носим одинаковое барахло. Мебель одинаковая. Даже обои. И игрушки у детей у всех одно и то же стандартное дерьмо. Так ведь? Так. Но почему же в таком случае вы во всей Москве не найдете двух одинаковых помоек? Это уж вы мне поверьте. В чем, в чем, а в этом деле я опыт имею. И пахнут они различно. Одинаково омерзительно, но оттенки омерзительности весьма и весьма различны. И вид у них разный. И самое поразительное — содержимое разное! В одной, смотришь, гниют остатки ананасов. Откуда зимой в нашей нищей стране ананасы? А в другой на самой вершине возвышается драное и ломаное дореволюционное кресло. Как оно уцелело?! Почему на помойке, а не в музее... Походите сами как-нибудь и поглядите. Уверю вас, будете потрясены.

— В твоих речах, — говорит Инженер, — есть доля истины. Тот хлам, который остается от людей, создает иллюзию богатства и разнообразия. Это относится, по-видимому, ко всей истории человечества. Так что археологи создают нам искаженную картину прошлого. Они роются в остатках, свалках, помойках. А это невольно заставляет видеть прошлое более ярким, чем оно было на самом деле. Почему? Думаю, что эффект концентрации. То, что в жизни разбросано и выглядит однообразным и тусклым, на помойке концентрируется из многочисленных источников и создает впечатляющую картину.

— В высшей степени интересная идея, — говорит Кандидат. — Тут можно целую новую науку создать. Социологию помойки! Но, к сожалению, это замечательное явление московской жизни постепенно исчезает. Мусоропровод. Закрытые баки. Помойка еще сохранилась и цветет в старых районах.

— Жаль, — говорит Добрая Девица. — Помойка кормила десятки тысяч голубей и кошек. Сколько старьевщиков было! А с мусоропроводами за счет отбросов наживается лишь определенного рода публика, как и в прочих областях деятельности людей.

— У нас во дворе, — говорит Ехидная Девица, — жил один молодой человек, который жаждал быть независимым от общества, не имел постоянной работы, существовал на гроши, почти все силы и время тратя на размышления и внутреннее самоусовершенствование. Сейчас это входит в моду. Так для него наша помойка была основным источником мебели, одежды и частенько даже источником питания. Потом наш дом капитально отремонтировали, установили мусоропроводы со специальными мусорными помещениями, запираемыми на замок. Так этот молодой человек переехал в старый дом с худшей комнатой, чем прежняя, но зато с лучшей помойкой. Недавно я его встретила. Он поправился, порозовел. И одет гораздо приличнее.

Письмо к Ней

*Поэт хотел стальнойю видеть Русь...
И вот уже сменились поколения.*

*Прошедшее обобщить не берусь.
Одни разрозненные впечатления.
Давно тут самолеты режут облака,
Глядится стариною электричка,
И не отыщешь кружку молока,
Не съешь от местной курицы яичка.
На много километров яблоневый сад
Растет в согласьи с пятилетним планом.
Поносят бабы «этот суций ад»
И едут в город за венгерским «джонатаном».
Где был источник знаменитых вод,
Ключей проволокой весь район опутан.
За ней цветет секретнейший завод,
Дымами ядовитыми окутан.
А что касается людей,
Наверно прав был лектор из столицы:
Та общность новая уже родилась, ей-ей.
Противно вешаться. Но нечем застрелиться.*

Жалоба Ехидной Девы — Это мы тут все хорошие и добрые, — говорит Ехидная Девица. — А как вернемся к исполнению служебных обязанностей, в таких сук превратимся, что не приведи Господи. У меня мальчик болел бронхитом. Врач велела сделать рентгеновский снимок. Взяла на работе день в счет отпуска. Пришли. Народу никого. Ну, думаю, повезло. Врач на месте. Сестра. Занимается всякими делишками. На нас ноль внимания. Надоело. Прошу принять нас. Врач говорит, только после двух, а сейчас всего час. Прошу опять. Мол, дело минутное. Ни в какую. Сидим, ждем. Два часа. Полтретьего. Три. А они и не чешутся. Не выдержала, начала ругаться. Врач наконец смилостивилась. Но велит талончик взять в регистратуре. Иду туда. Талончиков, конечно, на сегодня нет. Есть через три дня только. Взяла талончик на «через три дня». Иду в кабинет. Врач говорит, не приму. Мол, талончик не тот. Что делать? Я решила добиться своего. Зашла я с мальчиком в кабинет. Настаиваю на своем. Мальчик плачет. Врач упорствует. Заметьте, народу ни одного человека. Я не выдержала, закатила скандал. Прибежала заведующая отделом. А время идет. Наконец, скандал урегулировали. В пять часов... заметьте, в пять!.. сделали снимок. А меня аж трясло. Вот вам и бесплатная медицина. Вот вам и народная власть. Сучья система, скажу я вам. И так — за что ни возьмись. Мы не работаем, а самоутверждаемся. И каждая вошь делает это за счет ближнего.

Беззубая Докторица теряет невинность Кто-то из представителей прогрессивной части сказал Ильичу, что Беззубая Докторица готовит против него пакость. Ильич заинтересовался, подстерег Докторицу в районе туалета и потребовал показать письмо. Прочитав письмо, он остался доволен и изъявил желание присоединить свою подпись к уже собранным. Это потрясло Докторицу. Она пыталась пояснить Ильичу, чем

грозит ему такое письмо, но он стоял на своем. В каждом заезде, сказал он, на него сочиняют такую бумагу. И он каждый раз подписывал, потому как полностью согласен. Докторица после этого утратила интерес к письму и впала в крайний русский национализм. При всяком удобном случае она стала превозносить выдающиеся качества русского народа, поглядывая с укоризною в сторону Членкорницы, которую она считала еврейкой, хотя и кабардино-балкарской или чечено-ингушской, но все-таки еврейкой. Потом ее стали замечать беседующей с Ильичом, причем — с накрашенными губами. Наконец, посудомойка тетя Глаша сообщила всему персоналу и всем отдыхающим (разумеется, под большим секретом), что своими собственными глазами видела, как Ильич повалил Докторицу прямо на дрова и... тьфу, Господи, прости! Срам-то какой! Вот до чего дока- тилась нынешняя молодежь! Диссиденты! Сионисты!

Ночные разговоры — И все-таки Запад обречен, — говорит Мнс. — Почему? Причин тому много. Во-первых, потому что уничтожение Запада есть наша «идея фикс», как любит выражаться доктор философии Барабанов. Во-вторых, все дерьмо на Западе действует в нашу пользу. Молодежь. Отсталые народы. Я уж не говорю про коммунистов. И даже бизнесмены, имеющие с нами дело, так или иначе тем самым роют себе могилу. В-третьих, мы неуклонно проводим в жизнь принцип — проникать в страны Запада любыми средствами. Наша «пятая колонна» в странах Западной Европы сейчас раз в пятьдесят сильнее гитлеровской. В-четвертых...

— Можешь не продолжать, — говорит Новый Друг. — Но тут есть много «но». В частности, Запад ведь тоже стремится проникнуть в наше общество. И довольно успешно это делает. И влияет. Например, все диссидентское движение...

— Тут есть одно существенное различие. Наше проникновение на Запад ослабляет Запад и усиливает нас. Проникновение Запада к нам в конце концов усиливает нас и ослабляет Запад. И так по каждому пункту.

— Не могу согласиться. Наши контакты с Западом открывают людям Запада и нам глаза на дефекты коммунизма и достоинства западной демократии.

— Открывание глаз несколько не влияет на фактическое соотношение сил и на общую его тенденцию. Когда бьют по морде, то с открытыми глазами получается даже хуже.

— Ты помнишь, года три назад наш писатель (забыл его фамилию) остался на Западе? Так он недавно умер от инфаркта. Совершенно внезапно. Здоровый был, и вдруг инфаркт. Что ты скажешь по этому поводу?

— Я в этих делах не специалист.

— Темная история. Наша медицина продвинулась настолько далеко вперед, что она теперь может вызвать любой инфаркт у любого здорового гражданина в течение пары часов. И что важно, теперь это стоит копейки. Бросят таблетку в чай или дунут в нос, проходя мимо, и готово. Прогресс!

Ленинские торжества В связи с предстоящим днем рождения Ленина в клубе пускали только революционные фильмы — «Ленин в Октябре», «Ленин в восемнадцатом году», «Семья Ульяновых», «Сердце матери». За два дня до юбилея приехал лектор из МГК, и всех отдыхающих загнали на лекцию «Ленинизм и современность», в которой лектор с визгом поносил правых и левых уклонистов, правых и левых ревизионистов, еврокоммунистов, советологов и, конечно, инакомыслящих. Ту же цель — дискредитацию социализма, подрыв его позиций — преследует и развязанная враждебной пропагандой кампания фальсификации социалистической демократии, так называемого вопроса о «нарушениях прав человека» в социалистических странах, — орал истерично лектор. — Это тщательно организованная идеологическая диверсия, призванная по замыслу ее вдохновителей служить шельмованию, сокрытию правды о социалистическом обществе, поддерживать версию о существовании в нем оппозиции социалистическому строю. Группу отщепенцев, чуждых советскому обществу и всему миру социализма, существующую лишь благодаря финансовой помощи Запада, злобная антисоветская пропаганда изображает в мученическом ореоле «борцов за свободу», «за права человека», пытается представить их как выразителей якобы «подлинных настроений» советского народа. Так называемые «инакомыслящие» действуют в враждебных позициях против социалистического строя, становятся на путь антисоветской деятельности, нарушают законы и, не получая поддержки в стране, обращаются за помощью к нашим классовым и идеологическим противникам. В число «инакомыслящих» часто попадают люди с больной психикой, отщепенцы, преследующие меркантильные цели. Советские люди справедливо видят в группе «инакомыслящих» противников социализма, людей, идущих против собственной Родины, пособников, а то и агентов империализма!!!

Мнс хотел уклониться от лекции, но Новый Друг отсоветовал. Не стоит из-за такого пустяка наживать неприятности, — сказал он. — Сообщат на работу, а там, сам понимаешь, истолкуют превратно.

На другой день вечером состоялось торжественное собрание отдыхающих и персонала дома отдыха, на котором (помимо доклада секретаря партийной организации) вручали почетные грамоты и объявляли благодарности лучшим работникам. Потом была художественная самодеятельность силами тех же отдыхающих и тех же сотрудников. В заключение директор объявил, что завтра — коммунистический субботник в честь... Потом было кино о Брежневе как о верном и самом выдающемся марксисте-ленинце современности. К телевизору невозможно было пробиться — смотрели торжественное юбилейное заседание в Кремле. Мнс, Старик, Инженер, Универсал и Новый Друг заперлись в палате, пили бутылку за бутылкой, курили и вели мрачные разговоры. О каких тут преобразованиях может быть речь, — грустно сказал Старик. — Народ эту свою идиотскую жизнь уже не променяет ни на какую другую. Ему и не до перемен. Он вгрызается в эту жизнь, приспособливается, любыми доступными средствами стремится урвать для себя кусочек. И все! И больше тут ничего нет! Мертвечина!

На утро чуть свет захлопотали Бог весть откуда появившиеся репро-

дукторы и грохотали весь день, заполняя окрестность ликующими звуками гимнов строителей коммунизма. А отдыхающие в это время очищали территорию от битых бутылок, консервных банок, прошлогодних листьев и прочего хлама. К вечеру подвели итоги социалистического соревнования за звание лучшего корпуса и лучшей палаты. Наиболее отличившимся участникам субботника объявили благодарность с сообщением об этом по месту работы. В этот день в магазине было продано спиртных напитков в десять раз больше обычного. Особенно на субботнике усердствовали женщины. Они все вырядились в спортивные костюмы, выявившие для всеобщего обозрения все их телесные достоинства. И недостатки тоже. Если хочешь знать мое мнение, — сказал Новый Друг, — то у твоей «ста-рушки» тут, пожалуй, самая приличная фигура. Она тебе еще не надоела? А то я мог бы заменить тебя. Я от нее устал, — сказал Мнс, — но бросать как-то неудобно. Да и много ли осталось нам тут быть. Так что дотяну как-нибудь. В Москве — пожалуйста. В Москве, — сказал Друг, — у меня своих девать некуда.

Универсал проспал в обнимку с Диссидентом весь субботник в куче прошлогодних листьев. Хватились его за ужином.

Письмо к Ней

*Сегодня день рожденья Ильича.
Великий праздник среди наших праздных буден.
На завтрак дали по кусочку «кулича»,
Как тут зовут с подливкой манный пудинг.
Потом — на трудовую вахту в честь вождя
Стал каждый отдыхающий — работник.
В душе молили крепкого дождя,
Вслух восхваляли дружно комсубботник.
Столовая «скатерками» в обед убелена.
Хватило всем горчицы, перца, соли.
На четверых бутылка «красного» вина,
Кусочек мяса в супе чуть ногтя поболе.
Потом кино, как Ленин нас спасал,
И даже, может быть, не он, а Сталин.
Как появился он, в восторге замер зал,
Аплодисменты грянули. И все, конечно, встали.
Перед началом был киножурнал —
Показ важнейших на Земле событий.
Генсека я на этот раз с трудом узнал:
Он был, мне кажется, в порядочном подпитии.
На сцене, как всегда, кривляются Они,
Мы ж собираем битые бутылки.
И ты попробуй, слово сказани, —
Народа мощь почувешь на затылке.
Хоть я был пьян, но выдержать не мог,
Бежал, как от волка трусливый заяц.*

*К проходу бросился, не разбирая ног.
И слышал вслед: вот диссидент, мерзавец!
Теперь я жду на институт донос.
Как будто я по горло в липкой жиже.
Конечно, будет мне очередной разнос,
Дадут по шее, а не то — пониже.*

Ночные разговоры — Вот чем ты объяснишь такое явление? Есть у нас в институте сотрудник с довольно редкой теперь фамилией Иванов. Довольно посредственный с научной точки зрения. Заумный. Явный шизик. Предмет постоянных насмешек в отделе сатиры и юмора в стенгазете. Поднахватался чего-то в йоге, в парапсихологии и вообще во всем, что сейчас вызывает нездоровый интерес в нашей интеллигенции. Так он ведет какой-то спецкурс в университете, имеет там кучу поклонников. О нем уже легенды пошли как о Великом Гуру.

— Шарлатаны и шизики всегда имели больший успех, чем настоящие люди. К нему наверняка липнут всякого рода неудачники, увечные, психически неустойчивые. А он им сулит всяческие заманчивые вещи. Посмотрел бы я на них, если бы этот Гуру пообещал им лишь вероятный успех ценою тяжкого труда в течение многих лет! Я вообще такого рода явления презираю. Я сторонник здоровой спортивной жизни, гигиены, хорошей еды, добросовестного отношения к делу, в общем — ценностей западноевропейской цивилизации.

— Но почему этого Гуру допустили в университет? Почему КГБ это разрешает, хотя они теперь придираются к каждому пустяку? В Ленинграде, например, недавно одному парню дали пять лет за группу йоги, хотя он вел группу официально, в помещении школы.

— В КГБ тоже есть ведь соображающие люди. Если не трогают, значит, им это выгодно. В университетской среде все равно какое-то число молодежи склонно к ненормальным (с точки зрения КГБ) отклонениям. Так уж пусть они лучше отклоняются в это безобидное (с их точки зрения) шарлатанство и сектантство, чем в опасную и хлопотную политику.

— Но ведь он может искалечить жизнь многим молодым людям!

— Лишь тем, кто к этому склонен. К тому же КГБ и университетским властям на это наплевать. И готов держать пари, что вся эта группа выглядит безупречно с официальной точки зрения. Наверняка этот Гуру член партии. Угадал? И поклонники его комсомольцы, а то и активисты даже. Через какое-то время закулисная их игра вылезет наружу (забеременеет неизвестно от кого одна из поклонниц, например), и их разгонят. Если, конечно, они до того времени и сами не разбегутся.

Откровение Старика — Жизнь прошла, — говорит Старик, — и впереди мне уже ничего не светит. Скоро на пенсию. Держать меня не будут, сразу выгонят. Зачем я им нужен? Что мне остается? Никаких материальных и духовных ценностей я не накопил. Все мое имущество не стоит одной замшевой куртки Кандидата. Вспоминать

почти нечего. Теории выдумывать — это не по моей части. Да и не по зубам. И все-таки во мне еще звучит какая-то возвышенная и прекрасная музыка, я ее постоянно ощущаю. Даже, кажется, могу руками потрогать. Что бы это могло значить, как по-вашему? Не понимаете? Да, это трудно объяснить словами. Когда я был маленьким, я сильно заболел. Я был в таком тяжелом состоянии, что меня даже сочли почти умершим, но я не был мертвым, я был в ином мире. Я видел огромное-огромное пространство, а внизу — грязную, извилистую дорогу. Я одновременно смотрел на эту дорогу с ужасающе страшной высоты и шел по ней. Я чувствовал себя очень маленьким, очень одиноким, очень несчастным. И сам же видел, какой я маленький, одинокий, несчастный. И знаете, что поразительно? Это видение потом повторилось с абсолютной точностью, но... наяву. В лагере. Ночью нас вдруг подняли, выгнали из барачков, построили и погнали куда-то. Мы шли много часов, падая от изнеможения. Несколько раз падал и я. Но держался. Мне казалось, что упасть — значит погибнуть. И ужас охватил меня. И я снова упал. И потерял сознание. Очнулся — лежу на грязной дороге совершенно один. На той самой дороге, что видел в детстве. Я ее сразу узнал. И бесконечно высокое небо я сразу узнал. Лишь потом я задумался над вопросом, почему меня оставили тут одного и живым. Может быть, не заметили, потому что я сам был сер, как грязь, и был втоптан в грязь. А тогда я ощущал... не думал, а только ощущал лишь бесконечное одиночество и жалость к себе. И я побрел обратно. Почему обратно? Да потому что идущим именно в этом направлении я видел себя в том детском сне. И я дошел. Когда я пришел в лагерь, там уже не было никакой охраны, бараки были порушены, их собирались жечь. Занимавшиеся уничтожением лагеря люди были безмерно удивлены, увидев меня. Я упал снова и уснул. Какие они вели дискуссии, пока я спал, не знаю. Но они взяли меня с собой. Вскоре меня освободили и реабилитировали. Должны были освободить и прочих, но они куда-то исчезли. А видение той дороги уже не покидало меня после этого никогда. Вот и теперь, стоит закрыть глаза, и я вижу ее. И ощущаю себя на ней. Маленьким, серым червячком. А в страшной высоте неба гремит эта проклятая музыка. Как сводный хор ангелов... Вы за собой ничего подобного не замечали?

— Я не был на фронте, — говорит Мнс, — но мне почему-то слышится топот копыт, крики сражающихся, рев моторов самолетов, пулеметные очереди, взрывы бомб. Раньше мне чудились их голоса. Но теперь они почему-то умолкли.

Научные проблемы — Странный наш заезд, — говорит Инженер.—Сброд какой-то.

— Вроде московской помойки, — говорит Универсал.

— Парадокс получается, — говорит Старик. — Появление каждого из нас тут вполне объяснимо. А почему получилось такое скопление, причинного объяснения нет. Почему, например, вы сюда попали, в такое неподходящее время?

— Составляли график отпусков, — говорит Универсал, — и меня сунули сюда. Сказали, что летом я буду нужен в институте. А какое там в институте?! Наверняка надо будет ремонтировать квартиру директора.

— А я вообще предпочитаю отпуск разбивать на куски и брать его в неподходящее для других время, — говорит Кандидат. — Летом у нас институт пустеет, делать совершенно нечего, так что получается дополнительный длинный отпуск.

— А Членкорница намекнула, что она скрылась в Москву от каких-то неприятностей там, у себя дома, — говорит Добрая Девица. — Она тут в командировке. И предпочитает проводить ее на природе.

— Конечно, — говорит Инженер, — раз мы все тут, были какие-то причины, вынудившие нас к этому. А вот попробуйте охарактеризовать этот сброд в целом! Ну, хотя бы первичную (рабочую) классификацию дать.

— Это плевое дело, — говорит Ехидная Девица. — Могу предложить следующую классификацию вполне в духе диалектического материализма и подтверждающих его достижений современной науки. Отдыхающие данного заезда делятся на такие группы: 1) те, о ком думают, что они — стукачи, но они таковыми не являются; 2) те, о ком не думают, что они стукачи, но они таковыми являются; 3) те, которые являются или не являются стукачами независимо от того, что о них думают и думают ли о них вообще; 4) те, которые и вообще. Что скажет по этому поводу современная логика?

— Современная логика, — говорит Мнс, — настолько далеко ушла вперед, что уже не способна справиться с такими примитивными задачами. Между прочим, идея Старика верна. Возьмите теперь все наше общество в духе его идеи. Каждое отдельное событие и каждый отдельный поступок людей вполне объяснимы с причинной точки зрения. А возьмите всю совокупность события и поведения людей и попробуйте к ней подойти с той же точки зрения. Ничего не выйдет.

— А как же быть в таких случаях? — спрашивает Дамочка.

— Очень просто, — говорит Универсал. — Пока еще не закрыли магазин, скинуться по тройку... Ну, хотя бы по рублю... Женщинам скидка на пятьдесят процентов...

Ленин или Винни-Пух Но, начав пить, уже не могли остановиться. Инженер впал сначала в слезливое, а затем — в обличающее состояние. Привел я свою дочку в школу записывать, — говорил он. — А школа особая, хотя и в нашем районе: в нее не всех принимают. Устроили своеобразный вступительный экзамен. И потребовали, чтобы моя семилетняя Танюшка прочитала им стихотворение о Ленине. А она сказала, что стихов о Ленине не учила, а вот про Винни-Пуха — пожалуйста. Бог мой, что творилось после этого с почтенными педагогами! Как! — орали они с пеной у рта. — Про Ленина не знает, а про какого-то Винни-Пуха знает!! В эту школу Таньку мою, конечно, не взяли. А мне на работу написали, сволочи, что я неверно ребенка воспитываю. В это время как раз началась кампания насчет воспитания детей в духе. На работе специальное партсобрание по моему поводу провели. На вид

поставили. А я после этого сам всю детскую литературу про Ленина назубок выучил, а Таньке даже основные положения «Материализма и эмпириокритицизма» растолковал. Хотите, что-нибудь наизусть прочитаю? Нет! — закричали все. — Читай лучше про Винни-Пуха! Про Винни-Пуха мы всё позабыли, — сказал Инженер. Чудеса, — сказал Старик, — вы вот про какого-то Винни-Пуха разговариваете. А в мое время за это знаете что было? Прогресс все-таки очевиден.

Потом гуляли по поселку и веселились от души. Сначала хотели засунуть в форточку к Членкорице дохлую кошку, валявшуюся неподалеку от столовой. Но она разложилась настолько, что ее нельзя было в целости поднять с земли. Потом, оказавшись около дачи Петина, дразнили его собаку. Собака оказалась на редкость флегматичной. На самые изощренные дразнильные действия Универсала она лишь сверкнула зубами. Ну, погоди, — сказал Универсал, отчаявшись вывести пса из равновесия, — я тебе черепушку все равно прошибу при случае.

Мнс сильно развезло. Дамочка и Новый Друг приволокли его в палату, раздели и уложили спать. Засыпая, он лепетал, что он, к сожалению, не Ленин, а всего лишь Винни-Пух. Кто такой этот Винни-Пух? — спросил Друг. Неужели Вы не знаете?! — изумилась Дамочка. — Вы же интеллигентный человек! Черт с ним, с этим Винни-Пухом, — сказал Друг и предпринял попытку завалить Дамочку на свою кровать. Та сначала сопротивлялась, бормотала что-то насчет чести, достоинства, верности, порядочности и прочих моральных ценностей. В заключение она сказала, что и он (это — о Мнс) далеко не ангел и капитулировала.

Письмо к Ней

*Вчера меня порядком развезло.
Но, может быть, я не подвергнусь втыку —
На сей раз, слава Богу, повезло:
Меня приняли за другого забулдыгу.
Пить больше не хочу. И не хочу болтать.
И не хочу сверять нелепые цитаты.
Мою изорванную душу залатать
Смогла б теперь, пожалуй, лишь одна ты.*

Солнце День выдался солнечный. Отдыхающие преобразились. Мужчины тщательно выбрились, наодеколонились, надели праздничные одежды. Женщины... Ну, об этом и говорить нечего. Тут и без слов все ясно. Даже Членкорица затянула свою расплывшуюся тушу в трикотажный брючный костюм, и это не настраивало окружающих на юмористический лад. Беззубая Докторица сказала вполне искренне, что Членкорице этот костюм очень к лицу (хотя потом, рассказывая своим знакомым про этот случай, она хихикала от удовольствия — вот, мол, уела эту жирную дуру!). Универсал, еще не отошедший от вчерашнего перепоя, расточал комплименты и целовал ручки всем дамам подряд. Членкорице он сказал, что ее в таком виде опасно выпускать на улицу без охраны, и с ней

от такого тонкого комплимента чуть не случился удар. Собаки улыбались, высунув языки. Беременные кошки, игнорируя собак, разлеглись на солнышке в самых nepотpeбных позах.

— Эх, братцы! День-то какой!! — воскликнул Инженер. — А что если сообразить что-нибудь этакое на природе?!

Предложение Инженера приняли единогласно и без колебаний. Скинулись кто по трешке (в основном дамы), кто по пятерке (в основном пьющие кавалеры). Сунулись в магазин — закрыто на учет. Настроение несколько спало. Но Инженер сказал, что это не беда, что он с Универсалом или с Мнс «сгоняют» на станцию и привезут все, что нужно. На это уйдет час-полтора, не более. А за это время дамы пусть приготовят все необходимое. И топайте на ту самую горку над ручьем, поросшую сосенками и елочками. Там сухо, а главное — красиво.

Так и сделали. Пока Инженер и Мнс «гоняли» за выпивкой и закуской, отдыхающие бродили по берегу ручья, пели песни, говорили приятные вещи, проявляли необычайную предупредительность и заботу друг о друге. Членкорица предложила Беззубой Докторице, которая присела на пенек, подложить свой шикарный плащ, дабы та не схватила радикулит, и Докторица с благодарностью согласилась на это. Дамочка пела цыганские романсы, и получалось это у нее неплохо, и ее просили петь еще и подпевали ей. И она пела, сожалела лишь о том, что ее не слышит Мнс. Членкорица рассказывала о своих замужествах, особенно о первом, когда ее в буквальном смысле слова похитил ее будущий (первый) муж. Ей тогда было всего пятнадцать лет, и ее похитителю пришлось давать крупные взятки должностным лицам. Она назвала общую сумму. Все сказали «Ого! Ничего себе!», но верили, ибо все считали жителей южной республики спекулянтами и миллионерами. Лишь Ехидная Девица по сему поводу заметила, что она не понимает, зачем в наше время выходить замуж, раз есть центральное отопление.

Из книги Твари Несмотря на внешнее разнообразие аргументов, выдвигаемых против коммунистического идеала, в основном дело сводится к двум ясно очерченным пропагандистским линиям: к попыткам доказать его нереальность, неосуществимость (при этом подчас даже не отрицается величие и положительный характер многих целей коммунизма самих по себе) и к попыткам ослабить притягательную силу самого коммунистического идеала, искажая его характер, приписывая ему антигуманистические черты.

Об искусстве и усовершенствовании Разговорились о литературе, потом о музыке. Она говорила общепринятую банальность насчет того, что искусство возвышает, очищает, делает лучше. Он сказал, что это вздор. Искусство в такой же мере возвышает и улучшает человека, в какой это делает съеденный хороший шашлык и выпитая бутылка хорошего вина. Она сказала, что он по всем вопросам говорит наоборот. Отчего бы это? Из стремления к оригинальности? Из духа противоречия? Он сказал, что не знает, почему он обычно зани-

мает особую позицию. Но он не стремится к оригинальности и не склонен к дискуссиям. В данном случае он просто высказал результат своих наблюдений и размышлений. А что же в таком случае делает человека чище и лучше? — спросила она. Только общественное насилие и добрая воля человека, — ответил он. — Первое для большинства, вторая — для одиночек. Выходит, мы становимся лучше от нашего режима, — удивилась она. Вне всякого сомнения, — сказал он. — Если ослабить режим, мы превратимся в еще более худших тварей. Но режим поддерживают мерзкие твари! — возмутилась она. — Как ты можешь так рассуждать?! Увы, — сказал он, — таковы законы природы. Режим наш имеет лишь один путь улучшить нас: порождая еще худших тварей, чем мы сами. А где же выход? — не сдавалась она. А ты забыла о второй возможности, — сказал он. — Это — путь одиночек. Чтобы стать лучше, человек должен знать, что это такое, должен очень захотеть этого и приложить к этому усилие. Чтобы улучшить все общество, такие одиночки должны заразить своим примером других. А затем люди должны убедиться в выгодности и целесообразности быть такими. Это — долгая и мучительная история. И идет она в ожесточенной борьбе общества против таких одиночек, стремящихся быть лучше. Но почему? — спросила она в растерянности. Потому что они нарушают привычный ход жизни и вносят в души людей болезненное беспокойство, — сказал он. — Это же очевидно. Да, — согласилась она, — это совсем очевидно.

Из записок Мнс Если поверхностным взглядом посмотреть на наше общество, то легко можно заметить хамство, халтуру, карьеризм, взяточничество, пьянство, лицемерие, воровство, очковтирательство, цинизм, неверие и все прочие омерзительные явления человеческой жизни. И в большом количестве, повсюду и всегда. Так как же такое общество может существовать?! Оно же должно было давно развалиться! Но оно существует из десятилетия в десятилетие, не разваливается, а наоборот, расширяется и наращивает мощь. В чем дело? Взгляните на то же самое общество с иной позиции и иной дистанции, и ваши опасения или надежды, что это общество вот-вот развалится, испарятся. Допустим, вы — молодой и вполне здоровый человек. А знаете ли вы, сколько клеток в вашем теле погибает каждую минуту, какие смертоносные микроорганизмы обитают в нем, какие яды циркулируют?! Да возьмите любую здоровую клетку и посмотрите ее под микроскопом! Найдете ли вы среди них хотя бы одну, какую можно было бы посчитать за совершенство?! Так что же говорить о таком неизмеримо более сложном организме, как человеческое общество! Жизнь сложного организма не есть образцовый пример для учеников, лозунгов, доктрин. Это — жизнь со всеми ее естественными явлениями, в том числе — с уродствами, прыщами, бактериями, загноениями, поносами. То, что мы видим в нашем обществе, суть естественные явления его естественной жизнедеятельности. Их можно заранее предсказать и вычислить, исходя из знания типа общества, логически мыслимых возможностей для поведения людей и числа возможных их поступков. Нормальная же жизнь общества не есть абсолютная гармония, абсолютное здоровье. Она есть

лишь тенденция к гармонии и здоровью, борьба всех сил общества за это. Но — лишь одна из тенденций. Человеческий организм умирает. И наше общество рано или поздно умрет. Смерть организма столь же естественна, как и его жизнь. Но естественная смерть организма не есть следствие болезней, микробов, ядов. Наше общество умрет (если это будет естественная смерть) не от взяточников, алкоголиков, халтурщиков и прочих социальных язв. Естественное умирание есть элемент в механизме самосохранения организма. Борясь с отклонениями от некоей «нормы», всякий организм добивается успеха только путем создания условий своей гибели. Если допустить, что наше общество может мирно жить сколь угодно долго, то оно рано или поздно умрет. Но причиной его гибели будут не зримые нами теперь язвы, а те явления, которые мы считаем здоровыми, разумными, полезными. Мы ужасаемся, глядя на лодырей, взяточников, карьеристов, пьяниц, насильников, прочую нечисть. Мы лицемерим, ужасаясь, ибо эта нечисть и есть мы сами, ибо лишь благодаря этой нечисти мы хоть как-то можем жить в таких социальных условиях. Если общество уничтожит эту нечисть хотя бы наполовину, оно погибнет. Но это будет не естественная смерть, а самоубийство. Мои слова не следует понимать как призыв «Да здравствует нечисть!». Их следует понимать лишь как призыв попытаться понять нашу жизнь другими интеллектуальными средствами. Бунтуйте или примиряйтесь — это ваше дело. Но не всплую же!

Конец Сталина Однажды вечером, за ужином, Мнс передали записку от Петина. В ней говорилось, что Петин приехал на дачу и требует немедленно вернуть его «документы». Мнс похолодел от ужаса: он же выбросил петинские бумажонки! Не дожидаясь, когда ему принесут манную кашу, Мнс бросился в палату и припал к мусорной корзине. Бумажки недвижными лежали тут!! Слезы радости потекли из прекрасных очей его и оросили содержимое корзины. Собрав петинские «документы» и свои записки, Мнс побрел на дачу к Петину, позабыв про манную кашу, про жидкий чай с двумя кусочками сахара и печеньем «Привет». Петин торопливо просмотрел свои заметки и, убедившись в том, что они целы, и поверив Мнс на слово, что тот не снял с них копий, бросил их в горящий камин. Потом начал читать записки Мнс. Читал не спеша, перечитывая отдельные места. Недвижный Мнс не мигая глядел на его огромный череп, покрытый редкими клочками серых волос. Здорово, — сказал наконец Петин. — Ты точно угадал мои установочные идеи. Но к сожалению... И Петин, не договорив фразу, бросил и заметки Мнс в камин. А теперь, — сказал он с видимым облегчением, — будем пить чай. Ты, конечно, сыт. Вас там в доме отдыха кормят на убой. Потом пожилая, некрасивая и неопрятная женщина, похожая на Петина, принесла жидкий чай с двумя кусочками сахара и печеньем «Привет». Знакомся, — сказал Петин, — это моя внучка. Внучка проворчала что-то невнятное и исчезла. Мнс с отвращением выпил остывший чай из плохо мытого стакана. А теперь иди отдыхай, — сказал Петин, — но смотри, никому ни слова!

Пикник Нашли сухой пригорок. Разложили плащи, пальто, куртки. Женщины занялись закуской, мужчины — открыванием бутылок. Как всегда бывает в таких случаях, забыли штопор. И мужчины предлагают самые фантастические способы вытаскивания пробок, изображая из себя опытных пьяниц. Одни лупят ладонями в дно бутылок, другие лупят дном бутылок о пень. Кончается вся эта кампания самым банальным решением: протолкнуть пробки внутрь с помощью сучка.

Начинает припекать солнышко. Мужчины курят, говорят о визите Вэнса, о предстоящей поездке Брежнева, о похищении Моро бандитами из «Красных бригад». Кто-то замечает, что эти бандиты — коммунисты. Кто-то возражает, говорит, что они — прокитайские коммунисты. Наконец, женщины приглашают «к столу». Начинается неторопливая трапеза на лоне прекрасной природы (ах, какой сегодня роскошный день!). Все переполнено добротой и дружелюбием. После первой стопки наступает минута, когда начинает казаться, что человек человеку — действительно друг и брат, и только идиотская городская жизнь искажает эти прекрасные природные отношения. И врежется эта минута в память на целый год, до следующей такой же незабываемой минуты. Жизнь прекрасна, друзья мои! Наливай по следующей!

В самом разгаре душевного единения Старик как самый опытный среди собравшихся, предлагает сделать перерыв на пару часов, погулять и так далее, а потом вернуться и продолжить. После короткой дискуссии предложение Старика принимается. Парочки разбредаются подальше, в кусты. Кое-кто тут же засыпает на солнцепеке. Универсал собрал группу ничейных женщин и рассказывает им про йогу. Главное, внушает Универсал потрясенным ничейным женщинам, это — научиться сосредоточиваться и отвлекаться от всего постороннего. Вот, смотрите!.. А после ужина он прихватит первую подвернувшуюся из своих восторженных слушательниц и потащит ее на ближайшее сухое местечко в лесу заниматься делами совсем иного рода, гораздо более отвечающими духу и традициям русского народа, чем гимнастика йогов. И пошли им, Боже, хотя бы минуту простой, земной радости!

Связь с жизнью — Я полистал твои заметки, — говорит Друг. — Слишком все это абстрактно. Не ощущается наша реальная жизнь. Мы спим, едим, влюбляемся, производим детей, гуляем, разговариваем. А у тебя — элементарные бесструктурные тела, множества тел, отношения, структуры... Для чего это нужно?

— А ты можешь предложить иной путь? Ведь даже статистика есть абстракция, хотя она и может давать точные цифры. Чтобы ощущать жизнь и переживать ее, надо быть, конечно, в ней. Но чтобы познать ее, надо первым делом удалиться от нее на достаточную дистанцию. Иначе не увидишь ее в целом, в самых существенных чертах, в динамике, в устремленности.

— Так-то оно так. Только кто это осилит? Кто сможет в абстрактных рассуждениях увидеть портрет реальности? Теперь от этого отвыкли.

Предпочитают эмпирию. Или уж совсем непонятные, но интригующие кибернетические аксессуары.

— А я ни для кого пишу. Для себя. Сам хочу разобраться. Мне мало видеть, что мы живем плохо. Я хочу убедиться в том, что мы не можем жить по-другому. А для этого надо раскрыть механизм, заставляющий нас жить именно так, а не иначе. Дело же ведь не в кознях вождей. Вожди сами суть игрушка этого механизма.

— Это ясно. Скажи честно, твоя идея насчет перестройки идеологии и создания для нашего времени работы такого же значения, как «О диалектическом и историческом материализме» для того времени, есть самознание или нечто реальное? Ты смог бы...

— А как ты думаешь?

— Мне кажется, смог бы.

Прогулочный треп

— О людях у нас заботятся, — говорит Ехидная Девица. — Это факт. И опровергать его бессмысленно. Но забота странная какая-то. Иногда хочется завить от такой заботы. Вот, например, выходила замуж. Я еще совсем девчонка была, сразу после школы. Возвышенная, романтическая и чистая любовь. Как я ждала свадьбу и какой прекрасной ее воображала! Какая же я была наивная дура! Начались хлопоты с рестораном. Взятки, чаевые. Наглые морды жуликов-официантов. Потом — машины ехать в ЗАГС и после него совершать положенную прогулку по городу. На Ленинские горы. К могиле Неизвестного Солдата. На машинах — шарики воздушные, ленточки, куклы идиотские. Стыдно вспоминать всю эту грошовую пошлость. Какие-то оскорбительные махинации с кольцами. Потом красная ковровая дорожка. Толстая, гнусного вида баба из районного Совета косноязычную речь произнесла. А, лучше не вспоминать! А вот другой пример. У меня сынишка подросток, надо в школу отдавать. В детском саду проявили «заботу» — тут уж ничего не поделаешь. Выхода другого нет. Знаете, как детсадовских детей называют в школе? Организованные дети. Мой сынишка хотя и «организованный», но хороший мальчик. Умница. Я его читать и писать научила. Теперь — школа. Оказывается, есть какое-то постановление, согласно которому детишки весь день должны торчать в школе — обязательный «продлительный» день. Что это такое? Это — опять воспитание, воспитание и еще раз воспитание. Иначе говоря — искусственное оглушение, чтобы потом не пустить в девятый класс (пусть в промышленно-техническое училище идет!), а если проскочит, чтобы в институт поступить не смог (пусть на завод идет). Я понимаю, с высшей, государственной точки зрения это — забота. Ребенок в школе весь день под присмотром. И о заводах позаботиться надо. Не всем же быть инженерами, учеными, врачами, художниками. Но есть ведь и моя личная позиция в этом деле. Сын-то у меня один. Мальчик он способный, и я могла бы создать ему условия. И у него одна жизнь. Ему тоже захочется как-то вырваться из этой серятины. И все-таки это все не есть настоящая забота о человеке. Демагогия это все и обман. Заботой о человеке было бы, если бы Они стремились предоставить всем детям без исключения равные возможности для

развертывания своих способностей. Но Они делают все, чтобы именно это исключить. Своих собственных детей Они из сферы этой своей государственной «заботы» исключают.

Письмо к Ней

*Пусть на Земле наступит вечный мир,
Исчезнет матерьяльная забота.
И станет каждый день как юбилейный пир,
И он же будет праздная работа.
И будут все доподлинно равны —
От нашего любимого Генсека
Все граждане счастливейшей страны
До самого дрянного гомосека.
Но в этой жизни что за интерес,
Если никто не будет постараться
Насрать на Их ликующий прогресс
И на троих по-тихому надраться?!
На кой мне сдался, спросишь ты, Генсек?
Неужто нет приличнее примера?
Отвечу я как честный человек:
Он нужен лишь для рифмы и размера.*

Палатный трёп — Слушайте, — говорит Старик. — Я вам зачитаю отрывок из учебника по «Научному коммунизму».

Коммунизм предполагает не просто удовлетворение потребностей каждого человека, но и формирование в его лице качественно нового потребителя, являющегося в то же время создателем материальных и духовных ценностей — потребителя, научившегося соотносить свои потребности с имеющимся общественным богатством, с возможностями общества, достигнутым уровнем его материального и духовного развития. Этот новый потребитель формируется в условиях социализма и коммунистического строительства, в условиях осуществления принципа распределения по труду, контроля за мерой труда и мерой потребления. Причем, присущие ему разумные и здоровые потребности не возникают сами собой, а воспитываются, внедряются в жизнь, в быт и сознание всем строем социалистической действительности, в процессе труда, учебы, в семье, в коллективе. Разумными являются те потребности, которые соотносятся с достигнутым уровнем развития производства и удовлетворение которых обеспечивает всестороннее развитие личности, непрерывное совершенствование ее физических и духовных качеств. Сюда относятся потребности в питании, одежде и обуви, предметах культуры и быта, в образовании и медицинском обслуживании, соответствующие реальным возможностям общества, нормам нравственных отношений.

— Блеск, — говорит Универсал. — Не знаю, как вы, но я с этой точки зрения живу давно при коммунизме, ибо я так или иначе соотносываю свои потребности с возможностями нашего общества на данном уровне его материального и духовного развития.

— Но еще не все такие сознательные, как вы, — говорит Девица. — Вы выпиваете в день не более пол-литра водки. Вы понимаете, что общество на данном этапе не может себе позволить литр. А мой начальник этого понять не может. У него еще пережитков и родимых пятен полно, хотя он — член партии еще с фронта.

— Вы думаете, что при коммунизме пить не будут?! — говорит Инженер. — Тогда на кой он нужен?!

— Будут, — говорит Дамочка, — но в меру. По крайней мере закусьвать будут. И не будут сразу же кидаться на первых подвернувшихся баб.

— Интересно, — говорит Старик, — а как по этой линии будут обстоять дела при коммунизме?

— А вам-то это зачем? Вам и одной будет много.

— Эта проблема, думаю, давно решена. Вот как быть с мужиками? Мужиков-то не хватает, об этом даже в газетах пишут.

— Выведут специальных профессионалов в этом деле.

— Нельзя ли без пошлостей? Не для того строим мы коммунизм, чтобы пьянствовать и с бабами (или с мужиками) путаться!

— А для чего же?! Стоять на трудовой вахте, бороться за звание, добиваться успехов, выражать одобрение?!

— Коммунизм будет сплошным торжественным заседанием и демонстрацией единства и мощи. Представляете, построят зал на десять миллиардов человек. Какие же там будут бурные овации!! Члены Политбюро будут спускаться в Президиум на летающих тарелках, а сам Генсек — на облаке. И с сиянием вокруг головы.

— Хватит обсирать светлые идеалы! Пока мы еще в развитом социализме и пока еще открыт магазин, подумаем о завтрашнем походе!

Проблема секса — Сексуальную революцию, которая произошла на Западе, — говорит Инженер, — у нас неверно освещают. У нас думают, что это — всеобщее совокупление с кем попало и где попало и сплошная порнография. А на самом деле это — ознакомление молодежи с культурой секса, противозачаточные средства, не портящие здоровья и доступные всем, приличные квартирные условия. Порнографию же там преследуют не менее строго, чем у нас.

— Мы не против прогресса... э-э-э... в этой области, — промычала Беззубая Докторица. — Но...

— Кто это «мы»? — спросил Кандидат. — Партия и Правительство?

— Обычные советские люди, — сказала Докторица. — Мы не против. Но мы за то, чтобы в основе всего лежало подлинное, глубокое, искреннее чувство. Любовь...

— Значит, если по любви, — сказала Ехидная Девица, — то будут выдавать хорошие противозачаточные средства. А если без любви, то не выдадут. Выходит, что все наше высшее начальство являет нам образцы глубокого и искреннего чувства, ибо у них этого добра навалом. Интересно, а к секретаршам, уборщицам и курьершам они тоже питают глубокие и искренние чувства? А к девочкам из кордебалета или из ансамбля народной пляски?

— Клеветнические сплетни, — сказала Докторица.

— Ну уж нет, — сказала Членкорица. — А вы читали фельетон... не помню, в какой газете... про эти «дачи» с банями? Таких бардаков даже на Западе не бывает. У нас недавно разоблачили нечто подобное. Руководство целого района пришлось снимать и исключать из партии.

— Вот видите, — не сдается Докторица. — Исключили же и сняли!

— А вы думаете, новые лучше?

— Не надо смешивать социальную проблему с сексуальной, — говорит Инженер. — Дело не в том, есть разврат или нет, а в том, в каких формах и на каком уровне он совершается. А с этой точки зрения мы — типичные лапти. До сих пор дедовскими методами довольствуемся.

— Дедовские методы не такие уж плохие, — говорит Ехидная Девица. — Вот ими-то как раз можно пользоваться, не испытывая глубоких и искренних чувств. По этому поводу есть старый анекдот. Встретился советский и шведский сексолог. Обмениваются мнениями о современных методах любви.

— Да не любовь это вовсе, — говорит Докторица.

— А что же это?

— Это... это... это... Совокупление.

— Ладно, допустим, совокупление. Обменялись мнениями. Выяснилось, что все методы, известные шведу, известны и нашему. Зато один метод, известный нашему сексологу, оказался неизвестным шведу.

— Какой именно?

— Именно дедовский.

— А на Западе изобрели мощное средство, возвращающее способность к любви... прошу прощения, к сексу, даже восьмидесятилетним старикам.

— В какой стране?

— В ФРГ.

— Так значит, не случайно наш Генсек собирается с визитом туда.

— Немцы в обмен на это сексуальное лекарство будут требовать сокращения числа наших танков в Центральной Европе на десять тысяч штук.

— Вот сволочи-империалисты-агрессоры-эксплуататоры-расисты-поджигатели войны-враги разрядки!!

Ночные разговоры — Вот прекрасно написанная книга. Автор, видать, очень сведущий человек. И литературно книга талантливая. А между тем он, не отдавая себе в этом отчета, делает гнусное дело. Он прославляет гений народов, создававших пирамиды, всякие дворцы, скульптуры, вазы, каналы. А сколько при этом погибло народу! Ради чего? Ради того, чтобы мы любовались и восторгались? Кто авторы этих прекрасных произведений искусства прошлого? Любопытно, как реагировал бы автор этой книги, если бы книга вышла без его имени, просто как одно из проявлений гения нашего великого народа? Должно быть, ему это не понравилось бы.

— Зато имена фараонов, царей, императоров все сохранились. Представь себе, пройдут века, и о нашем времени будут говорить в таком духе: роман такой-то времени Хрущева, теория элементарных частиц, откры-

тая при Брежневе, дворец культуры, построенный при Кулакове... А ведь дело к этому идет. Суть принципа, согласно которому «мы» выше «я», интересы коллектива выше интересов личности, заключается в том, что вся человеческая деятельность персонифицируется в именах вождей и партийно-государственных чиновников.

Из книги Твари Одна из основных линий наступления против коммунистического идеала состоит в том, чтобы доказать его антигуманизм, в частности — несовместимость с интересами личности. С этой линией непосредственно смыкаются попытки изобразить коммунизм в виде тоталитарного строя, представляющего собой антипод демократии. В данном случае антикоммунистическая пропаганда широко спекулирует на тех отдельных ошибках, которые были связаны с культом личности Сталина, изображая их как неотъемлемую сущность социализма и коммунизма. Последовательная борьба против культа личности, проведенная после XX съезда КПСС в Советском Союзе и других странах, быстрое развитие социалистической демократии выбили почву из-под такой пропаганды, резко сократили возможности ее спекуляций.

Бль о Новом Завете марксизма Хотя жизнь шла среди людей и, казалось бы, весело и интересно, одиночество и опустошенность давали о себе знать во сне. Ему виделся опустевший город. Он бродил по безлюдным улицам в поисках живой души. Он ощущал присутствие людей, но не видел их. Они исчезали, не успев появиться. Смерть, — подумал он, — есть вечное одиночество. В один из таких снов он услышал голос Петина. Хочешь, я тебе расскажу, кто написал Новый Завет марксизма — работу «О диалектическом и историческом материализме», приписываемую Сталину? Слушай! Только никому об этом не рассказывай, — все равно не поверят.

Так вот, мой мальчик... Я ведь могу тебя так называть? Что бы то ни было, ты есть все-таки мой духовный наследник и продолжатель. Я ведь чую, ты сам тоскуешь по тому, по нашему времени. Так вот, мой мальчик, сначала я тебе выскажу одну банальную, но очень важную истину. Знай же: одних людей уничтожают за то, что они слишком много знают, других — за то, что они слишком много понимают. Первым изредка удается уцелеть, вторым — никогда, ибо они опаснее. Ты слишком много понимаешь, и твои коллеги и друзья стали замечать это. Берегись! Я много знаю, но ничего не понимаю. Потому я до сих пор жив. Но было время, когда и я кое-что понимал, хотя еще мало знал.

В гимназии я все время шел первым учеником. Золотая медаль мне была гарантирована. Все учителя в один голос твердили, что такого чудо-ученика еще не было за всю историю города. Я уже в тринадцать лет начал печатать стихи и короткие рассказы. И неплохие. Недавно я перечитал это, и мне не было стыдно. Начальство и профессора гимназии были довольно либеральны. Впрочем, как и все в то время, включая полицию и жандармов. Думаю, что от этого либерализма, а не от тяжестей царского режима, произошла революция. Революция всегда суте

результат смягчения, а не ужесточения режима. И вот, объявило наше гимназическое начальство конкурс на лучший трактат на любую социально-политическую тему. И решил я написать трактат о марксизме. Марксистская литература водилась у нас дома (мой отец и дядя были социалистами), и я рано начал ее почитать. Два месяца я днями и ночами сидел над этим трактатом. Сдал его в конкурсную комиссию. И с треском провалился: он не был даже включен в десятку лучших. После этого во мне что-то надломилось, и гимназию окончил лишь с серебряной медалью.

Прошли годы. Страшные, непонятные, ураганные годы. Мы готовили для Сталина очередной «его» гениальный труд. Сталин намекнул нам, что неплохо бы снабдить этот труд философским разделом. И тут я вспомнил про свой гимназический трактат, разыскал его в домашнем архиве, слегка отредактировал («подновил») и принес Сталину. Тот прочитал мой трактат тут же. Лицо его посерело. Глаза стали такими, что не приведи Боже увидеть их вторично. Где взял? — спросил он шепотом. Сам написал, — также шепотом ответил я. Врешь, собака! — прошипел он. — Украл! У кого украл? Признаешься — помилюю, нет — казнию! И я в ужасе назвал первую пришедшую мне на ум фамилию: у Станиса. Той же ночью Станиса арестовали и расстреляли. Я же назвал Сталину фамилии членов той самой злополучной гимназической конкурсной комиссии, сказав ему, что эти люди были знакомы с трактатом Станиса. Думаю, что они, если остались живы к тому времени, не избежали страшного суда. После этого я окончательно утратил способность что-либо понимать. Вот и вся быль. А знаешь, почему я тебе рассказал ее? Причем тебе единственному? Нет, — сказал Мнс. — Почему? А ты догадайся сам, — сказал Петин. Не могу, — сказал Мнс. Ну что же, — сказал Петин, — тогда ты никогда не решишь проблему Сталина. Почему? — спросил Мнс. Потому что она в тебе самом, а не в нем, — ответил Петин.

О национализме и другом Воспользовавшись тем, что Мнс отсыпался после обследования у врачей, Старик увлек Дамочку на прогулку. Хоть цель прогулки была очевидна заранее, и Старик прихватил с собой водонепроницаемый плащ («а вдруг дождь!»), разговаривали сначала на темы большой принципиальной важности. Когда забралась на холм (самое сухое место в округе) и увидели внизу живописную деревушку, Дамочка впаала в слезливый русский национализм и начала шарить наизусть Есенина. Старик расстелил плащ, собеседники уселись и начали любоваться природой, глубоко вдыхая свежий воздух (приговаривая, естественно, после каждого вдоха-выдоха «Ах, какой тут воздух!»). Воспользовавшись перерывом в трескотне Дамочки, Старик сказал, что однажды он тоже впал в национализм. Да в такой дремучий, что стыдно вспомнить. Стишки начал пописывать. И вот однажды в припадке такой национальной слюнявости он сочинил такой стих:

*Чего хотел бы я? Родному поклоняюсь порогу,
С котомкой за плечами выйти на крыльцо.
И чтобы, выцветшим платком прикрыв лицо,*

*Слезу глотала мать, благословив в дорогу.
Чтобы отец, сурово сдвинув брови,
Меня коснулся жилистым плечом.
Мол, нам, мужчинам, это нипочем,
Мол, дом покинуть — это нам не внове.
И чтоб поклялись помнить до доски
Друзжи, со мною выйдя за ворота.
Чтоб за усмешкой затаив заботу,
Моя девчонка сохла от тоски.*

Очень мило, — сказала Дамочка. — Прямо как Есенин. Похоже, — согласился Старик. — Стих был длинный, со множеством прочих «чтобы» и «чтоб». И мне самому он понравился очень. Показал я его своему приятелю. Тот прочитал, рассмеялся и тут же сочинил ответ:

*Твое желание, болван, я чту.
Но уходи скорей, не мешкай.
Иначе едкою насмешкой
Я оплую твою мечту.*

Но это же подлость! — воскликнула Дамочка. Вот и я так сначала подумал, — сказал Старик. — Я аж похолодел тогда от возмущения. Дня три с ним не разговаривал. Но потом остыл. И мне самому стало смешно от моих устремлений. И я расстался с ними. Вместе со стихами, конечно. Жаль, — сказала Дамочка. Да, — согласился Старик и привлек ее к себе. И она охотно поддалась его порыву.

Реплика Нового Друга Просматривая заметки Мнс, Новый Друг сказал между прочим, что иногда предложение порождает спрос. Ты о чем? — спросил Мнс. Все о том же, — сказал Друг. — Если вверху найдется человек, который узнает о твоём существовании, а в окружении его советников найдется человек, способный оценить твои идеи и твои силы, тогда твоей судьбе не позавидуешь. А она и сейчас не столь уж завидная, — сказал Мнс. Это верно, — сказал Друг. — Но тогда будут иные масштабы страданий. Исторические!

Чрезвычайное происшествие У Членкорицы украли заграничную шубу. Зачем ей понадобилось тащить сюда в такое время шубу? — удивлялся Мнс. Как зачем? — удивлялся Новый Друг удивлению Мнс. — Шуба заграничная, и ее надо всем показать. Иначе зачем она нужна? Она же не греет, а только для красоты и престижа. Такие шубы аристократия на Западе летом носит. Накидывают на обнаженные прекрасные плечи. Какие плечи могут быть у такой образины? — не переставал удивляться Мнс. Она же Членкор, — возражал Друг, — отсутствие плеч она компенсирует необыкновенно высоким уровнем интеллекта. Если там членкоры такие, какими же идиотами должны быть полные академики!

Кража шубы нарушила привычное спокойное течение жизни (фортели

Универсала не в счет, это в пределах нормы). Понаехала милиция. Привезли собаку. Но та след не взяла. Я же говорил, бесполезно, — сказал собаковод. — Сперли наверняка свои же отдыхающие, а отдыхающие все одинаково пахнут манной кашей. Членкорица настаивала на том, что украл «этот бородатый тип», имея в виду Мнс. Логика ее рассуждений была несокрушима: когда его в корпусе не было, шуба была цела, а когда он появился, шуба исчезла. Ей объяснили, что Мнс не мог никак украсть, так как вместе со всеми — с Членкорицей в том числе — был в момент кражи на экскурсии в старинной дворянской усадьбе в десяти километрах от места происшествия. Она сказала, что взяли шубу его (т. е. Мнс) сообщники. Майор из милиции сказал, что это логично.

Начался обыск. Начался, конечно, с палаты Нового Друга и Мнс. Затем обыскивали палату, в которой Мнс жил ранее. Затем остальные палаты. Но безрезультатно. Майор сказал, что украсть могли и посторонние. Влезли через форточку, которую Членкорица по неосторожности оставила открытой.

Но вечером шуба нашлась. Оказывается Членкорица сама спрятала ее — уложила под простыню в кровать, чтобы не сперли, пока она ходит на экскурсию, и забыла про это. Все были довольны. Но на всякий случай после этого усилили дежурство по корпусам и на территории вокруг них. Новый Друг сказал, что теперь самое подходящее время эту шубу «тиснуть» на самом деле. Теперь этой обезьяне никто не поверит. Мнс сказал, что идея хорошая и наказать эту гадину стоило бы, но он не видит возможности реализовать шубу, так как все равно найдут. Друг сказал, что реализовывать и не нужно. Нужно просто закопать ее подальше в лесу, пусть гниет себе на здоровье.

Ночные разговоры — Ты представь себе, — говорит Новый Друг, — что все говорят тебе, что ты — красавец, и все ведут себя так, будто ты на самом деле неотразим. И зеркала кругом такие, что глянешь — и в самом деле чудо как хорошо. И никто даже не намекает тебе, что ты — уродина. Поверишь ты в то, что ты красив? Исключений не бывает. Поверишь. Так и с Ними. Окружают себя людьми, которые твердят Им, что Они неслыханные гении. Уничтожают всякое подобие критики. Прибавь к этому посредственный от природы умишко, плохое образование и тщеславие. И результат можно предсказать заранее безошибочно: маразм и мания величия.

— Но иностранные политики, встречавшиеся с Ним, говорят, что он неглуп, — говорит Мнс.

— Иностранные политики сами политики, т. е. недалеко ушли от того же. Потом они судят по короткой встрече. Дай мне попугая, и я его за полгода выдрессирую так, что он будет производить впечатление глубокомысленного и дальновидного политика. А Его дрессировали более десяти лет! Бессмысленно смотреть на Него как на человека. Он давно уже есть условный знак и орудие мафии.

— В самом деле, попробуйте вообразить Беззубую Докторицу с нарциссическим либидо.

— Что такое либидо? Блядство, что ли?

— Какая вообще может быть психика у директора?! Или у этого ублюдка Сусликова?!

— Я в молодости почитывал Фрейда и его учеников. И должен сказать, что не нашел в их сочинениях ничего, относящегося к себе или к моим знакомым. Скорее даже наоборот. Вот, например, отношение психологии отдельного индивида и индивида в массе. Считается, что в массе индивид не осознает своих действий, превращается в безвольное существо. Но на самом деле чаще наоборот. Именно в массе индивид поступает реалистически сознательно, а будучи извлечен из массы, он превращается в пустого болтуна. Например, мы вне коллектива насмехаемся над Брежневым, а в коллективе одобряем, посылаем приветственные телеграммы, рапортуем, превозносим. Что это — бессознательные действия? Чуть! Именно тут у нас сознательность и самоконтроль на высоте. А вне коллектива мы расслаблены и часто не ведаем, что творим.

— Я думаю, что психоанализ есть лишь в ничтожной мере учение о психике вообще. А в большей мере это есть своеобразное отображение особенностей индивида в буржуазном обществе. Берусь обосновать это свое утверждение, хотя я и не специалист.

— А у нас вообще таких специалистов нет.

— И не нужно. И без них у нас тут сплошное, извиняюсь, либидо.

Проблема номер один — Вот вам проблема, — говорит старик. — Можно сказать, проблема номер один. Как бы плохо тут ни было, живем мы здесь как при коммунизме. Сыты, одеты, баб и мужиков хвагает, гуляем, песни поем. Много ли дней прошло, а нам все это уже осточертело. Мы уже рвемся к своим хлопотам и тревогам, оставленным в Москве, т. е. в развитом социализме. Почему бы это, а? Зачем, например, этой Беззубой Докторице пробираться в членкоры, если она и так имеет все, а Членкорице пробираться в академики? Что ждет меня на работе? Здесь я — мыслитель, равный нашим докторам наук, а там я — полное научно-техническое ничтожество. И все-таки я тоже хочу обратно в развитой социализм и не хочу дольше положенного срока жить тут, при коммунизме. Уверю вас, райский коммунизм никогда не будет построен не потому, что люди не имеют сил на это, а потому, что они не захотят. Но вот почему это происходит, я понять не могу. Отбросьте вопрос «почему» как бессмысленный, — говорит Мис, — и Вы сразу все поймете. Есть определенные правила поведения людей в обществе. Мы формируемся так, чтобы эти правила соблюдать. Соблюдение этих правил и есть самая глубокая сущность человека как существа социального, можно сказать — конечная причина всего происходящего с людьми. Рыба, чтобы жить, должна жить в воде и плавать, а не трепыхаться на песке или сковородке. Так и мы. Приехав сюда, мы оказались вырванными из условий существования, в которых и только в которых мы реализуем нашу человеческую суть. Продлите срок нашего пребывания тут, допустим, на год, и мы

очень скоро восстановим здесь нормальную социальную среду, в которой мы будем выполнять наши социальные функции в соответствии с упомянутыми правилами. Коммунизм, как его изображают нам в идеологии, есть нечто вроде дома отдыха истории, т. е. есть пустая абстракция от реальной истории. Понятно, — говорит Старик, — но все-таки хочется найти успокоительное объяснение где-нибудь в желудке, в печенке или в генах. Может быть, дело просто в привычке? Ссылка на привычку, — говорит Мнс, — есть ложное объяснение. С этой точки зрения смерть есть тоже особая привычка — привычка не жить.

Ночные разговоры — Тяга к сталинизму, — говорит Новый Друг, — ощущается даже в том, сколько внимания уделяется его персоне в литературе. Причем критическая литература возвеличивает его в большей мере, чем апологетическая. Как в таком случае быть? Очень просто. Кем были и являются наши вожди (умными или дураками, злодеями или гуманистами), роли не играет. Их персонально надо игнорировать. Важны результаты их деятельности. Вот их и надо обнажать. Причем спокойно, без эмоций, систематично, обстоятельно, доказательно, научно. Сами по себе наши вожди — существа с разрушенной «обратной связью», т. е. объективно полоумные, а не полноценные люди. Нужно показать, что такой неполноценной является и порождающая их социальная среда. Вернемся в Москву, заходи ко мне. Я тебе кое-что дам почитать на этот счет. А вообще тяга к прошлому выражает одно: неуверенность в будущем, страх перед ним.

И сны Новый Друг продолжал что-то говорить, а Мнс уже ушел в сон. И к нему сразу же явился Петин. От меня ты теперь не избавишься, — сказал он. — Давай поговорим начистоту. Ты думаешь, я раскаиваюсь? Нет, я тоскую. О чем? Ну, хотя бы об аресте. Я тридцать лет жил, каждую ночь ожидая, что ко мне громко застучат в дверь, ворвутся и даже не покажут ордер на арест. Ты думаешь, это был ужас? Нет, не только. Я эти тридцать лет ожидания не променял бы на три тысячи лет безмятежного сна. Почему? Да потому что я ждал, что в мою квартиру вломится великая история, а не нынешняя слякоть. Помняи мое слово, пройдут годы и забудется все плохое. И в памяти людской оживут мудрые маршалы, отважные генералы, дерзкие ученые, романтические юноши... Маршалы, проигравшие сражения, — сказал Мнс, — генералы, терявшие без всякого смысла миллионы солдат, ученые, ломавшие хребет науке, юноши, писавшие доносы... Да, — сказал Петин, — писавшие доносы и закрывавшие своей грудью вражеские амбразуры. И я писал доносы. Много доносов. И я давал санкции на расстрел. Ну и что? Я горжусь этим. Я хотел бы, чтобы на моей могиле золотыми буквами было высечено число моих жертв. Но, увы, наши перепугавшиеся вожди поспешили сразу же после смерти Сталина уничтожить свидетельства наших дел. Преступлений, — поправил Мнс. Пусть, — сказал Петин, — но больших преступлений. Знай, мой мальчик, только большие преступления рождают подлинное добро. Большие преступления уже не преступления. Я бы на месте наших вождей предал гласности всю

картину наших дел. Представляешь, какие это были бы цифры! Весь мир застыл бы от ужаса. И от уважения к нам. Когда тысячи убитых — это жестокость. Но когда пятьдесят миллионов — это великая эпоха. Когда тысячи доносов — это подлость. Но когда миллиарды — это великая идеология. Не может быть, чтобы никаких свидетельств ваших дел не осталось, — сказал Мнс. Это кажется невероятным, но это так, — сказал Петин. — Во-первых, самые основные решения принимались в такой общей форме, что теперь усмотреть в них следы былых преступлений невозможно. Они имели смысл для нас, исполнителей. Но они пусты для всех прочих, тем более — для потомков. Во-вторых, все основные распоряжения насчет репрессий высшими лицами отдавались устно. Лишь случайно сохранилось несколько документов с подписями Сталина, Молотова, Ворошилова и других, да и то косвенных. Хрущев так и не смог подтвердить свои обвинения документами. В-третьих, лица более низких рангов приложили усилия, чтобы уничтожить следы своих преступлений. Вот для них-то наша деятельность оборачивалась преступлениями. Наконец, специальное решение Политбюро уничтожить всю документацию, в том числе свидетельства деятельности доносчиков и осведомителей. Партийные чиновники позаботились о своей репутации. А живые свидетели? — сказал Мнс. Это — люди, — сказал Петин, — а люди — не документы. Им нельзя верить ни в чем. Тем более большинство из них сами суть соучастники преступлений. К тому же все они ничего не понимали в происходящем и ничему не научились. Умных жертв не бывает. Разум есть привилегия палачей.

Сенсация Самой крупной сенсацией заезда стало, однако, известие о том, что Универсал «трахнул» («наколел») Членкорицу. Дежурная по корпусу видела его влезаящим к Членкорице после отбоя и вылезаящим уже перед рассветом. Дежурная подумала сначала, что он полез воровать шубу. Но приложив ухо к замочной скважине, поняла, что цели у него были «прямо противоположные» (как выразился бы доктор философии Барабанов, если бы был на ее месте). Универсал сам не скрывал своего успеха и описывал все до мельчайших подробностей. Пронять насмешками его было невозможно. Всяких баб я перепробовал, — говорил он. — Кандидатш, докторш. Однажды имел дело даже с секретарем райкома партии. Правда, со вторым. По идеологии. Но членкорш до сих пор не приходилось. И должен вам сказать, что я ничуть не жалею о содеянном. Во-первых, ночью в кровати она не такая уж страшная, как на свету. У нее и тут, и тут кое-что есть. А во-вторых, бешеный темперамент. Я с ней за одну ночь килограмм на пять похудел. И все, сволочь, требует, чтобы я ей какие-нибудь приемчики особые показывал. А какие у нас приемчики?! Знай пили да помалкивай! Новый Друг, нахотавшись до слез, назвал Универсала типичным русским лаптем. Приедем в Москву, — сказал он Универсалу, — заходи ко мне. Я тебе кое-какие журнальчики покажу. Есть чему поучиться. Овладеешь новой техникой, доберешься до депутатов Верховного Совета, членов ЦК, полных академиков и старых большевичек с дореволюционным стажем.

Поклонники Универсала по линии Йоги, однако, переживали событие в плане моральной драмы. Они единодушно осудили его и демонстративно отказались от продолжения уроков. Тогда Универсал сказал им, что он на самом деле давал Членкорице уроки медитации (неужели вы думаете, что я буду спать с такой образиной?!). Она стесняется заниматься этим делом днем — слухи всякие могут пойти, а она занимает высокий пост, муж, дети, внуки, партийная репутация... Поклонницы чуточку посомневались, но поверили. И попросили Универсала показать им, как делается эта медитация.

Из книги Твари Одна из основных проблем справедливого устройства общества заключается как раз в том, чтобы обеспечить интересы личности и ее всестороннее развитие таким путем, чтобы это не шло вразрез с интересами и не мешало развитию всех других личностей, т. е. коллектива.

Замечание Мнс Превращение проблемы взаимоотношения между людьми в коллективе в проблему взаимоотношения между индивидом и коллективом в целом — один из фундаментальнейших принципов порабощения человека в этом обществе.

Письмо к Ней

*Я знаю, есть закон такой:
Когда безусые мальчишки
О прошлом думают с тоской, —
Так, значит, наши дрянь делишки.
Ты скажешь — снова «полоса»,
Хватил спиртного, мол, излишку,
Чужие слушал «Голоса»,
Прочел из «тамиздата» книжку.
Но не пьянею я теперь
От всякой с градусами жижи.
Не слышу радио, поверь.
И не читаю вовсе книжек.
Я не могу, хоть прикажи,
Проблему разрешить такую:
Хочу для будущего жить,
А сам прошедшее смакую.
Глаза прикрою, мнится мне
Не взлет ракет, не шаг к Победе, —
На златогривом скакуне
По полю битвы Рыцарь едет.
Друзей погибших кличет он,
Ненужный меч бросает в ножны.
Но только карканье ворон,
И только шорох осторожный.*

*Ты скажешь: трепаный сюжет
И устаревшие рифмишки.
Поверь, и через тысячу лет
Напишут это же мальчишки.
И скажут так же: разрешить
Проблему эту не рискуем.
Чем ближе Завтра миражи,
Тем больше о Вчера тоскуем.*

Гимн пошлости Всякое явление природы и общества обладает такими свойствами, обнаружение которых дает нам неоспоримое моральное право сказать об этом явлении, что оно есть такое же ничтожество, как и все прочее на свете. Зашла, например, речь о Пушкине. Уж, кажется, что может быть совершеннее. А вы усмехаетесь и прохихикиваете как бы между прочим, что у этого вашего гения ножки были кривые и тоненькие. И все! И нет никакого гения. А есть такой же уродливый гномик, как и вы сами. А если вы еще намекнете, что Пушкин кое-что позаимствовал кое у кого, так он совсем уподобится вам и даже станет немножко хуже вас. Тут вы можете проявить некоторое великодушие, сказав, что некоторые стишки у упомянутого автора неплохие. Теперь это уже не опасно для вас — Пушкин от этого уже не превратится из соразмерного вам гномика в великого писателя и человека.

Я знаю, вы скажете, что эта истина была известна еще задолго до социалистической эры, и приведете в доказательство изречение насчет пятен на Солнце. А я и не спорю. Более того, я готов согласиться с тем, что социалистическая эра вообще не открыла ничего нового. В этом отношении она не столько открывала новое, сколько закрывала старое. Но зато бесспорно одно: она открыла неслыханный ранее простор для всех старых мерзостей, подняла их на немыслимую высоту и поставила на службу прогресса человечества — она коренным образом изменила их роль в обществе. Она вознесла само производство мерзостей на уровень достижений современной науки. Поясню это на примерах.

Допустим, некто Н вступил в героическую борьбу с властями за интересы некоего несправедливо обиженного народа. Карательные органы прекрасно знают вышеупомнутый фундаментальный закон опошления и немедленно начинают отыскивать недостатки у Н, которые позволили бы низвести его до уровня сумасшедшего или жулика. Можно при этом действовать по старинке, чисто эмпирически, по крохам собирая сведения, дискредитирующие Н. На это нужно время и значительные усилия. Но тут на помощь приходит наука. Если человек борется за интересы целого народа, — говорит наука, — то он является гомосексуалистом, мечтающим изнасиловать заслуженного партийного работника или ударника коммунистического труда. И тут же приводит цитату из Фрейда. Последнее очень важно: теперь даже ортодоксальные марксисты больше верят реакционным идеологам буржуазии, чем самим классикам марксизма. Или другой пример. Стало известно, что некто Н крестился в зрелом возрасте и с головой ушел в православие. Что говорит по сему поводу наука? А то, что этот Н явно

был стукачом. Конечно, этот закон не очень-то удобен для карательных органов. Но наука — не надстройка, это даже Сталин понимал. Она может служить и прогрессивным силам. Этим же силам очень полезен другой закон той же науки: если человек на старости лет подался в католицизм, это значит, что он совершил донос по доброй воле, не будучи официально стукачом. И уж тем более прогрессивным силам следует знать закон опошления, согласно которому кристально чистые в моральном отношении люди занимаются онанизмом или являются импотентами.

Что мне больше всего нравится в научном подходе к опошлению, так это следующее: вовсе не требуется отыскивать и открывать такие законы опошления в самой эмпирически данной реальности, их надо установить как априорные по отношению к реальности и затем добиться их признания членами общества. После этого, уверяю вас, вы уже не встретите ни одного исключения из них. Вот вам классический пример тому. Инженер, не дождавшись нескольких дней до окончания срока путевки, неожиданно уехал в Москву. Уехал, ни с кем не попрощавшись. Вслед за ним уехала в Москву искусственная блондинка, аспирантка из Института микробиологии. Что бы это могло значить? Беззубая Докторица, судя по всему, — большой специалист в пошлости (т. е. в науке опошления), не задумываясь ни на секунду, заявила, что Инженер подцепил на ней сифилис или, наоборот, наградил ее (Блондинку) таковым. Утверждение Докторицы казалось нелепостью по двум причинам. Первая причина — никто не видел Инженера с Блондинкой вместе. Вторая причина — срок для обнаружения упомянутой венерической болезни явно недостаточен. Докторица с презрением оглядела своих оппонентов. Эх, вы, — сказала она, — а еще учеными считаетесь! Теорию относительности небось на каждом шагу помните! Кибернетику цитируете! А фундаментальных и основополагающих законов жизни не знаете! А ведь она скорее всего права, — сказал потом Новый Друг. — Инженер мог в конце концов подцепить эту штуковину еще до поездки сюда, а обнаружил только здесь. Или Блондинка, что положения не меняет. Но собака зарыта именно тут. А то, что их никто не видел вместе, сильнее всего подтверждает эту гипотезу.

Откровенность В связи с бегством Инженера и Блондинки возник разговор на тему о взаимоотношении полов. Добрая Девушка заявила, что она тут никакой проблемы не видит. Где-где, а в этой сфере принцип коммунизма «каждому — по потребности» уже осуществлен. Беззубая Докторица, возражавшая всем и при всех обстоятельствах, заявила, что и в этой сфере у нас еще только развитой социализм, а не полный коммунизм. Потребности еще не у всех удовлетворены полностью. Ехидная Девушка согласилась с Докторицей. И остались еще элементы неравенства в распределении, — сказала она. — У некоторых потребности не удовлетворены, зато другие имеют сверх потребности. Старик сказал, что вот отсюда и надо бы начать совершенствование общества. Пусть те, кто имеет в избытке, поделится с теми, кому не хватает. Выработается привычка делиться излишками, и постепенно она перекинется на другие сферы жизни. Добрая Девушка спросила, как он мыслит себе

это практически. Должна ли она отсылать часть своих поклонников, например, Членкорице или Докторице? А если они не хотят с ними не то что спать, но даже в туалете рядом сидеть?! Докторица заявила, что она лично с поклонниками Доброй Девицы сама в туалете рядом не села бы, что она сама в состоянии, что образование и сила интеллекта вполне компенсируют отсутствие ямочек на щеках и заграничных бюстгалтеров и трусиков. Стоп! — воскликнул Кандидат. — О чем гадеж?! Я лично, — сказала Ехидная Девица, — если уж быть откровенной, против уравниловки в этом деле. Я даже за то, чтобы тут коммунизм как можно дольше не наступал или вообще не наступал. Я за то, чтобы из-за женщин мужчины дрались на дуэли и сражались на турнирах, чтобы им уступали место и целовали ручки, чтобы им дарили цветы и драгоценности, чтобы им пели серенады. Ты, милая, слишком многого захотела! — сказала Членкорица (она давно уже ко всем обращалась на «ты»). — Но кое-что от старого я бы тоже сохранила. Например, я против добровольности в этих делах. Я за то, чтобы мужчины брали нас силой. Мужчина должен быть сильным, а женщина — слабой. Это, кажется, сам Маркс признавал. Вам приходилось когда-нибудь брать женщину силой (это — к мужчинам)? А вам приходилось, чтобы вас взяли силой (это — к женщинам)? То-то! Мужчины в глубине души все насильники, а женщины — насилуемые. Это от природы, а природу насиловать не надо. Ловлю Вас на противоречии, — сказал Старик. — Почему же женщин можно насиловать, а природу, согласно которой это следует делать, нельзя? Хоть ты и старый, — сказала Членкорица миролюбиво, — а дурак. Намеков не понимаешь. А я не вижу никаких противоречий, — сказала Добрая Девица. — Когда я была молодой, я была ужасно соблазнительной. Ребята во дворе и взрослые мужики мне прохода не давали. И что они со мной только не вытворяли! Затаскивали на чердаки и в подвалы. Поодиночке и по несколько человек. Я сначала рыпалась, а потом привыкла. Поняла, что это — хорошо. И потом я сама их затаскивала на чердаки, в подъезды, за заборы. И это было тоже хорошо. Добровольно или насильно — какая разница? Лишь бы нам это оставили, а все остальное приложится. Вы правы, — сказал Мнс. — Когда нашего брата лишат той маленькой свободы секса, какую мы имеем сейчас, тогда и обявят полный коммунизм. Вы думаете, это случится? — спросил Старик. К этому идет, — ответил Мнс. — Если бы было возможно измерить уровень сексуальности в доме отдыха за это время (число половых актов, их продолжительность и острота), вы были бы потрясены тем, насколько он низок. Тут ведь больше разговоров, чем дела. Потому и разговоров много, что дела мало. Конечно, — сказал Кандидат, — на манной каше и макаронах не разгуляешься. К тому же, — добавил Старик, — нам что-то добавляют в еду для успокоения. То-то мы такие сонные все время, — сказала Членкорица. Вот сволочи! Так надо это разоблачить!! Где эти ваши диссиденты?! О всяких там правах человека и прочей чепухе трезвонят, а об этом — ни звука! А зачем разблачать? — сказала Ехидная Девица. — Это как раз в духе идей коммунизма. Самый лучший способ уравнивать людей — это лишить их того, в чем их уравнивают.

Настроение у всех после этого испортилось. Беседа оборвалась. Отды-

хающие разбрелись по палатам, через каждые пять минут поглядывая на часы в томительном ожидании обеда. Хотел бы я знать, — сказал Новый Друг, — будут ли в раю подсыпать в святой дух антисексуальные порошки и выдадут ли святым часы, чтобы они хоть как-то могли скрадывать скуку в ожидании обеда и ужина? А вообще, я, кажется, начинаю понимать самую глубокую основу всей нашей жизни и всех наших проблем: в нашем народе уже много веков свирепствует эпидемия шизофрении. И теперь мы заражаем ею всех окружающих. «Железный занавес» теперь нужен не нам, а для нашего окружения от нас.

Еще чрезвычайные происшествия Сразу же после бегства Инженера досрочно выписали из дома отдыха Студентов «за поведение, недостойное морального облика советского отдыхающего», как было написано в приказе директора. Напившись, они повздорили с массовиком из-за какой-то ерунды, устроили дебош в клубе, оскорбили тех, кто пытался их унять. Потом кто-то пришиб собаку, сторожившую дачу Петина. Правда, собака сама совершила необдуманный поступок — выскочила за пределы дачи на дорогу. Но милиция проявила к делу интерес. Валявшийся на дороге кирпич увезли на экспертизу в Москву. Следователь сказал, что современная криминалистика позволяет обнаружить на нем микроскопические капли собачьей крови и шерсти. Любопытствующие отдыхающие спросили следователя, зачем это нужно. Вот если бы капли крови и шерсти преступника! Следователь сказал, что это положено согласно современной криминалистике. Вернувшаяся из города внучка Петина велела вечно пьяному мужику, исполнявшему функции сторожа, садовника и истопника, зарыть пса в клумбе перед парадным входом и посадить на могиле цветы. Потом во втором корпусе сломалась канализация. Хорошо, что кончается срок, — сказал по сему поводу Старик. — А не то еще неделя, и начнется поножовщина.

Поездка в Горки Поездка в Горки Ленинские была обязательным элементом отдыха, и отказаться от нее можно было лишь в исключительных случаях. С утра на территорию дома отдыха въехала целая вереница автобусов. Отдыхающие набились в них битком. Но в тесноте — не в обиде, как сказала Членкорица, заняв своими телесами по крайней мере два места. Было весело и радостно по-праздничному уже от одной только мысли, что за поездку платить не надо. А известие о том, что в Горках Ленинских будут выданы бесплатные бутерброды и чай, встретили громовым ура. С утра пьяный Универсал тискал всех женщин подряд, дыша в них винным перегаром, а они повизгивали от удовольствия. Мнс удалось улизнуть от Дамочки (он якобы по ошибке сел в другой автобус) и пристроиться в Брюнетке. Но по прибытии в Горки Дамочка «отшила» Брюнетку, сказав ей какую-то гадость. А та в ответ погрозила сообщить «куда следует».

Сначала осмотрели парк, потом — сам ленинский дом. Экскурсовод водил притихших отдыхающих из комнаты в комнату, показывая, где была гостиная, где столовая, где кабинет, где спальня, рассказывая массу инте-

ресных подробностей. В каждой комнате Универсал довольно громко ругался матом и шептал, что в таких шикарных условиях и он не отказался бы руководить государством. Услышав ворчание Универсала, экскурсовод сказал, что Владимир Ильич был очень скромным человеком, что сейчас даже заурядный министр, академик или маршал имеет куда более шикарную квартиру и дачу. Отдыхающие одобрительно закивали, и Универсал тут же с ними согласился. А вообще-то говоря, верно, — сказал он. — У академика Петина дачка не меньше этого дворца. Участок, правда, меньше и хуже...

Мнс бродил в самом хвосте группы, не слушая экскурсовода и очень живо представляя события той страшной ночи, когда грузовики с чекистами окружили усадьбу, как Сталин со своими людьми вошел в кабинет Ленина, грубо оттолкнув Крупскую, как он сообщил Ленину решение Политбюро, т. е. его, Сталина, решение. Хотя исторические факты, здравый смысл и психология деятелей той эпохи восставали против его вымысла, он уверовал в него, как в самоочевидную аксиому. Он на минуту представил себя на месте Сталина. И не столько понял умом, сколько ощутил всем своим телом, что он поступил бы точно так же. Если хочешь узнать правду о поведении человека в трудной ситуации, поставь себя на его место и доверься своему здравому смыслу, — подумал он. — Да, я поступил бы точно так же.

Потом ели бесплатные бутерброды и пили бесплатный чай, гуляли по окрестностям усадьбы, пели песни, рассказывали анекдоты с участием Ленина. Оказалось, что их огромное количество, что Ленин в них выглядит очень смешным и нелепым. Обратите внимание, — сказал Старик, — про Сталина анекдотов до сих пор мало, причем — в анекдотах он никогда не выглядит смешным. Как вы думаете, почему? Если над человеком можно смеяться, он еще человек, — сказал Мнс. — А если смех над человеком не получается, он уже не человек, а сверхчеловек или недочеловек. Впрочем, это суть одно и то же.

Мысли по дороге домой

Пока ехали обратно, Мнс сделал важное социологическое открытие. Надо различить, — думал он, — власть волюнтаристскую или деспотическую и власть бюрократическую, действующую в рамках некоей законности. Кроме того, надо различать власть, идущую сверху, и власть, идущую снизу, т. е. народовластие. В эпоху Сталина имело место сочетание крайнего деспотизма и крайнего народовластия. В эпоху Хрущева и Брежнева ограничение деспотизма власти было одновременно и ограничением народовластия. Сейчас совершенно очевидным становится то, что именно народ заинтересован больше в уничтожении народовластия, чем власти. Бюрократические же власти заинтересованы в его сохранении, ибо это — их оплот, но в ограниченных и подконтрольных им формах. Ограничение же народовластия и контроль за ним имеют неизбежным следствием ослабление власти деспотической и усиление власти бюрократической. Возрождение сталинизма невозможно без возрождения народовластия. Но народ уже не хочет и не может пойти на это. Нового Сталина не будет!!

Ночные разговоры — С чего начинается цивилизация? С принципа: и в поте лица будешь добывать хлеб свой насущный. И если это цивилизация, в основе ее лежит этот принцип. А что обещает коммунизм? В завуалированной форме — райское безделье. Труд признается, но какой? Как развертывание неких способностей, заложенных (кто их туда заложил?!) в людях, как удовольствие, как творчество. Да еще в перспективе — как разумное использование свободного от труда (!!) времени. И мы идем к этому идеалу. Но как? Путем ужасающей халтуры, очковитирательства, безделья. Лишь низшие слои трудятся, да и то шалай-валяй. И мечтают, как бы отвертеться, уйти на «чистую работу», «устроиться». И хоть убей, я не вижу иного выхода, кроме принудительного рабского труда. Коммунизм — это государственное рабство и ничего другого. И людей выведут таких, которых это рабство будет устраивать. А если о них проявят некую заботу, какую заботливый хозяин проявляет о скотине, так они будут этот строй и его руководителей боготворить.

— Но работать будут все равно плохо.

— Это очевидно. Пока мы питаемся творческими соками Запада. И как-то еще тянемся из-за него. А что начнется, когда Запад будет разгромлен и покатытся туда же?

— Может начаться безудержная деградация или на много веков застой.

— Давай лучше не думать об этом. Так мы доберемся до гибели Солнечной системы и даже Галактики.

— Так ради чего все?

— Если брать «все», то понятие цели лишено смысла.

Затрапезный трёп — Что значит «по потребности», — говорит Старик. — Возьмем, например, баб. Кому из присутствующих этого добра не хватает? Нет таких? А кто из присутствующих удовлетворен вполне? И таких нет? Странно. И Универсал тоже.

— А чем я хуже других? — говорит Универсал. — Баб у нас действительно хватает. Даже в избытке. Но что это за бабы? Хочется что-нибудь стоящее найти. Одну, но такую, чтобы... чтобы... ну, чтобы от нее к другим бежать не захотелось. Говорят, бывают такие. И в книжках о таких пишут. Иной раз на улице такую встретишь, что за одну ночь с ней всю оставшуюся жизнь отдашь. Да все это не про нас. Нам, как и во всем стальном, достается и тут второсортное, подержанное, уродливое. Мы, извините за выражение, и е.ем так же, как и жрем, как и пьем, как и одеваемся.

— Иногда попадают стоящие, — говорит Кандидат, — но мы привыкли к дерьму и не замечаем их. И не верим, что это — стоящее, боимся остановиться. Надеемся на лучшее. А лучшего уже никогда не будет.

— А сами-то мы лучше, что ли? — говорит Универсал. — Знаете, что про нас говорят бабы? Мне пришлось однажды выслушать сполна.

— И что же они говорят?

— А то, что настоящих мужчин теперь почти совсем нет. Мужик пошел трусливый, лживый, ненадежный. Сам старается за счет баб устро-

иться. Никакого чувства ответственности. Ничего святого. Пьянство, мат, скабрзности, пошлости. Хватит?

— Похоже, что так.

— Но ведь и среди мужиков попадаются настоящие. Например, диссидентам в смелости не откажешь.

— А вы видели их с близкого расстояния? Были в их обществе?

— Все физически стоящие бабы свои достоинства используют, чтобы получше в жизни устроиться. И в них ничего не остается от той женщины, о которой мы мечтаем.

— Физически стоящие мужики от баб не отстают.

— Все хотят получше устроиться в жизни. И по пути к лучшей жизни теряют свои самые ценные качества — женственность и мужественность в высоком, романтическом смысле.

— Иначе не пробьешься.

— А я не вижу тут проблемы. Надо довольствоваться тем, что есть.

— Верно. Мы вот жрем тут манную кашу и макароны. Но мы же знаем, что бывают на свете шашлыки и цыплята-табака.

— Вот видите, — резюмирует Старик, — не так-то просто с этим «по потребностям». Липа все это. Словобудие сплошное. На южном курорте сейчас куда приятнее было бы. И женщины там на порядок выше.

— А на что тебе женщины, — хихикает некий Очкарик. — Ты небось уж забыл, как это делается.

— Я своим х.ем, — говорит Старик, — такому ублюдку, как ты, еще при случае черепушку могу пробить.

— Но, но! Я тебе покажу ублюдка!

— Покажи! Хочешь пари? Привязываешь мне правую руку. И если после этого я тебе не набыю морду, ставлю бутылку коньяку? Идет?

— Ищи дураков в другом месте.

— Тихо, вы! Сейчас соседи прибегут жаловаться.

— И все-таки дорого бы я отдал за настоящую бабу! Надоело так по-собачьи или по-кошачьи...

Прогулочный треп — Есть много способов раздавить человека, — говорит она. — Но самый ужасный из них — тихое и постепенное удушение. Знала я одну семью. Сейчас ее уже нет. Вся ее история прошла у меня на глазах. Он работал в каком-то почтенном учреждении. И даже преуспевал. Но неожиданно для всех выступил на собрании с обличительной речью. Его сразу же исключили из партии и уволили с работы. Надавили на жену, чтобы она осудила его. Но она отказалась, и ее тоже исключили из комсомола и уволили с работы. И началась для них жизнь — страшно подумать. Случайные грошовые заработки. Постоянные вызовы в милицию и в районный Совет. Угрозы посадить за тунеядство и выслать из Москвы. И так четыре года. И не вздумай заболеть. А ведь в таком положении человек подвержен заболеваниям больше, чем обычно. Поглядел бы ты, как они питались и во что одевались! А от них требовалось лишь одно: покаяться. И все изменилось бы к лучшему. А они упорствовали. Тем временем подрос сын. Надо

в школу. Под каким-то пустяковым предлогом в школу не брали, хотя по законам обязаны были. Три месяца хождения по инстанциям, пока мальчика наконец-то взяли. Но лучше бы этого не случилось, ибо теперь давление началось на них путем давления на ребенка в школе. Как только Они над ним не изгилялись, Боже мой! Причем все это — якобы с лучшими намерениями и с соблюдением всех норм «морали» и «права». До этого жили они в двухкомнатной квартирке, которая досталась им случайно. Раньше у них была одна комната в этой квартире, а другую занимал старик-пенсционер. Поскольку он еще пользовался уважением на работе, он добился себе комнату за выездом (бывшему жильцу дали квартиру), в которую и перевели пенсионера. Пенсионер был доволен. Через некоторое время он умер. И вдруг эту вторую комнату у них отобрали под тем предлогом, что когда-то были нарушены какие-то «санитарные нормы». И вселили им в квартиру пьяницу и дебошира. Что там началось, не приведи Боже! И никакие жалобы в милицию не действовали. И хулиган распоясался. Учителя в школе между тем затеяли дело о лишении их родительских прав, подключив к этому в качестве «свидетелей» соседей по дому, в том числе — и пьяницу соседа. И они не выдержали — покончили с собой. Вместе с мальчиком.

— Но это жестоко, — сказал Мнс. — А мальчика-то зачем они убили?

— У тебя есть дети? А это не жестоко травить из года в год ни в чем не повинных людей? Год за годом, и ни крупницы сочувствия ни от кого!

— Это естественно.

— Не приведи Бог тебе самому оказаться в такой естественности.

— А ты?

— Мне муж категорически запретил встречаться с ними.

Из книги Твари Цель этих ограничений — создать условия, которые обеспечили бы всем без исключения членам общества максимальное развитие личности, расцвет индивидуальности и в то же время гармонизировали отношения личности и коллектива.

Крик Мнс — Довольно! — закричал Мнс, отбросив рукопись Тваржинской.— Максимальное развитие!.. Расцвет!.. Гармония!.. Что это такое? Беспредельный цинизм, беспредельное лицемерие, беспредельный садизм? Беспредельная глупость? Сумасшествие? Заклинания? Молитва? С меня хватит этих помоев!

— Пустая формалистика, — сказал Новый Друг, — не стоит так переживать из-за нее.

— Нам вся эта идеологическая и пропагандистская дребедень кажется пустой формалистикой. Но не забывай о том, что мы рождаемся в ней, живем в ней и умираем в ней. Мы работаем в ней и отдыхаем в ней. Это — атмосфера, которой мы дышим и пропитываем каждую клеточку тела. Это не пустая и бессмысленная формалистика, а серьезное и настоящее дело. Наоборот, вот эти наши разговорчики тут суть лишь пустое и ни к чему не обязывающее времяпровождение. За шестьдесят лет накоплены

сотни миллионов эмпирических подтверждений этому. И только наши идиоты и западные умники могут еще сомневаться в этом. Я приведу лишь пару примеров, но не в качестве аргументов, а с целью пояснения общей мысли. Вот недавно судили члена одного провинциального Комитета Гласности. Он признал свою вину, хотя ни в чем не был виноват, и раскаялся. За это ему снизили срок с двенадцати лет до пяти. Говорят, он болен. И вроде больше двух лет не протянет. Но если так, какая разница — двенадцать или пять? Мог умереть героем, а умрет трусом и предателем. Ради чего? Другой пример — тоже недавняя история с «университетской группой». Там и политики никакой не было. Просто группа (два преподавателя и два аспиранта) стала ставить вопрос о реорганизации кафедры, об очищении кафедры от низкоквалифицированных сотрудников, которые держались лишь постольку, поскольку сотрудничали с КГБ и устраивали персональные дела. Заведующий их поддерживал — они были бывшие и настоящие его аспиранты. Но вот вдруг он их предает. Более того, даже сам подливает масла в огонь и помогает довести историю до уровня политики. Испугался? Ничего подобного. Ему бояться было нечего. Он уже стар. Профессор. Дальнейшее продвижение ему не светило. Удержаться на кафедре он уже все равно не смог бы. Как человек неглупый, он это понимал прекрасно и сам собрался уйти на пенсию. В чем дело? Да в том, что как тот член Комитета Гласности, так и этот профессор всем ходом своей жизни в нашей идеологической атмосфере были приготовлены не к героическим поступкам, а к подлости и предательству. У них мозги были развернуты совсем не так, как мы предполагаем с точки зрения некоторого здравого смысла. Они — наши люди, лишь допустившие временный маленький зигзаг, но вернувшиеся в нужную колею, когда общество этого захотело от них. Да что далеко ходить за примерами! Возьмем нас самих. Вот представь себе, в доме отдыха обнаружили диссидента, власти решили судить его здесь открытым показательным судом. И нам разрешено выступать, как мы того захотим. Будешь ты его защищать открыто и до конца? Нет. Я тоже не буду. И по той же причине: не мое это дело! И с этой точки зрения сочинения этой кагэбевской суки есть нечто страшное: они точно фиксируют нашу реальную гармонию личности и коллектива.

Случайная страничка из прошлого

*Да, с нами всякое бывало...
Вот взвод шаг первый рубанул.
И с места песню затянул
Лихой, веселый запевала.
Услышав песню за версту,
Собаки лаем заливались,
И ветераны распрямлялись,
Как гранадеры на посту.
И, лица спрятав под платком,
Девчонки взгляды вслед бросали.*

*И слезы молча утирали
С морщинок матери тайком.*

— Рота! — скомандовал старшина. — С места песню, шагом марш! Рота ударила первый шаг, как положено, но песня не прозвучала. Рота, — скомандовал старшина, — стой! Это что еще за фокусы?! Без песни обеда не получите! Рота, с места песню, шагом марш! Рота опять рубанула первый шаг, но без песни. И опять старшина остановил роту, и опять предупредил насчет песни, и опять скомандовал. Но рота упорно молчала. А старшина неумолимо стоял на своем: с места песню! Давно уже кончилось время обеда. Кончился «мертвый час». Старшина командовал и командовал свои «марш» и «стой». Рота не прошла и трети расстояния до столовой. Собрались офицеры. Стали высчитывать, когда таким путем рота достигнет столовой. Некоторые хвалили старшину, другие порицали. Кое-кто склонялся рассматривать поведение роты как бунт, а кое-кто считал поведение старшины самодурством. Наконец появился командир батальона, приказал старшине вести роту в столовую, пообещав наложить на всех взыскания. Когда рота ушла, командир батальона сказал, что «ребята, конечно, стервецы, но упорные, и с таким крепким народом мы войну выиграем непременно».

А вечером, после голодного и запоздалого ужина курсанты тайком и поодиночке ходили к политруку роты, каялись и называли «зачинщиков». Другие же также тайком и поодиночке ходили к начальнику Особого Отдела с доносами на «зачинщиков». Ночью собрались офицеры для разбора инцидента. Политрук роты сказал, что ребята хорошие, что с такими сознательными бойцами мы войну обязательно выиграем. Начальник Особого Отдела сказал, что ребята морально здоровые, наши, советские ребята, что войну с такими надежными помощниками партии мы безусловно выиграем. Но наказать «зачинщиков» надо. Начальник штаба сказал, что как раз поступила разрядка на отчисление из училища курсантов в штрафную часть, направляемую сразу на трудный участок фронта.

К утру «зачинщиков» отчислили. Они сиротливо и испуганно жались друг к другу в «Красном уголке», ожидая конвоя для отправки в штрафную часть. Их товарищи сочувствовали им, дарили им теплые вещи, так необходимые на фронте, махорку, сэкономленные куски хлеба, самодельные ножи. Это трогало отчисленных и оставшихся до слез. Они обещали писать друг другу и клялись не забывать. Старшина сказал, что жалко ребят, но ничего не поделаешь. На то она и армия. На то она и война. А с таким душевным народом, как наш, мы войну непременно выиграем.

На следующий день старшина построил поредевшую роту. Рота! — скомандовал он. — С места песню, шагом марш! Рота грохнула первый шаг и хилыми голосами и вразнобой затянула «Катюшу». Отставить! — скомандовал старшина. — Разве это песня?! Запевалы, два шага вперед!! Но никто не выходил. В чем дело? — грозно спросил старшина. Запевал отчислили, — ответили ему. И старшина повел роту без песни. Когда рота проходила мимо штаба батальона, начальник штаба подзвал старшину и приказал завернуть роту обратно: согласно приказу начальника училища

курсанты передвигаться строем обязаны только с песней. После этого рота уныло шлепала с опостылевшей «Катюшей». Услышав хилые и нестройные вопли, командир батальона поморщился. Да, нелегко нам будет с таким дерьмом выиграть войну, — проворчал он.

*Но что такое с нами стало?
Сапог, как прежде, не стучит,
И голос вовсе не звучит?!
...Истлел веселый запевала.*

Накануне отъезда После завтрака отдыхающих взвесили. Врач, одним глазом глядя на взвешиваемого, а другим — в книгу, в которой был записан вес взвешиваемого по прибытии в дом отдыха, сообщал ему радостную весть: он прибавил (это — худым) или убавил (это — толстым) в весе столько-то килограмм. Потом врач мерил давление и опять-таки сообщал гипертоникам, что у них давление понизилось, а гипотоникам, что у них давление повысилось. И все были довольны как тем, что отдых был такой оздоравливающий и интересный, так и тем, что это скучное, утомительное и полуголодное существование наконец-то кончилось.

Прощальный ужин был поистине потрясающим. Дали сосиски с гречневой кашей. И по яблоку. И было вино, деньги на которое собрали заранее. Директор произнес теплую речь. От имени отдыхающих с благодарственным словом выступила Беззубая Докторица. Потом была художественная самодеятельность. Дамочка пела. Пела на сей раз плохо, и ее было ужасно жалко. Но ей, как и всем остальным, аплодировали. Кандидат читал Маяковского. Профессор, поклонник Николкина, прочитал стихи своего собственного сочинения. Две толстые и неопрятные уборщицы из персонала спели частушки с русским переpleсом. Новый Друг сыграл на рояле прелюд Рахманинова и рапсодию Листа. Потом были танцы на приз. Мнс с Дамочкой получили первый приз за вальс — пачку сигарет и флакон одеколona. Потом всей компанией гуляли по полям. Клялись собираться снова в Москве. Было грустно.

— Странное состояние, — сказал Старик. — И осточертелo тут. И домой не хочется. И надоело мы друг другу. И расставаться жалко.

— Не хочется снова окуна́ться в рутину обычной жизни, — сказал Кандидат.

— Мы будем встречаться в Москве? — спросила Дамочка у Мнс.

— Лучше не надо, — ответил он.

— У тебя кто-то есть?

— Есть.

— Понятно. Но запиши на всякий случай мой телефон. Вдруг настроение будет. Знай, скажешь слово — брошу все, сразу приду.

— Спасибо. Желаю тебе всяческого добра. Держись!

— Тебе спасибо. Я тебя буду помнить. Ты добрый. А теперь это такая редкость.

— Оставим людям их недостатки, и мир нам покажется совсем иным.

— Зачем обманывать себя?

— Себя можно. Других не надо.

Потом долго разговаривали с Новым Другом.

— Наше общество складывалось по очень многим параметрам, так что процесс этот необратим.

— Но было в этом процессе что-то объединяющее?

— Конечно. Это — обобществление средств производства.

— Думаешь, и на Западе будет то же?

— Если произойдет обобществление. Не имеет значения, кто и как осуществит это. Может быть, в другой последовательности и в другой форме, но произойдет все то же, что было у нас. Постепенно дело дойдет до власти одной партии. Подавление сопротивления. В общем ничего хорошего.

— Пожалуй, ты прав. И все-таки не хочется думать о том, что на месте Нотр Дам сделают круглый вонючий бассейн, а в Версале поселятся партийные вожди. А в Ватикане устроят антирелигиозный музей.

— Если все это уцелеет.

— Вряд ли. Мы ведь всего лишь форма движения материи.

— Конечно. Но люди обладают способностью выдумывать красивые сказки и верить в них. Кто знает, может быть, сию минуту какой-нибудь мальчик, страдающий за судьбы человечества, изобретает такую спасительную сказку.

— Надеюсь, не коммунистическую.

— О, нет! Такую мразь можно выдумать только один раз.

— Зато навсегда.

— Не торопись с выводами. Еще не все потеряно.

Лишь под утро пришел тяжелый сон. Во сне к нему опять явился Петин.

— Были покушения на Сталина? — спросил его Мнс.

— Были. И по крайней мере одно из них удачное.

— А что было бы, если бы Сталина не было?

— Этого не могло быть. А если бы случилось, то было бы хуже. Режим был бы мягче. К войне подготовились бы лучше. И именно поэтому мы проиграли бы ее. Мы были бы тогда сильнее, и Запад был бы за Гитлера. А если бы победили, было бы еще хуже: не было бы никакого разоблачения.

— А если сейчас...

— Будет хуже. Тот, кто попытается повторить великий образец, совершит величайшую глупость. Его попытка кончится катастрофой.

— Но ведь тебе...

— Мне все равно. Я мертв.

— А мне?

— Ты есть случайность. Сначала — испорченный презерватив, потом — неудавшийся аборт, потом — реанимация. До сих пор реанимация. И никто не знает, жив ты или нет.

Неотправленное письмо к Ней

Что я писал тебе — мура.

Но все же кончить разреши ты.

*Что может завтра быть, вчера
Уже с другими пережито.
И в самом деле, кто ты есть?
Как люди говорят, «сикушка».
Разумней будет предпочесть
Обыкновенную чекушку.
Происходящей жизни вздор
Переживать осточертело...
Я ощущаю с неких пор
Себя как конченное Дело.*

В дороге На завтрак дали фиолетовую картошку. Почему не кашу? — спросил он. Теперь с крупами плохо, — сказала официантка. По выходе из столовой он взглянул на газетный стенд и увидел знакомое лицо. Под портретом — некролог, подписанный высшими лицами Партии и Правительства. Великая эпоха ушла, — сказал Старик. — Пора и нам собираться. Куда? — спросил он. Пока домой, — сказал Старик, — в Москву. Пока...

После их ухода из палаты уборщица разложила на полу в палате грязную простыню, вытряхнула на нее обрывки бумаги из мусорной корзины и начала их просматривать. Одни бумажки она бросала обратно в корзину, другие аккуратно складывала в целлофановый пакет. Среди них — неотправленное письмо к Ней.

Когда, получив свои паспорта, выходили из центрального корпуса, у скульптурной группы «Счастливая семья» отвалился целиком младенец. Осколки загромоздили выход, и им пришлось выбираться через черный ход. Уже сидя в автобусе, они узнали, что у Членкоричи все-таки украли шубу. Это известие сразу подняло настроение. На станцию ехали с шутками и песнями. За автобусом, не отставая ни на шаг, мчался Диссидент. И сидел на платформе до тех пор, пока электричка не унесла отдыхающих в неведомую ему Москву.

Дома Дома соседка отдала ему ключи. Заходила твоя последняя краля, — сказала она. — Сказала, что уезжает куда-то надолго. В комнате было пусто. Не хватало чего-то привычного и важного. Он не стал выяснять, чего именно. Он лег на тахту и уставился в грязный потолок.

*Готовься! Твой скоро час пробьет.
И без излишней проволоочки
Сорвешь, как старое тряпье,
Свои земные оболочки.
Не будешь больше есть котлет
И гнусных каш с подливой рвотной.
Не будешь охмурять Джильетт
Остротой и бородкой модной.
Не вступишь больше в труд чужой
Чужую пошлую цитату.
И не ударишься в запой,*

*Почтив очередную дату.
Никто тебя не оддерет
Втрое за джинсы, как бывало.
И вместе с массаами вперед
Не пошагаешь к идеалу.
Отвертен этот мир. Но ты
В него уж больше не вернешься.
Из предстоящей Темноты
В мир Света ты не вознесешься.*

И Мнс не смог установить, во сне или наяву появился Он.

— А где остальные? — спросил Мнс у Него.

— Я их всех уничтожил, — сказал Он.

— Правильно сделал. Мне они тоже порядком надоели.

— Я знал, что ты верно оценишь мое поведение. Скажи, что случилось с записками Петина?

— Он уничтожил все.

— Вот гнида! А я ведь доверял ему. Я сохранил ему жизнь, гадеясь, что со временем он напишет всю правду обо мне.

— Он обманул тебя. Он вообще был малограмотный и глупый чело-вечишка.

— Жаль! А я думал, что он прикидывается дураком, чтобы выжить.

— Если бы он прикидывался, ты бы решил, что он на самом деле дурак.

— А может быть, ты продолжишь без него? Скоро столетие со дня моего рождения. Очень кстати было бы.

— Бессмысленно. Если бы написал Петин, Они напечатали бы все, что угодно. А мои сочинения дальше КГБ не пойдут.

— Как же быть? Я хочу, чтобы мир знал правду обо мне.

— Поздно! Теперь мир уже никогда не узнает о тебе правду. Петин был твой последний шанс.

— Что же эти мерзавцы сделают со мной?

— Нетрудно преидеть. Официально реабилитируют. Признают, конечно, что ты допускал отдельные ошибки и перегибы, но в целом был последовательным учеником Ленина, твердо проводил генеральную линию партии, имел большие заслуги в коллективизации, индустриализации и в войне. С другой стороны, критиканы будут вопить о твоих преступлениях. Но хрущевское разоблачение уже не повторится. Кстати, ходил слух, будто доклад, который зачитал Хрущев, был приготовлен Берией. Это верно?

— Не совсем. Он был приготовлен Берией, но для меня. Я собирался сделать самый сенсационный доклад в истории. Нечто вроде «О некоторых головокружениях от успехов». И коснуться в нем некоторых ошибок и перегибов на местах и даже в руководстве. Под этим предлогом я собирался убрать Молотова, Ворошилова, Кагановича и других. И Берию, конечно. Но не успел.

— Убрали?

— Нет, это — вздор. Эти трусливые шакалы способны кусать только мертвых.

— Жаль, что все это так и останется неизвестным.

— А литература?! Можно же воссоздать в литературе!

— Нет. Те писатели, которые готовы и будут «воссоздавать», суть бездари и прохвосты. А те, которые талантливы и честны, те понимают, что это им не по силам. Тут вроде бы много надо показать, а показывать фактически нечего.

— А наука?

— Тем более нет. Среди ученых умных и талантливых людей еще меньше, чем среди писателей. Ученые мечутся между двумя крайностями — между необходимостью и случайностью твоего бытия. Наиболее бездарные из них стараются найти диалектическую середину: случайность есть форма проявления необходимости! Но эти категории давно превратились в пустышки.

— Так что же будет?

— Историческая оценка, т. е. заурядная скука.

— Я уйду. Но на прощание ответь мне на несколько вопросов, только откровенно. Если бы ты был перед революцией и знал, к чему она приведет, был бы ты за революцию или против нее?

— За.

— Был бы ты за «белых» или за «красных»?

— За «красных».

— Был бы ты со мной или с другими?

— С тобой.

— Так в чем же дело?

— Переделка прошлого не моя забота.

— Так, значит, мы были правы?

— Нет.

— Но мы действовали в силу необходимости. У нас не было иного выхода.

— Был.

— Какой же?

— Не быть.

— Это годится для будущего, а не для прошлого. Хочу предостеречь тебя: берегись, Они раскусили тебя. Но не думай, что Они лучше меня. Я был лев, в худшем случае — волк. А Они — крысы, в лучшем случае — гниды. Прощай!

В институте В институте никто не проявил радости по поводу его возвращения. Конечно, было не до него — готовились к похоронам Петина и переживали предстоящую смену руководства института. Но вместе с тем было и нечто, связанное с ним лично. Во взглядах сослуживцев и в том, как они здоровались и разговаривали с ним, он почувствовал скрытую угрозу. Даже Сикушка лишь кивнула ему и быстро прошмыгнула мимо. Его это удивило и обидело.

Что случилось? Ты ли это?

Почему прошла ты мимо?

Я ж Ромео! Ты ж Джульетта!

Или это только мнимо?

Постояв несколько минут с поднятыми бровями и приоткрытым ртом, он опустил голову, пожал плечами и побрел в кабинет Тваржинской. Та встретила его сухо, не протянула свою костлявую цепкую лапу и не предложила сесть. Он стоял. Ждал. Смотрел на нее и думал, как могло случиться так, что в этой уродливой полоумной старухе сосредоточилась огромная сила и власть над душами и судьбами людей. Она острым клювом скользила по страницам, как бы принохиваясь к ним. Хотя она была довольна сделанной им работой, он это чувствовал, она не подавала виду и даже не поблагодарила. Посмотрев рукопись, она сказала ему, что он может идти, что она его не задерживает больше.

На малой лестничной площадке хихикали, как обычно.

— Сочинения Петина состоят из научных данных и научных взятых, причем — последние преобладают.

— Знаете, как звали Маркса, когда он был маленьким? Карлик Марксик.

— Участники семинара Смирнящева называются смирнященятами.

— Нам вводят новые звания: философ первой статьи (для тех, кто напечатал первую статью), философ первой категории (для тех, кто придумал свою первую категорию).

— А если много статей?

— Многостатейный идиот.

— Вечер. Горит костер. Над костром — котел. Сидит невозмутимый Чингачгук, помешивает в котле. Рядом лежит Петька. Знаешь, Чингачгук, что-то мне Василий Иванович в последнее время не нравится, — говорит Петька. Не нравится — не ешь, — невозмутимо отвечает Чингачгук.

— Армянское радио спрашивают, что такое Великая Отечественная война. Отвечают: маленький эпизод в большой битве на Малой Земле.

— А знаете, как Чапаев изучал английский?

Проходя мимо кабинета, где должна быть Она, он остановился на мгновение. Зайти, спросить, в чем дело? А, не стоит! Куда же теперь? Звонить новой знакомой по дому отдыха не хотелось — он устал от ее жалоб. Пить тоже не хотелось. Да и не с кем. Да и не на что. Хотел заглянуть в «Вопросы», но тоже раздумал. Если захотят напечатать, напечатают и без его посещений. А не захотят, посещениями не поможешь. От него вообще тут ничего не зависит. А что вообще есть зависящее от него?

На большой лестничной площадке он остановился и закурил. Скользнул взглядом по стенгазете, повешенной к предстоящему празднику. На первом (заглавном) листе изображен Брежнев в маршальском мундире и со всеми наградами. Изображен тридцатилетним красавчиком. Потом прочитал объявление о том, что сегодня во столько-то состоится инструктаж правофланговых первомайской демонстрации. Раньше список правофланговых вывешивали. В этом году на всякий случай засекретили.

Что дальше? Зайти в отдел кадров и под каким-либо предлогом расписаться в книге прихода-ухода или уйти так, не расписываясь? Подошел Учитель. О чем задумался? — спросил он. О том, что лучше — быть самостоятельным одноклеточным организмом или клеткой в заднице мыслящего существа, — ответил Мнс. Ну, и к чему же ты склоняешься? —

спросил Учитель. К тому, что лучше уйти, не расписываясь, — сказал Мнс.

На лестнице к нему прицепилась уборщица. Он не понимал, в чем дело. А она кричала на него. Вот вошь, — подумал он, — наверно пронохала что-то. Удивительный же мы народ! Как только замечаем, что кого-то можно бить безнаказанно, кидаемся все скопом и кусаем, как можем.

Он вышел на улицу и пошел обычным маршрутом к дому — мимо Ленинской библиотеки, приемной Президиума Верховного Совета, Университета, «Националя», Совмина. Около Маркса он задержался. Вокруг памятника полчища голубей с остервенением пожирали пищу, которую им из пакетиков сыпали пенсионеры. К Марксу они не подходили, а тот не обращал на них никакого внимания. Подлые и похотливые твари, — подумал Мнс. Он взглянул на Маркса, но тот встретил его взгляд с гранитным равнодушием.

На Лубянке величественный Железный Феликс, обтекаемый потоками автомашин, смотрел куда-то в неведомое будущее. Не видно было никаких переодетых агентов. Неужели их убрали? — подумал Мнс. — Вряд ли. Скорее всего я отвык от них и утратил чутье.

Во дворе на детской площадке группа молодых парней выпивала. Опустевшие бутылки они били о «грибок». Осколки падали в песочницу. Один парень отделился от группы, вышел на улицу и упал поперек тротуара. Ребята, — сказал Мнс его собутыльникам, — оттащите его во двор, его же в вытрезитель заберут. Пусть забирают, — ответили ему. — И мотай отсюда, пока бороду не оторвали. Тоже учитель нашелся! Да, — подумал Мнс, — никакой романтики пьянства нет. Есть мразь пьянства. А романтика пьянства есть лишь выдумка трезвых трепачей. И литературный прием. Надо с этим делом кончать.

Похороны Петина Как потом писали в стенной газете института, похороны Петина «вылились в яркую демонстрацию единства и монолитности советской философии». С утра все здание гуманитарных институтов, двор перед зданием и отрезок улицы до здания редакции журнала «Коммунист» были забиты идеологическими работниками, съехавшими со всех концов страны и из братских социалистических стран. Из Киева приехала целая делегация во главе с очень прогрессивным, но преуспевающим несмотря на это философом Непейвода. После хрущевского доклада, когда казалось, что Петин вот-вот погорит, Непейвода резко критиковал философские ошибки Петина, вследствие чего и прослыл прогрессивным. Потом, когда буря в столичной помойке улеглась, так и не начавшись, Непейвода, успевший к тому времени перескочить через две ступеньки служебной карьеры, попросил Петина быть оппонентом на защите его докторской диссертации. Петин согласился, конечно, и очень хвалил диссертацию, благодаря чему Непейвода поднялся еще на одну служебную ступень. Приехав в Москву, Непейвода встретился со столичными прогрессивными философами (со Смирняшевым, Субботиным, Тормошилкиной и другими). Оправдывая свою фамилию, он пил только водку. В порядке пьяной откровенности он признался, что приехал своими собственными глазами убедиться, что «этот негодяй и подонок» (он имел в виду Петина) подох на самом

деле. На другой день, однако, он произнес проникновенную речь о покойном во время траурного митинга.

Для поддержания порядка во время похорон прибыла в большом количестве милиция и в еще большем количестве переодетые агенты. Боялись, что появятся уцелевшие жертвы Петина или их родственники и учинят диссидентские беспорядки. Глупые опасения, — подумал Мнс. — Подлинные жертвы Петина стоят в почетном карауле у гроба, произносят хвалебные речи или терпеливо смотрят и слушают. Жертв нет, есть только соучастники. Мнс оказался прав. Жертвы пришли и принесли... венки. Они хотели сначала написать на ленте, что венок — от жертв отдельных ошибок и перегибов. Но им сказали, что это делать неприлично, и они написали: от бывших соратников по борьбе.

Бесперывно грохотал оркестр. Приезжал даже один из секретарей ЦК и простоял несколько минут в почетном карауле. Единение на самом деле было полное. Тваржинская появилась, держа под ручку с одной стороны явного антисемита Рабиновича, а с другой — тайного сиониста Сидорова. Тормошилкина стояла, прижавшись к профессору Васькину из ВПШ, который написал на нее донос в ЦК, и поддакивая своему аспиранту из университета, на которого она сама написала донос. Булыга одолжил свой носовой платок академику Евчуку, который не смог сдерживать слез, вспоминая, как они с Петиным отражали атаки «меньшевиствующих идеалистов». Академика Канарейкина ввели под руки Смирняшев и Барабанов, а Субботин шел впереди, требуя освободить дорогу академику. Учитель шепнул Мнс, что Петин, если уж говорить начистоту, был не такой уж сволочью, как мы об этом думаем, и не таким уж дураком и невеждой. И еще не известно, будет ли новый директор лучше его. Кстати, ходит слух, будто директором будет Непейвода. Сейчас украинская группировка в руководстве является доминирующей и повсюду пропихивает своих людей. А мне все равно, — ответил Мнс, — пусть хоть китайская группировка побеждает. Ты прав, — сказал Учитель. И направился к группе Смирняшева, Сазонова, Субботина.

Потолкавшись в зале, заметив нескольких знакомых переодетых агентов, которые тоже его узнали и подмигнули ему, и не найдя желающих составить ему компанию (смыться отсюда и отметить событие где-нибудь в более подходящем месте), Мнс выбрался из толпы и побрел куда глаза глядят. Лишь бы подальше от этого желтого дома, — думал он. — По похоронам Петина можно судить о том, до какой степени будет реабилитирован Сталин и реставрирован сталинизм. Похороны явно компромиссные. Новодевичье кладбище — это не Кремлевская стена. И секретарь ЦК по идеологии — не сам Сулов. Реабилитация и реставрация будет чисто внешней и формальной. Во-первых, нынешние вожди сами считают себя фигурами не менее важными, чем Сталин и его соратники. Во-вторых, никто не рискнет и не захочет объявить себя учеником и продолжателем дела Сталина. Ученики и продолжатели дела Ленина — это само собой разумеется. Но не Сталина. Вот через час-другой бросят последний ком земли на могилу Петина, завалят ее цветами. И с этой минуты даже ближайшие холуи

Петина перестанут упоминать его имя. Великая эпоха уходит в прошлое, унося с собой свои тайны и уступая место исторической лжи.

Ну, а ты смог бы заявить себя последователем Сталина? — услышал он в себе неведомо чей вопрос. Я смог бы, — подумал он. — Я хотел бы хотя бы один раз ворваться ночью в чужую квартиру, увидеть побледневшие лица и трясущиеся руки, приказать следовать «за нами». Хотя бы раз выполнить ответственное поручение, причем — «любой ценой». Хотя бы раз... Стой! О чем ты?! Боже, до какой мерзости может додуматься даже такой человек, как я! Так чему же мы удивляемся?! Наш человек не просто внешне, но и внутренне способен на любую пакость, если она официально оценивается как действие во имя, ради, для... И больше внутренне, чем внешне. Внешне наш человек может быть лодырем, халтурщиком, обманщиком даже в осуществлении пакости. Внутренне — никогда. Но хватит об этом. Со смертью Петина умерла и проблема Сталина. Я свободен!

Но так ли это? А что, если именно теперь он утратил всякую свободу, ибо сам он, строя свои личные расчеты, был лишь фактором в расчетах других? Эта мысль поразила его, и он внезапно остановился. Переодетые агенты по инерции налетели на него и чуть не сбили с ног. Извините, — сказал он им, — я задумался. И он продолжил свой путь, уже не думая ни о чем.

Предпраздничные дни Приближались «майские праздники». В магазинах росли очереди и испарялись нужные продукты. В учреждениях высокого ранга выдавали праздничные «пакеты». В учреждениях пониже такие пакеты выдавали высшим лицам, а прочим выдавали по несколько штук на отдел, и сотрудники разыгрывали их по жребию или делили на части. Москва очищалась от змиего мусора, от психически неустойчивых личностей и ненадежных элементов. В райкомах партии проводились инструктажи руководителей праздничных колонн, а те затем инструктировали правофланговых. На улицах и в общественных местах утроилось число милиционеров, удесятерилось число народных дружинников. Переодетые агенты сновали и топтались повсюду и в таких количествах, что даже резкое движение рукой в карман за спичками кончалось проверкой документов в милиции и наведением справок. Свыше было дано строжайшее указание не допустить никаких эксцессов, и оно неукоснительно проводилось в жизнь. На секретном заседании Политбюро, слухи о котором сразу же расползлись по Москве, Председателю КГБ и Министру ВД было сказано прямо: если произойдет политический скандал, встанет вопрос о вашем переводе на другую работу. По тому, как переодетые агенты отнеслись к Мнс с явным безразличием, он понял, что за ним смотрят в оба. К чему бы это? Он вроде бы не диссидент. И пока еще не псих. Неужели те идиотские шуточки не дают Им покоя?! Смешно!

По мере приближения праздников число пьяных на улицах и в транспорте (даже в метро) стало возрастать с каждым днем в геометрической прогрессии. Этому явлению найдено строго научное объяснение. Причин тому много, главные из них — следующие. Во-первых, число пьяных растет

вообще, как и все прочие показатели нашей страны. Во-вторых, с приближением тепла все пьяные вылезают на улицу, а не отлеживаются дома и в подъездах чужих домов. В-третьих, число забираемых в милицию и вытрезвители в связи с приближением праздников сокращается, поскольку власти идут навстречу чаяниям трудящихся (с одной стороны), а все места для пьяных в милиции и вытрезвителях давно переполнены (с другой стороны), — пример поразительного единения партии и народа. В-четвертых, каждый раз к общим причинам примешиваются частные. В прошлом году, например, власти сделали так, что у трудящихся пропала Пасха. И они, в особенности неверующие партийные алкоголики, в знак протеста начали пить с удвоенной силой. В этом же году, наоборот, Пасха оказалась в воскресенье, накануне Майских праздников, и трудящиеся в предвкушении четырех выходных подряд начали пить с удесyтеренной силой еще за две недели до этого. Причем как всегда во главе шли коммунисты-атеисты-алкоголики, ведя за собой прочую беспартийную и темную верующую массу, которая теперь состоит в основном из рафинированных интеллигентов, знающих иностранные языки и слушающих западные враждебные радиостанции.

Суббота В субботу он поехал к родителям. Родители встретили его без особой радости. Мать жаловалась на болезни, на дороговизну, на отсутствие в магазинах нужных продуктов и очереди. Упрекала в том, что он до сих пор не взялся за ум, что губит свои способности. Кивала на других, которые уже кандидаты и даже доктора. Отец давал умные советы. Пить отец бросил совсем — печень. И потому в доме не было ни грамма спиртного. Насчет денег, говорили они в один голос, теперь туго. Отец получил «садово-огородный» участок. Далеко, правда. Но участок хороший. Надо домик строить. А это теперь больших денег стоит. Они сами надеялись, что он защитит диссертацию и... но мать все-таки не устояла и «одолжила» из «своих» пятьдесят рублей. От родителей он вышел в смятении. И ему впервые за всю прожитую короткую жизнь стало страшно. Идти было некуда. Делать было нечего. Ничего не хотелось.

Днем он пил. Вечером его прихватила с собой какая-то пьяная компания. У нас как раз одного мужика не хватает, — сказали ему. Пьяная и довольно неприятная на вид «девица» осмотрела Мис и сказала: беру, заверните! Часам к трем ночи угомонились, свалились где попало и занялись любовными делами (кто был еще в состоянии), не гася света. Во сне он видел тьму и слышал чей-то голос. Если к тебе никто не проявляет внимания, — шептал Голос, — и ты чувствуешь себя одиноким, есть один единственный способ одолеть одиночество: прояви сам внимание к другим. Если хочешь, чтобы люди были добры к тебе, будь добр сам. Кто ты? — спросил он. Я есть ты, — ответил Голос. — Помни: мир является нам таким, каким он исходит из нас самих. И никакой иной мудрости в мире нет.

Пасха С рассветом очухались, похмелились и отправились в церковь.

После толкучки в церкви гуляли в парке и вели умные разговоры. Кто-то предложил продолжить. Но кто-то сказал, что ему завтра на демонстрацию, и потому надо выспаться. Мнс пригласил новую знакомую к себе, но она отказалась. Ты у меня не один, — сказала она. — И вообще, считай, что между нами ничего не было. И они распрощались.

Дома к нему сразу же появился пьяный сосед. Принес пару стаканов водки и тарелку, на которой лежали кусок колбасы, пара шпротин и кусок кулича. И он с благодарностью принял этот великодушный дар. Христос воскрес, — сказал сосед вполне серьезно. И они опорожнили стаканы. От демонстрации на сей раз отвертелся, — сказал Сосед. — С меня хватит. Как в колхоз, на овощную базу или на демонстрацию, так я. А как квартиры, путевки или премии, так начальство и ихние холоуи.

Потом он спал. Во сне к нему явились марксистские цитаты. Все они были голые, старые, безобразные, наглые и похотливые.

Гимн марксистской цитате

*Над нами властвует закон:
На свет появишься едва ты,
Гремит в ушах твоих трезвон
Марксистской выпрєнной цитаты.
За парту сел — они уж тут, —
Непогрешимы, вечны, святы.
Внушают, требуют, зовут,
Ликують грозные цитаты.
Подрос, и стал уже не тот.
Но все равно не шел б куда ты,
Как с бородой анекдот,
Тебя преследуют цитаты.
Ты поработал, как ишак, —
Всегда свежа, всегда крылата, —
И тут не кинет ни на шаг
Тебя гремящая цитата.
Приходит время погулять,
Отметить праздничную дату,
И в морду пичкают опять
Тебе железную цитату.
Из забегаловки бредешь
Домой порядком наподдатый.
И вдруг тебя бросает в дрожь:
На крышах светятся цитаты.
Но вот в унылую кровать
Падешь от суеты устатый.
И начинают разрывать
Твой мозг опять они, цитаты.
Одна — из тьмы времен шуршит,*

*Мудра, жирна и волосата.
За нею лысая спешит,
В кепчонке с пуговкой цитата.
Но вот, затмивши их собой,
Нетороплива и усата,
Ведет полки цитат на бой
Генералиссимус цитата.
Вдруг неожиданно для всех
Из кукурузного початка,
Как говорят, курям на смех
Катится шариком цитатка.
И, отпихнув ее, как танк,
Косноязычна и бровата,
Возведена в маршалский ранг,
Бормочет длинная цитата.
Придут преклонные года,
И исключат тебя из штата,
Но не надейся, и тогда
Не бросит бдить тебя цитата.
Когда же ты в конце концов
Покончишь с жизнью дебаты,
Ты повстречаешь Там творцов
Тебя dokonчившей цитаты.*

Первое мая Первого мая проснулся он от ликующей праздничной музыки — Сосед включил на полную мощность телевизор. Передавали демонстрацию трудящихся на Красной площади. Показывали в основном Мавзолей, руководителей, Генсека. И изредка демонстрантов, которые несли портреты Генсека, Ленина, руководителей, Генсека, Генсека, Генсека... Море портретов. И через каждые несколько минут торжественный голос диктора приводил цитаты из речей Генсека, цитаты из речей руководителей со ссылками на Генсека, речи трудящихся со ссылками на Генсека, с благодарностями Генсеку. Он спрятал голову под подушку, чтобы не слышать этого ликующего грохота. И снова уснул.

И приснилось ему, что он — совсем маленький, что укачивает его молодой и веселый отец, и что отец поет ему смешную песенку:

*Даже страшный осьминог
Без восьми спит задних ног.
Даже хищная акула
Пасть сомкнула
И заснула.
Так что баюшки, бай-бай,
Спи, мой мальчик, засыпай.
Сон увидишь — как в раю.
Только в общем спи строю.*

Проснулся только во второй половине дня с мыслью о том, как бы успеть перекусить, похмелиться и подумать о вечере и завтрашнем выходном дне. Все-таки это кошмар, когда много выходных. На работе хотя бы время незаметно летит. Люди. Хочешь не хочешь, а общаешься. Разговорчики. Трезвые разговоры все-таки интереснее пьяных. Пьяные разговоры — невнятное мычание, мат, омерзительные сентименты, банальные навязчивые фразы. Надо кончать пить, и за дело. Кое-какие идеи, думал он, у меня есть. Если их систематизировать и хорошо обработать логически, неплохую книжонку можно сделать. Книжку, конечно, напечатать не дадут. Но статью пробить можно. Надо обдумать, как ухитриться ее напечатать, чтобы наши стражи передовых достижений мировой науки не пронюхали заранее. Узнают — наверняка зарубят, сволочи.

На улице он сразу почувствовал, что за ним смотрят. Но обнаружить, кто именно смотрит и откуда, не смог, и это ощущение уже не оставляло его ни на минуту. Он позвонил по нескольким телефонам, но безуспешно. Учитель сказал, что уезжает к родственникам. Знакомый был уже пьян и мычал нечто невразумительное. И даже Дамочка сказала, что она сегодня вечером и завтра занята, и попросила позвонить на той неделе. Он зашел в магазин, взял пару бутылок вина (какое осталось) и кое-какой закуски, которую в обычное время не стал бы есть даже он. И побрел домой, чувствуя на своей спине пристальный, но неуловимый взгляд. Можно было бы подцепить какую-нибудь бабу. Но, поколебавшись несколько минут, он решил на сей раз обойтись без этого. Пора в конце концов начать здоровый, нравственный образ жизни.

Праздничный сон Потом он опять пил. И опять спал. И привиделся ему прекрасный праздничный сон. Вдруг все осветилось голубым и розовым светом. Его втолкнули в бесконечный огромный зал. Он сразу узнал, что это — актовый зал института. Но почему он стал таким большим и прекрасным? Взглянув в сторону стола президиума, он понял, в чем дело. На месте гипсового бюста Ленина высилась гигантская бронзовая статуя Брежнева с высоко поднятыми бровями. Справа от нее стоял старый бюст Ленина, а слева — такой же бюст Сталина. Во всю стену — лозунг «Помни, мерзавец, что ты находишься не где-нибудь, а в полном коммунизме!». Чуть пониже — выдержки из Морального Кодекса Коммунизма: «За всякое недовольство — смертная казнь», «За появление потребностей сверх положенных — смертная казнь», «За... — смертная казнь»... За столом президиума заседает Аттестационная Комиссия во главе с Тваржинской. С одной стороны от нее — кретин в третьем поколении Барбанов, с другой — параноик с третьем поколении Смирнящев. По бокам стола и во втором ряду — члены комиссии: Субботин, Тормошилкина, Сазонов, Учитель, Татьяна, Старик, Сикушка, Гуру и все остальные. Ожидают прибытия представителей «Летающих тарелок» — тарелян. Тареляне возникают из ничего точно в срок на специально предназначенном для них месте. Впереди — три маленьких зеленых карлика гнусного вида, за ними — три атлетически сложенных и прекрасных гиганта. Это наши слуги, биороботы, — сказал главный зеленый карлик, указывая на гигантов. Мы их вывели

на одной из подопытных планет в результате долгой эволюции. Погибло миллиард миллиардов гуманоидов такого рода, прежде чем получились эти экземпляры. Как видите, недурно получилось. Можно, пожалуй, начинать.

Тваржинская открыла заседание Чрезвычайной Аттестационной Комиссии. На повестке дня, — объявила она, — один вопрос: переаттестация Мнс на новый срок на ту же должность. Ввести переаттестовываемого! Переодетые агенты заломили Мнс руки за спину и подтолкнули к столу президиума в специально предназначенное для этой цели углубление. Немигающими пустыми глазами Тваржинская прицелилась в лоб Мнс, и он стал уменьшаться и глубже опускаться в пол, до тех пор, пока от него на поверхности не осталась одна голова. Кретин Барабанов зачитал анкетные данные Мнс, параноик Смирняшев охарактеризовал его научную деятельность, делая при этом упор на свой личный вклад в мировую науку. Затем выступали члены комиссии. Добронравов сказал, что Мнс собирается взорвать Кремлевский Дворец съездов. Учитель сказал, что Мнс готовит покушение на Председателя КГБ. Сикушка сказала, что Мнс хотел ее совратить и обзывал Тваржинскую сукой. Татьяна сказала, что Мнс создал антисоветскую организацию, что он пьяница и бабник. Приняв позу толстой голой бабы с картины Рубенса и адресуясь больше к тарелянам, чем к комиссии, доктор Субботин спросил, имеет ли Мнс разрешение от КГБ на ношение бороды. Мнс пролепетал, что он собирается подать соответствующее прошение, но столкнулся с некоторыми трудностями. Во-первых, без разрешения КГБ он не имеет права носить бороду, но чтобы подать прошение о бороде, он должен явиться с бородой. Во-вторых, чтобы в КГБ смогли сделать вывод о целесообразности или нецелесообразности бороды, проситель согласно одному пункту инструкции должен явиться с бородой, а согласно другому — без бороды. В-третьих, согласно постановлению ЦК о бороношении все граждане обязаны оставаться в том виде, в каком их застало постановление. И он, Мнс, теперь не имеет права сбрить бороду для того, чтобы прийти в КГБ без бороды для подачи заявления о бороде. Наконец, с наступлением коммунизма, государство вместе с КГБ отмерло, так что он, Мнс, не знает, к кому обращаться с просьбой о бороде. Тваржинская сказала, что КГБ — не государство, а самостоятельность населения. Присутствующие заплодировали. Переодетые агенты наступили Мнс на голову и вдавили его в пол. Тареляне сказали, что одобряют решение комиссии, что они давно наблюдают за Мнс и считают его не отвечающим их замыслам. Я тебе покажу, мерзавец, какая я «сука», — прошипела Тваржинская.

Сон Второго мая он тоже пил и спал. И тоже видел сон.
второго мая Во сне к нему явился Незнакомый. Все дело в том, — сказал он, — как и в чем человек защищен и в чем он беззащитен. У нас человек защищен так и не защищен так, что он для самосохранения вынужден быть изворотливым, осторожным (считай — трусливым), беспринципным, ненадежным — он должен быть именно таким, каковы мы и есть на самом деле. С дикими животными нам сражаться не нужно. Выходить с мечом или шпагой на поединок за личную честь

или честь рода не нужно. Если кто оскорбит, есть коллектив, есть партбюро, есть суд. Проявлять личную инициативу с риском для карьеры не нужно. Потеря состояния нам не грозит. С другой стороны, мы бессильны перед мелкими укусами соседей по квартире, по транспорту, по очереди. Мы бессильны перед продавцами в магазинах, перед мелкими чиновниками в конторах. На работе мы в каждом пустяке во власти коллектива и руководства. Я уж не говорю о КГБ. Можно составить полный перечень качеств индивида и полный перечень его соприкосновений с прочими людьми и вообще с окружением. Затем — просмотреть, какие качества практически не нужны и какие упражняются регулярно. И мы высчитаем самих себя безошибочно. И высчитаем все возможные отклонения от нормы. Например, если человек смел, открыт, прямолинеен, мы все считаем его чокнутым. Ведь факт? У психиатров молчаливо признано считать отклонением от нормы «чрезмерную» смелость, «повышенное» чувство справедливости и прочие качества, которые раньше считались (да и сейчас еще считаются в нашей лживой литературе) положительными. И они правы, вот что самое ужасное. Нас нисколько не удивляют факты трусости, лицемерия, холуйства, стяжательства, беспринципности. А если среди нас появляется мужественный, правдивый и бескорыстный человек, это в нас вызывает раздражение. Мы не успокоимся до тех пор, пока не низведем его до общего уровня или пока не вытолкнем его из своей среды. Как видишь, все тривиально просто.

Чем все это кончится? — спросил Мнс. Ничем, — сказал Незнакомый. — Но в общем все будет прекрасно.

*И победит добро. Настанет Вечный Мир.
И как себя, мы ближнего возлюбим.
И, взявшись за руки, придем на общий пир,
И чашу здравия и радости пригубим.
И скажет тот, кто во главе стола,
Что, мол, окончилось извечное мученье,
Что жизнь отныне и навек стала,
Как предсказало марксово ученье.
И мы должны поэтому понять,
Что в новом обществе не место кислым рожам,
И если кто тут вздумает стонать,
Того как пережиток уничтожим.*

Бодрствование В ночь со второго на третье ему не спалось. И он вспомнил про тарелян. И они появились. Но теперь впереди снова были красивые гиганты, а безобразные карлики сзади. Ты не окончил свое доказательство, — сказали они. Мне надоело доказывать, — ответил он. — К тому же разум все равно бессилён убедить разумные существа. И если вы так уж хотите, я dokonчу свою мысль.

Исследование нашего общества тем методом, который я схематично очертил вам, позволяет предсказать все существенные тенденции этого общества на все времена, пока оно будет существовать. Я говорю о предсказании

тенденций, а не конкретных деталей. Например, невозможно предсказать моды, одежды, тип мебели, прически, имена вождей, хотя соответствующие специалисты и тут, надо полагать, способны кое-что предусмотреть заранее. А предсказание основных тенденций общества предполагает очень сильные допущения, например — отвлечения от стихийных бедствий, от войн, от эпидемий.

Все население страны будет прочно закреплено за определенными территориями, а на них — за определенными учреждениями. Перемещения будут производиться только с разрешения и по воле руководящих инстанций. Произойдет строгое расслоение населения, и принадлежность к слою станет наследственной. Исключение, может быть, будет сделано лишь для интеллигенции, которая вообще не будет иметь потомства, всегда будет выходить из трудящихся, будет плотью от плоти и прослойкой, в общем — будет устранена интеллигентская традиция и преемственность. Законсервируется бюрократическая иерархия. Определенная часть населения будет регулярно изыматься в армию рабов для особого рода неприятных и вредных работ и для жизненно непригодных районов. Будет строго регламентировано не только рабочее, но и свободное время индивидов. Будут строго регламентированы все средства потребления. Будет в божественный ранг возведена вся система чиновничества. Главе партии будут воздаваться божеские почести. Вся творческая деятельность будет деперсонифицирована. Продукты творчества будут обозначаться именами директоров, председателей, заведующих учреждениями и партийных руководителей. Никакой оппозиции. Полное однообразие мыслей, желаний, целей, действий. Будет создана особая система развлечений для разных слоев населения. Бездуховное развлекательное искусство. Все достижения науки и техники будут использоваться привилегированными слоями в своих интересах. Другим слоям будут перепадать лишь крохи. Разница в образе жизни между господствующими слоями и прочими будет подобна разнице в образе жизни между жителями современной животноводческой фермы и животными, которых они разводят. О «трудящихся» будут заботиться на тех же основаниях, на каких заботятся о животных. Идеологическое засилие будет чудовищным. Ложь, насилие над личностью, подлость будут пронизывать все звенья общества. Регулярно будут вызывать «временные трудности», т. е. специфически коммунистические кризисы, выходом из которых будут массовые репрессии, авантюры, войны. Население будет обречено на мелочную борьбу за существование до такой степени, что будет исключена всякая возможность для него обдумать свое положение. Карательные органы будут пресекать малейшие намеки на неповиновение и критику. Продолжать? Я тоже думаю, что этого вполне достаточно. Так что вы на это скажете?

Но их уже не было. Они исчезли. Стойте! — закричал он им вслед. — Я не сказал вам самого главного. Коммунизм есть ложное решение проблем цивилизации, и потому он так соблазнителен. Он есть раковая опухоль на теле цивилизации. Если вы явились из Бездны, я вас не приемлю. Если же вы посланники Неба, берегитесь! Перед человеческой подлостью бессильны даже боги.

Но они его уже не слышали. Они были далеко. А над ним уже склонился подлинный спаситель — Сосед.

Мечта Что случится, если меня вот сейчас возьмут? — думает
о счастливом Мнс, отлеживаясь после недельного «загула». Пока еще
конце загула, а не запоя. Загул есть лишь стадия на пути к запоя, а не запой. Причем, стадия еще не последняя: после загула идет перепой, а уж после него запой. А за что брать? Не за что. Но, допустим, возьмут за что-то. Если захотят взять, причину изобретут. Это для Них не проблема. Так что же все-таки случится? Кирусик, упившись валерьянкой и усосавшись валидолом, разнесет по институту весть, что «Мнс взяли» и что «теперь такое начнет твориться!». Ничего такого, конечно, твориться не будет, поскольку оно уже давно начало твориться. Прогрессивные силы института сделают вид, что ничего вообще не произошло. Стоит ли волноваться из-за такого ничтожества, как Мнс?! Вот если бы академика или генерала взяли, тогда были бы основания волноваться и шум поднимать. Из этого не следует, что они подняли бы шум, если бы увели академика или генерала. Скорее наоборот, они подписали бы обличающее и осуждающее письмо, подготовленное реакционными силами, как они это уже делали ранее не раз.

А вообще, — думает Мнс, — надо закружаться. Пора и о счастливом конце подумать. А почему бы ему не быть? Все данные для него налицо: молодой парень, красивый, умный, образованный, с бородой, в джинсах, иностранным языком владеет, отдельную комнату имеет. Не старший научный сотрудник? Подумаешь, какое дело! Потерплю еще лет пять и старшим стану. Другие дольше ждут. Могут жену найти с квартирой и хорошей зарплатой. Возьму, например, да и женюсь на той же Беззубой Докторице. У нее двухкомнатная квартира. Обменяем ее квартиру и мою комнату на трехкомнатную квартиру в Юго-Западном районе. Теперь многие так делают. Не нравится Докторица? А чем она хуже других? Вставь ей зубы, помой и приодень! И увидишь, что после этого ее хоть для «Плейбоя» фотографируй. В крайнем случае потом разведусь с ней, и она откупится от меня однокомнатной квартирой в кооперативе. Теперь многие так делают. Не разменивать же шикарную трехкомнатную квартиру. Ну, уж если Докторица очень не нравится (сердцу не прикажешь!), могу жениться на этой Сикушке. У нее тоже есть восьмиметровая комнатуха в двухкомнатной родительской квартирке. Устроим сложный обмен и приобретем однокомнатную квартирку где-нибудь на окраине Москвы. Ну, чем не жизнь?! Что еще нужно?! Не ты первый, не ты последний. А там, глядишь, лет через восемь—десять и в доктора пролезу. И за границу съезжу. Приму участие в международном... о, мечта юности!.. симпозиуме или даже коллоквиуме. Замшевую куртку привезу! Разве это не жизнь?! Сейчас всякие критиканы и клеветники кричат о потере смысла жизни и идеалов. Да как можно! Значит, не ведают эти критиканы о том, что такое международный коллоквиум и что такое настоящая замшевая куртка. Так ведь эта самая куртка Там (т. е. у Них) в переводе на наши деньги всего полсотни стоит, а Здесь (т. е. у Нас) — все четыреста. И это вам не смысл?! И это вам не идеал?!

Мнс имел все основания мечтать о счастливом конце. Бывали случаи и потяжелее, да счастливо кончались. За несколько лет до этого в институте совсем кошмарный случай произошел. Но даже он счастливо кончился. Тваржинская, выступая по поводу этого счастливого окончания этого кошмарного случая, извлекла из него общетеоретический вывод, сделав тем самым значительный вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма: она заявила, что при коммунизме несчастные случаи не исключаются, но все они кончаются счастливо. А случай, о котором идет речь, вот в чем заключался. Был в учреждении партийный секретарь, верный марксист-ленинец, непоколебимый проводник генеральной линии партии. У него была одна маленькая слабость: любил часто менять женщин. В результате он подцепил однажды дурную болезнь и наградил ею десяток сотрудниц учреждения. Причем все десять были тоже верными марксистами-ленинцами, непоколебимыми проводниками генеральной линии партии. Страхась разоблачения, секретарь покончил с собой. Поскольку факт самоубийства скрыть не удалось, дело представили так, будто секретаря затравили безответственные критиканы. Все десять его жертв выступили на похоронах и заявили, что секретарь хотя и допускал отдельные мелкие ошибки, но был верным марксистом-ленинцем, непоколебимым проводником генеральной линии партии. Настроение у всех собравшихся на похоронах было приподнятое, просветленное. Его не смог испортить даже такой крупный специалист по порче настроений, как Добронравов. Он ворчал ехидно, что ошибки не такие уж отдельные, их было по крайней мере десятков. И не такие уж они мелкие. Спать с бабами с большим партийным стажем, да еще по месту работы — это простительно молодому кандидату в члены КПСС, но не старому, опытному коммунисту, имеющему отдельную квартиру и свободное посещение учреждения. Но и Добронравов в конце концов признал, что секретарь был отличный мужик, и что он (Добронравов) очень рад тому, что эта грязная история кончилась для него (Секретаря) так удачно.

Путь в Желтый Дом По дороге в Желтый Дом он встретил Шубина, который направлялся туда же после праздничного перепоя. Я тоже много лет был мнс, — разоткровенничался Шубин. — Моя жизнь все время висела не то что на волоске, а на паутинке. Меня много раз собирались увести куда следует. Но мне повезло: началась та самая «либеральная» эпоха, с которой до сих пор не могут разделаться наши власти, поддерживаемые тем самым народом, с которым они (наши власти) хотят разделаться. И вместо «куда следует» меня позвали в дирекцию. Позвали как раз в тот момент, когда я валял дурака на малой лестничной площадке, выдвигая новые дурацкие лозунги вроде «Наш народ любит свой народ». В дирекции меня ждал заместитель директора по кадрам. Он встал, пошел ко мне навстречу, приветливо улыбнулся, протянул ручку, похлопал по плечу, подмигнул как близкому другу, усадил в мягкое кресло рядом с собой, положил одну руку мне на колено, а другой ухватил за пуговицу на пиджаке, которая висела, как и я до этого, на ниточке. Я описываю эти детали не из стремления быть реалистом и продолжать лучшие традиции классической русской

литературы, а как важные элементы в процедуре социального поведения нашего человека, т. е. как добросовестный и внимательный социолог. Для меня как человека тоже нашего эта процедура была исполнена глубочайшего смысла. Если бы замдиректора, например, встал, пошел мне навстречу, улыбнулся, пожал руку и похлопал по плечу, это почти наверняка означало бы, что он сейчас попросит подготовить для него материалы по такому-то вопросу, т. е. написать ему кусок в статью или книгу. Но в сочетании с прочими деталями этой встречи упомянутые действия замдиректора означали, что в моей жизни сейчас наступит коренной перелом. Я скромно опустил свое тощее (тогда) тело в мягкое кресло, и тоже в соответствии с положенным ритуалом поведения, т. е. лишь на одну ягодицу, влоборота к замдиректору, готовый в любую секунду вскочить и воскликнуть с восторгом готовности: «Будет сделано!» Мне не жалко было даже того, что замдиректора сейчас оторвет мою висающую на ниточке пуговицу, а найти в Москве аналогичную теперь практически невозможно. Да Бог с ней, с пуговицей. Я и без нее проживу. Раз такое начинается, так я готов и пиджаком пожертвовать. А то какая-то жалкая пуговица! Молодец! — сказал замдиректора с неким новым акцентом, отвечающим духу новой эпохи. — Будем тебя продвигать (он хотел сказать: продвигать). Есть, значитца, решение талантливую молодежь (мне было уже под сорок!) выдыхать (он хотел сказать: выдвигать). Мы, значитца, обсудили тут твою кандидатуру. Есть, значитца, у тебя недостатки, чего греха таить. Но в общем и целом ты наш человек. Вот мы и решили, значитца, в старшие тебя двыхать (в смысле: двигать) и в доктора проталкивать. Это — большое доверие Партии, и ты обязан его оправдать.

Я был на седьмом небе от радости и поклялся оправдать доверие Партии и быть именно таким, как это требуется родному и любимому начальству. Я пообещал не только не появляться больше на малой лестничной площадке и не заниматься там болтовней, подрывающей наше учение, но вообще не появляться в институте, за исключением дней выдачи зарплаты и заседаний, на которых нельзя не присутствовать. И пить пообещал бросить. Само собой разумеется, я обещание не сдержал и в тот же день впал в грандиозный загул — тогда я еще держался на стадии загулов. Но от меня и требовалось лишь само обещание прекратить «это безобразие», а не само прекращение «этого безобразия». Молодец! — сказал мне тогда замдиректора. — С пьянством надо кончать. Пей дома, потихоньку, в кругу семьи. Это тебе никто не запрещает. Пей, сколько душе угодно. Но чтобы без шума. И без этих самых разговорчиков. Понял? А так пей себе на здоровье. Официант ресторана, в котором мы отмечали намерение начальства продвигать «талантливую молодежь», кончил когда-то наш факультет. Узнав причину нашей радости, он признался, что ему на днях присвоили звание капитана госбезопасности, и приписал в наш счет двадцать пять рублей сверх обычной жульнической приписки. Но мы ему простили, ибо он тоже был наш человек. Вскоре я на самом деле проскочил в старшие сотрудники, пробыв младшим всего восемь лет. Мне повезло. Твое положение хуже. Почему? Да потому, что либеральная эпоха могла начаться только раз. А начавшись

однажды, она уже не может позволить себе такие фокусы, какой она выкинула в свое время со мной и многими другими. Она уже научилась распознавать в таких, как мы, некое чужеродное нашему обществу начало и принимать против нас профилактические меры.

Мнс хотел спросить Шубина, почему тот считает его, Мнс, чужеродным явлением в нашем обществе. Но тот, высказавшись, уже позабыл о своем ничтожном собеседнике и свернул в «Вопросы идеологии» занять полсотни до получки.

Последняя шутка В секторе идет обычный женский разговор — растут цены, приходится часами бегать по магазинам за самыми обычными вещами, в транспорте толкучка и времени много пропадает, с детским садом трудно, неизвестно, куда податься в отпуск, долги... Мнс сел на драный диван и погрузился в свои неведомые мысли. На него не обратили внимания. Раздался телефонный звонок. Тебя в дирекцию вызывают, — сказала Мнс секретарша, — срочно! Им все надо срочно!

На малой лестничной площадке идет обычный мужской треп.

— Выпустили новую зубную пасту. Со знаком качества, конечно. И вдвое дороже. Знаете, как называется? БАМ! А на рекламном листочке — стих:

*Знай! Зубная паста БАМ
Тебе будет по зубам!*

— Не пойму, что это — утонченный юмор или отсутствие такового? А дальше идет перечисление ингредиентов пасты. Обалдеть можно! Витаминов в ней больше, чем в лимонах и винограде. Почистишь зубы — выплевывать жалко.

— Знаете, кто самый выдающийся хлебороб в стране? Конечно, Брежнев. На Малой Земле, а какой урожай наград и званий собрал!

Около научного кабинета Тормошилкина, только что вернувшаяся с симпозиума из Парижа, делится своими впечатлениями.

— Ой, девочки! Сейчас там такие комбинашки делают! Представляете, тут вот... хи-хи-хи!.. ничего нет. Здесь — завязочки. Дернешь — и она у твоих ног. Эффект умопомрачительный. Приезжайте, покажу. А трусики! С ума сойти можно! Вот, глядите, я парочку приобрела.

— Ой, Нелька, уступи одни!

— Я подумаю. Я немного пополнела, и вот тут немного режет. Если не растянется, уступлю. Но имей в виду, это не так-то дешево.

— Само собой!

На большой лестничной площадке идет треп на темы высокой политики.

— Картер, в общем, со своими правами человека погорел.

— Этого следовало ожидать.

— А Щипанский все-таки причастен к ЦРУ.

— А как же иначе? Если его друг Лупанский — шпион, то было бы странно, если бы Щипанский не был им. Представь себе, мы с тобой живем в одной комнате, вместе пьянствуем, вместе шляемся по бабам и по иностранцам. Я, допустим, агент ЦРУ. Так неужели я тебя не сагитировал бы?

— Само собой!

— Но все-таки улучшения какие-то будут. Я расцениваю поездку Брежнев в ФРГ весьма оптимистически. Экономические связи со счетов сбрасывать нельзя. Они в конечном счете решают дело.

— Бесспорно! Брежнев все-таки молодец. Все эти награды, почести, юбилеи и прочее, конечно, очень смешно. Но пусть Они там лучше награждают друг друга и перевозносят, чем сажают.

— А теперь вроде бы и не сажают. Что-то ничего не слышно на этот счет.

— А «Рабочая группа»?

— Это не в счет. Это — обыкновенные психи. Нет, друзья мои, возврата к прошлому все равно нет. Постепенно и у нас будет эта «демократия». С нашим народом сразу нельзя. Надо постепенно. И не для всех, а сначала для образованных и деловых кругов. Потом...

В коридорчике, ведущем в дирекцию, Мнс столкнулся с девочкой из научного кабинета. Она проскочила мимо, опустив глаза и не поздоровавшись. Секретарша директора молча кивнула Мнс на кабинет директора. В кабинете сидели начальник первого отдела и двое незнакомых мужчин, Мнс сразу же узнал их. Когда Мнс вошел, все они встали, но на его приветствие не ответили. Один из мужчин сказал, что им надо поговорить с Мнс, но не здесь. Мнс пожал плечами и молча направился к выходу. На сей раз я покидаю институт методом увода, — подумал он, пересекая большую площадку. И усмехнулся. — Жаль, никто не сможет оценить эту шутку.

*Случится однажды
с тобою беда.
Тебя уведут.
Может быть — навсегда.
Возьмут тебя молча
у всех на виду.
Не скажешь ты Им:
не хочу, не пойду!
Отец не увидит,
не кинется мать
Последнего сына
у Них отнять.
Отважно не крикнут
товарищи Им:
Он друг наш,
в обиду его не дадим!
Они промолчат.
И о чем толковать?
Зачем поняпрасну
собой рисковать?
Не раздадутся
коллег голоса.*

*Они отвернутся
и спрячут глаза.
От них одиноким
уйдешь в Никуда,
Не оставив в их памяти
даже следа.*

НАЗИДАНИЕ

В нашем обществе такие люди, как Мнс, суть очень редкое исключение. Даже в учреждении профессиональных думателей и говорунов, в котором работал Мнс, он был одиночка. В его окружении было много людей, похожих на него. Но они суть явления иной породы. Они суть среда для таких, как он, но он не есть элемент среды для них. Кроме того, тут действует социальный закон резонанса, по которому обычные люди начинают думать и говорить подобно Мнс лишь в присутствии таких существ, как Мнс, что создает иллюзию, будто их много. Эти исключительные существа играют для своего окружения роль генератора идей, роль катализатора думательного и говорильного процесса. Даже молчание этих существ провоцирует окружающих на мысли и слова такого рода, какие описаны в этой книге.

Конечно, Мнс не типичен для нашего общества. Но он более, чем типичен: он характерен. В таких индивидах концентрируется то, что малыми дозами, фрагментарно и случайно распределено по многим другим людям. И в этой своей концентрированности они выглядят как исключения, хотя концентрируют в себе лишь то, что свойственно в той или иной мере их окружению. Быть таким индивидом — значит, выполнять определенную характерную роль в обществе. Общество само выталкивает отдельных индивидов на эту роль. Но происходит это не часто — обществу и не требуется их много. И не всегда общество в них нуждается. Даже тогда, когда оно в них нуждается, ему не всегда удается выделить на эту роль подходящего индивида, и потребность удовлетворяется иными средствами или гложет неудовлетворенной. Такой индивид должен выделиться из массы людей за счет своих личных качеств, которые в требуемом сочетании встречаются не так уж часто: он должен быть достаточно образованным, умным, остроумным, способным, непутевым, бескорыстным, некарьеристичным, добрым, находчивым, нетрусливым и даже чуточку аристократичным. Посмотрите вокруг себя: много ли таких людей вы заметите в поле своего внимания? В реальности такой индивид бывает далеко не ангелом. Он обладает и отрицательными качествами. Вы видели, что Мнс обладает в изобилии таковыми. Но они не влияют на характер исполняемой им роли.

В чем конкретно состоит роль таких индивидов, как Мнс, в обществе? Они воплощают в себе некое романтически-страдательное самосознание общества, тоску по неосуществимым идеалам, тоску по невозможности некоего просветленного, возвышенного начала в обществе и многое другое в том же духе, чему нет еще подходящего научного наименования и определения. И появляясь, они своим существованием проявляют общество с этой точки зрения — обнажают некое общественное подсознание, образующее скрытую основу всей прочей духовно-интеллектуальной сферы общества. Отчасти этим определяется и отношение к ним общества: оно готово мириться даже с резкой критикой своих язв, но оно не хочет обнажать подноготную своего здоровья.

Роль таких индивидов не следует смешивать с ролью беспристрастного познания общественных явлений (хотя такой элемент тут есть) и с ролью критиков язв общества (и такой элемент тут есть). Людей, которые более или менее верно понимают окружающее общество, довольно много даже

у нас, несмотря на то, что научно правильное понимание общества считается преступлением или является привилегией секретных организаций. Что касается критиков язв, то почти каждый гражданин нашего общества способен на это в подходящем настроении, а в нетрезвом состоянии он ни на что другое вообще не способен, кроме разоблачения.

Не надо, далее, смешивать роль таких индивидов с ролью циников и шутов. Цинически-шутовское отношение к обществу распространено очень широко. Циники и шуты есть повсюду. В правящих слоях общества их не меньше, чем в подвластных. Общество относится к ним довольно терпимо. Хотя оно и не выпускает их на первые роли (для этого нужна хотя бы видимость веры и серьезности), оно позволяет им многое. Носителям же и выразителям романтически-страдательного отношения к обществу никогда не позволяют подняться даже на первую ступень социальной иерархии. Их стремятся низвести до уровня цинически-шутовского или познавательно-критического, а если это не удастся, исключить из себя и уничтожить. Общество производит их как свой продукт, но такой продукт, который является чужеродным для него и подлежит выбросу в качестве эксcrementa. Это — отходы духовной жизнедеятельности общества. Оно стремится избавиться от страдательного элемента своего подсознания, собрав и спрессовав кусочки его в особое тело. Индивид такого типа, как Мнс, аккумулирует в себе болезненную часть подсознания общества для того, чтобы очистить от него общество. Последнее не становится от этого здоровее. Но формальная операция выброса должна состояться.

Индивид такого типа, как Мнс, опасен обществу не столько тем, что он аккумулирует в себе болезненные явления подсознания общества, сколько тем, что он способен осуществить эту аккумуляцию лишь благодаря своему особому социальному качеству: он — индивидуалист. Вы сами видели, что он готов был примириться с существующим строем жизни, но у него ничего из этого не вышло. Думаете, не успел? Вряд ли это так. Ну, пронесло бы на этот раз, а где гарантии, что не погорел бы в другой? Дело тут в том, что общество само не захотело с ним примириться, ибо оно разгадало в нем эту самую страшную для себя опасность — индивидуалиста. Именно поэтому общество позволило и даже помогло отобрать его в качестве марионетки в задуманном свыше представлении и таким необычным способом избавиться от него.

Чтобы описать, что такое индивидуализм, надо одновременно описать его противоположность — коллективизм. Без этого нельзя понять, почему коллективизм есть норма для нашего общества, а индивидуализм — отклонение от этой нормы, почему индивидуализм враждебен и опасен нашему обществу, почему именно индивидуализм становится выражением наиболее глубоко запрятанных духовных механизмов общества. Я позволю себе несколько подробнее высказаться на эту тему, ибо никакая другая проблема не вульгаризирована и не опошлена до такой степени, как эта. Причем трудно сказать, кто больше усердствовал в этом направлении — апологеты нашего общества или его враги.

Индивидуализм и коллективизм имеют некоторые основания в биологической природе человека как психическая ориентация внутрь себя (назовем

ее инсайдизмом) и вовне (аутсайдизмом). В этой зародышевой форме они свойственны всякому нормальному человеку. Когда та или иная ориентация у отдельного человека получает преимущественное развитие и доминирует, получаются инсайдисты и аутсайдисты как психологические типы. Такие типы точно так же свойственны всякому обществу в той или иной пропорции, в тех или иных формах, соответствующих условиям данного общества. Упомянутое разделение черт психологии и психологических типов не абсолютно. Это — типичный пример научного упрощения. В реальности грани между рассматриваемыми явлениями неопределенны и подвижны. Человек в одних ситуациях может проявлять одни черты, в других — другие. И типы эти различаются только по отношению к определенным видам действий и условий. Но такое разделение правомерно и даже обязательно как шаг в понимании интересующего нас феномена нашего общества.

Хотя эти явления общечеловеческие, лишь в определенных социальных условиях различия между ними оказываются жизненно важными, лишь в определенных условиях они становятся социальными качествами социальных индивидов и социальными типами, обозначаемыми терминами «индивидуализм», «коллективизм», «индивидуалист», «коллективист». Условия эти — скопления больших масс людей, в которых жизнь и судьба людей существенным образом зависят от самого того факта, что люди вынуждены жить в данном их скоплении. Ниже я опишу эти явления уже в их развитых и очевидных формах, в каких их можно заметить в современном обществе.

С поведенческой точки зрения индивидуалист предпочитает действовать в одиночку, независимо от других людей. Стремится к деятельности такого рода, где это возможно в большей мере. Если действует в коллективе, стремится занять обособленное положение или выполнять функции, по возможности не зависящие от других. Не следует это смешивать со стремлением к привилегированному положению. Иногда тут есть совпадение. Но не всегда. Индивидуалист готов поступиться привилегиями и выполнять более тяжелую и менее доходную деятельность, если она дает ему какую-то независимость от деятельности других людей. Я имею в виду само осуществление деятельности и ее продукты, а не служебное положение или социальные позиции. Индивидуалист не избегает привилегий и даже может стремиться к ним, если с привилегиями связана независимость его поведения, деятельности. Коллективист же предпочитает действовать в группе, в контакте с другими людьми, делающими с ним одно единое дело. Стремится к деятельности такого рода, где это возможно в большей мере. Если действует в одиночку, стремится свое дело представить как частичку общего. Индивидуалист избегает сборищ, стремится выделиться из толпы. Будучи вынужден быть в группе или в толпе, стремится сохранить самостоятельную линию поведения. Коллективист стремится к сборищам, стремится примкнуть к группам, кастам, партиям, толпе. В массе людей ведет себя по законам массы, не выделяясь из нее. Не следует это смешивать с такими явлениями, как стремление к карьере или отсутствие такового, стремление к лидерству или отсутствие такового. Коллективист может стремиться к лидерству, к карьере, к привилегиям, к возвышению над толпой. Но — в массе людей, через коллектив, в коллективе, в толпе

и с толпой. Коллективист даже более склонен к возвышению над окружающими, к лидерству, к карьере, чем индивидуалист. Для коллективиста это — его поведение и роль в толпе, в коллективе. Для индивидуалиста же — лишь средство отделиться от коллектива. Индивидуалист стремится пробиваться в жизни за счет индивидуальных способностей и личного труда, т. е. лично. Коллективист же пробивается вместе с коллективом, за счет коллектива, за счет своей роли в коллективе. Если индивидуалист волею обстоятельств имеет предметом своей деятельности других людей, он и в этом случае главным орудием своей деятельности считает свои таланты руководителя и свой личный труд.

С психологической точки зрения индивидуализм и коллективизм не следует смешивать с эгоизмом, эгоцентризмом, альтруизмом, мизантропией, общительностью, замкнутостью и прочими качествами того же рода. Коллективист может быть эгоистом и эгоцентристом, ненавидеть людей, быть замкнутым. Индивидуалист может быть общительным, может любить людей, может избегать привлечения к себе внимания. Коллективист может быть шкурником, может предавать свой коллектив за свои мелкие выгоды. Он не обязательно ставит интересы коллектива выше своих личных. Индивидуалист может быть преданным коллективу, может жертвовать своими интересами ради коллектива. Дело тут совсем не в этом. Индивидуалист психологически самодостаточен. Он ощущает себя как целостную и суверенную личность. Он обладает некоей психологической оболочкой, охраняющей его психику от некоего растекания и предохраняющей ее от посторонних вторжений, — личностной оболочкой. Коллективист же ощущает себя личностью лишь в качестве частички более сложного целого — коллектива. Никакой личностной оболочки он не имеет. Потому он склонен вторгаться в души других людей и допускает других в свою собственную. Наша советская интимность, переходящая обычно в хамство и пошлость в отношениях между людьми, есть характерное проявление коллективистской психологии. Индивидуалист предпочитает держаться от людей на некоторой дистанции, протестует против вторжения других людей в тайники своей души. Индивидуалист склонен к своим собственным, независимым от других мнениям, вкусам, суждениям. Коллективист склонен принимать навязываемые ему другими мнения, вкусы, оценки. Коллективист психологически есть лишь частичка личности-коллектива, индивидуалист же содержит в себе все потенции целого коллектива.

С идеологической точки зрения индивидуалист воспринимает себя как некую суверенную державу, как существо, имеющее самодовлеющую ценность, и автономное. И в других людях индивидуалист признает такие же суверенные существа. И даже к коллективу, в котором вынужден вращаться индивидуалист, он относится как к равноправному существу. Он отвергает принцип «Интересы коллектива выше интересов личности». Он принимает принцип «Интересы членов коллектива по отдельности и коллектива в целом равноценны». Коллективист же воспринимает себя как часть или функцию суверенного целого — коллектива, принимает принцип «Интересы коллектива выше интересов личности», фактически истолковывая его как принцип «Мои интересы в качестве члена коллектива (т. е. совпадающие

с интересами коллектива как целого) выше интересов тех членов коллектива, которые идут вразрез с ними». На практике принцип коллективизма реализуется в формуле «Все мы дерьмо», а принцип индивидуализма — в формуле «Все мы боги». Индивидуализм есть самая высокая оценка личностного начала в обществе, коллективизм — самая низкая. Они, подчеркиваю, различаются не по отношению к коллективному началу в обществе, а исключительно к личностному. Индивидуализм не означает недооценку коллективного начала, а коллективизм — переоценку его. Спор между ними идет в отношении к человеку, а не к коллективу. Для коллективизма ссылка на важность коллективного начала в обществе есть лишь аргумент в споре и материал для самооправдания. Для индивидуалиста человеческое общество есть объединение полноценных и суверенных «я», а для коллективиста лишь само объединение есть «я», лишь «мы» есть «я».

Одним из путей реализации принципов индивидуализма является общество с гражданскими свободами и с правами личности. Разумеется, этот путь не абсолютен, не идеален, не безупречен. Но все же индивидуалист имеет больше шансов появиться и уцелеть в этом обществе, чем в другом. Классическим воплощением принципов коллективизма является коммунистический тип общества. Так называемое буржуазное общество не есть общество, в котором господствует индивидуализм. Просто в этом обществе процент индивидуалистов несколько выше, чем в обществе коммунистическом (но еще вопрос, выше ли он, чем в обществе феодальном), индивидуалисты здесь имеют больше шансов уцелеть и преуспеть, влияние их на жизнь общества в целом заметнее.

Коллективизм как способ поведения, как форма психологии и как форма идеологии делают индивида более приспособленным к сложным условиям современного общества, чем индивидуализм. Коллективист гибче, подвижнее, изворотливее, чем индивидуалист. А когда речь идет об обществе коммунистическом или об островках коммунизма в других обществах, то коллективизм оказывается максимально адекватным самим основам общества. В коммунистическом обществе каждый социально активный индивид прикреплен к некоторому первичному коллективу, через который он отдает обществу свои силы и способности и получает соответствующую его социальной позиции долю продукта, от которого существенным образом зависит его судьба. Поэтому общество специально культивирует здесь коллективистов. Даже индивиды, которые в иных условиях могли бы стать индивидуалистами в силу природных задатков, подгоняются здесь под общую норму, подобно тому, как прирожденные левши принуждаются быть правшами.

Наше общество прилагает все силы к тому, чтобы индивидуалисты не появлялись. Но они все-таки появляются. Общего объяснения этому феномену нет. Они появляются как-то вдруг, вроде бы совершенно неожиданно. Как порой появляется отдельный длинный волос на видном месте, которое вы тщательно бреете каждый день и разглядываете на свету. Бреете, разглядываете, как бы чего не осталось несбритым, и все-таки однажды вдруг замечаете этот чудом уцелевший волосок. Так и с индивидуалистами в обществе. Обнаружив несбритый волосок, вы стараетесь сбрить его, а если это не удается, вырываете его с корнем. Точно

так же поступает и общество с индивидом, который чудом избежал превращения в коллективиста и вырос в индивидуалиста. Коллективу жить с таким исключением из общего правила еще более неудобно, чем гладко выбранному человеку появляться в приличном обществе с тем самым волоском, нагло торчащим на видном месте.

Индивидуалист все же отличается от того раздражающего вас отдельного волоска на бритой физиономии хотя бы тем, что играет и некоторую положительную роль. Он самим своим существованием напоминает нам о том, что мы все-таки в какой-то мере суть потенциальные «я», лишь трансформирующие это свое «я» в угоду другим «я», выступающим в качестве полномочных представителей воображаемого «мы». В обществе постоянно сохраняются виды деятельности, с которыми хорошо справляются лишь индивидуалисты. Это главным образом суть виды творческой деятельности, в которых коллектив в принципе или фактически в данных обстоятельствах не способен заменить отдельного человека, в которых коллектив не имеет никаких преимуществ перед индивидом. Так, Мнс был способен создать выдающийся идеологический текст, который не могут создать десятки тысяч идеологических работников совместно. Но индивидуалист играет свою положительную роль так, что становится опасным для нормальной жизни общества. Он самым фактом своего существования дает понять людям, что им за потерю их «я» заплатили слишком дешево, что они на самом деле отреклись от него не во имя возвышенного «мы», а во имя корыстных интересов таких же ничтожеств, как и они сами. Он играет роль, подобную роли правильного зеркала в обществе уродов, которые по идее должны были бы быть красавцами, что вызывает злобу и отравляет существование. Он опасен не тем, что раскрывает тайны бытия и зовет к преобразованиям, а тем, что существует вопреки всему и несмотря ни на что, существует, хотя не должен существовать. Выполнение же упомянутых видов деятельности создает угрозу возвышения индивида над прочими смертными не по законам данного общества, а вопреки им, что создает соблазнительные образцы. Он есть угроза порчи самого вещества общества, т. е. человеческого материала, образующего это общество.

Исчерпывающим образом проблему индивидуализма решил Митрофан Лукич, о коем я уже упоминал в предостережении. Увидев Мнс, медленно бредущего по коридору от большой лестничной площадки в сторону малой и не обращающего на него (на самого Митрофана Лукича!) ни малейшего внимания, Митрофан Лукич оторопел от изумления и вымолвил только одну короткую, но чрезвычайно глубокую по мысли фразу: «А по-че-му?!» Мне как бывшему солдату было совершенно ясно, что именно хотел сказать этим Митрофан Лукич: он хотел сказать то же самое, что сказал бы в свое время маршал Буденный, увидев в кавалерийском полку, гарцуящем по Красной площади мимо Мавзолея, человека в дражных джинсах, с длинными, давно не мытыми волосами, с клочковатой бородой и книжкой на непонятном никому языке вместо шашки. Можете себе представить, что сказал бы по сему поводу упомянутый маршал?! Кстати, именно эта, исполненная глубокого смысла фраза Митрофана Лукича, а не доносы стукачей о разговорчиках на малой площадке и не

высшие соображения на Лубянке и Старой площади, вынесла окончательный, не подлежащий обжалованию приговор Мис. Она подвела итог всему. Ею и можно было бы закончить книгу. Это было бы вполне в духе лучших традиций мировой литературы — ставить вечные проблемы и тем самым будить сознание передовой части человечества. Но все же хочется в нарушение традиций извлечь и какие-то позитивные уроки из сказанного. Я знаю, что такое извлечение уроков есть наиболее занудная часть человеческого бытия, и потому не буду утруждать читателя длинными назиданиями. Ограничусь лишь одним, который мне импонирует больше всех:

*Первейший жизненный урок
Постиг я, будучи еще солдатом в обреченной роте:
Когда не в ногу с прочими идешь
И вопреки всему наивно ждешь,
А вдруг из этого какой-то выйдет прок,
Иди напротив.*

Москва 1978 — Мюнхен 1979

Achévé d'imprimer
sur les presses
de l'Imprimerie Raymond Fawer S.A.
le 15 avril 1980
à Renens/Lausanne (Suisse)

L'illustration de la couverture est d'Alexandre Zinoviev